

ДО КОНЦА
сентября

Мевандр

— Ох, девочки, я уже хочу быстрее пройти этот свадебный квест, и жить-поживать тихонько. Маленький домик, русская печка... — Пол деревянный, лавка и свечка! Котик-мурлыка, муж работающий! Вот оно счастье! Нет его слаще! — привычно подхватили девушки любимую песню, расхохотались, привлекая внимание мужчин к своей компании. — Котик есть, муж скоро будет, лавка и свечка появится. Девки, жизнь прекрасна! — резюмировала Ирина. — И мою жизнь уже ничем не разрушить, замужество незыблемо, как правление Елизаветы Второй. Да и что для нас с Виталей свадьба? Ничего не изменится, никаких неожиданностей. Квартиру купим больше метражом, дом на лето почти есть, детей будем стряпать, лепота! Расскажи мирозданию свои планы...

— А что это — «любят»? — Беллигури вдруг стала серьезной.

— «Любят»... — Андрей задумался. — Это когда один человек уходит, а другому человеку без него плохо.

«Подземелье ведьм».

(8 апреля, воскресенье. +6)

- Виталь, посмотри, какой дом продают, — Ира повернула ноутбук. — И участок большой, двадцать четыре сотки, дом новый. Дороговато, конечно, да и далеко, но планировка, как я хочу, и лес рядом, речка прямо за участком.

— Угу, прибавь еще к этому «счастью» комаров, ос, мух, клещей, местных алконавтов не забудь, — мужчина даже не взглянул на экран, поморщившись брезгливо.

— Но ведь мы мечтали...

— Зая, мечтаешь о пасторальной деревенской картинке вместо приличных пляжей у нас ты, я тут причем? А там нет ничего хорошего, поверь. Тем более, даже если гипотетически прикинуть, нет у нас денег, сама хочешь шикарную свадьбу, сколько уже потратили? А это еще тебе платье не купили, мне костюм маловат. Ресторан этот... Не я решил в Пирамиде[1] праздновать, а отец твой.

— Ну не в Маке же, Виталик! Не жадничай, тем более, папа ресторан заказал. А маме путевки на Кудахити уже оплатила.

— Угу, ты мне этим всю жизнь притыкать будешь? Только и слышу — «папочка, мамочка», как будто мне их на работе не хватает. Сделай лучше чаю, хоть что-то самостоятельно, без папиной помощи.

— Чего ты взвился? Не понимаю... Ладно, не злись. Бутербродиков нарезать? Я буженину запекла, — закрыв ноутбук, девушка встала с дивана.

— Зай, какие бутербродики на ночь? Я и так растолстел, как баба на Привозе, в зал ходить после твоих пирожков и запеканок не успеваю! Ладно, давай два. Но с зеленью сделай!

— Думаешь, калории на ноль помножатся?

— Ой, ничего не надо! Все, я спать.

Обиделся, надо же... Иногда Ире казалось, что роль принцессы в их семье отведена не ей, что стоят его сборы по утрам на работу — носки не того цвета, рубашка не подходит к галстуку, галстук — к рубашке. Костюм этот опять мал. Ну, склонен к полноте, чего стесняться, она ж его и такого любит!

За домашними делами — в стиралку вещи закинуть, перемыть посуду, погладить на завтра Витале рубашку, мысли успокоились, и опять вернулись к дому. Ожидая окончания цикла стирки, Ира снова открыла ноутбук, пролистнула фотографии участка. Одноэтажный небольшой дом с мансардой, большая терраса, практически вся мебель и техника для жилья оставлена владельцами.

Для успокоения души открыла другие предложения, но нет, тот, в маленьком поселке, запал в душу красивыми видами, и был так похож на ее мечту!

Погуглила название поселка, удивилась, что в нем есть и почта, и магазины, и приличная больница, а не медпункт. А, рядом санаторий, лесопилка, может, поэтому так

неплохо развита инфраструктура для села в две тысячи человек, да и деревень вокруг множество. Да, далековато от Казани, до райцентра пилить девяносто километров, и еще тридцать до места, но природа какая! Речка, лес огромный, как в детстве, в деревне бабушки.

Может, правда, с отцом поговорить насчет денег, а потом уже Витальку перед фактом поставить? Ну, надуется, но не его же деньги, да и сумма для отца не катастрофическая, уговорить можно, в качестве подарка на свадьбу. Решив завтра же поговорить с отцом, Ира улыбнулась счастливо, посмотрела на жениха. А сейчас в душ, и спать.

Забравшись под одеяло, Ира обняла любимого, игриво пробежала пальцами по его плечу.

- Не сегодня, зай, рано вставать, — пробормотал мужчина, отворачиваясь.

— Спокойной ночи, милый...

Ирина повернулась на спину, уставилась в потолок. Нужно уснуть, пока Виталя храпеть не начал, но сна не было. И что-то царапало нежную кожу, причиняя дискомфорт. Провела ладонью по простыне под спиной — так и есть, крошки. Опять точил в постели печенье!

Сколько раз говорила, все как об стену, невозможно же! Вон и обертка из-под подушки торчит предательски. Третий год игнорирует ее просьбы есть за столом, и, будто нарочно, перед сном схочмячит в постели сладкое, и, непременно — спрятавшись под одеялом.

Раньше эта его привычка Иру умиляла, сейчас же ничего, кроме раздражения, не вызывала. Но, сама виновата, позволила сразу, не пресекла, что теперь высказывать претензии. Ладно, после свадьбы все изменится.

[1] Культурно-развлекательный комплекс в центре Казани.

(9 апреля, понедельник, +8)

Проснувшись, как всегда, в обед, не вставая с постели, Ира позвонила отцу, потом лучшей подруге, и, чихнув, выползла из-под теплого одеяла. Опять простудилась, нос заложило. По привычной схеме борьбы с простудой согрела молока, из блистера выдавила две таблетки. Только ближе к свадьбе простуда не свалила, а то вместо «да» чихнет невеста.

Представив ситуацию, Ира рассмеялась, включила музыку. Собрала мусор, вышла к мусоропроводу. Опять сосед накидал на лестнице чинариков. Ира сама курила, хоть эту привычку Виталик не одобрял, но подобное отношение к чистоте и к труду уборщицы бесило, а все просьбы не мусорить, или убирать за собой, соседи игнорировали.

Нет, ей не трудно убрать, но как же бесит!

— Ты опять изображаешь Золушку? — подруга Женька, игнорируя лифт, для красоты фигуры после родов всегда и везде поднималась только по лестнице. — Привет, дорогая. Что ты нянчишься с соседями, не понимают слов — позови Бахтияра, мигом его парни приведут твою Галину Ивановну с ее домочадцами к общему знаменателю.

Таких, как Женя, в Средневековье немало погибло на кострах: блестящие волосы по изящной спине, заботливо окрашенные профессионалами до антрацитового блеска, губы — сок вишни, высокие скулы, аккуратной лепки нос, с чуть угадывающейся горбинкой.

В школе и в институте Женьку называли «электровеник», сослуживцы же дали меткое определение — «ведьма на помеле», но за глаза и шепотом. В этом была доля правды, Женя не ходила спокойным шагом, — врывалась, как ураган, сметая всех на пути.

Черное кружево блузки, обтягивающее сочную грудь, выглядывало из распахнутого пальто, тяжелая юбка в пол, на широком кожаном ремне, разрез сбоку до крутой линии бедра будило мужскую фантазию, являя жадным взглядам кружево чулок и тисненую кожу сапожек. Крупные камни двух перстней на тонких пальцах, длинные, ухоженные ногти. На другой такой наряд смотрелся бы вульгарно, но только не на Женьке.

— Привет, Жень, ну их, еще Бахтиярчика на такую мелочь дергать. Идем скорей, дело есть!

Подруги расцеловались, поднялись в квартиру. Горя новой идеей, Ира вымыла руки, открыла ноутбук:

— Смотри, какая прелесть!

— Дай сначала что-нибудь пожевать, специально в обед к тебе заехала, на ланч не пошла.

Пока Ира накрывала на стол, подруга внимательно изучила предложение продажи, скинула ссылку себе.

— Выставлено хозяевами, лишних посредников не будет. Ир, хороший вариант, плюй на расстояние, полтора часа на машине — по городу иногда больше наездишь, вон, я вчера на Ямашева[1] в такую пробку влетела — и ногти подпилила, и термос кофе вылакала, все ролики на ютубе пересмотрела, с соседями по пробке познакомилась. Кстати, попался приличный мужик, стоматолог, разведен. Завтра иду на свидание.

— Хорошо иметь подругу-риелтора! — рассмеялась Ира. — Обедай, я пока одеваюсь, доедем до папы, мне поддержка твоя нужна, просить такую сумму, а когда ты рядом, отец

лоялен к моим просьбам. Потом к нотариусу.

— К дядьСаше? На работу? Предупредила бы, я б по полному фаршу нарядилась, — сердце забилось быстрее от мысли, что увидит отца подруги.

— Зачем? Ты выглядишь шикарно!

— Ира! Ты замуж собираешься, это я в свободном полете, а у дяди Саши в офисе непуганое стадо яйценосителей! Ты Пингвинчика там же выловила, не забывай.

Ира поморщилась от прозвища, что прилепила подруга ее жениху, но не стала возражать.

— Дядя Саша еще не собрался жениться на своей очередной, как ее, Алине?

— Вроде, нет. Даже на свадьбу он один собирается, без этой куклы говорящей. Да, отцу скажу, что деньги нужны на свадьбу.

— Подруга, да ты врать не умеешь, лучше правду, потом не скроешь такую информацию.

— Нет, вдруг откажет. А я очень хочу этот дом купить, много смотрела разных участков, но тянет к этому, даже снился сегодня.

— Ну, если тянет. Не понимаю я твою тягу к деревенской жизни, Ир. Цветочки-листочки, это, конечно, здорово, но сама подумай, придется контактировать с местными, а это другой менталитет, другие понятия, уклад жизни.

— Ты сейчас говоришь, как Виталик.

— Вот еще одна проблема. Вы же в разные стороны смотрите, не поедет он за тобой в деревню, как жена декабриста. Он сам недавно оттуда выгреб, из своего Юдино[2], а ты его глубже затолкать хочешь.

— Васильево[3], - автоматически поправила подругу Ирина.

— Один овощ.

— Все устроится, Жень, я чувствую. А люди везде одинаковые, смотря как к ним относиться, так и они к тебе будут.

— Оптимистка. Много твоя соседка хорошо к тебе относится? — допивая чай, Женька еще залезла ложечкой в креманку с вареньем.

— Жень, вот тебе пример другого менталитета, кстати. И здесь, в городе, под боком. Я попробую в том поселке пожить, может, в августе, посмотрю, разведу обстановку.

— Потом не говори, что я не предупреждала. Я бы не беспокоилась за тебя года три назад, но с Пингвинчиком ты стала другой. Вся его родня на тебе ездит, а ты только улыбаешься. Где моя Ирка, а?

— Тут я, — буркнула девушка, зная, что сейчас будет говорить подруга. Не в первый раз начинался этот мучительный разговор.

— Нет, Ириш, сколько раз я тебе говорила, что ты с ним себя потеряла. Один вопрос: на роллдроме когда была в последний раз?

— Год... Полтора года назад. Да, в сентябре шестнадцатого, Виталик в командировке в Питере был.

— То-то и оно. Любимое твое увлечение было, на минуточку. За роликами в Финку к деду летала. У тебя глаза потухли, подруга...

— Жень, ты выдумываешь. Это нормально, когда чем-то приходится жертвовать в семейной жизни.

— Только почему-то жертвы с твоей стороны. И нужны ли они, жертвы?

— Ай, съезжу на днях, покатаюсь, уговорила. За дом возьмешься? — закончила Ира

неприятный разговор, понимая, что права подруга.

— Мои проценты по минимуму, за оформление, сейчас съездим, выпишешь доверенность.

— Тогда, вперед? — Ира намотала на шею теплый шарф, надела зимнюю куртку.

— По ступам!

[1] Проспект Хусаина Ямашева, Ново-Савиновский район города Казани

[2] Юдино — микрорайон в составе Кировского района города Казани. Поселок Юдино прилегает к лесопарковой зоне озера Лебяжье.

[3] Васильево — поселок городского типа в Зеленодольском районе Республики Татарстан Российской Федерации.

(20 апреля, пятница, +8)

В суматохе двух недель подготовки к торжеству Ира и забыла о своей задумке, один поход с будущей свекровью по салонам в поисках платья вымотал силы. Подруги, поначалу с восторгом сопровождавшие Иру по магазинам, видя Светлану Юрьевну, старались разбежаться по выдуманным делам. Шумная, отдающая резкие приказы, капрал в юбке, будущая свекровь всю жизнь играла роль королевы-матери в своей семье, и в семью невестки пыталась влезть с ногами и своим уставом.

— Нет, нет, Ирочка, оно тебе не идет, и в талии висит, снимай! Что ж ты худая такая, — тучная, добротная будущая свекровь не оставляла шанса выбрать наряд самой, критикуя уже седьмое платье из каталога, нещадно гоня двух девушек консультантов. — Дайте самое дорогое, что у вас есть, мы же не бедные, да, Ирочка?

Молоденькая помощница забежала в кабинет владелицы салона, передохнуть, выпить воды:

— Ох, Валерия Владимировна, эта жаба нас до вечера долбать будет! Такую свекруху получить — лучше сразу купить ружье и повеситься!

— Совсем все плохо, Лидусь?

— У-у-у! — девушка изобразила, как бьется лбом об стену. — Нет, с Ириной Александровной проблем нет, но и у нее, по-моему, уже чайник закипает.

— Отдохни, сама выйду. Посмотрю на обстановку. Понимаешь, если эта невеста будет в нашем платье, то на год вперед в салоне будет ажиотаж. Улыбаемся, Лидочка, улыбаемся.

Валерия нацепила бейджик, царственно выплыла в зал, тут же оценив достоинства невесты и недостатки ее будущей свекрови, расплылась в любезной улыбке:

— Здравствуйте, рада вас видеть в моем салоне! Ирина Александровна, на Вашу великолепную фигуру есть платье, оно в единственном экземпляре, ручная работа. Но надевать его нужно в перчатках, Вы не против? — вспомнила Валерия о модели, которая не подошла ни одной невесте, как не старались девушки влезть в эксклюзивные кружева. Слишком тонкую талию нужно было иметь при изящной спине и бюст третьего размера, но высокий. Этой девочке подойдет идеально.

— Не против, здравствуйте, — девушка подхватила подол, обреченно шагнула с подиума в примерочную.

Пока невеста снимала раскритикованное неумной будущей родственницей платье, Валерия сама принесла чехол, осторожно раскрыла молнию.

— Оно... потрясающее! — выдохнула девушка, увидев тончайшее переплетение кружевной ткани. — Пальцы скрещиваю, чтоб подошло!

— Поверьте моему опыту, уже вижу, что подойдет именно Вам. Я его в Италии выкупила на манекен, но так стало жаль, не поднялась рука поставить пылиться в витрину. Оно достойно лучшей невесты.

— Да, вот оно... Мое! — Ира уставилась в зеркало, когда белоснежная изморозь ткани села точно по фигуре, как вторая кожа. Платье осторожно было застегнуто сзади на пугови-жемчужины по позвоночнику, одернуто и приглажено в нужных местах. Прямая по фасону модель, небольшой шлейф струился по полу, щедрое декольте украшало грудь, но, при этом, вырез не выглядел вульгарно. Рукава до локтей подчеркивали изящные плечи, распускались

вниз ажурным водопадом, короче спереди, сзади доставая до ладоней.

— Такое ощущение, что швов нет, что паучки сразу его плели по рисунку, — восхищенно улыбнулась Ира. — Спасибо, Валерия Владимировна! Я влюбилась в это платье! К нему нужно фату накидкой на голову, без какого-либо рисунка и украшений, только можно по краю ниточку жемчуга. И никаких украшений больше, жемчужинки в уши, как капельки только.

— Именно к этой модели идет фата, точно, как Вы описали, Ирина Александровна. Удивительно, но название модели — Ирэн, как совпало. И подол не нужно подгонять, с Вашим ростом.

— Можно просто Ира и на «ты», пожалуйста? — попросила Ира, делая несколько селфи.

Отправила фотографии по сети, с удовольствием принимая восторженные возгласы от подруг и многочисленных теток разной степени родства. Мать прислала короткое сообщение: «Дочь, покупай, оно идеально. Люблю!»

— Можно, Ирочка. Идем, посмотрим, как оно в движении.

— И снимать не хочется! — не в силах оторваться от своего отражения, прошептала невеста.

— Это правильный выбор, если не хочется!

— Ирина, какой кошмар! Оно же простое, никакой нарядности! Ну что это, будто на реку пошла белье полоскать! И вырез ужасный, все титьки наружу, — скривилась Светлана Юрьевна, не заметив, как довольна будущая невестка. — Пока вы там эту тряпку натягивали, я нашла достойную твоему статусу модель. Виталик должен иметь самую красивую невесту.

Женщина кивнула на распятое мягкими плечиками платье, висящее на кронштейне, лоснясь от своего выбора, в ожидании похвалы своему вкусу.

Стразы. Ира сглотнула, увидев всю мощь ослепительных камней по лифу, тонну шелка и фатина, приправленную выпуклыми крупными гипюровыми кружевами. «Это звездац, Господи!» — больше приличных мыслей не находилось, если опустить различные выражения, пронесшийся в ее голове. И только песенка зацепилась и нудела на языке: «Базар-вокзал, ты чемоданчик свой забыла».

— Я это не надену! — обреченно отступила она, оглянувшись беспомощно на владелицу салона, ища поддержки. — Ни за что!

— Ты за моего сына в этой тряпке собралась? Ирочка, ты собираешься Виталю позорить перед всеми нашими родственниками? Немедленно меряй это платье! — женщина возмущенно раздувала ноздри, не собираясь отступить.

— Светлана Юрьевна, в нем я перед своей родней опозорюсь...

— Ты замуж выходишь, деточка, от своих к нам в родню переходишь. Да и кто из твоих родственничков что скажет? Эля где? Ни разу сватья не появилась на примерках, все я, время трачу, без корвалола спать не ложусь! О, как закололо сердце! Виталечку б только женихом увидеть, полюбоваться и в гроб ложиться не страшно, — запричитала дама, картинно рухнув на диван, хватая воздух ртом. — Вот помру я, сделайте, что хотите, недолго осталось!

— Мама на работе, я ей фотографии отправляю, — попыталась защитить отсутствие матери девушка, но испугавшись, не дай Боже, и правда, мать жениха по ее вине заболит, сдалась. — Хорошо, Светлана Юрьевна, я его примерю...

— Лида, принеси воды, пожалуйста, — распорядилась Валерия, увидев, что из необъятной сумки на столике появилась упаковка сердечных капель. — Леночка, отнеси платье в примерочную.

— Это звездеч... — богато украшенное платье встало на невесте колом, затмив блеском виновницу будущего торжества. — Баба на чайнике.

— Ирочка, не поверите, хит продаж, — вздохнула Валерия.

— Можно хотя бы бант снять со спины? — жалобно попросила Ира. — Чую, придется в этом чудовище всю свадьбу скакать.

— Можно. Выходим на подиум?

— А есть варианты? Выход запасной?

— Мы постоянно идем на компромиссы в этой жизни, Ирочка. Маленькое одолжение сейчас — в будущем обеспечено хорошее отношение свекрови.

— Если бы, Валерия Владимировна, если бы...

— Вот, другое дело! — воскликнула Светлана Юрьевна, оторвав телефон от щеки. — На, поговори с Виталиком.

Взяв протянутый телефон, Ира не смогла сдержаться от брезгливой гримаски, увидев разводы жирных пятен на экране. Стараясь не касаться щекой, поднесла к уху:

— Да, любимый, привет.

— Ну чего ты истерику устроила? Мама говорит, что она шикарный вариант выбрала, приличный.

— Но, Виталь...

— Ир, мне сейчас некогда, давай сама. Ир, я буду счастлив, если две мои любимые женщины станут дружить и уступать друг другу, ведь так поступают в нормальной семье, правда? Тебе с родителями не повезло, посмотри на моих, тридцать пять лет вместе, душа в душу! А все потому, что уступают друг другу! Мама же старается для нас, правда? Люблю, целую, зайчонок. Вечером поговорим.

— Хорошо, Виталик, целую, — вернула телефон, кивнула обреченно. — Берем это.

Вспомнила молчаливого, щупленького, рано полысевшего будущего свекра, мучительно и быстро напивавшегося при каждом удобном случае. Душа в душу со Светланой Юрьевной прожить тридцать пять лет, о, да, подвиг!

— Давай еще фату, вот эту, пышненькую, и к ней цветы нужны, как ободочек, — зачастила женщина, пальцем тыкая в витрины. На шею можно гарнитур, у тебя есть, Виталик показывал, и серьги, я тебе подарю, красивые, золотые, с камушками, для тебя ничего не жалко!

Надеясь, что будущая свекровь не видит ее выражение лица, Ира сфотографировала себя в зеркале, отправила двум подругам с комментарием: «Девки, на отпевание сегодня придете? «Идол», одиннадцать, скорбное выражение лица предъявить обязательно!»

— Ирочка, оплачивай, и поедем в Тандем[1], потом домой меня отвезешь, — капрал вовсю распорядился чужим временем. — Как я сегодня устала!

— Но, Светлана Юрьевна, Вам же Виталик карту дал! — нет, она может оплатить покупку, но договорились же, что платье оплачивает жених.

— Вот после свадьбы станешь распорядиться деньгами Витали, а сейчас, не обессудь, лучше вам поэкономить, — женщина даже сумку спрятала за спину. — У тебя все равно

отцовские карты, своих денежек не заработала, сама понимаешь, Ирочка, от тебя никакого толку, кроме красоты. Я ведь тебе только добра желаю! Так денежка прибережется, Витале нужно будет при новой должности выглядеть солидно, вот и потратите.

— Хорошо, — едва не плача, невеста направилась к кассе. Уступить сейчас, чтоб потом было легче. Да и отчасти права Юрьевна, она в своей жизни не заработала ни гроша, только тратила.

— М-да, сожрет девчонку крокодилица, — выдохнула Лида, когда закрылись двери за покупателями, и больше не нужно изображать радость. Для таких покупательниц в салоне были два кодовых обозначения: «Жаба» и «Крокодилица». Светлана Юрьевна удостоилась носить оба. — Италию выставляем в зал, Валерия Владимировна? Может, расставим псталии, купят его, наконец.

— Она вернется, Лидусик, вернется девочка за этим платьем. Убери его ко мне в кабинет, никому не показывай. И ту смену предупреди, чтоб при просмотре каталога указывали, что продано. Не продержится этот брак долго, помяни мое слово. Никакая любовь не спасет разность воспитания...

— Ждем?

— Да, Лидусик. Займись платьем, потом можешь идти домой. Сегодня по записи никого, кто случайно зайдет, мы с Леной справимся.

— Благодарю, Валерия Владимировна! Честно, после этой мадамы, как выжатый лимон, — обрадовалась девушка. — Пораньше Сережку из садика заберу!

[1] Торгово-развлекательный комплекс, расположенный в Московском районе города Казани.

— Ирка, один вопрос: за что столько красоты в одни руки? — поставив на столик бокал, Ландыш повернулась к подруге, вновь и вновь рассматривая фото. — Из него же десять платьев сшить можно, и еще останется на юбку!

Обсуждая событие дня, девушки привычно расположились в любимом ночном клубе на уютных диванчиках за черными металлическими ограждениями. Через пару часов здесь станет шумно, но пока посетителей еще было немного, и музыка не мешала разговору.

— А ты пробовала против танка с детской лопаткой? Девочки, я ее порой боюсь, — призналась невеста. — Да и прикусываю все время язык, не хочу ссориться.

— Юрьевна, конечно, трындец, без вкуса, без цвета, без запаха баба, — вспомнила Женька наряды будущей свекрови подруги детства, и передернула плечами. — То платье, реально ахрененное, ты, надеюсь, тоже купила тихонько? Перед регистрацией я б чисто случайно пролила чего ядовитое на великолепие царское, быстренько б тебя переодели, посокрушались моей рукожопости, и пошла б в приличном под венец.

— Не подумала, Жень, — вздохнула горюнья. — На днях съезжу, куплю. Правда, Жень, ты готова к визгу и воплям Юрьевны, а? Сегодня такое показательное выступление было, на свадьбе явно всех смочет от бенефиса. Должна тебе буду, по самое горло!

— Голуба моя, любой каприз, лишь бы эту лепнину царскую на тебе не видеть! Это же потом всю жизнь на фотки смотреть и слепнуть, а мне мои глазки дороги, как память. Выпьем!

— Сзади еще бант...

— Ирка, может, водки?

— Угу. И с Денисом Максимовичем на пару в этом семействе шкалик прятать за мусоропроводом. Надеюсь, что мы с Виталиком будем видеть его родню как можно реже.

— Не знает Юрьевна твоего характера, ой, осюрпризишь мутер! — Ландыш хихикнула в ладошку, высунув кончик языка. — После свадьбы не заметит, как ей дорога к твоему дому будет перекрыта, и с твоей фирменной улыбкой.

— В машину сели, она мне заявляет, что я должна ее звать мамой. Девочки, я психанула, сказала, что мама у меня есть. Что там понеслось! Чую, Витале наябедничает, — вздохнула Ира. — Мы и так с ним последнее время на нервах, еще один повод для раздражения.

— Элю, конечно, трудно назвать образцовой матерью, но прости, сколько ей было, когда она тебя родила? Восемнадцать?

— Семнадцать. Отцу — восемнадцать... Да у меня лучшие родители, чтоб Юрьевна не квакала!

— Никто не спорит, Ирка, не возмущайся.

— Ох, девочки, я уже хочу быстрее пройти этот свадебный квест, и жить-поживать тихонько. Маленький домик, русская печка...

— Пол деревянный, лавка и свечка! Котик-мурлыка, муж работающий! Вот оно счастье! Нет его слаще! — привычно подхватили девушки любимую песню, расхохотались, привлекая внимание мужчин к своей компании. Правда, завсегдатаи ночного клуба знали, что эти девицы не ставят целью знакомство, приезжая только потанцевать.

— Котик есть, муж скоро будет, лавка и свечка появится. Девки, жизнь прекрасна! — резюмировала Ирина. — И мою жизнь уже ничем не разрушить, замужество незыблемо, как правление Елизаветы Второй. Да и что для нас с Виталей свадьба? Ничего не изменится никаких неожиданностей. Квартиру купим больше метражом, дом на лето почти есть, детей будем стряпать, лепота! А Юрьевну можно и потерпеть, должен же быть внешний раздражитель для приправы семейной идиллии. С вами обсудить ее законы, опять же, повод встретиться.

— Вот уеду в Москву, с кем я буду там просекко лакать? — Ландыш взмахнула волосами, в сотый раз озвучивая свою мечту.

— А тебя папа уже отпускает?

— Без кольца и мужа? Нет, конечно. Ищем варианты.

— Ой, Ландышка, разве так можно, без любви?

— Любовь придумана мужиками, чтоб за секс не платить! — вспомнила девушка избитую фразу, допив вино из бокала. — Ирка, это твои родители лояльны, потому что сами еще молоды. Дядя Саша позволил тебе самой мужика выбрать. С моим папа такое не прокатит.

— Средневековье какое-то...

— Они с мамой друг друга перед никахом увидели, и что? Тридцать лет вместе, душа в душу.

— Где-то я уже сегодня слышала про душу в душу, Бога мать... — пробормотала Ирка под нос. — Девки, хряпнем еще игристого и танцевать! Виталья молча проглотил, что я сегодня с вами, за платье, следующий сбор на девичнике. Гуляем!

(21 апреля, суббота, +6)

— Виталик, роднуся, ты не забыл, что мы сегодня еще раз встречаемся с распорядителем свадьбы? — высунула Ира нос из ванной, не выпуская зубную щетку из рук. — Я сама только что вспомнила. В час дня, не опаздывай.

Виталик вздрогнул, прикрыл телефон рукой, повернулся к невесте:

— Я, наверное, не смогу, весь день по делам буду мотаться, отец твой грузанул, ни вздохнуть, ни присесть. Новая должность, зайка, ответственности больше, сама понимаешь.

— Хорошо, я сама съезжу, там только мелкие детали уточнить придется. Вечером расскажу.

— Я поздно буду, не жди меня сегодня, ложись спать.

— Опять? Виталик, мы что-то и про секс с тобой в суматохе забыли, а? — жалобно протянула Ира, подойдя к жениху. Обняла, склонила голову на плечо. — Ты устаеть, я бегаю по городу. Скорей бы свадьба, улетим на Кудяхити, отдохнем, оторвемся.

— А ведь правда, давненько моя зайка не прыгала на морковке, — чмокнул дежурно, хлопнув девушку по упругой попке. — Наверстаем, вся жизнь впереди.

— Да, дорогой, — его пошлые аллегории постельных сцен коробили, но пусть лучше так, чем никак. — Я какая-то нервная в последнее время, Виталь. Еще неделю, и выдохну.

— Ничего не нервная, обычная невеста перед свадьбой. Пусть мы и живем вместе, все равно, событие же, — между делом зашнуровал ботинки, натянул пальто. — Все, я убежал, бабосики сами себя не заработают!

Как только за женихом закрылась дверь, Ира начала лихорадочно собираться. Платье-мечта не давало покоя, и идея Женьки испортить купленное не казалась совсем фантастической. Ну, побурчит свекровь любимая, отправят они с Виталей ее отдохнуть на курорт, может, смилостивится.

На лестнице соседский мальчишка увлеченно царапал стену гвоздем, оставляя послание девочке, живущей этажом выше, увидев Ирину, ссыпался по ступеням, затих где-то в недрах подъезда.

— Вот поганец! — возмущенная, она решительно позвонила в соседнюю дверь. — Галина Ивановна, посмотрите, что Ваш сын творит!

Заспанная соседка выглянула из квартиры с виноватым видом, но, увидев одну Иру, состроила надменно-недовольное лицо:

— Ты что-то путаешь, Гоша в школе, не надо на моего сына наговаривать! Тебе скучно, лентяйке, вот и выдумываешь повод для скандала, мешаешь всем. Я с утра со смены пришла, только уснула, а тут ты топаешь, как слон, в дверь звонишь, орешь, как оглашенная! Чего выдумываешь, не Гоша это накарябал!

— Но я видела сама! Вот только что!

— Зрение проверь, скандалистка! Лишь бы повод найти, и как тебя Виталий терпит! — соседская дверь с грохотом захлопнулась, и только отголоском в квартире были слышны нарочито громкие возгласы Галины Ивановны. — Дал же Бог соседку, за что мне такое наказание?

— А мне? — риторически спросила Ира, вздохнула, вызвала лифт.

У дверей салона Ира постояла немного, собираясь с силами. Стыдно было за поведение будущей родственницы, наверняка девочки обсудили эти сто килограммов счастья не с добрым посылом.

— Добрый день, Вы не по записи? — консультант-стилист, поспешившая встретить посетительницу, была не знакомой.

Даже к лучшему, сейчас она просто оплатит платье, заберет, и забудет испытывать стыд за хамоватую свекровь.

— Здравствуйте, я в четверг видела платье, Валерия Владимировна сказала, что оно из итальянской коллекции. Кружевное, сзади шлейф, чехол у него еще бледно-зеленый. Да, модель — Ирэн.

— А, к сожалению, его купили, — вспомнила девушка наказ начальницы, перед ее отъездом вчера, ни под каким предлогом не показывать то платье. — Может, посмотрите наш каталог, подберем наряд для Вашего торжества? Когда у Вас праздник?

— Надо же, быстро... Но, не удивительно. Нет, спасибо, я уже купила наряд, просто хотела еще и то платье. Всего доброго.

От невеселых мыслей отвлек звонок телефона.

— Дочь, привет, не хочешь со своим стариком поужинать?

— Папуль, ну какой ты старик, не прибедряйся! Привет. Кстати, да, можно. Я сейчас с организатором свадьбы встречаюсь, а потом мы с Виталей подъедем, сейчас ему позвоню. Где ты столик заказал?

— А без Виталика можешь? Хочу по-семейному посидеть, поболтать.

— Пап, Виталя, вообще-то, через неделю станет членом нашей семьи.

— Вот тогда зеленый свет. Ну, так что, «Утка в котелке»[1]? В шесть, не опаздывай.

— Ладушки, пап, целую!

[1] Один из лучших небольших ресторанов Казани.

— Дочь, сейчас не истери, веди себя спокойно. Смотри, — когда уселись за столик и сделали заказ, отец выложил из пухлого конверта фотографии и бумаги. — Я обязан тебе показать, прости.

Ира взяла в руки фотографии, просмотрела, потом снова и снова, уже понимая неотвратимость случившегося.

Съемка велась издалека, но основных персонажей фотоохоты видно было отлично — Виталик обнимает Алину, Алина целует Виталика. Разные места, даже у дома отца, значит, в его квартире, о, вот и у подъезда ее дома, когда успели... Разное время, но неизменно одно — парочка встречается давно и с удовольствием.

— Пап... — подняла она глаза, боясь моргнуть. Взмах ресниц, и брызнут стремительно собирающиеся лужицы жалобных слез. Смялась бумага в сжавшихся пальцах. — Это же такая грязь... Ведь свадьба, пап...

— Прости меня, — отец с трудом вытащил снимки из рук дочери, убрал обратно в конверт.

— Ты здесь причем? Пап, чего ему не хватало?

— Не реви. Все потом. Сейчас нужно подумать, что делать будем, раз оказались оба из

семейства рогатых.

— Ты свою куклу уже выкинул?

— Нет, я только сегодня получил отчет. Три недели назад уехала к матери, я ночью набрал, не ответила. Позвонил Татьяне, она ни сном, ни духом, что дочь у нее. И по мелочи до этого несостыковки начались. Мне плевать, но репутация. Бахтияр установил наблюдение, оба ахерели, какое позорище выплыло...

— Но ты же в последнее время Виталию работой нагружал, должность и все такое... три недели назад командировка была в Питер.

— Что? — от возмущения отец подался вперед, шлепнул ладонью себе по лицу, едва не попав локтем по изящной чашечке остывшего кофе. — Вообще берега потерял, свиненок! Какая командировка? Да и все его отчеты Тимур на себя взял! По-дружески...

— Женька, мне нужна Женька, пап, она придумает выход.

— Ты будешь смеяться, но я первым делом подумал, что ее нужно пригласить тоже. Сейчас приедет твоя жилетка, и вместе решим вопрос.

— Как противно...

— О, летит ведьма на помеле, — оглянулся мужчина. — Зря я вас сюда позвал, она ж взрыв устроит. Не подумал.

— Да, ресторан жалко, — странно, но даже в такой ситуации нашелся повод для шутки.

Если дочерью хотелось любоваться бесконечно, захлебываясь нежностью и отцовской гордостью, каждый раз изумляясь своему лучшему творению, то красота ее подруги била под дых, адреналин взрывал кровь, разум отключался. Гордый взгляд уверенной в себе женщины, развернутые плечи, ослепительная улыбка, длинные прямые волосы, и только горькая складочка на переносице выбивалась из общей картины совершенства.

И не хотелось вспоминать, что эта девочка всего на три года старше ребенка, и когда-то разучивала гаммы вместе с дочкой, и про огромную разницу в возрасте в пятнадцать лет, целую вечность.

Все мужчины в зале, включая престарелого деда, синхронно проводили взглядом фигурку Жени, пока та шла к нужному столику.

— Что за срочность, благородное семейство? Привет, дядьСаш, Ируська, ты как раз мне по сделке нужна.

— Сделка? Что я не знаю? — удивился отец.

— Ирка дом покупает в деревне, дядь Саш, так-то ты интересуешься своей дочерью, — забыв, что подруга просила держать покупку в тайне, съязвила Женя, и продолжила в том же духе, не замечая, что сидящим за столиком не до шуток. — А еще она замуж выходит, если что!

— Жень, уже нет, — Александр помог девушке сесть, кивнул официанту, зная вкусы подруги дочери. — Минеральную воду без газа, двойной эспрессо, пожалуйста.

— Что нет? Не покупаешь дом?

— Замуж отменяется.

От такой новости подруга открыла рот и выпучила глаза:

— Подробности? Пингвинчик промежность расчесал? Костюм опять у болезного по шву треснул или губа, наконец? Да что случилось, не томите!

— Жень, только не визжи, пожалуйста, сделай умное лицо, и до конца вечера его не снимай. Потом прооретесь обе. Смотри, — на столе опять появилась стопка злополучных снимков.

Девушка быстро просмотрела, и, как закадычная подруга, еще раз перетасовала компромат, но уже медленно и вдумчиво:

— Какая дрянь... Мерзость! Это они у твоего дома, Ир? Матом уже можно?

— Потом. Расскажите мне, что за дом, где, и как, — Александр увел разговор, видя, что обе подруги на грани. Одна слезы еле сдерживает, вторая ноздри раздувает, чтоб не заорать. — Это та сумма, которую ты недавно спрашивала на свадьбу?

— Да, пап, я немножко тебя обманула. Просто ты бы не дал на дом.

— Глупости, дочь. На кого мне еще тратить? Ладно. Женя?

— Сто двадцать километров от Казани, очень удачный поселок, все коммуникации, дом новый, правда, небольшой, один этаж, есть мансарда, мебель в доме осталась почти вся. Участок аж двадцать четыре сотки, упирается в речку, — отрапортовала Женя. — Ирка его сама нашла, поэтому я свой процент взяла минимальный, только за оформление.

— Добро.

— Ребята, вы сможете неделю продержаться, будто ничего не произошло? Хотя бы дня четыре? Я кое-что подумала. А если до даты ничего не говорить нашим неблаговерным? Я с понедельника поживу у тебя, пап, типа — молодоженам перед свадьбой поскучать. Алина обязательно уедет, вот увидишь, она бесится, когда я у тебя в гостях. Все отменить, но Виталику не говорить. Утром, как он уедет на регистрацию, сменить замки в моей квартире. Сейчас ее выставить на продажу. Его вещи после смены замков — на лестницу, — чем дальше говорила Ира, тем быстрее высыхали лужицы в ее глазах. — В час икс в бан их обоих везде, где можно, предупредить нужно наших гостей, придумать приличную версию отмены торжества. Пап, можешь это уволить без отработки?

Закончила озвучивать свой план уже ровным тоном, гордо подняв подбородок. Она — Гербель, она не должна позорить фамилию отца базарным скандалом на людях. И только подрагивал правый уголок нижней губки.

— На твоем висит служебное, я ходу не давал, как раз пойдет, плюс — штрафы накопились. Выходное пособие покроет с лихвой. Бахтияр предлагает просто закопать головой вниз, отчекрыжить все хозяйство, сверху серебрянкой покрыть.

— Пусть это живет, пап, девяностые давно прошли. Своих сотрудников предупреди, чтоб ни один не проболтался.

— Да никто особо в десны не целуется с ним, парни терпели только потому, что мой будущий зять. Ни дать, ни взять...

— Что будешь делать со своей мадамой? — дернула Ира копной рыжих кудрей, вспомнив, кто запечатлен на снимках рядом с Виталей.

— Да по такой же схеме. Сегодня намекну на узаконивание отношений, пусть совсем осторожность потеряет от счастья. Карты двадцать седьмого утром ей блокирну, замки поменяю, вещи выкину на лестницу.

— Я б ей еще в рожу плюнула! — не удержалась Женя. — Подумать только, от тебя налево бегать! ДядьСаш, дай я ей устройю!

— Женька, остынь. Каждый получит свое, — глаза девушки не выражали ровным счетом ничего, на губах играла вежливая улыбка.

— Дочь, ты так спокойна, даже страшно.

— Это тихая истерика, пап. Я потом буду плакать. И уеду на Гоа или к деду в Финку, на год, а там посмотрим.

— Ирусь, а зачем квартиру продавать? Давай я ее сдам, как раз, пока по заграницам едешь, денежка капать будет.

— Делай, что хочешь. Завтра к нотариусу, выпишу новую доверенность. В этой квартире жить не буду.

— Ирка, — осторожно коснулась руки подруги Женя. — Дядя Саша прав, с тобой что-то не то.

— Человек, которого я... люблю, который клялся мне, что любит, оказался редкостной мразью. Я отменяю свадьбу, которую планировала два года, а так все в норме. Пап, я поехала, держись тоже. Женя, мы заказали всякого, ты наверняка голодная, останься с папой, поужинай, — остановила Ира вскочившую следом подругу. — Не переживайте за меня.

Пусто. Странно, но слез не было совершенно, пустота внутри. Как теперь два дня смотреть на него, улыбаться, ложиться в испачканную Алиной постель? Почему — Алина? То, что она — подруга шефа, это его заводит? А из ее жизни секс исчез еще в марте, и безвозвратно, минеты редкие не в счет...

Домой не хотелось. Двигаясь в потоке машин, Ира неожиданно изменила маршрут, уводя маленький автомобильчик прочь из города, в массив старых, в основном заброшенных, садов за Оргсинтезом. Остановила машину у края леса, на последней улице, где дорога была ровной, на полную громкость включила музыку.

Приоткрыла окно, затянулась вишневой сигареткой, а ветер тут же обрадованно бросил в обнаруженную брешь пригоршню дождя. Дождь. Мелкий такой, пакостный. Вроде, смотришь в окно — нет ни малейшего намека, а высунешься на улицу, и возникает ощущение мокрой тряпки на лице.

Что делать теперь? Как жить дальше? Вся ее жизнь, уютная, упорядоченная, полетела в пропасть в одно мгновение...

Ну вот, и сигарета мокрая, потухла! Ожесточенно тыкая окурком в пепельницу, Ира вдруг взвыла, выплеснув горечь дневных событий, заорала, перекрикивая депрессивный всплеск Васильева из колонок:

— Выхода нет! Выхода не-ет!

— Девка, ты чего тут орешь? — крепкий, поджарый дед вышел с участка напротив, потряс кулаком. — А ну, давай, уезжай отседа! Всех курей перепугала своей музыкой, еще орет, ненормальная.

Ира повернула громкость, посмотрела на возмущенного мужика:

— Плохо мне, дедушка...

— Э-э, девка, да на тебе лица нет. Закрывай свой тарантас, айда чай попьем. Айда, айда, — дед тут же сменил гнев на милость, и, видя, как колеблется странная девица, успокоил. — Не бойсь, никто твою машину тут не тронет.

Вышла из машины, и волосы мгновенно намokли, тепло кашемирового свитера улетучилось сквозь распахнутую куртку.

Дед аж крякнул:

— Эк ты вымахала, с таким ростом только в, как их, в манекенщицы тебе дорога.

— Там надо горла грызть зубами, а я не умею, — впервые за последний час улыбнулась искренне. — Да и зубы жалко.

— Айда в дом, рыжая.

Вздыхнув, Ира прошла в добротный, утепленный домик, стащила в прихожей сапоги, надела кинутые хозяином под ноги чистые мягкие тапки из овчины, вслед за мужчиной пошлепала на кухню. Из комнаты с грозным тьяканьем выкатился крохотный щен, тряся куцым хвостиком, смешно прядая тряпочками-ушками. Ира подхватила псуюшку под теплое пузо, прижала к себе, погладила мягкую спинку. Кутенок щедрой душой облизал руки гостыи, принялся играть с кольцами, покусывая пальцы.

— Звать тебя как, девка? — спросил дед, щелкнув кнопкой чайника. Достал из холодильника несколько розеток с медом, вареньем, из шкафа — кружки и сахар. Насыпал из пакета в тарелку крохотные печенюшки. — Да отпусти ты Найду, мой руки, садись за стол.

— Ира, — с сожалением девушка спустила с рук щенка, и тот убежал, обнаружив новую цель для игры — хвост старой кошки, что наблюдала за людьми с кресла.

— А меня дядя Петя зови. Чай тебе черный, зеленый?

— Черный, спасибо.

— Чего выла-то в машине? Молодая, красивая, вся жизнь впереди. Ноготь сломала?

— Если бы, дядя Петя! Если бы... — Ира улыбнулась такому предположению. — Двадцать седьмого числа я б замуж пошла, если бы сегодня не узнала, что любимый мой — сволочь, каких поискать.

— Изменил что ль?

— И не один раз, — кивнула девушка.

— Бог отвел вовремя. А то б узнала с парой детей на руках, тяжелей бы было. Все, что не делается, все вовремя.

— И к лучшему? — попыталась улыбнуться Ира избитому клише.

— И к лучшему, девка. Посмотри на меня, — дед сел напротив гостыи, заглянул ей в глаза. — Пил всю жизнь, как последняя свинья, все пропилил. До пенсии не дотянул на работе, выпнули, кому нужен алкоголик на заводе. Жена манатки выставила и развелась. Оставил ей и детям квартиру, только участок этот себе оставил, собаку тут пригрел, хоть какая живая душа рядом. В первую зиму чуть не подох, как запил. Вышел поссать, и в снегу потерялся, если бы не Найда, замерз бы. Вот уже семь лет как с той зимы не пью, в рот не беру, не хочу, как отрезало. Найдочку этой зимой похоронил. Вон, забрал на днях с промзоны Найду, дубль два. И живу тут, кум королю, жена приезжает, просит теперь вернуться, а я и не хочу. Тут прикипел. Дети стали общаться, приезжают с внуками на лето.

— Дядя Петя, чай у Вас какой! Вкусный! — слушая старика, Ира с удивлением отмечала добротную мебель, кухонную технику, огромную плазму в комнате на стене.

Дед, заметив любопытство гостыи, усмехнулся:

— Думаешь, откуда все? А я зелень выращиваю, продаю, рассаду, потом овощи идут. Главное — заинтересовать. Смотри, на Московском рынке ряд бабок с помидорами обычными. А я встану с мелкими, черри которые, да цену не гну, у меня за полчаса раскупают. Как вижу семена необычные, беру. Ко мне уже сюда приезжают покупатели. Курей развожу с яйцами голубыми и пестрыми, диковина для нас, влет уходят. Чай вот, уезжаю подальше в глушь, травки собираю, сушу. Так, копеечка к копеечке, на хлеб с маслом.

— Надо же, и, действительно, в город обратно не хотите?

— Что я там забыл? Трудотерапия, девка, лечит все, и душу и тело. Лопату в зубы и алга, землю пахать, голову моментально приводит в порядок.

— Трудотерапия, дядя Петя? Трудотерапия... — внезапно Ира подняла глаза на хозяина дома. — Дядя Петя, я ж дом купила! Там двадцать четыре сотки, копай, не хочу! Я туда уеду! Я же мечтала! Спасибо вам, дядя Петя!

Вскочила из-за стола, крепко расцеловала старика в обе щеки, лихорадочно натянула в прихожей сапоги, выбежала к машине.

— Ну-ну, в добрый путь, — улыбнулся старик помахавшей в окно девушке. Махнул в ответ.

— Зайка, привет, ты где бегаешь?

«Зайка, с-с-сука...» — Ирина смотрела на любимого, и не могла понять, как он может спокойно ходить, жевать на ходу, целовать ее в щеку, при этом, наверняка, вылез из постели этой... выдры. Сплошное животноводство.

И ходит в одних трусах по квартире, хотя знает, что именно это ее раздражает больше всего. Пузцо почесывает, гадость какая... А, действительно — пингвинчик, как она раньше обижалась на меткое прозвище, прилепленное подругой. И ведь нравилось, что он такой... упитанный, с хорошим аппетитом. Хотелось заорать, бить посуду, накинуть на жирненькую шею его же носок, и затянуть посильней, но вместо этого Ира улыбнулась:

— Мы с Женькой по магазинам ездили, я, все-таки, хочу в прическу цветы, как твоя мама посоветовала, будет красиво. У тебя должна быть самая красивая невеста, да?

— Обязательно! Надеюсь, кудри свои причешешь?

— Как скажешь, Виталь.

— Нет, я ничего не говорю, но выглядишь ты со своими кудряшками как-то... по-детски. Может, уже начать их выпрямлять?

— Ты прав, пора, — почему-то соглашаться на его претензии по поводу ее внешности сейчас приносило Ире особенное удовольствие. — Я завтра-послезавтра переберу вещи, надо избавиться от лишнего, как думаешь? Кстати, папа просит, чтоб я к нему переехала перед торжеством, соблудности приличия, и все такое, послезавтра уеду. Мы с девчонками девичник перенесли на вторник, Женька двадцать пятого работает допоздна, у тебя все остается на среду?

— Ну да, я ничего не менял, у меня нет друзей, из-за которых я б перенес такое событие.

— Хорошо. Дышать перегаром на свадьбе не будем. Так что, справишься без меня? Костюм готов, гостиница для твоих родных заказана, встретишь сам? А там мальчишник на носу, скучать некогда будет.

— Конечно, дорогая, не совсем я безрукий, зайчонок.

— Поэтому я тебя люблю. Давай я и Шлимана заберу к отцу, вы ж здесь подеретесь.

— Было бы неплохо, хоть в свадебные ботинки не напрудит. Да, я, пока тебя ждал, роллы заказал, зая. На кухне коробки, я уже ел.

— Как хорошо, что ты у меня такой заботливый! Как мне повезло с тобой! — ненавистные покупные роллы раньше вызывали столько споров...

«Повезло мне с тобой, не то слово. И Алине с тобой повезло. И папе с Алиной. И всем нам вместе... повезло. Не хватает инцеста, и закольцуется кружок по интересам». От абсурдности ситуации Ира вдруг начала истерически смеяться, плюхнулась на диван.

— Ты чего, зайка?

— Да сегодня с Женькой фотографии смешные смотрели, сейчас вспомнила, опять зацепило. Показать?

— Датьку своего опять нафоткала в разных ракурсах? Да нет, ваши умильные сюсюкания меня не смешат.

— Ладно, я в ванне поваляюсь, устала сегодня, завтра столько дел!

— Я завтра буду поздно, не расстроишься, все-таки, воскресенье, но сейчас нужно поработать, после свадьбы немного и заслуженно отдохнуть.

— Расстроюсь! Шучу. У нас вся жизнь впереди.

Только у каждого — своя. Ира ушла в ванную комнату, открыла вентили воды, присела на край ванны. Может, все неправда? Может, фотошоп, чтобы расстроить свадьбу, ведь отец был против брака с Виталей. Невозможно же настолько естественно вести себя в мелочах, обманывая в главном!

Как говорит Женька: «У тебя есть рот, тебя научили говорить — спроси, если что не понятно. Просто — спроси». Может, правда, спросить Виталика, не может эта грязь быть правдой!

Ира решительно открыла дверь и замерла, услышав, как любимый шепотом разговаривает по телефону:

— Да, кисуль, мое бревно послезавтра к вам на квартиру отчаливает, я буду совершенно один. Кстати, у меня новый кабинет, наконец-то отдельный, папаша расстарался, ради этого стоит потерпеть. Целую тебя, котенок, скучаю дико.

Ира аккуратно прикрыла дверь, на автомате разделась, легла в горячую воду. Сама услышала, какой тут фотошоп. Как банально...

А шикарно, все-таки, смотрелся б Виталик в серебрянке, как предложил Бахтияр. И мир не рухнул, не перестал существовать после подслушанного разговора, как описывают в романах. Только совершенно не осталось эмоций, холод внутри, не согреет даже кипяток, сколько не лей. И снег, медленно-медленно падает снег перед глазами...

(22 апреля, воскресенье, +7)

Весь день Ира перебирала вещи, в полнейшей тишине, не хотелось музыки, чтоб потом не наткаться на треки, и вспоминать этот момент. На удивление, ее шмотки поместились в сумку и чемодан. Практически ничего из привычных вещей не пригодится в деревне, только джинсы, футболки, шорты, майки, пара свитеров. Где там, например, в коктейльных платьях рассекать? Тем более — в вечерних, которых большинство в гардеробе.

Для видимости Ира и оставила платья, шубки, большинство обуви на любимых шпильках, клатчи, все, что стало внезапно ненужным. Женя потом заберет.

Перемыла посуду, забрала из ванной необходимые на первое время шампуни-гели, что не вызовет подозрений. Долго думала, оставлять ли любимого медвежонка, но решительно запихала друга детства в сумку, выкинув оттуда ботфорты. Вытащила с антресолей переноску Шлимана.

Предельно аккуратно сложила в шкафах мужские вещи, чтоб Женьке было проще это все выкинуть. Бревна иногда застревают поперек течения, любимый...

Осталась кухня. Ира с тоской оглядела любимое место в квартире, вздохнула, открыла холодильник. Кот тут же прибежал тереться под ногами, выпрашивая вкусный кусочек.

В морозилку Виталик вряд ли заглянет, все мясо и полуфабрикаты, любовно приготовленные собственными руками, необходимо увезти отцу. Колбасу и сыр пускай жрет Виталичка. Орешки со сметаной, для потенции. Обезжиренные йогурты, вдруг похудеет.

Ира любовно упаковала специи, больше ничего нельзя забирать, чтобы не возникло вопросов.

И для чего ждать лишний день? Ноутбук в чехол, Шлимана в переноску, зарядники, духи, косметику, пару любимых колец в сумку. Зубная щетка. Хорошо еще, что не стала заводить комнатные цветы, Шлиман уничтожал любое растение, даже росянку и кактусы умудрился съесть. Ничего, в деревне зелени много, пусть объедается.

И все? Ира оглянулась у порога. Казалось, все на своих местах, ничего не изменилось, диван, фотографии в рамках на столике, занавески колышутся от ветра из открытой форточки. Виталик не любит сквозняки, нужно закрыть.

Ира уже шагнула в сторону окна, но улыбнулась горько, развернулась к двери и щелкнула замком.

В багажник маленького Жука все не влезло, пришлось кинуть пакеты на заднее сиденье. Последним Ира вынесла из квартиры кота в переноске, и нос к носу столкнулась с соседкой.

— Переезжаете, Ирочка? Кто теперь будет за соседями в подъезде следить?

— Я ненадолго, Галина Ивановна, сами знаете, у нас с Виталей в выходные свадьба, потом свадебное путешествие. Надеюсь, за три недели Ваш муж не выложит у мусоропровода Эверест из чинариков, а ваш сынок не успеет стены разрисовать наскальной живописью. Купите ему уже фломастеры, поставьте у зеркала, пусть на лбу своем петроглифы выводит.

— Поражаюсь Вам, Ирочка, вроде, интеллигентная девушка, а разговариваете, как портовый грузчик!

— Какое слово Вам, Галина Ивановна, показалось неприличным? Фломастеры или

петроглифы? Или в Вашем лексиконе нет слова «мусоропровод»? Гугл доступен на любом гаджете, ознакомьтесь, чтоб не выглядеть идиоткой в разговоре с приличными людьми.

— Глядите-ка, приличная выискалась! Тихая-тихая, а смотри, как заговорила! — подбоченилась соседка, предвкушая скандал.

— Да потому что Вы меня за-е-ба-ли всем семейством, Галина Ивановна! Такое ощущение, что это не Ваш дом, а туалет общественный, и можно гадить, превращая подъезд в свинарник! — высказала наболевшее Ира, и шагнула в подъехавший лифт, аккуратно поддерживая переноску.

— Хамка ты!

— И Вам не хворать, Галина Ивановна! — створки лифта закрылись, и Ира уже не услышала, какими эпитетами проводила соседка ее в новую жизнь.

Выходя из подъезда, Ира злорадно хихикнула. Наверняка вечером поймает Витальку и будет долго и нудно высказывать претензии. Вот пусть извинения приносит за свою «хамку», а оставшиеся дни ходит на цыпочках, чтоб не тревожить торнадо по имени Галина Ивановна. А та точно проведет неделю носом в замочной скважине, и Алинка вряд ли появится здесь.

— О, явилась? Ты же завтра должна была приехать, — кукольное личико отцовской пассии скривилось от неожиданности и неприязни, когда Ира открыла дверь отцовской квартиры своим ключом.

При виде удачливой соперницы опять вихрем поднялась в душе буря злости, ревности и обиды. Ира еле сдержалась, чтоб не вцепиться в раскрашенное лицо, и только мысль о скором возмездии заставила сжать зубы и расплыться в самой приветливой улыбке.

— И тебе привет, Алин. Как дела?

— Фу, кота своего зачем приволокла? Меня позлить?

— Алина, а причем здесь ты? О тебе я подумала в последнюю очередь. Нет, даже и не думала тебя злить. Виталик много работает последние дни перед свадьбой, Шлиману будет скучно в квартире одному, да и когда на Кудяхити улетим с Виталей, кот здесь останется до нашего возвращения.

«Да я б тебе и таракана не доверила, не то что — кота с тобой в одной квартире оставлять».

В своей комнате Ира открыла переноску, но Шлиман не стал прерывать послеобеденный сон, зевнул, повернулся на другой бок.

— Лучше бы порвал ей пару колготок и рожу, лентяй! — посетовала девушка, доставая из сумки лоток и миски.

Разговаривать с соперницей не хотелось совершенно, поэтому Ирка нацепила наушники, включила музыку, и только тогда вернулась в зал. Выложила в морозилку мясо, заморозку, что привезла с собой. Под внимательным взглядом Алины открыла бар, выбрала коньяк, и, прихватив бокал, вышла на огромную лоджию.

Спасибо предыдущей пассии отца, что заставила его купить эту квартиру, где места хватает всем, даже когда родственники прилетают из Финляндии всем семейством. Как ее звали? Лера? Света? Хорошая была девка, недавно замуж вышла, на свадьбу звала. Лера, да. Не скакала по чужим постелям...

Ира повернула голову, заметив какое-то движение у двери. Стоит, красотища, губехами накрашенными шевелит. Дома сидит, зачем мажется? Послушать, что ли, что она там несет.

Согрев в ладонях бокал, Ирина сделала глоток, сняла один наушник.

— Ты совсем обнаглела? — сквозь музыку донесся визг любовницы отца.

— Что?

— Я говорю — ты обнаглела? Самый дорогой коньяк взяла! Явилась раньше, хозяйничаешь, как у себя дома! — девушка действительно была удивлена поведением дочери любовника, всегда старавшейся быть незаметной. Удобной. — Это моя квартира! Я здесь живу!

— Серьезно? Алина, а ты вообще мышей ловить перестала? Давай проясним ситуацию, — Ире пришлось снять и второй наушник. Хотелось плеснуть этой гадине в лицо из бокала, но вместо этого Ирина лишь улыбнулась, разглядывая город сквозь панорамные окна. — Не в твоих интересах ссориться со мной, дорогая. Ты у отца очередная, а я — единственная. И он для тебя — папик, а для меня — папа. Напряги междушный ганглий и улови разницу. Здесь, в его квартире, я могу делать все, что мне заблагорассудится, поэтому улыбаешься, вежливо раскланиваешься эти дни, что я здесь, терпишь, сжав зубки.

Больше она не станет молчать, если люди на добро отвечают ушатом грязи, бесцеремонно вторгаясь в ее личный мирок, и там плюют на стол, сморкаются в занавески. За сегодняшний день она высказалась уже второй раз, и, как ни странно, это забытое чувство — давать отпор наглости, принесло удовлетворение.

— Вот ты как заговорила! Мне Саша предложение сделал, так что, не собираюсь тебя терпеть!

— А придется. Я тебе больше скажу, вечером сюда приедут мои подруги! — с удовольствием сообщила Ира, наблюдая, как вытягивается кукольное личико собеседницы. Почему-то Женьку эта кукла ненавидела особенно. — Выпьешь со мной?

— Ну, уж нет! Я звоню Саше!

— А звони. Привет ему. Передай, что коньяк божественный.

Ира откинулась на спинку кресла, закурила, потягивая благородный напиток. Интересно, есть одноклассницы, сослуживцы. А как называют прилично товаров по члену?

Накидывая варианты, Ира даже развеселилась, потихоньку пьянея. Надо было хоть что-нибудь поесть перед тем, как пить. Из квартиры доносились обрывки разговора, сначала требовательным тоном, потом фразы Алины становились все тише и жалобней.

Ее квартира, ну да, ну да. Неужели такие куклы безмозглые и нужны мужикам? А ведь девочке уже не восемнадцать, чтоб так тупить. Кстати, а сколько ей? А, не важно.

Телефон ожил входящим вызовом отца:

— Привет, дочь, говорят, ты раньше приехала.

— Правду говорят, пап. Привет.

— Женя во сколько будет?

— Часам к шести.

— Я освобожусь около восьми. Эта сейчас соберется, уедет к матери, я ей снова сказал, что замуж возьму, она и уши развесила, все сделает, лишь бы рыбка с крючка не сорвалась. На коньяк сильно не налегай, а то девочки не догонят. Бахтияр хочет приехать к тебе, ты как?

— Пить будет?

— Будет, — после секунды молчания, видимо, спрашивал друга, ответил отец.

— Отлично. Жду.

— Люблю, целую, держись. Надеюсь на твое благоразумие, дочь.

— И я на него надеюсь, пап. Люблю тебя!

Пока девица собиралась, всем видом выказывая гостье недовольство и возмущение, Ира налила себе еще, набрала в чате родственников сообщение об отмене свадебного торжества, причине и заверениями, что с ней все отлично. Оттягивать неизбежное не было больше смысла.

С самой обаятельной улыбкой помахав напоследок стоящей на пороге квартиры Алине, поморщилась от громкого звука захлопнувшейся двери. Никакого воспитания у дамочки.

А предыдущим своим пассиям отец при расставании оплачивал все их прихоти, заваливал дорогими подарками. Надо, кстати, Лере позвонить, узнать, как дела.

Отпивая коньяк, поговорила с матерью по телефону, бездумно кружа по пустой квартире, выпустила из комнаты недовольно орущего кота. Автоматически подобрала брошенную Алиной на диван заколку для волос, понесла ее в комнату отцовской пассии.

Отдельная спальня, надо же. Вся в рюшах розовых кровать, редкостная безвкусица, розовый шкаф с огромным зеркалом, на туалетном столике беспорядок. Ирина вдруг застыла, увидев себя в отражении, пьяно хихикнула. Интересно, Виталик поглядывал победно на свою тушку, развлекаясь в этом розовом гнездышке? Адреналин, наверное, зашкаливал у Пингвинчика, как же, натягивал любовницу босса в его же доме!

От представленной картины потемнело в глазах, алкоголь наложился на обиду и злость последних событий, и бокал с остатками напитка полетел в зеркало. Придумав маленькую месть, девушка сбегала на кухню, взяла самый длинный нож, вернулась в комнату соперницы и безжалостно воткнула лезвие в чужую постель, еще, еще и еще, пока рука не заболела:

— Вот тебе, вот тебе, вот! Получай, сука!

Перья летели из подушек, жалобно тренькнула пружина, выскакивая из матраса, пух радостно кружился по комнате, засыпая все вокруг, будто метелью.

В пьяном кураже Ирка распахнула двери шкафа, вывалила на пол чужие вещи, разбрасывая по комнате и безжалостно топча. Смахнула с многочисленных полочек фарфоровых пастушек и балерин, безвкусный новодел. Схватила со столика ножницы, рванула на себя верхний ящик комода. Выкрикивая проклятия вперемешку с рыданиями, кромсала тонкое кружево нижнего белья женщины, укравшей ее мечты...

Внезапно сильные руки обхватили ее сзади, сковав движения. Ножницы выпали из рук, рыдания перешли в истерический вой.

— Поплачь-поплачь, девочка, не держи в себе, хочешь, я тоже буду плакать с тобой, малышка? — раздалось над ухом шалыпинским басом с еле уловимым акцентом. Бахтияр слишком хорошо знал свою любимицу, и мысленно вознес хвалу Богу, что решил приехать, поддержать ее.

Гордый представитель крохотного народа удинов[1], после армии выбрал профессию защитника Родины, гордился этим, и заплатил за свой выбор страшную цену, потеряв любимую жену и детей в вихре междоусобных войн на постсоветском пространстве, когда вчерашние соседи в братских республиках вдруг стали врагами...

Бахтияр никогда не забывал, как в далеком девяносто третьем выл, упав на колени, в полуразрушенном доме, глядя на три засохших бурых пятна, все, что осталось от его семьи. И как раздалась трель телефона, странно уцелевшего в развалинах комнаты, и Сашка, мальчишка, выросший на его глазах в мужчину, отца молодого семейства, после разговора

коротко произнес в далекой Казани: «Приезжай».

Больше ему некуда было податься, в целом мире не осталось ни родни, ни друзей, кроме семьи, что в его счастливом детстве и юности каждое лето приезжала отдыхать с маленькими мальчишками, Сашкой и Артуром в маленький городок у теплого моря.

Надо же, двадцать четыре года пролетело, как один миг, казалось, еще вчера он стоял, растерянный, в суетящейся толпе, сжимая вещмешок в руках и медвежонка, что купил на полустанке незнакомой девочке. Хотел уже развернуться и самостоятельно искать ночлег в чужом городе, вдруг услышал тоненький голос снизу: «Бахтияльчик, мы здесь!», подхватил на руки несущийся к нему рыжий комочек в смешных зеленых штанишках. Прижал, вдохнул детский запах, слушая лепет ребенка, совершенно не испугавшегося его, огромного, пропитанного запахами дешевого плацкарта: «Бахтияльчик, папа сказал, чтоб я искала са-а-амого большого дядю, и я тебя нашла! Давай длужить?».

И жизнь его наполнилась новым смыслом.

Маленькая дочь друга детства отогрела его сердце, выросла на его глазах, заменила погибших сыновей. Огромный горец стал для малышки дядькой-воспитателем, доверенным всех ее тайн, все свободное время проводил с ребенком, не спуская с рук рыжую проказницу.

— За что, Бахтияр, ну за что? — рыдала девушка, зажатая тисками крепких рук. — Почему она? Чего ему не хватало?

— Я не знаю, Ириска, не знаю, знал бы, почему люди поступают так, рассказал бы... — прихрамывая, осторожно увел в зал плачущую девушку, усадил на диван. Достал из кармана упаковку бумажных платочков, и, как маленькой, вытер слезы, заставил высморкаться, приговаривая разные глупости, как раньше, когда любимица разбивала коленку или получала несправедливую оценку в школе.

Но на коленку можно было подуть, залепить пластырем, или, на худой конец, подорожником, а как успокоить боль разбитого сердца, старый горец не знал.

— Бахтияр, я, что, страшная? Тупая? Неряха? Что во мне не так?

— Не ищи проблему в себе, девочка, ты не имеешь права так себя унижать! Просто он — подлец...

— Но ведь я его выбрала, Бахтияр, это был мой выбор! Я позволила так с собой поступить, понимаешь? Что теперь делать мне? Давай, расскажи мне сказку, что время лечит...

— Время не лечит, Ириска, — посуровел друг. — Лечат люди, новые встречи, заботы, проблемы и радости, поверь. Ты правильно решила уехать, девочка. Через пару месяцев ты поймешь себя на мысли, что все не так плохо, я тебя знаю.

— Не сойти бы с ума за эти пару месяцев, а?

— Ты у меня боец, Ириска. Не сойдешь. Рядом с тобой еще будет достойный человек, я еще спляшу на твоей свадьбе, обещаю! А завтра поедем с тобой в магазин, какой скажешь, купим тебе новые туфельки и платье, да? — в ее детстве это обещание моментально прекращало любую истерику, уж Бахтияр знал, как успокоить свою воспитанницу.

— Нет, лучше семена купим и бензопилу! И саперную лопатку. И фигню такую, чтоб траву косить!

— Ты ж к деду собралась, Саша сказал, — удивился он, не то слово. — Зачем тебе там бензопила?

— Бахтиярчик, я еду в деревню! Я ж дом купила, и участок, вот! — вспомнила слова вчерашнего знакомца. — Трудотерапия лечит!

— Понятно. Тогда купим, — засмеялся мужчина. — Где там у Саши коньяк божественный, айда, тяпнем за новую жизнь. Как же ты быстро выросла, Ириска, вот уже коньяк с тобой пью, а не молоко из кукольной посуды...

[1] Уд́ины — один из древнейших народов Восточного Кавказа. Историческое место проживания — территория современного Азербайджана.

(25 апреля, среда, +10)

За два дня до отмененной свадьбы утром Женя привезла документы на дом:

— Ну-с, домовладелица, поздравляю с приобретением фазенды. Хорошо еще, в районе документы быстрее оформляют, чем в городе.

— Пап, Жень, а, может, я прямо сейчас и поеду? — предложила Ира, быстро просматривая бумаги. — Чего кота тянуть за неизбежное.

— Ты же завтра хотела, нет?

— Сегодня-завтра, какая разница. Завтра уже без меня, послезавтра и подавно. Вещи собраны, если что не хватит — куплю. Жень, ключи от моей квартиры возьми. Там в сером шкафу шмотки Виталика, мои сложены в комод, что не успела забрать. В прихожей сама посмотришь, разберешься.

— Ты с нами детали не обсудишь?

— Не хочу. Поеду я, из комнаты свое заберу, и вперед. Не забудьте про телефоны! Я симку послезавтра отключу утром, потом вам наберу с нового номера.

— Раз ты все решила, дочь. Помни, что в любой момент можешь вернуться, здесь твой дом. Да, пока возьми мой старый Хаммер, документы в бардачке, я тебя из страховки не выписывал, а то на твоей букашке не много и увезешь. Надеюсь, помнишь, как водить внедорожник. На карте у тебя денег достаточно, буду подкидывать.

— Хорошо, пап, спасибо, — крикнула из комнаты Ира, собирая нехитрые пожитки. — А теперь дружно ловим Шлимана!

— Я тогда звоню Наиле, твоей соседке справа, у нее ключи от дома, предупрежу, что ты сегодня приедешь, — не желая участвовать в поисках кота, Жена вышла на лоджию, закурила, набрала номер.

— Жень, вон он, под диваном, только я за ним не полезу, и не просите! — отец рефлекторно потер свежие царапины на руке, оставленные котом. — Я с ним вчера хотел поиграть, сегодня утром Бахтияр еле проржался, с боевыми ранениями поздравлял.

— Не отвечает Наиля, видимо, на работе. Смс-ку отправила. Ну что, подруга, если за твой язык тебя не сожгут всей деревней в первый же день, через пару недель навещу. А если ты этого скота там потеряешь, я только за! — прошипела от боли Женька, вытаскивая из-под дивана орущего зверя и упихивая мохнатую тушку в переноску. — Укусил, гаденыш!

Ира оглядела квартиру, вспоминая, не оставила ли она чего нужного:

— Не потеряю, он слишком привязан ко мне и к своим мискам, — через миг девушка стала серьезной. — И, папуль, единственная просьба. Пока не заводи, пожалуйста, новую зверушку для утех. Хотя бы не заселяй сюда, я часто буду приезжать, увижу, что что-то шевелится в квартире лишнее — погоню ссаными тряпками. Прости, но потерпи пару-тройку месяцев, хорошо?

— Хорошо, дочь, я тебя понял.

— Ирусь, купи себе ботинки на плоской подошве, — посоветовала подруга, заминая неловкий разговор, пока Ира надевала сапоги на высоченной шпильке. — Поверь, дорогая, не праздный совет.

— Да я уже думаю, что сначала нужно в Тандем заехать. Ну что, дорогие мои, присядем на дорожку? — обняла девушка отца, расцеловалась с подругой. — Удачи нам, да?

После положенного старинного ритуала все засуетились, похватали сумки, проводили до машины несостоявшуюся невесту, перегрузили вещи Иры в просторный американец, что покрывался пылью в дальнем углу подземной парковки, снова расцеловались, чуть не забыли переноску с оружием от оскорбления котом.

— Помни, дочь, ты всегда можешь вернуться.

— Я знаю, пап. Я вас люблю.

Глядя вслед отъезжающей машине, Александр положил руку на плечи подруге дочери. А та не сбросила, наоборот, осторожно обняла мужчину за талию, прижалась, вся потянулась к нему. Так, в обнимку, поднялись обратно в квартиру, не заметив любопытный взгляд консьержки, и только в прихожей заметили, неловко разжали руки.

— Все-таки, надо было ее отправить на Пхукет или Гоа. Кардинальная смена обстановки.

— И что в этом кардинального? Ирка выбрала единственно правильный вариант, дядь Саш. Свежий воздух, тишина, трудотерапия. А на курортах она с Пингвиненком была последнее время, не очень приятные воспоминания.

— Может, ты и права. Жень, поедем, пообедаем? За одним и обсудим планы, — не хотелось расставаться с черноволосой красавицей, особенно после нечаянных объятий. Как же он хотел приезжать домой, и чтоб она встречала его, и чтоб все, как у людей. Только с ней.

И стеснялся своего желания, все-таки пятнадцать лет разницы, у нее своя жизнь, ребенок, забавный мальчишка, значит, кто-то есть рядом, а спрашивать у Иры было неудобно. Менял девиц в постели, неосознанно выбирая похожих как две капли воды на запретную мечту, чтоб выкинуть из головы мысли о возможности признаться Жене, и ничего не мог с собой поделаться.

К Алине, задержавшейся рядом на два года, даже начал испытывать какую-то нежность, смешанную с чувством вины, ведь все чаще представлял в постели лучшую подругу дочери...

— Давай лучше доставку закажем, дядь Саш, погода мерзопакостная, совершенно не хочется выходить. Я Даньку матери отправила, правда, избалует мне бабуля чадо до понедельника, опять приводить дите к общему знаменателю.

— Жень, может, отбросим стариковское «дядь»? — попросил мужчина.

— Легко! И какой же ты старик, Саш? Многим молодым фору вперед дашь, — вдруг предательски задрожали руки. Чтобы справиться с волнением, Жень вышла на лоджию, села в кресло, закурила, глядя на город в панораме стекла. Не вспомнил... За пять лет не вспомнил. — Закажи на свое усмотрение, учти, я голодная! Ты сколько по времени свободен?

— В офис сегодня вряд ли попадаю, Бахтияр, если что, свистнет. Года два выходной не брал, — чуть позже вышел на лоджию и хозяин квартиры, поставил на столик бутылку вина, два бокала, уселся в кресло рядом с девушкой. — Я заказал, Жень, обожремся. Выпьешь со мной?

— Да, повод весомый.

Александр разлил вино в бокалы, отсалютовал спешащему городу вниз, выпил. Налил снова, закурил. Надо же, у дочери в жизни драма, а он счастлив, что эти дни проведет рядом с любимой женщиной. Вот она, только руку протяни...

— Жень, ключи от этой квартиры возьми, замки уже новые, вчера вечером сменил.

Черт, Ирке забыли отдать экземпляр. Ты отвези потом. Все, где эта... валялась, еще вчера заменил — кровать, диваны, кресла, только в ее комнату еще не заходил.

— То-то я сегодня подумала, что умом трогаться рано, но предпосылки есть. Вроде, мебель та же, а обивка по цвету на пару тонов не совпадает с привычной. Ты предупреждай в следующий раз.

— Следующего раза не будет, — жестко отрубил мужчина. — У меня к тебе просьба.

— Внимательно, Саш.

— Сегодня мы с тобой планы на двадцать седьмое состыкуем, а завтра приедешь сюда с утра, самостоятельно распорядишься ее вещами, что ребенок не испортил. Закажи клининг, грузчиков, пусть все на помойку вынесут, голые стены чтоб в комнате остались. Сделаю там бильярдную. Денег тебе оставляю, сам приеду вечером, если у тебя дела — можешь не дожидаться, ключи пусть у тебя будут теперь. Брюлики собери отдельно, отвезу ювелиру, продам к чертовой матери, деньги Ирке отвезешь. Компенсацией.

— Хорошо, я как раз до субботы на работе договорилась, что не появлюсь в офисе.

— Прости, что на тебя все вешаю, я постараюсь завтра пораньше приехать.

— Ты ее любишь?

— Привык. Она похожа на ту, которую действительно давно люблю, сейчас вижу — жалкая пародия.

— Значит, не сильно расстроился.

— Знаешь, я сам виноват отчасти, что Алинка в загул ударилась. Скучно ей было. Молодая, энергию деть некуда, я на работе сутками. Предлагал ей, правда, купить бизнес какой под ключ, кафешку, салон красоты, еще варианты накидывал, учиться отправлял, любой ВУЗ, по желанию. Нет, не захотела. Целыми днями спала и ногти, ездила, пилила. Даже вождение бросила, не осилила.

— Не твой уровень, Сашенька, — Женька не выдержала, коснулась его руки, погладила запястье. — А чего та, другая?

— Не обращает на меня внимания, — накрыл ладонью ее руку, чуть сжал осторожно. Не отняла, не убрала руку, и это было не просто знаком поддержки, нет, что-то большее...

— Ну и дура. За таким мужчиной, как ты, на край света не страшно бежать, — вырвалось у нее болью неразделенной любви. Убрала руку, справилась с эмоциями, и через миг снова улыбалась беспечно. — Прости, сказала, не подумав.

Мужчина усмехнулся, прикоснулся бокалом к ее бокалу. Если б знала, что сейчас саму себя дурой назвала. Вспомнил вдруг, как стояли в лифте, обнявшись, как она прильнула, прижалась к нему. А вдруг он ей тоже не безразличен, что ему не показалось и раньше, когда ловил на себе ее взгляды.

— С твоими возможностями любую можно завоевать, Сашенька.

— А она принципиальная. Самостоятельная. Гордая.

— Саш, просто скажи ей. Хоть будет понятно, от чего танцевать, примет или отправит гулять лесом, — Женя вдруг рассмеялась абсурдности ситуации. Она уговаривает любимого человека признаться в чувствах другой женщине! — Мужчины, вы, как маленькие, честное слово! Игрушки только с возрастом становятся другими, дороже, а в головах солнечные зайчики прыгают, что в пятнадцать, что в семьдесят. А нужно просто сказать!

— Как у тебя все просто. Сказать... А если обстоятельства?

— Замужем твоя мадам? Детей семеро по лавкам?

— Нет, не замужем. Один ребенок есть.

— Тогда в чем проблема? Все остальное решаемо, Саш. Просто подойди и скажи: «Ты мне нужна», — почему-то после его слов забило сердце, задрожали пальцы, чуть не упустив бокал.

— Хорошо. Выпьем? — мужчина покачал головой.

«Черт, вот так просто? Просто сказать? А, если, правда, от счастья отделяют всего три слова? Будь что будет!»

Александр допил вино, поставил бокал на столик и произнес тихо:

— Жень, ты мне нужна. Давно. Видишь, сказал. Что ответишь?

Опешив от неожиданного поворота разговора, Женька опустила глаза, потом посмотрела на собеседника сквозь слезы, молча встала, ушла с лоджии. Разумные мысли вылетели из головы, и, сама не понимая зачем, трясущимися руками натянула пальто. Вытерла злые слезы. Вспомнила, что сумку оставила у Иры в комнате.

Ну как так? Только что смеялась над его нерешительностью, а когда признался — плачет, уходит собралась. Неужели не попал? Или ...попал? Он вдруг понял, что если сейчас не остановит ее, не услышит ответ, больше не увидит, без вариантов.

Женька вихрем пронеслась по квартире, схватила сумку, и обратно, к спасительной двери, вон из его дома, но Александр перехватил ее на полпути, прижал к себе. Женя вдруг размахнулась, и вlepила мужчине увесистую пощечину:

— Сволочь, сколько времени еще собирался молчать? Сколько баб я твоих переревела! — вторая пощечина симметрично украсила лицо любимого. — Ненавижу тебя!

— Даже так, да? — вдруг стало легко и весело, и получил за дело, и поймал свою Жарптицу, больше не будет натужных отношений с другими, пусть похожими, но чужими. Только б удержать, сделать все правильно!

Александр схватил ее за запястья, не дав больше размахнуться, завел ей за спину, перехватил одной рукой, вторую положил на затылок, властно притянув ее губы к своим, до боли, до исступления, вложив в поцелуй все невысказанные чувства.

И уже не нужно удерживать ее руки, что-то еще говорить, пальто валяется на полу вместе с его пиджаком, и не поддается ремень дрожащим пальцам, заело напрочь молнию на платье, а не оторваться друг от друга, чтобы избавиться от ненужной одежды.

Звонок в дверь прервал страстный полет. Звонили долго, нудно, требовательно.

— Доставка, Сашенька, — первая опомнилась Женька. — Надо открыть.

— Сейчас. Никуда не исчезай.

— Не надейся! — девушка упала в уютное кресло, ноги не держали от пережитых эмоций.

Александр выдохнул, выравнивая дыхание, хмыкнул довольно, кое-как пригладил встопорщившиеся волосы, нашел портмоне, чтобы дать чаевые, открыл дверь.

— Добрый день, доставка! — молоденький курьер передал фирменные пакеты ресторана, с любопытством глядя на обстановку квартиры. Получив щедрые чаевые, бегом скатился по лестнице, испугавшись, что мужик ошибся купюрой, и сейчас отберет. И так задержался, но он же не виноват, что мегера внизу, консьержка, пока не выпросила всю подноготную, не пропустила к квартире. За его спиной захлопнулась дверь.

— На чем мы остановились? — Александр отнес пакеты на кухню, потом уселся у ног любимой женщины на ковер из овечьих шкур, расстегнул на ее ногах сапоги, стащил поочередно, прижался лбом к ее коленям. — Женя, мне сорок пять. Тебя не смущает ничего?

— Мне тридцать, Саш, и мне пофиг на цифры.

— А как Ирка отнесется? Я не собираюсь тебя теперь отпускать, придется однажды рассказать ребенку.

— Ты из-за нашей дружбы молчал? Ира поймет, я тебя, дурака, со школы люблю... Ну, или погонит ссаными тряпками, — усмехнулась, вспомнив угрозы подруги. Сползла к нему на пол, утонув в поцелуях любимого мужчины. — Я же каждую твою очередную курицу в мечтах расчленяла, в асфальт закатывала, по ноге к березам привязывала! Какой же ты дурак...

— Кровожадная моя. Моя. Любимая моя... Как давно мечтал назвать тебя так вслух, ты не представляешь. Прости меня за молчание. Я так боялся... Никогда ничего не боялся в жизни, а разговора с тобой — до трясушки.

— И я боялась, что на смех поднимешь, если скажу.

— А с Иркой решим. Если что, побежим вместе. Найдем убежище, переждем скандал, да?

— Вместе, Сашенька?

— Вместе, Жень. Теперь только так. Платье снимается сверху? — виновато спросил счастливый мужчина. — Кажется, я молнию на нем сломал...

По пути Ирина заехала в торговый центр, купила крепкие ботинки на толстой подошве, резиновые сапоги, милые разноцветные калошки, книг, еды на первое время. С каким-то новым для себя чувством прошла мимо любимых магазинчиков, правда, не удержалась, набрала пустяков для ванной комнаты. Не в речке же люди там моются? Когда уже выезжала с парковки, вдруг вспомнила, что еще необходимо купить, вернулась, приобрела подушки, одеяла, постельное белье, полотенца, быстро обрастая новыми вещами.

По дороге заскочила в любимую винотеку, бездумно набрала алкоголя, если придет время опять поплакать. Вбила в навигаторе новое название, посидела немного, закрыв глаза. Только на прошлой неделе сказала подругам, что ее жизнь неизменна и неизблема, и вот, через пять дней — только Шлиман едет с ней в новую жизнь.

— Так, себя не жалеть, улыбаться, и — только вперед! — сказала сама себе, повернула ключ зажигания.

Включив любовно собранный плейлист вразбивку, выехала с парковки на дорогу. Из динамиков хрипло отозвался Джо Кокер. Хороший знак. Ира увеличила звук, оглянулась на переноску, но Шлиман не повел ухом, дрых в теплом одеяле.

Город будто взбесился, не собираясь отпускать девушку, даже небо упало на дома серой подушкой, зацепившись за антенны, повисло грозовой тучей, уменьшая обзор.

Три раза стояла в пробке, внезапно закончился бензин, еле дотянула до заправки, ливень встал стеной на выезде из Казани, на трассе два раза нечаянно проехала поворот, не услышав за музыкой указания навигатора.

Но, близ Камы распогодилось, дождь уменьшился, а у райцентра из-за туч и вовсе выглянуло солнце. Дворники не так бешено мельтешили по стеклу, поэтому одинокую фигуру голосующего на остановке Ира заметила еще на повороте.

— В Лесной едешь, матурым[1]?

— Да, садитесь.

Мужчина уселся, по-хозяйски закинул под ноги сумку, щелкнул замком ремня безопасности и отвернулся в окно, давая понять, что не настроен на разговоры. Капюшон

толстовки не давал разглядеть лица. Лет сорок-сорок пять, навскидку, высокий, видно было, что его длинным ногам неудобно, но отодвигать кресло не стал.

Идеальный попутчик, если бы от него не несло смесью алкоголя, табака и мужского пота. Особенно раздражал запах спирта, будто выпивоха только-только щедро плеснул на себя с ног до головы, не успев отхлебнуть.

Через пару километров, однако, он подал голос:

— Притормози, вон, бабка чешет, тоже наша, давай возьмем.

— В «бюро добрых дел» я еще не работала, — возмутилась бесцеремонностью попутчика Ира, но остановилась у обочины.

— Никогда не поздно начать, матурым.

Бабуся уселась на заднее сиденье, без умолку ворча про нерадивых водителей, проехавших мимо, про погоду. Бабке хотелось поговорить:

— Ты чьих будешь, девка, что-то я тебя не знаю. Для дачников рановато, на источник едешь? У нас таких машин не бывало, заработала, или подарил кто? И кем это работать надо?

— Бабуль, давайте договоримся на берегу, как говорил Чапай на берегу Урала, это не такси, развлекать разговорами, тем более, о своей личной жизни, я вас не собираюсь, едем молча, слушаем музыку.

— Грубиянка какая! — бабка обиженно зашуршала в сумках. К запахам мужчины прибавился ядреный дух квашеной капусты. — Не очень и хотелось с тобой разговаривать, и музыку твою поганую слушать!

— Терпим еще немного до поселка. Я — вонь из ваших сумок, вы — мой плейлист.

Только бабка открыла рот всласть побраниться с юной, но чересчур самоуверенной дамочкой, как раздалась стандартная мелодия самсунговского звонка. Мужчина со вздохом достал телефон, смахнул иконку вызова. Ира на автомате приглушила рвущуюся из динамиков мелодию скрипки потрясающего Дэмиена Эскобара.

Бабка изо всех сил подалась вперед, подслушивая тихий разговор.

— Да, еду, скоро уже буду. Сначала на работу, потом домой. Ужин? Попозже, сам погрею, отдыхай. Целую.

— Для хахаля своего и песни выключила, а он, слышала? Другую в трубку нацеловывает! Тьфу, городские! Ни стыда, ни совести!

Мужчина резко скинул капюшон, повернулся к недовольной пассажирке:

— Фирюза-апа, что Вы такое говорите!

— Ох, Решад Маратович, не узнала! Долго жить будете! А я к вам завтра собиралась, с утра, все равно в магазин побегу, да?

— Прием завтра с четырнадцати тридцати, — сухо ответил мужчина, дернув изогнутой натянутым луком верхней губой, вновь напялил на голову капюшон.

— Вы ж все едино на работе будете с самого утра, уж зайду.

Ира с облегчением сделала последний поворот, заехала в поселок, остановила машину:

— Так, приехали, надеюсь, содержательный диалог вы продолжите на улице.

Мужчина что-то буркнул похожее на «благодарю», выскочил на дорогу, вытащил сумку, закрыл за собой дверь.

— Эй, девка, до Цветочной улицы доведи уж, сумки тяжеленные!

— Повторяю — в таксопарке не работаю, вылезай, бабуль.

— Чтоб твоя машина сломалась! Чтоб все колеса полопались!

— Не надейся, бабуль, америкосовский автопром надежен, как скала, его даже русские проклятья не берут.

Бабка с досадой хлопнула дверью, плюнула под колесо, привычно навьючила свои баулы на спину и бодро потелепала по дороге.

В левое окно аккуратно постучали. О, мужик-вонючка что-то еще хочет рассказать. Вздохнув, Ира опустила стекло. Не так она мечтала начать новую жизнь.

— Прости Фирюзу, матурым, она у нас местная достопримечательность, на голом полу сплетню станцует. А так она — бабка забавная. Кстати, на счет хахаля — я не против. Ты как, может, встретимся вечером для общего удовольствия? — в серых глазах случайного попутчика чертики выплясывали ламбаду. — Музыка отличная, как раз перекинешь мне.

— Слушайте, в вашей деревне все ебанутые, или есть просветы, как в том заборе? Не успела приехать, обозвали, почти поймали. Страшно с остальными соседями знакомиться.

— Это не по Озерной ли ты дом купила, матурым? И да, я ж тебе не любовь-морковь предлагаю, времени нет на эти ужимки и прыжки, просто качественный секс, сплетню мы все равно получим в анамнез через полчаса, так почему бы ее не реализовать?

— Ахренеть, предложения посыпались! Руке своей предложи. Свободен, озабоченный! — не поднимая стекло, Ира стартанула с места, попав в лужу как раз левыми колесами. Мужчина не успел отпрыгнуть, как его окатило грязной водой.

Странный мужик. Телефон тройка, у нее был такой шесть лет назад, устарел безвозвратно, а на руке — «Юбло»[2], в увесистую пачку денег, и не реплика, качество этих часов Ира знала отлично, любимая марка отца. Старая, замурзанная толстовка явно китайского рынка, но дорогая куртка, удлиненная, мягкой кожи. Алкаш, запах до сих пор в салоне, а Трындычиха его уважительно, даже заискивающе назвала по имени-отчеству.

Ай, думать еще о нем, много чести, идиот, без тормозов совершенно, еще шрамы такие уродливые, на седом виске и по шее от уха, видимо, при родах умудрились уронить три раза, и потом с ноги добавили. Нужно купить перцовый баллончик, чтоб такие «гости» не подходили близко к участку.

[1] Красавица (тат.)

[2] Hublot, швейцарский часовой бренд.

На удивление, дорога в поселке была покрыта асфальтом, у крепких домов стояла техника, неплохие машины, иногда были видны во дворах яркие минитрактора, как игрушки. Огромный старинный храм красного кирпича был затянут лесами реставрации. Низкие заборчики лишь обозначали границы участков.

Справа от дороги на двухэтажном здании краснела вывеска «Магазин». Интересно, какие цены здесь и ассортимент, может, и не придется ездить в райцентр по каждому пустяку. Напротив администрация, за ней клуб, новый, в три этажа, больница чуть вдалеке за забором-рабицей, сияет новой крышей.

И чистота кругом, первые робкие одуванчики уже пробиваются из земли, день-два хорошей погоды, и раскинется зеленое поле по обочинам, закрывая собой весеннюю неустроенность.

Ира сбросила скорость, осторожно объехала злобную меховую шапку, по недоразумению рожденную собакой, что вылезла из-под крыльца магазина, хрипло обляяв незнакомую машину.

От здания администрации аккуратно повернула направо, следуя навигатору, и в конце улицы, у предпоследнего дома слева услышала долгожданное: «Маршрут закончен. Вы на месте». Напротив ее будущего дома ярко выделялась синяя вывеска «Полиция». Ну, слава Богу, есть куда бежать, если что.

Уже ее дома.

У калитки стояла статная пожилая женщина:

— Здравствуй, кызым[1], я как раз только с работы пришла, ключи у меня. Пойдем, покажу твои владения. А ты почему одна, вроде, должна приехать молодая пара, а где муж?

— Не обзавелась, Наиля... Как Вас по отчеству?

— Да зови апа[2], по-соседски, кызым. Ладно, муж — дело наживное. Моему сыну тридцать пять, тоже не торопится в ЗАГС, из дружков его два пока женились, диву даюсь современной молодежи. Тебе сколько лет?

— Двадцать шесть.

— Молоденькая совсем, и как ты тут одна управляться будешь. Водонагреватель я у тебя включила, отопление тоже. На стене в технической комнате висит инструкция, что и как, не сложно, разберешься, если что — зови. Вот ключ от калитки, хотя у нас не запирают, на щеколду закрыла и хватит. Этот ключ, большой — вход с веранды, чтоб не бегать через террасу зимой. Этот, поменьше, — выход с кухни. Брелок открывает ворота. Магазин ты видела, напротив больницы и администрации. Звони мне, не стесняйся, номер запиши. Тут все по-простому, Ирочка, главное — не ссориться, не ругаться.

— Наиля-апа, я уже, — покаялась Ира. — С Фирюзой вашей познакомилась.

— Ох, девочка, когда успела! — всплеснула руками женщина.

— Подвезла ее с райцентра, на свою голову.

— Ну, я ей задам!

— Да бросьте, Наиля-апа, я сама виновата, не нужно было отвечать этой шизанутой. Язык мой — враг мой...

— Значит, заработала Фирюза отлуп. Машина у тебя какая! Огромная, — восхитилась соседка. — У нас таких и не бывало. Мужская, я еще удивилась, увидев.

— За отцом донашиваю, свою букашку пока в городе оставила, на этой удобней вещи перевезти. Ой, Шлимана забыла!

Ира рванула к машине, открыла заднюю дверь слева, вытащила переноску. Недовольный кот спросонья коротко мявкнул.

— Какой пушистый котяра! — женщина с любопытством заглянула в окошко корзины. — Зубы какие, ух! Ну, значит, не скучно будет. Обустройвайся, Ирочка, сейчас эчпочмаков[3] тебе принесу, с утра пекла.

— Спасибо, большое спасибо!

Ира подцепила ногтем замочек брелока и насадила на колечко ключа машины. Щелкнула кнопкой, жалюзи ворот плавно поехали вверх. Загнав машину под навес из поликарбоната, девушка вышла за переноской, закрыла ворота, решив пройти через калитку.

Широкая каменная дорожка огибала дом, сочетаясь теплым цветом молочного шоколада с каменной обшивкой фундамента, раздваивалась одним продолжением у большой террасы, вторым терялась на участке. Все стекла на веранде целые, окна закрыты ставнями.

Именно таким она представляла свой домик, рисуя планировку на полях тетрадей во время лекций. Две широкие ступени террасы, ключ повернут два раза.

— Ну что, Шлиман, вот наше новое жилище, тебе первому заходить, — поставила Ира

переноску на пол, открыла дверцу. — Обживайся, сейчас принесу твое имущество, подумаем, где поставить. Попозже тебе новую когтеточку куплю, чтоб стены не драл.

Кот недовольно дернул блестящей рыжей шкуркой, потянулся, открыв пасть в зевке, и побежал по светлым половицам обнюхивать притихший дом.

Высокие потолки, стены обшиты пробкой, кухня слева, шкафы и широкий стол цвета топленого молока, и только старинный добротный буфет контрастировал с современной мебелью своей грузностью и узором виноградных листьев. Ира воткнула в розетку вилку огромного холодильника, и тот радостно заурчал, готовый служить новой хозяйке.

Справа гостиная, продолжением кухни, длинный мягкий диван с оттоманкой манил подушками уютно устроиться на нем с книгой под пушистым пледом. Хорошо, что соседка включила отопление заранее, полы были теплыми.

Небольшой плетеный диванчик здесь был явно лишним, скорее всего, как и три кресла из ротанга, заботливо перевернутые на столик, предназначен для летних посиделок на террасе. Стекло для столика надорванной с угла упаковкой выглядывало из-за дивана. Подушки для кресел и диванчика, аккуратно запакованные, лежали на полу.

За кухней — небольшая кладовая с полочками и морозильной камерой, напротив — туалет, чуть подальше — ванная комната. Две небольшие спальни напротив друг друга, большая гардеробная со шкафами-купе, техническая, и все, между ними — дверь на веранду, в зимний вход и на мансарду.

Ну что ж, холодильник есть, огромная двуспальная кровать в одной комнате, комод. Во второй, правда, голые стены. Стиралка и сушилка в ванной. Ирина включила везде свет, повернула-завернула вентили — и вода есть. Жить можно.

Чувствовалось, что к проекту дома была приложена женская рука, все предусмотрено — в туалете установлена дополнительная раковина, биде. В ванной комнате душевая с матовыми дверками, выложена шершавой узорной плиткой, чтоб не поскользнуться, сверху широкий, с несколькими переключателями для напора воды, душ, и по бокам два, чтоб, например, сполоснуться, но волосы не мочить. Есть и чугунная, увесистая, в которой долго не остывает вода, ванна, может, еще с советских времен.

[1] Дочка (тат.)

[2] Тетя (тат.)

[3] Выпечка татарской национальной кухни.

— Кызым, ты где? — послышалось с кухни.

— Я здесь, Наиля-апа, — вернулась на кухню Ира, села за стол рядом с гостьей.

— Смотри, тут эчпочмаки, эти пирожки с капустой, эти — с зеленым луком, уже со своим.

— Ой, куда столько!

— Ешь, вон, какая худенькая, одни глаза светятся. Редко готовлю, я на работе ем, сын тоже. Да и не люблю кулинаруить. Пирожки, и то, получают через раз. Ну что, посмотрела хоромы?

— Да, дом прекрасен! А почему его продали?

— Так москвичи строили-строили, только летом приезжали, лет пять, да, в двенадцатом году купили, старый пока снесли, новый добротнo ставили. Мебель привезли, еще не заехали, Евгения Васильевича обратно в Москву вызвали. Как они с женой сокрушались, но,

видно, большой должностью поманили. Мы, правда, думали, что долго участок будет без хозяина стоять, дорогой получился по деньгам, у нас в поселке таких цен не бывало. А тут — пару месяцев не прошло, продан, даже никто смотреть не приезжал, кроме риелторши. Улыбчивая такая деваха, говорливая.

— Подруга моя, Женька. Я давно хотела купить такой дом, а тут все сложилось... — внезапно брызнули слезы из глаз, опять сказалось напряжение последних дней. Наиля молча гладила девушку по голове, давая время выплакаться. — Послезавтра я бы замуж вышла, Наиля-апа, и этот дом был моим подарком на свадьбу, больше, конечно, самой себе, чем жениху, но, я думала... Три года жили вместе, все хорошо было, как в прекрасном сне, я так считала, а выяснилось, что спала плохо и на навозной куче. Мой отец — его начальник, мы и познакомились у папы на работе, случайно.

Наиля встала, открыла шкафчик с посудой, достала стакан, налила воды, и опять села рядом.

— Оказалось, что я — никчемное бревно. Терпит меня только из-за отдельного кабинетика и лучшей должности, обещанной моим отцом после свадьбы. В любовницы себе папину даму сердца пристроил, вот где персик! Будет им послезавтра залп с фейерверками вместо свадьбы, — горько рассмеялась девушка, встряхнув рыжими кудрями, будто отгоняя от себя плохие воспоминания. — Поэтому я и приехала сюда, бурю в стакане переждать, а тут сразу этот, в шрамах, алкаш небритый, старый пень, уже в кавалеры набивается!

— В шрамах? Решад, что ли?

— Да, так, кажется, его ваша Фирюза назвала. Решад Маратович, точно. Вместе с бабкой по пути посадила, до сих пор в салоне воняет. Наглый какой, ему бы самомнением на базаре торговать! Старпер, в отцы мне годится, а все туда же! И уснуть не смогу, вдруг заявится, страшила! Урод моральный...

Наиля еле сдержалась, чтоб не рассмеяться, услышав характеристику своему сыну, но у девочки капали настолько горькие слезы, что женщина решила промолчать, побоялась, что от новости, что тот «алкаш» — ее ближайший сосед, малышка на нервах усвистит обратно в город. А в городе у нее проблемы.

Женщины еще немного поболтали про погоду, рассаду, местные обычаи, Ира совершенно успокоилась, начала улыбаться.

— Ох, дочка, мне пора, да и тебе отдохнуть нужно, — поднялась из-за стола соседка. — Ты постельное белье привезла?

— Да, купила новое, что-то еще покидала в сумки, сейчас в дом занесу, разберу, что есть. Если что — завтра съезжу в Зареченское, докуплю. Спасибо Вам!

В ворота гулко постучали, скрипнула калитка. На террасу шагнул молодой улыбчивый мужчина в полицейской форме:

— Ау, есть кто? Здра-а-авствуйте, красавица, так Вы и есть новая хозяйка? Наиля Ильдусовна, доброго здоровья! Как халляр[1]? Ярканат дома, или до сих пор на работе?

— На работе твой дружок, чего спрашиваешь, раз знаешь, — строго ответила женщина. — Это, кызым, наш участковый, Алексей Сергеевич, шалопай еще тот.

— Да можно просто — Леша, для такой красавицы какие отчества! — мужчина крепко сжал руку новой соседке, привычным жестом откинул назад светлые непослушные волосы. — А я иду, смотрю — в доме свет горит, дай, думаю, зайду, познакомлюсь. Если что — я напротив живу, холостякую помаленьку.

— Вот, Леш, помоги-ка Ирине Александровне сумки принести, а я пойду, прилягу

устала сегодня. А, кызым, завтра я пораньше с работы буду, могу с тобой в райцентр и съездить.

— Очень хорошо, Наиля-апа, я только рада!

— Лешка, чтоб сумки помог перенести, и рысью к себе! Девочка устала.

— Слушаюсь, Наиля Ильдусовна! — отдал честь полицейский. — Ярканата бы мне поймать, в выходные обещал беседку помочь доделать.

— Телефон опять потерял, растяпа? Позвони дружку своему, напиши, я его давно за уши не держу.

— Да привычной спросить. А телефон дома оставил, — бесхитростно улыбнулся парень.

— Когда ж вы уже остепенитесь, женами обзаведетесь...

— А вот у нас Ирина Александровна не замужем? Готов хоть завтра! Или на следующей неделе, можно через месяц, года не пройдет, по первому свистку!

— Тьфу, шураленок[2], вырос с елку, все без толку, — Наиля беззлобно щелкнула по носу парня, уходя.

— Ну что, Ир, пойдем разгружаться? Какая у тебя машинюка знатная, Хаммер?

— Он самый, тройка. Это машина отца, потом свою перегоню, у меня попроче аппарат. Кстати, а где заправка в округе?

— Десять километров чуть дальше, да, а ты, главное, как в старом анекдоте, мотор заглуши, когда заправляться будешь, а то так Хаммер и не заправишь, правду говорю.

— Знаю этот прикол. Да, жрет, скотинка, за троих, но и пашет безотказно.

— Кстати, мы же на «ты»? А то в нашем возрасте выкать смешно, верно? Ты же меня лет на десять младше, да? Мне вот в мае — тридцать будет, самый сок!

— Это ты так технично мой возраст пытаешься узнать? Леш, я совершенно не стесняюсь, в июне двадцать семь стукнет.

— Надо же, я б тебе и двадцати не дал! Ну, так что, женимся? Я — умный, молодой, красивый, — стал загибать пальцы Леша.

— А чего до сих пор в холостяках?

— Ир, я ж говорю: я — умный!

Хохот после его слов слышала вся округа. Общаться с Лешкой было легко, спокойно. Пока носили сумки и устанавливали колонки, болтали на разные темы, подначивая друг друга, смеялись до слез, как будто были знакомы всю жизнь. Алексей помог снять ставни с окон, сложил аккуратно в кладовке под лестницей, ведущей на мансарду.

— И это все твое хозяйство? — удивился Лешка, когда последняя коробка перекочевала в дом. Чайник-то есть?

— Напрашиваешься?

— Ну да, пока Ярканата жду, можно и по чайку.

— А нет пока чайника. Представляешь, практически все купила, а чайник забыла! Завтра с Наилей-апой поедем в райцентр, куплю. Слушай, Леш, она пирожков принесла, я столько не съем, возьми с собой?

— А возьму. Но предложение на чай остается в силе. Будет скучно — приходи ко мне без стеснения, хорошо?

— Договорились, Леша!

[1] Просторечное выражение «как дела?», часто встречаемое в Татарстане.

[2] Шуралé — антропоморфное мифическое существо татарских и башкирских сказок, персонификация духа леса.

Раскидав по шкафам немудреные пожитки и вымыв кухню, девушка ахнула, посмотрев время — десятый час вечера! Согрела молока в ковшике, накинула теплую куртку, и с чашкой какао присела на ступени террасы, прислушиваясь к звукам нового места жительства.

Трассу не было слышно, но недалеко работал трактор, чуть дальше по улице женщина позвала домой детей, с участка Наили-апы послышались мужские голоса, но слов было не разобрать, разговаривали у крыльца, наверное, Леша дождался с работы своего друга. Где-то затыкала собака, радостно встречая хозяев. Вдалеке, за говорливой рекой, величаво шумел лес, постепенно выплетая главную тему симфонии вечернего поселка.

Непривычно было без фона любимого проспекта, который не затихал ни на минуту под окнами, ярких огней торгового центра напротив дома. Только темнота, цвеньканье птиц и воздух, наполненный запахами зацветающей весенней земли. А небо, такое высокое, синее-синее, редкими облаками провожающее вечер, совершенно другое небо. Ой, а много в городе вверх смотрела?

Внезапно на дорожке сверкнули кошачьи глаза, и из темноты вынырнул Шлиман с мышью в зубах, положил добычу хозяйке к ногам, с довольной мордой убежал к мискам. Вот кому переезд не дал ни малейшей отрицательной эмоции. Ира краем сапога отбросила кошачье подношение подальше на землю, завтра закопать, хорошо еще — с детства не пугалась ни мышей, ни крыс, ни пауков.

Странно, но за весь вечер, после слез, сбежавшая невеста и не вспомнила о горестях последних дней, будто стерли ластиком все события, больше заботили уставшие ноги. Долой каблуки, с завтрашнего дня только удобная обувь. Удобная одежда. Удобная жизнь.

Можно готовить то, что нравится, а не то, что хотелось Виталику, ложиться спать, когда захочется, а не между храпом успевать заснуть. Роллы эти, после которых изжога. Обидно было, когда она приготовит с любовью, а утром на кухне на столе коробки пустые свалены. Котлетки ее не тронуты, щи по рецепту его матери. Вот что, но не отнять у Светланы Юрьевны, готовит она отменно.

И комочки носков, фу! исчезли из ее жизни. Сколько было потрачено нервных клеток из-за такого пустяка... Корзину для грязного белья, большую, широкую купила специально, попасть в нее может даже слепой. Рубашки. Как же она ненавидит гладить рубашки и сорочки!

Музыку слушать не только в наушниках, и только ту, что нравится! Мебель расставить по своему желанию, открыть на ночь все форточки, а когда станет теплей — и окна. Косметичку забросить подальше, не мучить свою, и так проблемную кожу, пудрой и консилерами.

Столько обнаружилось плюсов в одиночестве, что их количество и весомость с лихвой перекрыли обиду на несостоявшегося жениха. Боль обиды постепенно отпускала, теперь вспоминались больше светлые моменты прошедших трех лет.

Ухаживал красиво, приезжал с утра, перед работой, привозил цветы, из Старбакса глясе, мило целовал, убирая сливочную пенку с ее верхней губы. Курить бросил, чтоб не раздражать ее запахом. Молчал до поры, что курит она. Пару раз в первый год знакомства покорно убирал лоток за Шлиманом, заезжал каждый день, хотя ему не по пути, когда она

уезжала надолго из города.

Маму свою любит, выполняя все ее прихоти, может, это ее и подкупило окончательно, говорят же: «Посмотри внимательно, как мужчина относится к родителям». Даже с роллами можно было смириться, для Витали эта услуга была показателем приличной жизни, а домашняя еда, которой она принялась его потчевать, только стали жить вместе, он и дома с детства ел.

Ира усмехнулась, вспомнив их споры по поводу напитка в жару. Ей так нравилось играть со вкусами ягод и фруктов, добавляя мяту, базилик, листочки смородины и барбариса, а Виталик обожал покупной сок, и чем больше в нем было химозы, тем ему было вкусней.

Ира неожиданно поняла, что, кроме вкусовых пристрастий, она не знает больше ничего о мужчине, с которым прожила три года. Он же знал о ней все, слушал внимательно ее болтовню. Правда, последнее время уклонялся от разговоров, но это уже объяснимо, другую слушал, хотя, что в жизни Алины интересного?

Нельзя допускать человека так близко, чтоб не было больно. Не будет в ее жизни больше подобных эмоций, ни один мужчина не достоин любви. Это маме повезло, и с папой, после развода умудрились сохранить нормальные отношения, и с дядей Витей опять повезло. Дедушке с бабушкой тоже повезло, но и время их молодости было другим, женились по любви, старались для семьи и детей.

А отцу даже деньги не помогли создать «долго и счастливо» ни с одной из его пассий после развода...

Вот и у нее не получилось. А старалась, уступала, где можно и нельзя, прикусывала свой язык, чтоб не обиделся лишний раз, с подругами встречалась редко, зная, что Виталик будет недоволен. Занятия на роллердроме забросила, о том, чтоб на снегоходах зимой с друзьями прокатиться — совсем забыла. Готовила, создавала идеальное гнездышко, баловала своего мужчину, мечтая о большой семье, о детях. Как допустила такое потребительское отношение к ней? Где ошиблась?

Может быть, в выборе мужчины? Да красиво ухаживал, выложил по полной программе. После двух лет европейской жизни и знакомств с мужчинами там, слишком практичными, Виталик и показался принцем. А оказался...

Вздохнув от тяжести признания самой себе, Ира поднялась со ступеней, тщательно закрыла все двери, вспомнив намеки идиота в шрамах, хоть и утверждала соседка, что тот пошутил. Да ей откуда знать, она же не может отвечать за поступки всех односельчан.

Завтра непременно нужно осмотреть участок, съездить с соседкой в райцентр, а пока — пора ложиться спать. Купить перцовый баллончик! Уже, после душа, засыпая в уютной широкой постели в обнимку с котом, вдруг вспомнила детскую присказку, и прошептала, улыбнувшись в темноте: «На новом месте — приснишь жених невесте!»

(26 апреля, четверг +5)

Вскочив на ноги в шесть утра в туалет, Ирина не чувствовала желания нырнуть обратно под одеяло, что было нормой в городе. После душа, позавтракав пирожками, кстати, не забыть взять у соседки рецепт такого теста, что осталось на следующий день воздушным и хрустящим, включила на телефоне музыку, воткнула в уши капельки наушников.

Натянула теплую куртку, новые резиновые сапожки точно по ноге. От избытка чувств Ира проскакала со ступеней, рассмеявшись хорошему настроению, отправилась смотреть свой участок. Двадцать четыре сотки, мама дорогая, работы — непочатый край. Красивая елочка приветственно закачала ветвями, радуя зеленью, ее обязательно оставить, и наряжать зимой.

Разбить цветник, если перед домом Ира задумала монохром белых цветов, к тому старому кусту чубушника в углу палисадника, то возле террасы будут полыхать красные розы, много-много красных роз! По сторонам, чуть наискосок, поставить теплицы. Не забыть понаблюдать за перемещением солнца, посмотреть, как равномерно будут освещаться посадки.

На днях вернуться в Казань, не заезжая домой, наведаться в Леруа, но составить список, чтоб не бегать по отделам с растерянным видом как получилось когда, с Бахтияром. Знатно они развлекли консультантов, по три раза переспрашивая, где что найти, и как называется то, что они хотят купить.

Обязательно заехать к дяде Пете за рассадой, и старика повидать, поблагодарить еще раз за качественный пинок, и выведать хитрости садоводства.

Незаметно, прикидывая планировку будущего сада, Ира дошла до края участка. По левую сторону оживала от зимней спячки малина, а по правому, у забора соседей, уже поднимала ветки любимая ежевика. Выход к реке был обозначен шикарной перголой, окрашенной, как и низ дома, в шоколадные оттенки. О, здесь, у реки, будет все в огне рыжих цветов!

Большой добротный пирс через тропинку на границе двух участков, ее и Наили-апы, внизу слева, где начиналась улица, был виден песчаный пляж, на противоположном берегу виднелись островки песчаных отмелей. Ирка от восхищения захлопала в ладоши, а потом оглянулась по сторонам, не видел ли кто ее щенячьего восторга. Все-таки, взрослая женщина, двадцать шесть лет!

Закончив зарядку с гантелями, Решад обернулся на соседний участок, чуть ниже своего. Москвичи перестроили дом так, что с его веранды прекрасно просматривалась терраса и большая площадь огорода, но и его дом был соседям виден, как на ладони, хотя это не мешало нисколько.

Ничего себе, а эта рыжая уже гуляет по своим новым владениям, ранняя оказалась птаха. Вчера успела матери пожаловаться, вредная, аж по шее полотенцем получил за свои слова.

С гонором девчонка, но хороша, черт, как хороша! Медовые кудри золотятся в лучах восходящего солнца, короткая стеганая куртка не скрывает грудь и тонкую талию, эти прелести он разглядел еще вчера, светлые джинсы подчеркивают округлую попку. Хороша...

Высокая какая, с такой не нужно наклоняться в три погибели, чтоб целовать, одни ноги чего стоят, не зря говорят — от ушей растут. Обычно девчонки с подобным ростом сутулятся, пытаясь скрыть лишние сантиметры, а эта носится по участку с гордо расправленными плечиками. И так смешно вчера вскидывала голову, когда злилась. Кто его за язык тянул наговорить глупостей?

Решад постоял еще, пока новая соседка не скрылась из виду. Глянул на часы, чертыхнулся, ушел в дом. Будет еще время познакомиться заново, может, действительно, легкий романчик обозначится на лето.

К обеду Ира вымыла весь первый этаж, закончила писать список необходимых покупок. На месте не сиделось, и, не смотря на мелкий дождик, девушка решила прогуляться по окрестностям, посмотреть ассортимент местного магазина. В диковину была пустая улица, редкие прохожие здоровались с ней, как со «своей», улыбаясь.

Недалеко от магазина, в глубокой луже топал ножками малыш, заливаясь смехом в брызгах воды, не обращая внимания на уговоры мамы выйти из грязной запыленной. Ира аккуратно обошла беспокойное семейство, но, не удержалась, и подмигнула ребенку.

Когда-нибудь в ее жизни появится маленький человечек, будет также заливисто смеяться, бегая по лужам, и ушки забавной шапочки будут ловить ветер. Он будет, обязательно будет, рыжий сорванец, с хитрыми голубыми глазами, с вечно содранными коленками, станет морщить носик при виде стакана теплого молока на ночь, и верещать притворно на аттракционах детского парка. А, может, кокетливая девчушка, обожающая тайны и волшебные сказки. Будет обязательно.

Из магазина вышел кто-то, из-за угла не видно, и карапуз, раскинув ручки, с радостным визгом бросился навстречу. Мужчина подхватил малыша, подбросил вверх на вытянутых руках, не обращая внимания на ручьи воды, веером разлетевшихся от маленьких сапожек на кашемировое полупальто и черные джинсы, и оба счастливо рассмеялись, просто так, от полноты ощущений.

Надо же, и за сотню километров от города встречаются модники со вкусом в выборе одежды. Ба! Это липучка вчерашняя, как его там? Решад «хочу-тебя-немедленно!» Маратович. Побрился, не узнать, моложе стал выглядеть, если б не седина.

Резко развернувшись, Ира чуть ли не бегом завернула за угол магазина, нырнув за старый дуб, неловко зацепила зонтик за ветки. Сердце зайцем колотилось в груди, щеки заалели, и совсем не от ветра.

Мужчина тем временем бережно передал шалуна матери, поздоровался. Повернул голову, заметив суетливое бегство вчерашней попугайцы. Приподнял бровь, махнул ладонью в приветствии. Перешел дорогу, закурил, наблюдая, как безуспешно соседка пытается слиться с окружающим миром, усиленно делая вид, что не замечает его. Выбросил сигарету в урну, послал девушке воздушный поцелуй, скрылся в здании администрации поселка.

Ира перевела дух, отлепилась от дуба, осторожно вышла на тропинку. Прогулялась по поселку, угу. Неужели теперь постоянно наткаться на этого озабоченного, что, другие жители в поселке закончились?

В магазине было пусто, у кассы блондинка, девушка примерно одного с Ирой возраста, от нечего делать листала глянцевого журнал. Можно было бы ее назвать красивой, такие

личики обычно рисовали Снегурочкам на открытках с новогодними поздравлениями, если бы не бросалась в глаза болезненная худоба под стареньким платьем до пят. Ирина сняла наушники, вежливо поздоровалась. Девушка поздоровалась в ответ, внимательно рассматривая незнакомку. Оценив внешний вид покупательницы, продавщица состроила недовольную гримаску, думая, что та не видит.

— Мне, пожалуйста, сок, минералку.

— Сок Вам какой?

— Вишневый, апельсиновый, томат. «Я».

— Который из них, девушка? — недовольно протянула продавщица, со вздохом залезая на стремянку к верхней полке.

— Все три. И томатного — две упаковки, пожалуйста.

— Одна осталась.

— Хорошо, давайте одну.

Внезапно ожил входящим звонком телефон. Звонил Виталик. Ира вздохнула, вышла на улицу, ответила на вызов:

— Да, любимый!

— Зайка, как у тебя дела? Ты вчера даже не позвонила, крепко погуляли на девичнике?

— Да нет, дорогой, все в рамках, — между разговорами подкурила сигарету. — Голых стриптизеров не заказывали.

— Мы вчера тоже тихо посидели с парнями. Я соскучился.

«Да-да, представляю, как тихо. Интересно, Алинка выскакивала из торта?» — подумала девушка, но вслух нежно произнесла:

— Завтра увидимся, потом всю жизнь будем вместе, еще скажешь, что надоела.

— Не скажу, зайка моя.

— Виталик, — вдруг тихо позвала она бывшего жениха. — Ты меня любишь?

— О чем ты спрашиваешь, конечно. Ладно, зайчонок, мне пора. Костюм я забрал, сегодня с утра с твоим отцом разговаривал, вроде, все и без нас готово. До завтра!

— До завтра, Виталь, — его голос больше ничего не вызвал, никаких эмоций. Нет, вызвал. Раздражение откровенным враньем. — Целую!

«Прощай, дорогой, это был последний звонок. Завтра твой мирок полетит к чертовой матери, твоя фамилия окажется в черном списке приличных компаний, где можно будет зацепиться еще, а сам ты — на улице. Поедешь к мамочке своей в вонючую подмышку. За свои затейливые потрахушки заплатишь всем, что имеешь, и немножко больше».

Подавила нервный смешок, затушила сигарету, ловко попав окурком в центр стоящей неподалеку урны. Вернулась в магазин, столкнувшись в дверях с продавщицей. Наверняка подслушивала, любопытная.

— Я думала, Вы покупать передумали.

— Нет, просто ответила на звонок. Минералки без газа еще, пожалуйста, и пакет, наверное.

— С Вас двести девяносто шесть рублей.

— Картой оплату принимаете?

— Ой, сломался аппарат, — объявила продавщица, с удовольствием наблюдая, как растерялась фифа. Хотя все работало, но поставить городскую в неловкое положение было интереснее, чем провести оплату.

— Тогда... — Ира достала из сумки портмоне, открыла, выудила из пачки денег одну

бумажку в пять тысяч. — Вот, Меньше номинала нет, к сожалению.

— А у меня сдачи нет!

— Жаль...

— Давайте я Вас запишу в тетрадку, потом отдадите.

— Девушка, у вас коммунизм задержался, уходя? А вдруг я здесь проездом, и придется Вам платить из своего кармана.

— Вы вчера приехали, бабки наши вечером уже обсудили, слишком уж Вы приметная, значит, здесь ночевали. Или в гости, или дом купили.

— Верно, купила, — забирая пакет, улыбнулась Ира. — Хорошо, я попозже зайду, занесу деньги.

— А записать?

— Да. Озерная, тридцать девять.

— А имя ваше? — со странной грустью спросила девушка.

— Гербель, Ирина Александровна.

— Как-как?

— Гер-бель, — привычно по слогам произнесла Ира свою необычную фамилию. — Сегодня постараюсь вернуть долг. Спасибо.

Как только за покупательницей закрылась дверь, продавщица схватилась за телефон, спеша поделиться новостями.

Дорогу до дома по пустой улице, Ира усмехалась, вспоминая разговор в магазине. Сказать кому — не поверят — ее записали в тетрадку, отдали товар без денег, поверив на слово, даже документы продавщица не проверила! Да, документы. Нужно зайти в администрацию, наверное. Но, скорее всего, озабоченный идиот в шрамах работает там, поэтому визит в администрацию можно отложить до лучших времен.

(8 мая, вторник, +22)

Первая неделя мая выдалась хлопотной, и на работе, и в огороде матери помочь с началом сезона, плюс — вечерами достраивали огромную беседку Лешке, чтоб теплыми летними вечерами собираться устоявшейся с детства компанией не в душном доме, а на свежем воздухе.

Совсем редко Решад видел и новую соседку, и то — издалека. Несколько раз порывался зайти, познакомиться нормально, но, то работа мешала, то усталость. А она, видя его на улице, старалась повернуть в сторону или разворачивалась на сто восемьдесят градусов.

— Привет, матурым! Как устроилась, никто не пристаёт? — Решад перегородил крыльцо выхода из магазина, выставил ногу на ступеньку выше так, что Ире было не пройти, лениво закурил сигарету, опершись спиной на старые перила.

Тонкий свитер облегал мышцы, новые джинсы удачно сидели по фигуре. Свежевыбритое довольное лицо пахло дорогой туалетной водой — кожей, мускусом, хвойными иголочками принесенной в дом с мороза новогодней пушистой елки, каплями росы, дрожащих в листьях клевера.

— Добрый день, нет, не нашлось больше озабоченных. Кроме Вас, все — нормальные. Может, уйдете, дадите пройти по-хорошему?

— А если не уйду?

— Тогда, как Вас там, а, Решад Маратович, будьте осторожны, Вы очень удобно стоите, чтобы мой сапог попал Вам точно в причинное место. На дня три забудете, как к незнакомым девушкам приставать.

— Как не знакомым? Две недели живем в одном поселке, считай, уже не чужие друг другу. Может, перейдем на «ты» и отметим это позже, в постели? Предложение все еще в силе, рыжик.

- Каждый в своей! — отбрила нахала Ира, и, не сдержав эмоций, добавила. — Козел озабоченный, чтоб тебя приподняло и шлепнуло!

— Пожалей меня, я ж тебе еще пригожусь, — Решад откровенно забавлялся вспыхнувшими под его изучающим взглядом щеками девушки, почти касался лежащей на перилах рукой ее бедра.

— Интересно, где?

— Повторяю еще раз, в постели, матурым. Знаешь, в чем твоя проблема? Ты меня не слышишь.

— У тебя тоже со слухом проблемы, я тебе говорила — руки есть? Вот и пользуй на здоровье! Назови мне, вождь краснорожих, хотя бы одну причину, из-за которой я б взглянула на тебя с интересом?

— Ну-у-у, причина одна: я — лучший.

— В стаде баранов, наверное, да. На рынке двуногих яйценосителей — предпоследний в ряду у выхода, перед Джигурдой. И заруби себе на носу: придурки с раздутым самомнением обычно высоко не котируются.

— Твоему язычку можно найти другое применение. Например...

— Порежешься.

— Но ты же еще не попробовала со мной, а, зайка?

При слове «зайка» Иру перемкнуло. Откуда силы взялись, со всей дури отпихнула мужчину, сумкой с покупками удачно попав в район паха, и, если бы он не схватился рукой за перила крыльца, наверняка б упал. Старое дерево жалобно треснуло под тяжестью мужской спины.

Выскользнув из капкана назойливого ухажера, Ира обернулась, и припечатала:

- Если ты останешься единственным мужчиной на планете, и некуда будет деваться от тоски, я пойду в секс-шоп!

— Ну и забавы у городских девиц! — рассмеялся незадачливый кавалер, сделав пару шагов следом за девушкой, но вовремя остановился. — А на «ты» мы, все-таки, перешли, матурым! Дальше дело пойдет быстрее!

Ира решила не оборачиваться еще раз, но, одновременно предельно вежливо здороваясь с удивленными бабками, восседавшими на лавочке напротив магазина возле администрации поселка, подняла в сторону наглеца руку в похабном жесте, выставив средний палец.

Черт, опять нес какую-то чушь...

Почему, при виде этой девчонки резко выключается здравый смысл, а язык будто кто-то дергает сказать глупость уровня подросткового пубертата? Ведь взрослый мужчина, где разум? И больно, блин!

— Что, Ярканатик, впервые не свезло? — спрятав улыбку, из-за занавески вышла на крылечко продавщица. — Покурим, пока никого нет. Смотрю, соседку свою уже обхаживаешь?

— Угу, Нат, привет. Только она не знает, что я — ее сосед. Сюрприз.

— Ты сейчас все серьезно языком мел? Я аж удивилась, откуда у нашего молчуна такой словарный запас! Не по силам планку поднял, дорогой. Ой, рожа у тебя! Действительно — красная.

— С Лешим беседку достраивали, загорел. На днях потемнеет, — провел ладонью по щеке и подбородку, махнул равнодушно. — Откуда знаешь мою планку?

— А я много чего знаю, Решад, это ты в своей больнице сычом сидишь, а я тут, считай, слухами заведу. Вон, видишь, выползли на свет Божий главные поставщицы сплетен, готовься, сейчас сочинят тебе, пальчики оближешь. Они сегодня опять с утра во главе с Фирюзой считали, сколько ты в райцентре юбок поднял, а сколько в санатории, еле из магазина спровадила.

— Свистят.

— Да-да-да, верю всякому зверю, даже ежу, а тебе, мышь летучая, погожу! Ты как вернулся, у бабок наших работа в три смены, как в шахте, началась, свекруха моя к Фирюзе денно и ночью шастает, как мозоли на языках не набили.

— Хрен с ними, пусть сплетничают. Меня это не касается. Ты в курсе, как рыжую зовут, а?

— Что, не знаешь, как зовут соседку, а уже пристаешь? Все в округе знают, даже мама твоя, и ты не удосужился спросить?

— Так для постели можно не знакомиться. «Котик, зайчик, птичка» и хватит. Вы же любите все это... животноводство. А матушка ее зовет «кызым». Нашла тоже дочку.

— Айда, котик, купишь хоть шоколадку, а то к соседке совсем без пряников подкатываешь. Жаль, я не увижу, как она эту шоколадку по личику твоему размажет.

Помнишь анекдот про попугая: «Выдерните мне перья, я хочу это видеть!» Не твой вариант, Решадик, не выгорит у тебя с ней, даже при твоих возможностях. К таким надо с бриллиантами килограммовыми и орхидеями трехметровыми подкатывать, на этих, на Ламборджинях, — злобно перечислила продавщица. — В ресторанах фуагрой кормить, по курортам выгуливать.

— Так не скажешь, как ее имя? — не принял во внимание совет дальней родственницы.

— Не-а, — как в детстве, высунула язык продавщица, дразня.

— А за вкусные конфеты? Или я у Марии Альбертовны узнаю?

Имя главы администрации поселка тут же благотворно повлияло на Наташу:

— Ух, подлиза! Ирина Гербель ее звать. Прикинь, какая фамилия? Будто не из Казани, а с красной дорожки каннской нам такое счастье в поселок привалило. И чего фифе такой в городе не жилось? Поди, все курорты мира объездила! Это ж представь, как нужно утомиться, чтоб потянуло от скуки в деревню! Деньги за конфеты давай, с Танюшкой вечером почаевичаем. Да и есть у нее кто-то, я разговор по телефону слышала, там и «любимый» и «скучаю, Виталик», так что, тебе не светит.

— И как, надолго она у нас? — проигнорировал последние слова мужчины.

— А кто ее знает, не докладывала. Придет, поздоровается, как одолжение великое, глазами огромными зырк-зырк по витринам, я аж пугаюсь. Кошелек откроет, а там денжищ! Теперь специально приходится сдачу держать, у нее меньше пяти тыщ не бывает никогда. Азальку пару дней назад обхамила, за дело, правда. Азалья заскочила на минуту, что-то спросить хотела меня, а эта как раз покупала минералку. Таким тоном Азале намекнула про отсутствие воспитания, что принцесса английская, не меньше. Лопату б взять в руки, да корону слегка поправить. А что порой спросит, я и названий таких не знаю.

— Например?

— Да вот только спрашивала какую-то апероль, а я в душе не гребу, что это, и погуглить не могу, инет на телефоне закончился.

— Ликер итальянский, Наташ. Как-нибудь привезу тебе. Апельсиновый.

— Привези, нам, в лаптях, хоть похлебать заморского вина. И вот что интересно, почему одним достается все — и денег куча, и ноги жирафьи, лицо с обложки, и из Виталиков очередь. А другим — кукиш с маслом. Москвичи на моем участке такую цену заломили за новый дом, купила, и не поморщилась! Недавно сумку свою тут забыла. Мы с Азелей сфоткали, посмотрели в интернете, нашли, офигели — тридцать пять тысяч стоит сумочка! Тридцать пять тыщ! — в праведной классовой злости повторила девушка, покрасневшись от несправедливости картины мира. — Две моих зарплаты с премией! А фифа в ней хлеб таскает! А машину ее видал?

— Видал. Ничего выдающегося, старый американец.

— Для тебя, конечно, ничего. Ой, на той неделе Санька поперся к ней подзанять, чует, где деньги водятся, так от ворот поворот дала, сказала, что пьянчужкам по пятницам не подает. Предложила ему вскопать пару соток за вознаграждение, а ты ж моего алкаша знаешь, когда он утруждался, все свекор, дай ему Бог здоровья, на огороде делает. Видимо, пытался качать права, так городская ему в рожу перцовым баллончиком брызнула от души! Прибежал домой, орал, как резаный!

— Сашка дома? — прекратил Решад поток обид на извечную тему бедных и богатых. — Трезвый?

— Нет, свалил Сашка опять в даль синюю, третий день спокойно живем. Скандалил,

искал вышить, в доме все перевернул, спер деньги, которые я Тане на летнюю обувь отложила, и отклонялся, хорошо еще, как вы с Лешкой вернулись, руки особо не распускает. В Сабан подался, не иначе, к своей прошманде, такой же синьке. И ведь как знала, Решад, я давно документы и деньги здесь, в магазине держу, а, поди ж ты, забыла сюда принести.

— Разводись ты уже, Наташ, Танюшку мучаете зря.

— А куда я одна, да еще с ребенком? Жилья нет, свекровь выгонит сразу, куда я пойду?

Мой участок продали, как маму похоронили, сам знаешь, я даже денег не увидела, Санька своей Гульнарке, прошмандовке, отвез. Да и не даст Сашка спокойной жизни, таскаться будет, пока печень не отвалится.

— А с Сашкой ты не одна, да? С жильем решим.

Наташа вздохнула тяжело, снова закурила, но тут же со злостью выкинула сигарету:

— Ты ж меня, например, замуж не возьмешь, а куда в деревне без мужика? Это у рыжей денег куры не клюют, нанимает бригаду для тяжелых работ, сама ни лопатки не копнула.

— Не возьму, ты мне родня, как-никак, хоть и дальняя. А вон, Лешка возьмет, сама знаешь, со школы парень сохнет. Сама ж его из армии не дождалась.

— Ой, все, иди уже, советчик выискался!

— Пойду.

— А Лешка твой уже к городской бегают, только калитка скрипит... — вырвалось у девушки болью. — Ключи от ее дома у него висят в ключнице, спелись уже, голубки.

— Нат, не выдумывай глупости, у Лешего почти от всего поселка ключи есть.

— Не в личной ключнице, Решад...

— Кстати, мы с Марсом решили ему лодку подарить, ты как, одобряешь?

— Ой, точно, у Лешки в субботу день рождения, замоталась совсем, вылетело из головы. Только бы погода не подвела. Буду, если мой алкаш не приедет. Спроси маму, можно ли Танюшку у вас оставить на вечер?

— Без проблем, Нат.

— С меня сколько на лодку?

— Ты смеешься? Вы с Азелей — ответственные за стол. После обеда, часам к двум собираемся. Кащей тоже обещал быть.

— Ну, у этого семь пятниц на неделе.

— Главное — пообещал. Вот деньги, Танюшке на обувь. И за конфеты.

— Ярканатик, ты не обязан решать мои проблемы, сама справлюсь.

— Я тебя не спрашивал, справишься или нет. Это ребенку. Увидимся, Натусь.

(9 мая, среда, +14)

Рано утром, еще не взошло солнце, Ира уехала в Казань, поздравить с праздником родню. Как раз из Финляндии прилетели бабушка с бабушкой, а дед всю жизнь служил, по стопам своего отца, выйдя в отставку за два года до развала СССР. Для ее семьи этот праздник был на особом счету, особенно для Бахтияра, и Ирина старалась провести его в кругу близких.

Не увидела она, как односельчане, по велению души, а не для галочки, прошли по поселку, неся в руках фотографии родных, тех, кто воевал в годы Великой Отечественной войны, кто погиб на полях сражений, сложил голову за Родину, кто пришел домой, истранный, но живой...

И расступившуюся уважительно нарядную толпу перед высоким молодым военным в парадной форме. Три медали, орден и нашивки ранений, красные выше, золотистые снизу, были прикрыты большим портретом деда и бабушки, что нес мужчина одной рукой.

Второй осторожно придерживал старенькую тетку в синем костюме, по пиджаку которой и места не хватало для всех ее наград. Живой свидетель тех страшных событий, как же мало их осталось, чтоб передать молодым поколениям правду...

После торжественных речей сельчане привычно рассеялись по кладбищу, помянуть ушедших, прибрать могилки после зимнего ожидания.

Вечером в клубе был концерт, и весь поселок собрался послушать выступление своих детей и бабушек, что выступали ансамблем, прославляя поселок на площадках Татарстана, зная множество песен на языках республики. Но сегодня в клубе звучали берущие за душу песни военных лет...

(12 мая, суббота, + 20)

Начало мая «обрадовало» дождями, но к середине месяца нет-нет, да выглядывало солнце. В субботу Ира решила «потюлениться», как говаривала любимая преподавательница, устроить себе выходной, впервые за неполный месяц, прожитый в доме.

Пусть привык организм к физическим нагрузкам, но это были интеллигентные походы в тренажерку, и то, через раз, иногда было лень. А здесь каждый вечер тело ломило от бесконечных наклонов, датчики фитнес-браслета зашкаливали, на неделю зарядки перестало хватать. Вчера еще сняла, бесполезный в деревне гаджет.

Только она прилегла в гамаке с книжкой, как услышала шум подъезжающей машины. Пару минут еще не теплилась надежда, что автомобиль проедет дальше по улице, но мотор заглох у ее ворот, и от калитки донеслись радостные крики любимой подруги:

— Ирка! Встречай гостей! Червячок ты мой земляной, я ж соскучилась по тебе, как монашка по свечке!

— Ты ж моя рыба без хвоста, я по тебе тоже соскучилась! — поспешила навстречу подруге Ира.

— Иди сюда, роднуйсь, обслюнявлю тебя, затворница! — поставила сумки на дорожку и раскинула руки Женька, обняла, расцеловала. — Даньку матери сдала на воспитание, вырвалась к тебе.

— Явилась, наконец, не запылилась! — Ира взяла сумки, с любопытством ребенка поглядывая внутрь.

— Похорошела, загорела, стала еще краше, свет такой появился в глазах. Навоз так влияет, или медный купорос? Резюмирую: деревенская жизнь тебе пошла на пользу, — похозяйски Женька прошла по дорожке, через террасу поднялась в дом. — Привезла тебе тетя Женя чай приличный, кофе, вкусняшек набрала. Из твоей квартиры забрала остатки шмоток, сейчас шампусику хряпнем за встречу, разберем багажник, а то так и летаю с перегрузом две недели, все доехать было некогда, прости засранку.

— Мне здесь куда выходить в вечернем? Ворон пугать или соседей? Там остались как раз ненужные уже платья, сумки, туфли. Если только на авито выложить, — пожалала плечами Ира, разгружая гостинцы на стол.

— Я и смотрю — штаны у тебя такие... фильдеперсовы. Пять карманов по штанине и шесть дырок по бокам. Калошки — отпад! И это моя модница, которая считала, что каблук меньше семи сантиметров не заслуживают внимания? М-дя, девица, как быстро с человечка сползает цивилизация! Расскажи кому — не поверят же!

— Женьк, ну чего ты, штаны удобные, и не на каблуках же по огороду бегать.

— Они не удобные, они — удобщицы! Видела бы тебя Ландыш! Хотя, я ж Ландышке сейчас тебя покажу! — расфыркалась подруга, щелкнула камерой телефона, неожиданно наведя на хозяйку дома, отправила фотографию и достала сигареты. — Ну, показывай свои достижения, пейзаж.

— Пока нечего, Жень, землю мне мужики вскопали, я только прибрала участок, сделала отводки малины и ежевики, клубника была пара грядок, пока оставила, обработала. Что еще, — начала вспоминать Ира, проводя экскурсией долгожданную гостью по дорожке огорода. — А, теплицы потихоньку заполняю, картошки кинула так, на еду осенью, не буду

ломаться с ней, у соседа по осени куплю пару ведер, мне хватит за глаза. Ой, я нам с тобой цветной капусты рассады набрала! До отвала.

— Вот за это спасибище, подруга, это я люблю. А тыквы будут?

— Будут тебе тыквы, хоть суп вари, хоть в кареты превращай, — рассмеялась Ирка. — И кабачки будешь багажниками вывозить, обещаю.

- — Жарища сегодня! А как тут с мужским полом? Есть что приличное?

— Жень, какие мужики, о чем ты! Пара моральных инвалидов, остальные, нормальные, заняты. Одному одаренному пришлось перцем в рожу брызнуть, второй тоже однажды дождется. Дятел со свистящей флягой, первый парень на деревне, а в деревне два двора. На всю голову отбитый, стараюсь обойти за километр, как вспомню его рожу в шрамах, так тошнит. Представь, решила в кои веки мать Терезу скосплеить, посадила его на повороте, когда сюда поехала, так мало того, что всю машину провонял водкой и ядреным духом, так еще и предложил в довесок свой член немыйтый. А я должна была восхититься и побежать, волосы назад, за таким подарком. Раз у магазина встретила потом это чудище, еле отбилась, а у меня еще глаза были закапаны, размыто все, только по голосу узнала, когда завел свою песнь козла: «Хочу тебя немедленно, спускай трусы, кричи: «Ура-а-а-а!»» Нет, я люблю животных, но не настолько!

— Нет, нам таких не надо, к таким сразу кузнеца приводить, — хихикнула Женя, картинно упав в ротанговое кресло, когда подруги вернулись обратно к дому. — Не хочешь, душа моя, послушать песнь о Нибелунгах, по счастливой случайности не ставших твоей родней всей богадельней? И что было, когда ты уехала? До тебя ж даже не дозвониться, забила мышка в норку, номер сменила, даже нам не сообщила, а там такая эпичная драма!

— Жень, забываю, устаю очень, честно. Я была на днях в Казани, недолго, но получилось увидеться только с дедом и бабушкой, потом с Бахтияром пару минут пересеклись, и я рванула сюда, обратно. Да мне уже не интересно, но тебя ж не остановить? — Ира поставила на столик бокалы, принесла тарелочки с шоколадом и сырами. — Рассказывай.

— Представь, подъезжает колхоз имени десятого неурожая к Пирамиде, все такие разные, кто во что горазд, потеют с непривычки в дорогах, как им кажется, костюмах с искрой. Некоторые к Чашке[1] приперлись, в их сознании не укладывается, что существует выездная регистрация. Пингвинчик во главе табора, с довольной рожей, транспарант «Наконец сбываются все мячты!» во лбу горит. И весь этот контактный зоопарк охрана разворачивает, что никакой свадьбы не назначено, банкетный зал закрыт, знать не знаем, кто вы такие, ошиблись вы адресом, чебуречная в четырех кварталах, у вокзала, где вам рады, так что, идите с миром, но строго в жопу. У-у-у, как родственнички Виталика поливали! И кредиты на наряды-подарки взятые, и сервиз тети Песи, раскоканый в суматохе, все ему выкатили, насовали в панамку от души!

Женька так красочно описывала несостоявшуюся свадьбу, размахивая руками, изображая в лицах спектакль, что Ирка не выдержала, начала смеяться от души, представляя эту картину.

— Матушку его чуть Кондратий не обнял, когда эта старая гнида поняла, что сплыла богатая невеста! Сережа из машины наблюдал, снял на камеру, мы от смеха едва не сдохли, когда смотрели запись.

— О, вот на чью морду лица я б посмотрела с удовольствием в тот момент! — уже в

голос расхохоталась беглянка, без сожаления представив состояние Светланы Юрьевны.

— Наши телефоны выключены, Пингвинчик — шашь домой, а там мы замки поменяли с утра, его пожитки кучкой на лестнице. Ну, Пингвинчик в дверь тарабанит, а оттуда такая пачка высовывается двухметровая, заспанная, я ж сдала сразу твою квартиру нефтянику, ему все отказывали, как увидят, а я рискнула, как повезло, да? Денежку за первый месяц я тебе привезла, дальше будет на карту переводить. Ой, сейчас твои соседи пальцем сверлят и шепотом разговаривают, чинарики в рот складывают, жуют с радостью и добровольно, отбой строго в десять по всему подъезду!

— Ничего себе, какие перемены. Галина Ивановна, надеюсь, счастлива, — расхохоталась Ирка, представив лицо бывшей соседки.

— О, да! Мечтает, чтоб ты вернулась.

— Шиш ей, мне здесь хорошо!

— Кстати, ты чуть не спалилась в одном, хорошо еще, что Пингвин не заметил.

— Что не так?

— Платье твое богатое, свадебное. Ты его оставила на квартире, правда, в своем шкафу.

— Выкинуть и забыть, — махнула рукой Ира.

— А я привезла! — подруга прищурилась хитро, не удержав нравоучений. — Будет тебе напоминание. Как начнешь саму себя ломать под другого человека, так посмотри на это великолепиие в стразах.

— Если только в этом случае. Да, ты права. Знаешь, всего две недели прошло, а мне кажется, что все три года с Виталей приснились.

— Ой, дальше слушай. Поскакал Виталька на работу, и там ему Бахтияр коробку с кружкой-ложкой и кактусом выносит, ключи от служебной машины отбирает, поднимает за шкирку, и пинком с лестницы, как щенка, мордой в асфальт. Плюс — объявили Пингвинчику вдогонку полное служебное расследование, и вместо положенного выходного пособия — пачку штрафов в ту же панамку.

— У папы как прошло?

— С Алинкой еще смешнее получилось, погоди, дай шампусика хлебну, — потянулась к бокалу Женя, погладила вышедшего из дома кота. — Шлиман, падла, ты еще не потерялся в местных прериях? Привет, пушистый!

— Потеряется он, как же! Он теперь охотничьи инстинкты всю использует, мышей мне таскает регулярно, закапывать не успеваю.

— Корм отработывает! Так вот, Алина. Приезжает эта шмара утром из своего Мухосранска, с претензией, что карты заблокированы, ключом тык, а ключик в скважину тоже, как и у глупого Пингвина, не лезет! И по привычной схеме: Саша дверь открыл, сунул ей в ручонки два пакета с труселями, пожелал счастливой жизни с Пингвинчиком. Все остальное шмотье и косметику, что ты не уничтожила, я отдала дворникам и девчонкам из клининга, мебель тоже. Мы потом два часа скулеж под дверью слушали, пока я не вышла, и не пообещала полицию вызвать.

— Подожди, а ты что делала у отца? — нахмурила брови Ира, подмечая некоторую странность в рассказе подруги, которую еще не могла уловить.

— Мы твой план слегка подкорректировали. Так выхожу я в шикарном пеньюаре, волосы растрепала, макияж подстерла, губы покусала, чтоб припухли, будто мы с твоим отцом, ну, ты поняла, — вот только слукавила Женя, вставив слово «будто», и чуть покраснела. — Курица меня в таком виде как увидела — орала в истерике! Потом, деваться

некуда, побрела болезная с пакетами из Ашана на автовокзал. Самое ржачное — мимо дворничихи нашей идет, а та в ее любимом пальто мусор в контейнер складировует! Да, Саша все ее брюлики продал, я тебе деньги привезла за них.

— Не надо мне ничего, Жень. Не хочу прикасаться к этим деньгам.

— Ой, не вставай в позу, все правильно Саша рассудил. Она пользовалась пингвинячьим стручком, тебе за это — компенсация.

— Мне сейчас жалко их, Жень, по-человечески, представляешь?

— Жалко у пчелки в жопке, подруга, и у змейки в шейке. И потом, ты сама всю эту мстю придумала, мы с твоим отцом только качественно исполнили, какие вопросы? Ну и от себя добавили импровизации. О, от Ландыша тебе привет! Девка в шоке от твоего вида. Позвони ей потом.

— Привет ей. Соберусь как-нибудь, всем позвоню. Кстати, Саша? — подняла вопросительно одну бровь Ира, поняв, что смутило ее в процессе рассказа.

— Ой, не придирайся, это в детстве нормально было твоего отца дядей звать, он меня старше всего на пятнадцать лет, какой уже дядя? — беззаботно, даже чересчур, отмахнулась Женька. — Как-то само отпало, когда проворачивали всю операцию. Приеду домой, кстати, отчитаюсь ему о твоих успехах, пастушка. Ты, серьезно, хоть бы ему позвонила, ладно, маман твоя, сразу определила свое отношение к происходящему: «Моя дочь взрослая, разумная девочка, значит, ей так надо», и унеслась в теплые края с дядей Витей по твоим путевкам молодоженов. Иногда я завидую ее непрошибаемости, шикарная женщина! А отцу бы позвонила, он переживает за тебя.

— Жень, мне нужно было время. Да и ты адрес знаешь, чего париться.

— Вся в мать! Так, ладно, нас ждут великие дела! Идем багажник разгружать.

[1] Центр семьи «Казан» (в разговорной речи просто «Чаша») — главный дворец бракосочетаний (ЗАГС) в городе Казань и республике Татарстан. Одна из главных современных достопримечательностей города, обыгрывающих его название ввиду того, что построен в виде котла-казана.

Гостья развила в доме бурную деятельность, повесила прихваченные с собой бамбуковые жалюзи, залезла на чердак, куда еще не добралась сама хозяйка дома. Вдохнув от неумной энергии подруги, Ира поднялась по лестнице следом.

— Божечки-кошечки, пыли! — расчихалась от пыли Женька. — Тащи ведро и тряпки! Нельзя в такой пылище жить!

— Да я и не ползала сюда еще, на огороде с утра до вечера, вон, даже не знаю, что за этой дверью.

— Открой, чего париться?

— Женька, туалет! И душ, — ахнула Ира своему открытию. — Я реально не видела! Можно потом второй этаж сделать жилым.

— Ну, интуиция твоя сработала отменно в выборе дома. Жаль, в других случаях она спит, — снова не удержалась Женька от шпильки.

Пока Ира проверяла, работает ли унитаз и краны, набирала воду в ведра, Женька оглядела мансарду:

— Сколько богатств тебе оставили! У-у-у, какие чемоданы, фибровые! Прялка! Лапти, интересно, какого роста был хозяин, если лапти не меньше сорок восьмого! Отмыть, сдать в

музей. Какой сундук! Давай потом его стащим вниз, будет фишкой деревенского интерьерера. Немного его шлифануть, декорировать и ляпота! ЮльСергеевну, богиню нашу, к тебе заманить б на пару дней. А сейчас сфоткаю, ей отправлю, и в паблик реставрации, пусть разбираются знающие люди, какого века это чудо. Ирка, а в нем столько богатств!

Женя аккуратно достала кукол, любовно завернутых в вышитую тряпицу, пластмассовую в белых кудрях, и резиновую, с голубыми волосами. Потом из недр сундука появилась коробка с шахматами, бархатные фотоальбомы, бумажные пакеты с фотографиями, маркированные по годам, военный бинокль, пара фотоаппаратов в чехлах, классеры с марками, небольшая икона.

Ирка уселась на пол, сложив ноги по-турецки, осторожно открыла самый большой фотоальбом. На прихваченных за уголки снимках, украшенных наивными виньетками, жила память прошлой жизни — простые, одухотворенные лица, прически и наряды позднего СССР.

Семейные торжественные кадры из фотосалона, где непременно родители садились по бокам, чуть склонив головы к детям, перемежались фотографиями любительской съемки.

Вот у ворот стоят четверо парней разного возраста, одетые в школьную форму, с огромными букетами гладиолусов и астр, а две крохотные светловолосые девочки с восторгом уставились на них. Седой пожилой мужчина в белом халате в кабинете за столом, строго смотрит вверх очков. Те же мальчишки на пляже, в прыжке с пирса, наполненные бесхитростным детским счастьем каникул.

Усталая старушка сложила на коленях натруженные руки. Долговязый мальчишка в очках, из дружной четверки, с гордостью позирует один, сидя на «Яве», откинув назад отросшую челку. Одна из девчушек смеется заливисто, показывая выпавший зуб, схватила большую ложку, а перед ней на столе миска клубники с молоком.

Раскрасневшаяся женщина в национальном костюме с монистами раскинула руки в веселом танце возле гармониста. Двое мужчин что-то увлеченно обсуждают на кухне, решая мировые проблемы под хмельком. Свадьбы всей деревней, строгие похороны, проводы в армию, счастливые родители со свертком одеяла на руках...

С каждой перевернутой страницей девушка погружалась в мир чужих фотографий, и эти люди, уже ушедшие, или еще живые, становились частью ее мира. На любительских снимках часто мелькал палисадник с георгинами и золотыми шарами, склонившимися до земли, выступающий на пару метров перед стареньким домом.

— Жень, это мой участок. Смотри, сейчас дом стоит чуть дальше, но по границе с дорогой можно узнать!

— Ты права, твой. Вот жили-жили люди, важные моменты старались запечатлеть, хранили бережно фотки, а потом и передать некому. Хорошо еще, предыдущие хозяева оказались порядочными, не выкинули на помойку, или не сожгли.

— Надо это все Наиле-апе показать, вдруг подскажет, кому отдать. Нельзя, чтобы память поколений стала никому ненужной... — девушка решительно сложила фотоальбомы обратно в сундук.

— А плюша сколько! Оляка тебе поклоны бить будет до земли каждый день не по разу, ей медведей хватит год шить, как раз выставки на носу. Не против, если отвезу? Смотри, какая шикарная, вишневая, — Женька накинула на плечи скатерть, красуясь перед старинным зеркалом, с придыханием пропела:

— Я о прошлом теперь не мечтаю,

И мне прошлого больше не жаль,

Только много и много напомним

Эта темно-вишневая шаль.

Только много и много напомним

Эта темно-вишневая ша-а-а-аль! [1]

— Красотища! Я Оле еще скатерть приготовила, если что. В буфете лежала без дела. Пусть шьет своих медведей, они у нее выходят смешные, как она сама.

— Отличненько. Так, что у нас здесь? — Женька пошла в дальний угол. — Баян! Тебе оставили баян! Ух-ты, два!

Гостья схватила за ремень один инструмент, подняла с пола. С жалобным всхлипом баян распался на две половинки. Второй выдержал экзекуцию, но огромная дыра в центре мехов и отсутствие большинства кнопок не давали шансов на восстановление.

— Хоронили тещу? — девушки согнулись от хохота. — Классика!

[1] «Темно-вишневая шаль» Слова и музыка В. Бакалейникова

— Все, отбой на сегодня, хорошего понемногу, — когда мансарда была отмыта и прибрана, довольная результатом Женька вышла на террасу с найденным биноклем наперевес. Уселась в облюбованное кресло, и принялась обзрывать окрестности. — Красотища, ей-Богу, выйду на пенсию по нервности, перееду к тебе сюда! Поставлю кресло-качалку, и буду наслаждаться пейзажем. О, Ирка, а ты говорила, что приличных мужиков у вас нет, вон какой Аполлон появился в поле зрения. Что за кадр у Наили на огороде батрачит?

— Сын ее, наверное, по ходу пьесы, тот еще неуловимый Джо. Будешь смеяться, за все время не видела ни разу. Трудоголик, каких поискать, главврач местной больницы. Наиля-апа жаловалась, что врачей недокомплект, поэтому работает ее сынуля, как та лошадь в колхозе. Слышала пару раз вечерами, как собаку подзывал, знаю, что Ярканатом зовут, вот и все знакомство, — за разговором Ирка усадила на столик отмытых кукол, осторожно расчесала волосики. — Я к соседям не хожу, там эта псина бегаёт, одним зубом пополам перекусит. Да и некогда.

— А хорош! Женат? Божечки-кошечки, он футболку снимает! — взвизгнула Женька, подавшись вперед. — Ты только посмотри, какой экземпляр! Повиснуть бы на этих плечах!

— Жень, это неприлично, убери бинокль, кому говорю!

— Ты одним глазком только, а? В деревне такое выросло, ведь больше ста девяноста, зуб даю! Интересно, чем удобряли? Тебе бы в пару, в кои веки наклоняться не будешь, чтоб мужика целовать! Еще и на цыпочки встанешь. Татуха впечатляет!

— Ладно, не ори так, услышит еще твои восторги. Не женат, кстати, чел. Дай глянуть, — женское любопытство взяло верх, и Ира приложила бинокль к глазам. — Ну, мужик, ничего интересного, две руки, две ноги.

Не Ален Делон, но цепляет, заставляя задержать на нем взгляд чуть дольше, чем позволяют приличия. Есть такие мужчины, от которых силой веет за версту, как дорогим одеколоном. Повернулся бы еще, может, спереди ужас-ужас, поэтому и не женился до своих тридцати пяти.

Что-то знакомое было в его фигуре — высокий, подтянутый, не накачанный до состояния стероидного идиотизма, больше жилистый, стройным ногам в обрезанных выше

коленей джинсах позавидовали бы многие девушки. Огромная татуировка, закрывающая половину спины на левое плечо — крыло летучей мыши с земным шаром в когте, была явно не просто украшением от безделья.

Мужчина насторожился, повернулся лицом, будто почувствовав наблюдение. На миг Ире показалось, что он смотрит прямо ей в глаза, усмехнувшись уголком рта, и девушка вздрогнула от неожиданности, узнав этот внимательный взгляд. Подстригся коротко, вот и не узнала сразу!

— Ирись, а Ярканат на татарском — летучая мышь! Надо же имя придумали, — Женька выхватила оптику из рук подруги. — О, и спереди не Квазиморда, кстати, на Гару[1] и похож, только уши прижаты, не чебурашка, как Гару. Очень похож! Улыбается так же. *Vivre ma vie comme un gitan, avoir la musique dans le sang*[2], — напела она старую мелодию, опуская бинокль. — Пойдем, познакомимся? Например, попросим молоток! Нам же нужен молоток! Нам непременно сейчас необходим молоток! Или рубанок! Я не знаю, что это, но уверена — у него есть.

— Ты будешь смеяться, но, оказывается, его Решад зовут... Решад, м-мать его, Маратович. И молоток я у него просить не буду, и тебе не советую. Это тот дятел со свистком в башке, который предлагал с разбегу вакантное место в его постели. Ох, как перед Наилей-апой неудобно... Я ж ее сыночка разлюбезного как только не обозвала! — от воспоминаний у девушки вспыхнули щеки.

— И ты отказалась от этого всего? Ирка, да ты — дура! Подруга, у тебя глаза где? Садись на них?... Нет, мой, конечно, лучше. Но блин, грех такой экземпляр упускать, даже немытый, тем более, видно, уже разобрался, где в доме спрятали душ. Раньше я бы без тени сомнения с таким познакомилась, и в баньку ходила, веничком бы прошлась по этой шикарной тушке.

— Ой, только «бы» тебе мешает? И я ж в бинокль соседей не рассматривала, некогда мне было. А у тебя кавалер появился, и ты молчишь? Вот что должно быть главной новостью, а не истерика Витальки с его зоопарком. И когда с новым своим познакомишь? Кто он, я его знаю? — сменила тему Ирина. — Это тот зубодер из пробки на Ямашева?

— Когда-нибудь и познакомлю. Мы пока так, совместили конфетно-букетный период с элементами художественной гимнастики, — теперь смутиться пришлось и Жене. — Я его люблю, Ирись, аж зубы сводит.

— Так, а хрен ли ты на других мужиков засматриваешься?

— Смотреть не запрещено. Мы же смотрим на статуи, не мешает ни разу. Я руками этого Решада трогать не собираюсь, пусть растет у своего забора, тем более, у него явно интерес к тебе, такие экземпляры очень настойчивы в своих желаниях.

— В баню его, Жень, с веником.

Разомлевший на теплых половицах Шлиман вдруг вскочил, рванул за дом, почуяв на участке чужака.

[1] Гару́ (Garou) — франко-канадский музыкант, певец и актер. Широкую известность приобрел после того, как сыграл роль Квазимодо в мюзикле «Нотр-Дам де Пари» в 1998 году.

[2] «Gitan» 2001. Автор — Luc Plamondon. Исполнитель — Garou.

— Привет, зверюга, что, на руки тебя взять? Уй, тяжеленный какой ты, отожрался на

наших мышах, — из-за угла дома показался Лешка, наперевес с котом. — Здрассте, девочки, как халляр? Я шашлыки замариновал, а много замариновал, день рождения у меня, а не съем столько. Иду, смотрю, машинка красненькая у соседки к забору припаркована, у соседки такой нет, значит — гости, значит — красивые девушки приехали, у соседки в подружках других и не станет. Значит, надо на шашлыки звать, разговоры разговаривать, вином вкусным угостить, хорошо выходные провести, погода стоит отличная, да? Ируся, как подружку зовут, красавицу?

— Привет, Леш, ты как всегда, в своем репертуаре! Поздравляю с праздником! Женя, это Леша, наш участковый. Леша, это Женя, моя любимая подруга. Я так понимаю, отказываться от приглашения бесполезно? Подарок с меня, Лешик, прости, я забыла.

— Правильно понимаешь, давай без подарков, скучно же так сидеть, без шашлыков и компании, да? А мы и на гитаре, и на гармошке сыграем, караоке попоем! Давайте уж, собирайтесь, Ир, ты ж дорогу знаешь, доведешь подругу, не заблудишься, я пошел пока угли раздую, вино открою! Шлиман, давай слезай с меня, иди, мышей лови, лентяй такой.

Когда хлопнула за парнем калитка, девушки прыснули смехом одновременно, фейспалмом, без слов оценив ситуацию.

— Ну что, идем? Лешке проще дать, чем объяснить, что не хочешь, задолбают. Триста раз придет.

— Я в твоей деревне скоро так же заговорю — тыр-тыр-тыр, как трактор на малых оборотах. Если они здесь все празднуют так, что баяны рвут, то ходу пьесы, домой я сегодня не попадаю, хорошо, что Даньку отправила к маме на дачу. А ты говоришь, мужиков нет, да тут поле не паханное!

— Это же Лешик! Он просто друг.

— Мужчины не бывают просто друзьями. Ну что, подружка, где же кружка?

— О, а давай коньяк и вина возьмем, у меня этого добра внезапно накопилось. Покупаю иногда, а пить не хочу. Только переоденусь, а то штаны запачкала, пока за тобой по чердаку бегала.

— Таким макарон я и завтра домой не попаду. Бери свой коньяк, я пока С... своему ненаглядному позвоню, предупрежу, что у подруги остаюсь.

Не заметив странной запинки в словах, Ира ушла в дом. Стоя у распахнутого шкафа, девушка неожиданно для себя вытянула из стопки вещей приталенное длинное платье изумрудного цвета, приложила к себе. Разрез, конечно, по правой ноге до самых трусов. Зачем она его купила, если здесь самая удобная повседневная форма — штаны покрепче и простая футболка, для кого наряжаться?

Ирина вдруг покраснела до ушей, когда мозг угодливым иезуитом подсунул яркую картинку насмешливых глаз соседа. Но, черт побери, почему нет? Просто побыть вечер красивой женщиной, не замурзанной мышкой в огороде, тем более — на фоне Женьки. И кружевное белье в тон платью есть, а не хлопковые трусы, главное — найти его среди барахла. И вообще, вон, сколько кружев, вот с этого дня — только красивое белье комплектом, даже под рабочие штаны!

Ира расчесала чуть отросшие кудри, подняла в высокую прическу, закрепила шпильками. Нашла в привезенной Женькой куче обуви туфельки на танкетке со шнуровкой до лодыжек. Встала, прошлась, вспоминая, каково это — ходить на каблуках. Ничего, дорогу перейти можно. Чуть мазнула по шее и запястьям любимыми духами, подкрасила ресницы.

- Ну вот, на человека похожа стала, а не на пугало страшное в своих бронебойных

пшанах. Одобряю, благословляю! Жаль, сосед твой смылся с огорода, а то бы одним глазком увидел красоту, на всю оставшуюся жизнь хватило б воспоминаний для правой руки. Кстати, его тоже можно понять, он в своем медвежьем углу таких красавиц и не видал, откуда в этой жопе мира алмазы.

— Жень, мне до него нет никакого дела, что он видел, что нет, еще ко двору не хватало маньяков приваживать.

— Да тут нормальный мужик маньяком станет, как тебя увидит, зуб даю! Всегда тебе завидовала, ведь жрешь, что не приколочено, а талия, как у девочки. Я на тортик посмотрела — в зале до одышки потом задницу сгоняю.

— Угу, я еще помню, как вы с Ландышкой меня на глисты отправили проверяться! Стервозины мои, — засмеялась Ирка, вспомнив давний подкол подруг на первое апреля.

— А ты нам как отомстила? Мы с этого чая по всему поезду бегали, упрашивали в санитарной зоне перед Москвой туалет открыть. Э-эх, девки, золотое было время! — потянулась Женька за бокалом, долила остатки шампанского. — А как ты соседке моей стапелию[1] перед самым цветением подарила с наилучшими пожеланиями, помнишь? Мерзопакостная бабка была, хорошо — внуки вывезли.

— Не напоминай, фу! — передернуло Иру. Я все удивлялась одному: как эта бабуся «вовремя» вылезала из своей норы, то почту проверить, то мусор вынести, и всегда, когда мы под хмельком. Ни разу не выползла, когда мы к тебе трезвые приходили.

— Стаж! Да, распадается потихоньку наша компания, скоро и покуролесить будет не с кем. Ты тут, Ландыш в Москву рвется, правда, сама знаешь, ее папахен не отпустит, пока подходящую партию из молодых-зубастых не найдет. Старшую удачно выдал за депутата, сейчас нашей сюзомбике чинушку ищет, чтоб гол, как сокол, и век папе благодарен был. У них же младших две еще?

— Да, две девочки, — подтвердила Ира.

— Отец-ювелир! Так, глядишь, татары Москву завоюют. Слушай, пока мы шашлыков дождемся, может, возьмем с собой колбаски и сыру, фруктиков, а то что-то есть захотелось, там порежем, поклюем, — Женька решительно встала и направилась к холодильнику. — Пакет дай, а?

[1] Стапелия — одно из самых удивительных комнатных растений, которое может соперничать красотой даже с орхидеей. Ее крупные цветки с плотными кожистыми лепестками, часто украшенными морщинками и щетинкой, напоминают морскую звезду. Однако росту популярности стапелии сильно мешает аромат ее цветков: в местах естественного обитания стапелию опыляют мухи, которых цветки привлекают запахом гниющей рыбы

— Уй, блядь, этот уже тут! — Ирка дернула за руку подругу, первым делом увидев у мангала за домом знакомый силуэт соседа в белой рубашке с закатанными рукавами. — Сейчас опять заведет песнь козла, помнишь: «Как красива, как прекрасна ты, страна моя, Абхазия, лучше в мире нету, ну а мысли все про секс и про секс!»[1]

Обе прыснули, вспомнив выступление старой гвардии КВН.

— Не пойдём?

— Еще чего! Из-за одного озабоченного портить весь вечер? Пусть сидит тихо, облизывается, надеюсь, другие мужчины в этой компании приличней.

Решад кивнул гостям, отвернулся к мангалу. Лешка широким жестом направил девчонок:

— О, девочки, проходите в беседку, там Наташе с Азелей помогайте на стол накрывать! Еще гости будут, нарежьте все, не стесняйтесь!

— Зря ты их к Наташке отправил, она сожрет городских, и не подавится. Эту, — Решад кивнул в сторону соседки, размахивая над мангалом картонкой, — уже недолгобливает, а тут еще одна такая фея. Разнимать придется. А я не люблю кошачьи драки.

— Ой, разберутся, — Лешке не терпелось поговорить. — Как тебе соседка?

— Ну-у, ебательна. Ножки хороши, да и вся... — Решад жестом очертил воображаемые женские прелести. — Я ей озвучил свои планы на ее счет. Пара недель, заскучает в нашей глуши, и можно будет рисовать звездочку на фюзеляже.

— Не думаю, что Ириша заскучает до такой степени, вон как развернулась на участке, я захожу, смотрю. Умная она, чтоб на твои пошлые заигрывания повестись. Я ж знаю весь твой скудный арсенал: «Вы привлекательны, я — чертовски привлекателен, чего зря время терять, айда на сеновал!», твой фюзеляж таким макарон уже весь разрисован.

— А чего с ними париться? И не смейся мои тапки, Леший, откуда ум у женщины, да еще и красивой. Красивым ум не положен по штатному расписанию. Ты у нас — известный оптимист, любишь видеть то, чего нет. Фантазер.

— А как же чувства, брат?

— Которые? — вопросом на вопрос лениво ответил друг. — У них одна любовь — к твоему кошельку, а все эти разговоры о большой и чистой — хрень на постном масле. Как только закроешь кошелек перед носом — и тут же вся любовь испаряется. Думаешь, соседка моя сама заработала на дом и машину? Смешно.

— Тут ошибаешься, отец помог.

— Еще хуже вариант, аплодирую стоя. Ума нет даже... — Решад сделал похабное движение языком в щеку, приподняв бровь. Ухмыльнулся, посмотрев в сторону беседки. — Правда, скидка на возраст, молода еще, научится.

— Двадцать семь ей в июне.

— Ты, прям, умеешь отговаривать.

— Ну, предположим, будет она, — засмутился Леша, как каждый раз, когда речь заходила о сексе, — с тобой. А потом? Женишься?

— Сдурел? На этой? По дереву постучи! — от того, что друг допустил подобную мысль, у Решада волосы встали дыбом на затылке. — И не родилась еще та, что до ЗАГСа меня дотолкает. Потом эта фифа уедет. Ты всерьез думаешь, что городская избалованная мамзель надолго здесь? Видал я таких в Казани. Нет у нас ни одной смузярни, обиталища подобных птиц, ни этих, ...пати в клубе, в девять часов улицы пустеют, из развлечений — сплетни бабки Фирюзы и поездки с тачкой в поле у фермы за навозом.

— А если не уедет? Вдруг?

— Забьемся? Даю время до конца сентября.

— На что спорим?

— Кому Деда Мороза по поселку изображать все новогодние праздники, — в предвкушении Решад потер руки, памятуя, как в прошлом году вытянул короткую спичку в жребии главы администрации среди холостяков поселка и близлежащих деревень, и, матерясь, под хохот друзей, бегал по улицам в шубе и бороде. — Будет в этом году дедуля в фуражке, поверь, я постараюсь.

— Заметано! А если, все-таки, не сбежит? Учи стишки!

— А не сбежит она — уеду я. Здоров уже, как бык, руку разработаю еще, и буду рапорт подавать. Не надо строить иллюзий о счастливой жизни для всех и сразу, ты на этом уже погорел. О, Марс идет, айда, выпьем уже. Светик будет? Кащей едет, или опять играетя в начальство?

— Отзвонился, что едет. Написал сейчас, что будет через десять минут, так что — умножай на три. Сестрица моя ненаглядная с работы уже бежит, только племяшей забросит к матери, Артура ты сам отправил на реабилитацию.

— Через неделю за ним поеду, с врачами поговорю, как заниматься, какие, может, тренажеры нужны.

— Думаешь, пойдет? — с надеждой спросил Алексей.

— Должен. Офтальмолога такого где я еще найду? Душу из него вытрясу, но на ноги поставлю.

Затаенная боль заставила друзей замолчать. Зять Алексея три месяца назад был сбит на трассе пьяным водилой, как еще жив остался...

[1] «Нарты из Абхазии» Юрмала-2004

— Добрый день, нас отправили к вам, чем помочь? Я — Женя, если что.

— Если что?

— Да уже ничего, — растерялась Женя.

— Вон, колбаса лежит, сыр, помидоры, режьте, — Азалия яростно заработала ножом, кромсая салат.

— О, мы еще с собой принесли такой же набор!

— Вот и занимайтесь.

В беседке воцарилась напряженная тишина. Ира пыталась что-то спрашивать, но получая односложные ответы, оставила попытки.

— Так, девочки, чувствую, дело дальше не пойдет. Наташа, а передайте, пожалуйста, стаканчики и штопор, — заявила Женька, вытаскивая из пакета первую бутылку. — Пока мальчики шашлык до ума доводят, мы по капельке за именинника.

— Мы не пьем, — отрезала Азалия, посмотрев на подругу. Но та уже распаковывала одноразовые стакашки.

— А мы тоже. Но надо. Тем более, девочки, такое вино грех не попробовать! Ну что вы, в самом деле, мы ж стараемся!

— Ну если по чуть-чуть, а то действительно, не получается вечер, — смягчилась Наталья. — Лешку обижать не хочется. Айда за юбиляра.

Когда опустела вторая бутылка, дамы нашли общие темы, перейдя на «ты» уже на первой, обсудили инстаграмных блогерш, воспитание детей, рецепты, длину языка местных сплетниц, обменялись номерами телефонов и страницами в сетях.

Чуть позже к женской компании присоединилась младшая сестра Леша, Светлана, — смешливая, добродушная девушка с такой же, как у брата, копной непослушных пшеничных волос. Новые подружки только восхищенно ахнули, узнав, что у тоненькой, будто вчерашней школьницы, Светы, уже двое детей.

Решив, что у продуктов дымить не комильфо, все чаще бегали курить на скамейку за здание полиции, что стояло на краю участка вторым домом, даже Азаля и Светик,

некурящие, ходили «за компанию».

Единственное, что чуть портило настроение Иры — ощущение настырного взгляда из летней кухни, где дымился мангал, неотрывно сверлящего спину. Взгляд преследовал, заставлял смущаться, краснеть и злиться. Взгляд оценивал, раздевал, складывая ее немудреную одежду в труднодоступные места. Ни сальности, ни пошлых намеков больше, нет, взгляд уверенно прикидывал — посмотрим, насколько тебе хватит сил говорить «нет».

Мужчины недоумевали, как быстро в беседке стали раздаваться взрывы хохота, пока Марсель не понял причину веселья:

— Ребят, да они ж пьяненькие! Моя курит половину затяжки только когда выпьет, а вы посмотрите, они опять на лавочку поскакали.

— Ничего, мы ща догоним. Ярканат, где коньяк? О, вот и Кащей! Как добрался?

— Константин Николаевич, на минуточку! — новоприбывший гость важно оттопырил несуществующее пузо, поправил воображаемые очки, — Здоров, братья! Рад видеть! Лешка, с днем рождения! Подарок в машине, потом откроешь. Ух, как я соскучился, еле ж вырвался, даже в субботу не дают спокойно отдохнуть. Решад, ты на разливе?

— Да, брат, сейчас налью.

— Ух-ты, да у вас сегодня новое блюдо в беседке! Леший, кто, что, почему брал? — заметив незнакомых девушек в компании с подругами детства, Костя довольно потер руки, — А вечер перестает быть томным!

— Только приехал, уже распустил слюни! Шашлык тебе сегодня — друг, товарищ и блюдодня! Хотя, не знаю на счет Жени, той принцессы в синем платье, а рыжика, Ирку, Решад застолбил, она теперь его соседка, уж скоро месяц как, — радостно вывалил новости Лешка. — Женя — ее подруга из Казани.

— Да ладно! Ярканат, ты остепениться решил? А я еду, смотрю — по обочинам пальмы колоситься начали.

— Не дождетесь. У нас только Марс променял преферанс на Азалью.

— Но-но, попрошу, на любимую женщину! И ничего я не променял, как пообедаем, так и распишем пультку. И сегодня — сочинку[1], хватит джентльменов строить из себя.

— Ярканат, так я не понял, рыженькая свободна, или у меня нет выбора?

— Свободна, — равнодушно ответил друг.

— Прекрасно, просто прекрасно! Так, братья, я пошел на абордаж!

— Смотри, не споткнись.

[1] Классическая разновидность преферанса.

— Ох, я ослеп, какой розарий Леший собрал! Позвольте замереть в глубоком пардоне! — по очереди поцеловав подруг детства, Костя не сводил глаз с Ирины. — Натуся, Азалья, Светик, вы все краше с каждым днем, молю, знакомьте с подругами!

— Девочки, это четвертый гардемарин из нашей компании, Костя, Кащей. Кость, не размахивай шампурами, восторженный ты наш, это не шпага.

— Евгения, — нарочито манерно подав руку для поцелуя, представилась Женька, сразу прикинув для себя точную характеристику гостя. — Константин, Вы такой галантный! Сразу видно — в больших кабинетах обретаетесь!

— Положение обязывает, Женечка, да и столько красоты в одном месте я еще не видел, — в тон даме ответил мужчина, оценив в ноль свои шансы с черноволосой

красавицей. — И давайте на «ты», девочки.

— Ира, — девушка привстала из угла беседки, улыбнулась, узнав этот надменный прищур глаз и хищный нос с горбинкой. Выросли мальчишки с чердачных снимков...

Ее руку Костя задержал чуть дольше, целуя тонкие пальчики. Вблизи девушка была еще интереснее, в голубые глаза под длинными ресницами хотелось смотреть вечно, а фигурка будила мужские фантазии на раз-два. Правда, высокая чересчур, на каблуках еще, и без них выше его сантиметров на пять будет, если встать рядом.

— Очень приятно, девочки! И что вас занесло в наши пенаты? Нет, технически я уже знаю, но так хочется послушать вас. Ирочка, я так рад знакомству, ты себе не представляешь. Это ты какой дом приобрела?

— Да мой родительский, Кость, правда, дом уже Евгений Васильевич перестроил. Елка моя, если только жива, на участке растет, все, что осталось от детства, — тихо ответила Ната за нынешнюю владелицу дома.

— Ой, Натусь, жива елочка, красивая растет! Слушай, мы сегодня на чердаке много нашли добра, там фотографии, марки, игрушки. Как здорово, что есть кому отдать!

— Да ладно! — в глазах новой приятельницы показались слезки счастья. — Санька сказал, что все выкинули...

— Нет-нет, много всего!

— Девочки, если можно, я фотографии заберу, все-таки, память, папа увлекался фотографией.

— Конечно! — обрадовалась Ира. — Я сейчас принесу! Только там очень много.

— А я помогу, Ирочка, посмотрю, как ты устроилась, как раз и подарок юбиляру из моей машины достанем.

— Кащей, хватит распинаться, усаживаемся, с тебя первый тост! — в беседку зашли остальные мужчины, сгрузили на стол огромные миски с сочным шашлыком и запеченными овощами.

— Попозже сходим, Натусь, сама посмотришь, что твое, — тихонько предложила Ира.

Под смешливые тосты девушка разглядывала собравшихся, вспоминая старые фотографии, найденные сегодня. Ей все больше и больше нравились новые знакомые, а еще говорили ей, что в деревнях мало людей ее возраста, одни старики доживают. Неправда!

Серьезный Марсель и смешливая Азаля, сразу видно, счастливы в браке, даже удивительно, судя по разговорам, они вместе с техникума, это же давно, если им по тридцать пять.

У Наты обручальное кольцо на пальце, дочери шесть лет, но только взгляды, которые они с Лешей бросают друг на друга, когда думают, что их никто не видит... Но Ира тут же решила, что это не ее дело, нечего лезть.

С Костей все понятно, высоко метит взлететь, приезжает в поселок расслабиться в кругу друзей детства. Смешной такой, чувствуется, что с Решадом они больше соперничают, чем дружат, их взаимные подколы весь вечер напоминали разборки жителей Вероны.

Лешку тоже подкалывают друзья, но по-другому, будто оберегая, как младшего брата, не обидно. Когда парни достали свой подарок — резиновую лодку и к ней набор удочек и раколовок от Кащея, Лешка был счастлив, как ребенок! Даже Решад не съязвил в ответ на выражение благодарности от друга.

Да, сосед. Видно было, что в компании он — явный лидер, к нему у всех особое отношение, будто он здесь, в поселке, чуть задержавшийся, но дорогой, гость, и о дате

отъезда все стараются не упоминать, как в доме повешенного не говорят о веревке.

При друзьях он демонстративно не обращал внимания на нее, отмалчивался в противоположном углу беседки, лишь усмеялся, глядя, как из кожи вон лезет Костя, ухаживая за ней.

От соседа лучше держаться подальше.

Светик — просто солнышко! В непростой ситуации, практически оставшись с двумя детьми и мужем-инвалидом на руках, не жалуется, наоборот, улыбается и надеется на лучшее. Еще и работает в больнице медсестрой. Потом нужно спросить ненавязчиво, может, нужна помощь.

Снова возвращаясь в мыслях к ситуации новой подруги, перебирала в памяти телефона знакомых, кто бы мог оказаться полезным для Светика и ее мужа, Ира задумалась, и не заметила, как на лавочке за домом осталась одна.

— Ну, привет, соседка, — Решад сел на скамейку, вытянув по привычке длинные ноги, закурил.

— Привет, — отодвинулась девушка. — Сосед...

— Ты еще домой не собираешься?

— Ну, если ты опять приставать не будешь.

— Здесь не буду, обещаю.

— Где что сдохло?

— Я свои намерения озвучил, не отказываюсь, тем более, ты меня сегодня всего в бинокль разглядела, осталась одна деталь, — голос его стал еще ниже, появились мурлыкающие нотки. — Но если что-то в планах поменяется — сообщу. А пока — друзья?

И сам понял, что сморозил глупость. Какая дружба, если рядом с ней одна мысль бегаёт по кругу — дотронуться, запустить руки в разрез ткани на бедре, сдернуть с нее платье...

— Свежо предание. Давай остановимся на добрососедских «здрассте-здрассте, как дела, и вам не хворать» через забор. Дружить с тобой — это как кроликов с удавом в одной клетке держать. Кролики не задерживаются. И деталькой едва ли удивишь. Да, а почему Ярканат?

— Прозвище с детства. Позывной, — Решад с радостью ухватился за нейтральную тему, отвлекаясь от фантазии самых разнузданных поз с этим рыжим эльфом. — Я привык.

— Позывной? Это где?

— Ну-у, я больше десяти лет военврачом отслужил.

— Неожиданно. Далекое? Шрамы оттуда, да?

— Да, кояшим минем[1], - одним утверждением сразу ответил на все вопросы.

— Решад, ты же обещал!

— А что я сказал?

— Ой, думаешь, я не знаю татарский?

— Надеюсь, — тихо, нараспев, начал вспоминать строчки, найденные недавно на просторах интернета, и так проникновенно, что Ира заслушалась:

— Кемдер колэ синен кебек,

Кемдер синенчэ йори,

Кемдер назлы сузлэр эйтэ,

Син сойлэгэнне сойли.

Лэкин берсе дэ тоннэрен

Син булып тошкэ керми,

Ялгышып кына берсе дэ
Синенчэ дэшэ белми...[2]

— У-у-у, сосед, да ты пьян, — помолчав немного, отдавая дань красоте стиха, девушка решила свести все в шутку.

— Не отрицаю, сама видела, наливал. А, я ж — алкаш! — рассмеялся собеседник, вспомнив вольный пересказ своей матери первой встречи с соседкой.

— Ну, тогда, в машине, от тебя действительно несло Spiritus aethylici[3], не будешь отрицать? Еле выветрила потом.

— Не буду. — Решад снова закурил. — Разбил как раз на остановке в сумке банку спирта на двести граммов, хорошо еще — остальные медикаменты были упакованы хорошо, и сверху лежали. А в гостинице воду отключили, половина поселка без воды сидела из-за аварии, я три дня, пока лекарства выбивал, только лицо споласкивал минералкой.

— Мать смеялась долго?

— Весь вечер, матурым. Ругала меня, что бедную девочку напугал. Полотенцем по шее получил.

— Завтра попрошу у Наили-апы прощения, кошмар, сколько я наговорила, как вспомню!

— И ничего я не старпер, кстати! — продолжал веселиться сосед, вгоняя девушку в краску. — Мне всего тридцать пять.

— А выглядел реально отвратно — небритый, лохматый, седой, ужас просто.

— Видишь, подстригся, бреюсь регулярно, с сединой ничего не сделать. Но для тебя найду варианты. Покрашу гуашью, побрею налысо. Панамку могу носить круглый год, не снимая.

— Я представила! — расхохоталась от нарисованной воображением картины. — С панамкой вариант неплохой. В цветочек бери, тебе пойдет.

— Ладно, кояшим, забыли. Я хоть в чем-то реабилитирован? Честно — позволяем с Лехой и Марсом граммов по сто-двести в месяц, когда Костян приезжает, а это случается все реже и реже. Большим начальником становится наш брат. Сегодня только больше выпили, но и повод. Знаешь, у меня отец был запойный, не хочу повторить.

[1] Солнышко мое (тат.)

[2] Кто-то смеется как ты,

Кто-то ходит как ты,

Кто-то говорит ласковые слова,

То, что ты говоришь, говорит.

Но никто по ночам

Не приснится так же, как ты,

И нечаянно даже никто

Не окликнет меня, как ты!

[3] Этиловый спирт (лат.)

— Тихо! Слышите? Ярканат расправил крылья! Ирку убалтывает, — и все в беседке, кроме Жени, дружно заржали над словами Марса.

— А в чем прикол, ребят?

— Он у нас, Жень, молчун, каких поискать, а смотри, как токует, аж дым из ушей, видать, крепко его Ирка зацепила.

— По ходу пьесы, сегодня Решад годовой запас слов использовал.

— Не, ребят, зря он, ничего не получится, хоть утокуйся. Ира сюда в апреле сбежала накануне собственной свадьбы, женишок ее оказался редкой мразью, изменял ей, не стеснясь, с неофициальной подружкой ее отца, своего шефа. Поэтому Ируське сейчас не нужны новые отношения. Закрылась так, что на мужчин смотреть не хочет, — внезапно Женька прикрыла рот ладошкой, обвела взглядом притихшую от такой новости компанию. — Ой, только я ничего не говорила!

— Бедная девочка... — расстроилась Азаля, укорив себя, что была груба с городской, сплетничала с Натой, смеясь над неуклюжими попытками чужачки стать «своей» в поселке.

— Вот в чем дело! Тогда с нашим Решадом особенно не нужны, — Ната встала из-за стола. — Жень, айда Иришку спасать.

— Наташ, — вдруг подала голос рассудительная Света. — А, может, им как раз и нужен роман... на двоих? Они так подходят друг другу, я заметила, когда они случайно встали рядом, улыбнулись — взгляда не оторвать, какая красивая пара!

Костя закатил глаза, кивнул Марселю, зовя в дом за новой бутылкой. Парни тихонько поднялись и ушли, оставив девочек сплетничать. Леша не успел, замешкался, доливая дамам в стаканчики, обреченно вздохнул, зажатый подругами в углу.

— Да ты что? Сколько таких у него было? Альбинку сама знаешь, слезы лила по Ярканату — по мостовой ручьем бежали, за ним в Питер учиться уехала, не оценил. Начну перечислять остальных — на сутки тут застрянем. А Регина, последняя его пассия, нотариус в Зареченском? Уж на что шикарная девка, а сколько продержалась? Два месяца, три? Он давненько, кстати, уже не ездит, тут ошивается вечерами, а презики у меня регулярно покупает. Бабки говорят, что в санаторий опять повадился, — Ната всегда отличалась тем, что говорила правду, не жалея эпитетов даже для старых друзей. — Так что, наш кобель поматросит Иришку, и бросит! А ей опять сопли на кулак мотать? Леша, ну хоть ты скажи!

— Я не знаю. Не силен в любовях ваших, — Алексей решил не сдавать друга, зная его намерения. Но так посмотрел на Нату, что та вспыхнула щеками.

— Слушайте, девочки, а Решад вообще, человеческие чувства знает? За весь вечер ни разу не улыбнулся нормально. Что-то по вашим рассказам не очень заслуживающий доверия товарищ вырисовывается, а сосед все-таки Ирке, я переживаю.

— А когда ему? Учился дольше нас всех, потом по горам лазал на границе, да по госпиталям отлеживался поочередно. И ведь был лучшим на курсе, почему его в такую дыру потом запихнули, понять до сих пор не могу! Приедет на пару месяцев, обозначится матери, что живой, и исчезнет. После последнего захода еле выжил, года еще не прошло, как угомонился, — ответила всезнающая продавщица. — Да и бабы сами на него вешаются, напрягаться не надо.

— Да-да, Жень, не смейся, каждая думает, что вот она точно его окрутит, ну и стараются, — закрыв уши вновь усевшемуся рядом мужу ладошками, Азаля подхватила пикантный разговор. — Мужик хозяйственный, не пьющий, по нашим меркам, да и не только по нашим — состоятелен, должность приличная, квартира в Казани есть, от тетки досталась, сдает, деньги капают, тут куда тратить. Машина хорошая. То, что с матерью живет — так это не из-за того, что маменькин сынок, а так ему удобно.

— Ага. Куда не плюнь — одни плюсы в моем братце, — Натка осторожно выглянула из беседки посмотреть, не слышит ли их объект обсуждения. — Один минус — ни разу больше трех месяцев с одной мадамой не задержался. И никаких обещаний не дает, потому что

уехать опять может в любой момент.

— Грозная птица, однако, ваш Решад, пока не пнешь, не полетит.

— Э, девочки, я тоже Ире подхожу! — возмущенно заявил Костя. — Опять все сливки Ярканату? Как же он задолбал, весь такой правильный...

— Ты? Да никогда! Кость, у тебя карьера, тебе жена нужна, чтоб мохнатой лапой вверх посадили, уж перед нами не мельтеши.

— Вы все верите в сказочку, что такая девушка в деревне останется? Серьезно? Пройдут первые восторги, успокоится на счет своего несостоявшегося жениха, захочет вернуться в город, зуб даю.

— Костя, я знаю Ирку с третьего класса музыкалки, — тихо ответила Женя. — Пусть я ее старше почти на четыре года, но мне кажется, что иногда она взрослее, мудрее меня. А что ей втемяшится в голову — только топором можно выбить, вместе с головой. Не смотрите на ее наивные глазки, там такой характер!

— О ком сплетничаете? — Решад, по своему обыкновению, неожиданно возник в беседке. — Я все на Фирюзу грешу зря.

Следом на помост ступила Ира, не догадываясь, что здесь только что говорили про нее.

— Ой, сравнил! Девочки, идем в дом, чай пить, караоке включим, — позвала Ната на правах хозяйки вечера, нисколько не смутившись. — Пусть они тут в свой преферанс играют.

Без женской половины компании мужчины лениво расписали пулю, все чаще оглядываясь на дом, откуда сквозь распахнутые окна доносились обрывки песен караоке и довольный смех. Потихоньку собрали рюмки-закуски и переместились на веранду, поближе к дамам.

— Ого, — удивился Марсель. — Это кто там Земфиру по нотам укладывает? Не наши точно. Айда, посмотрим?

Мужчины тихонько расположились на диване сзади дам. Лишь Света оглянувшись, приложила палец к губам, нахмурила брови, призывая не мешать песне.

У плоского экрана, повернутого так, чтобы были видны бегущие строчки текста, пела Ира, закрыв глаза:

— Джинсы... воды набрали и прилипли,

Мне кажется, мы крепко влипли,

Мне кажется, потухло солнце,

Прости меня, моя любовь...[1]

Голос, ведомый грустной пронзительной мелодией, окутывал благодарных слушателей. Свободной рукой Ирина будто хотела дотянуться за тенью любимого лица, дотронуться кончиками пальцев, но рука встретила пустоту, и обреченно повисла в воздухе.

У Решада невольно дернулся кадык, с трудом пропустив воздух. Не ему предназначался этот зов простых рифм, как будто чужой, призраком из прошлого, вдруг закрыл девушку своим присутствием в комнате...

Закончилась песня, и слушатели, не сговариваясь, захлопали, смутив исполнительницу:

— Кто следующий?

— Леш, а спой «Звон»[2]? Пожалуйста, — Ната передала по рукам гитару.

Первым сдался Костя. Ушел за сигаретами, и уснул в дальней комнате, чем изрядно повеселил остальных, когда Лешка схватил гелиевую ручку, и разрисовал лицо друга в кошачью мордочку.

Расцеловавшись со всеми, в час ночи убежала к родителям Света, а за ней и Марсель с Азелей отправились домой, все-таки, тоже оставили мальчишек с родителями Марсея, хоть и живут вместе, но беспокойно.

— Решад, давай ты девочек проводишь, — предложил Леша другу, и тихо добавил, обращаясь к Нате, — Танюшка же у Ярманата остается?

— Да, Наиля Ильдусовна уже уложила ее, чего будить.

— Тогда еще посидишь со мной?

— Недолго только, Лешенька.

— Девчонки, спасибо еще раз, что пришли, спокойной ночи! Целую, люблю, обожаю!

— Пока-пока, Лешик, Натусь, до завтра!

А что тут провожать, улицу перейти, и вот дом, даже немного обидно. Вдохнув одуряющий запах зацветающего чубушника, Решад тихо попросил:

— Ир, задержись, постой со мной немного? Поговорим.

— О, ребят, я, пожалуй, отдохнуть пойду. Решад, спокойной ночи, приятных кошмаров!

— Да, и тебе, Жень, приятно было познакомиться.

Несколько минут пара стояла молча. Он мучительно придумывал предлог, по которому задержал девушку у калитки, она же прикидывала, что еще из белых многолетников купить в палисадник, чтоб со следующего года в нем цветение продолжалось с ранней весны до снега.

— Я хотел еще сказать... Что я хотел сказать... Да нечего говорить, матурым, — мужчина сделал шаг, притянул девушку к себе, не вырваться, жадно поцеловал, но через пару секунд взвыл от боли и неожиданности.

— Идиотка, кусать-то зачем?

— Что, не хочешь больше дружить, а? — Ира хлопнула калиткой изнутри, вихрем влетела на террасу.

[1] «П.М.М.Л.» 2000. Автор и исполнитель — Земфира Рамазанова.

[2] «Звон» 1993. Автор и исполнитель — Андрей Сапунов.

— Ого, какие у вас страсти! — Женька расхохоталась после краткого пересказа событий, представив эмоции мужчины. — Ир, я тебе с утра говорила, что ты — дура? Так еще раз повторяю: ты, голубушка, полная дура. Хорош же мужик, а ты не девочка, чтоб целку из себя строить, дверь бы закрыли поплотней в комнату, все равно я в гостиной ничего б не услышала. Ну чего тебе в чердак тяжелое упало его укусить? Мозги где?

— Да я сама в шоке, Жень... Шампанское осталось? Сейчас хлебну еще, и пойду извиняться. Блин, да сколько уже придется перед этим семейством прощения просить за свою дурость... Жень, ты права, я — дура!

— Дошло!

— Нет, ты не поняла! Да, я — дура, что решила извинения в коробочке нести! Не хочу я секса с первым встречным, вообще секса не хочу, почему я должна прыгать от радости, раз

какой-то мужлан соизволил обратить на меня внимание? А потом? Мне же жить рядом, здороваться, с его мамой общаться. Если для здоровья мужиков пользоваться, то получится, как сорока — этому дала, этому дала. Фу!

— М-да, крепко тебе по мозгам Пингвиненком ударило. Хорошо хоть сосед целуется?

— Не спрашивай, сама не поняла. И не хочу вообще на мужчин смотреть, — жалобно протянула подруга. — Виталик бревном звал, что, с очередным тоже опозориться? Не умею я изображать радость от десятка нудных фрикций... Можно и без секса жить, поверь.

— И сколько ты уже без?

— Ну, — смутилась девушка. — Мы где-то в начале марта последний раз... Да, восьмого. Подарком, угу. Потом как-то было не до секса, свадьба, все такое.

— Алина, — напомнила Женька, и нахмурилась, вспомнив. — И как можно было от Саши налево бегать! Твой отец же идеальный мужчина!

И сама осеклась, испугавшись собственного пыла. Не время сейчас рассказывать подруге, что случилось после ее отъезда. Еще не время.

— Алина. А мне доставалось: «Зайка, я так устал!» Сука...

— Так, может, не ты — бревно, а он — буратино?

— Да нет, наверное, проблема во мне. И, знаешь, мне чаще всего не хотелось, а он потом и спрашивать перестал, — и Ира быстро уточнила. — И сейчас не хочется.

— Вот что с людьми делает половое воздержание и алкоголь! В монастырь бы тебя, обязательно в мужской. Кстати, Натка про Решада рассказала подробности, пока вы на лавочке ворковали. Кобелино вульгарис твой сосед, местная знаменитость с ореолом героя. Альбины-Регины дружно толпой бегают за его хвостом. Я ни на что не намекаю, а то и меня покусает, — сразу подняла руки вверх Женя, будто сдаваясь, — но, Ирусь, для здоровья — отличный вариант! Он ведь не отстанет. Ты, кстати, надолго целибат объявила?

— Навсегда! Все, завтра с тобой в Казань поеду.

— Нафейхоа?

— А как еще ему дать понять, что он мне не интересен? Что я его не хочу? Как вообще в глаза ему смотреть?

— Прямо! Нагло! Вытворяй до последнего, и ни разу не от слова «творить», чтоб понял, что с головой не дружишь, сам отстанет, зачем ему в постели баба с прибабахом?

Решад остановился в паре метров от террасы соседки, услышав задорный смех. Пришел просить прощения, угу. Кто ждет его покаяния, ржут, и наверняка — над ним.

Скоро флеш соберет из мелких неприятностей от нее и из-за нее. И на работе, за чаем, только и разговоров у девчонок, что о рыжей городской, что посадила, в чем в магазин пришла, что кому сказала. И зачем она сюда приехала, до ее появления все нормально было. Никогда об одной женщине столько времени не думал, еще и впервые поперся извиняться, было бы за что, просто поцеловать хотел. Нашлась, недотрога городская, и не таких гордючек в постель укладывал.

— Да пошла ты! — в сердцах прошептал мужчина, осторожно тронув опухшую губу. Развернулся, и исчез в кустах.

Вслед ему снова раздался взрыв девичьего смеха, заставив мужчину сплюнуть зло и матом пожелать всего хорошего.

(14 мая,

п

онедельник, +23)

— Это Вы у нас по Озерной дом москвичей купили? А чего не зайдете, не обозначитесь? — женщина лет сорока остановила машину на обочине, резво спрыгнула с порога внедорожника.

Невысокая, резкая, порывистая, с короткой прической каштановых волос, практически в два сантиметра, компенсировала недостаток роста устойчивыми высокими каблуками.

Простые джинсы, футболка, минимум косметики на лице, от того и выглядела женщина моложе своих сорока семи, порой бравируя и вгоняя в неловкое положение мужчин, что пытались познакомиться с очаровательной дамой, заметив отсутствие кольца на безымянном пальце. Хотя и была замужем, давно и прочно, ну что делать, не любила Мария украшения. И не кольцо держит брак.

Подошла магазину, пока Ира с Натой болтали-курили на крыльце:

— Здравствуй, Наташа, здравствуйте, девица-краса, давайте знакомиться.

— Здравствуйте, меня зовут Ирина, — непонимающе та взглядом спросила Нату, что происходит.

— А я — Мария Альбертовна, заведую этим всем поселком, — женщина широко повела рукой, обозначая свои полномочия, хитро улыбнулась. — Вчера мне про Вас рассказали, что Вы, Ира, петь любите?

— Ой, Мария Альбертовна, у Ирки такой голос! Заслушаешься! — не дала ответа новой подружке Ната, затараторила новостями. — Вот бы вместо тети Кати к нам, запевалой!

— Да я просто... — смутилась девушка.

— Вот мы как решим, Ирочка, — не обращая внимания на смущение рыжей, Мария принялась рассказывать свои планы. — Через часик Вы в клуб зайдете, я позвоню Сергею Ивановичу, привезу его сейчас, прослушает Вас, оценит возможности, и от этого и топтать дорожку будем. Ирочка, Гырон Быдтон[1] на носу, выступить надо, а у нас запевалы нет. Каравон[2] мы уже в этом году пропускаем, заявку не подали, только в следующем. Вы же совсем у нас обосноваться хотите?

— Думаю, да, Мария Альбертовна.

— Вот и отлично. Еще замуж Вас выдадим, есть кандидатуры, — пообещала на прощание дама, села в машину и унеслась по дороге на дальнюю улицу.

— Что за навязчивое желание меня замуж отправить у всех, кому не лень? — пожаловалась Ира приятельнице, подкурив новую сигарету.

— Деревня, что ты хочешь, — меланхолично откликнулась продавщица. — Странно им, что девка одна с хозяйством управляется. Поможешь нашим бабусям выступить?

— О, выйду за вашего деда знаменитого, то-то подавятся местные кумушки, — заметила Ира приближающегося к магазину нетвердой походкой местного скомороха в трикошках вытянутыми коленками назад, и в рубахе, явно с чужого плеча. — Помогу, если подойду им. Да и самой попеть охота на публику, мне нравится.

— Насмешила, за Агютю! Ох, сейчас опять в долг бутылку просить будет, смотри.

Причем, деньги его, ровно на пропой, здесь лежат, у меня, сам так завел, но представление устроить, если зрители есть — святое дело!

— Натулечка, звездюлечка, дай беленькой граммулечку! Запиши в тетрабочку, уважь старика! Две беленькой вынеси, а я вам песню спою душевную, — дед молодецкато притопнул калошами на босу ногу на пару размеров больше, дрыгнул ногой, трясясь в жутком похмелье. Грязная калоша сорвалась с ноги и улетела в канаву, сделав переворот в воздухе.

Ира спустилась с крыльца, прыгнула следом за обувью старика, без тени брезгливости подняла, одним шагом выскочила обратно на тропинку, поставила калошу на землю к босым пальцам деда.

— Девочка ты золотая, благодарствую! — Агутя, наверное, впервые за долгие годы почувствовал к себе человеческое отношение, и удивился естественному порыву помочь ему, забулдыге.

— Не за что, Агу... А как Вас зовут, дедушка? Неудобно вас так по-дурацки звать.

— Леонидом звать, да забыли все, ты зови Агутей, не стесняйся, — дед вообще обалдел от городской девахи.

— А по отчеству? — не унималась настырная.

— Матвеичем. Тебе-то зачем?

— Это нормально, Леонид Матвеевич, человека Вашего возраста звать по имени и отчеству, — просто ответила Ирина. — Я так привыкла.

— Трудно тебе у нас будет, девка... Тебя-то хоть как звать?

— Ира.

— Хорошее имя, правильное. Подходит тебе, — смущенный дед и забыл, зачем пришел, пока не увидел в руках продавщицы вождеденную тару. — Эх, девки, споем?

И затянул фальшиво козлиным тенорком, притопывая и прихлопывая себе в такт, не отрывая взгляда от бутылок, песенку любимого исполнителя:

— Было время много лет назад,

Был мальчишка тот счастливей всех на свете.

Было время, кто-то был богат,

Кто-то был свободен словно южный ветер.[3]

— Ох, Леонид Матвеевич, да Вам на сцену надо! — засмеялась Ирка, впервые увидев показательное выступление выпивохи.

— Это что, Ир, сейчас налакается, до ночи будет орать по поселку. Весь репертуар уже выучили, — Наташа с неудовольствием осадил восторги приятельницы. — Давай, дед, забирай водку, записала я тебе, и килльмандуй отседа!

— Злая ты, Натка, это потому что живешь не с тем, с кем сердце поет, — схватив бутылки, не остался в долгу Агутя. Показал девушке язык и бегом упылил по тропинке.

— Вот пень старый! Попробует он теперь у меня чего взять! — покраснела Ната, спрятав глаза. — А, дело прошлое...

— Ого, а времени сколько! Вон, и Мария Альбертовна приехала, — Ира сделала вид, что не расслышала последние слова Леонида Матвеевича.

И правда, к клубу подъехала глава администрации, помогла с костылями мужчине в

годах, осторожно вылезшему с пассажирского сиденья. Мария Альбертовна, заметив, что девчонки еще стоят на крыльце магазина, махнула рукой, подзывая Иру.

— А кто это у вас?

— Сергей Иванович, худрук наш. Мировой мужик. ДЦП у него, ноги не ходят с детства, но талантливый! Рисование и черчение преподает в школе, пение, английский, с бабками носится нашими по конкурсам, детям кружки организывает. Своих четверых вырастил уже, дочь и двое сыновей старших сюда вернулись, парни и жен привезли. Стоматологи. Младший, Кирюшка, в художественной академии учится. Говорят — гений.

— А я, если честно, удивлялась, что у вас поголовно у всех зубки отличные, вон, даже у деда Лени, — обрадовалась Ира. — Я как раз собиралась в Казань на осмотр, а тут под боком, оказывается.

— К ним с соседних районов приезжают! Цены нормальные и руки легкие. Решад им современное все оборудование выбил, где сам что купил, заходишь в кабинет — как космическая станция!

— Робин Гуд... — процедила Ира тихонько, услышав имя соседа.

— Катюха, дочь Иваныча, тоже вернулась, нажилась в городе, развелась, и к родителям, куда еще с ребенком. Учительницей работает, библиотеку в этом году взрослою придумала, к школьной в довесок, будто кто будет книжки читать!

— Я буду. В школе, говоришь?

— Да, в школе, на первом этаже, налево. Там книг еще — с гулькин нос, две полки, — внезапно Ната скривилась, повернув голову. — Свекруха моя чешет...

— Пойду я, ладушки? — попросилась Ира от словоохотливой подруги. Ей только дай рассказать про кого, не остановить.

— Я пока прикину, какой сарафан на тебя ушить, завтра зайдешь в клуб, я там машинку швейную держу, чтоб Сашка мой не пропил.

— Ладушки! До завтра!

[1] Гырон Быдтон — Праздник окончания посевной у этнических групп удмуртов. В Татарстане проводится в Мамадышском районе.

[2] Каравон — местная традиция, Всероссийский фестиваль русского фольклора, русский народный праздник в Республике Татарстан. С 2003 года по Указу Президента Республики Татарстан является государственным праздником и ежегодно проводится в селе Никольское Лаишевского района.

[3] «Босоногий мальчик» 1992. Автор и исполнитель — Леонид Агутин.

После клуба не хотелось идти домой, и Ира решила проведать начинающую библиотекаршу, посмотреть, познакомиться. На крыльце школы, подложив газету на ступеньку, сидела женщина, отпивая чай из широкой кружки. Волосы, давно забывшие руки парикмахера, небрежно собраны в пучок, майка и брюки заляпаны, не отстирать, стоптанные старые босоножки взывали пристроить их в мусорку, моля о последнем пристанище. «Уборщица, наверное» — решила Ира, спросила вежливо:

— Здравствуйте, мне бы Екатерину Сергеевну найти.

— Я Вас слушаю, — женщина подняла на незнакомку усталые глаза.

— Можно записаться в библиотеку?

— Пф-ф, библиотека... Название одно, девушка. Не стоит оно того, — махнула рукой

женщина, смутившись своего затрапезного вида перед яркой девицей. — Да и мне пора домой.

— Хорошо, можно прийти завтра?

— Ну, идем, посмотрите, двух минут хватит, — поднялась со ступеней Катя, стряхнула равнодушно с некогда красивых брюк налипшие крошки. — Не читают наши односельчане книг, девушка.

— Может, помочь? — Ира зашла следом за дамой в гулкий коридор школы.

— Чем? Заставите их читать? — Катя рассмеялась от абсурдности своего предположения, открыла дверь библиотеки.

— Приобрести новые книги, — предложила Ира. — Вы только список напишите, Екатерина Сергеевна.

— У нас нет средств, девушка, чтоб оплатить.

— Нет, я серьезно! Взрослая библиотека нужна в поселке!

— Кто их нам купит. Нет таких филантропов, вымерли.

— Екатерина Сергеевна, я...

— Да зовите просто, Катей, — улыбнулась женщина горячности странной девицы.

— А я — Ира. На Озерной живу.

— Очень приятно, Ира с Озерной.

— Катя, напишите список, пожалуйста, не стесняйтесь в количестве. Я через несколько дней поеду в Казань, привезу книги. Вы начали хорошее дело, почему бы его не развить?

— Ирочка, Вы серьезно?

— Конечно! Может, у кого в округе еще выкупим домашние библиотеки, ведь часто так бывает, что старшее поколение собирает, а молодежь потом выкидывает книжки. Грустно, но это — жизнь.

— Бывает.

— А мы потихоньку выкупать станем, да? Это же здорово!

— Я не против, Ира, — согласилась Катерина неожиданно для себя на уговоры рыжей энтузиастки.

— И ладушки! Тогда вот номер моего телефона, ватсап, не стесняйтесь, когда список будет готов, свистните, я заберу.

(18 мая, пятница, +27)

— Шли-и-има-а-ан! — Ирина уже второй раз обходила участок, зовя любимца на все лады. — Шлиман, миленький, ну где ты, морда рыжая? Вылезай, не приедет Данька, не бойся!

Зря она утром сказала коту, что к ужину ожидаются гости, которых он терпеть не может. Видимо, в кошачьей голове что-то отложилось, раз и в квартире он исчезал, когда Данька приходил в гости, и здесь кота сдуло ветром из дома, стоило назвать имя сына подруги.

И ведь слышно, орет где-то, но из-за ветра звук относилось в сторону.

— Дочка, у нас твой кот! — к калитке спешила соседка, указывая на раскидистое старое дерево перед своими окнами. — Я ж еще не поняла, где он мяукает, с работы пришла, не заметила, он молчал, а сейчас заплакал! Тень его на рябину загнала, пойдём!

На рябине соседей, на самой макушке, сидела, покачиваясь в такт ветру, пропажа, сипло призывая на помощь, а под деревом лежала серая собака с темными подпалинами, и скалила

такие клыки, что и подойти было страшно. Котяра, увидев подмогу в лице хозяйки, зарыдал еще жалобней, откуда силенки взялись.

— Дочка, я Тень загнать в вольер не смогу, не справлюсь. Решад скоро придет, я уже позвонила.

— Я сама, не надо Решада звать, пожалуйста! — Ира не знала, чего испугалась больше: собаку, за кота, или увидеть соседа, от которого благополучно партизанила с той ночи целую неделю.

— Тень тебя не пустит на участок, кызым, бесполезно, — вздохнула Наиля.

— Я знала, что у вас собака есть, но не думала, что она такая агрессивная.

— Ох, Ирочка, кого только сын не притаскивал в дом!

В отчаянии девушка опустилась на корточки перед собакой, от которой ее отделяла сетка-рабица, заглянула в умные, янтарные глаза.

— Ну что ты, Тенюшка, ты же хорошая собачка, зачем моего Шлимана обидела? Кот вредный, понимаю тебя, он на твою территорию зашел, но маленький же, ну и гнала б его обратно... до канадской границы. Как я сейчас за ним полезу, если ты меня непустишь? А я ведь полезу, чего твоего хозяина ждать. Я постараюсь быстро, хорошо?

Серая зверюга будто поняла просьбу, ткнулась в ладонь девушки мокрым носом, лизнула руку сквозь металлическую сетку, поднялась и исчезла за домом.

— Надо же, кызым, послушалась тебя! — всплеснула руками женщина. Обернулась на тропинку, увидела спешащего к ним сына. — Ой, Решад, Решад, улым[1], ну где ты ходишь, у нас тут такое!

Такое. Да такое проблемное появилось в поселке еще двадцать пятого апреля, он эту дату черным закрасил в календаре. Стоит на тропинке, только поднялась с корточек, волосы смешными кудрявыми хвостиками над ушами, сарафан коротенький, не прикрывает ни черта, ресницами жалобно хлопает, вот-вот разревется, рыжая проблема. И какие двадцать шесть ей, лет на семь Леший ошибся.

А глаза у нее все-таки странные. Прозрачные кристаллики сверкающего льда, удивленные на весь мир, вызывающие не поддающийся логическому объяснению эмоции, душа наизнанку от этих глаз... Нечисть лесная.

И не гоняла Тень никогда котом, сама воспитанная старой кошкой, спокойно относилась к чужой живности, пока не появилась проблема. То, что именно соседский дурной кот — зачинщик конфликта, Решад не сомневался. Несколько раз видел наглеца на заборе, демонстративно прогуливающегося перед Тенью, а сегодня, видимо, отвернулись от наглеца кошачьи боги, шмякнулся на чужую территорию, ну и получил отлуп.

Придется теперь по забору колючей проволоки намотать, чтобы не сдергивали с работы в самые неподходящие моменты, напоминая о своем существовании. Две рыжие проблемы.

[1] Сын (тат.)

— Привет, — не останавливаясь, буркнул мужчина девушке, ушел вглубь своего участка. — Тень, ко мне! Моя хорошая, зачем кота гоняла, скучно? Посиди пока в вольере, потом обниматься будем. — Мам, дай чистую тряпку.

Вынув из кармана джинсов пузырек темного стекла, Решад точными движениями скрутил крышку, зубами вытащил пробку, вылил содержимое на платок, поданный матерью.

В воздухе поплыл запах валерьянки.

— Ну, кошара, иди сам сюда, чуешь, чем пахнет? — для верности Решад поднял вверх руку с тряпкой, помахал, залез повыше. — Еб твою мать!

Ошалевший от запаха кот, вместо того, чтобы спуститься по стволу дерева, мешком свалился на спасителя, затормозив падение своей драгоценной тушки на руках вкусно пахнущего человека, попутно распахивая ему кожу выпущенными, как шасси, когтями.

— Кус-сается еще, падла! Весь в хозяйку, — Решад вынес кота в обнимку с вожделенной тряпкой за ворота, практически бросив его на траву. Закатанные по привычке рукава пропитывались кровью, красные капли собирались бусинами в глубоко разорванных ранках, шлепались с темных волос на тропинку, но это не заботило мужчину. — Забирай своего лишенца. Одинаковые оба.

— Спасибо тебе, огромное! Пойдем, обработаю руки перекисью, а?

— Ты смеешься? Есть у меня перекись.

— Тогда рубашку потом куплю такую же, можно? Даже лучше куплю!

— Ты совсем сдурела? — то, что она допустила мысль о его несостоятельности, выбесила больше, чем ее наглый любимец. — Я похож на нищего?

Пьяненький кот на миг оторвался от десерта, и сунулся было опять к соседской калитке, но, получив ускорение под пушистый зад мужским ботинком, сменил траекторию, подхватил платок в зубы и, пошатываясь, поскакал к своим воротам.

— Идите уже домой, оба. Вот скажи мне, за каким... ты здесь появилась, нечисть лесная? Уезжай, а? Забирай своего шерстяного дебила, и уматывайте в даль светлую, к Куклачеву в труппу, кошки кусачие. Вам там самое место.

От возмущения от его слов и пинка коту, Ирка забыла, что вот только что за спасение Шлимана сама себе пообещала никогда-никогда не огрызаться на самые откровенные намеки соседа. Что минут пять назад промелькнула мысль дать ему маленький шанс, даже не скрестила пальцы за спиной.

— Тебя не спросила, что мне делать, хамло деревенское! Обидели мальчика, не дали новую игрушку, ой, сопли пузырями! Считаешь, что если член вырос, то все женщины в радиусе пятидесяти метров должны лежать, раздвинув ноги? Целоваться он полез, мачо сельского разлива! А ты меня спросил, хочу ли я твои слюни пробовать на вкус? Вдруг у тебя герпес бушует буйным цветом?

— Чего? — от удивления у мужчины глаза на лоб полезли. — Ты с головой дружишь? Пикамилон пропей, поможет.

— Да пошел ты со своими советами в лес, подальше в чащу, и там потеряйся, самовлюбленный болван!

— Так себе игрушка, я теперь вижу, не стоит и связываться, — презрительно подытожил сосед. — С твоим характером тебе светят только сорок кошек лет через двадцать, таких же... диких.

— Слюну втяни, Нострадамус хренов! — и уже уходя, добавила в адрес соседа крепкого словца на втором родном языке. — Сукси виттуун[1]...

[1] Идиоматическое выражение, очень неприличное в приличном обществе (фин.)

Опять сорвалась. Нет, ну какой! Прыщ на ровном месте! Женщина должна быть счастлива, что на нее обратили внимание? А если женщина отказала — дура! Да с какого

перепугу она должна быть с кем-то? Не важно, нравится ей человек или нет — должна? Нет, времена изменились, дорогие мужчины, вот!

Яростно перемывая посуду, доказывала самой себе, что она прекрасно проживет в одиночестве, и даже если заведет сорок кошек — это будет ее решение.

В праведном гневе девушка намыла полы, поменяла постельное белье, загрузила стиралку, периодически проверяя спящего в блаженном дурмане любимца, и успокоилась только тогда, когда тереть и чистить было нечего. Заварила ромашку, вылила в горячую воду набранной ванной, и целый час валялась в душистой пене, подливая горячую воду.

А жалко соседа, сколько теперь царапины заживать будут...

Да и сама наговорила лишнего, мог бы и не приходиться, не снимать кота с дерева, ведь глупость какая — кота выручать! Но, бросил все дела, помог, сам пострадал, добавив к своим шрамам новых, пусть таких глупых, от кошачьих когтей.

Какие у него красивые руки, темные волосы от запястий, не ужас-ужас, а ровно для съемки рекламы дорогих часов, пальцы чуткие, музыкальные... И прекрасно знает, что ему идут небрежно закатанные рукава белоснежных рубашек и пользуется этим! Ресницы длинные... Когда улыбается, даже красив. Действительно, на Гару похож. И шрамы не так и уродливы, если не приглядываться. Тьфу, не хватало еще начать любоваться этим хамлом!

По устоявшейся традиции, вечером Ира вышла на террасу, проводить день кружкой какао. Шлиман проснулся, замыкал жалобно, прося опохмелиться, но понял, что означает сложенный хозяйкой кукиш, оскорбленной невинностью исчез в кустах.

— Привет. Мать послала варенья, у тебя когда еще ягоды будут, — Решад неожиданно появился у террасы с пакетом, поставил на столик, как будто ничего не произошло. — Можно, Тень тебя обнюхает? А то не зайдешь к нам. Я как-то не успел вас познакомить.

— Ты как зашел, я же закрыла калитку на ключ!

— Хм-м, по забору между нашими участками есть вторая, хитрая, не знала? Наткины родители еще сделали, чтоб в обход к нам не бегать.

— Нет. Надо заколотить, чтоб такие гости не шастали, — Ира вдруг представила, если бы он пришел чуть раньше, когда она нежилась в ванной, и покраснела от такой возможности.

— Не бойся, без приглашения не приду.

— Как руки? Очень больно?

— Терпимо. Нашивку не дадут.

Тень скользнула на террасу, ткнулась носом в руку девушки, положила морду ей на колени.

— Хорошая девочка, не будешь больше моего кота гонять? — Ира с удовольствием погладила зверя, потрепала за холку. — Удивительная собака у тебя. Не гавкает. И уши странные, не двигаются совсем.

— Ага. Только эта собака — волк.

— Ого. Seriously? — но рук не отняла, продолжила пропускать сквозь пальцы блестящую серую дымчатую шерсть. — Я думала, помесь какая-нибудь.

— Четыре года назад нашел ее полудохлую в дальнем лесу, думал, щенка новорожденного кто-то выкинул. У кошки как раз котят мертвыми родились, ну я и подложил Муре подарок, — просто, не рисуясь, объяснил он. — Хотел потом в лес обратно отпустить, когда в командировку уезжал, не ушла моя Тень, как не гнал. Да и кому она там нужна, после человека. Так и живет.

— А можно ей перепелку дать? Мне с утра привез дядя Ренат свежих.

— Можно. Ты не испугалась?

— А чего такую лапушку бояться? Ты — страшнее. Пойдем, Тенюшка, я тебе вкуснятину дам! — Ира поднялась со ступеней, ушла на кухню, гость чуть поколебался, но шагнул следом.

— Чего это я — страшнее? Из меня, если чаем напоить, да вон с теми пирожками, можно любые веревки вить, — кивнул он на деревянный поднос в центре стола с малюсенькими, на пару укусов, пирожками, выглядывавшими из-под салфетки румяными боками. — Матушка на меня разозлилась, что я тебе нагрубил, без ужина сейчас к тебе отправила. Вот кого весь поселок и близлежащие деревни боятся.

Тень, получив на кухне обещанное угощение, аккуратно унесла добычу в кусты, походя рыкнув на бесстрашно подбежавшего котяру.

— Проходи, чего на пороге встал. Сейчас заварю свежий. — Ира вымыла руки, достала еще одну кружку опалового стекла, щелкнула кнопкой на чайнике. — А почему Наиллю-апу боятся?

— Учительница она у меня, чего ты хочешь. Заслуженная. Директором школы двадцать лет как. М-м-м, где такие пирожки купила? — Решад проглотил один, цапнул второй, совершенно не стесняясь. — О, с мясом, как я люблю.

— Сама пеку. Борщ будешь, голодное Поволжье?

— Буду! Ачешуешь, ты еще и борщ готовить умеешь?

— Я еще и вышивать могу. И на машинке тоже, — фраза кота Матроскина окончательно прогнала неловкость глупой ссоры, заставив обоих засмеяться.

Пока неожиданный гость мыл руки, Ира положила на стол широкую, крепко накрахмаленную салфетку, поставила глубокую тарелку, до краев наполнила ее густым огненным борщом, подцепила туда же увесистый кусок говядины. Достала соусник с деревенской сметаной, ловко нарезала зелень и хлеб. Услышав ароматы, с террасы прискакали под стол звери, объявив перемирие на время ужина.

— Боги, женщина, ты — идеальна! Кто на тебе женится — как сыр в масле кататься будет, — похвалил Решад ужин, опустошив тарелку. Потянул еще пирожок из изрядно ополовиненного подноса, но положил обратно, не влезет. — Это ты так каждый день готовишь?

— Нет, конечно. Обещали быть гости, Женька хотела сына привезти до воскресенья, но не сложилось. Хорошо, что ты зашел. Еще половина кастрюли осталась. Добавки?

— Впервые откажусь. Не влезет.

— Тогда Лешке отнесу, надеюсь, не откажется.

— Не откажется.

— Чай горячий, осторожно, — предупредила Ира, убирая пустые тарелки в раковину. — А творожную панна котту будешь на сладкое?

— Спрашиваешь. Хотя не представляю, что это.

Хозяйка достала с верхней полки холодильника два десерта в изящных широких креманках. Очищенные от пленки дольки апельсина застывшие в воздушном сливочно-творожном суфле, были посыпаны шоколадной крошкой и украшены крохотными листочками свежей мяты. Этот десерт был достоин быть поданным в ресторане столицы, вызывая восторженные вздохи гурмана, хотя, и на уютной кухне он получил свою порцию

восхищения.

— Тебе плеснуть ликера?

— Апероль? — усмехнулся Решад, вспомнив разговор в магазине.

— И он есть, — Ира потянулась за крохотными рюмочками на высокой витой ножке, передала бутылку мужчине. — У вас в магазине выбор спиртного на любителя, пришлось в Казани в винотеку заехать.

— Ты на повара училась?

— Нет. На ландшафтного дизайнера. Готовить научилась рано, мама с отчимом на работе все время пахали, оба только-только имя наработывали в адвокатуре, два младших брата были на мне. К отцу забегала после школы — у него вообще в холодильнике мышь регулярно вешалась. Мне как раз подарили книгу «Академия домашних волшебников», я ее до дыр зачитала. Все хочу купить такую же, но видела в другом формате. А ту, синюю, квадратную, найти не могу. Вот по этой книжке и начала готовить, с яичницы, каш, простых драников, и так здорово получилось, что теперь, как заезжаю к маме домой, семья требует тереть картошку. Братья даже согласны чистить без возражений, в армии будто не надоело.

— У тебя большая семья. Мне так не повезло, — меньше всего он любил рассказывать о себе, хотя, раз с Наткой подружилась, многое услышит рыжая и без его участия.

— Родители рано поженились, сразу на первом курсе, меня родили и разбежались. Со стороны отца огромная куча родни, с маминной — не меньше. Мама потом замуж вышла за дядю Витю, еще прибавилось родственников, а отец так и остался один. Нет, не один, конечно, но не женился больше. Все детство мотылялась по бабушкам-дедушкам-теткам подкидывшем на плечах папиного друга, начальника его охраны, может, поэтому и мечтала о собственном доме, — Ира внезапно остановилась, удивившись самой себе, почему она так разоткровенничалась с соседом.

Казалось бы, пару часов назад она была готова его прибить чем-нибудь тяжелым, а сейчас спокойно разговаривают, ужинают вместе, и совершенно не хочется, чтобы он уходил.

— Благодарю за ужин, очень вкусно. Пойдем на террасу, покурим?

— Только бросать собиралась. Но идем.

— Надо тоже бросить. Пока учился — не курил, потом, в первой командировке начал.

Наблюдая за соседкой, Решад достал сигареты, похлопал себя по карманам в поисках зажигалки. Ловко переминая посуду, Ира задвинула стулья, убрала в холодильник сметану, украдкой, думая, что гость не заметит, сунула в пасть волчице кусок овечьего сыра.

— А мы на первом курсе. Такими взрослыми себя почувствовали, первым делом косы отрезали и закурили. Сейчас вспоминаем с девчонками, что творили, ржем.

— В юности мы все дурные, — по своему росту Решад отодвинул ротанговое кресло, уселся, закинул ноги на пуфик. Шлиман тут же взлетел на колени, игнорируя предупреждающий рык снизу, потоптался, пригнувшись, и растекся под мужской рукой. Тень, поворчав на наглеца для профилактики, улеглась у ног хозяина.

- Ир, ты прости меня, наговорил ерунды сегодня.

— Я тоже.

— Кстати, а почему — Шлиман?

— П-ф-ф, ты бы видел, какие он раскопки в лотке проводит, такое серьезное выражение морды, налицо археологические способности!

— Понял, Шлиман же Трою раскопал. Смешно. Заведи еще одного, Картером назови, —

оба опять засмеялись. — Породистый?

— Из осенников, садово-подзаборных. Самая шикарная порода, когда дачники наиграются летом с котятами-щенками, и, уезжая на зиму, выкидывают их, кто куда...

Решад замолчал, наслаждаясь идиллией вечера. Он и не помнил, когда было так хорошо, чтоб все сошлось в одной точке — запах свежескошенной травы, пение сверчков, мурлыканье кота, обрамленное шорохом листвы, негромкий джаз из колонок по углам террасы, вкусный ужин лег приятной тяжестью в желудок. Даже его личный пункт — раздражение от чайных пакетиков вместо листового чая, и разной посуды на столе, был не потревожен.

И юная женщина рядом, разделившая с ним этот вечер. Женщина, которая занимает его мысли в последнее время.

Некстати вспомнился взгляд Марселя, полный любви и нежности, которым друг смотрел на свою жену, что бы она ни делала. Решад усмехнулся. Его душе таких ощущений не отсыпано.

Да, существует один шанс на миллион, что есть где-то та, что станет смыслом жизни, та, в чьей власти приручить его, та, с которой он захочет в старости качаться на соседних креслах на веранде общего дома, увитого зелеными побегами. И кофе по утрам, и свежайшие булочки на завтрак из духовки, и телефоны отложены в сторону, и не интересуется больше, что творится вокруг.

Но это будет спокойная, не повышающая голос женщина, уступающая ему во всем, жизнь с ней будет без ссор и скандалов, без потрясений. Решад иногда жалел, что сестра Лешки вышла замуж, пока он отсутствовал по службе. Светик — идеальная жена любому, с такой ...удобно, надежно, не искрит.

А с соседкой он рано или поздно развлечется, может и не один раз. И что-то было знакомое в абрисе капризных губ, будто он уже видел и глаза ее, слишком светлые, странные. Скорее всего, в толпе где выхватил взглядом, живя в Казани. Хотя, вряд ли эта девица пешком ходила, и там, где он. Ее круг никогда не пересекается с его кругом, простым и понятным, даже здесь, в поселке, она не станет частью его.

В его окружении девушки не водят играючи тяжелый Хаммер, не слушают вечерами Эллу Фицджеральд, не порхают по дому в шелковых коротких халатиках и узких туфельках на каблуках с пушистыми помпонами, не балуют домашних изысканными десертами в будни, не имеют в детстве личной охраны. Чужой мир. Большая проблема.

Может, поэтому и тянет к ней, как к экзотике, да и к отлично сложенному телу, чего скрывать. Просто нужно применить другую тактику, раз старые, проверенные методы на нее не действуют, вот только какую, Решад пока не знал.

— Чуть не уснул. Ну что, Ириш, мир?

— Мир, сосед.

— Скажи номер, ватсап же есть?

— Есть. А зачем?

— Пригодится. Да, и я тебя в наш чат добавлю, Леха просил, там всех уже знаешь. Пойду я, завтра рано вставать. Спасибо за ужин. Теперь буду мечтать о драниках, — мужчина с сожалением поднялся с кресла, записал номер, сделал звонок. — Запиши мой. Тень, домой!

И исчез в сумерках так же, как и появился, неслышно.

Даже странно, ни слова о своих намерениях, разговаривал спокойно, не верилось, что

он может нормальным быть. Надо же, и ум использует по назначению, кто Трою раскопал, а кто — пирамиды, легко вспомнил. И вдруг, всего на мгновение, Ире стало жаль, что сосед остыл к ней.

А он лежал поперек своего дивана, закинув руки за голову, и улыбался, вспоминая вечер. Неужели она не осознает, как действует на мужчин? Ведь секс в чистом виде, неосознанно дразнящие жесты, эта линия шеи под кудрями, длиннющие ноги, грудь, наверняка точно по его ладоням... Панна котта рыжая...

И съезжает крыша от ее смеха, ее тонкого запаха. Весь вечер он не мог вспомнить этот запах, такой знакомый, но сейчас понял — так пахнут спелые ягоды ежевики, нагретые слепящим солнцем, брызгающие сладким соком от малейшего нажатия.

В детстве, прячась от пьяных злобных выходок отца, когда дед был в отъездах, убегал на дальнюю улицу, к старой тете Кате на участок. Там, в колючих зарослях ежевики, каждое лето делал себе тайное убежище, таская туда книги из школьной библиотеки и кабинета деда. Сколько раз попадало ему за испачканные сладким соком этих ягод страницы!

А голос у нее... Зов русалки в полнолуние, мелодичный, завораживающий, манит в самую чашу, в непролазную топь, обещая неземное блаженство усталому путнику. И если поддашься колдовским чарам, не внемля разуму, согласишься, откликнешься на призывный взмах изящной ладошки, бросишься сквозь туман, не замечая предупреждений испуганных веток, хлещущих по ободранным в кровь рукам, ждет тебя, глупец, от обещаний коварной ундины верная гибель, в обмен на несколько мгновений крылатого счастья.

И ледяной омут покажется пуховой периной, и туман выстелит шелк простыней, а ветер скроет легкой рябью ряски по воде твой последний крик и хрустальный девичий торжествующий смех.

Согласен?

ИДИ КО МНЕ...

С трудом стряхнув наведенный неумной фантазией морок, Решад сдался яростным призывам своего организма, осторожно, чтобы не разбудить мать, ушел в душ.

(25 мая, пятница +13)

Дня четыре каждое утро Ира слышала через забор: «Привет, соседка», уже привыкая к внимательному взгляду слева. Хорошо еще, справа дом стоял пустой, хозяин его жил в соседней деревне, приезжал только проверить и окучить посаженную на всем участке картошку на продажу, за что получил в поселке меткое прозвище «Бульбаш».

И вдруг не услышала приветствия. Может, на работе сосед. Пожала плечами, не придала значения. Некогда было ей обращать внимания на такие мелочи, огород, подготовка к поездке в соседний район отнимали все время. Иногда вскакивала посреди ночи, проверяя себя на знание текста песни на удмуртском языке, что выбрали для выступления.

Вечером, на традиционных посиделках у Леша не появился тоже. Зато Костя, при отсутствии друга, старался ухаживать за девушкой, не замечая ее рассеянности.

Как-то получилось, что к десяти вечера все засобирались домой.

— Так, дружи, кто завтра едет на Каравон? — спросила Азалия, прощаясь.

Марсель издал жалобный стон:

— Родная, завтра? Я поспать хотел, после обеда в гараж нужно.

— Завтра, и никаких «поспать». Сейчас придем домой, и ляжешь сразу, выспишься.

— А что это? — удивилась Ира.

— В Татарстане живешь, и не знаешь такого события? В Никольском каждый год проходит.

— Я название слышала, причем, недавно.

— Так поехали с нами, Ирусь! — предложил Леша. — Больше народу, веселее будет.

— Я не смогу, наверное, хотя завтра выходной, — жалобно протянула Ната. — Не на чем.

— Подожди. Давайте рассчитаемся, кто с кем и на какой лошади. Мы с Азелей и мамой, плюс два чертенка. Машина номер раз. Лешка берет мою реношку старую. Тетя Оля едет?

— Да, мама со мной, Светик, Сабинка с Тимуром.

— Машина номер два.

— Мою считайте третьей, — подхватила счет Ирина.

— Отлично! Чем больше взрослых, тем меньше шансов у детей натворить что-нибудь. Ты забираешь Натку с Танюшкой, вроде, Наиля Ильдусовна еще хотела ехать, спроси. Машина номер три. Детское кресло на Танюшку у меня есть лишнее. Сбор у магазина в девять, пока то, се, как раз к одиннадцати и приедем.

— Я туда с утра уеду, раньше вас. Найдемся, — Костя тоже не остался в стороне.

— Только еды нужно взять с собой на всю ораву, и кофе в термосы. Компот детям, нам — минералки. Цены там далеко по шкале от обычных, — предупредила Азаля. — Сейчас разбегаемся и спать?

— До завтра! — Ира, заметив свет в окнах соседей, нашла номер в телефоне, нажала кнопку вызова, пока подошла к соседской калитке.

— Наиля-апа, простите, что поздно, доброй ночи.

— Да я не ложились еще, кызым, телевизор смотрю. Заходи, почаявничаем, мне компанию составишь, скучно, Танюшка уже десятый сон видит.

Тень, не вставая, разомлев после сытного ужина, только подняла голову в приветствии.

Свои.

Открылась дверь, и женщина широким жестом пригласила внутрь:

— Не стесняйся, заходи, а то, как приехала, не бывала у меня.

— Да я сперва Тени боялась, Потом как-то некогда было, Наиля-апа.

— Вот и посмотришь, как мы живем. Что, у Лешки не сидится? — женщина открыла перед гостьей внутренние двери, провела на кухню.

Видно было, что дом недавно перестраивали, стены обшиты вагонкой, еще не успела потемнеть. Пол полосками светлого ламината, новые двери, большие окна. Никаких ковров и дорожек на полу, чем обычно грешат деревенские жилища. Высокий потолок, что тоже непривычно в деревенских домах, но норма для этой семьи, чтоб головой не стукаться.

И, о, одинаковые чашки для чая, сахарница и заварочный чайничек! Чего Ирина терпеть не могла, так это разномастье на столе, безжалостно разбивала «на счастье» кружки с дурацкими надписями, невесть откуда проникающие в дом.

— Мы уже посидели, Наиля-апа. Завтра едем на Каравон, Вы хотели, так едем со мной. Натой и Танюшкой, как Вам компания?

— Замечательная компания, я с удовольствием!

— К стыду своему, я и не знаю, что это за праздник, спрашивать ребят неудобно было, — повинилась девушка, развернув конфетку.

— Так это фестиваль русской песни в Никольском, недалеко, в соседнем, Лаишевском районе. Вернее, русского фольклора. Говорят, завтра Надежда Бабкина выступит. Я, конечно, не фанат ее, но почему бы не послушать?

— А я все боюсь, что слова забуду, Наиля-апа, опозорюсь на весь свет на Гыроне, вас опозорю! — честно призналась Ира. — Ночью вскакиваю, повторяю, язык не привык к таким словам.

— Ничего, кызым, справишься. Ты душой поешь, сердцем, люди это чувствуют. Если поймешь, что слова забыла, ты тихонько сзади знак подай, хор подхватит, никто не заметит.

— Не подумала, что так можно, а, действительно. Ох, Наиля-апа, легче стало, спасибо! Пойду я домой, поздно уже, сейчас ваш Решад придет, наверное, с работы, не буду мешать.

— Уехал сын, еще в среду, в Питер, на встречу выпускников. Хотел вернуться завтра, но задерживается, сегодня звонил. С Назаром беда случилась, другом его по учебе, вот они с Яшей поехали его забирать из Горловки. Как там получится, на границе встретят, или как. Сама знаешь, война там...

— Знаю. Страшно.

— Да, кызым, будто с ума сошли. Назар домой в отпуск прилетел, родителей похоронил, и под обстрел попал, все, что знаю пока.

— Имя интересное. Назар.

— Парни учились вместе в академии, преподаватели смеялись — святая троица: хохол, татарин и еврей. Как абитуриентами познакомились, так вместе и болтались. Мы с мамой и тещей Яши Левинзона общаемся до сих пор в сети. В гости выбираемся друг к другу на дни рождения.

— Ой, Наиля-апа, а у Вас когда?

— Второго марта, кызым.

— Буду знать! И, все-таки, Наиля-апа, пойду я, до завтра!

(2 июня, суббота, +10)

Под утро Ирка замерзла. Долго уговаривала себя встать, сбегать в туалет, потом достать теплое одеяло и доспать еще пару-тройку часов. Уговорила. Под уютным тяжелым одеялом согрелась, разомлела, проспала все на свете.

М-да, погодка, в шортах не походишь. Ира вспомнила, что вчера закончилось средство для мытья посуды, придется топтать в магазин. Достала сапоги, куртку, подумала, и шарф с тонкой шапочкой тоже достала с верхней полки. Теплицы сегодня открывать не надо, вообще в огород высовываться не с руки, лучше в тепле, и пельменей налепить впрок.

Муки на доньшке пакета. Хорошо еще, сейчас проверила, второй раз бы пришлось бежать к Натке.

— Натусь, привет! Холодина какая на улице! Пока к тебе бежала, думала, нос отвалится, — пожаловалась Ира, залетая в магазин.

— И не говори, я плащ достала. Привет. Чего хочешь?

— Мне муки, закончилась, какое-нибудь средство для мытья посуды.

— Вчера изюм привезли, чистый, крупный, киш-миш, насыпать пакет?

— Давай.

— Киш-м-м-миш! — вдруг хихикнул кто-то за дальней витриной.

Ира перегнулась через прилавок на звук. На табуретке в углу сидела белобрысая худенькая девочка, подняла глаза от книжки, вежливо поздоровалась:

— 3-з-здравствуйте.

— Привет, Танюша, как ты уютно устроилась!

— Ох, Ирка, ума не приложу, что делать! — между делом, проворно оборачиваясь за товаром, пожаловалась Ната. — Садик закрыли на две недели, Альбертовна только руками разводит, ремонт не делали давно, а тут деньги появились, обещала, что в две недели уложатся. У Азали сегодня родня приехала с Сабана, у Светика тетя Оля внуков забрала. Наиля Ильдусовна в школе пропадает, тоже ремонт затеяла, столы новые привезли сегодня. Некуда Танюшку девать, не с Санькой же оставить.

— А свекровь? — Ира вспомнила даму, вечно восседающую на лавочке у администрации, и тут же пожалела, что вспомнила.

— Она нас с Таней не привечает особо, — тихо ответила подруга. — Да и некогда ей, не все еще сплетни по поселку собрала в кузовок.

— Так я могу с Танюшкой посидеть! Вечером заберешь. И чем заняться, найдем.

— Танюш, пойдешь к тете Ире до вечера? А я тебя сразу, как магазин закрою, прибегу, заберу, — спросила мать, понимая, что предложение подруги — лучший вариант на данный момент.

Таня молча кивнула, слезла с табуретки, покорно дала себя одеть, встала у выхода, не выпуская книжку из рук.

— Натусь, добавь еще сок к чеку, — Ира обернулась к ребенку:

— Танюшка, ты какой любишь?

— Вишневым, — ответила за дочку Ната, потянулась за тетрапаком. От движения платок, прикрывающий ее шею, упал на пол.

— Где ты так приложилась? — бесхитростно удивилась Ира, увидев в вырезе платья сзади на шее и спине подружки два багрово-синих синячища.

— Да коробочка сверху упала неудачно, — Ната быстро подхватила платок, закуталась снова. — Вот и хожу, как дура, прячу.

— Ужас какой! — рассчитываясь за покупки, Ира быстро складывала их в сумку. — Ну, все, спасибо, Нат, мы пойдем.

— Тебе спасибо, выручила!

Когда девочки вышли из магазина, Ира протянула ладонь ребенку, та доверчиво вложила пальчики в предложенную руку.

— Ты кошек любишь, Танюша? У меня рыжий кот есть, красивый, Шлиманом зовут.

Ребенок молча кивнул.

— Тебе книгу нести не тяжело? Она такая большая, — попробовала Ира разговорить девочку.

Не получилось. Таня отрицательно мотнула головенкой в забавной шапочке, только еще крепче прижала к себе сборник сказок.

Странно, в шесть лет ребенок изводит взрослых вопросами, сам спешит поделиться знаниями с каждым, кто будет его слушать. И на Каравоне Танюша не отходила от матери, если что-то хотела спросить или попросить, дергала ее за рукав, и шептала просьбу на ушко. Может, стесняется своего заикания.

Решив, что не будет заставлять девочку поддерживать разговор, задавая вопросы, Ира принялась озвучивать планы на день, будто для себя:

— Я пельмени лепить стану, тебе включу мультики. У меня есть куклы, знаешь, ими играла твоя мама, когда была такой маленькой, как ты, как раз тебе отдам. Я их на чердаке нашла, лежали тихонько, тебя дожидались. А если по возрасту... То и мамина мама, бабушка твоя, может быть, была первой «мамой» кукулят. Да, скорее всего.

Дошли так до дома, Танюша разделась сама, аккуратно сложила свои вещички в гардеробной. Для приличия погладила кота, вымыла руки, в показанной хозяйкой дома ванной комнате. Уселась с книжкой в угол дивана, утонув в мягких подушках, раскрыла книгу, усадила рядом кукол.

Шлиман, чуя, что от этой крохи вреда его шикарному хвосту не будет, залег рядом, вылизал деловито свою шкурку, задремал. Ира отвлеклась, замешивая тесто. Так, в молчании, обе занимались своими делами.

Хозяйка достала широкую доску, подпылила мукой, и вдруг, неожиданно чихнула, клюнула носом прямо в мучной пакет, взметнув из него белое облачко. Вся в муке, рассмеялась нелепой ситуации, и со стороны дивана услышала тихий ответный смешок.

Таня прикрыла ладошкой рот, чтоб не рассмеяться в голос над тетей, но ведь та сама ухохатывается, вытирая со щек муку. И девочка не смогла больше сдерживать смех, показав две дырки вместо передних зубов на верхней десне.

Так вот еще одна проблема, из-за которой ребенок держит рот на замке! Ира подошла к малышке, присела перед ней на корточки, полотенцем вытирая остатки муки с лица:

— Выручай, Танюш, не справлюсь я без тебя, сама видишь, что вытворяю! Почему-то сегодня обе руки левые, представляешь? Помощь твоя вот так нужна! — убедительно попросила Ира, проведя ребром ладони под подбородком.

— В-вы и ш-ш-шею испачкали, т-т-тетя Ира! — преодолев стеснительность, вновь

улыбнулась девчушка.

— А я что говорю! За мной сегодня глаз да глаз нужен.

— А м-можно, я т-т-тесто п-п-покатаю? Я умею!

— Нужно, Танюш! Я пока фарш достану, добавлю в него лук, перец и чеснок.

— Т-т-только я в т-туалет с-схожу, м-можно? — жалобно попросила малышка.

— Конечно, зачем спрашиваешь, беги скорей! Ой, подожди совсем немножко! Наверху горшочек есть детский, я мигом, — Ира пулей помчалась на второй этаж, в туалете схватила стульчик с горшком, мысленно похвалив себя, что не выкинула, отмыла от пыли конструкцию.

Успела.

Потом, когда вымыли руки, строя рожицы в зеркало, две хозяйюшки отправились на кухню. Ира подвязала ребенку нарядное вафельное полотенце вместо фартука, отлепила от теста небольшой кусочек, подала маленькой помощнице скалку. На стул перевернула широкую кастрюлю, укрыла ее пледом, чтоб было мягче сидеть. Так делала ее бабушка, когда маленькая внучка так же просилась раскатывать тесто, а взрослые стулья были слишком низкие для нее.

— А давай маме покажем, что собрались делать? — Ира посадила малышку на кастрюльку, обошла стол, нажала на кнопку камеры в телефоне.

Девочка с удовольствием попозировала для фотографии, с гордостью держа большую скалку двумя руками, потом принялась за дело.

За работой Ира, по привычке, стала напевать под нос, на сей раз детскую песенку:

— Ничего на свете лучше нету,

Чем бродить друзьям по белу свету.

Тем, кто дружен, не страшны тревоги.

Нам любые дороги дороги.[1]

И Танюшка подхватила последнюю строчку, вдруг совершенно не заикаясь, чисто выводя мелодию. Вдвоем допели до конца, похлопали друг другу.

— А знаешь песенку Водяного? «Я — Водяной, я — Водяной», — пропела Ира, не акцентируя внимание на изменения, чтоб не испугать девочку неожиданным открытием.

— Поговорил бы кто со мной! — подхватила Таня, и сама поняла. — Тетя Ира, я н-не з-заикаюсь! Н-нет, з-заикаюсь...

— Не думай, просто пой, Танюш! — не дав ребенку вновь загрустить, девушка продолжила песенку:

— А то, мои подружки!

— Пиявки да лягушки! — опять чисто получилось у крохи. И вместе закончили, громко воскликнув:

— Фу, какая гадость!

От неожиданного возгласа Шлиман вскочил, рванул спросонья так резко, что забуксовал задними лапами, вызвав смех.

Через два кусочка старательно раскатанного теста и выдавленных тонким стаканом кругляшей, Таня устала, глазки стали слипаться.

— Может, мы пообедаем, и немножко отдохнем, как тебе такой план, Танюш?

— Можно, — немного растягивая гласные, будто пропела слово, согласилась девочка, быстро сообразив, как избавиться от ненавистного недостатка.

После большой тарелки пельменей, самыми вкусными, потому что сама лепила, да с бульоном, укропом и сметаной, Танюшка даже чай не допила, осторожно слезла с кастрюльки, потом со стула, вежливо пискнула «спасибо», засыпая на ходу.

Сытые и отмытые, девочки улеглись под одеяло, и только Ира подумала спеть колыбельную ребенку, как услышала мерное сопение. Устала малышка, столько дел, столько открытий за небольшое время получилось совершить.

[1] «Песня друзей». 1969. Музыка — Г. Гладков, слова — Ю. Энтин. Исполнитель — Олег Анофриев.

(8 июня, пятница, +16)

— Ох, бабоньки, Решадка наш инвалида какого-то привез вчера, без ноги по колено, кривой на один глаз. Сам в шрамах, так себе под стать дружка притащил! — причмокивая от свежести новости, Фирюза еще не присела на лавку, как принялась делиться. — Две сумки у мужика да костыли, вот и все богатство нажил. С утра уже с Марией вчетвером в райцентр упылили, Леху тоже видела, как к ней в машину садился. Машка за ними лично заехала!

— А что за мужик-то? — наострила уши Людмила, не уступающая своей подружке, Фирюзе, в распространении сплетен, Наткина свекровь к тому же.

— Вчера спросила у Наили, так она же ничего не скажет, нос воротит, не ровня мы ей, вон, с рыжей, городской, все вась-вась, и на Каравоне их вместе видела. Все под ручку, смеются, будто и нравится им вместе гулять, у обеих рот не закрывается.

— Быть не может, чтоб с нашей Наилей кто близко сошелся, это ж после смерти дочки ее сколько лет прошло, все траур носила. А намедни ее видела, в ярком шарфике идет, и губы намазала. Это ж, если Решадка у нее с восемьдесят второго года, как раз Брежнев помер, помню. Энже, значит, она в восемьдесят шестом родила. Или пятом... — Люда задумчиво пожевала губами, подсчитывая. — Не упомяну.

— И диагноз придумали «менингит», чтоб скрыть, что это Марат дочке подзатыльник дал, вот она и треснулась об угол, да и померла, много ль надо ребенку трех лет. Вот и запил потом мужик, страшное дело — своего ребеночка убить!

— Да, быстро сгорел Марат, а какой мужик был! На баяне играл, заслушаешься, — с затаенной обидой вспомнила Людка. — Кроме Наили своей, ни на кого не смотрел... И на что там смотреть было?

— А Решадка-то как на отца похож, вылитый! Глаза только цветом, как у Наили, серые, ниочемышные, как у мыши под хвостом, — хихикнула Фирюза удачному сравнению, толкнула в бок вторую подружку, прикемарившую на солнце:

— Сдается мне, Наиля сыночка своего дефективного хочет к соседскому богатству пристроить, да городская от Решадки все морду гнет.

— Наташка моя, как с рыжей задружила, осмелела, отвечать стала, — Людмила собрала губы в куриную гузку. — Танюху дома не найдешь, все на Озерную бегают, то у Наили ошивается, то у этой шпалы. Как вспомню, что рыжая Санечке моему перцем в лицо брызнула, руки чешутся взять за кудряшки, да повозюкать по дороге! Ведь ничего парень не сделал дура, рта раскрыть не успел.

— Это они привыкли в городе сразу нападать, не разбираясь, слишком вольно сейчас бабам, распоясались, особенно молодежь, — пошамкивая, подала голос третья подружка, обдав товарок гнилым запахом рта. — Нас так вольно не держали. Бить надо детей и баб, бить!

— Смотри, смотри, легка на помине, приехала городская! Это куда она сворачивает? — сгорая от любопытства, Фирюза вся вытянулась за угол здания, пытаясь разглядеть в поднятой тяжелой машиной пыли ее маршрут. — Ты смотри-ка, к школе. К Наиле, наверное, вот ведь, подружка нашлась.

- Катюша, привет! Все по списку привезла, и немножко сверху! — отрапортовала Ира,

выгружая из багажника на крыльцо школы первые связки книг. — Нам бы кого в помощь отловить.

— Привет, Ир, ого, сколько! Сами справимся, сейчас в четыре руки все перетаскаем.

— Еще чего! — оглядела девушка школьный двор, заметила компанию подростков, лениво перебрасывающих мяч, уверенно направилась к ним с самой широкой улыбкой на лице:

— Мальчишки, помогите, пожалуйста, нужно перенести книги, вам же не трудно?

— Трудно, тетя! — вихрастый тощий пацан нагло сощурился на предложение. — Детский труд запрещен в России.

Остальные заржали, поглядывая на жожака.

— Жаль, я бы заплатила, — ответила Ирина. — Но ты совершенно прав, сто двадцать седьмая статья запрещает рабский детский труд. Извини, в следующий раз поищу мужчин, а не к детям сопливым обращаюсь с подобной просьбой. Отдыхайте, дети.

— Че ты сказала? Кто сопливый? — пацан сплюнул сквозь зубы, буром попер на наглую дамочку, подмигнув компании. — Сиськи покажешь, поможем.

— Покажу, — прищурилась девушка. — Вперед, из багажника книги грузим, и в темпе, мне еще в райцентр пилить.

— Заметано!

Мальчишки наперегонки помчались к машине. Катя укоризненно покачала головой, слышав торг с местной задирой, но новая приятельница подмигнула ей, призывая не волноваться.

— Это куда столько, Катерина Сергеевна? — парни, с энтузиазмом перетаскав содержимое багажника, взвыли, увидев, что все заднее сидение машины тоже завалено связками книг.

— Библиотека будет, мальчишки, много фантастики, специально для вас.

— Да фу, читать! Читают только заучки!

— Читают люди, которые хотят развиваться, думать.

— А Камасутра есть? — не успокаивался вихрастый. — Я б с удовольствием с кем развился.

— Привезу, если треть этих книг прочтешь, — серьезно ответила Ирина. — Обещаю.

— Не, я так не играю, — задира оглядел салон машины, кивнул пацанам, что все, дело сделано, и блудливо ухмыльнулся. — Ну, че, тетя, показывай сисяндры, уговор дороже денег.

— Не отказываюсь, смотри, — Ира развернула экран телефона к лицу парня, пальцем смахивая следующую фотографию, и еще. — Могу видео показать.

На экране богатым выменем красовались племенные коровы и козы.

Пацан покраснел от злости под издевательский смех дружков. Нет, договор выполнен, чего возмущаться!

— А читал бы больше, правильно б сформулировал свое предложение, был бы другой разговор, — улыбнулась Ирина, убрала телефон, решив, что на сегодня наглецу хватит позора. — Предлагаю мировую, парни. Пошутили, размялись, молодцы. Но, знаний, все-таки, вам не хватает.

- А эта библиотека теперь всегда работать будет? — подал голос самый серьезный парень из компании. — Записаться можно?

— Можно, Олег, распакую книги, занесу в каталог, — Катя расстелила бумагу на

ступени крыльца, присела отдохнуть. — Через неделю приходи, хорошо?

— Тоже приду, — буркнул вихрастый. — Катерина Сергеевна, может, мы поможем Вам распаковывать?

— Отлично, Слава, мальчики, вы меня очень выручите!

— А я пока в райцентр съезжу, еще привезу книг.

— Ира, ты сегодня успеешь? — забеспокоилась приятельница. — Смотри, дождь собирается.

— Ничего, успею, — вдруг в ее голову пришла замечательная идея. — Кто хочет со мной прокатиться?

— А можно? — Славка давно с уважением поглядывал на большой автомобиль, даже на днях тайком сфотографировался на его фоне у магазина, пока хозяйка делала покупки. Вот бы за рулем его сделать фотку и выставить на аву, все друзья от зависти умрут! Каринка не будет больше нос задирать.

— Едешь сейчас со мной, только родителей поставь в известность, что в райцентр и обратно скатаешься, чтоб не волновались.

— На кладбище телефонов нет, тетя, — помрачнел подросток. — А деду по барабану, где я.

— Меня зовут Ирина, если что. Можно на «ты». Но, не наглеть, — предупредила девушка подростка. — Грузись вперед, пристегнуться не забудь.

Некоторое время ехали молча, но Славку так и распирало спросить дамочку, и ерзал, и всем видом показывал, что хочет поговорить, но не знал, как начать. В конце концов, не выдержал, выпалил:

— А можно за рулем посидеть? Потом. Не, если можно...

— Водить умеешь уже? Свернем на поле, пару кругов сделаешь самостоятельно.

— Да ладно! Прямо разрешите? Не-не, ты... Вы... ты не думай, — Славке странно было обращаться к этой девушке панибратски, но сама же предложила. Не удержался, похвастался, — я умею, у Марсея Анварыча второй год в гараже летом на подхвате подрабатываю, просто пока права рано, как восемнадцать будет через три года, получу, коплю вот, и дед обещал. Сам себе телефон купил недавно!

— Молодец, Слава, а ты не безнадежен, — Ира улыбнулась тепло, понимая, что парню нужно было услышать именно эти слова. — Из тебя выйдет толк.

— Вот накоплю, куплю машину, и свалю из страны.

— А, нет, ошиблась.

— Почему?

— Смотри. Ты мечтаешь купить машину, на этом твои мечты заканчиваются. Свалить из страны. Куда?

— В Европу, чего здесь делать.

— В какую хочешь страну попасть?

— Во Францию хочу.

— Et que vas-tu faire sans connaissance de la langue?

— Че? — удивился пацан, больше тому, с какой легкостью перешла новая знакомая на иностранный язык.

— То. Я тебя спросила по-французски: «Что ты будешь делать без знания языка?», — прищурилась она хитро, не переставая следить за дорогой. — Без знания языка, без востребованной профессии, без материальной «подушки» на первые пару лет, приезжаешь

ты во Францию на машине, такой красивый, да? И все сразу получается — работа, жилье, девушки в беретах, с багетом хрустящего хлеба в пакете. Круто.

— Я не думал...

— В мечтах, хотя бы, оформил загранпаспорт? Законы страны узнавал? Правила ПДД?

— Ну, я... — Славик, поняв, что попал впросак, отвернулся от вредной попутчицы. — Фигня какая-то. Законы, подушка. Что еще за подушка?

— Деньги на первое время. Или ты думаешь, что именно тебя ждут в Париже с распростертыми объятиями?

Парень совсем сник, задумался, уставившись в окно. Но, когда таскали книги со второго этажа старого дома, пыхтел, но старался, набирал больше в охапку, чтоб показать, что он сильный и взрослый. Странно, но ему понравилась похвала рыжей наглючки, но очень не понравилась ее насмешка над его главной мечтой.

И на поле она не стала заезжать, обманула, что даст прокатиться, жалко ей машину стало. Взрослые часто обманывают, обещая что-нибудь, лишь бы своего добиться. Родители тоже обещали. И чаще всего — не пить, но никогда не сдерживали слово. Деда он уже не просил...

Но он не такой, обещал помочь с книгами, поможет, пусть этой рыжей будет стыдно!

Ира, посмеиваясь про себя, наблюдала за бурей чувств, которые переживал сейчас мальчишка. Какие бросал на нее презрительные взгляды, разгружая у школы багажник, наверняка думал, что она забыла свое обещание.

Когда вся поклажа была перенесена в комнатку библиотеки, парень засунул руки в карманы штанов, с гордым и независимым видом цыкнул сквозь зубы:

— Ладно, пацаны, я пошел на пляж, кто со мной?

— Стоять. Сейчас на заправку, и, как я обещала, поедем куда-нибудь от дороги, сядешь за руль.

В глазах подростка расплескался такой восторг, что, казалось, он сейчас подпрыгнет и завизжит, но сдержался, важно залез на переднее пассажирское сиденье, щелкнул ремнем безопасности.

— Ребята, кто еще едет?

— А можно? — робко спросил Олег.

— Нужно! — заорал из салона машины Славик. — Пацаны, айда!

— Надо маме позвонить, — осторожный Нияз, как всегда, сперва просчитывал свои действия на два шага вперед. И хотелось с парнями, но строгий отец мог всыпать по первое число за такую поездку.

— Звоните родителям, вон, как раз идет Наиля Ильдусовна, мы подтвердим, что с Ирой безопасно ездить, — разогнулась Катя, охнув от боли в пояснице.

Парни схватились за телефоны, пока женщины здоровались. Потом Наиля взяла по очереди телефоны, поговорила, с улыбкой кивнула мальчишкам:

— Только будьте аккуратны, договорились? — предупредила Наиля, но пацаны ее уже не слышали, предвкушая важное взрослое дело.

(9 июня, суббота, +13)

— Не проси, Мария Альбертовна, не поеду. Куда я Назара одного оставлю на целый день, это же за полночь вернемся.

— Не маленький твой Назар, да и Наиля, если что, поможет, — отрубил женщина, не поворачиваясь к упряму. Потянула на себя дверь клуба, зашла внутрь. — У нас, действительно, некому вторую машину гнать, сам понимаешь, все работают.

— А я один балду в кустах пинаю, да? — чтоб отстоять свое решение, ему пришлось зайти следом, и, как ни пытался остановить собеседницу, даже обогнать ее не получалось. — Не поеду, я все сказал.

— Решад, совесть где?

— Закопал.

— Лопату в зубы и раскапывай, — Мария уже начала злиться. Зайдя в зал, понизила голос, чтобы не мешать репетиции. — Мне, действительно, некогда двенадцатого, хоть и официальный выходной, ну пойми ты! В конце концов, ты — врач, а бабкам нашим всем за шестьдесят, да Иваныч на костылях.

— Вон, соседку мою попроси, у нее и машина есть, — выхватив взглядом знакомые рыжие кудри, предложил мужчина. — Моя лошадь у Марса.

— Свою кобылу дам. Ира поедет и так, она у нас теперь в ансамбле, — терпению главы администрации пришел конец. — Не часто я тебя прошу!

— Я еду, — вдруг буркнул он неожиданно.

— С документами Назара помогу, Решад! Ладно, пищеблок новый будет, хрен с тобой. Что?

— Еду, сказал.

— Вот и отличненько! — вдруг женщина посмотрела туда, куда неотрывно смотрел ее собеседник, уперлась взглядом в рыжеволосую красавицу, увлеченно играющую на пианино в четыре руки с хударком. Едва не расхохоталась от удовольствия, быстро поняв, почему упрямец поменял планы. — Считай, командировка. Аптечку и тонометр не забудь.

— Но с документами сможешь, сама предложила.

— Не отказываюсь, — согласилась женщина. — Во вторник выезжаете в семь утра.

— И пищеблок. И в этом месяце. Осенью народу притащится болячки показывать, а у нас плиты времен царя Гороха, опять со школы таскать будем судки лежачим-еле ходячим?

— Деньги со стоматологического кабинета куда дел? — нахмурилась Мария.

— Тренажеры для Артура заказал, все подотчетно, до копейки. Сама знаешь наш контингент, простаивать не будут. Мне бы еще...

— Все-все, уйди, надоел, клещ!

— Подожди, Альбертовна, еще спрошу. Ты в курсе, кто у нас, может, дом продает попримичней? Я смотрел, два нашел. Генка родительский выставил, совсем развалюху, а Кошкины участок отмежевали крохотный, пять соток, ни о чем.

— Себе присматриваешь? — прищурилась Мария.

— Назару. Только договоримся, если спросит, от администрации ему участок выделили бесплатно, хорошо? Подумаем с тобой, как обстряпать это дело.

— Хорошо, буду иметь в виду, Решад, — Мария поняла, к чему клонит собеседник. Правильно задумал, чтоб не потревожить самолюбие друга, и так судьба нелегкая досталась парню.

— Ушел.

(11 июня, понедельник, +14)

— Ирина, здравствуйте! Тебя к шести вечера в клубе ждут, Сергей Иванович передал! — заборчиком, по обыкновению засунув руки в карманы замызганных штанов, стоял Славка, покачиваясь с пятки на носок. — А у меня день свободный, делать нечего. Помочь надо чем?

— Привет, Слава, знаешь, а ты вовремя. Я поленницу хотела перенести с дальнего угла, там еще посажу малины. Пока я подсаживаю капусту, где кот подрыл, ты мне поможешь.

— Легко! — мальчишка с готовностью шагнул за калитку.

— Вот тачка, перчатки обязательно. Потом пообедаем, и поставим пугало в клубнике, вороны обнаглели совсем.

— Дед дуги ставит, и зеленой сеткой укрывает клубнику, так лучше.

— Ой, а у меня есть тоже дуги, как парник, да?

— Да, — почувствовал себя взрослым, что городская прислушалась к его совету.

Мальчишка работал быстро, пробегая по дорожке с тачкой, как метеор, круто заворачивая на углах. Ирина закончила подсаживать цветную капусту, раскидала несколько пакетиков базилика и укропа, ушла на кухню.

— Я все сделал! — через час довольная, раскрасневшаяся мордаха подростка сунулась в двери.

— Отлично, вон там ванная комната, полотенце я тебе приготовила, синее. Мой руки, лицо, садись за стол, обедать будем.

— У-у-у, суп. Мне обязательно его есть? — Славка скривился над тарелкой, плюхнувшись на стул.

— Обязательно. В твоём возрасте необходимо в обед есть суп. Чем питаешься дома?

— Ну, когда в школе, там приходится в столовке щи хлебать, но там вкусно. А дома мы с дедом куру с лапшой едим, бутеры с колбасой, дед гуляш готовит иногда, когда трезвый. Я блины печь умею, яичницу там... — вдруг поднял глаза от тарелки, плеснул обиженной гордыней, — не бедствуем.

— А я не спрашивала, бедствуете, или нет. Я про суп спросила, — расхохоталась на реакцию мальчишки Ира. — Ешь, не выпендривайся.

— А вкусно, очень! У деда получается мутная жижа, лапша вся разваривается, покупная. Это рассольник, да? — Слава усердно работала ложкой. — Мама готовила так же...

— Хочешь, научу, ничего сложного, — предложила хозяйка дома, поставив на стол блюдо с печеночными оладьями, достала соусник со сметаной из холодильника.

— Хочу! Честно-честно! А то учиться уеду, в общежитии надо будет самому готовить.

— На кого собираешься учиться?

— А в техникум поступлю, Марсель Анварович который заканчивал. Сейчас он колледжем зовется. Там бесплатно. Универ мне по деньгам не осилить. А так я алгебру люблю, физику, химию, геометрию. Задачи по векторной алгебре влет решаю! — не удержался, похвастался парень. — Учебник для первого курса Катерина Сергеевна дала, она со мной занимается дополнительно, хочет, чтоб я поступил в институт. Но, куда там...

— Векторная алгебра... Это же высшая математика, Слава! Молодец! — искренне восхитилась девушка.

— Фуф, наелся! Спасибо!

— Сейчас немного посидим, после обеда нельзя сразу работать.

— А можно пока книги посмотреть?

— Можно.

Надо же, отпетый хулиган, гроза поселка, и вдруг столько талантов пареньку отсыпано. Ира покачала головой. Да, такому пробиться непросто будет.

Пугало удалось. Славка вбил в землю толстое полено, в него — небольшой кусок арматуры. Приволок гибкий металлический шланг, насадил его на прут, к шлангу привязали старую метлу. Ира перевязала на треть длинную подушку, что недавно распорол когтем Шлиман, и получилась бабка с увесистым сидалищем.

Нарядили бабуся по высшему разряду — платочек, как у Солохи, узелком на лоб, длинное платье из многослойного шифона, утюгом испорченное по подолу. Красными пластмассовыми крупными бусами, находкой из сундука, украсили декольте. Толстую веревку приспособили под руки и ноги. Хохотали до слез, когда водружали бабку на метлу. Подарили рукодельной ведьме и сапожки, грех такую красавицу без обуви оставлять.

— Фирюза-апа, копия! — ржал подросток, аккуратно формируя на лице нос, завязывая ниткой кульку. — Ира, еще б по сумке в руки! Что она в них постоянно таскает?

— Пакеты сейчас повесим, они шелестят, дополнительный звук будет. Ой, не могу, действительно, Фирюза!

— Ирин, а можно, я оладьи доем? Чет так аппетит разыгрался.

— Нужно!

Пока мальчишка мыл руки, Ира накрыла на стол, и положила денежку на буфет. Славик прошел мимо, будто не заметил денег, принялся подъедать все, что радушная хозяйка выставила из холодильника.

— Деньги возьми, это за работу, Слава.

— Не, много.

— Нормально. Бери. И у меня всегда найдется тебе работа.

— Афигеть! Спасибо! — ассигнация тут же исчезла в кармане, как и не бывало. — Я пошел, да?

— Иди, — улыбнулась Ирина его нетерпению. — До встречи!

Стукнула калитка за мальчишкой, но, не успела Ира намыть посуду и присесть с кружкой какао, как у калитки началась непонятная возня.

— Не пойду я позориться, я не крал эти деньги, заработал! — всхлипывал Славик, пытаясь выдрать ухо из цепких пальцев деда.

— Вот сейчас и узнаем, горе мое, как ты их заработал.

— Что за шум, а драки нет? — вдруг в перебранку вплелся голос соседа.

Ира вздохнула, поднимаясь со ступеней. Его только и не хватало!

— Что случилось, Слава? Леонид Матвеевич, так вы — дедушка Славки?

— Я, будь он неладен! Совсем от рук отбился, никакой управы на него не найти! Деньги начал по соседям воровать, а ну, признавайся! — дед еще раз встряхнул за шиворот внука, потрясая перед его носом несчастной купюрой.

— Отпустите ребенка, Леонид Матвеевич, Слава честно заработал эти деньги! Он весь день мне помогал, можете посмотреть, сколько парень сделал, я заплатила ему ровно за работу, — Ира вышла за калитку, не обращая внимания на соседа, что стоял поодаль, прислонившись к забору, потянула к себе мальчишку. — И впредь, будет мне помогать, и я

так же буду оплачивать его труд. У вас золотой внук, Леонид Матвеевич, умный и добрый мальчик!

— Ой, чего городишь, девка! Что городишь... — от слов девушки старика затрясло. Последние годы, после нелепой смерти сына с невесткой, он только и слышал о внуке «хулиган», «оторва», «тюрьма по нему плачет», а рыжая вдруг говорит, что Славка добрый! Умный...

— Леонид Матвеевич, отдайте Славе деньги. И проспите уже! — раздраженно бросила Ирина, разворачиваясь к дому.

— Да я не пил сегодня, девка. Совсем, — вдруг присмирел старик, отдал купюру внуку, даже с почтением. — И завтра не буду.

— Вот и хорошо! — улыбнулась Ира. — Лучше спросите Катерину Сергеевну, какие учебники Славе нужны, заниматься дополнительно. Парень у вас, Леонид Матвеевич, гений математики!

— Это он в меня! — у деда заблестели глаза. — Ты прости меня, старого, девка, обмишулился я. Привык, что парня все хулят...

— А зря. Гордиться надо таким внуком. А поведение его... Вон, спросите Решада Маратовича, сколько тот окон разбил, пока в школе учился? — ткнула пальцем в сторону соседа.

— Э, я тут при чем? Интересно ты стрелки перевела, соседка. Сама кого попало привечаешь, реально же — Славка не из пай-мальчиков, на нем клеймо ставить негде, а мне попало, — ухмыльнулся Решад, отлипая от забора.

— Вам бы каску сейчас на голову, Решад Маратович, — хихикнул в ладошку Славка, прячась за деда. Видел он, чем заканчивается разговор, когда у Каринки так же, как у Ирины сейчас, начинали трепетать ноздри и суживаться глаза. — Дед, пойдем, ща рванет, как бы не зацепило.

— Пятьдесят семь, — процедила Ира.

— Что?

— Пятьдесят семь стекол пришлось вставлять за вами, Решад Маратович, пока вы школу не закончили! — свистящим шепотом продолжила соседка, вспомнив рассказы Наили-апы. — Однажды за одну неделю шесть раз!

— Когда это было, в школе, — защищаясь, Решад отступил к своему забору. — И в этой цифре треть — Марсея заслуга.

— А в прошлом году кто, играя с сабанятами в пионербол на школьном стадионе, запулил мяч в окно учительской? — Славка откровенно потешался над взрослым, раз представился такой шанс. — Пятьдесят восемь!

— Ах ты, гаденьш, иди сюда, я тебе уши откручу! — смеясь, погнался за мальчишкой Решад, но тот, хохоча, предварительно рванул с места так, что только пыль из-под ног взметнулась маленькими фонтанчиками.

— Только и можешь, что с маленькими воевать! — презрительно хлопнула калиткой Ирка.

— Да, блин... Матвейч, хоть ты ей скажи!

— Хорошая пара из вас получится, сынок, — прищурился один глаз, усмехнулся дед. — Не даст тебе Ирка заскучать. Хватай девку, да беги до ЗАГСа, где еще такую найдешь. Редкой души девка, золотая.

— Еще чего удумал, Матвейч! — нахмурился Решад словам старика, предложил, —

Пойдем-ка, я тебе давление проверю, раз ты трезвый. Чаю попьем.

(12 июня, вторник, +15)

С утра прошел небольшой дождь, поливать огород не было нужды, поэтому Ира собралась и подъехала к клубу раньше, в шесть утра. Сонный поселок только-только открывал глаза окнами, собаки лениво перебрехивались во дворах, разбуженные пару часов назад третьими петухами.

Машина главы администрации уже стояла на обочине, но самой Марии Альбертовны не было видно. Ира подергала двери клуба и администрации — везде закрыто. Закурив, девушка еще раз пробежалась глазами по списку необходимого в пути и на празднике, нет, вроде, ничего не забыла.

— Фу, куряка, не поеду с тобой, с Альбертовной сяду, у меня астма! — сзади подошла первая из бабулек, бессменная работница почты. — Бросай давай, не пристало такой красавице травиться.

— Доброе утро, Резеда-апа, я в машине не курю, — улыбнулась Ира.

— Я тебе обещала отломить от куста пиона белого, как процветут, не забудь напомнить, — сменила гнев на милость бабуля. — Больно хорошо твои розы взялись, легкая рука у тебя, девка.

— Резеда, ты мне пятый год обещаешь свой пион дать, который сортовой, я-то дождусь? — к точке сбора подошла еще одна участница ансамбля.

— Так ты не говоришь, Петровна, я и не помню, кому чего обещала, — развернулась к старой подруге Резеда. — Хоть на бумажку пиши, совсем память худая стала.

Постепенно, за разговорами, собрались бабуси, уложили в багажник сумки, разобрались, кто в какой машине едет, придирчиво осмотрев заднее сиденье Хаммера.

— Ну что, драгоценные мои, все в сборе? — пройдя дворами через школу, на пяточке появилась Мария Альбертовна. — Я с вами не поеду, девочки, простите, в райцентр на весь день, хоть и выходной.

— А кто нас повезет, ты чего отлыниваешь, Альбертовна? Машина же твоя стоит? — заволновались бабки. — И Иваныча кто загружать-выгружать станет? Кто наши сумки поможет нести?

— А вон, идет водитель-погрузчик. На весь день в вашем полном распоряжении, хоть с маслом ешьте, — кивнула женщина в сторону Озерной улицы, подмигнув бабулям. — От сердца отрываю, цените, девочки!

12

ВПЕРЕД

Июнь.

Обернувшись, Ира не смогла сдержать раздражения — по тропинке, расслабленной походкой, шагал ее сосед. Зевнул в ладонь, поднял черные очки на голову. А бабки подтянулись, расправили согнутые спины, заулыбались, увидев главврача.

— Доброе утро, дамы. Альбертовна, я за Сергеем Ивановичем заеду, он звонил, — ловко поймав брошенные Марией ключи, Решад щелкнул сигнализацией, открыл переднюю дверь, сунулся внутрь салона. Обошел машину, закинул свой рюкзак и ветровку в багажник. — Ну что, дамы, кто со мной едет, грузитесь, две минуты на раздумья.

Всем видом показывая, что ему эта поездка поперек горла, отошел в сторону, закурил,

вновь надел солнцезащитные очки. За черными стеклами можно без стеснения рассматривать рыжую, никто не заметит. Странно, ведь терпеть не мог, когда девушки надевают тяжелые ботинки на толстой подошве, но на этой мавке грубая обувь смотрелась органично, будто не давая взлететь при взмахе рук. Стянуть бы с нее пушистый свитер одним движением, расстегнуть джинсы, широкие, сами спадут...

А Ирина, будто почувствовала его мысли, сбилась в увлеченном разговоре с Марией, вдруг смутилась, оглянувшись нервно, нахмурилась. Развернулась, и встала за машину, скрылась от назойливого взгляда.

Прикрутив разыгравшуюся не к месту фантазию, Решад прислушался к спору пожилых женщин, усмехнулся. И про болячки свои забыли, громче всех Резеда кудахчет, и куда астма девалась, залезла на заднее сидение Тойоты, бесцеремонно распихав локтями товаров.

— Дамы, две минуты прошли. Я сейчас уеду, пешком добираться будете, — пригрозил он бабулям, садясь за руль. — Еще две ко мне, на переднее Иваныч сядет.

— Нина Алексеевна, это не твой бежит? — оглянулась Мария на дорогу.

— Ох-ти, батюшки, правда, мой ковыляет! — выглянула бабуля в открытое окно, полезла из машины, перебирая ногами, будто так получится быстрее.

Хватаясь за левую сторону груди, сухонький дедок добрался до машин. Видно было, что ему такие марафоны уже лет двадцать как стали неподъемны, но ради своей жены он старался местами переходить и на бег, помогая себе тросточкой. В руке, как драгоценность, нес он пуховый белый платок и кошелек:

— Старух, ты совсем башкой слаба стала, деньги дома оставила! Исэнемесез[1], девки, красавицы, как вы похудели все, как березки, стройными стали!

От комплимента бабули зарделась, кто на сколько смог, втянули животы, и, хоть знали, что у Бориса эта фраза была, как «здравствуйте», но вдруг, мужчине же виднее!

— Я на стол положила, да не вспомнила, верно, Борь, ну, и заняла б у кого из девочек, если что купить захотела, ты чего прибег, — с нежностью ответила мужу Нина, подвела его к лавочке, усадила бережно. — Ну что ты, как маленькую, меня контролируешь.

— За тобой глаз да глаз нужен. Вот, платок накинь, спину закрой, потом опять стрельнет, вчера еще говорил, — укутал заботливо плечи жены, смахнул невидимую пушинку с ее колена, добавил шепотом, — ты маленькая моя и есть. Поезжай уже, я посижу немного, да домой пойду. Иди, садись в машину.

Наконец бабуси расселись по машинам, пристегнулись, угомонились. Машина Иры, следуя навигатору, уехала вперед, не дожидаясь второй, но на трассе ее обогнала серая Тойота, мигнула фарами, пристроилась спереди, не давая совершить обгон. А Ирина и не собиралась, ей стало комфортно следовать за соседом, особенно, когда выехали на незнакомую ей дорогу. За два часа пути и поболтали и распелись женским междусобойчиком.

— Ох, бабоньки, я б в туалет, мочи нет, и чего дома не сходила? — взмолилась вдруг Петровна.

— И я б с удовольствием, — подхватила просьбу еще одна бабуля.

— Девочки, если мы сейчас остановимся, я заблужусь в развилках... — жалобно протянула Ира. — Этот же ждать не будет, уедет вперед.

Вдруг Тойота, будто ее водитель услышал просьбу, остановилась на обочине у небольшого леса, мигнула фарами. Из машины высыпались бабуси, бросились в лес врассыпную. Решад вышел тоже.

Ира остановила машину чуть сзади, помогла бабкам вылезти на дорогу.

Достала сигареты, щелкнула зажигалкой, отвернулась от ветра.

— Дай зажигалку.

— Своей не обзавелся? — обернулась Ира на знакомый голос.

— Дома оставил, — соврал Решад.

— Прикуриватель тоже сломался?

— Ир, убери колючки, я сам не особо в восторге от поездки, Альбертовна упростила. Вот мне счастья, выходной на вас тратить, — раздраженный от того, что пришлось соврать еще раз, вернул зажигалку. — Надеюсь, это будет одноразовая акция благотворительности.

— Ага, как ты сам. Одноразовый.

— А ты попробуй сперва. За уши не оттащить будет, — ухмыльнулся в ответ на грубость, задержав взгляд на высокой груди девушки.

— Я имела ввиду другое, а ты, как всегда: «Где бы что ни говорили...»

— Все одно сведет на баб! — подхватил Решад строчку из сказки Филатова, рассмеялся вдруг. — В твоём возрасте такое не читают.

— А в твоём — уже не помнят! — отбрила нахала Ирка, садясь в машину. И, глядя вслед сажающемуся в автомобиль соседу, выругалась. — Гондон одноразовый. Штопаный.

— Что, Иринка, нравится тебе Решад Маратович? — хихикнула Нина Алексеевна с заднего сиденья. — Хороший парень, правильный.

— Еще чего! — возмущенная предположением бабушек, Ира оглянулась. — Самовлюбленный, наглый кобель!

— Это он еще свою женщину не встретил, вот и гуляет, — заявила Петровна. — Отец его тоже гулена был, пока на Наиле не споткнулся. Год почти за ней бегал, ездил каждые выходные в Казань, привез себе девку городскую. Ты приглядишься к парню, вдруг — судьба твоя.

— Не собираюсь. Такому и химическая кастрация не поможет.

— Ну-ну, — бабки зашушукались, тихонько посмеиваясь.

По касательной проехали Мамадыш. Ира не сдерживала восторга, удивляясь чистоте городка, отличной дороге, заботливо установленным указателям с ярким названием праздника. Долго смеялась над знаком ограничения скорости «70», когда свернули на проселочную, в заплатах асфальта, дорогу к деревьям.

Детские воспоминания о деревенской жизни в соседней области у бабушки сохранили непролазную грязь, особенно после дождя, вечные резиновые калоши у входа в дом разномастным рядком.

И опять та же картина, что поразила ее в своей деревне, радовала глаз — чистота, ухоженность, хозяйственность небольших поселков, что оставались позади. Аккуратные улыбки везде, ухоженные огороды, техника и машины во дворах.

На широком поле, отведенном под гуляния, в отдалении от двух сцен быстро устанавливали палатки торговли местных умельцев. Бесконечный ряд мангалов уже дымился, приглашая запахами подойти поближе, оценить свежесть продуктов и отведать с дороги сочные кусочки шашлыка.

Толпы людей в праздничных одеждах, национальных костюмах, музыка, радостные возгласы встреч — Ирина растерялась в этом потоке народа, упустила своих бабушек, убежавших к знакомым по домам, переодеваться к выступлению. О ней забыли старшие товарки.

Кое-как, на заднем сиденье машины, умудрилась переодеться, натянула сарафан, удачно подогнанный Наткой по фигуре. Сменила тяжелые гриндерсы на невесомые красные кожаные сапожки с каблукочком-рюмочкой, с удовольствием ощутив под пальцами тисненый узор по голенищу.

— Неплохой стриптиз! — у машины стоял молодой парень с аккордеоном наперевес, беззастенчиво пялился в окно.

— Подглядывать нехорошо, Вас в детстве не научили? — не чувствуя угрозы со стороны незнакомца, рассмеялась Ира, запирая автомобиль. Пусть смотрит, не жалко.

— Научили, но не удержался. Я — Андрей.

— А я — Ира, Андрей.

— Вы на какой площадке выступать будете? Я посмотрю обязательно.

— На второй, мы предпоследние, еще не скоро.

— Тогда погуляем, Иринка-картинка? — парень взял ее за руку, крепко сжал. — Давай на «ты»?

— Давай, — согласилась она.

[1] Привычное приветствие среди татарского народа. В переводе на русский язык это обращение звучит как «Живы ли вы!?»

Только отвернулся, а рыжая уже с каким-то парнем за ручку гуляет! И еще один подходит к ним. Еще один. И смеется для парней так игриво, будто что-то смешное эти могут рассказать. Нет, он не ревнует, но берега нужно видеть! Собрала вокруг себя недопесков, Скарлетт себя возомнила? Нечисть болотная...

Да ну ее.

Решад не знал, чем себя занять на этом празднике жизни. От скуки обошел ряды, купил минералки, перемигнулся с бойкой ладненькой продавщицей, постоял рядом, любезничая. Клятвенно пообещал, что, как проголодается, за шашлыком придет только к ней. Незаметно сунул руку в карман джинсов, проверил упаковку презервативов, да, есть. Тут не только вкусный шашлык намечается.

— Ириша? Ты? — вдруг услышала Ира за спиной. — Здесь?

Девушка повернулась, и расплылась в улыбке. От радости неожиданной встречи рядом, подпрыгивая маленьким коlobком, полная блондинка пыталась протиснуться к приятельнице сквозь забор парней.

— Ой, Оля, как я рада тебя видеть! Только недавно тебе плюш отправила с Женей, вы состыковались в городе?

— Да, спасибо, пойдём, покажу, что из него сшила, — потянула женщина к рядам мастеров.

Несмотря на разницу в возрасте, они как познакомились на ночном маркете на фабрике Алафузова, казанской достопримечательности, так с удовольствием общались после. Благодаря Ольге, Ира открыла для себя мир кукольников Казани, старалась посещать выставки.

Дамы подошли к палатке с плюшевыми медвежатами, и Ирка вдруг заверещала, понеслась обниматься с высокой, чуть полноватой, моложавой блондинкой, подслеповато щурившейся из-под очков, напарницей Ольги.

— Юлия Сергеевна, вот Вас я меньше всего ожидала увидеть здесь! Но как? С нашей Олей?

— Тебя, Ирочка, да еще в таком наряде, тоже, знаешь, не ожидала, здравствуй, дорогая, — дама невозмутимо поправила соломенную шляпку на голове. — Мы с Ольгой ездим по ярмаркам, пока лето.

Три года назад Женя пошла на курсы дизайна, для работы, и Ира с Ландыш увязались за ней, за компанию, а Юлия Сергеевна вела композицию, декорирование и цветоведение. После курсов девочки не прекратили общение с любимой преподавательницей.

— Как тесен мир! — разглядывая деревянные подносы и шкатулки на столе педагога. — Но как вы с Олей познакомились?

— На выставке. Картины моих учеников повесили как раз за ее столом, я подошла, разговорились. Ты сама как здесь?

— Я же сейчас живу в деревне, за сто тридцать километров от Казани, в ансамбле выступаю!

— Какие перемены, Ирочка, я рада за тебя.

— Приезжайте в гости, представьте, речка сразу за участком, лес, места красивые! Мольберт с собой берите, не пожалеете, — расхваливала Ира свою новую малую родину. — Женя приезжает ко мне.

— Как у Женечки дела?

— Работает, сын растет, все хорошо.

— Обязательно посмотрю твоё выступление, Ира.

— Я пойду, еще увидимся, девочки!

— Надо же, Юль, я представить не могла, что ты Ирку знаешь.

— Такая же история, — улыбнулась в ответ подруга. — Может, действительно, махнем в ее деревню потом, дома на продажу посмотрим, а то ты четвертый год по Татарстану едешь, не можешь себе место выбрать.

— Сама знаешь, Юль, как-то все — не мое, — в ответ вздохнула Оля, поправила лапки у медвежонка. — Вроде, и дома, и участки отличные, но нет, не лежит душа. А к Ире съездим. Удивительно, ведь городской ребенок, а в деревню попала.

— Ее всегда тянуло к растениям, я, как раз, не удивлена.

А Ирина убежала к сцене, как раз пошел выступать новый знакомый, сел у края сцены, пристроил аккордеон, нашел ее взглядом, подмигнул. С первыми тактами музыки гуськом выплыли на помост девушки из местного ансамбля, одна другой краше, взмахнули платочками. В такт веселой песенке толпа стала прихлопывать, в конце наградили певуний громкими овациями. Ира вдруг испугалась, не перепрыгнуть ей такое выступление, как бы хорошо она не пела...

— Как тебе? — Андрей прыгнул с помоста, точно приземлившись у ног девушки. — Девки мои сегодня в ударе!

— Молодцы! — искренне похвалила выступление Ирка. — А я боюсь, после вас петь — только праздник людям портить.

— Ты чего скисла? Мы же не для соревнования выступаем, для людей, чего ты испугалась?

— Я слова забыла... — тихо покачалась Ира, опустив голову.

— Как выйдешь, смотри только на меня, не волнуйся, одной петь тяжело, я буду подсказывать, — положив инструмент на скамью, Андрей обнял барышню. — Пока есть время, давай слова повторим.

Пока ждали своей очереди выступать, проголодались. Андрей позвал на соседнее поле, где на столах, укрытых белыми скатертями, раскинулось море снеди для выступающих. В горшочках вздыхали вареники с разной начинкой, пельмени теста тонкого, манты, и все томилось в нежнейшей, густой, с едва заметной кислинкой, сметане. У огромных казанов с перловой кашей, где мяса было больше, чем крупы, толпилась небольшая очередь, ведь примета сложилась годами — если не отведать этой каши, урожая не видать. Люди сперва пробовали, после подходили за добавкой, как хороша была каша!

На помост сцены Ира ступила уверенно, ободренная новым знакомым. Нашла его глаза в толпе, и не отпускала взгляда все выступление. Песня плыла над толпой, нежная, о любви неразделенной, голос молил жалобно, заставляя сопереживать девушке, даже те, кто не знал языка, понимали ее тоску. У многих женщин в толпе на глазах выступили слезы, бабки, сидящие в первых рядах зрителей, не стесняясь, утирали глаза уголками платков.

Музыка оборвалась на звенящей ноте, пару минут стояла восхищенная тишина. Раздались первые, робкие хлопки в ладоши, слушатели опомнились, шквалом аплодисментов проводив ансамбль.

Решад хотел подойти, поздравить, но, пока помогал Иванычу спуститься с крутой лестницы сцены, упустил из виду певунью, только рыжие кудри взметнулись огоньком в толпе. И рядом — этот настырный, местный. Банный лист.

День плавно уступал свои права мягким сумеркам, над танцплощадкой зажглись огни, зазвучали современные песни. Что удивительно, совсем не было пьяных, да и не продавали в рядах спиртное крепче медовухи.

Маясь бездельем, Решад попытался собрать своих бабушек к машинам, но куда там! Разбежались, внукам купить игрушек, с подружками местными поболтать-почаевничать, даже Иваныч уковывлял к председателю на огонек. Что говорить о рыжей проблеме, та всю отплясывала на танцплощадке в кругу парней и девушек.

— Потанцуешь со мной?

— К великому сожалению, в моей «бальной карточке» для тебя нет свободного места! — дразнясь, Ира высунула кончик языка.

— Нет, и в танце откажешь? Струсил? — Решад ухмыльнулся. — А, ты боишься оттоптать мне ноги.

Непонятно что больше раззадорило: слова или насмешливо приподнятая бровь. А, может, легкая сумасшедшинка праздника, витавшая в воздухе, сделала свое коварное дело?

— Шиш с маслом! Много ты о себе возомнил! — девушка положила руку на мужское плечо, слушая первые ноты новой мелодии.

— Кошка дикая.

— Самовлюбленный болван.

Шаг, шажок..., невесомо отступить, уступая. Ладонь в ладонь, пальцы поглаживают осторожно, лишь подушечками, боясь спугнуть, изучая, запоминая, приручая к первым ласкам. Резкий поворот головы, внимательный взгляд. Шаг — отступая, шажок — приближаясь.

Повинуясь тревожной и гордой музыке, пара скользила по площадке, выплетая сложный

узор на свежих досках. Решад легко вел, не ошибаясь ни в одном движении, и Ира, доверяя сильным, горячим рукам, позволила обнять себя крепче, чем того требовал танец, и только пульс общим ритмом бился в ушах.

Настил постепенно пустел, танцующие расступались, давая красивой паре все больше места. А они не замечали никого вокруг, ведя молчаливую дуэль глаз, разговор, понятный только двоим.

Стихли последние ноты, и зрители заплодировали прекрасному танцу, а Ире вдруг показалось, что с небес грянул гром. Вспыхнула, заалела щеками, и бросилась вон с площадки.

Решад растерянно смотрел ей вслед, потом вдруг улыбнулся своим мыслям, не торопясь, спустился с площадки.

— Иринка-картинка, ты еще домой не скоро? — Андрей поймал девушку в охапку, закружил в объятьях. — Что за мужик с тобой танцевал? Весь день поблизости ошивается, за тобой следит. Ты с ним, да?

— Нет, Андрюш, это наш... водитель-грузчик, — вспомнила Ира обозначение обязанностей соседа на празднике. — Я с ним? В страшном сне такое не приснится.

— Тогда, может, ко мне на часок, как смотришь? У меня никого дома, кофе попьем, — по интонациям было понятно, что не чашечка кофе интересует паренька. — На кровати мягкой поваляемся...

— Нет, Андрюш, не хочу, — Ира аккуратно высвободилась из рук кавалера, отступила.

— Ну, ты чего ломаешься? Так хорошо день прошел, вечер надо сделать еще лучше, — Андрей вновь сделал попытку ее обнять, но получил по рукам.

— Обязательно на кровати? Давай без меня.

— И зачем тогда я на тебя время потратил, — скривился парень, услышав окончательный отказ. — А еще помог, с покупками твоими таскался, как дурак.

— Почему же «как»? — вырвалось у Ирки, будто кто дернул за язык. — Даже обидно должно быть.

Хотел было дать сучке по губам за такие слова, но наткнулся на тяжелый взгляд того здорового мужика, неожиданно появившегося в двух метрах позади Иры. Озноб прошиб от его взгляда, ощутил себя завтраком туриста, а турист тот — волк матерый, не дай Бог столкнуться в лесу один на один. Водитель, как же...

— Бывай, хористка, — презрительно бросил Андрей через губу, поспешив смешаться с толпой.

Домой попали после полуночи, усталость валила с ног. Ира развезла бабулек по домам, подъехала к своему, вздохнула. День был отличным, только неприятно царапнуло предложение Андрея уйти к нему на часик перед отъездом.

Странно, но точно такие же предложения соседа не были отвратительны, скорее, вызвали возмущение наглостью уверенного в себе мужчины, а тут стало мерзко. Плата за помощь, надо же. Из-за этого Андрея практически сбежала с праздника, хорошо еще, бабули быстро подтянулись к стоянке, и оперативно погрузились в машины.

У ее калитки маялся сосед, что-то пряча за спину. Мало того, что после стелы, обозначающей начало родного района, резко уехал вперед, оставив ее одну на ночной дороге, так еще у дома караулит!

Не выходя из машины, щелкнула брелоком ворот, в сотый раз поблагодарив за автоматику бывших владельцев участка, заехала под навес. Опустила ворота. Посидела немного в тишине, надеясь, что сосед поймет, что она видеть его не хочет. Вышла из машины. Нет, стоит, упрямый. Демонстративно повернулась к дому, намереваясь уйти.

— Ир, ну что ты, как маленькая, честное слово!

— Я устала, сосед, может, поговорим потом? А лучше — никогда, а?

— Пять минут, я займу у тебя ровно пять минут, засекай.

— Хорошо, — демонстративно отметила время на телефоне, подошла к калитке, любезно открытой мужчиной.

— Вот. Поздравляю с выступлением, ты пела лучше всех, — оказывается, за спиной Решад прятал небольшой, но изысканный букет из роз, эустом и молоденького, еще скрученного в завитки, папоротника.

— Как я могла забыть про эустому, спасибо, что напомнил! Жаль, в этом году не получится вырастить, на рассаду в декабре семена проращивают. Махровая белая, конечно, капризуля, может и не взойти, но, если при дополнительном освещении... — вспоминая лекции, Ира не заметила, как скривился даритель, будто укусу хлебнул.

— Вы прослушали лекцию по цветоводству, — съязвил он. — Я надеялся на другую реакцию. Нормальную.

— Ой, простите, Решад Маратович, не оправдала надежд и чаяний! Исправляюсь, — Ирка соорудила глупую рожицу в стиле Барби, достала телефон. Вытянула губы уточкой, нащелкала несколько селфи с букетом, защебетала приторно, — Ой, это мне? Цветы? Ой, как неожиданно! Ой, как приятно! Спасибо-спасибо-спасибо, ты такой щедрый, ты такой заботливый, Решадик! Чем же мне тебя отблагодарить? Ой, я знаю! Поскакали в постель! Вы же все только этого и хотите! Ну что, Решадик, снимай штаны, доставай детальку, хвастайся!

— Какая же все-таки ты... Я же от чистого сердца... Ладно, забудь, — Решад неожиданно выхватил из рук девушки букет, размахнулся и выкинул его далеко на дорогу. Шагнув в ночь, процедил на прощание:

— Спокойной ночи, с...соседка.

Вдруг Ире стало стыдно. Увел вперед машину, чтобы заехать в райцентр за цветами, наверняка, еще и от бабуль, что ехали с ним, выслушал за такой крюк нелестных эпитетов. Да и вперед уехал не раньше, чем началась знакомая трасса. Дождался ее сейчас, хотя сам устал.

Когда стукнула дверь соседнего дома, Ира быстро подбежала к сиротливо валяющемуся на дороге букету, схватила, прижав к груди, и пулей унеслась в дом.

На кухне заботливо подрезала стебли, осторожно отряхнула под водой от пыли и песка, поставила в вазу. На мгновение застыла у стола, тряхнула головой, отгоняя разумные мысли, и утащила вазу с подарком в спальню.

(15 июня, пятница, +16.)

— О, Ирочка! Привет, дорогая, — Костя с удовольствием расцеловал девушку в щеки, как будто они водили знакомство сто лет, а не пару вечеров. — Ты по магазинам прошвырнуться приехала?

— Привет, Костик. Да, пробежалась немного, сейчас уже домой.

— Слушай, может, в кафешке посидим? Ты за рулем?

— Да, за рулем, поэтому никакого алкоголя. И — недолго, хорошо?

— А мы кофе! Ты любишь кофе? Признаюсь тебе, только никому — я глясе люблю до одури, ты не помнишь, наверное, но в нашем детстве был молочный коктейль за пятнадцать копеек в любом гастрономе на разливе, когда родители брали с собой в Казань, я все карманные деньги спускал на него. И мороженое люблю. И вообще я — сладкоежка. Идем-идем, тут недалеко, два дома, есть отличное место, «Трюм» называется, — приобняв девушку за плечи, мужчина увлек ее в совершенно противоположную сторону от стоянки.

— Странно, Кость, по твоей фигуре не скажешь, что на ночь уминаешь тортики. А я с недавних пор глясе терпеть не могу, видимо, переросла.

— Кросс по утрам, дома пара тренажеров в работе. Ярканат нас с детства дрючил спортом, привыкли поддерживать форму.

— Тяжелое детство, деревянные игрушки?

— Да нет, нормальное пацанячье. Я же на три года его младше, тогда еще слушался. Идем, вон — столик свободный.

Разрекламированное Костей кафе действительно оказалось милым, ламповым местом. Небольшие столики, зал оформлен трюмом старого фрегата. Симпатичная официантка в матросском костюмчике, увидев Костю, тут же ринулась принять заказ.

— Ир, обязательно попробуй «Павлову», здесь это безе — просто фантастика, уверяю!

— Константин Николаевич, Вам, как обычно? — девушка почтительно выждала паузу в разговоре.

— Да, Анечка, еще медовик, «Павлову», шоколадного два куска, кувшинчик чаю с мятой холодного, и двести граммов коньяку, — совершенным барином кивнул Костя.

— Кость, а влезет?

— Желудок у котенка не больше наперстка! Ир, может, оставишь машину, я с водителем, отвезу тебя, и коньячку со мной за встречу? Вина? Как я надеялся пригласить тебя на свидание, а тут такая оказия! — Костя игриво спародировал знаменитое просящее выражение Кота в сапогах. — Ну, пожалуйста!

— Свидание? Костя, ты серьезно?

— Серьезней некуда, месяц было дел невпроворот, сейчас легче стало, хотел в выходные заехать к тебе, честно, да и заеду. За такой девушкой нужно ухаживать нежно и трепетно, почему нет? Или я тебе не нравлюсь?

— Еще не знаю, но шанс есть, — улыбнулась Ирка такому предложению, удивившись своему решению, хотя, чему удивляться. Симпатичный мужчина, вежливое ненавязчивое общение, восторг в его глазах — давно она не ходила на свидания. Почему же и нет?

— Ну, тогда пару бокалов? Просекко к сладкому не предлагаю, а вот знаю, что Фарик держит бутылочку мадеры, идеально будет, а? Я сейчас.

Костя ушел к барной стойке, пошептался с вышедшим к дорожному гостю хозяином.

Через пару минут стол был уставлен разнообразными пирожными, сочные персики в вазе краснели бочками, виноград блестел каплями воды, клубника манила, источая нежный аромат. Тонко нарезанный лимон и бутылку принес сам Костя, помогая в сервировке стола.

— Ты разбираешься в винах?

— Читал. По мне так наши «Три топора» на берегу реки под печеную картошку — самое то, но приходится и заграничные вина лакать.

— М-м-м, портвейн с печеной картошкой! И супчик из кильки в томате? — рассмеялась девушка, представив собеседника у костра в его дорогом элегантном костюме. — Помню-помню, ходили в походы. Весело было. «Изгиб гитары желтой, ты обнимаешь нежно», да?

— Обязательно! Хочешь, вспомним детство разудалое, как-нибудь съездим на Каму, разожжем костерок? Знаю отличный кемпинг.

— Э-э-э, нет. Никаких кемпингов, только сами, только хардкор! Я частенько попадала в летние детские лагеря, особенно, когда к деду отправляли на лето в Финку. Первая неделя — буря восторгов от внучки, через две — лагерь скаутов, добро пожаловать, дитя неумное, — засмеялась девушка, встряхнув головой от воспоминаний, пожалев в который раз свою флегматичную родню. Натерпелись ее выходок в детстве, что есть, то есть.

— Даже так? Заметано, палатка у меня есть, но одно условие — никого из наших звать не будем, договорились? Ты и я.

— Почему? Это же твои друзья?

— Чую носом конкуренцию на твое внимание, а я не люблю конкурентов, — еще минуту назад мурлыкающий голос стал жестким, взгляд потяжелел. — Пару раз уводили дивчин прямо из-под носа, ну их.

— Даже так? — повторила за собеседником Ира. — А как же братство кольца? Мушкетеры-гардемарины? Кто ж у вас такой гад, что девушек у друзей уводит?

— Нет, с братством все нормально, и с девушками. Я выразился не так. Просто, если компанией знакомимся с красавицами, все Ярканату достаются по очереди, а то и одновременно, а я — цветочек нежный, огорчаюсь в одиночестве. Но — недолго.

— Я заметила, как вы «тепло» общаетесь.

— Была у нас девушка, училась в моем классе, красивая, как ты. Нет, ты красивей. Я два года добивался ее внимания, а Ярканат приехал с учебы на побывку, и испортил всю малину. По щелчку пальцев, — за маской веселого и беззаботного, успешного мужчины вдруг промелькнула злобным хорьком обида обладателя вечного второго места на любом пьедестале. — К чести Ярканата, не знал он о моих душевных терзаниях.

— Ой, давай договоримся на берегу, как сказал однажды Чапай на берегу Урала, ни слова больше об этом товарище сегодня, хорошо?

— Что, уже предлагал руку и сердце?

— Если бы! Другие органы во временное пользование.

— И ты устояла?

— Костик, мы же договорились!

— Позволь пожать твою героическую лапку, ты войдешь в историю!

— Ты преувеличиваешь, серьезно. Давай сменим тему.

— А давай. Мне интересно было, как ты в деревню нашу попала, ведь ты не простая девушка, уж я умею отличить одежду и манеры человека.

— Простая я, как два рубля одной бумажкой! — расхохоталась Ира. Солнечная мадера,

незаметно подливавшаяся в тюльпан бокала ловкой рукой собеседника, мягко кружила голову, развязывая потихоньку язык. — Мне всегда нравилось возиться с растениями, как говорит моя незабвенная маман — «зеленая рука», и я долго искала именно такое место, не дачу в хилые четыре сотки, а участок, чтоб края не видно было, а все эти курорты и прочее сафари навевают скуку. Думала, что будущий муж в одну сторону со мной смотрит, оказалось — в другую. Ну, я и свинтила из Казани.

— Ну и как успехи?

— Пока нравится, возвращаться не тянет. Знаешь, я в городе вставала часам к двенадцати дня, все простуды были моими, а тут вскакиваю в шесть, бегу в огород, порой и поесть забываю, хотя, в огороде голодной не останешься. Съезжу на днях в питомник, роз еще куплю, ищу мелкие красные и белые, перед домом потихоньку развожу монохромный цветник — белые розы, астильбы, чубушника куст остался от прошлых хозяев, сирень, ранункулюсы, тюльпаны, астры, будет очень красиво!

Очарованный рассказом собеседницы, Костик прижал руки к сердцу:

— Половины названий не знаю, но интересно. Свожу тебя в любой магазин, куда скажешь, договорились? Хотя не горю интересом к землеройным работам, родителей сюда перевез, в квартиру, но постараюсь восхищаться в нужных местах, быть грузчиком, водителем и экскаватором на совершенно безвозд... бездвозд... Да что ж такое! Без-возмезд-ной основе. Ирка, а я уже пьян!

— Тогда закругляемся?

— Нет уж, нам сейчас упакует с собой, айда на берег, посидим, проветримся.

Игривое настроение легкого опьянения вдруг охватило и Иру, иначе с чего бы она согласилась:

— А давай! У меня в машине есть плед и свитер, захватим. Только кто нас отвезет?

— Айн момент, дорогая, сейчас все устрою!

Костя достал телефон, и, набирая текст одной рукой, другой махнул Фариду:

— Драгоценный мой, заверни красиво, мы решили на природе продолжить, и добавь сверху вторую бутылочку, такого мы в магазине не купим, да?

— Для тебя, Константин Николаевич, все, что угодно, все сделаем, не переживай! — громогласно объявил хозяин заведения. — Красавица моя, заглядывайте теперь к нам почаще, не обижайте старика, таким гостям сердце радуется!

— Спасибо, — смутилась Ирина от таких цветистых комплиментов. — Как буду в ваших краях, непременно загляну.

Минут через двадцать огромная корзина для пикника была торжественно вынесена в зал, гости расцелованы и отправлены восвояси. На улице их ждала черная Ауди, водитель предусмотрительно открыл двери, взял корзину, унес в багажник.

— Прощу! — галантно, насколько позволяло выпитое, подав руку, Костик усадил спутницу, обошел машину, плюхнулся на сиденье рядом. — Гриш, нас на берег, потом заберешь. Пледы взял?

— Обижаете, Константин Николаич, и пледы, и подушки, и в магазине все по списку, — басовито откликнулся водитель. — Вас в людное место, или чтобы никого?

Костя взял руку девушки, поцеловал пальчики:

— Конечно, что бы никого. Посидим, поболтаем, встретим рассвет, да, дорогая?

— Гусаришь потихоньку, Кость?

— Почему нет?

(16 июня, суббота, +20)

Здравствуй, здравствуй финский праздник — Похмеляйнен! Ира застонала, резко оторвав голову от подушки. Интересно, вчера с Костиком в футбол не играли ее головушкой вместо мяча? Это сколько выпито было? Не привык организм хлестать винище в таких дозах, вот и сопротивляется изо всех сил.

Доползти до ванны, или еще поваляться под мягким одеялом? Нет, лучше — первое. Ноги гудели, не уступая голове. Вчера смешно было, когда танцевали на пляже под Чака Берри, изображая Траволту и Уму Турман, а сегодня — нисколько.

Отмокнув в душистой воде, Ирина натянула шорты, любимую синюю футболку, кое-как высушила волосы. Голова раскалывается. Где-то лежал топор, как радикальное средство, но лучше — огромная чашка кофе, литра на два, чтоб сунуть туда лицо, и пузырьки пускать. За машиной еще нужно съездить, но это завтра, в таком состоянии за руль садиться нельзя.

Ира вовремя убрала турку с огня, перелила черную лаву в чашку, щедро плеснула холодных сливок, положила сахар, потянулась к пачке своих вишневых сигарет, вытащила первую утреннюю, самую сладкую, закурила, взяла чашку, по устоявшейся привычке присела на ступени террасы. Так, надо поработать, потом сбегать искупаться. Да, лучшее решение. Интересно, Костя еще дрыхнет?

Звонок не заставил долго ждать:

— Ирочка, дорогая, а ты где?

— Привет, Костик, я у себя дома, а что? Совсем ничего не помнишь?

— Местами. Смутно. А мы вчера э-э-э, это самое, у нас было?

— Не дошло. Вернее — ты не дошел. Гриша тебя на руках тащил домой, потом меня увез. Золотой мужик, выпиши ему премию.

— Почему ты не осталась?

— Зачем? Слушать твой храп?

— Прости-прости-прости-и-и!

— Ладно тебе! Зато ты классно танцуешь.

— В пятницу я приеду, ок? С ребятами посидим, у тебя заночую.

— С ребятами посидим. Ночевать можно и у Леша, рановато нам вместе ночевать, Кость.

— Я подожду, сколько скажешь! И пить так больше не буду, обещаю, честно, не рассчитал.

— Ладушки.

— Целую тебя нежно, Ирочка!

Весь день Ира хотела сходить на речку, но провозилась в огороде, и вспомнила только тогда, когда начало темнеть. На пирсе уже никого из местных не было, даже детвору мамы и бабушки загнали по домам. Сложив полотенце и шлепки на траву, девушка с удовольствием соскользнула с лестницы в прохладу реки.

Внезапно кто-то тяжелый пробежал по доскам и, оттолкнувшись от края, сиганул в воду, подняв столб брызг. Волна отбросила Иру к столбу пирса, чуть не накрыв с головой. Вынырнув почти на середине, Решад отфыркался, помотал головой, широкими гребками

поплыл к противоположному берегу.

Ирина невольно залюбовалась идеальным баттом пловца, зная, как тяжело достичь таких успехов, и от возмущения не осталось и следа. Сама того не заметив, переплыла реку следом, и, выйдя из воды, размахнулась ногой по мелководью, щедро обрызгав лежащего на теплом песке мужчину.

— Э-э-э, за что? — возмутился тот, открыв глаза. — Ты уже бегаешь за мной?

— Вот еще! Когда прыгаешь с пирса, смотри, кто рядом есть в воде!

— Я думал, что уже все разошлись.

— Вот и я так решила, а тут ты с разбегу. Меня волной чуть затылком в опору пирса не впечатало.

— Извини, действительно не подумал, — смутился Решад.

Оба одновременно решили не вспоминать историю с букетом, не ворошить, чтобы опять не поцапаться. Слишком обидно было ему, слишком стыдно — ей.

— А плаваешь отлично! Хочется пошутить про то, что не тонет, но нет.

— На КМС нормативы выполнил в свое время.

— Сосед, а почему ты здесь? — осмелев, девушка села рядом.

Решад понял вопрос, помолчал немного, и ответил:

— Я здесь настоящий. Не нужно притворяться. Пробовал работать в Казани — нет, не хочу больше. Кстати, себе хотел Наткин участок купить, не успел. А потом, мне и родительского хватает. Здесь время остановилось, знаешь, будто в детстве, завернули тебя в одеяло после бани и несут на руках в комнату. Тепло и покой, свой дом, книги, работа, друзья, что еще нужно одинокому холостяку, — мужчина прекратил разглядывать песок, посмотрел на собеседницу. — А ты? Нет, я читал о дауншифтерах, но не встречал.

— В моем случае это скорее «переключение на передачу выше», я впервые в жизни делаю что-то руками, работаю, даже зарабатываю! Хотя бы на бензин, счета и еду, но это только начало. Планов много, записываю, смотрю, что осуществить. Пока сушу и пробую сочетание трав и специй, недозрелых ягод с кислинкой к мясу, съедобные цветы в сочетании с продуктами, особенно в десертах. Есть знакомые в паре ресторанов, кто мои сезонные рецепты уже пользуется, и с удовольствием. Людям нравится, представляешь? — у девушки загорелись глаза, жесты стали широкими и порывистыми.

Мужчина с удивлением слушал соседку. Внезапно вспомнил, что говорил недавно про нее Лешему, и устыдился за свои слова.

— И уезжать не собираешься?

— Еще не знаю. Вернуться в Казань — не проблема, вот только я не знаю, что мне в городе делать. И здесь нужно пожить хотя бы год, это летом здесь одни восторги, а потом — «зима близко». Я ведь ни разу за двадцать лет, как бабушки не стало, не жила в деревне, а тут замахнулась. Иногда сама пугаюсь своего решения, но быстро отпускает, как в огород ухожу.

— Зимой здесь тоже есть чем заняться, поверь, — внезапно он понял, что не желает ее исчезновения из поселка, и чертыхнулся про себя, вспомнив, что в новогодние праздники опять маячит перспектива развлекать односельчан, нарядившись Дедом Морозом. Интересно, соседка согласится стать его Снегурочкой? — Заливаем огромные горки, елку ставим, детвора и бабуси концерты устраивают. Кстати, завтра матушка желает ехать за луговой земляникой, не хочешь с нами?

— Хорошо бы. Одна из любимых ягод!

— Купальник возьми с собой, жарко будет завтра, — плыть обратно, а, значит, расставаться, совершенно не хотелось. — Хочешь, фокус покажу? Смотри.

Решад тихо свистнул, почти неслышно для человеческого уха. На противоположном берегу появилась Тень, перемахнув забор, бесстрашно плюхнулась в воду, и через минуты три уже отряхнулась на песке. Подошла к своим людям, лизнула по очереди в нос, легла между ними.

— Какая ты умница, Тенюшка! А говорят, что волки дрессуре не поддаются.

— Это она меня дрессирует.

— О, это они умеют! — Ира гладила разомлевшую волчицу, наслаждаясь тишиной вечера.

Как странно, но даже молчать в обществе этой девочки было уютно и легко. И Тень ее приняла. Можно убедить себя, что это ее игра «найди меня, поймай меня» так действует красной тряпкой на быка, но ничего не получалось. Руку протяни, распусти веревочку купальника на спине, и вот оно, счастье... Но нет, врежет еще опять, как обещала.

— Комары задрали, — вздохнул он. — Поплывем обратно?

— Я ж за тобой не угонюсь.

— Буду плыть медленно и печально, — Решад зашел в воду за девушкой, не отрывая глаз от нежных ямочек над линией плавок. Если обхватить ладонями ее ягодички, тогда подушечки больших пальцев лягут точно в эти ямочки... Да что ж такое, опять в душе рукой себе помогать, представляя... — Тень, домой! Ир, будь осторожна, сейчас вылезают охотиться раки.

— Ух ты, потом наловим?

— Ирка, ты непредсказуема! — рассмеялся мужчина. Столько за всю жизнь не смеялся, как с этой рыжей. — Обычно девушки верещат и увеличивают скорость, а ты обрадовалась вкусной еде.

— Пф-ф, в детстве в деревне у бабушки руками их ловили, чего там бояться?

— Не перестаю удивляться тебе.

— Я тебе тоже.

На берегу Ира подняла свое полотенце, вытерлась, и кинула его соседу:

— Вытрись, замерзнешь.

— Да я обычно так бегу до дома, в душ и на каталку, — оправдал он отсутствие полотенца, но с удовольствием воспользовался предложением. — Пахнет тобой...

— Эй, отдай, извращенец! — смутилась Ирка, потянула за край ткани.

— Трофеи не возвращают, матурым! — обманным движением руки Решад спрятал за спину полотенце, заставив девушку подойти к нему.

Мгновение, и чуть влажная ткань легла на хрупкие плечи, а за ней — мужские ладони. Может, сейчас не оттолкнет, если осторожно прикоснуться к губам, а дальше, как получится.

— Молодежь, вы тут штаны мои не вида-а-али? — из кустов, почесываясь от укусов комаров, вылез Агутья, пьяненько икнул. — Чего ржете-то?

— Дед, ты не исправим!

— Да ну вас, — махнул рукой ходячий анекдот, и почапал по берегу в поисках своих портков.

— Ну что, по домам? — драгоценный момент для поцелуя был упущен безвозвратно. Гребаный дед, как не вовремя появился!

— Да, спокойной ночи, сосед, до завтра. Во сколько выходить?

— Я сейчас у матери спрошу, во сколько она собирается, зайду к тебе.

— А телефоны еще не изобрели?

— Доверить им такую важную информацию?

— Смотри, пирожков сегодня нет. Вообще сегодня не готовила, — вот только о том, что дома полная корзина снеди, оставшейся от пикника, Ирина почему-то не хотела говорить. Как-то это было... неудобно.

— Так на террасе посидим, хорошо?

— Решад, завтра рано вставать. Просто напиши в ватсапе время выезда.

— Ты ищешь повод не приглашать меня.

— Честно? Да.

Мужчина пожал плечами, резко развернулся, и растворился в темноте. Тень, как будто укоризненно посмотрела на девушку, задержалась на минуту, но, повинувшись зову хозяина, потрусила за ним.

Ночь укрыла дома плащом великого Воланда, незримо присутствуя повсюду, царица — ночь, провидица и колдунья. По-хозяйски заглядывала в окна, гасила свет, соединяла влюбленных, мирила поссорившихся, утешала одиноких.

Заглянула в едва освещенную комнату уютного дома, да и осталась желанной гостьей. Вдвоем с ней получилась неплохая компания. Позже присоединился довольный кот, и под его мурлыканье стало веселей вести молчаливый диалог с самой собой.

Не успела обжиться толком на новом месте, двое мужчин сразу требуют внимания, и оба хороши по-своему, но и обещают разный путь. Костя надежен, но не искрит с ним, ничего не отзывается на его ухаживания и поцелуи. Ноль абсолютный, сколько не старался целовать там, на пляже.

И Решад...

Все чаще снится то ощущение его руки на спине, надежной, горячей, сплетение пальцев, будто политых свеженьким раствором цемента — не расцепить, и близость распаленного танцем мужского тела... Кошмар! А завтра весь день рядом с ним... Хорошо, что Наиля-апа будет рядом.

И что будет, если позволить большее? Этот праздник ненадолго, как только дамский угодник заберет свое, остынет, станет искать новых ощущений...

И в ответ на ее метания в наушниках зазвучал Серебренников, как будто музыка подсказывала решение:

Приходит день, приходит час,

Приходит миг, приходит срок -

И рвется связь.

Кипит гранит, пылает лед,

И легкий пух сбивает с ног -

Что за напасть?

Вдруг зацветает трын-трава,

Вдруг соловьем поет сова,

И даже тоненькую нить,

Не в состоянье разрубить

Стальной клинок[1].

В общем, здравствуй, лето пионерское! Надо взять себя в руки, пережить это помрачение ума, все равно ничего хорошего с соседом не светит. Из породы членистоногих, куда член, туда и ноги, в ее жизни нагадил один, хватит, нахлебалась досыта. А Костя... Ну, пусть будет.

Странно, но последнее время она ни разу не вспомнила о Виталике. Мысли были заняты огородом, рецептами, идеями, новыми знакомыми, чего скрывать. Неужели недавно оба с бывшим женихом клялись в любви, но чувства развеялись, не оставив следа? Иногда накатывала необъяснимая грусть, но больше сожалением, что не разглядела, позволила обмануть, закрывала глаза на явные, хрестоматийные признаки измены. И обманывала себя. А было ли это любовью...

Нет, не нужны ей пока никакие отношения с мужчинами. Ни с одним.

И больше никто не назовет ее бревном.

(17 июня воскресенье. +24)

Рано утром, в половине пятого, Ира уже была на ногах, успела полить огород, приготовить с собой бутерброды с бужениной, ветчиной и сыром, холодный чай с мятой, уложить все вкусности в сумку-холодильник, и плотно позавтракать. Только закончила мыть немудреную посуду, на террасе возник сосед в выцветших камуфляжных штанах и драной по низу черной майке. На голове красовалась выгоревшая бандана, как ни странно, была ему очень к лицу.

— Готова? Привет.

— Да. Доброе утро. Ой, ты похож сейчас на Эроса на концерте в Риме.

— Эроса? Рамазотти?

— Он в таком же прикиде выступал в четвертом году. А Женька тебя с Гару сравнивает, кстати, действительно, есть сходство. Типаж один. Улыбка такая же... обезоруживающая, только ты редко улыбаешься.

— Выдумали. На себя я похож. Тогда ты похожа на эту, бедную Настю, — не остался в долгу. — Только рыжая. Кудрявая. И глаза больше. И не красишься совсем. Нет, не похожа.

— М-да, сомнительный комплимент, Решад. Со Скленариковой меня сравнивали, с Кориковой — еще не случалось, — чуть не хихикнула на предположение соседа, что она не красится совсем. Наивные мужчины. — Но ты прав, немного неприятно, когда в тебе ищут черты другого человека, кроме родственников. Ладно, улыбнись, не все так плохо.

— Для радости нужен весомый повод, матурым, — буркнул он, сщеживая зевок в кулак. — А без повода улыбаться справка нужна.

— Глупости! Ты посмотри, новый день, он обязательно будет чудесным, почему бы ему

не улыбнуться? Ты выпался в теплом доме, вкусно позавтракал, у тебя руки-ноги на месте, ничего не болит, видишь, слышишь, посмотри, сколько поводов радоваться? Просто улыбнись!

— Как у тебя все просто, — ухмылка вышла не очень, и, чтоб беседа не скатилась дальше в обсуждение его персоны, Решад перевел тему разговора. — У тебя странные предпочтения в музыке. Никаких розовых соплей. Я даже пару десятков песен себе перебрал.

— Музыкой меня отец заразил. Почему я должна слушать то, что не нравится? Я КиШа лучше включу, Толкунову или Фила Коллинза, чем какого-нибудь жеманного мальчика, расплодилось их столько, что я путаю. И гнусавят в нос, как будто насморк хронический, шепелявят про великую любовь, фу. Да я Носкову и Маликову с удовольствием в сотый раз подпою, в их песнях есть смысл! О, я пропустила, ты есть в сетях?

— Завел, по работе надо, — уклончиво ответил Решад.

Не говорить же ей, что обозначился в сети только из-за нее, нашел в инстаграме, что каждый вечер перелистывает ее фотографии, слушает в контакте ее плейлист, во многом схожий с его предпочтениями.

Пересматривает видео, где она танцует и дурачится с подругами в ночных клубах, загорает на заграничных пляжах, визжит от восторга новых впечатлений, сменяя города и страны. Особенно ему нравились съемки с роллердромов в разных городах, он впервые видел, что на роликах можно танцевать.

Вот только одну запись, где она, в вечернем сумраке, завернувшись до подмышек в одеяло, на балконе отеля хохочет и кокетничает с мужчиной, который держит камеру, Решад больше не открывал. Слишком понятно, что между ними происходило до, и что было после, когда отключили запись...

[1] «Песня Волшебника». 1978. Музыка Геннадия Гладкова, слова Юлия Кима. Исполнитель — Леонид Серебренников. К/ф «Обыкновенное чудо».

— А я забросила, только музыку включаю. Недавно поняла, что много времени трачу на соцсети, надоело. Все эти лайки, комментарии чужих людей — суррогат общения, всем плевать на тебя, так чего париться? Настоящая жизнь не в интернете. Единственный канал на ютубе веду, но, знаешь, потихоньку сменяются зрители, я показываю огород, посадки, уже вопросы стали задавать по существу, меньше глупостей пишут.

— И это мне говорит девица, у которой в инсте тысячи подписчиков? Забавно. Идем?

— Идем. Ну, было дело, мерялись с девчонками количеством дураков. Кусочек задницы сфоткаешь на фоне заката, пятку на песке, селфи, и ржешь, как лайки и подписки прилетают. Комментарии, типа твоих требований: «Девюшка, я тибя хачю!» Потом надоело изучать элементарное мышление приматов.

— Приматов? Так ты обо мне думаешь?

— Иногда. Ой, Решад, заболтались, у меня же машина не здесь, в Зареченском, я тебе вчера забыла сказать! — когда проходили по тропинке мимо пустого навеса, Ира вспомнила, что сосед брал для поездки машину Марии Альбертовны, значит, своей у него нет.

— Я вижу. И что?

— На чем тогда поедем? Или пешком пойдем?

— Десятилетний Эксплорер тебе, принцесса, под задницу подойдет, или

побрезгуешь? — кивнул мужчина в сторону своего автомобиля, уже стоявшего на дороге.

— Решад, а ты всегда хамишь, когда злишься?

— Я не злюсь. И да, если поломка — обратись к Марселю, он из любого металлолома сделает конфету.

— Злишься. На вчерашнее, да, что не позвала? Поломки нет.

— Тогда не понял, как машина там, а ты — здесь.

— Какая разница? Забыла.

— Как можно забыть машину? Ничего не понимаю. Ладно, съездим, заберешь вечером свой газенваген, у меня есть дела в Зареченском.

— Сама доберусь, на трассе поймаю попутку.

— Нет. Не смей, — внутри все похолодело, только он представил ее, голосующую на дороге. Хватило ему покалеченного таким образом Артура, как спасти успели...

— Пф-ф, командир нашелся! И что ты мне сделаешь? Отшлепаешь?

— Рассмотрю и такой вариант. Ир, я предложил сам, значит, мне удобно, какие проблемы? Чего ты иглы топорщишь?

— Я не знаю, — вдруг честно ответила девушка. — С тобой постоянно ожидаю подвоха, ты — как погода в марте, вроде только что был нормальным, а нет, опять засквозило в твоей голове. Вот скажи мне, какой дятел тебе в башку стучит хамить, говорить скабрзости?

— Ты.

— При чем здесь я?

— Ты честно ответила, я — тоже. Я не привык к отказам, нет, я бы забыл, если бы ты не была все время поблизости. Наваждение какое-то, морок. Я перед тобой, как мальчишка бегаю, все мысли — о тебе, еще и дома соседние...

— Лучше бы ты молчал, сошел бы за умного. Мама твоя идет.

— Все, отбой откровениям на сегодня, мавка, — действительно, лучше бы промолчал. — Давай при матери не будем собачиться.

— Кстати, а где Тень, ты ее не берешь с собой?

— Сзади давно сидит, ждет. Садись вперед.

Наиля невольно залюбовалась красивой парой, стоящей у машины, даже придумала себе повод подольше не выходить из дома, чтобы они могли пообщаться. Сын, ее гордость, кажется, увлекся соседкой всерьез, еще сам того не понимая. Вдруг отогреется его сердце этим жизнерадостным огоньком, не станет сын рваться в свои командировки.

Ее вина, после нелепой смерти младшей дочери, любимицы семьи, она замкнулась, Марат, вина себя, запил, шпынял сына ни за что. Ребенку же пять всего было, сболтнул на поминках по сестре, что папа ее в кровать отправил подзатыльником, когда Энжешка весь вечер жаловалась на головную боль. Не удержалась на ножках дочь, упала, заревела от боли и обиды, еле успокоили, а утром не проснулась...

Сплетен сколько пережила, хоть из поселка уезжай, ходила по улице, глаз не поднимала, а куда уезжать, свекровь слегла сперва, да и свекор — инвалид, глаз да глаз нужен. Свекор сам вскрытие не делал, в Казани подтвердили менингит, но, разве официальное заключение остановило злые языки.

Тридцать два бы сейчас было Энже, ее девочке, ее жемчужинке... Может, от сына внуков дождется, не должен прерваться род Яруллиных.

Женщина отогнала тяжелые мысли, вознесла Всевышнему молитву за дочь. Ира подружилась бы с Энже, такая же светлая, радуется бесхитростно, может, поэтому так

нравится ей. Даже хорошо, что сын не женился до сих пор, и не знакомил со своими женщинами, только по сплетням местных кумушек узнавала, где ночует ее сердце, надеясь, что добрая половина сплетен — выдумка глупых баб.

— Доброе утро, Наиля-апа!

— Доброе, кызым, ты на голову ничего не взяла?

— Ой, забыла.

— Ничего, в багажнике есть лишний платок, — вспомнила женщина, бесцеремонно отодвинула лапы волчицы с сиденья, уселась сама. — Улым, поехали, скоро жара будет, я погоду посмотрела, до тридцати двух дойдет.

— Мам, скажи спасибо, что соседка голову не забыла, нечего было бы накрывать.

— А тебе лишь бы повод подколоть не упустить.

— А кто машину забыл в Зареченском? Это вообще, как? Как ты обратно добралась? — вновь удивился мужчина.

— Началось в колхозе утро... Ненадолго же тебя хватило, — ответила Ира, и отвернулась.

— Улым, не ругай девочку! Какая вожжа тебе под хвост с утра попала? Поворот не пропусти.

— Наиля-апа, а расскажите, пожалуйста, Решада в детстве не роняли на пол дважды в день? — сладким голоском протянула Ира, захлопав при этом ресницами, как глупая Мальвина, и тут же резко прекратила паясничать, продолжила сердито. — Носом по батарее не водили с размаху? Может, в розетку гвоздик самостоятельно засовывал?

— Все мои проблемы перечислила? — не отвлекаясь от дороги, бросил Решад. — Могу помочь со списком.

— Так, дети. Я не знаю, почему вы друг на друга дуетесь, и знать не хочу. Я не буду принимать ни одну сторону. Вы потом все равно помиритесь, а мне виноватой ходить, что влезла. При мне рты закрыть, и открывать строго по делу.

— Наиля-апа, Вы правы, — повинилась девушка, вдруг представив, как выглядит со стороны их перепалка. — Простите меня.

— Мам, мы не ругаемся. И мириться незачем.

— Сын, тебе тридцать пять!

— Я помню.

— Пора бы уже повзрослеть, чего к девочке привязался?

Решад решил промолчать, заканчивая бесполезный разговор.

— Ирочка, а что у тебя за растения лезут по арке у калитки на пирс? — мудрая женщина обозначила нейтральную тему для поездки, надеясь на благоразумие сына. — Очень красиво получилось, у нас таких цветов ни у кого нет.

— Это кампсис с одной стороны, и огненно-красная фасоль с другой. Они по цвету схожи. — Ира села на кресле в пол-оборота так, чтоб видеть собеседницу. — По забору настурция, мои любимые ранункулюсы и уже полно рядом бархатцев в цветной капусте. Надеюсь, что в этом году мелкие бордюрные розы зацветут, там высадила сорт «Мандарин», а тюльпаны только следующей весной, если мыши луковицы не сожрут. Но Шлиман регулярно их гоняет, по две-три через день приносит.

— Я один раз фасоль пыталась вырастить, вылезло что-то совсем непотребное, выдернула.

— Я трех сортов фасоль посадила, еще вигну в теплицу. На следующий год для нее отдельную закажу тепличку, небольшую, но высокую, тесно ей с огурцами. А фасольку лучше кинуть по две прямо с картошкой в лунку, или бобы. Они дают азот, картофель его любит. Многие растения «любят» соседство, например, кукуруза с горохом, свекла с клубникой и чесноком. Я в теплицу с томатами бросила базилик ранних сортов, много и как попало, такой шикарный вырос!

— Куда столько? Что за вигна, первый раз слышу.

— Ой, Наиля-апа, у меня столько заказов в городе! Я придумала к набору зелени и овощей добавлять распечатку необычных рецептов, плюс — ценник не заламываю, — голубые глаза девушки загорелись, слегка позеленели, как обычно бывало, когда Ира увлекалась любимой темой. — По группам в контакте продаю. А вигна — это вкусная лиана, схожа с фасолью, ее и замораживать можно, я уже много наморозила, дам на пробу, и осенью сушить бобы. Безумно люблю салат с вигной, мокрицей, моцареллой, базиликом и печеной свеклой с кедровыми орешками! Причем, заправку обязательно делаю с нерафинированным маслом, пахучим.

— Впервые вижу девушку, которая из всего еду сделает, даже из сорняков, — хмыкнул Решад. — Уж мокрицу есть! Мать ее птице скашивает у воды, принесу тебе охапку.

— Она полезна! Она омолаживает, улучшает зрение, кровь, память!

— Ага, особенно память. По тебе видно.

— Подожди, придешь на ужин, — сузив глаза, пригрозила Ира. — И мокрицей накормлю, не заметишь, и курицу для тебя зажарю, Решадик, дай ворону поймать!

— Дети, я просила...

— Он первый начинает, Наиля-апа!

— Так ты такую ерунду говоришь!

— Сам ты! Ерундовина фигова!

— Детский сад, штаны на лямках... — вздохнула мать. — Приехали, хвала Аллаху! Как хотите, а я от вас подальше уйду, хоть деритесь.

Выйдя из машины, Ира задохнулась от восторга. Бесконечные земляничные поляны окаймляла говорливая речка, старинный лес манил будущим урожаем черники. По опушке разбежались молодые березки, будто играя с ветром в салки.

Воздух был напоен жарким солнцем и деловитым жужжанием насекомых, что трудились над цветами ромашек и колокольчиков, не обращая внимания на людей. Хотелось молчать, поклоняясь торжеству природы, ступать аккуратно, наклоняясь за каждой горстью спелых, духмяно пахнущих ягод.

Тень увязалась за Наилей, тоже устав от раздраженных голосов своих людей, а потом и вовсе убежала в лес. На удивление, Ира споро набрала свое ведерко, пришлось идти к машине, благо, в багажнике нашлась небольшая корзина с выстеленным старой газетой дном.

Через несколько часов все устали, проголодались. Решад расстелил большой плед, выложил к бутербродам соседки свои, с копченой колбасой, большой круг козьего сыра, связку бананов.

После обеда мать, сославшись на жару, ушла отдыхать на заднее сиденье автомобиля, дав молодым время побыть вдвоем, а молодежь, выкупавшись в теплой реке, улеглась обратно на плед, разомлев от солнца. Волчица набегалась по мелководью и растянулась в тенишке под машиной.

Решад лежал на животе, положив голову на руки, прикрыл глаза, и Ира, воспользовавшись моментом, сквозь ресницы украдкой разглядывала лежащего поодаль мужчину, повернув к нему голову.

— Решад, а ты татуировкой шрамы забил, да? Нет, их не видно, если не приглядываться. Но как же их много...

— Да, матурым, после госпиталя сделал. Где по касательной задело — так оставил, где совсем неприлично — закрыл.

— Мне нравится твоя татуировка, но и без нее можно было.

— Клише — шрамы украшают мужчин? — открыл глаза собеседник.

— Нет, зачем? Если так получилось, что они есть, просто дальше жить. Не оправдывая избитыми фразами.

— Удивлен.

— Я говорю, что думаю, сосед.

— Вот это и удивляет. Ты странная, нет в тебе всех этих... фантиков.

— А на каком языке ты думаешь? — Ира перевернулась на живот, оказавшись чуть ближе, чем нужно, к собеседнику. В наклоне головы подперла кулачком подбородок, заглянув в серые глаза соседа. — Ты же тоже билингва?

— Что? — потом задумался сам, — на русском. Но иногда на татарском, когда с кем-то разговариваю на нем. Странно, пока ты не спросила, не замечал. Почему — тоже?

— Ну, у меня два родных языка, поэтому интересно, как другие люди в такой ситуации себя ощущают.

— У тебя второй какой?

— А? — Ира отвлеклась на красивую бабочку, и не услышала вопроса. — Слушай, Решад, а что сейчас тебе дается труднее всего, ну, после службы?

— И ты задаешь очень странные вопросы, не логичные, как они возникают в твоей голове? Никогда не привыкну. Ни разу такие откровенные разговоры с женщиной не вел...

— Пф-ф, где я, и где логика! Ну, так что?

— Знаешь, слова подбирать, — почему-то именно ей хотелось рассказать все, что ее интересует в его жизни, а не уклоняться от душевных разговоров, как было с другими женщинами. С ней он был уверен, что не выплывут его откровения безобразными сплетнями. — Курсантами разговаривали исключительно матом, сразу, с абитуры в Красном Селе, да и потом, десять лет, без передыху, идиомы, как песня, вылетали. А когда на прием изо дня в день таскается бабка — божий одуванчик, которая Ленина видела, еще вертикального, тщательно следишь за выражениями, чтоб объяснить доходчиво, что ее диагноз, «вот тут ломит и тут болит» — это естественная старость.

— Ага, я все удивляюсь, что бабки в поликлинике делают весь день?

— Клуб по интересам. Диагнозами меряются, симптомами делятся, нам кости перемывают.

— Хлебнул, да?

— Угу. Живет одна Яга в соседней деревне. Дети в прошлом году ей подарили медицинскую энциклопедию, занимательную, в картинках. Так забодала всех. И детей, и внуков, и нас. Как новую страницу прочтет — все симптомы у себя обнаружит, с товарками щедро поделится. Не выдержал, намекнул внучку ее, что только рукописи в печке не горят, а эта ересь — очень даже. Через неделю бабка по огороду заскакала, прооравшись от потери кладезя знаний, но в сторону больницы смотреть передумала. Бабусек наших перестала

информацией снабжать. Мы от счастья чуть воздушные шарик не надули всем Конгрессом.

— А почему такой странный выбор профессии? Ну, врач, ладно. Но военный? Настолько жопа тянулась к приключениям? Нет, знаю я одного товарища, которому тоже шло тычет с автоматом побегать на адреналине с обостренным чувством справедливости. Но у него причины серьезные. А ты как дошел до жизни такой?

— Дед мой был врачом. Всю войну прошел, живым вернулся, только без ноги. Практически, он меня и воспитал. После смерти младшей сестры... бабуля слегла, отец запил, мама работала, «сеяла разумное, доброе, вечное», — горько усмехнулся Решад. — У каждого в семье были занятия по душе, я сам по себе. Читать рано начал, где-то в пять, а в доме книг по медицине больше, чем рассказов Бианки о зверушках. Дед как раз и пробил такую больницу в поселке построить, работал в ней почти до смерти.

— Главврачом? — Ира подобралась внутренне, понимая, что затронула болезную тему его семьи, и не стала расспрашивать о горьком воспоминании.

— Да. Я у него в кабинете все свободное время болтался, с осени до весны, читал запоем все подряд по полкам. Сейчас это мой кабинет, даже мебель осталась, книги. Когда в ноябре, в шестнадцатом году, после госпиталя приехал, поработал в Казани полгода, а тут вдруг вакансия в родном поселке, Мария Николаевна на пенсию вышла, осталась на полставки гинекологом, предложила мою кандидатуру на свое место. По сути, это работа завхозом и писарем. Сейчас еще терапевтом, пока нет замены. Полноценным хирургом мне пока не работать, — с затаенной болью в голосе Решад согнул пальцы левой руки. Мизинец и безымянный чуть дрогнули, но не поддались.

— Кстати, я все время вздрагиваю, когда тыходишь. Казалось бы, по комплекции, должен создавать много шума, чтоб издали было слышно. А ты реально — мышшь летучая.

— С детства научился, матурым, в привычку вошло, когда отец буянил. Приходилось становиться незаметным. Потом, на службе, очень пригодилось.

Ира замолчала, вдруг представив его детство, внутреннее одиночество среди людей, даже с верными друзьями за спиной, без ласки матери, в вечном страхе перед выходками пьяного отца, глубоко закопанные обиды и боль от потери сестренки. Внезапно ей захотелось провести рукой по его волосам, обнять крепко-крепко, ободрить того мальчишку, пожалеть, но вовремя остановила себя. Не примет жалости этот человек, обозлится еще больше.

— Когда твой внутренний эксгибиционист не распахивает пальто внезапно, с тобой интересно разговаривать.

— Кто мой внутренний?

— Маньяк в парке.

— Понял. Но с тобой почему-то не получается его останавливать, — Решад сорвал колосок овсюга, тихонько провел им по плечу своей обоже, и, едва касаясь губами, повторил его путь, коснулся кончиками пальцев внутренней стороны девичьего запястья. — Как же я тебя хочу...

— Проблема одна — я не хочу тебя, как бы ты не старался, — но не отодвинулась, не возмутилась его словам. — Не хочу я ни обязательств с сексом, ни секса без обязательств, сосед.

— Сейчас врешь.

— Да с чего ты взял, что я что-то к тебе испытываю?

— Пульс. Он у тебя бешеный. Не будешь же ты утверждать, что так возбуждалась с полпинка на жука на твоей ноге? — Решад сел, опершись правой рукой, левой смахнул на траву с ее изящной лодыжки зеленого, с голубоватым отливом, насекомого. Задал, наконец, мучивший его вопрос. — У тебя кто-то есть в Казани?

— Пойду я от тебя, искупаюсь лучше, — вместо ответа вскочила на ноги, потянулась в жарких лучах солнца так, что мужчина тихонько охнул от этой картины.

— Хорошо, давай выкупаемся и домой. Мать устала, да и у меня дела. Только ты иди вперед, я немного посижу еще. Вон, на ромашке погадаю.

— Реша-а-ад! — Ирка так красноречиво и укоризненно посмотрела на плавки-боксеры мужчины, что тот, неожиданно для себя, покраснел сквозь загар.

— Иди уже, а? — сжав зубы, попросил страдалец, неловко согнулся, пытаюсь скрыть эрекцию. Надо было надеть для купания шорты просторней, черт дери, не подумал совсем, кого пригласил в поездку. Да с ней рядом килт нужно таскать, не снимая...

— Иду-иду, души своего удава! — ответила Ира, и, заржав неприлично, убежала к реке, напевая старую песенку:

- Ты хотел меня любить,
Я уняла твою прыть,
Я сказала: «Очень мал»,
Мал-помал ты привыкал![1]

— С-стерва... — вытолкнул воздух сквозь зубы. Хорошо, что вчера вечером позвонил Регине, назначил встречу, может, получится не думать о рыжей мавке. Странно, при мысли о Регине возбуждение сошло на нет.

И чтобы сохранять спокойствие, сейчас требуется только одно — не смотреть на рыжего эльфа, на волнующие кровь плавные изгибы тела, не слышать ее голос. Не встречаться взглядом. Главное — не встречаться взглядом. И черт его дернул за язык предложить эту поездку... И вечером зачем предложил подвезти? Где потерял способность трезво мыслить? Мазохизмом, вроде, никогда не страдал.

На обратном пути в машине воцарилась гнетущая тишина. Ира тоже старалась не встречаться глазами с соседом, понимая, что перегнула палку, перебирала собранные травы. Да и он не горел желанием вновь услышать насмешки в свой адрес. Только Наиля вздыхала коротко — лучше бы ругались, честное слово.

Молча помог донести до дома сумку-холодильник и корзину, коротко бросил, уходя:

— Будь готова к пяти.

— Уи, мон женераль! — нарочито вытянувшись в струнку, выпятив при этом грудь, Ира прищелкнула кроссовками, будто сапогами. Вскинула ладошку к виску, отдав честь.

— К пустой голове руку не прикладывают.

— Тебе видней, у тебя опыт.

— Тебе обязательно нужно язвить в ответ?

— Решад, ты так смешно злишься, у меня это как-то само получается.

— Я не злюсь.

— Тогда я — испанский летчик!

— Реально, детский сад, — покачал головой сосед, исчезая за углом террасы.

[1] «Мал-помалу». 1997. Автор — Александр Ружицкий. Исполнитель — Алла Пугачева.

Ровно в назначенное время Ира вышла из дома, у калитки машинально сорвала цветок белого шиповника, воткнула в волосы. Почти час до выхода перебирала наряды, остановившись на коротких синих хлопковых шортах с карманами, выгодно подчеркнувших длину ног и загар, и белой блузке в стиле бохо, не стала зашнуровывать вырез, пусть смотрит сосед. «Все мысли о тебе» — и это ей сказал взрослый серьезный мужчина? О, стоит, курит у машины. Как же ему идут приталенные рубашки, надо же, сегодня зеленую надел.

Она издевается? Мало того, что все купальники — веревочки, даже вечером одета так, что хочется раздеть... Что-то воздушное, кружевное, рукав с плечика спадает от каждого движения, шорты вообще ничего не прикрывают! И легкомысленный цветок в кудрях, сладким запахом перебивает ее духи.

Расхотелось встречаться с бывшей любовницей, а вот эту, рыжую, длинноногую, увезти подальше от всех или никуда не уезжать, отнести ее в дом, закрыть изнутри спальню на амбарный замок, и забыть, что существуют другие женщины.

Открыл перед ней дверь, подождал, пока устроится, защелкнет язычок ремня безопасности, захлопнул. Вдавил окурок в землю, заровнял ямку. Вздохнул тяжело. Зачем позвонил вчера Регине?

За время, что заняла поездка, оба не проронили ни слова, Ира переписывалась в телефоне с заказчиками, договариваясь на завтра о встречах, а Решад боялся взглянуть на спутницу, чтоб не остановиться, не съехать на обочину и дальше, в лес.

— Самостоятельно вспомнишь, на какой стоянке машину потеряла, или будем по улицам кружить до ночи?

— Там площадь, большое белое здание с колоннами, напротив, за углом, «Трюм».

— Понял. А то белое здание — ЗАГС.

— О, твой самый страшный кошмар?

Решад, не ответив, остановил машину на противоположной стороне площади, у дома с вывеской «Нотариус», заглушил мотор.

— Я разворот до стоянки делать не буду, хорошо?

— Спасибо, что довез.

— Не за что.

Оба вышли из машины, мужчина закурил, наблюдая за удаляющейся по улице соседкой. Еще не поздно догнать, окликнуть, но Решад молча смотрел, как она засунула телефон в карман, достала ключи с брелоком из другого, подходя к стоянке, щелкнула сигнализацией, смахнула с лобового несколько вертолетиков ясеня, открыла дверь, села в салон. Помахала рукой, мол, все в порядке.

— Решад, здравствуй, дорогой мой! — знакомый голос заставил отвлечься.

— Привет, Регин, чего это ты в воскресенье на работе? — наклонившись поцеловать свою любовницу, Решад краем глаза зацепил промчавшийся мимо Хаммер. И пусть видит, в конце концов, никаких обязательств никто на себя не брал и не предлагал.

— Да. Я, конечно, удивилась твоему звонку, но рада. Сегодня нужно было посидеть в тишине, просмотреть дела, чтоб никто не мешал. Поедем ко мне?

— Да, — мужчина открыл переднюю дверь машины перед дамой, собиравшись уже захлопнуть, как Регина спросила удивленно:

— А чья сумочка лежит?

— Твою мать... Однажды она где-нибудь голову забудет точно, — и объяснил спутнице:

— Соседку подвез. Подожди немного, позвоню ей.

Три долгих гудка. Еще пять. Решад уже хотел нажать отбой, как услышал удивленное: «Да?»

— Ты забыла у меня в машине свою сумку. Забери, пока я еще не уехал.

— Я подумала, что ее дома оставила!

— Главное, голову свою пустую не оставляй где попало. Ты где?

— А ты — свои трусы придерживай, резинка от счастья лопнет, ноги обожжешь! Я уже уехала.

— Завтра приеду, вечером зайду, отдам.

— Я в Казань после обеда.

— Тогда заберешь завтра у меня на работе, когда поедешь. Отбой.

Бросил сумочку на заднее сидение, улыбнулся любовнице, стараясь прогнать из головы мысли о соседке. Получалось плохо.

Так вот какие у него «дела» в воскресенье вечером! И не стесняется абсолютно, днем рассказывать сказки о своих желаниях одной, а вечером наминать простыни с другой. А ведь она почти поверила! Пожалеть хотела, и уже раздумывала над тем, что можно себе позволить большее именно с ним. Андерсен недоделанный...

Лучший подарок на день рождения — избавление от иллюзий. От досады Ира ударила по рулю, вдруг осознав, что ревнует. Ревнует? Его? Того самого деревенского самовлюбленного болвана? Да нет... Нет, нет, и еще раз — нет!

Да... И сама виновата, чего возмущаться? «А твоим именем, княгиня, пусть назовут стадион. Динамо!»[1] — всплыла в памяти старая шутка уральской команды КВН.

Никто никаких обещаний не давал и не брал на себя обязательств, так почему так обидно? Еще сумку забыла. Черт, ключи от дома остались в ней, хорошо еще, ключи от машины сразу положила в карман. Ничего, есть комплект у Леша, только бы он был в поселке.

В смятении Ира доехала до дома, и сразу увидела Алексея, спешащего к ней через дорогу.

— Ирусь, привет, у Наты муж опять пьяный, она спрашивала, дома ли ты. Видела, как вы с Ярканатом уезжали. Позвони ей, пожалуйста.

— Сейчас, Леш, не переживай. Я к тебе зайти собиралась, ключи свои взять.

— А, так я сейчас принесу, ты пока Нате позвони, — Лешка рысью сбегал за ключами, не спрашивая, отдал хозяйке.

— Ты не занят? — загнала машину под навес, и, уже закрывая ворота, спросила. — Пойдем ко мне, чай погоняем, а?

— С удовольствием!

Ира нашла в журнале звонков номер Наты, нажала кнопку вызова. Лешкино волнение почему-то передалось и ей, хотя она до конца не разобралась в сложных отношениях друзей.

— Наташ, привет, ты меня спрашивала?

— Да, Ирка, можно мы с Таней к тебе придем? Прямо сейчас.

— О чем речь, конечно, я как раз приехала, с Лешей собрались чай пить.

— А Решад дома?

— Решад у любовницы остался в райцентре, сказал, что приедет завтра днем, — со злостью наябедничала, не сдержалась, вспомнив, с каким удовольствием он целовал ту

татарочку.

— О как. Ладно, мы сейчас.

Пока Ира наполнила чайник, выложила на поднос вкусняшки к чаю, Алексей молча курил на террасе, потом зашел на кухню.

— Лешик, можно вопрос?

— Я даже знаю, что ты спросишь. Что у нас с Наташей происходит.

— Немножко не так хотела сформулировать, но смысл ты уловил.

— Я ее люблю. Никогда тайной в поселке не было. Банальная история — не дождалась из армии девчонка, а я не смог с другой быть, ни с одной. Я пытался, даже жил три года с девушкой, когда работал в Нижнем Новгороде после учебы. Не сложилось, вернулся сюда. Муж Наты — сволочь, да ты его видела, ты же ему перцовым баллончиком брызнула в рожу, нет? Мать его жаловалась, еще в первых числах мая.

— Тот страшный мужик? О, Боже, никогда бы не подумала...

— Жаль, что Ярканат уехал, не вовремя. Почему я подумал, что он с тобой сегодня, и рано утром видел вас вместе, и днем, да и Ната говорила, что вы вместе.

— С утра за земляницей с его мамой ездили, вечером в райцентр, я позавчера там оставила машину, он просто подбросил до стоянки.

— А чего ты там машину оставила?

— Мы с Костей напились в пятницу. В стельку... Случайно встретились, пошли просто кофе попить, ну и нахлебались. На пляж ездили. Гриша его домой сгрузил под утро, меня сюда довез, машина осталась на стоянке, на площади. Лещ, я почему-то не хочу, чтоб Решад знал про этот казус, и так слишком много вопросов задает. А сам...

— Не расскажу, обещаю, подруга. Так ты с кем из них?

— Сама по себе, Лешик. Я запуталась, да и оба твоих друга — не мой вариант. На этих двоих свет клином не сошелся. Да, завтра уеду до субботы в Казань.

— Шлимана кормить, теплицы поливать?

— Спасибо тебе, ты настоящий друг! Ключи я тебе завтра отдам, мои в сумке остались, а сумка у Решада в машине. Завтра поеду, по пути заберу. Напиши к обеду список, что тебе купить в городе, ладно?

— Ты зачем в Казань?

— День рождения праздновать с девчонками. В пятницу или в субботу приеду, посидим тоже.

— Точно, ты говорила, что в июне! Какого числа?

— Двадцатого, в среду.

— Ир, что-то Натки долго нет, может, сходим?

— Идем. А вдруг Сашка в драку полезет, ты с ним не справишься. Может, Марселя позовем? У Ксении Николаевны внуки приехали, такие два лба здоровые! На днях за молоком к ней ходила, познакомились.

— Давай весь поселок на уши поднимем из-за одного пьянчужки. Ир, мы б его давно с Ярканатом в чувство привели, но Ната запретила. Может, любит его, вот такого...

— Тогда зачем весь этот цирк? — спросила Ира, закрывая калитку.

— Не знаю. Я просто ее заберу с Танюшкой, а дальше она сама пусть решает, как дальше будет жить.

— Ты прав. Лещ, я просто этого мужика боюсь... Пару раз приходил, денег клянчил, такую нес чушь. А глаза шальные, страшные...

— Водка, Ир. Был нормальным парнем.

— Ой, Натка с Танюшкой бегут!

— Ну и хорошо, пойду я, если что — звоните.

— Ну, уж нет, пока не накормлю, как приличная Баба Яга, не отпущу.

— Ир, неудобно.

— Неудобно только одно — когда соседские дети на тебя похожи, а у тебя таких проблем нет, — хитро улыбнувшись, девушка пошла навстречу подруге, расцеловалась с девочками.

— Мы у тебя посидим, пока Санька уснет, можно? — шепотом спросила Ната.

— Я вообще думала, что вы с ночевкой.

— Неудобно, Ирусь.

— Еще одна! Идем ужинать. Танюшка, беги, ищи Шлимана!

[1] Команда КВН Челябинск «Лица Уральской Национальности». 1/4 сезона 2004.

Регина притихла, не понимая, что происходит, когда они дошли до ее квартиры, и мужчина практически поволок ее в постель, грубо срывая одежду, не целуя. Она всегда молча терпела его напор, но сегодня она даже пару раз ойкнула от боли. И после не поцеловал, натянул трусы, избавившись от презерватива, молча ушел курить.

— Что с тобой? — девушка вышла на балкон следом за ним, обняла сзади.

Странные у них были отношения. Он мог не звонить неделями, и она привыкала к отсутствию его в своей жизни, с удовольствием принимая ухаживания Гриши, порученца Кости. Познакомились еще в прошлом году, в декабре, когда Решад позвал ее в «Трюм», отмечали что-то с компанией его друзей. С Гришей было удивительно легко, пусть ухаживал неумело, но с ним не нужно было заполнять молчание дурацкой болтовней. И родные с двух сторон познакомились, и, в ожидании приглашения на свадьбу, скрещивали пальцы.

Но, один звонок, и она отменяла все дела, как на иголках, ждала, считая минуты до встречи... Репетировала, повторяя про себя прощальные слова, но слова вылетали из головы, как только он выходил из машины. Рядом с ним Регина ощущала себя глупой птушницей, и руки становились деревянными, простейшую яичницу умудрялась подать со скорлупой, приспособилась заказывать ужин из «Трюма».

Этот мужчина не стал близким, никогда не интересовался ее жизнью, выслушивал молча ее болтовню ни о чем, не рассказывал о себе, откупаясь дорогими подарками от неудобных вопросов. Каждый раз встреча происходила по проверенной схеме — секс, ужин, душ, секс, душ, сон, утренний дежурный поцелуй и никаких обещаний.

А она всю ночь смотрела на спящего рядом мужчину, засыпала под утро, неловко примостившись на краю кровати, и сходила с ума от счастья...

— Я не знаю, Регин. Прости, если обидел.

— Останешься?

— Если хочешь.

— Тогда я закажу роллов?

— Угу.

Решад поморщился, но не стал возражать. Всем хороша подруга, но ни готовить, ни язык за зубами держать не умеет. Вот и сейчас, пока ждали доставку, вывалила все новости райцентра. Что она мелет?

— Серьезно говорю, сама видела Костю в ювелирном, обручалки смотрел, хвастался, что, наконец, нашел единственную.

— И кому же наше счастье привалило?

— Не знаю, Решад, говорят, из Казани дивчина, не местная, точно. Вчера слышала, как Маринка в магазине ужасалась ее росту, она видела их в «Трюме» в пятницу. Костя ниже, так смешно! Девица еще и на каблуках высоченных, и не стесняется!

Значит, вот каким образом соседка машину «забыла». И ведь не солгала, просто не сказала, что с Кашеем развлекалась. Почему-то Решад сразу понял, о ком болтает любовница, не оставив вариантов, и стало совсем тошно от мысли, что Кашей мог опередить.

— Возьми в кошельке деньги курьеру, я пока в душ. А ты что в ювелирке присмотрела?

— Сережки понравились и браслет такой красивый, с изумрудиками! Буду теперь откладывать, к новому году себе подарок сделаю.

— Я с утра на совещании, в обед заеду, съездим вместе, куплю.

— Ой, спасибо, Решад! Мы что, снова встречаемся?

— Давай не будем забегать вперед.

Стоя под струями воды, мужчина не чувствовал облегчения, наоборот, появилось чувство стыда, будто изменил. Противно. Хорошо еще — не нужно вести разговор за ужином, Регина сама себе хороший собеседник, только кивать в нужных местах. В ее крохотной квартирке раньше он находил покой, а сейчас хотелось закрыть глаза и уши, лишь бы не сорваться, не заорать на девушку.

Рано утром вскочил, быстро ополоснулся, смывая воспоминания ночи, оделся торопливо, как при побеге. В дверях наклонился поцеловать сонную любовницу, но та отвела лицо:

— Нет, Решад. Не надо. И не приезжай больше.

— Объяснишь?

— У меня другое имя, Решад. Тебе бы было приятно, если бы я тебя называла всю ночь другим именем?

— Не помню, что снилось, Регишка, ну ты чего, это всего лишь сон, — попытался обнять девушку, но та уклонилась, отступила, спрятав руки за спину.

— Ты влюблен, Решад, по уши. А я тоже хочу, чтобы меня любили, а не искали призраков в моей постели.

— Не говори ерунды, никого я не люблю.

— Ирина. Ты всю ночь звал ее, обнимая меня. Я так не хочу. Раньше ты во сне воевал, но это было терпимо.

— Но в обед встреча в силе, хорошо?

— Хорошо. На этом и закончим.

Закрыв дверь, Регина прошла в комнату, нашла под подушкой телефон:

— Газинур, — без приветствия начала разговор, назвав Гришу настоящим именем, а не дворовым, прилипшим еще в детстве. — Я тебя жду вечером, приезжай. Я тебя очень жду.

Сразу нажала кнопку завершения разговора, не дожидаясь ответа. Приедет. Нервы сдали, девушка разрыдалась, прощаясь с несбывшейся мечтой, прощая себя и мужчину, так и не ставшим родным человеком.

Черт, может, еще раз попробовать? Ларке позвонить? Съездить в Казань, подцепить похожую, рыжую, переспать и благополучно освободиться от наваждения. Ведь просто баба,

сотни таких, ноги, грудь, задница. Ну, красивая. Да, не дает, и это напрягает, тем более, мельтешит перед глазами, постоянно напоминая о себе. А, плюнуть, и постараться забыть, какая любовь, что себе придумала Регинка, подумаешь, приснилось ему что.

Решад сел в машину, достал телефон, как вдруг увидел меж сидениями увядший цветок шиповника. Взял осторожно, понюхал. Еще пахнет...

Внезапно смял в кулаке лепестки, выкинул в окно.

(18 июня, понедельник. +26)

Под утро, еще с речки тянуло прохладой, Ира проснулась резко, спасаясь от кошмара. Так четко запомнился сон, хотелось забыть поскорее, успокоить учащенный ритм сердца. Но мозг все подкидывал подробности кошмара: будто встает сосед с ее кровати, и с разочарованным видом презрительно бросает: «Ну, ты и бревно!». Она и встать не может, догнать его, руки и ноги корой покрылись, ветками стали пальцы, простыни шуршат опавшей листвой... Он смеется надменно, потом ту татарочку целует, закрыв глаза в блаженстве. И лежит бревнышко не в своей уютной комнате, а в центре площади, у ЗАГСа, глазами моргает, платье свадебное на ней вдруг, стразами в глаза метит попасть, задралось бесстыже на голову, обвилось фатой, дышать нечем. А вокруг толпа, пальцами тычут, ртами-провалами выщерились в диком хохоте...

Шлиман недовольно стек с ее шеи на подушку, убрал лапы с лица хозяйки, повернулся спиной и продолжил дрыхнуть, рассматривая вкусные кошачьи сны.

Укутала Танюшку, поправила одеяло Нате. Вздохнула. Вчера, когда Танюша засопела ровно между ними, свернувшись калачиком, Ира попыталась разговорить подругу, но та сделала вид, что уснула. После вставала, думая, что Ира видит десятый сон, ходила курить на террасу, о чем-то спорили с Лешей, забываясь местами, что не одни, переходили на шепот. Запах пустырника резко бил в ноздри, когда на цыпочках Натка возвращалась в комнату.

После душа осторожно, чтоб не разбудить Лешу, растянувшегося на диване под пледом в гостиной, вышла в палисадник. Вчера забыла полить. Напевая себе под нос, прочь гоня мысли о плохом сне, аккуратно прошла со шлангом меж кустов роз.

— Бу! — вдруг из-за частокола декоративных реечек забора высунулась лохматая голова.

Ира взвизгнула от испуга, увидев перед собой мужа Наташи, выронила из рук шланг. Пьяный уже с утра, много ли надо на старые "дрожжи", расхристанный, нечесаный, мужик был одного с ней роста, но будто нависал над ней через забор, покачиваясь.

— Ну, че, рыжая, спрятала мою дуру, думаешь, я не знаю, что она к тебе вчера побежала? — обдал перегаром, харкнул смачно под ноги. — Давай, буди заразу мою, пусть домой идет, придумала по гостям шататься!

— Нет у меня Наташи, и вы бы шли отсюда, проспите сперва, а потом по поселку шастайте.

— У тебя она, ты ее против меня настраиваешь, все знаю. Как приехала сюда, житья от тебя нет, ведьма. Курица моя только к тебе и бегаёт, и мелкую приучила, дома не найдешь.

— Повторяю, нет у меня Наты.

— А если проверю? — вдруг схватил Иру за руку, рванул к себе так, что заборчик между ними треснул. Как зверь, Сашка принялся к девичьему телу, поводил ноздрями у выреза футболки. — А ты ничего, рыжая, пахнешь вкусно. Титьки красивые отрастила.

— Отпустите меня! — чуть не плача, Ира пыталась вырваться из цепких пальцев, боясь

криком испугать Танюшку. — Вы не имеете права!

— А вот я сейчас и проверю, и поймею, — второй рукой мужик сжал в ладони ее грудь. — Ух, какая! Сладкая!

— Отпустите меня, мне больно!

— А ну, убери свои лапы! — по дорожке от дома, еще застегивая рубашку, бежал Лешка.

— Оба-на! Я шаз помру, какие новости! — алкаш зашелся в лающем смехе, запрокинул голову, вдруг замолчал, вперив в Алексея тяжелый взгляд, погрозил ему пальцем с черной каймой под ногтем. — Наташку мою уговариваешь семью разбить, к себе переманиваешь, я все знаю, думаешь, не знаю? Сам рыжую трахаешь? Хороший у нас участковый. С нее не убудет, если и мне даст, а, рыжая, не убудет с тебя? — нарочно, рисуясь перед заклятым врагом, прижал к себе Ирку за шею, не давая вздохнуть. — Че ты мне сделаешь, мент, думаешь, боюсь твоего ата-та?

Притиснутая за шею к мужской вонючей подмышке, Ирка пыталась достать обидчика руками, но тот будто играл с ней, лениво отбивая ее попытки ударить. Алексей с разбегу размахнулся, целясь кулаком мужику в голову, но кулак встретил пустоту. По инерции Леша завалился на забор боком, ухватил шпакетину, намереваясь выдернуть, и достать соперника.

Не смотря на выпитое, алкаш еще умудрялся сохранить реакцию, и только безумно хохотал за спасительной изгородью:

— Ну что, мент, махнемся подстилками? Я тебе свою оставляю, надоела, а эту заберу компенсацией! — и даже приосанился зверюга, гордясь собой, что вовремя вспомнил и выговорил слово. Взяв Ирку за подбородок, поднял ее голову к себе, вытянул губы к поцелую.

И вдруг, вперив глаза за спину Алексея, изменился в лице, отпустил свою жертву, откинул ее от себя. Не устояв на ногах от резкого тычка, Ирка шлепнулась на землю, неловко оглянулась. На дорожке стояла Тень, готовая в прыжке вцепиться в горло обидчику, наклонила лобастую голову, выщерив клыки.

— Заступники херовы, пристрелю однажды волчару эту, на людей уже бросается! Значит, у учительки Наташка, еще одной заступницы, — бормоча себе под нос, пьяница осторожно отступал, не делая резких движений, развернулся на безопасном расстоянии, и торопливо засеменял по тропинке, оглядываясь.

— Ты как? — подал руку Леша, помогая подруге встать с земли.

— Честно? Чуть в штаны не наложила! — икнула от пережитого страха Ирка. — Лешик, я так его боюсь! Сволочь какая, из-за него столько растюх переломала...

— Он в открытую в драку не лезет, понимает, даже пьяный, что проиграет. Но исподтишка может запросто напакостить... Проспится и забудет все, — успокаивая, Леша увел дрожащую девушку на террасу, усадил в кресло. Потом присел перед волчицей. — Тень, спасибо, девочка, вовремя ты появилась.

— Сейчас, Тенюшка, перепелку дам, только посижу немного, ладно? — попросила Ира передышку, закурив. Волчица растянулась у ее ног в ожидании обещанного. — Лешик, у тебя кровь сбоку. Пойдем, обработаю.

— Что случилось? — выскочила из дома заспанная Ната.

— Муж твой приходил. Пьяный с утра, — не поворачиваясь, зло ответил Алексей. Задрал рубашку, поморщился от боли. — К Ирке приставал, тебя требовал на блюдечке вынести.

— Ох... Простите меня, Ира, Лешик, я не подумала, видимо, вчера слышал, как я по телефону разговаривала. Леш, пожалуйста, не говори парням, не трогайте его, прошу... — тихим голосом попросила Ната, опустив глаза. — Иришка, прости, моя вина.

— Натусь, ты не виновата, — вздохнула Ирина, поднимаясь с кресла. — Я испугалась, сейчас все в порядке. Пройдете с Танюшкой через калитку к Наиле-апе, будто ночевали там. Идем завтракать?

К обеду настроение улучшилось, впереди несколько дней с родными и подругами, день рождения, а Сашку нужно забыть, как дурной сон. Сбываются предсказания Виталика...

Немного напрягало то, что придется зайти к Решаду на работу, но тут все просто: забрать сумку и откланяться, слушать сказки этого кота Баюна необязательно.

Перед кабинетом главврача Ирка выдохнула, постучалась для приличия, резко открыла дверь:

— Привет, я за сумкой.

Решад стоял у стола, опершись на него руками, а на нем практически повисла жаркая барышня в уже расстегнутой блузке. Увидев незнакомую девушку, хмыкнула, отошла от своей жертвы, полулегла-полуприсела на диван в углу, всем видом утверждая свои права находиться тут, и что ей помешали:

— Девушка, — протянула она томным голосом. — А вас не учили, что нужно дожидаться ответа, а потом заходить?

— Решад Маратович, я думала, что у вас есть вкус, — не глядя на девицу, объявила Ирина. — Вчерашняя фройляйн была намного презентабельней, а этой матрешке скажите, что в леопардовом белье с Колхозного рынка можно сегодня соблазнить только бомжа с теплотрассы, да и то — не всего, и с третьей попытки. Счастливо оставаться.

Ира схватила свою сумочку со стула, развернулась и хлопнула дверью со стороны коридора. На эмоциях, не контролируя разумом действия, достала из сумки помаду, размашисто написала на двери под простой табличкой свое мнение о хозяине кабинета, не жалея дорогой косметики.

Уже в машине, на повороте из поселка, Ира расхохоталась своей выходке. Пусть теперь стирает стойкую помаду! Бедный, стоял перед этой мадамой, как мышка перед змеей, даже жалко его.

Так, глядишь, и пройдет эта блажь — влечение к соседу.

Должна пройти.

Решад подошел к окну, увидел знакомый Хаммер, припаркованный на обочине, носом к выезду из поселка. А вот и сама, летит к машине, размахивая злополучной сумкой, смешно встряхивая кудрями. Злится? Неужели злится? Обернулась, увидела его в окне, состроила гримаску, опять показала средний палец. Решад вдруг расхохотался — да она ж ревнует! А, если ревнует, значит, он ей не безразличен!

— Что там смешного увидел? — как была, в расстегнутой блузке, Лариса подошла к окну, положила руку на плечо.

— Да так, ничего, — проводив потеплевшим взглядом машину, Решад зацепил краем глаза заворачивающего с другой стороны улицы на территорию больницы Лешку, с облегчением снял с плеча руку любовницы. — Лар, у меня дела, давай в следующий раз,

хорошо?

— Чего вдруг? Не из-за этой ли рыжей у тебя вдруг дела появились? Значит, верно бабы в поселке говорят, что перед городской какой-то скачешь козликом, перед ней?

— Лара, поменьше слушай сплетни. Вон, Леший идет, явно, ко мне. Неудобно будет, если мы ему порнуху покажем во всей красе.

— И когда ты стал такой стеснительный? — уже застегивая пуговики, съязвила Лариса. — Позвонишь?

— Позвоню, — с облегчением пообещал подруге, открывая перед ней дверь.

— Ого, тут тебе сообщение оставили! — рассмеялась женщина, увидев надпись на двери. — И верно рыжая подметила! Счастливо, Решадик!

— Твою мать... — быстро вернулся к столу, вытащил из ящика упаковку влажных салфеток.

— Навоняла своим автобусом, дышать нечем! — фыркнула Люда, провожая глазами Хаммер. — Факи свои опять показывает, кому это?

На лавочке уместилась тройка записных сплетниц, сложили на пузах руки, и, как Змей Горыныч, высматривали добычу тремя головами в разные стороны.

— Так в больницу, видать, Решадке досталось. Она ж туда без сумки побежала, а вернулась с сумочкой своей, — внимательная Фирюза сделала правильные логические выводы, расплылась в язвительной улыбке. Девка молодая, скачет резво, значит, не болеет. И навещать ей некого. А если не болеет, но из больницы выскочила, вся взъерошенная, то, к гадалке не ходи, шуры-муры у девки там. А в больнице пока двое мужчин, старый завхоз да молодой начальник. — Видать, у нашего главврача новая зарубка на диване появилась.

— Когда и успели! — Люда вынула козырь, — У рыжей-то сегодня ночью участковый ночевал!

— Да ты что? — У Фирюзы округлились глаза от такой новости, скривилась на подружку, что та первая узнала. — Откуда знаешь?

— Саня утром видел, своими глазами, Веснин выскочил от нее заспанный, на ходу засупонивался, потом обратно вернулся в дом.

— А вчера городская с Ярулиными днем приехала, выгружались втроем, ну, чисто счастливое семейство! — в рукаве у Фирюзы обнаружился джокер. — Наиля с рыжей слиплись уже. И потом с Решадкой вдвоем на его машине упылили, вечером, это ж я сама видела.

— Бессовестная она, даром, что городская, тьфу! А ну как эти два дурака узнают, что она обоими крутит, ой, что станется!

— Рыжая им график составит, чего им расстраиваться, — каркнула Мадина, зашла в смехе от своей шутки, да закашлялась так, что пришлось бабам ей по спине стучать.

Как ни старался Решад стереть алые буквы, химия надежно въелась в свежую краску на шершавой двери. За этим занятием его и застал Лешка, достал телефон, давясь от смеха, быстро нашелкал растерянную физиономию друга на фоне уличающей надписи:

— Брат, это кто так тебя припечатал? Ой, не могу, как с табличкой сочетается: «Главный врач Яруллин Решад Маратович, кобель!» Я б еще добавил: «каких поискать!» Дай допишу! Чем это, а, главное, кто?

— Помадой, похоже... — устало закрыл глаза ладонью в фейспалме герой нового

анекдота. Ларка не откажет себе в удовольствии растрезвонить пикантную сплетню по всей округе. — Стерва одна.

— Если правду, так сразу, стерва? Ты три-три, старайся!

— Ты чего пришел?

— Попросить хотел, — друг стал серьезным в один момент. — Я пару дней буду в разъездах по деревням, приглядишь за Натой? Сашка опять скандалит, сучок алкашный. Ночью Ната с Танюшкой у Ирки ночевали, так приходил к дому Иры по утру, орал непотребное, пока я не вышел, как раз тоже ночевать остался с девчонками. Хорошо еще, Иришка до пятницы уехала, Сашка заявил, что разберется с ней, вроде, как, она Нату против него настраивает. Никак не поймет, что водка всех настраивает против него.

— Принял. Может, вывезем уже это чмо в лес, а? Побеседуем...

— Ната против. Каждый раз просит за него.

— Да знаю... Ничего не меняется. В каждой избушке свои погремушки. Пойду, посмотрю краску у завхоза.

— Предлагала тебе Мария Альбертовна дверь приличную, соответствующую статусу, поставить, чего отказался.

— Леха, какой на хрен статус? Это Кащей любит богатые двери и шикарные таблички на них. От массивности двери в кабинет ума не прибавится. Сам-то... Машину мою возьми, по округе скакать.

— Да я уже у Марса взял в гараже. Говорят, что в начале августа служебная будет.

— Когда себе уже купишь лошадь? — со вздохом достал из кармана пиликающий сообщением телефон.

— Вот будешь ты менять свою, у тебя и куплю старушку, чего париться. Лошадка прикормленная, рабочая, еще послужит.

— Нет, ну что за... — возмущенно уставился в телефон Решад. — Все, ты теперь с рыжей повязан, Леший, уже сочинили, ну бабье!

— Так меня только Санька видел!

— А у него матушка кто? С кем дружит?

— Твою мать... Скорость сплетни в нашем болоте превышает скорость поноса...

— Хрен с ними, пожуют и забудут. Пойду за краской.

— Я поехал, бывай.

На больничной аллее показалась Лара, спешила к своей машине, но, заметив у администрации неразлучных сплетниц, передумала уезжать сразу, подошла к бабкам:

— Доброго дня, мои хорошие, как дела?

— Ой, Ларочка, редко тебя и видно у нас, здравствуй, дорогая! — нестройным хором поздоровались бабки с дамой. Не поздоровайся с ней, как же, в администрации райцентра работает, полезное знакомство.

— Фирюза-апа, ты мне недавно рассказывала про приезжую какую-то, которая дом москвичей купила, это не та рыжая шпала, сейчас должна была здесь проходить, не видели? — наигранно равнодушно спросила Лариса.

— Ирка? Была, уехала на своей гробине, видать, в город. А тебе, Ларочка, зачем она?

— Мне она и не нужна, просто столкнулись сейчас, очень наглая особа.

— Ты не представляешь себе, насколько, Ларочка! Только приехала, а уже взялась наших парней за ноздри водить, то с одним ночует, то с другим целый день катается.

Привыкла в городе с кем ни попадя.

— С кем это, если не секрет, она ночует?

— Да с Весниным, Лехой, ты его знаешь, участковый наш. А второй...

— Знаю, — отмахнулась женщина, быстро набирая сообщение в телефоне. — С Решадом. Я по делу к нему заехала, и эта рыжая, без стука, забежала, нагрубилась, еще ему на двери надпись оставила. Сучка.

— А что за надпись-то? — от любопытства у Горыныча вытянулись шеи.

— Кобель! Прямо под шильдой. Ну, под табличкой, — пришлось пояснить бабкам незнакомое слово. — Помадой начеркала.

— Змея, да, — переглянулись бабки, гася огонек в глазах.

— Ладно, я поеду, дел много, мои хорошие, — не отрываясь от телефона, попрощалась мадам, и, виляя увесистыми бедрами, ушла к машине. Села в нее, но не завела, с надеждой уставившись в телефон.

Как эта рыжая посмела унижить перед Решадом, сведя на «нет» все старания выглядеть шикарно парой фраз! И не с рынка у нее белье, из магазина, дорогое, пару раз надетое, почти новое... Блузку недавно купила, очень понравились рюши по вороту, рукава летящие, как раз для жаркого лета.

А на этой шпале рыжей короткий сарафанчик, простейший, прямой, и цвет нежно-зеленый не спасает, без всяких украшений, даже кружев нет. Так почему же Ларе сейчас царапало ощущение, будто на полку две короны положили рядом, вот только одна — из ларца какой-нибудь княжны, а вторая, ее корона, вывалилась из розового набора пластмассовых украшений китайской Барби?

Не дождавшись ответа на свое сообщение, не выдержала, ткнула на иконку вызова, поставив на громкую связь, манерно придерживая телефон перед губами, как блюдце с чаем:

- Что притих, дорогой?

— Ты про очередную сплетню? Лар, тебе это надо?

— Да я за тебя беспокоюсь, рыжая не только с тобой кувыркается, дружка твоего тоже пользует, просто, чтоб ты знал! — почти закричала женщина в трубку.

— Ирина разве со мной? Нет. Пусть кем хочет, с тем и ночует. Вы еще свечку в подполе у нее подержите, вам делать нечего, языками молоть. Вроде, умная женщина, Лар, а деградируешь на глазах.

— Ну, знаешь ли! Из-за рыжей твои вообще мозги в трусы стекли! — выкрикнула в экран, забрызгав его слюной. С силой нажала на красный значок отбоя, будто телефон виноват, кинула аппаратик на соседнее сиденье. Со злостью повернула ключ зажигания, рванула с места.

— Ага, дела у нее с Решадкой, как же. Диван в его кабинете продавливать, — злобно прошипела Мадина вслед. — Видать, помешала им рыжая, вот Ларка и взбешенная такая.

— Надо же, прямо на двери написала! — увидев выходящего из больницы участкового, Фирюзу опасливо оглянулась. — Нет, подружки, ни тому, ни другому говорить не буду, что оба рогатые. Сами узнают. А вот Наиле надо глаза открыть, пусть знает, что привечает в доме!

(20 июня, среда, +18)

Решад проснулся раньше сигнала будильника от веселого пиликания сообщений в ватсапе. Кому не спится в шесть утра? Сообщение от Лехи в общем чате: «Ирка, подруга! С

днем рождения!» И далее дурные веселые картинки с цветами и пожеланиями всего-всего и много.

Черт, так у нее день рождения... Решад вдруг ощутил себя последним идиотом. Лешка, тоже, друг, называется, мог и предупредить. Оборвал свои мысли, представив картину: подходит Леший и говорит, мол, так и так, ты пока не веди себя, как идиот, у нее праздник на днях, попозже начни. Не смешно ни разу.

Надо ей что-то подарить. Что любят девушки, по стандарту — цветы, конфеты, ювелирка. Цветы? Решад вспомнил участь того злополучного букета, поморщился. Да и сейчас у нее половина участка в цветах, чем ее удивить. Сладости — смешно. Ювелирку дарить, так, кроме маленьких капель сережек, и не видел на ней украшений. И, наверняка, у нее этого добра предостаточно.

Все утро чат друзей взрывался поздравлениями, смешными гифками и смайликами, ответными от нее благодарностями. Часам к двум Решад не выдержал, отключил звук. Сам много раз порывался написать, но стирал, не находя слов.

Женька. Где-то у матери был записан ее телефон, Женя была посредником при продаже дома, вот у кого нужно спрашивать, что подарить рыжей мавке, от какого подарка она не откажется точно.

Решад позвонил домой, мать, конечно, удивилась его просьбе, но продиктовала цифры.

— Жень, приветствую, это Решад. Тебе удобно разговаривать?

— О, какие люди! — отозвалась Женя. — Привет! Чего звонишь?

— Я сейчас в Казань еду, где там моя соседка обретается, не подскажешь? — и сам удивился своему решению.

— Чтобы она мне потом по прическе настучала? Нет уж, дорогой, не скажу. Тем более, сама не в курсе. Может, у отца Ирка, может, к матери заехала, может, с братьями по городу гуляет. Мы вечером в клубе отмечаем, завтра по магазинам. В пятницу она хотела обратно, домой, то есть, к вам.

— Хорошо, не говори. Но что ей подарить, скажешь? Всю голову сломал.

— Вот это подскажу. Подари ей куклу.

— Куклу? Серьезно? Нет, Жень, серьезно?

— Я не шучу, Решад. Давай в ватсапе скину ссылку на мастера, Ирка давно хочет у нее «Любаву» купить, но, как обычно, забывает.

— Детский сад, — расхохотался собеседник.

— Ты еще цену не знаешь, мигом смеяться перестанешь. Это фарфор ручной работы, эксклюзив.

— Плевать на цену. Жду.

— Ты же в инсте есть?

— Есть, — тут же всплыло сообщение в ватсапе, Решад нажал на ссылку, прочитал. — Жень, так эта девушка в Архангельске живет, к пятнице явно не получится.[1]

— Не получится. Ладно, забей. Тогда вот что. Скину тебе названия ее любимых магазинчиков, там что-нибудь подберешь.

— Благодарю, Жень.

— Только не сболтни, что я рассказала, хорошо?

— Хорошо. И ты не говори, что я звонил.

— Обожаю секретки! До встречи!

Ого, оперативно ответила архангельская рукодельница. От цены у мужчины

действительно брови полезли на лоб, но махнул рукой, заказал двух куклят сразу, в красном платье и в зеленом. Усмехнулся, пусть соседка играет. Попросил на карточке написать послание от него, указал адрес, оплатил.

— Да, Светик, — ответил на звонок.

— Решад, подойди ко мне в кабинет, тебя требуют, с Ковылей приехало семейство, младенцем обосранным трясут, как медалью за взятие Бастилии. У него колики, выгибается, бедный, скоро посинеет.

— Сейчас буду.

Черт, завтра хотел объехать близлежащие деревни, вроде, экстренных вызовов не было. Закрыв кабинет, спустился на первый этаж. У двери терапевта ему преградила путь здоровая деваха, кровь с молоком, ткнешь — брызнет, кокетливо взмахнула белесыми ресницами, и ребенок, орущий благим матом, так не занимал юную мать, как фигура главврача. Муж девахи, притулившийся на стуле рядом, похоже, дремал, научившись засыпать в любом положении.

— Через три минуты зайдете, хорошо? — не дав раскрыть рта молодой мамаше, Решад прошел в кабинет. Вымыл руки, надел белоснежный халат.

— Светик, это не та красотка с триппером перед родами два месяца назад? Которую со скандалом выпихнули в инфекционное рожать, в Казань? — спросил тихонько медсестру.

— Она, Решад, — так же понизив голос, ответила верная помощница. — В семнадцать родила, семья у нее тоже, не особо в плане гигиены и разборчивости в половых контактах после употребления напитков.

— Помню. Мамадя ее по осени обязательно явится с букетом запущенной хрони, проветривать будем дня два.

— А можно уже? — в проем двери, без стука ввалилась девица. Воздух небольшого кабинета будто потемнел, вбирая запахи. Дамочка развернула младенца на столике, вытащила мокрую пеленку, скрученную меж ножек, сунула, не глядя, в пакет.

Решад поморщился, стараясь дышать через рот, инстинктивно пододвинул стул ближе к окну, но не сел, подошел к маленькому:

— Вы б ребенку пеленки постирали...

— А чего там стирать, не пахнет, обоссyt, высохнет на ветру. Воду тратить, — сунула сына на руки мужчине, чуть отворачиваясь. — Орет вот третий день, ничего не помогает, как опел кто!

Дите чуть понизило децибелы в сильных руках, реагируя кряхтением на круговые движения ладони по животику.

— Кормите грудью?

— Ею, молока, хоть залейся, а орет.

— Настя, вы пили? — вдруг, среди запахов, исходящих от девицы, Решад уловил отчетливый душок водки.

— Да немного, с утра, вчера у сеструхи были, день рождения у нее, посидели, с утра я маленько, чтоб голова не болела, — оправдываясь под строгим взглядом, протянула бестолковая мамаша, и тут же перешла в наступление. — А чего такого? Спать крепче будет.

— И вы хотите, чтоб ребенок вел себя нормально? Да ему два месяца всего, много ли надо! Себя не жалеете, сына пожалейте! — сорвался Решад. — Ему же больно, колики страшнейшие, сейчас период адаптации, работа желудка, кишечника только входит в норму,

а вы его алкоголем травите! Не стыдно?

— Так коровье он вообще не пьет, а я отдохнуть хотела, расслабиться! — с вызовом уперла руки в боки. — Я родила! Такое пережила! Имею право, вам не понять, Решад Маратович! Вот как свои будут детки, узнаете, как не досыпать, не отдыхать, тогда и советы свои давать будете!

— Коровье молоко давали? — от слов собеседницы у врача полезли глаза на лоб. Пока младенец успокоился, сложился в позу лягушки, взвесил его, подложив на весы пеленку. Чувствуя, что парень сейчас опорожнит кишечник, успел донести ребенка до раковины. — Настя, угробите вы сына... Нельзя, категорически нельзя хотя бы до полугода, до года, белок коровьего молока может такое спровоцировать, всю жизнь потом разгребать будете.

— Нас на молоке коровьем вырастили, и ничего, никто не болел, — девица не подумала забрать вымытого ребенка из рук врача, плюхнулась на стул. — Все здоровые.

Пришлось Решаду самому доставать памперс из упаковки, благо, всегда держал в шкафчике «зачачку», зная особенности приема подобных семейств, пеленать дите, и после держать на руках, баюкая, чтоб хоть чуть поспал младенец.

Целый час втолковывал молодой мамаше прописные истины ухода за ребенком, выписал кипу направлений на анализы, понимая, что без толку, но надо. Когда беспокойное семейство отбыло восвояси, развел руками:

— Я буду звать его «Счастливым»... Если до совершеннолетия доживет и не сопьется.

— Доживет, Решад, таких пруд пруди, — медсестра пожала плечами, заполняя карту. Для нее подобные посетители были привычней. Вдруг покусала колпачок ручки, прищурилась на друга детства. — Все время удивляюсь, как ты ловко управляешься с детьми. Артур тоже, казалось, врач, а Сабинку первый месяц боялся на руки брать, чуть не плакал, что сломает ей что. С Тимуриком полегче было, набрался опыта.

— У нас с Артом разное образование. Он — узкий спец, а я — практически универсал. На службе все бывало, и с местными контактировать приходилось, помогать, — тут же сменив тему, спросил. — Светик, я сейчас в Казань, может, что нужно?

— Надолго?

— Нет, вечером приеду. Если придумаешь что, в ватсапе скинешь.

— Вроде, все есть. Завтра с утра увидимся.

Украдкой наблюдая за его передвижениями по кабинету, Света невольно любовалась другом брата, вспомнила, что когда-то его обаяние зацепило и ее сердце, но быстро увлечение прошло. В нем было все — «слишком» для нее, не потянула бы она быть рядом.

С Артуром она была счастлива, каждый день благодарила высшие силы за случайную встречу в коридоре универа. Когда стали общаться тесней, оба удивились, что, вроде, жили рядом, в одном районе, но познакомиться не случилось, Артур попал в школу в райцентр, до его деревни было ближе.

Обычный парень, с ленцой, раздолбай, но, чтоб завоевать ее сердце, подтянул «хвосты» по учебе, постепенно перестал появляться в компаниях, где основным развлечением было болтаться по городу с выпивкой, задирая казанскую гопоту, а то и по мелочи преступая закон. К окончанию универа стал одним из лучших выпускников, к удивлению преподавателей, предпочел городским клиникам тихую сельскую больницу и семейное счастье.

Решад был другим.

Ему бы командовать войсками, разрушать дворцы, создавать империи, а не объяснять элементарные правила гигиены пьяной бабе в тесном кабинете сельского терапевта. На худой конец — проводить блестящие операции в современном столичном огромном хирургическом центре. Светик понимала, какие демоны грызут его, с каждым прожитым днем отнимая возможность заниматься любимым делом...

В свободное время Светик любила читать фэнтези, и всегда представляла Решада в роли могучего тигра, и, чтоб рядом, непременно, хрупкая девушка с огромными глазами, играючи держащая гордого зверя на поводке.

Девушка улыбнулась, витая в своих мыслях, скрестила пальцы под столом, в который раз пожелав новой подружке Иришке удачи. Ох, не зря же дружок сорвался в Казань именно в ее день рождения.

[1] Минина Марина, деятель искусств, член ТСХ ДПИ России, Архангельск.

Перед поездкой зашел домой, заглянул в комнату к Назару. Тот лежал, как обычно, отвернувшись к стенке. Тарелка с нетронутым завтраком стояла на столе.

— Думаешь, от лежания что-то изменится, хохол?

— Не думаю, — Назар даже не повернулся.

— А чего тогда валяешься? Опять не ел нифига.

— А смысл? Отвали, конь халяльный.

— В Казань со мной поедешь? — предложил друг. — Туда-обратно скатаемся.

— Народ пугать?

— Назар, ты мне очень нужен в больнице, хорош придуриваться.

— Ага, одноглазый хирург. На костылях. Оксюморон.

— Ты мне умными словами не сыпь, сам могу с горкой натолкать. Есть и другие должности, у меня половины штата нет. Яша тебе протезиста нашел, сделаем лапу, еще побегаешь.

— Вам, двуногим, легко говорить.

— Да, блядь... Я поехал тогда. Мать скоро придет. Поешь, а? Она утром раньше встала, чтоб твоих любимых ватрушек напечь, ты ж и не попробовал. Не расстраивай ее, пожалуйста.

— Поем, — наконец согласился страдалец.

— И то хорошо. Держим круг. Ушел.

Психотерапия, мать ее. Оставлять чаще одного, чтоб выползал самостоятельно, хотя б в туалет, на двор — так решили с Яшкой. Не давать поблажек, не педалировать ситуацию. Подождать. Знал, на что подписывался, увозя друга к себе, знал характер его, упрямый, еще хуже, чем у самого.

Еще обещал зайти к тете Кате, дня три не успевал, вечером нужно заехать, как раз привезти ее любимую яблочную пастилу, при диабете не разгуляешься разнообразием «заедок» к чаю, а сладкоежка бабуля еще та.

Черт, татарин не закрыл за собой дверь в комнату. Назар окликнул хозяина дома, в надежде, что тот еще не выскочил на улицу, но нет, лишь жужжание надоедливого комара было ответом на призыв.

Четыре месяца. Как заевшая ручка старинного патефона, мозг прокручивал тяжелыми

жертвами эти дни, перетирая в труху всю его жизнь.

Сто двадцать три дня, как его, блестящего хирурга, уволили «по собственному» из клиники Львова. Слухи ходили, что не простили ему гражданство России, условие для исполнения мечты — учебе в Питере, в академии. Хотя, и так слишком долго закрывали глаза на этот факт.

Хмыкнул, пожал плечами в кабинете главврача, развернулся, решив окольными путями добраться домой, в Горловку, к родителям, устроить себе отпуск. Чего держаться за принципы, если его возьмут на работу хоть где. Галка не поехала с ним, да, неприятно, но не смертельно, давно стали чужими, все реже заговаривая о свадьбе. Да и когда, оба пропадали на работе, она в своей уютной пекарне, он — в клинике. Родители ее вздохнули с облегчением, когда так и несостоявшийся зять съехал с квартиры, за которую сам выплатил ипотеку. «Теща» не скрывала радости, помогая собирать его вещи, хвасталась по соседям своею дальновидностью, что уговорили молодых оформить ипотеку на ее дочь.

Девяносто семь дней. Не стало родителей и отчего дома. Сходил с утра за сигаретами...

Точное попадание, пламенный привет Донбассу от «рідной неньки».

Девяносто четыре дня назад. Деньги, документы, вещи, сгоревшие в пламени, все казалось не важным, кроме двух закрытых гробов на колченогих соседских табуретках в развороченном дворе. Полкана похоронил днем раньше, за уцелевшей теплицей.

Восемьдесят девять. Договорились с Мишкой встретиться в Солнечном по поводу документов. Тот опоздал буквально на пятнадцать минут, этими минутами уберег себе жизнь...

От воспоминаний отвлек шорох за дверью. Тень осторожно сунула нос в комнату, с недавних пор для нее закрытую, наклонила голову, рассматривая гостя.

— Чего пришла? Боюсь я тебя, понимаешь? Не видел я, чтоб волк был ручным, не принимает тебя душа, Тень, уйди по-хорошему, — Назар, как мог, вжался в стену, увидев обнаженные клыки, поискал глазами костыли. Далеко, не успеет схватить. — Иди отсюда, а?

Тень будто улыбнулась, наслаждаясь страхом, волнами исходящим от беспомощной жертвы. Одним прыжком, вскочила на кровать, прижала лапой оцепеневшего от ужаса мужчину. И, потоптавшись, вдруг свернулась клубочком рядом, положила морду на теплое человеческое плечо. Вздохнула, прикрыла глаза. Ну, нельзя ей на мягкие диваны и кровати в доме, так никого нет, а этот двуногий не в счет. Не посмеет прогнать.

Осторожно опустил ладонь меж ушей зверя, прикоснулся к шелковистому лбу, погладил большим пальцем. Тень чуть подвинула ближе морду, ему на грудь, распластала брыли на гладкой коже, и от такого безоговорочного доверия хищника к человеку на глазах измученного мужчины выступили слезы. Отбросив страхи, он обнял молчаливую волчицу, глядя широкий шерстяной лоб, сбивчиво и торопливо стал рассказывать ей все, что не расскажешь и близкому другу.

(22 июня, пятница, +24)

Со смешанным чувством Ирина подъехала вечером к своему дому. И соскучилась, и, памятуя о своей дурацкой выходке, немного побаивалась столкнуться с соседом. Странно, Шлиман не выскочил на звук машины.

Закрыла ворота, достала из багажника сумки, и, немного переживая за любимца, быстро взлетела на террасу, открыла дверь и ахнула в восхищении.

С десяток золотистых воздушных шаров висело под потолком, и на каждом было написано теплое пожелание. Стол был уставлен коробками и корзинами в хрустящей бумаге.

Тут и кот нашелся, валяющийся на спине, деловито подбивающий лапами длинный серпантин завязок шариков. Приветственно муркнул и продолжил нелегкое занятие.

Сзади раздалось дружное: «С днем рождения!» Вся компания, кроме соседа и Кости, стояла на террасе, радостно хохоча над растерянно-изумленным видом хозяйки дома.

— Спасибо вам, честно, я... — и, не сдержав слез, Ира кинулась целовать-обнимать каждого. — Так, ребята, мы сегодня отмечаем, или завтра кутим по полной программе с шашлыками и вкусными напитками? Я еще рыбки привезла, на гриль.

— Сегодня уже поздно, мы зашли отметить, а завтра как раз у меня сбор, — за всех ответил Леша. — У тебя мангала нет и караоке.

— Нет, — согласилась именинница. — Хотя бы посидите немного?

— Ириш, дела-дела. Да и тебе разгрузаться, отдохнуть. С утра на пляж, потом детей сядим по бабушкам и расслабимся. А пока — открывай подарки! — скомандовала Ната, ей самой не терпелось увидеть, что там накупил «от всех» Решад, съездив в Казань. Но об этом он строго-настрого говорить запретил.

С каждой развернутой коробкой и свертком Ира только ахала, как угадали друзья ее вкусы, ей и в голову не пришло, что лучшая подруга поучаствовала в выборе подарков. Ящичек с бутылочками масел, оливковым, кунжутным и другими, вкусными и полезными, тут же занял почетное место на кухне. Любимые соли, бомбочки и мыло ручной работы для ванны, даже запахи угадали друзья! Пять ивовых корзин разного размера, как она хотела, но ведь ни разу не озвучивала, как догадались?

Набор полотенец для кухни, ее личный пунктик, чтоб в доме было много полотенец, учтен тоже. Три саженца жимолости, несколько будущих кустов мелких белых и красных роз, она таких не могла найти в продаже. Сажены ирги, желтой малины, сортовой черной смородины, будто она себе этот подарок сама выбирала!

— Признавайтесь, кто не поленился? — прижала к груди коробки с розами, счастливая именинница оглядела друзей. — Расцелую неистово во все места! Ой, я, кажется, знаю, кого целовать!

Тут Ира вспомнила «Трюм», и как рассказывала Косте о своих надеждах и планах, и упоминала, что найти не может именно эти сорта роз.

— Чур, мы тебе не говорили! — рассмеялись друзья, имея ввиду, что целовать ей нужно соседа. — Ладно, Ирка, мы побежали, завтра обстоятельно посидим!

— Да, тогда до завтра, — сказала именинница, снова нюхая поочередно мыло. Какие вкусные запахи, и ни в одном не ошиблись ребята!

— Вообще отлично! — поцеловала еще раз Азаля подругу, утянула мужа за собой. Ната со Светиком тоже не стали задерживаться.

Отдохнув с дороги, Ира, первым делом забралась в палисадник, посмотреть, куда утром высадить розы. Странно, чубушника ветки сломаны со стороны дороги, на земле валяются окурки от дешевых сигарет, будто кто караулил ее здесь... От страха Иру прошиб холодный пот. Только один человек в поселке внушал ей такой ужас, и этот человек уверенным шагом приближался сейчас к ее дому!

Ирка взвизгнула, бросилась к спасительной двери, но не успела. Увидев, что жертва может ускользнуть, алкаш перешел на бег, нагло распахнул калитку, успел сзади схватить девушку за футболку. Ира заверещала, но тут же ей на лицо легла тяжелая грязная ладонь, перекрывая звук, больно ударив по носу.

— Попалась, ягодка? Сейчас за все ответишь, ведьма рыжая! — злым шепотом

раздалось у уха.

— Царев, ты ничего не попутал? — в пылу борьбы оба не заметили, как на дорожке появился сосед. Два шага, и очутился рядом. Санька, будто замороженный бандерлог под взглядом удава, отпустил жертву, замер на мгновение, но и этого хватило. Решад притянул девушку к себе из разжавшихся рук алкаша, небрежно поцеловал в макушку. — Иди в дом, вот, поддержи пока. Не открывай. А мы пойдем, ...побеседуем.

Легко, будто Санька ничего не весил, Решад приподнял его над землей, собрав в кулак ворот старой рубахи, и, как дурного кошака, пометившего хозяйские ботинки, поволок вон с чужого участка. Ира осталась на дорожке, одной рукой размазывая слезы и кровь из носа по лицу, второй рукой прижимала к груди что-то квадратное, твердое, упакованное в красивую бумагу с легкомысленным бантиком, что сунул ей в руки Решад.

Опомнилась, пристроила подарок на перила террасы, побежала вслед за мужчинами, но выходить не стала, подчиняясь приказу соседа. За своим забором она же номинально дома, тем более, она не одна, вон и Тень опять у ее калитки.

— Запомни, Царев, на будущее. Никогда, ни под каким предлогом, не подходить к этому дому, ты меня понял? Иначе... — Решад многозначительно помолчал, еще раз встряхнув за шиворот пьяное тело, отпустил, брезгливо поморщившись.

— А иначе что? — почувствовав свободу, Санька скривился.

— Иначе ты дашь мне повод, — тихо произнес оппонент, но таким тоном, что забулдыга немедленно начал трезветь. — Это тебе не с женой воевать. По идее, тебя б сейчас наказать, но цени, я сегодня добрый. А теперь, пшел вон.

С соседних домов стали выглядывать и выходить люди, из домика полиции выскочил Алексей.

— Главврач, а главврач, — поняв, что в этот раз пронесло, Санька принялся паясничать на публику. — А ну, глянь, у меня чет вот тут болит!

И, повернувшись к Решаду спиной, наклонился, спустил штаны, оголив белую задницу.

— Я доктор, Царев, а не ветеринар, — и, под смех односельчан, пнул скотину, оставив на ягодице отпечаток ботинка, как клеймо.

От пинка Санька пролетел пару метров, быстро перебирая ногами, чтоб не упасть, но не удержался, плюхнулся мордой в придорожную пыль. Извернулся, кое-как натянул штаны, запричитал по-бабьи, глядя на односельчан:

— Видели? Все видели? Он меня ударил! Нормальные врачи лечат, а наш калечит приличных людей! И ведь участковому не пожалуешься, дружку евонному! Один другого покрывают, одну подстилку на двоих делят!

— Это ты, что ли, приличный? — насмешливо спросил Бульбаш, случайно оказавшийся сегодня в поселке. Бывший председатель колхоза, до сих пор пользующийся уважением сельчан, обвел взглядом толпу. — Ну что, кто что видел?

— А ничего не было, Андреич, о чем ты?

— Я вообще ничего не видел.

— А я только что подошла, смотрю, алкаш опять валяется, тьфу на него!

— Слышал? — обратился к алкашу Михаил Андреевич. — Никто ничего не видел. Не подходи к моей соседке, я тебя тоже предупреждаю. А за "подстилку" тебе отдельно, от меня привет.

И с размаху тоже пнул алкаша.

Толпа быстренько рассосалась по домам, оставив Саньку без поддержки. Тот еще полежал на дороге, изображая избитого, но, поняв, что не получилось представления, бочком, как краб, умотылял к магазину.

— Решад, стой! — окликнул Михаил Андреевич своего соседа. — Покурим?

— Давай. Приветствую, — мужчины пожали друг другу руки, отошли в сторону. — Как дела, Андреич?

— Идут. Слышал я, ты участок ищешь, мой не подойдет?

— Подойдет. Продавать собрался?

— Да здоровье уже не то, спину ломать на двух огородах. Сыны ни черта не помогают, говорят, что прошлый век — картошкой торговать. Что и так зарабатывают хорошо, — Бульбаш по-доброму усмехнулся. — Старость нашу с бабкой обеспечат.

— И то дело, Андреич, парни твои дело говорят. Не женились еще оба?

— Куда там! Ты, вон, тоже не торопишься.

— Ну да.

— Так что, берешь участок-то? Дом хороший, простоит долго, недавно подлатал, туалет теплый, ванна рабочая, кухня большая. Погреб, опять же. Кусты плодоносят, только картошку осенью выкопаю, лады? Могу и оставить пару рядов.

— Тебе Альбертовна объяснила, как оформлять будем?

— Да, годится. На следующей неделе звякну тебе, приеду, и начнем, помолясь. Бывай, поехал я.

— Спасибо, Андреич!

Кивнув Алексею, мол, все в порядке, Решад открыл калитку соседки, и наткнулся на нее, сидящую на корточках, в обнимку с волчицей.

— Пойдем, подарок откроешь, — подал руку, будто ничего не случилось.

— Сейчас, Решад, только переоденусь, хорошо? — торопливо, боясь, что уйдет сосед, Ира потянула его в дом, не отпуская руки, наоборот, крепче сжала пальцы. Так было надежней. — Он же больше не придет, правда?

— Не придет. Обещаю, — ответил он твердо. Аккуратно вытащил сухую веточку из рыжих растрепанных кудрей, пригладил широкой ладонью непослушные завитки. И предложил, глядя в умоляющие глаза. — Ириш, давай договоримся. Как бы мы ни относились друг к другу, ты звонишь мне. В любой опасной ситуации, даже если тебе что-то показалось.

— Я буду тебе звонить, Решад, обещаю, — торжественно, будто клятву принесла, отозвалась Ира.

Внезапно он сам осознал, что предложил сейчас. Обязательства. Оберегать ее, заботиться о ней — вот что становилось приоритетом в его жизни. Нет, он и раньше заботился, защищал женщин, но, как обязанностью каждого нормального мужчины, не придавая значения своим поступкам.

В ситуации с Натой, вроде, и должен был поступить иначе, решительней, но давно махнул рукой на эту проблему. Не заставить человека жить лучше, если человек не хочет что-то изменить сам, тащить за уши из обуюченной трясины — себе дороже.

Но эту чумазую, зареванную, в порванной повороту футболке мавку хотелось обнять, уберечь от жестокого мира, спрятать от всех за своей спиной. С осторожностью, как хрупкую статуэтку, с нежностью, на которую только будет способен.

Раньше терпеть не мог, когда девушки вот так его брали за руку, озноб пробирал от такого жеста. А ее ладошка, так доверчиво и уютно лежащая в его большой ладони, вызывала странные чувства. Не выпускать бы всю жизнь... Всю жизнь? Какие глупые мысли лезут порой в голову.

Странные, глупые мысли...

— И, Решад, в воскресенье Ната с Танюшей были у меня. Поэтому Лешка был с нами до утра, — почему-то ей очень стало нужно, чтоб сосед знал правду.

— Я знаю, — улыбнулся он в ответ. Подавив вздох сожаления, отпустил ее руку, и, чтоб не ставить ее в неловкое положение, остался на террасе курить.

— Кофе будешь? Правда, молока нет, я только недавно приехала, завтра утром сбегаю к Ксении Николаевне, — умытая, в чистой одежде, Ира появилась на террасе.

Решад потянулся к подарку, сиротливо лежащему на перилах, вручил имениннице. Внезапно в его кармане взвыл телефон. Достал аппарат, посмотрел на дисплей, и, поморщившись, отклонил вызов, но телефон заорал снова. Мужчина вновь отклонил вызов, уже не скрывая раздражения. Когда дисплей опять высветил звонок, не выдержала Ира:

— Да ответь уже, вдруг что-то важное!

— Нет, ерунда.

— Я сварю кофе, не буду мешать. Ерунде, — положила на столик так и не распакованный подарок, ушла на кухню. Ерунда, конечно, на дисплее случайно увидела, как зовут ту «ерунду». Интересно, он всех бывших своих так припечатывает? Или это очередная?

— Ре-ша-а-ад! А ты где? — по голосу было понятно, что Лара пьяна в хлам.

— Не важно. Зачем звонишь, еще и наела, — больше всего он ненавидел пьяных женщин. — Спать ложись, завтра поговорим.

— А я приехала, а тебя нет в кабинетике! — дама икнула в трубку, пытаясь членораздельно произнести слова, повторила. — Котик мой, хочу-хочу-хочу в кабинетик на диванчик! Ты обещал! А ты где?

— Твою мать... Ты зачем в таком виде поперлась в больницу? Вообще, зачем приехала? Убирайся оттуда, сиди в машине, я сейчас приду.

— А я не за рулем! — радостно объявила Лара.

— Хоть ума хватило.

Решад нажал кнопку отбоя, поднялся с кресла. Хотел было зайти в дом, в манящую светлую кухню, где, нацепив наушники, чуть покачивая головой в такт музыке, другая женщина готовит ужин, варит кофе. Для него.

Но развернулся, ускоряя шаг, прошел к себе на участок, выгнал из гаража машину.

Кофе давно остыл, на поселок мягко опустились сумерки, а Ира все сидела за столом на кухне, в надежде, что вернется сосед. Она слышала, как завел машину, уехал. Вспомнила про его подарок, вышла на террасу, закурила, не решаясь открыть упаковку. И бантик этот, смешной, так нелепо смотрелся в его ручищах! Любопытство перевесило, Ирка с треском разорвала крафтовую бумагу.

Книжка, та самая, как в детстве, «Академия домашних волшебников»! Улыбаясь, Ира пролистнула страницы, встречая любимых героев. Перед сном перечитать, чтоб не снились кошмары, а только хорошие сны.

Вдалеке, по улице, послышался шум автомобиля. Ирка замерла, прижимая к себе книгу,

зажмурилась, загадав, скрестила пальцы. Машина остановилась у ее забора. Стукнула ее калитка.

Вот только меньше всего можно было представить, что Решад щеголяет на каблуках.

— Нет, даже не встречает, вот и приезжай после этого! — Женька ворвалась на террасу, как вихрь, поставила пакеты на стол. — Ты чего, Ир, не рада?

— Рада, Женюська, очень! Я просто удивилась, вчера же виделась.

Что должно случиться, чтоб без звонка, отмахав в сумерках больше ста километров, подруга примчалась с вином, внезапно, сломав свой жесткий график работы? И вылетели из головы все обиды на соседа, ставшие в миг ненужной шелухой.

— Даня на даче, что ему в городе в такую погоду киснуть, со своим я разругалась в пух и прах, не в одно личико же игристое употреблять, — заявила Женя, быстро вымыв руки. — Тащи закусь!

— А Ландышка где?

— Сегодня внезапно улетела на юга, будто здесь январь, — помогая выносить тарелки на террасу, гостя делилась свежими новостями. — О, видела сейчас твоего соседа, навстречу попался, бабеч на переднем сиденье такой, в кондиции, — Женька выразительно щелкнула себя по скуле. — Обсох, болезный, на повороте в райцентр, помогла канистрочкой. Матерился! Вороны на подлете дохли.

— Мне до него нет никакого дела, — ровным тоном произнесла Ира, но с размаху бросила в угол дивана ни в чем не повинную книгу. — Открывай вино. Ты чего со своим разругалась?

— Понимаешь, Ир, он решил, что может распоряжаться моей жизнью, как попало, как привык раньше со своими матрешками! — с горечью натужной улыбки ответила подруга, потрясла ладонью в возмущении. — Требуется, чтоб я уволилась, дома засела. Я! Уволилась! Представляешь меня домохозяйкой? Страшная картина! Фартучек кружевной, и вечером встречать с караваем у порога. И без трусов.

— Может, это и есть счастье? — тихо, больше сама себе, спросила Ирка, отставляя опустевший бокал. — Ты его любишь?

— Не представляешь, как... Больше жизни, — призналась Женя, успокаиваясь. — Но я столько лет бодалась за эту должность, чтоб вот так, в один момент, ухнуть в семейную кабалу? Что, совсем никак нельзя совмещать? Что я буду делать в четырех стенах, вязать бесконечные шарфы, оригами из банкнот сворачивать?

— А он тебя замуж позвал?

— В том-то и дело, что нет, — нижняя губка девушки предательски дрогнула. — Прячемся от всех, как тараканы по углам.

— Жень, он что, женат? — ахнула Ирка. — Ты даже думать не смей!

— Я что, в лотке Шлимана столуюсь, с женатым спать? — возмущению Жени не было предела. — Там другое...

— Не представляю себе, от чего еще можно прятаться. Начальство твое?

— Ну, можно сказать и так, — Женька хотела, конечно, рассказать подруге правду, пока добиралась, представляла, что скажет, как. Но вдруг испугалась, не смогла. И как это бы выглядело? «Ирка, я с твоим отцом сплю, и не только сплю, практически, времени на сон не остается, кидай ссаную тряпку»? Угу, и песец подкрадется незаметно.

— А с Даней уже познакомила?

— Как раз к Даньке он относится лояльно, понимает, что я в комплекте иду. Комнату

ему отдельную предложил, в планах пока ремонт в ней сделать, чтоб самое лучшее было у ребенка, — вдруг Женя засмеялась. — Помнишь того извращенца, который ультиматум поставил, что Даниила надо сбегать в детский дом? Как летел с лестницы, как кудахтал!

— Помню! Встречаются же пернатые.

— Ируся! Я намедни перебирала кладовку, нашла такой раритет! Ты сейчас умрешь от восторга! — Женька вспомнила еще одну причину внезапного появления, покопалась в сумке, достала небольшую коробочку, обклеенную цветами, вырезанными из открыток и вкладышами от жевательных резинок.

— Ох, ты ж...

— А я о чем. Сколько нам было?

— Последний раз ее открывали, мне четырнадцать стукнуло, — с умилением Ирка забрала самодельную шкатулку из рук гостьи, приподняла крышку.

— Мне семнадцать? Да.

Еще в детстве девчонки начали складывать в эту коробочку записки с мечтами, пожеланиями себе самим, взрослым, как капсулу времени, скрепив страшной клятвой обещание «не смотреть» до тридцатилетия Жени.

— Помнишь, как дагу определяли? Думали, что старость наступит именно в этом возрасте, — вспомнила Ирка, с любовью доставая записочки.

— А как ты истерила, когда высчитала, что тебе будет двадцать семь. «Я же буду совсем старухой!» — передразнила подружку Женька. — Давай, старушка, читай свои послания.

— «Научится печь слоенный торт»! Ой, не могу, запросы у меня были в десять! И «ться» без мягкого знака, и «слоеный» с двумя «н»! Беда, — ухохатываясь, Ирка вспомнила, как тщательно выводила буквы, украшала по краю заветный листочек разноцветными фломастерами. — Научилась.

— «Выйти замуж за дядю Сашу», — прочитала Женя свою мечту той, четырнадцатилетней девочки.

— Ну и мечта, фу-фу-фу, Женька! Какими мы были дурочками, да? — воскликнула Ирина. — Даже представить не могу, что было в твоей голове.

— Да я сама в шоке, уже и забыла, что написала, — не подав вида, Женя улыбнулась. — Налей еще. Смотри: «Иметь в гардеробе больше пяти пар туфель!» Я недавно посчитала перебрала. Только летних — двадцать шесть, не считая шлепок всяких. Как же я мечтала в детстве и юности о собственных туфлях, а не за сестрой донашивать...

— А я в двенадцать была практичней: «Купить дом у моря и собирать яблоки на самогон», — даже слезы выступили на глазах от смеха. — Это все родня твоя крымская, самогон привозила в числе подарков с юга. Я однажды и лизнула пробку.

— Алкашка! А у меня пожелание: «Встретить мужчину, похожего на дядю Сашу». Вот заело пластинку, да?

— Приличные такие мечты в шестнадцать, как раз, — пожала плечами Ира. — О, у меня не легче: «Желаю выйти замуж за лейтенанта Бахтиярова»!

— Надо Бахтияра спросить, что за лейтенант, что даже я не в курсе. Найти, и поставите перед фактом, пусть женится.

— Уже не найдешь, Жень. Погиб тот лейтенант, два года назад. Я ведь ничего о нем не знаю, кто, как выглядит, просто Бахтияр так увлеченно рассказывал о нем отцу, что я сама додумала образ. Долго мечтала, потом как-то сошло на нет, — вспомнила Ира свои девичьи грезы. Внезапно одна мысль пронеслась в голове, ей стало понятно, почему так потянуло к

соседу. Военный врач, побывавший в горячих точках, умный, смелый, вот и наложила картинка забытого идеала мужчины на реальное лицо. А реальное лицо не потянуло... — Сама себя вспомни в четырнадцать, каждый день влюблялась, не разбираясь, то в актера, то в певца. Вот, даже в отца моего умудрилась втюриться.

— А когда еще в них что-то хорошее находить? Ну-с, и у меня последняя записка. «Родить сына и дочку». С сыном справилась, на этом закончу упражнение, — беспечно рассмеялась Женя, комкая в руке бумагу. Не стала озвучивать свое послание во взрослую жизнь полностью.

— Ты надолго приехала?

— Уже выгоняешь? До воскресенья останусь, утром уеду, дела.

— Тогда идем, поможешь с маринадом. Завтра на пляже собираемся, потом у Лешки, как обычно. Кстати, смотри, что мне ребята надарили! Даже, скорее всего, один Костя, только он в Казани хорошо ориентируется в магазинах, чтоб так угадать, — не замечая удивленно-насмешливого взгляда подруги на такое предположение, Ира выдала весомый аргумент правдивости своих слов. — Да и в разговоре с ним я упоминала свои хотелки, запомнил.

(23 июня, суббота, +28)

Как же все не вовремя... Кое-как вчера затолкал пьяную тушку Лары в машину, не посмотрел, что бензин на исходе, дотянул до поворота и встал. Только включил аварийку, закурил, в бессильной злобе пиная колесо, на встрече остановилась машина. Обрадовался сердобольному водиле, обернулся, и увидел Женьку. Как?

Настолько нагрешил, что ни минутой раньше или позже ехала лучшая подруга соседки... Ларку помогла отловить в канаве, когда та вылезла из машины, и, оскорбленная отсутствием внимания к ее персоне, попыталась предъявить Жене претензию. Показалось ей, видите ли, что Женя заигрывает с «ее ко-о-отиком». Позорище.

Еще хотел с утра устроить разбор полетов на работе, спустить всех собак на того, кто пустил невменяемую даму в больницу. Только некого наказывать, кроме себя самого, сам развел гадюшник на диване.

Выкинуть этот диван к чертовой матери из кабинета...

Ларке подарить.

Уже затихли взрывы хохота с соседнего участка, погас свет на террасе и в доме, а он все ворочался, пристраивая подушку, вставал курить, благо, вчера еще сбежал из душной комнаты на веранду, никого из домашних не разбудил своей маетой.

Твердо решив поговорить с Ирой утром, не дожидаясь посиделок у Лешего, успокоил дурные мысли, задремал. Во сне слышал голос ее, смех переливчатый, так близко, будто рядом мавка рыжая. Столько счастья было в этом сне, что не хотелось просыпаться, остаться в нем, заблудиться в мечтах, не открывать глаза.

Странно, что-то изменилось в доме. Что-то неуловимое, новое появилось в запахах и звуках утра.

На кухне, за столом сидел Назар, в чистой футболке, волосы его еще блестели влагой, исчезла мятая неряшливая бороденка. Мать все подливала ему чай, с удовольствием откусывала от булочки в белой глазури, в восхищении закатывая глаза.

— Я сейчас слюной захлебнусь, — улыбнулся Решад, проходя мимо, в душ. — Доброе утро! Оставьте мне хоть один кусочек, а?

— Ты бы еще дольше дрых, конина, мы хотели тебя с соседкой на живодерню тащить, да ты изредка подавал признаки жизни, храпел и попукивал, копытами перебирал, — Назар показал рукой на буфет, где томился в ожидании целый противень сдобы. — Хватит тебе? Я немного увлекся, три дня есть будем. Галкины рецепты, наизусть помню.

Решад невольно вздрогнул. Она была здесь, в его доме, а он продрых бессовестно, в тумане сна пытаюсь снять с ладошки колдуньи спелые ягоды ежевики одними губами, удержать в руках лесную мавку, вновь и вновь продираясь чащей замшелого леса к ней, на земляничные поляны воздуха и света, на залитое солнцем то покрывало...

— Я за Назаром записывать не успеваю, улым, с утра с Ирочкой ходили за молоком, не удержалась, похвасталась ей, вот они с Назаром и волшебничали на кухне в четыре руки, пока ты спал.

— Соседка у тебя, брат, — Назар мечтательно прикрыл глаз, вздохнул. — Я б не глядя женился, хоть сегодня.

— И что мешает?

— Да боюсь, ты мне вторую лапу оторвешь! — расхохотался друг, переглянувшись с Наилей. — Ты на себя глянь, как подобрался, одним взглядом едва не испепелил!

— Да ну вас, — беззлобно махнул рукой Решад, ушел в ванную комнату.

— Ваша правда, Наиля-апа, повело Ярканата, оседлает Ирка нашего жеребца, оглянуться не успеем.

— Иншаллах, Назарушка, я только рада буду. Ты, сыночек, с Решадом сегодня на пляж пойдешь?

— Ира звала, но нет, Наиля-апа, чего смущать людей, — жестом остановил уже открывшую рот возразить мать друга. — Я на днях заметил в дровах липу, если не возражаете, помусорю немного у себя в комнате.

Наиля погладила нежданного приемыша по голове, ободряя. Знала его увлечение вырезать из дерева забавные фигурки, что небольшим набор инструментов был всегда с ним, даже при минимуме сохранившихся вещей привез их с собой в новую жизнь. Пусть занимается, лишь бы не предавался унынию.

— Хорошо, улым. Кстати, в библиотеке недавно книгу видела по дереву, принести тебе?

— Если можно, Наиля-апа, что и подсмотрю.

Странно, а мерин Кащя не у Лехиного дома, как обычно, а у соседнего забора припарковался. Зачастил брат в поселок, и явно не для того, чтоб старых друзей обнять. Так и есть, Кащей, с букетом наперевес, из машины выскочил... сияет, как пятак начищенный. Минут через десять вышли из дома втроем, Костян сумку и плед несет, что-то втирая Жене на ходу, раздулся от важности, индюк.

Может, не ходить на пляж, смешно же, валяться несколько часов на песке без дела, все равно после обеда у Лешего увидит всех. Это в детстве праздновали Иванову ночь, жгли костры, самые строгие родители отпускали до утра на реку, и, что греха таить, сами собирались компаниями, соблюдая древний обычай. Сегодня можно только посветить себе зажигалкой...

Мать давно просила разобрать остов старой теплицы, разбить доски, перекопать под новые грядки, все полезнее, чем пляж топтать, там и без него тесно.

— Ребята, мы здесь! — Светик помахала приветственно, увидев друзей. Несколько покрывал обозначали место сбора компании, правда, пока с детьми управлялись Азаля со Светой, да чуть поодаль наслаждалась солнцем Катя, изредка приглядывая за сыном.

Мальчишка в больших очках с независимым видом ковырял ногой песок по кромке воды, на все предложения остальных детей играть вместе отвечал отказом. Мелюзга пузатая, а он уже пойдет во второй класс, какие могут быть общие интересы!

— А где остальные? — удивился Костя. — Договаривались же, мне как раз Марсель нужен.

— Парни скоро подойдут, не переживай, привет. Лешка с утра в гараж утянул Марса, — объяснила Азаля отсутствие мужа. — Ната до обеда работает, Танюшку нам сдала.

— Я Назара звала, но, скорее всего, не придет, — усевшись на покрывало, Ира достала телефон, помахала в ответ на приветствие Славки. — Отличный парень, я с таким удовольствием сегодня пообщалась.

— Так, никаких телефонов, Ирка, убирай обратно, сегодня без них. А то все уткнутся носами в экраны, не поговорить, — Азаля кивнула в сторону своего младшего сына,

спешащего к любимой тете Ире. — Вон тебе развлечение бежит, с утра сто раз спросил, придешь ли.

— Знала бы, что сегодня тут такое сборище, Даньку бы взяла с собой. Хотя, он и на даче не скучает, — воспользовавшись моментом, пока Ирка утянула детей к воде, строить башни, Женя достала сигареты, закурила, с наслаждением возя пяткой по песку. — Таким песком чистым не каждый пляж курортный похвастаться может. Ох, девчонки, надо к вам чаще приезжать, отдых тут какой-то... человеческий.

— Насмешила! А какой еще должен быть?

— Да ну, Свет, иногда прилетишь с какого-нибудь отеля, и такое ощущение, что не отдыхала, а в шахте пахала. Пока от всех аниматоров отобьешься, день прошел. А вечером новые набегают.

— Не знаю, не знаю, Жень, мы с Артуром в Турции хорошо отдохнули, никто ко мне не приставал.

— Так ты один раз летала, беременна была глубоко, пузо на тележке возила! — зашла в хохоте Азаля, вспомнив, как несуразно выглядела подружка, вынашивая дочь. — Ножки тоненькие, ручки-палочки, и арбуз под платьем! Кто на тебя, кроме Арта, смотрел! А второй раз вы с двумя уже ездили, какие аниматоры, кроме детских.

— Да и у Артура не очень и посмотришь в твою сторону с интересом, — повернулся к подругам Кашей. — Помнишь, Светик, перед вашей свадьбой мне по носу прилетело? А я только в щечку тебя чмокнул.

— Ага, и за попу ущипнул.

— Не было!

— Было, Кашей!

— Вас не переспорить, о, пацаны идут, я к ним, — Костя поднялся на ноги, вовремя исчезнув от ностальгических воспоминаний, а то бы еще чего вспомнили подруги. И поморщился, увидев Решада, неспешно приближающегося к пляжу со своей улицы.

Когда вручал сегодня подарок Ире, она повела себя странно, с удивлением спросила: «Еще один? Костя, ты меня балуешь!» Не дала ни слова сказать, расцеловала восторженно.

Ну, пусть думает так.

Вот только странный, насмешливый взгляд Жени не давал покоя, будто она то-то знает гораздо больше, чем говорит. И он понял, чью славу невольно забрал себе, логика простейшая, но не получилось объяснить Иришке, а потом отогнал царапающие мысли.

— Да у меня самые ответственные и серьезные работники во всем районе! — продолжала горячиться Мария в своем кабинете, защищая своих односельчан в давнем, тянущемся долгие месяцы споре с главой района. Второй час пыталась она сбежать на пляж, отвлечься от дел, время уже перевалило к обеду.

— Эти шуты гороховые? — Дмитрий Иванович кивнул в распахнутое окно на веселую компанию.

Четверо мужчин чапали по дороге с пляжа на руках, болтая в воздухе ногами, оглашая улицу ржанием и криками, подначивая друг друга: «Да ты — лошара!» «Это ты — лошара! Смотри, как могу!» Дети с восторгом носились вокруг, не обращая внимания на грозные окрики женщин, понимая, где грань дозволенного.

— Твою мать...

— Я так понимаю, начальник полиции, главврач и главный механизатор? А четвертый

кто?

— А четвертый — твой зам, Дим! — еле сдерживая смех, Мария Альбертовна отошла от окна. — Что, не узнал без костюма?

— Твою мать... — пришла очередь краснеть и главе района. — И какой пример подают?

— Хороший, Дима, хороший. Не пьют, по кустам не валяются, работают на износ. Отдыхают без скандальных выходок.

— Женятся когда твои архаровцы? Привязывать их надо к месту, Яруллина и Веснина нельзя отпускать, приземлять надо, набегались. Да и Бойко, протеже твоего с Донбасса, посмотрел я послужной список, нам такие люди нужны. Тебе, в первую очередь. Документы потороплю. Мне твоя больница к осени вот как нужна укомплектованная, — Дмитрий Павлович пару раз постучал себе под подбородком. — Яруллин пусть хоть из Африки тащит спецов, хромых, горбатых, косых, всех возьмем.

— Подожди, есть тут одна рыжая, приехала недавно из города жить, Решада окрутит, не успеем моргнуть. Он уже готов к употреблению.

— Это вот та, высоченная? Слышал-слышал эту деву прекрасную, сирену морскую, на Гыроне, поздравить тебя хотел с приобретением, — усмехнулся глава района, еще раз посмотрев на развеселую компанию, удаляющуюся по дороге. — Кстати, я ее знаю. Вернее, отца ее, породу Гербея не спутаешь ни с чем. Надо же, как тесен мир... Странно, с Костей целуется, причем здесь Яруллин?

— Не может быть, что с Костей! — Мария рванула к окну, что мужчина еле успел сделать шаг, пропуская. — Что же она творит...

— Я бы сказал, вытворяет.

— Твою мать...

— Ребят, вам не надоело в преф? — когда были подъедены шашлыки, дети раскиданы в надежные руки старшего поколения, и мужчины, как обычно, достали карты, Женя предложила другое развлечение. — Мы недавно на корпоративе играли в интересную игру, я забрала с собой карточки. Она, правда, с оговоркой восемнадцать плюс, но мы же люди взрослые?

— А что за игра?

— «Правда или действие», — Женя достала из сумки набор карт. — Все просто: выбираете наугад карточку по одной из двух колод. Если выбрали вопрос — ответить придется максимально честно. Если действие — сделать его.

— О, прикольно! Сейчас мы узнаем про наших парней всю правду!

— Я пас, — встал из-за стола Решад. — Еще не хватало в детство впадать.

— Что, коленки затряслись? — с ехидством прищурилась Ира.

— Ладно, играем, — внезапно мужчина изменил решение, сел обратно, и, не отрывая взгляда от ее глаз, ухмыльнувшись, спросил в сторону: — Жень, правду все будут говорить?

Не удержался, пришел на пляж, только чтоб увидеть ее, и застал практически семейную идиллию — не стесняясь никого, Кащей всем видом показывал, что место около рыжей занято. Касался ее, обнимал, целовал в плечико...

— Да-а, таковы условия игры. Да, нельзя выбирать из одной колоды три раза подряд.

— Поехали. Кто первый?

— Я начну. Выбираю правду, — потянулась за карточкой Женя. — «Кого бы из

присутствующих взяла на необитаемый остров». Тут даже вопросов нет, Решада, конечно! И хижину соорудит, и кокосов наколотит, и раны обработает!

— Ага, и камнем по башке стукнет, на костре зажарит! — парировал Костя.

— Ну, если тебя взять с собой — ты, конечно, демократию построишь на отдельно взятом острове! Обезьян выдрессируешь бюллетени в урны складывать, — и все заржали, представив нарисованную Натой картину. — «А ты проголосовал, мудрый Каа?»

— Ну тебя! По часовой? Марс, твоя очередь.

— Действие. «Изобрази Голлума». Бли-и-ин, — Марсель весь сжался, схватил из вазочки в щепоть сушку, выпучил глаза, и прошипел:

— Моя-я-я-я пре-е-е-еле-е-ес-с-с-сть!

— Bravo!

— Марс, да тебе в театр нужно!

— Я сейчас посмотрю, что тебе достанется, Ярканат!

— Тоже возьму действие. «Сделай массаж всем участникам противоположного пола». Ну-с, девчонки, разбегайтесь! — разминая пальцы, поднялся с места мужчина.

Наташа с удовольствием подставила другу плечи:

— Еще чего, такой шанс упускать — бесплатный массаж от главврача!

Потом Азяля, хитро посматривая на мужа, чуть не замурлыкала от умелых рук. Настала очередь Ирины, но, Решад изменил траекторию, и подошел к Жене. Ее плечи он размял с особенным тщанием, будто отомстив за дурацкую игру, и только после направился к своей обоже.

Ладони осторожно легли на плечи девушки, чуть надавливая и лаская кожу под тканью топики, взгляд сверху бесцеремонно разглядывал холмики груди в глубоком вырезе. Указательными пальцами Решад чуть приподнял бретельки бюстгалтера, и сдвинул их на пару сантиметров к плечам.

— Хватит-хватит, Ирка уже, как рак, красная! — вступилась Женька за подругу.

С довольной ухмылкой Решад уселся на свое место:

— Наташ, твоя очередь.

— А мне нечего скрывать, я «правду» выбираю. «Каким вы видите Ваш идеал мужчины?» Э-м-м, добрый, веселый, не пьющий, заботливый, — перечислила Ната.

И все дружно подхватили:

— В полицейской форме!

Теперь пришла очередь краснеть Нате с Алексеем:

— Да ну вас! Выдумываете все!

Азяля, чтобы отвлечь внимание от щекотливой ситуации, схватила карточку со стола:

— «На что бы вы потратили миллион рублей?» О, мне еще мало будет! На образование детей. Не успеем оглянуться, как ребята вырастут. Костя, бери карту!

— «Писал в бассейн?» — хохот компании не дал сперва ответить. — Ну конечно, и не раз!

— Фу-фу-фу, Кашей, я ж с тобой в один басик ходил!

— Будто вы все безгрешные! Ирк, давай, жги, твоя очередь.

— «Проверь нежно руками, есть ли растительность на груди у игроков-мужчин?» Женя! Я тебя приблюю... Ну, ребята, я вас всех на пляже видела, что там нового выросло?

— Таковы правила, мы не виноваты!

Вздыхнув притворно, Ира запустила руки под футболку Алексея, почесала ногтями

кожу:

— У, пушистик!

— Мяу! — отозвался Леша игриво.

— Так, Азаля, прости!

— Я тебе и так сказать могу, нет там у Марсельки ничего.

— И, правда, нет!

— Азаля все выщипала!

— Теперь Решад.

Ирина встала сзади, наклонилась так, что коснулась щекой и губами его уха, волной кудрей закрыв эти нежности от посторонних глаз. Осторожно скользнула пальчиками за воротник рубашки, и чуть дольше, чем было нужно по правилам игры, задержалась на литых мышцах мужской груди, нежно обвела соски подушечками пальцев, погладила шрам.

— Ты что творишь... — прошипел на ей на ухо мужчина, пытаясь справиться с нахлынувшим возбуждением.

— А это тебе алаверды за массаж, — так же шепотом ответила Ира. И уже убрав руки, громко объявила:

— Так, есть чуть-чуть, на одну потрепку!

— А у него на руки и ноги все волосы уползли! Там проверь!

— Костя! Раздевайся!

— Я готов хоть до трусов!

— Тут тебе не бассейн, Кашей.

Под дружеский смех Ирка сунула руки под футболку оставшегося игрока, хотела было сразу убрать, но Костя придержал, поцеловал изящные запястья, посмотрев на друга-соперника, сидящего напротив, тяжелым, удушающим взглядом. Тот не остался в долгу, выдержав молчаливую дуэль.

— Вообще лысый! — Ира, наконец, освободила руки из цепких объятий поклонника, но, пока усаживалась на свое место рядом, Костя опять взял ее руку, демонстративно удерживая в своих ладонях.

— А прикиньте, парни, если бы кому из нас этот фант достался! — вдруг заржал Марсель.

— Нет, я тебе не дам, пра-а-ативны-ы-ый! — тут же игриво откликнулся Решад, послав жеманный воздушный поцелуй другу, и получив в ответ такой же, будто схватил его, прижал к сердцу ладонь.

— Мальчишки, хорош, у меня живот уже болит! Лещ, твоя очередь.

— «Говори пятнадцать минут «Мяу» после каждой фразы собравшихся! — отфейспалмил Лешка. — Мяу!

— Домяукался!

— Мяу!

— Леша! Невозможно не ржать, прости!

— Мя-у-у!

— Я следующая? — Женя взяла карту.

— Мяу!

— «Встречалась ли с мужчиной с большой разницей в возрасте?»

— Мяу...

— Да. Встречаюсь. С самым любимым мужчиной... — честно призналась Женя.

хорошо еще, что все внимание было сконцентрировано на мяукающем страдальце, и ответ никто не заметил, особенно, лучшая подруга.

— Муррр, мяу!

— Нет, это же невозможно!

— Мяу!

— Лех, хватит, и так все под столом от смеха!

— Мяу!

— Марс, бери карточку!

— Мяу, мяу, мя-я-яу!

— «Какое твое любимое блюдо?» — прочитал Марсель свой вопрос.

— Мяу!

— С-сука, ржать не могу больше... Сверните кто-нибудь башку этому кошаку! Ладно, пельмени. А Лехе сбрасываемся на мешок «Вискаса»!

— Мяу!

— Решад?

— Мяу? Тьфу, это заразно! Лех, отсыдь подальше, лишайный!

— Мя-я-я-яу-у-у!

— «На какое животное ты похож в постели?» — получив карточку, в недоумении потер лоб мужчина.

— Мурр мяу? Фу, время закончилось! Уже хотел вылизать себе...

— Лешка!

— Так, слушаем Ярканата. Так кто ты в постели?

— Ежик, лядь. Наемся на ночь, сворачиваюсь клубочком, перевариваю и храплю.

— «Погадай по руке игроку, сидящему через два человека слева» — озвучила Ната следующий фант, пальчиком посчитала Азалью и Костю, подмигнула Ирке, встала, подошла к ней, изображая типичную привокзальную гадалку. — Ай, красивая, дай погадаю, всю правду расскажу! Ждет тебя любовь неземная, лебединая, дети, штуки четыре, не меньше, умненькие да послушные, а все остальное есть у тебя, яхонтовая, теперь давай, золоти ручку!

Сидящие за столом не удержались, захлопали маленькому представлению. Ирка полезла в бумажник, сгребла из кармашка мелочь, ссыпала в подставленную подругой ладонь:

— За такое предсказание ничего не жаль!

— Смотри, Иришка, ее гадания в детстве сбывались! — отсмеявшись, Азя прочла свой фант. — «Скажи искренний комплимент внешности каждого игрока противоположного пола». О, это легко! Костик, у тебя тонкий вкус, красивые глаза. Лешенька, твоим волосам завидуют все девчонки поселка. Марсик мой, в тебе вообще нет недостатков, ты — идеал! Решад, в тебе все прекрасно, рост, фигура, характер.

- О, да, особенно последнее, — негромко уточнил Костя, подавив усмешку.

— Тебе что-то не нравится? — приподняв бровь, отозвался Решад.

— Ты не девушка, чтоб мне нравилось что-то в тебе.

— Ребят, не начинайте, а?

Оба синхронно подняли руки, прекращая спор, но взгляды их не сулили друг другу ничего хорошего.

Понимая, что сам полез в ссору, Костя постарался замять неловкую паузу, схватил первую попавшуюся карту:

— «Прочитай любой стишок Агнии Барто детским голосом, стоя на табуретке». Кто эту хрень составлял?

— Умные люди! Подожди, я сейчас, — Лешка сорвался с места в дом, приволок старую, колченогую табуретку. — Думал, разломать уже старушку, смотри-ка, пригодилась!

— Я ж с нее грохнусь... — так и смяк примеряясь к шаткой конструкции, Костик, все-таки, умудрился забраться на нее, и теперь балансировал, мучительно вспоминая стихи. Завел детским тоненьким голосочком:

— Зайку бросила хозяйка,
Под дождем остался зайка,
Со скамейки слезть не мог,
Весь до ниточки промок!

Под весом мужчины табуретка всхлипнула жалобно, и развалилась, Костя на последней секунде успел сгруппироваться и приземлиться рядом на ноги, похвалив себя, что не стал увлекаться сегодня спиртным. Раскланялся под аплодисменты друзей, сел на место, получив от Иры нежный чмок в щеку в качестве утешительного приза, но поставил другу «галочку» в уме за старую табуретку.

— Кость, выбери мне карту, а? А то я опять вытяну фигню, — попросила Ира поклонника. Взяла протянутую ей картонку, пробежала глазами по тексту, и кинула задание обратно на стол. — Нет, ну это невозможно, почему вся хрень достается мне? Не буду я это делать!

— Так, за отказ тебе двойное задание, штраф! И этот фант выполнить, и еще один взять!

— А что, что там было?

— Вы будете смеяться, но: «Страстно поцелуй всех участников противоположного пола»

— Ого, Ирка, давай-давай, не отлынивай! — Костя был в восторге от задания, что с его легкой руки досталось девушке. Но тут же радость сменилась досадой, он понял, что целовать ей придется всех, а, значит, и соперника тоже, и неизвестно, чем закончится его поцелуй. Тогда, на пляже, он чувствовал, что нет отклика от Иры, но списал ее холодность на свое опьянение, может, ей неприятно целоваться с выпившим человеком.

— Марселя и Лешку можешь по-дружески, так и быть, — разрешила Азяля.

— Э-э-э, что за дискриминация? — тут же возмутился Лешка, стараясь не замечать удивленный взгляд Наты. — Марселя, конечно, а вот я не откажусь.

И с этими словами, одной рукой обняв за талию, неожиданно сам поцеловал Ирину. Его язык легко проскользнул в раскрывшиеся губы девушки, и не встретил сопротивления.

— Хватит-хватит, а то нам не останется, — Костя потянул Иру за руку, отлепив ее от друга. — Не увлекайся, Леший, не твоя забава.

— А почему? Мы с Иришкой люди взрослые, свободные, а ну как удивим всех? — подмигнув недовольной Нате, Лешка нехотя отпустил Иру.

— Закатай губу! — Костя придвинулся ближе к Ирке, предложил игриво. — Ну что, дорогая, потрясем местное общество?

Еще не отойдя от поцелуя Лешки, Ира повернулась к Косте, и оказалась в плену его губ. Поцелуй его был жестким, требовательным, после нежных прикосновений Лешки хотелось выплюнуть язык Кости, отодвинуться, отвернуться.

Грохот упавшего стула прервал фант.

— Пойду, покурю, пропущу коллективный обмен слюнями, — объяснил Решад, выходя

из беседки. Марс, недоумевающая, поставил стул друга на место, подошел к Ирине:

— Не будем добивать фант, закончим на позитиве, да?

— Да, Марсель, спасибо! — Ира с облегчением выдохнула, звонко чмокнув друга в подставленную щеку.

— Что-то я побаиваюсь выбирать «действие», возьму «правду», — Лешка схватил карту, прочел вопрос, и долго не мог его озвучить, задыхаясь от смеха. — «Прятал дырку в носке?»

Сбросил кроссовки с ног, поднял ступни вверх, продемонстрировав компании дырки в каждом носке, пошевелил пальцами, вызвав шквал смеха:

— А все почему? Потому что у меня жены нет! Бедный я, несчастный, никто меня не любит, никто не пожалеет, а я пойду в садочек, нажрусь червячков!

— Ох, Лешка, насмешил!

— Кстати, Ирке штраф полагается, давай, подруга, тяни билет!

— Подождите, ребят, живот от смеха болит, — даже не стала сопротивляться Ира. — Тоже возьму вопрос. «Что для тебя важно в отношениях, обрисуй тремя словами».

В упор посмотрев на вернувшегося Решада, не отводя взгляда, произнесла ответ:

— Вера, доверие, верность. Верность — самое главное.

— Золотые слова! — Костик попытался переключить внимание девушки на себя, но вышло неловко, суетливо, ведь все поняли, кому предназначалось это откровение, и это был не Костя.

Женя молча взяла карту, соблюдая очередь:

— «Покажи, какое на тебе сейчас нижнее белье». Какое-какое... — оттянула край маечки, продемонстрировав черное кружево бюстгалтера. — Красивое, вот!

— Ой, Женька, потом, как я в Казань поеду, покажешь, где такое купить? — Натка восхищенно прижала в умоляющем жесте сложенные лодочкой ладошки к груди.

— И покажу, и скидочную карту дам!

— И я хочу! — подала голос Азаля.

— Ну все, берегитесь магазины нижнего белья, девочки пошли в разнос, — криво ухмыльнувшись, съязвил Решад.

— Для вас же, дураков, стараемся, не только для себя, — парировала Азаля, посмотрев на мужа.

Марсель кивнул, соглашаясь с женой, взял карту:

— «Что для тебя Бог, веришь ли?» Ну и вопросы. В мечеть с отцом хожу. Ну а верить... Верю. Иногда хочется думать, что все проблемы в жизни предопределены сверху, но нет, все проблемы — в зеркале. Бог — это совесть, и поступая против нее, мы сами себе устраиваем личный ад уже при жизни...

Компания притихла, не ожидая такой глубины размышлений от друга.

— Моя очередь, — Решад долго перебирал карточки с действием, наконец, вытащил одну, прочел задание. — «Погавкой из окна на прохожих». Дурдом... Можно пропустить?

— Ты уже использовал это право, давай, дерзай!

— Твоей репутации ничего не помешает, Ярканат, иди за ворота, пугай народ!

Вся компания снялась с места, предвкушая представление. Решад приоткрыл калитку, закурил, оглядываясь на друзей:

— Нет никого, может, я просто на луну повоюю?

— Нет, задание гавкнуть, не отлынивай, брат, — хихикнул Лешка. — О, идет кто-то!

В сумерках на дороге показалась женская фигура, Решад замешкался, гася сигарету, не

посмотрев на жертву фанга, выскочил за ворота, со всей дури гаркнув: «Гав-гав!» И метнулся обратно, забежал в беседку, сделав вид, что вот тут и сидел, с места не двигался. Друзья, разглядев женщину, сиганули следом, давась от смеха.

А обалдевшая Фирюза осталась на дороге, не веря случившемуся. Главврач, внезапно выскочивший на дорогу, ее обгавкал, может, почудилось от жары? Зря она в гостях на наливочку налегала.

Подошла к воротам Лехи, прислушалась, нет, тихо на участке, в доме погашен свет, никого... И ведь не расскажешь никому, что случилось, не поверят, в сумасшедшие запишут, как пить дать.

Когда Фирюза отлепилась от ворот и, оглядываясь, ушлепала вдаль, в беседке раздался такой взрыв хохота, что в соседних домах куры попадали с насестов.

— Вы понимаете, что будет завтра? — сквозь слезы от смеха Решад потряс ладонью. — Понимаете?

— Делай лицо проще и утверждай, что не было!

— Вам легко говорить...

— Заметьте, ребят, испугалась Фирюза, как цуцик, а сумки из рук не выпустила. Вот что значит — самообладание!

— Цирк с конями! — Натка утерла лицо ладонью, потянулась к оставшейся кучке заданий. — Моя очередь? Сейчас какая-нибудь похабень достанется. «Поцелуй того, кто сидит напротив». Котик, ты там намяукался? Иди сюда за призом! — Ната встала навстречу своему «фанту», хотела легко чмокнуть поклонника, но Алексей продолжил поцелуй, наплевав на приличия.

Минут через десять, оторвавшись друг от друга чуть перехватить воздуха, обнаружили, что в беседке они остались одни. Друзья тихонько сбежали по домам, понимая деликатность момента.

— Наташ, перебирайся с Танечкой ко мне. Хватит, наигрались.

— Вот так просто?

— Да, родная. Сама понимаешь, это не жизнь. Сашка или сам приключений на задницу найдет, или я его стукну в темном месте.

— Лешенька, заклюют нас, я и так натерпелась...

— Плевать. За глаза пусть обсуждают. В глаза скажет кто — отмотивирую на дальний поход так, что следующий на очереди что-то тьякнуть, сам побежит на обгон. А наши будут только рады.

— Давай попозже. Возьму выходной, попрошу Иру, пусть отвезет в Зареченское, подам на развод. Чтобы по-людски.

— Хорошо. Я люблю тебя, Наташ. Одну тебя, всегда любил. Сам дурак, упустил, глупый был.

— Я тебя давно простила, теперь бы еще себя...

— Девочки, возьмите на постоя, — взмолился Костя, хитро улыбаясь. У дома они остались вчетвером, Азалия с Марсом ушли, как обычно, первыми. — Я ж выпил, за руль нельзя.

— Да, девчонки, возьмите приبلудыша, может, постель кому согреет, но осторожно, а то приснится ему бассейн, отстирывать простыни придется, — глядя прямо в глаза Ирине, процедил Решад, развернулся и исчез в темноте.

— Какая прелесть, я впервые в жизни Ярканата выбесил! — расхохотался довольный

Кашей. — Мы же не будем рассказывать, что я у вас на коврике буду спать?

— Коврик не обещаю, но диван в гостиной в твоём распоряжении, Кость. Все-таки, нужно доделать вторую комнату, — вздохнула хозяйка дома.

Пока пили чай, обсуждали вечер, вспоминая подробности, Женя достала из сумки телефон.

— Ребята, вы не будете против, если я прогуляюсь по саду? — в нетерпении проявила вежливость, не отрывая взгляда от дисплея, на котором висело сообщение о двенадцати пропущенных звонках одного абонента.

— Звони уже своему ненаглядному, мирись, — правильно догадалась Ира, махнула рукой. — Мы не подслушиваем.

— Тем более, мы тут о своем поболтаем, правда? — проводив взглядом Женю, Костик стал серьезным. — Ир, не мое дело, но пойми, мне нужно знать. У вас с Ярканатом что-то... случилось?

— Ничего, Кость, о чем ты? — рука, держащая заварочный чайник, чуть дрогнула, что не укрылось от его внимательного взгляда.

— Я же вижу, он бесится, только я к тебе приближаюсь, тут явно больше, чем «ничего».

— Это его проблемы, пусть бесится, — немного наигранно ответила девушка, невольно коснулась носа. — Я повода не давала.

Женька уснула сразу, как только добралась до кровати, а Ира вертелась, укладываясь. Сна не было. Решив сходить на реку, девушка осторожно встала, вышла из комнаты, поморщилась — дом сотряснулся от храпа Костяна.

В гардеробной натянула закрытый купальник, взяла полотенце, брызгалку от комаров, выскользнула из дома.

Соседний дом уже погрузился в темноту, а Решад все еще стоял у веранды, курил одну за другой сигареты, в надежде, что вот сейчас друг постучится в двери, скажет: «У тебя буду ночевать». Опять постелил себе здесь, на веранде, чтоб Кашей спал в комнате с комфортом.

Вдруг в соседнем доме зажегся свет в окне комнаты, где у соседки стоят шкафы, и через пару минут она сама вышла из дома в купальнике. Ночью на реку пошла? Ну, да, с полотенцем бесстрашно чешет по тропинке, только два хвостика над ушами подрагивают. Надо такие же фонари на солнечных батареях, как у нее воткнуты в землю, прикупить, кстати.

Осторожно, чтоб не разбудить Танюшку с мамой в дальней комнате и Назара через стенку, Решад прошел к себе, надел шорты для плавания, пулей вылетел из дома. Свистнул Тени, вдвоем побежали по участку в сторону реки.

Точно, сидит на пирсе, ногами болтая в воде. Хотел окликнуть, чтоб не напугать внезапным появлением, но Тень опередила, ткнулась носом в спину девушке. От неожиданности Ира подалась вперед, не удержалась на мокрых досках и плюхнулась в воду. Тень сиганула следом, с довольной мордой поплыла через реку, а Решад вдруг расхохотался нелепости ситуации:

— Ирка, я не виноват, все претензии туда! — показал рукой на отряхивающуюся на противоположном берегу волчицу. Та, подождав немного, попрыгала в воде за мальками, и поплыла обратно.

— Ты ее подговорил! — выйдя по лестнице из воды, разозленная девушка подошла к соседу, стоящему на краю пирса, как раз там, где она сидела минуту назад, с намерением столкнуть в воду за такие шуточки.

И как-то обоим расхотелось ссориться, слишком близко оказались друг к другу, слишком сильно у обоих забились сердца от этой близости.

— Ты мне осталась должна в игре, — осторожно, едва касаясь, взял в ладони ее лицо, наклонил голову, нежно коснулся робким поцелуем, замер, испугавшись, что опять получит по первое число, но нет, губы девушки раскрылись, приглашая продолжить поцелуй. Смакуя каждое движение губами и языком, каждый миллиметр ее рта, он продолжил, все ближе притягивая к себе разгоряченное тело в мокром купальнике, целуя все требовательнее.

И только разжал руки, с твердым намереньем стянуть с желанной женщины купальник, как заскучавшая волчица с размаху боднула его лбом в колено, приглашая поиграть в догонялки. Решад не удержался, спиной полетел в воду, хорошо еще — один, вынырнул с обиженным видом, увидел, как Ира хохочет залиvisto, глядя виновницу его незапланированного купания.

— Я не виновата, Решад, все претензии — сюда! — пальчик прижал нос волчицы.

Пока страдалец выбирался из воды, Ира практически бегом скрылась на своем участке, и только на кухне перевела дух. Как он целуется, уму непостижимо, как может мужчина так уметь целоваться! «Опыт» — хмыкнул внутренний голос. Ни один мужчина раньше так не возбуждал ее одним поцелуем, сама не ожидала от своего тела такой ответной реакции... Будто стояла не на бревнах старого пирса, а на краю просыпающегося вулкана, и заглянула туда с восторгом и страхом. Еще бы минута, и отдалась ему прямо на пирсе... Ноги до сих пор подрагивают.

И Косте солгала, что не испытывает к соседу никаких чувств, глупо, как ребенок, отрицая очевидное.

Кстати, как-то вовремя сосед оказался у речки, не может это оказаться просто совпадением, следил? Набрала ему сообщение в ватсапе: «Долг закрыт». И смайлик с дразняще высунутым языком.

Прочитал.

Странно, тишина в ответ, хотя в сети.

Стоя в душе под струями воды, Ира то и дело бросала взгляд на оставленный на полке телефон, в надежде, что высветится сообщение. Ну, вот же, «в сети», не уснул, трудно написать что-нибудь в ответ?

Еще в кровати ждала, под мирное посапывание Женьки, и уже засыпала, когда сработал тихий звук оповещения: «Теперь я в долгу у тебя».

Улыбнувшись в темноте, набрала: «Прощаю».

Тут же пришел ответ: «Нет, я не принимаю таких дорогих подарков», и следом: «А ты уже в постели? Мне просто интересно, кто из двух твоих гостей спит рядом».

«Фирюза-апа, верните телефон хозяину!»

Прочитав сообщение, Решад не смог сдержать улыбки, отправил смеющийся смайлик. Подумал, как аккуратно сформулировать просьбу, написал: «Может, выйдешь, поговорим через забор, как малолетки».

«Я засыпаю, сосед, поздно уже, спокойной ночи».

«Со мной бы не уснула».

«Мечтай!»

«Только этим и занимаюсь последнее время. А ты? Ты думаешь обо мне?»

Так странно, вроде, ничего выходящего за рамки приличия в переписке не было, но от его сообщений стало жарко под легким летним одеялом, как будто афродизиаков наелась, честное слово! И не соврать после поцелуя, и невозможно ему врать. Вздохнув, Ира написала: «Спокойной ночи!»

«Значит, да. Представляешь, что я рядом?»

«Я о тебе не думаю! И думать не хочу! И ничего не представляю! Самовлюбленный болван!»

«Ты будешь моей. Привыкай к этой мысли».

«Никогда в очереди за членом не стояла, и не собираюсь».

«Очереди нет».

«Ой, а я не видела! Я тебе не верю».

Проснувшись, Ира первым делом схватила телефон, но от соседа больше не было сообщений. Ни обещаний, ни клятвенных уверений, что она не права, что ошибается в нем. Ничего.

— Прикольно, — Женька заглянула через плечо в телефон. — Понятно, с кем ты полночи переписывалась.

— Девчонки, я сильно храпел? — в двери появился Костя, ловко увернулся от запущенной в него подушки. — Я, между прочим, уже завтрак приготовил, пока вы дрыхнете. А вы в меня подушкой! И где, я вас спрашиваю, справедливость?

— Нет справедливости, Кащей! — вторая подушка точно вклепилась гостю в лицо.

— Ах, та-ак! — со смехом и визгами грянул великий подушечный бой, благо, «снарядов» было предостаточно. Костя, как великий тактик, пер к кровати, и победил в неравной битве, повалив подушками обеих девушек на лопатки, по очереди чмокнул в покрасневшие щеки. — Ну что, попались?

— Сдаемся, Костенька! Проси, что хочешь!

— Желаю после завтрака на пляж! Ох, девчонки, как не хочется уезжать, но после обеда придется, — со вздохом сожаления мужчина встал с кровати, подал руки, помогая подругам выкарабкаться из-под завала одеял и подушек. — Но, где-то до двух дня я в вашем распоряжении.

— А я должна выехать через час, позже — никак. Два объекта показывать, заехать на дачу, побыть строгой матерью. Зато вечером... — Женька улыбнулась своим мечтам, направляясь в душ.

— Лямур-тужур? — многозначительно посмотрел на Иру Костян. — Повезло кому-то. Вот бы и мне так повезло.

— Сперва оценим твои кулинарные способности! — закрывая перед его носом дверь ванной комнаты, Ирка высунула язык, дразнясь.

— Лучше б ты другое оценила... — прошептал мужчина, влет убирая с лица игривое настроение. Ему нужна эта рыжая, и точка.

Пока девушки плескались, вышел на террасу, закурил.

Сразу после ночи на пляже, он случайно, хорошо, не случайно, самому себе врать не пристало, поинтересовался фамилией девушки. Зацепило его упоминание деда-финна в родне, быстро выяснил о ее многочисленном семействе интересные подробности.

Мать с отчимом не последние люди в городе, прадед вообще в Википедии упомянут. Ее

отцу, как крупному меценату, год назад уже был представлен на деловом обеде, но вряд ли тот запомнил молодого заместителя главы одного из районов.

Какую бабушку он вовремя через дорогу перевел, что фортуна повернулась к нему, деревенскому парню, лицом?

Именно этот маленький поселок дочь Александра Рэймовича Гербея выбрала, чтоб поиграть в простушку, зализать сердечные раны, с Лешкой сразу стала дружбу водить. А дочь единственная, любимая.

У ее бывшего жениха совсем ума нет, раз не учел последствий своего блядства, рано расслабился паренек. Пару раз Костю так и подмывало найти этого неудачника, и выкатить ему бутылочку дорогого коньяку в презент. Позже, если все срастется, он так и сделает, не упустит случая поглумиться над лузером.

Мужчина улыбнулся своим мыслям. Такой вариант спутницы жизни и в самых смелых мечтах не приходил. С ее семьей все у него будет, как по маслу, и карьера, и нужные связи и полезные знакомства. Перспектива стать депутатом Государственной Думы уже казалась не такой и заоблачной, главное — терпение.

Да и бонус — она сама, такая красивая, что дыхание перехватывало, когда он смотрел на ее фигурку, не нужно будет изображать чувства и отворачиваться после секса. И чувства есть, и нырнуть в ее постель, трындец, как хочется! И даже верность не трудно будет хранить.

Только бы увезти ее отсюда.

Костя прислушался к тишине утреннего поселка, поморщился. Грядки, грядки, цветочки, жужжание всякое, копошение в цветах отвратительных насекомых...

Ладно, Марс, привязан семьей и работой к этим местам, Артур доволен своей незатейливой жизнью, но с ним еще понятней, в его деревне и сортир теплый был в радость, и не у всех. Да и больше половины из школы остались по округе, семьи завели, работают. А жизнь, она проходит. Тоска...

Но Леха с Решадом, повидав больше, чем райцентр и Казань, каким местом думали, вернувшись сюда насовсем? Тоска же зеленая!

Волей-неволей взгляд упирался в дом зачатого друга. Вот еще проблема, хотя, если Ирка увлечена соседом, тоже на руку. Вчера солгала, сказав, что ничего меж ними нет. Солгала. И если спросить Ярканата в лоб, солжет тоже.

Но тот долго не продержится, бросит ее, как всех своих баб. А рядом будет он, Костя, добрый, нежный, заботливый, и слезки утрет, и утешит, увезет подальше от Ярканата. К зиме можно и свадьбу сыграть, а через годик — в Москву. И забыть этот поселок навсегда.

Некстати вспомнил свои проводы в армию, как стоял перед Альбиной, первой красавицей школы, признаваясь в пылких чувствах, и как она рассмеялась в лицо, будто из ведра ледяной водой: «Не старайся, Костенька, никогда тебе Ярканата не переплюнуть! Я в Питер уезжаю, к нему», и опять ощутил ту обидную беспомощную злость... Вечно второй, всегда.

Но первые иногда спотыкаются.

«Так что, давай, мышь летучая, помогай, что-что, а уничтожать девкам самооценку и разбивать сердца ты умеешь, как никто. Я в тебя верю, не облажайся и в этот раз» — мысленно попросил Костя, увидев, как с веранды своего дома вышел заспанный друг, двинулся на пару со своей волчицей в сторону реки.

— Сегодня в нашем меню французский завтрак, Ира, я тут похозяйничал немного на

кухне, — как заправский официант, Костя перекинул полотенце через руку, отодвинул стулья, помогая девушкам усесться за стол.

— Французский? Лягушек наловил?

— В следующий раз. А пока, леди, позвольте предложить вам «крок-мадам», самый известный завтрак во Франции, упоминавшийся еще в девятнадцатом году прошлого века, — не преминул блеснуть знаниями мужчина, расставляя тарелки.

— Ага, у Пруста, — рассеянно продолжила его мысль Ира.

— Абалдеть! — голосом Гальцева протянул Костя. — Не ожидал такого глубокого знания мировой литературы, Ирочка, я сражен!

— Да ну тебя, Кость, хватит паясничать, — покраснела девушка. — Вау, ты и бешамель правильно сделал! Очень вкусно, честно.

— Я же тебе говорил, что люблю поесть, не все по ресторанам шастать. Осталась бы в тот раз, утром бы оценила мои умения.

— Ребята, похоже, я что-то не знаю, да? Вы уже? — изумленная Женька переводила взгляд с одного на другого, желая знать подробности.

Смутившись, Ира резко встала, принялась с особым усердием варить кофе.

— Нет, Женечка, но я не теряю надежды, — мурлыкающим тоном признался хитрец. Внезапно, раньше девушек, увидел идущего к дому заклятого друга, вскочил, демонстративно обнял Иру за талию, прижал к себе, осыпал поцелуями плечо и шею. — Торопиться мы не будем, да, дорогая?

— Соседка, ты ночью кое-что забыла на пирсе, — увидев друга, так увлеченно целующего предмет его обожания, Решад швырнул на стул полотенце. — Жень, доброе утро.

— Спасибо, действительно забыла, — краснеть в такой ситуации еще сильнее было некуда. Турка чуть не выпала из рук, если бы Костя не подхватил ручку, аккуратно переставил с огня.

— Полотенце я вернул, совесть свою сама иди, ищи, — процедил сквозь зубы, развернулся к своему дому.

— Ярканат, постой, — сорвался следом Костя, догоняя нежданного гостя.

— Какие страсти! — Женька чуть не упала со стула, сдерживая смех. — Ирка, они сейчас поубивают друг друга! Я тобой горжусь, подруга.

— Твою ж мать... Умеет же появиться «вовремя», а?

— Пойдешь котяр мартовских разнимать?

— Вот еще! Не мои проблемы.

— И с одним ночью, и с другим, утром. Пошла в разнос?

— Да ничего я не сделала! Дальше поцелуев ни там, ни там дело не пошло.

— А с кем хочется дальше? Покайся, дочь моя, легче будет.

Ирина невольно посмотрела на брошенное полотенце, Женька перехватила взгляд, вздохнула:

— Понятно. Если что, я сразу на соседа ставила.

— Кобель и бездушная сволочь...

— Угу. У тебя на таких чуйка, мимо не пройдешь, обязательно вляпаешься.

— Оставь ты ее в покое, а? — в эту минуту Костя был искренен, как никогда, и даже намеревался напомнить другу о его неоплатном долге перед ним, но сдержался. — Я тебя никогда не просил, Ярканат, сейчас прошу, уйди с дороги, не лезь ты к ней!

— Я просто вернул полотенце.

— Ты меня понял, — Костя сжал кулаки, готовый к драке, но под насмешливым взглядом друга смешался. Оба прекрасно понимали, кто, случись потасовка, огребет синяков, а кто посмеется над соперником, но Костя знал, как задеть друга. — Что ты ей можешь дать? Ее семья на выстрел тебя не подпустит, им такой мезальянс к чему?

— Причем здесь ее семья? — но серые глаза потемнели от ярости. — Я просто. Вернул. Полотенце.

— Вот и знай свое место, брат. Таскай за ней полотенце, тапочки, а на большее не рассчитывай, понял? Кто она, и кто ты, вспоминай почаще! На лбу запиши! — кинул вслед уходящему другу хитрый лис, ударив точно в цель. На этом поле ему не было равных, бить словом — это не кулаками махать.

Теперь главное — уничтожить у Иры интерес к Ярканату. Как она вчера сказала: «Вера, доверие, верность»? Ни то, ни другое, ни третье к сопернику его не относится. Сам все разрушит, а он, Костя, мешать не станет, даже поможет. Этот кон — не тупая Альбинка, и выиграть его нужно во что бы то ни стало.

— Девчонки, мой кофе еще не остыл? — как будто ничего не случилось, с довольной улыбкой взбежал на террасу, глянул на часы, потом в телефон. — Эх, и на пляж не успеваю, даже в воскресенье дела не дают отдохнуть.

(25 июня, понедельник. +32)

— Марс, привет. Слушай, посмотри мою лошадь, вроде, едет нормально, но на долгом подъеме на последней скорости начинается пробуксовка и переключение на пониженную скорость происходит как-то преждевременно.

— Оставляй, к выходным забереешь. Возьми пока мою старую реношку, заправь только.

— Хорошо, спасибо. Завтра как раз по округе до вечера мотыляться.

— Ой, Решад, айда ужинать с нами, чего в дверях замерз?

— Да с радостью, Азалик. Матушка опять допоздна в школе, ремонт у них все никак не закончится, думал яичницей обойтись с колбасой, как обычно.

— Давай-давай за стол!

— Спасибо.

Вся дружная семья уже сидела на кухне в ожидании ужина. Родители Марселя весело смеялись над рассуждениями младшего внука. Когда гость зашел на кухню, Ренатик обратился к нему, ища поддержки:

— Дядя Лесад, сказы, сто тетя Илина самая класивая!

— Самая красивая, да, Ренатик, тут ты прав, — вздрогнул от неожиданного вопроса гость, моя руки. — А почему ты спрашиваешь?

— А он на твоей соседке собрался жениться, когда подрастет! — сквозь смех объяснила бабушка.

— И зенюсь! Она холосая, доблая, волосики лъзие, мягкие, класиво так! — влет доказал преимущества своей задумки маленький проказник. — Она много веселых игл знает! Сегодня на плязе мы стлоили огло-о-омную басню! — малыш растопырил руки, показывая размер песчаной постройки. — Вот такенную! И у нее есть вкусные конфеты!

— А, ну, это взвешенное решение, брат, одобряю выбор, — спрятав улыбку, Решад со всей серьезностью пожал маленькую ладошку. — Ты, главное, кроме конфет, налегай на ужин, не пропускай завтрак и обед, быстрее вырастешь! И не забывай заниматься спортом,

будешь сильным. И учишь хорошо потом, и в школе, и в институте. Девочки любят умных, сильных, смелых и добрых мальчиков.

— Нелегкое это дело, оказывается, зениться... — вздохнул малыш под дружный хохот взрослых, перебираясь на колени к маме.

Решад маялся за столом, погрузившись в невеселые мысли, вздрагивал от каждого вопроса, отвечал уже невпопад. Наконец, Азалия не выдержала.

— Что с тобой? В последнее время на тебя без слез не взглянешь!

- Ничего, Азаля, я в порядке, спасибо за ужин, как всегда все было изумительно вкусно. Мясо — выше всяких похвал.

— Если учесть, что это мясо было рыбой! — рассмеялась хозяйка дома.

- Да? Прости, я пойду, пожалуй...

И уже у двери вдруг повернулся к Марселю, его провожавшему:

— Ну, скажи, ты пятнадцать лет в браке, чего им всем нужно? Я, как мальчишка, бегаю за ней, высунув язык, а ей все равно...

- Э, друг! Ты это про соседку свою, что ли? Вот это номер! Ты попал, брат. Пойдем в гараж, коньяку дернем по тридцать, покурим, как раз машины поменяем.

Марсель изумленно покачал головой. Сказать, что удивился, значит, ничего не сказать, глаза на лоб полезли от такой новости. Теперь стали понятны странности телефонных разговоров между подругами, язвительные реплики Наташи в сторону Иры про первый приз района. Не глухой же, в самом деле, хоть и жена думает, что у него избирательный слух.

С комфортом расположились в креслах, в святая святых всех мужчин, в гараже, помолчали немного, наслаждаясь благородным напитком, грея бокалы в ладонях. Решад не выдержал:

— Я все понимаю, у нее уже с Кашеем песня, она все время с ним где-то пропадает, последнее время его мерин прилип к соседскому забору. Ночевать остался в субботу у нее. И довольные такие, — лимон хочется нарезать и подать. Но, мне кажется, что это не то, не искрит между ними... нет, наверное, кажется.

— Ты знаешь Кашея, этот лис ничего так просто не делает. Но да, слышал от Азали, что, то тут, то там Костян с Ириной. Еще удивился, — согласился друг.

— Я сперва повел себя, как последний идиот, тормознул на старте, теперь Костян — явный фаворит. Попросил меня отойти, будто она мне подойти шанс давала, угу. Хотя... Давала, и не один. Я просрал все, — покаялся тихо другу Решад. Только с ним можно было вот так, честно, неприглядную правду о себе. — Да и в Казани у нее таких, как я — хоть гербарий суши...

— Ну, ты попал, брат. У тебя ж и без нее — богатый выбор, только подмигни.

— Мигать надоело, фары сломались, — вздохнул Решад, смакуя коньяк. — Марс, по чесноку, как у вас получилось сразу? Вы же после техникума вместе. Я еще прифигел, когда приглашение на свадьбу получил. Жалею до сих пор, не получилось приехать.

— Раньше еще, брат. Помнишь же, в восьмом классе нам пополнение привалило, когда в Сабане старую школу закрыли. Все девчонки в коричневых платьях по уставу, еще в жутких колготках ходили, а моя зашла в класс, как жар-птица влетела, — Марсель тепло улыбнулся, гордясь своей женой. — Кудри черные, синее платье, укороченное по самое... Фартучек такой, воздушный, и на высоченных каблуках! Рост свой компенсировала, хотя мне всегда нравилось, что она такая маленькая.

— Помню, она к тебе за парту передо мной уселась, я тогда тоже очешуел. Парт пустых

было полно. Такую бурную деятельность развила на нашей камчатке. С сочинениями помогала. Благодаря Азальке я на абитуре русский язык легко сдал.

— Да у меня до сих пор, как Наилу Ильдусовну вижу на улице, голова в плечи уходит, все думаю, что начнет отчитывать: «Гарипов, Яруллин, а вам пять! И делим на двоих!» Тебе доставалось, кстати, не по делу.

— Ну, мать все считала, что с меня особый спрос. Недавно смеялись, помнишь, мы на субботнике в листву петарды подложили? До сих пор мне вспоминает. А уж окна разбитые. Каждое помнит. Пятьдесят семь стекол у нас с тобой счет, — вспомнил он подкол рыжей язвы. — Видел, недавно, кстати, Мишку Ардашева, дрища с первой парты, с Дальних Полянок. Ни разу не дрищ стал, пузо отрастил, бороду.

— Так он на лесопилке работает, часто вижу его. Трое детей, хозяйство в пару гектаров, жена у него, знаешь, кто?

— Нет.

— Ты должен помнить, за тобой бегала, светленькая такая, с Кащеем училась в классе, как ее... Диана! Помнишь, Диана Кривокорытова!

— Ахренеть! Помню, — Решад внезапно заржал непристойно, вспоминая казус. — Я ж пытался с ней встречаться, я честно пытался! Но как фамилия ее на ум придет, так я смеюсь, и поцеловать ее не могу! стыдно сейчас, комплексов, может, девке подвесил...

— Нет, ну родители тоже хороши. Была б какая Маша, не так бы было смешно. А то — Диана!

— А Мишка же за Азалею хвостом увивался, или я уже путаю? — возвращаясь к разговору, спросил друг.

Марсель помолчал немного, улыбаясь своим мыслям, закурил:

— Еще как. Все морду мне обещал бить, если дотянется. А я тогда выглядел ужасно, да? Высокий, сутулый, очки нелепые, а она... Пацаны за ней бегали, не только Мишка, а она, гордячка, только смеялась. Муки адские. Я, как тень, за ней ходил. На выпускном же мы с тобой нарезались винища коробчатого, мерзотного?

— Не напоминай! Я всю сирень по периметру школы тогда удобрил этой «Изабеллой».

— Я как раз к Азале, пьянущий, подошел, пока ты сгибался в кустах, и заявил, что она станет моей женой.

— А она?

— Рассмеялась. И поцеловала. Сама... Я недели две, как пьяный был, все губы трогал — не приснилось ли. Потом уехали оба в Казань, в техникумы поступили. Как проклятый, после лекций ездил через весь город ее встречать, ревновал. Крови она из меня выпила — море. Однажды, уже на втором курсе, задержался, болел, много пропустил. Выхожу из техникума, дождь, темень, и Азалька навстречу бежит с зонтиком моим. На следующий день заявление подали.

Решад потрясенно слушал друга. Через столько лет смотреть друг на друга с обожанием — тяжелый труд. Ни разу не слышал, чтобы друзья были в ссоре, всегда вместе, про эту пару даже Фирюзе не удалось обмести языком.

— С детьми долго не срасталось, Азаля расстраивалась очень, зато сейчас — забот полон рот, вон, уже младшенький «зениться» собрался, — с доброй усмешкой передразнил он слова сына. — Конкурент тебе растет!

— Не, ну конфеты! Весомый повод! — следом рассмеялся друг. — Подожди, Ренату же

нельзя шоколад.

— Нельзя. Так Ирка цукаты засушила из кабачков молодых как-то в ягодном сиропе. Сказала, что конфеты из города, Ренатик и рад. Много слопал, и никакой аллергии!

— М-да, никогда б не подумал...

— Решад, я что хотел сказать, — друг стал серьезным, поднимая болезную тему. — По ходу пьесы, Санька опять руки распускать начал. Бьет, падла, так, чтобы видно не было. Вчера у Наты заметил синяки над локтем, когда она с верхней полки сок доставала. Сегодня его на остановке видел в Сабан, как приедет от Гульнарары, поговорить с ним надо.

— Я с ним поговорю. С-сука... Сколько раз по-хорошему просили, ни черта не доходит. Давно бы за ноги над муравейником подвесили с Лехой, но Ната каждый раз уговаривает не трогать это... тело. Не понимаю женщин.

— Одна надежда, что Леха, наконец, хоть что-то решит, а то тоже — ни туда, ни сюда.

— Мужчины, у вас от никотина яйца не позеленели? — Азаля заглянула в гараж, многозначительно посмотрела на благоверного.

— Все, ребята, уехал, хорошего вечера! — с явным сожалением Решад поднялся с кресла.

— И тебе. А мы сейчас будем проверять, какого цвета мои...

— Ах, ты! — шутливо замахнулась на мужа жена. — Решад, пока-пока!

Выезжая на дорогу, еще не приноровившись к чужой машине, Решад удачно пропустил пролетевший мимо черный мерседес. Мерс Кащей. Медленно проезжая мимо ворот соседнего дома, до боли сжал кулаки на руле, наблюдая идиллическую картинку встречи, явно не дружеской. С переднего сиденья Кащей вытащил очередной огромный букет, вручил Ире, поцеловал ее, и парочка направилась в дом.

(27 июня, среда, +28)

— Ирочка, привет! Какие планы на воскресенье?

— Привет, Костя, намереваюсь клеить обои во второй комнате, во вторник привезут мебель. Родственники собирались приехать, а у меня места нет, гостей оставить на ночевку. Когда одна Женька приезжает, еще куда ни шло, двое гостей, как с тобой получилось — уже тесновато.

— А ты все купила для ремонта?

— Как раз этим занимаюсь, в Леруа заехала, — Ира, как старательная школьница, перечислила то, что положила в тележку. — Валики, кисточки, грунтовку, ой, какое смешное слово! Стремянку, клей, ведро для клея, плитуса, шуруповерт!

— А обои?

— Здесь такой выбор... Я пока теряюсь. Мне помогает консультант, надеюсь, что куплю сегодня.

— Осторожно, я ревную! Я правильно понял — ты в выходные будешь занята?

— Да.

— А я свободен. Приеду тогда в субботу, помогу, а в воскресенье съездим на Каму, в твой плодопитомник, хорошо?

— О, было бы неплохо. Если тебе не трудно.

— О чем речь, конечно, приеду! В восемь, максимум, в девять утра буду. С тебя — вкусный ужин.

— Договорились! До встречи.

(30 июня, суббота, +28)

В субботу Ира проснулась пораньше, выскочила полить огород, потом обжарила лук шалот, мясо до румяной корочки, добавила паприку, переложила заготовку для гуляша в сотейник томиться на маленьком огне. Почистила картофель для драников, вытащила из морозилки три упаковки теста, переложила их в холодильник. В сотейник сыпала тонко порезанный сладкий перец.

К девяти часам старательно развела в ведре клей, сверяясь с инструкцией, приволокла из машины стремянку и обои. Странно, номер Кости не отвечал.

После трех неотвеченных вызовов стало понятно, что помощи сегодня не будет, и девушка храбро полезла на стремянку сама, отмерять нужное количество от рулона, надеясь на свои, пусть и небольшие, знания азов ремонта.

Намазюкав, сперва валиком, потом кисточкой, потом, плюнув на инструменты, ладонью, первый кусок обоев, приложила его к стене. Поднялась на стремянку, потянула вверх флизелиновое полотно. Вроде, хорошо получилось. Вот уже второй кусок на стене, третий, плюс — отмыт от клея любопытный Шлиман.

Звонок телефона прервал любование своей работой. Ира обрадовалась, думая, что это Костик вспомнил о своем обещании, но звонила Наташа:

— Ирка, чем занимаешься?

— Обои во второй комнате клею, уже три штуки ляпнула, отлично получается! — радостно отрапортовала девушка. И тут первый кусок с тихим шелестом поехал на пол. — А, нет, не отлично. Отпали.

— Блин, и я помочь не могу, Азалья с Марсом свой детский сад на меня оставили, уехали в райцентр со стариками, я у них с Таней, и тут бедлам.

— Костик обещал приехать помочь, может, дела задержали, не переживай, справлюсь.

— Знаю я обещания Кащея! Азалик с Марсом приедут, придем помогать. Ладно, я побежала, что-то дети делят на веранде.

— Хорошо!

Ничего хорошего... Ира с тоской посмотрела на стену, по которой плавно сползла и вторая обоевина. Вздохнув, отчаянная домохозяйка вновь намазала первое полотнище, приклеила обратно. Со вторым дело пошло быстрее. Третье, на удивление, держалось.

— Тебе помочь, или не мешать? — раздалось у двери.

От неожиданности Ирка взвизгнула, балансируя на стремянке. Сильные руки обхватили ее за талию, не дав упасть, поставили на пол. Казалось, мужчина не собирался отпускать девушку из объятий, не удержался, зарылся лицом в медовые волосы, вдохнул ее запах, от которого каждый раз кружилась голова.

Всю неделю он загружал себя работой, в больнице и так привалило проблем, еще затеял ремонт пищевого блока, мотался в район, вывозя новое оборудование, обещанное главой администрации. Изматывал себя, лишь бы не думать о ней, памятуя просьбу Кости, ночевал в кабинете. Вообще чтоб не думать о ней. А последние двое суток не до личных переживаний было, почти получилось не думать, не представлять, что рыжая делает, чем занята.

Бесполезно...

Ладошки вдруг прикорнули на его груди, то ли отталкивая, то ли разрешая. Большой

палец провалился между пуговиц рубашки, коснулся теплой кожи и замер испуганным мышонком.

От нечаянной ласки опять перехватило дыхание, по коже побежали мурашки, обоих бросило в жар, забылась нелепая ситуация недельной давности. И стояли так тысячу лет и несколько секунд, не смея шевельнуться, спугнуть волшебство, и не знали оба, что делать дальше, поднять голову ей, или ему наклонить, чтоб встретиться губами...

Все три куса обоев со свистом ринулись вниз, особенно удачно упал средний, накрыв собой голову мужчины, обляпал белоснежную рубашку тягучим клеем.

— Вторая, — Решад вздохнул, выбираясь из липкого плена.

— Что — вторая? — не поняла Ира.

— Рубашка, испорченная тобой.

— Я тут причем? Кто тебя просил приходить?

— Ну, вообще-то, Леший позвонил. Ему — Ната.

— И ты, как благородный рыцарь, поскакал помогать во всем бэлом?

— Я с работы иду, решил проверить масштаб бедствия. Сейчас схожу, переоденусь, ничего не трогай больше. Когда клеишь обои, окна и двери нужно закрывать. И сперва прогрунтовать стены, мастерица, вон же, грунтовка есть. Леший освободится через час. Я скоро приду. Потом на речку ходим.

Ира вздохнула, полностью расписавшись в своей криворукости, ушла на кухню. Хотя бы здесь она все делает правильно! А раз парни сделают за нее всю работу, то и накормить их нужно достойно.

Целую неделю не появлялся, избегал ее. На реку перестал ходить вечерами, хотя она нарочно порой задерживалась дольше на пирсе, стойчески выдерживая нападение злобных июньских комаров.

Все чаще подумывала написать ему, сказать, что соскучилась, наплевав на приличия, и пусть смеется, но не исчезает надолго! А увидела, и опять сказала не то, что думала, смутившись под его насмешливым взглядом... Рты б им обоим заклеить, благо, клея взяла с запасом...

Тщательно отмыв руки, Ирина проверила готовность гуляша, заколдовала со специями, напевая под нос, замесила тесто на чипетки. Мысли вновь и вновь возвращались к соседу. Вид у него уставший, осунулся, темные круги под глазами, неужели на работе всю неделю был?

— А запахи какие! — вернулся Решад, уже в черной майке-алкоголичке и джинсовых шортах. Увязавшаяся за хозяином Тень подошла к Ире, ткнула приветственно мокрым носом в руки девушки, требуя вкусного угощения и ласки.

Кот, увидев заклятую подругу, оторвался от вылизывания своей тушки после незапланированного купания, и прискакал продолжить увлекательную игру «догони меня кирпич».

— Да, венгерский гуляш у меня получается лучше, чем наклеивать обои.

— Ты обещала драники.

— Обязательно. Я даже не стала добавлять картофель к мясу в ущерб рецепту, уже начистила, попозже потру.

— Из твоих рук я и хлорку съем вместо творога.

— О, замечательная идея, нужно как-нибудь попробовать! С мокрицей.

— Хм-м-м... Пойду работать, пока Лешего ждем.

— Я тебе нужна?

— Да.

— Тогда две минуты, уберу муку и руки вымою.

— А, ты в этом плане, нет, Ир, я пока стены прогрунтую, — улыбнулся Решад, увидев, как заалели изящные ушки собеседницы. — Дай мне ведро и покажи, где воды набрать. Чистые тряпки еще.

— Привет честной компании! — вовремя появился Алексей, пожал руку другу, звонко чмокнул Иру в щеку. — Как пахнет, можно твои обои клеить на мою слюну!

— Идем, слюнявый, хоть что-то сперва сделаем.

— Ты мне по шантальскому пазлу нужен, — тихо произнес Алексей какую-то абракадабру, как показалось Ире, вмиг преобразился в жесткого полицейского. Такого Лешку она не видела, захотелось называть его только по имени-отчеству, уважительно, смотреть снизу вверх.

— Собрал. В сборке, вроде, не ошибся. Стабилен, сегодня-завтра очухается. Давай о делах потом.

Ира как раз успела сварить легкий овощной супчик и пожарить драники, когда мужчины закончили грунтовать стены, вымыли руки и сели за стол.

— Ирка, золотце, женюсь! — простонал Алексей, заедая драником мясо.

— А по башке? — с набитым ртом пригрозил друг.

— А сто одиннадцатую в анамнез?

— Плевать. Рисуй.

— Вы еще подеритесь, горячие финские парни!

— Кстати, Ир, дверь пришлось перекрашивать, — вдруг вспомнил Решад давнюю историю. — Это какую химию вы, женщины, на губы мажете.

— Правда глаза колет? Оставил бы, чтоб сразу было понятно всем входящим, за какое место тебя трогать нежно.

— Так это ты написала? — неприлично заржал Леша, вспомнив алые буквы, въевшиеся в краску двери кабинета, как ни старался друг стереть позорную надпись. — Я ж сфоткал на память, тогда удачно зашел, Ирка, потом перешлю. Дай пять, подруга!

— Спелись? Ну, я вам устрою, — притворно нахмурившись, заявил потерпевший, и сам засмеялся над собой, присоединившись к веселью.

— Мои анализы со своими перепутаешь? — еще громче заржал друг.

— Выпишу тебе справку с литерой «F73» пожизненно.

— Переведи?

— Глубокая умственная отсталость.

— Будешь тогда двери красить каждую неделю!

— Парни, я вас обожаю! Просто ржать уже не могу!

— Слышал? Нас обожают!

— Это кого тут без меня обожают? — в дверях показался Марсель, без разговоров вымыл руки и сел за стол. — Девчонки попозже сразу на пляж подойдут, детей накормят, не стали их с собой брать, а то б ремонт стал бесконечным. Нас родители отпустили до вечера, так что, сейчас быстренько все поклеим, выкупаемся, и проверим раколовки.

— О, здорово! А то недавно кое-кто обещал за раками, — доставая тарелки для друга, Ира подмигнула соседу. — Но, обещанного три года ждут, правда, Решадик?

— Как-нибудь ночью... — в ответ ухмыльнулся мужчина.

— С тобой ночью? Только когда «Сайгу» куплю!

— Сперва охотничий билет оформи.

— У меня есть! Показать? — повернулась к буфету, достала из ящика зеленую корочку.

— Почему я не удивлен?

— По линии матери в родне почти все мужчины — охотоведы, оба брата плюс, дядька с отцом, любители побродить по лесу, правда, с таких вылазок мы ничего не привозили из живности, больше грибы и ягоды, — объяснила Ира владение необычным удостоверением. — Но сейфы для охотничьих ружей в каждой квартире прикручены намертво, вперед кота заезжают.

— Соседка, не перестаешь удивлять...

— Ирка, не говори Азалинке, но ты готовишь лучше! Все, ребят, айда работать.

Втроем парни управились с комнатой за пару часов, как раз к окончанию работы позвонила Азалия, сказать, что с детьми вышли на пляж. Лешка утащил Марсея к себе, заодно и переодеться. Решад еще задержался, помогая закончить с уборкой, но, если честно, придумывал повод остаться, хватался за ведра, бестолково возюкал по полу шваброй, больше мешая, пока хозяйка не выдержала:

— Сосед, может, я полы сама вымою, тут особого умения не нужно, а ты пока на пляж?

— Ты придешь?

— Приду, куда я денусь.

Решад хотел промолчать на счет далеко не дружеских объятий утром, только сказать, что соскучился. Но, уже в дверях не удержался, опять намекнул:

— Если бы не та обоина...

— То что?

— Знаешь.

От его многообещающего взгляда у девушки вновь вспыхнули щеки. Да что же это! Ведь ничего не изменилось, это тот же наглец, те же намеки, но непослушное сердце выпрыгивает от малейших прикосновений, память вытворяет невообразимые кульбиты, слайдами разлетаясь по дому, и на каждом — один и тот же мужчина.

И учащенно бьется сердце, немеют ноги от одного взгляда серых насмешливых глаз, и низ живота предательски взрывается огнем, стоит только представить в дремотных фантазиях, как будет, если...

Тяжелый случай.

Все симптомы — на лицо.

На пляж Ира собралась, как на свидание не наряжалась. Самый красивый купальник цвета спелой вишни, парео в цвет, три раза переплетала волосы, пока не понравился результат. Немного тянуло низ живота перед критическими днями, но можно в воду не лезть, посидеть с компанией на песке.

Даже, когда позвонил Кашей, и долго просил прощения, что проспал, что не приедет, не стала губки надувать и обижаться, испытала облегчение, что тот не помешает ей сегодня провести время рядом с соседом, пусть в компании друзей, но рядом. И можно коснуться, будто случайно, и смотреть, смотреть на него, мечтая...

Здесь все не так, как в городских джунглях, нет привычных приглашений в кафе, в рестораны, даже телефон редко используют, быстрее зайти по-соседски. Но, даже

повалиться на пляже, среди людей, но рядом, кажется, что можно узнать о человеке больше, чем в ночном клубе, с бокалом мартини наперевес.

Спускаясь от пирса по тропинке вниз, к пляжу, невольно поискала глазами его фигуру среди загорающих. Вон, девочки с детьми, Марс развлекает мальчишек на мелководье, шумная большая компания подростков играла в мяч, Славка приветственно помахал рукой, удачно отбив пас. Вчера весь день помогал на огороде, убежал вечером довольный. Семьи дачников и односельчан, только крыла летучей мыши по спине нигде не было видно.

Настроение упало, обида захлестнула сердце. Сам позвал и исчез! Наверняка диван давит в кабинете с какой-нибудь очередной дамочкой, согласной на все...

Подошла к своей компании, поздоровалась, перецеловалась с подругами. Маленький любимчик, младший сын Азали, тут же забрался на колени, и все обиды улетучились. Да плевать на соседа, пусть делает, что хочет. Она и без него счастлива!

Ира обняла ребенка, улыбнулась, посмотрев на тропинку, по которой только что пришла:

— Ой, девчонки, Светик летит с детьми!

— Отлично, хоть с нами отдохнет, а то устает сильно, что-то у них много за эту неделю народу в больнице.

— Девочки, я вам своих пока подкину, вечером Лешка к родителям отведет, хорошо? — Света, запыхавшись от бега, с надеждой посмотрела на подруг. — На работу вызвали срочно, полный песец уже! С Артуром не оставишь, он только-только вставать начал, не доглядит, позавчера только домой его Решад перевез, и то, ненадолго, пока какие-то тренажеры ждут. Хорошо еще, поспала немного.

— Оставляй, конечно, если что, у меня побудут, — улыбнулась Ира.

— Ура! Мы у тети Иры будем, мам, можно? Можно? — запрыгала вокруг Сабина. Как она хотела вновь побывать в гостях в том красивом домике в белых цветах! Таню же часто туда отпускала тетя Наташа, а ей, Сабинке, только и оставалось, что вздыхать через забор за прополкой бабушкиных грядок, глядя на пряничный домик через дорогу. — У бабуси скучно!

— Светуль, все равно ко мне все сегодня собирались, не переживай, накормлю, уложу, завтра не спеша заберешь. Мне в радость, честно!

— Хорошо, побегу я, девочки, Ира, спасибо!

— Ир, парни не смогут сегодня, наверное, — вздохнула Ната. — Ты не слышала, что в Шанталах случилось?

— Нет, не слышала.

— Два дня назад пьяный совсем пацан повез девчонку на мотоцикле кататься. Перевернулись недалеко от кладбища, хорошо еще, сразу обнаружили. Ночью их привезли в больницу, девочка уже мертвая была, этот поганец жив, но там страшно, весь переломанный. Решад впервые после ранения оперировал, как вовремя он Назара привез, вместе справились. Тем утром за сигаретами еле дорогу перешел, весь серый был...

— Только школу закончили! — подхватила Азаля рассказ подруги. — Ромео с Джульеттой, блин. Сегодня у больницы что творится — родня с двух сторон верещит, друг друга кроют, до драки дело дошло, отец девочки решил самосуд устроить, в палату прорывался. Лешка с Решадом в чем были, отсюда сейчас убежали, как им позвонили, наряд пришлось с райцентра вызывать. Вот и выходной у парней...

— Ужас...

— И не говори! Где пьянка — там беда!

— Тетя Катя еще при смерти, Решад всю неделю в больнице безвылазно сидит, но там уже шансов нет, — Азалия с грустью вспомнила соседку Наты. — Она шейку бедра сломала, как уж упасть умудрилась, на ровном месте, в комнате, да и диабет у нее.

— Дианка даже не приехала, правнучка любимая... — со злостью бросила Ната. — Как пенсия у тети Кати, так она тут как тут, а как за бабушкой ухаживать, нет ее. Бабку надо было, как реликвию, беречь, Ир, представляешь, ей девяносто пять по весне справили! Историю в школе преподавала, заслушаешься, живой свидетель!

Ира слушала местные новости, играя с малышом в ладошки, и обида уходила. Работа — это работа, не развлекается сосед, и стыдно стало, что надумала себе. И вместо короткого отдыха пришел к ней помогать с ремонтом, даже неловко...

— Что-то туча идет, девочки, айда по домам! — Марсель выгнал из воды ребятню, достал бутылку с морсом, напоил детей по очереди, шуганул старших, которые опять помчались в речку.

— И правда, дождь обещали. Ну что, собираемся?

— Может, ко мне, а? — оставаться одной не хотелось совершенно, и Ира вовремя вспомнила незавершенное дело. — Помните, фотографии? Так и не посмотрели! Я пиццу быстро сделаю, тесто выложила утром, вон сколько помощников у нас сегодня.

— Ура! Пицца! — заорали довольные дети, и подгонять не пришлось собирать по пляжу игрушки.

— Азалинька, тогда я до больницы добегу, посмотрю, как там обстановка, раз вы сегодня девичником посидеть собрались.

— Иди, что наши разговоры слушать, — отпустила Азалия мужа, поцеловав. — Приходите потом к Ире, ладно?

— Хорошо, дорогая.

Пока дошли до дома, действительно, начал капать дождь, постепенно усиливаясь, едва успели под крышу. Детвора оккупировала диван смотреть старую сказку «После дождичка в четверг», пока готовится обещанная пицца.

В который раз Ира мысленно поблагодарила предыдущих владельцев дома за продуманную планировку и оставленную ей мебель. За широкий стол легко усядутся все гости, и еще место останется.

Вот бы в будущем и ее семья была большой, и чтоб вечерами собирались за этим столом. Муж, дети... Только мужчина, которого она уже намечтала главой семьи, не допускает и мысли о браке, о детях слышать не хочет. Как его подкалывали парни тогда на пляже, перед игрой, когда он вдоволь, до визга и синих губенок, наподкидывал из воды детвору, следил за всем «лягушатником», спокойно, не повышая голоса, собирал непослушных сорванцов в кучу: «Пора самому парочкой Решадиков обзаводиться!» И его кривую ухмылку помнила: «Самое классное качество в детях, что они — не мои». А был бы лучшим отцом...

За просмотром старых фотографий время пролетело незаметно. Теперь, когда Ира знала большую часть односельчан, лица и имена обретали объем, становились живыми. Родители, сестры, братья, тетки, дядья, ребята на школьном дворе, у каждого снимка была своя история, счастливая или не очень. Ниточки родства, дружбы, любви оплетали маленький поселок, уходя корнями в прошлое, прорастая в детях, внуках и правнуках.

К вечеру забежала тетя Оля, мать Леши и Светика, увела к себе младшего внука. Ушла и Азаля с мальчишками.

— Натка, у меня столько вечерних платьев осталось, которые я уже носить не буду. Давай я тебе отдам, перешьешь девочкам на наряды, а столько барахла лежит без дела.

— Ой, неудобно, Ир, что ты!

— Мне они уже не нужны, выкинуть жалко. Идем в гардеробную! — хозяйку дома было уже не остановить.

С визгами восторга девочки устроили показ мод. Сабина с Танюшкой, как заправские модели, прохаживались, как по подиуму, с важным видом, поддерживая над подмышками взрослые платья и юбки, ахая над недрами шкафов, получили в подарок по клатчу и кучу разноцветных заколочек.

А когда на свет из дальнего угла был вытащен неприметный чехол, распахнулась молния, и на пол упали белоснежные волны кружев и шелка свадебного платья с фатой, у малышей глаза засияли от восхищения!

— Т-тетя Ира, наденьте, пожалуйста! — Танюшка осторожно прикоснулась к вышитым цветам, к блестящим камушкам. — Оно т-такое красивое!

— Да, тетя Ира, да! — захлопала в ладоши Сабина. — Настоящая невеста!

Вздыхнув, Ирина сбросила футболку, полезла под воланы и кружево, запуталась в рукавах, но встала, одернула, где нужно, стащила под шлейфом юбку, водрузила на голову веноч фаты. Что не сделаешь ради двух восторженных пар глазенок.

— Ирка, ты такая красивая в нем! Может, уберешь обратно, вдруг, пригодится, а? — Натка представила, как под грубыми ножницами погибнет дорогая ткань, и едва не заплакала от жалости к платью, так и не увидевшему торжество.

— Не пригодится, Наташ, смело переделывай, в первую очередь. У наших модниц будут самые лучшие наряды, да, девочки? Тяжелое какое, я и забыла про это чудовище благолепное. Моя несостоявшаяся свекровь заставила его купить, в ее стиле «баба на чайник». Фу, снимаю!

— Иришка, разве не ты его выбрала?

— Ты что, этот кошмар со стразами? — Ира выбралась из платья на волю, быстро натянув повседневную одежду. — Никогда бы не посмотрела на него! Там еще был огромный бант сзади, какая пошлость. Дура я была...

— Тогда не жалко. Завтра в клуб перетащим.

— В салоне было платье, которое хотела я... — вспомнила Ира свою мечту, вздохнула. — На следующий день поехала за ним, а все, осчастливило мое платье другую невесту...

— Т-тетя Ира, а где ваш муж?

— А муж, Танюшка, объелся груш! — Ира пощекотала по бокам малышей, и все четверо засмеялись старой присказке, повалившись в груды разноцветной ткани от смеха. — Платье есть, а мужа — нету.

— Так не бывает! — возмутилась Сабина. — Все хорошие сказки заканчиваются свадьбой! И жили они долго и счастливо, и умерли в один день!

— Моя сказка была плохой, — Ира посмотрела на хитрые девчоночьи мордашки, подмигнула. — Поэтому я сбежала в другую, хорошую.

— А в этой сказке будет свадьба?

— Я не знаю, девочки, честно.

— А мама г-говорит, ч-что должна быть! Т-только не с д-дядей К-костей, хитрожопым! — бесхитростно выпалила Танюшка, повторяя бабьи разговоры, заставив мать покраснеть.

— Правильно мама сказала, Танюш! Только это слово больше никому не говори, это будет наш секрет, хорошо?

Посреди веселья у Наты зазвонил телефон. Поговорив пару минут, она позвала подругу на кухню:

— Ир, можно Таня у тебя останется? Сашка орет, что нас дома нет, боюсь, опять придет, скандалить будет. Сбегаю, дам ему на бутылку, пусть подавится.

— Да, оставляй, конечно, им с Сабиной есть чем заняться, зубные щетки у меня есть, пусть до завтра у меня будут, я с ними душой отдыхаю.

— Тогда, я побежала, спасибище!

Ира вернулась в гардеробную, к детям. Пока взрослые отвлеклись, девочки отловили кота, и теперь украшали его, как могли. Шлиман стоически переносил наматывание на него ткани и украшений, только иногда мяукал жалобно. Новость о том, что обе остаются у тети Иры на ночь прибавила девочкам радости.

— Как-нибудь в Казань съездим вместе, без мам, разорим пару магазинов, — приложив палец к губам, улыбнувшись хитро, пообещала Ира девочкам, вызвав новую бурю восторга. Что еще нужно маленьким леди шести лет? Пара туфелек и немножко детской косметики. И куклу. И красивую сумочку. И браслетик. И блокнотик с разноцветными ручками, чтоб рисовать принцесс.

Нелегкое это дело — детей укладывать. Пока накупались, играя в пенных облаках, потом варили какао и пили важно через трубочку, как коктейль. А перед сном девочки потребовали сказку, благо, наверху, в сундуке, были детские книжки.

В полночь, когда уснули девочки в широкой кровати, Ира вышла на террасу, перелив в свой стакан остатки какао, села на ступени, не включая наружное освещение дома.

Повернула голову в сторону дома Ярулиных, и увидела мужской силуэт у веранды, обрамленный бледным лунным светом. В темноте казалось, что он тоже смотрит в ее сторону.

«Ты бы не заставил меня покупать ужасное платье, а позволил выбрать самой... Ты бы не стал предъявлять претензии по поводу кудрей и роста, музыки и выбора друзей. Беда в том, что тебе все равно, что я чувствую, нужная тебе только в качестве очередного трофея. Чучелко набить, поставить и забыть...»

Минут десять Ира не отрывала взгляда, не в силах отвести глаза, в надежде, что он не видит ее, сидящую на ступенях. И представляла его, в строгом черном костюме, и себя рядом, счастливую, в том платье, что навсегда исчезло на просторах Казани. Поэтому можно и представить, платье-мечту она уже никогда не увидит.

Красная точка сигареты несколько раз загоралась и гасла, наконец, погасла последний раз, и сосед ушел в дом.

На кухне завибрировал входящим звонком оставленный телефон, вызвав раздражение — как не вовремя кому-то приспичило поболтать! Но, может, это Натка, нужно ответить.

Не успела зайти на кухню, как звонок прекратился. Девушка взяла телефон в руки, посмотрела на экран, где пропущенным светился абонент, которого больше всего мечтала услышать сейчас, и боялась своего желания. Пока раздумывала, перезвонить или нет,

телефон ожил снова, заставив вздрогнуть:

— Привет.

Ира зависла на пару секунд, любуясь удачной его фотографией, что сделала недавно, будто селфи снимала, а сама увеличила приближение, и быстро нащелкала соседа в пол-оборота в лучах вечернего солнца.

— Привет.

— Ты еще не ложишься? — голос его был тихим и уставшим.

— Нет, Сабину с Танюшей только-только уложила, хотела посидеть в тишине.

— Ир... Можно с тобой? Просто посидеть, пожалуйста...

— Приходи. Какао будешь?

— Буду, — голос потеплел.

— Я пиццу разогрела, садись за стол, — лишь бы занять руки, суетливо расставляла тарелки, занимала гостя болтовней, отвлекая от невеселых мыслей. Между делом успела и неизменной спутнице соседа сунуть в пасть кусочек колбаски, не заметив, как тот усмехнулся, поддерживая игру «не вижу-не скажу». — Девочки были у меня, Азалья и Ната, старые фотографии смотрели, кстати, отложили и вам по пакету.

— Спасибо. У меня почти нет детских снимков. Все хочу фотографию деда увеличить и в кабинете повесить, руки не доходят. Хреновый я внук, — улыбнулся Решад устало, доедая кусок.

— Ты отличный внук своего деда, хороший сын. Самый лучший! Дед бы гордился тобой сейчас, — с пылом возразила хозяйка дома, разливая какао в кружки.

— Ирка, тебе нужен ресторан свой открывать.

— Здесь ресторан? Ты шутишь.

— Не здесь, в городе. Ты достойна лучшего, чем в нашей деревне жизнь профукать.

— А если я здесь счастлива? — и добавила про себя: «когда рядом ты...».

— Хоть кто-то здесь счастлив... — резко отставив кружку, мужчина встал, вышел на террасу, закурил. Сегодня, удерживая обезумевшего от горя отца, потерявшего единственную дочь, стоя в центре безобразного мордобоя, он вдруг осознал, как невыносимо одинок, что сам выстроил вокруг себя стены равнодушия. После того, как приехал наряд из райцентра, и им с Лешкой дали возможность передохнуть, он сел на землю, где стоял, обхватив голову руками, а люди ходили мимо, будто обтекая его...

Через час тихо скончалась на его руках старая тетка, он и не помнил, кем ему приходилась эта улыбчивая бабуля, тетя Катя, просто роднились семьями. Она казалась в его жизни незыблемой, вечно пожилой, но бодро бегающей с широкой корзиной по лесам и огороду, и он с ней, хвостиком, с любопытством слушая ее бесконечные истории прожитых лет. Когда он осторожно закрыл потухшие навек глаза, захотелось зареветь, как в детстве, завывать, размазывая слезы и сопли по рукаву...

Случись ему умереть — только черточка останется между датами, погорюют друзья, через пару лет и на могилу забудут зайти.

Мать, понятно, что тут говорить. Но даже мать не знает, какой он, что любит, что волнует его, чем живет ее сын. Тетя Катя знала про него больше.

Черточка между датами. Нет, он не боялся физической смерти, сколько раз был на грани, не упомнить, только шрамы ныли в непогоду, но вот забвение неожиданно вызвало холод по спине.

В каком-то старом фильме однажды он услышал странные слова: «Всем нам нужен свидетель нашей жизни, в мире миллиарды людей, кому нужна одна жизнь?» Только семьей, создавая отношения, можно надеяться, что душа человека не развеется ветром над кладбищем сразу после погребения, люди будут знать, каким человек был, в продолжении, в детях, внуках, правнуках он будет живым, и память не погаснет долгие годы.

Когда понял, кого хочет видеть рядом с собой на весь оставшийся земной срок, чтоб не «так надо», «пора обзаводиться семьей» и «кто в старости подаст стакан воды», а души летели ввысь вместе, становясь единым целым на долгие годы, испугался собственного прозрения. Как сказал Кащей? Мезальянс... Слово-то какое, отвратное.

Карьера в прошлом, дослужился лишь до капитана, майора не дали из-за драки с сослуживцем, когда выяснилось, что тот продавал со склада не только обмундирование, но и боеприпасы. Терпение закончилось, когда тот сунул свой нос в медикаменты. Буквально через две недели, еще до суда, воренок словил «свою» же пулю, на пару минут отойдя от ворот части. Разбирательства длились долго, и документы на представление к новому званию отложили в стол, а потом и вовсе «забыли».

Теперь его «потолок» — маленький кабинет главврача сельской, забытой Богом больницы. Да, есть деньги, больше, чем пригодится за всю жизнь, но ей не нужны деньги, ничем не удивить, другое вызывает восторг в ее странных глазах.

Решад вспомнил, как горели ее глаза, когда она притащила матери какую-то растюху, гордо держа за ботву, и они вдвоем ахали и охали над этими корешками. Смешно. Старая детская книга лежит на комодке, его подарок, вся уже в закладках. Странная она, эта рыжая мавка, и не разгадать вовек загадку Сфинксы, лучше сразу — в пропасть, добровольно.

А все его богатство — табличка на двери кабинета, книги, побитая шкура, пятеро друзей за спиной, и седая мать, положившая свою жизнь на алтарь образования чужих детей.

Что он может ей дать...

Так стоял один на террасе чужого дома, глупо ища тепла своему одиночеству, и не знал, как рассказать то, что творится с ним последнее время. Слишком долго он был сильным, и отвечал за все, а сейчас лишь молил про себя, зажмурив глаза, будто истекая кровью внутри: «Я пришел к тебе, к единственной, кого хочу видеть в эту минуту, подойди, обними, пойми меня!»

И не знал, как объяснить свое желание словами.

Не научили, не научился сам...

Ее руки осторожно обхватили седую голову взрослого мальчишки, тонкие ладони, пахнущие сейчас сладкой выпечкой и мылом, прижались к щекам, поглаживая, успокаивая, именно так, как он мечтал в эту минуту.

Он обнял ее, такую тоненькую, вцепился, перевил руками, умирая от неиспытанной до этого момента нежности, и горечь последних событий прорвала каменную стену принципов, вбитых намертво с детства.

Мужчина должен нести ответственность.

Мужчина должен защищать.

Не показывать слабость.

Не плакать, когда больно.

Мужчина должен...

Тень подняла морду к хозяину, в недоумении слушая странные звуки, и вдруг тихо

запела-завыла, попав в унисон рыданий тоски по закончившей земной путь светлой душе простой старой женщины...

— Решад, тетя Катя, да? — вспомнила Ира разговор на пляже.

— Да... Я не успел, не доглядел! Я виноват, вовремя не зашел, можно было еще, понимаешь?

— Не вини себя, не надо...

— Еще этот утырок очухался сейчас, и первым делом спросил про свой мотоцикл, а не как девочка... Понимаешь? — повторил обиженным ребенком, и, совершенно по-детски, огромный сильный мужчина хлопнул покрасневшим носом, вновь уткнулся в ее ладони лицом, сотрясаясь от рыданий. — Она в морге лежит по его вине, совсем еще ребенок, а ему важнее железка! Сука-а-а-а... Вытащил я эту ублюдину с того света, девчонки мои почти пять часов стояли рядом, ассистировали. Назар с костылей грохнулся, опять лежит, замкнулся в себе. Давление сколько раз падало у этого дерьма, височную кость по кусочкам собирали, боялись отека. Но мы смогли, а зачем?

— Это твоя работа, ты сделал то, что должен, Решад, не спрашивай, зачем. Может, это нужно было больше тебе? Ты снова можешь проводить операции, правда?

Странно, но это простое объяснение примирило его с несправедливостью судьбы, успокоило, стало легче, будто очистился сейчас, отпали мучительные вопросы. Но следом нахлынул стыд, что он позволил себе разрыдаться в объятиях этой юной женщины, дал слабину. Но и тут она помогла ему перенести неловкость, не подняла на смех, а предложила вдруг:

— Мы сейчас заберемся с тобой на диван, обложимся подушками, и ты расскажешь мне про тетю Катю, хорошо? И можно чуть коньяку. Совсем чуть-чуть, ведь можно?

— До утра я и хотел... Побыть с тобой, Ирка, — с радостью подчинился он, даже не подумав, что можно воспользоваться ситуацией, и, наконец, заняться с ней сексом. Странно, действительно, не хотелось. Нет, хотелось, но потом, сейчас только вновь обнять крепко и захлебнуться в этой нежности к рыжему эльфу...

— Только, чур, ни слова, ни действия, сосед! В спальне девочки, — будто читая его мысли, предостерегла Ира, правда, еще одним «нет» были все же начавшиеся на день раньше критические дни.

— Да меня сейчас хоть самого бери и имей, — улыбнулся он ее жалобному тону, будто... Будто оправдывалась, что не случится большего.

Совершенными детьми построили из подушек баррикады, укрылись пледом, словно впервые стащив у строгого отца бутылку, и, пробуя на вкус взрослый напиток, наливали по глотку, выдумывая дурацкие тосты. Сидели так, прижавшись, делясь своими переживаниями, радуясь, когда находилось общее. А общего у них было больше, чем представить могли — два недолюбленных ребенка потянулись друг к другу, выговаривая обиды и радости, отпускали боль, мучившую всю жизнь.

И уже знали, что все будет, и секс и страсть, скоро, совсем скоро, и смаковали это ожидание, как фиалковый привкус благородного коньяка на губах. Краснели от случайных прикосновений, оголенными нервами чувствуя через одежду, как горит кожа, и убирали руки, пряча желание, пока не придет время. Млели оба от ощущения возникшей близости, особенной, когда бешено тянет быть вместе, чтоб влестись в друг друга, стать одной каплей ртути, как не разделяй ее. И трогать, и разговаривать, и даже молчать, но только — вдвоем.

Но, принимая правила этой странной ночи, не осмелились их изменить, успокаивая

болтовней сердца, бьющиеся диким танцем кастаньет. А нужно всего ничего, произнести вслух то, что ждали друг от друга, и боялись сказать, потому что оба понимали — дальше начнется другая история.

«Я буду верен тебе».

«Я тебе верю...»

На миг Ира отвлеклась, отвернулась поправить подушку, увлеченно рассказывая что-то, а когда повернулась обратно, осеклась на полуслове. Решад безмятежно спал, улыбаясь во сне, подложив ладонь под щеку. Усталость, выплеснутые эмоции и коньяк сделали свое нехитрое дело. Всегда нахмуренные брови расслабились, разгладилась упрямая складочка над переносицей, убрав с мужского лица десяток лет.

— Ты, действительно, лучший, — прошептала она ему в висок, глядя по волосам, и, убаюкивая, тихонько повторила слова за старой песней, чуть слышно доносящейся из колонок:

— Darling, when the morning comes
And I see the morning sun
I want to be the one with you.[1]

(1 июля, воскресенье. +30)

Телефон привычно разбудил в шесть утра тихим перезвоном будильника, только, почему-то, не с той стороны дивана. Решад открыл глаза, пару секунд не понимая спросонья, почему так, и улыбнулся, когда дошло. Надо же, уснул у соседки в гостях. Жаль, что она не осталась рядышком до утра, но так даже правильно, после такой душевной ночи все б опошил своим утренним стояком, бесстыдно выпирающим в мятых льняных штанах.

С сожалением откинул уютный плед, встал, потянул мышцы, разминая. Посмотрел сообщения в ватсапе. На работе, вроде, тихо, даже странно, что нет кучи воплей, что ему нужно немедленно бежать, разгребать, принести, забрать, а потом идти куда подальше и не мешать.

Сообщение от Ирки, набранное, когда он еще бессовестно дрых в подушках, умилило своей простотой: «Доброе утро, засоня! Оладьи в миске под полотенцем, молоко, сметана и джем в холодильнике, там же все для бутербродов. Кофе варить умеешь? Дерзай. И, кстати, ты не храпишь!» И смеющийся смайлик.

Как ей удастся тактично сглаживать неловкие ситуации парой слов?

Уминая первый оладушек, еще теплый, на цыпочках, чтоб не разбудить девчонок, прошел в туалет, в ванной комнате сполоснул лицо. На обратном пути заглянул осторожно в спальню, впервые попав в эту комнату. На широкой кровати посапывали девочки, а с краю прикорнула на боку рыжая его мечта, обняла подушку, закинув бесконечно длинную ногу поверх одеяла.

Вот это кровать! Взлетная полоса, не меньше. Скоро он попробует прочность этой кровати, может даже, сегодня-завтра...

Решад подмигнул старому плюшевому мишке, что сидел на кресле, тараща оловянные глаза на бесстыдно округлую попку хозяйки в коротких пижамных штанишках.

Улыбаясь от увиденной картины и своих мыслей, прикрыл дверь. Постоял еще немного возле, повернулся, и в распахнутой настежь гардеробной увидел распятое на плечиках платье. Огромное, белое, рыхлое, как перестоявшее тесто, вылезшее боками из кастрюли. Подсвеченное юной зарей сзади, из окна, оно, казалось, нагло ухмылялось вырезом,

усыпанным блестящими камнями.

Богатое.

Для богатой невесты, Прони Прокоповны, не меньше.

Меньше всего он ожидал увидеть вот это в гардеробе соседки, даже не столько свадебное платье, мало ли, какие у девушек в голове фантазии, а до тошноты безвкусное, убогое в своей кричащей роскоши «великолепие» воскресного базара. Дорогое, наверное.

Весь день это платье некстати всплывало в памяти, вызывая раздражение. Твердо решив спросить, что означает появление такого наряда в ее доме, не додумывая самому, успокоил тревожные мысли. Спросить, зная, что получит максимально честный ответ.

Домой попал после полуночи, соседний дом уже погрузился в темноту, и неловко было опять вваливаться в гости так поздно. По идее, нужно пригласить ее на свидание, лучше всего в Казань отвезти, да, он так и сделает на днях.

Долго рассматривал предложения ресторанов, достойных ее, выбрал пару, добавил в закладки. Пригодится после роллердрома, куда непременно хотел съездить вместе с ней. Сам, конечно, кататься не станет, не умеет, но она же любит ролики! А он будет смотреть, как она наполняется счастьем любимого развлечения, и будет счастлив тоже. В предвкушении свидания, зайдя в мечтах еще дальше, принялся вдумчиво выбирать гостиницу на ночь.

Утром понедельника, привычно разминаясь с гантелями, заметил движение на террасе соседнего дома. Повернулся улыбнуться ранней пташке, позвать на реку, искупаться вдвоем в нагретой ранним солнцем воде.

И вместо рыжей красавицы увидел полуобнаженного Кашея...

[1] Дорогой, когда настанет утро

И я увижу первые лучи солнца,

Я хочу быть той, что будет рядом с тобой.

«Just the Two of Us» 1981 в исполнении Билла Уизерса.

Небрежно намотанное на бедрах полотенце, сигарета в одной руке, чашка кофе — в другой. Довольная, улыбающаяся рожа сытого лиса не оставляла сомнений — ночь у соседки он провел отлично. Предательски онемела левая рука, гантель выпала из задрожавших пальцев, покатилась с глухим стуком по доскам.

Счастливый соперник обернулся на звук, понял, что его маленький спектакль, разыгранный для одного зрителя, сорвал аплодисменты. Поднял чуть вверх изящную чашечку в приветствии, подмигнул, повел бровью в немом признании: «Все, победитель получил приз!», и, будто позвали его из комнат, скрылся внутри дома.

Еще гордились с Кашеем тем, что настоящую мужскую дружбу не разрушила ни одна, пусть самая смазливая, девица.

Допрыгались.

Рано или поздно на пути беспечной мужской дружбы появляется Елена Троянская, яблоко раздора. У нее миллион лиц, разный возраст, сотни богов, вставших на ее защиту, но конец один: вчерашние друзья, утверждавшие, что вот их точно минует сия горькая чаша, готовы убить один другого за благосклонный взгляд, за небрежно упавший платок.

И рушится мир, распадается неровными ломтями на «до» и «после», перекраивается карта вселенной, тасуются звезды бешеной пляской в изящной женской ручке.

— Ирочка, дорогая, ты уже в пути? — звонок Кащея наполнил салон машины довольным голосом, прервав музыку. — Мебель принял, проверил, проконтролировал расстановку.

— Да, буду дома скоро, в пределах часа, ты можешь не дожидаться, Кость, спасибо, что выручил!

— Может, в «Трюм» завернешь по пути, и я подъеду. Кофе попьем, посидим, поболтаем?

— Хорошо, заверну. Тебя на работе не потеряли?

— Как приятно, что ты волнуешься за меня! Все в порядке, дорогая. Целую нежно, жду.

— Ладушки.

Совершенно не хотелось тратить время на посиделки с Костей, но неудобно, после того, что он помог с мебелью. Перепутала она сама день доставки, и Костя, действительно, выручил. Да и, увидев, что она, балда, забыла закрыть дом, воскресным днем сорвавшись в город утешать Ландыш в очередном разрыве отношений, сам предложил удобный вариант — он остается до утра, принимает работу грузчиков, раз бессовестно продрых эпопею с ремонтом, а она отдыхает с подругами.

Можно не встречаться с девчонками, когда все хорошо, но нельзя оставлять подругу в горечи расставания, как далеко бы не находилась сама. Их трио — это святое.

И, все-таки, что за мужчина теперь рядом с Женькой? Похорошела подруга, будто крылья за спиной выросли, неужели ей повезло? Хорошо бы, Даньке отец нужен, и Женя достойна быть счастливой...

И она достойна.

Потерпеть до вечера.

И вечером увидеть соседа, хоть мельком...

— Ирочка, любовь моя! — у «Трюма» уже стоял Костя, раскинув руки. И цветы успел купить, надо же.

— Спасибо еще раз, Костик, выручил.

— Выполнять твои капризы готов всю жизнь! — торжественно произнес мужчина, отодвигая перед ней стул. — Все, что пожелаешь, дорогая, в любых количествах и временных рамках.

— Пока я хочу... — закрылась папкой меню от любопытных взглядов посетителей. Слишком известен Костя в пределах районного центра, и слишком явно он оказывает знаки внимания ей, обозначая намерения, что обязательно вызовет шквал слухов в сонном поселке. — Море холодного чая с персиками и попробую печеночный паштет, оценю мучения повара у Фарика.

— Почему же мучения?

— Это такая закуска, которую легко превратить в блюдо высокой кухни, но испортить его еще быстрее.

— Согласен. Смотри, у нас с тобой сколько общего! Даже такая малость, что готовить любим оба, и поесть вкусно, и обсудить мировые тренды в кулинарии. Кстати, я «подсел» на просмотр украинского шоу МастерШеф, жду восьмой сезон. У нас скучно снимали, а у

соседей такие страсти!

— О, я за Мишу Грушецкого в последнем болела! Но Пава победил заслуженно.

— Вау! Иришка, будем смотреть вместе! — Костя обрадовался искренне, наконец-то найдя человека, с кем можно обсудить его увлечение. — Я еще не теряю надежды на палатку и супчик из кильки, а?

— Кость, я только «за», но, если поедем, по алкоголю умеренно возьмем, хорошо?

— Как скажешь, дорогая. На днях я постараюсь разгрести дела, чтоб меня пару дней не трогали, и уедем. Покажу тебе красоту Камы.

— Я тоже посмотрю, сколько буду по времени в поселке, сколько в городе, — как же не хотелось куда-то ехать с Костей! Нравился он ей, не поспоришь, но душа летела не к нему...

— Я буду ждать, сколько скажешь. Все хотел тебя спросить, как ты меня в телефоне обозначила? Ты у меня записана «Любимая Ирочка» и я не шучу.

— Вот, смотри, я пока схожу в туалет, — разблокировала свой телефон, положила перед мужчиной на стол. — Мне скрывать нечего.

— «Костя». Скучно же! Разреши, я себя перепишу, мне будет приятно!

— Ладушки.

Хоть что пусть пишет, от перестановки слов любовь не появится. Уже потихоньку раздражаясь на его просьбы, Ира направилась к неприметной двери у выхода. Хотелось нормально поесть, доехать до дома, немного поспать, а потом уже подумать, что и с кем делать дальше.

Мужчина схватил чужой телефон, первым делом открыл журнал звонков. От Ярканата, как он и думал, молчок. Проверил ватсап, тоже ничего. Значит, он до сих пор носитя со своими принципами, как курица с яйцом, идиот. Типичный Скорпион.

Костя верил гороскопам, любил на досуге почитать характеристики знаков, удивляясь совпадению, тайком сверял свои действия с прогнозами на будущее. Ну, правда, в день рождения Лешки не хотел приезжать в родной поселок, надеясь отделаться телефонным звонком, а подарок отдать позже.

Но прочел с утра, что для Козерогов «открывается волшебная дверь исполнения заветных желаний в будущем при встрече с прошлым», удивился еще размытости формулировки, поехал. И, вот, встреча с будущей женой в компании старых друзей — чем не подтверждение правдивости гороскопов?

Мужчина открыл свою страницу номера, быстро набрал три слова, сохранил, и положил телефон обратно.

Входная дверь заведения открылась, и ба! Какие люди! Решад Маратович, друже, собственной персоной, легок на помине! Заполнил своими плечами пространство у бара, придерживая за талию раскрасневшуюся от нашептываемых на ушко комплиментов продавщицу из ювелирного, Верочку. И оп, как по нотам, Ирка возвращается из дамской комнаты лоб в лоб! Вот в чем прелесть небольших поселков, где нет выбора развлечений!

Костик едва не захлопал в ладоши, наблюдая, как поздоровалась Ирина с соседом, улыбнулась, засияла, шагнула к нему ближе, но увидела Верочку, остановилась в недоумении. И как Ярканат скользнул взглядом по Ире, будто по пустому месту, обдавая презрительным холодом, отвернулся к своей даме, заворковал, предлагая занять столик у окна. Усадил Веру, заметил счастливого друга, коротко кивнул, сел спиной к нему, всем видом показывая, что не намерен разводить политесы.

Все сделал правильно, Мышь летучая, ушел с дороги, признав поражение. Помнил, чем

обязан Косте.
Жизнью.

По странной случайности, не имея родственных связей, дети от разных родителей, оба имели первую группу крови с отрицательным резусом, редкий случай, еще со школы смеялись, что донора искать не надо, под боком ходят.

И дважды Костя, бросив все дела, махом преодолевал огромные расстояния по зову матери друга, вытаскивал его с того света. И никогда никому не рассказывал, что сам чуть не подох, добираясь до захудалого полевого госпиталя на границе страны.

Только в жутких ночных кошмарах тяжелыми, душными, грозowymi ночами августа, вновь и вновь он, еще слабый после забора крови, блуждал среди сложенных из белого камня одноэтажных длинных одинаковых строений без каких-либо опознавательных знаков. И, завернув неудачно за угол одного, застывал в тени крыши, невольно становясь свидетелем убийства того, кто едва не отправил Решада на тот свет.

Метался в подушках, покрываясь потом, вскакивал с постели, под холодным душем унимая тахикардию и дрожащие руки. Потом щедро наплескивал себе в граненый стакан двенадцатилетнего коньяку, уходил на балкон курить.

Но мозг снова прокручивал, как старую пленку, сбивчивую исповедь человека, стоявшего на коленях перед командиром друга, в полукруге вооруженных молчаливых черных теней: «Он же мусульманин, зачем ему ваша Россия? Мы предложили ему выгодную работу в Турции, через пять лет он бы стал богатым человеком, сам виноват, что не согласился!»

И вместо благородных оттенков напитка вновь ощущал во рту привкус собственной рвоты, и снова дрожали предательски ноги, словно опять видел перед собой, как одним точным движением командир друга провел ножом по горлу обреченного, без суда определив вину и наказание. Не отрываясь, смотрел на умирающего врага, из раны которого толчками выплескивалась кровь, с каждым мгновением унося жизнь возмездием за боль и кровь Ярканата.

Тот страх, когда огромный мужчина обернулся на звуки спазмов вывернутого желудка, и встретился глазами с ним, пошел в его сторону, ускоряя шаг, не смотря на хромоту, Костя никогда больше не испытывал. Как штаны не обмочил...

А подполковник мягко, по-отечески, взял его за плечи, увел к себе. До рассвета пили они какое-то жуткое местное пойло, когда закончился привезенный Костяном бренди.

Пьяный в драбадан, зареванный от жалости к другу, Костя, тем не менее, до последнего слова запомнил рассказ о страшной участи Ярканата, не случись парням вовремя его спасти, и согласился с ночным убийством: «Это сделали три боевика Салиха, полевого командира, без его согласия. Промышляют тем, что людей похищают. Нашему лейтенанту предложили работать в Туретчине черным трансплантологом, хирург он от Бога, твой дружок. Большие деньги за такого профи им предложили. Когда не согласился, просто выкрали, используя его слабость на баб. Сперва по-хорошему уговаривали, потом избивали, без продыху, неделю. Мы его искали, прочесывали местность, пока девка, что его выманила, не прибежала сама. Пожалела парня. Ее потом не пожалел Салих. Мы успели, повезло, что, самого молодого оставили Ярканата добить, точно так же, как ты видел, но у того рука дрогнула. В паре миллиметров от вены... И граната, подложенная этой падалью под дока, взорвалась не сразу, как я поднял лейтенанта с земли, успел ее пнуть в обрыв. Друг твой удачлив, как дьявол...

Жизнь положу, но найду оставшихся двоих, только бы лейтенант мой выжил. Салих обещал помочь в поисках, он добро помнит, в долгу он перед доком».

Утром, как не искал Костя то место, не мог найти. Все было присыпано свежим песком, будто не было жутких событий ночи. Но Костя помнил...

Хорошо еще, два года назад, его, впечатлительного, вообще не пустили в реанимацию, когда чудом, дрожащей ниточкой на экране кардиомонитора, друг вновь выкарабкался из небытия после обстрела колонны. Хватило ему еще в полевом госпитале картины жестоко избитого, переломанного тела под мятой простыней, и жуткой раны на шее названного брата.

Потом, в Питере, когда появилась возможность перевезти Ярканата в госпиталь при академии, сам не стал заходить в палату, пол топтать, улетел домой, только объявили, что кризис миновал, и есть малюсенький шанс...

А о том, что при каждом удобном случае сдавал кровь с той страшной ночи, давно став почетным донором, и вовсе предпочитал молчать.

— Костя, я очень устала, может, в следующий раз увидимся? — на Ире лица не было, хотя она пыталась улыбнуться своему спутнику.

Он даже не поздоровался! Только посмотрел так, будто оскорблен смертельно, а, главное, за что? Что она с Костей чай пьет в общественном месте? Да сам едва в трусы рукой не лезет к своей дамочке! А если бы она не заехала в «Трюм», не увидела бы, как он развлекается, многостаночник!

Сволочь членистоногая!

— Ты что-то бледненькая у меня, может, правда, в следующий раз, — изображая заботу, Костя помог спутнице выйти из-за стола. Внутри все дрожало от восторга победы, хотелось орать кличем бабуина, до потолка подпрыгнуть!

— Приезжай завтра вечером, — тихо предложила Ира, не отрывая взгляда от целующейся парочки у окна.

«Да! Да! Да! Кто молодец? Я — молодец!» — заорал он про себя, но спросил осторожно:

— Если ты хочешь, я приеду. Почему не сегодня?

— Мне нужно поспать, Костя. Завтра.

Пока Костя рассчитывался у стойки, не отпуская ее руку, пока Фарик с пылом восточного человека наговорил парочке любезностей, желая всех благ, Решад еще держался, улыбался хихикающей не к месту спутнице.

А когда увидел за окном, как облапал Костя соседку, прощаясь у ее машины, как яростно целовал, впиваясь в нежные губы, едва не выскочил вслед отшвырнуть старого друга от рыжей отравы. Сдержался.

И только завыл от боли смертельно раненый зверь, что утром поселился внутри, в душе, и скулил, и лапой скреб в агонии...

Вера, доверие, верность? А сама?

Шлюха двуличная, даром, что — рыжая...

Недавно смеялись с Артуром, споря над избитым выражением: «Стал серым мир», а сейчас понял смысл. Смотрел вслед отъезжающему Хаммеру, и будто пылью покрывалась картина его мира, краски стекали под ноги прохожих, оставляя ему два цвета в вечное пользование — серый и угольный, рисунок, сколько влезет...

(3 июля, вторник, + 32)

Промучившись всю ночь без сна, наедине с невеселыми мыслями, ранним утром Ира решительно взяла увесистый молоток и упаковку самых больших гвоздей, направилась на границу участков к злополучной калитке.

Вытащила гвоздь из пакета, поставила наискосок в шпакетину, и первым же ударом попала себе по пальцу, взвизгнула, сунула стремительно опухающий пальчик в рот. На странные звуки выскочил с веранды виновник «торжества», усмехнулся, поняв, что задумала соседка, подошел со своей стороны забора, сложил руки на груди, наблюдая.

Как примерная отличница, Ира, даже не посмотрев на мужчину, старательно вколачивала гвоздь в дерево. Упрямый гвоздь не поддавался, увиливая в разные стороны под неумелыми ударами молотка. Улучив момент, Решад протянул руку и молча отобрал у нее инструмент, одним движением выдернул бесполезный гвоздь, перекинул пакет на свою сторону.

И навсегда заколотил калитку, яростно вгоняя гвозди парой ударов по шляпкам по всей высоте дверки. Когда опустел пакет, швырнул молоток под ноги дрожащей от обиды девушке, развернулся, и ушел в дом.

— Алло, дорогая, все в силе, я собираюсь к тебе? — радостный голос Кости уже раздражал.

— Привет, Костя, прости, весь день на огороде, я забыла, честно, — мечтая полежать в горячей воде, Ира совсем не хотела развлечений. Еще любимые резиновые перчатки смешного рисунка порвались, и теперь под ногтями собралась грязь, как у Сашки-пропойцы. Старая футболка и грязные шорты тоже не добавляли шарма. — Может, в следующий раз? Сейчас мне хочется в душ и отдохнуть.

Черт, Костя... Совсем забыла, что предложила встретиться вечером, весь день яростно уничтожая сочные сорняки, утрамбовывала их в черные мешки, подготавливая «горячую» подкормку. И каждый наглый сорняк представлялся соседом, а она с удовольствием отрывала ему голову, выдирая с корнем из земли. Даже пострадавший пальчик не щадил, наоборот, ноющая боль будто придавала сил, не давала забыть его презрительный взгляд. А ночью казался таким искренним, настоящим, но прошел день, и взялся за старое. Интересно, она одна осталась в округе, кого он еще не «обрадовал» своим членом?

Выдумывая новые эпитеты в адрес соседа, увлеклась так, что не заметила, как прошел день.

— Хорошо, я позвоню завтра, отдыхай, — не скрывая разочарования, Костя, все-таки постарался остаться вежливым. Он бы настоял на встрече, если бы не видел сейчас, куря на балконе, как к дому напротив, к подъезду, где жила Верунчик, подъехал старый Форд.

— Спасибо, Кость, я, действительно, устала, весь день не разгибалась, — Ира с облегчением положила в карман телефон, помахала приветственно Кате, проходившей мимо ее участка.

— Ирка, я сейчас к тебе зайду!

— Жду, Катюш, — улыбнулась девушка.

— Ну, кто там такой вежливый? — не выдержал Назар, когда в двери постучались в третий раз. — Заходите, открыто!

Тень даже не повернула голову, растянувшись поперек дивана, значит, свои. По негласному договору с гостем, оставаясь наедине с вкусно пахнущим деревом человеком,

волчица тут же запрыгивала на мягкую лежанку, взбивала лапами нору из одеяла и простыней, и не обращала внимания на слабые попытки ее согнать.

Стук не прекращался. Назар подтянул костыли, кое-как встал. Еще болело плечо и спина не давала спать после падения на операции, теперь даже в туалет было сходить проблематично. Осторожно переставляя костыли, вышел в зал, толкнул входную дверь:

— Что, трудно проверить, открыто или нет?

— Добрый вечер, простите, не подумала, — Катя испуганно смотрела на мужчину, впервые увидев постояльца Яруллиных. — Меня Наиля Ильдусовна попросила забрать документы, я возьму папку и уйду, вы не думайте чего. А, еще вот, она просила вам передать, вы же — Назар?

— А что, вы еще кого-то видите здесь? — за грубостью спрятав смущение, мужчина кивнул на стол, не взяв протянутые ему книги. — Сюда положите, или будете ждать, пока у меня третья рука отрастет?

— А вы хамло, однако... — Катя дернула носиком, шлепнула книгами по столу, схватила красную папку с гладильной доски, развернулась к выходу. — Жаль, ваш возраст уже не оставляет шансов на научение, как вести себя с женщиной.

— Женщина в брюках не может рассчитывать на галантное вальсирование перед ней. Я, знаете ли, старомоден, феминизм не признаю даже в мелочах, — не остался в долгу Назар, подпустил шпильку, хотя сказать хотелось другое. Что такую женщину нужно носить на руках, не отпуская ни на миг, распустить ее волосы, этот нелепый учительский пучок на макушке, чтоб волной по спине. Вдруг представил ее, счастливо жмурящуюся на солнце, и в его рубашке, застегнутую небрежно всего на одну пуговку, босиком, стоящую у окна ранним утром.

Но обручальное кольцо на ее тонком безымянном пальце... Конечно, такая женщина не может быть одна, это преступление. Нет шансов...

— Мужчина без мозгов вообще не может ни на что рассчитывать! — вспыхнула Катерина, пронеслась мимо, едва не снеся калеку с шатких костылей, хлопнула с размаху дверью.

Назар доковылял до стола, неловко сел, и, словно впервые, чужим взглядом, посмотрел на пустую штанину, заправленную внутрь. Чудовище кривое, безногое, и так беда, еще и нагрубил, как последний поц. Хорошо еще, рубашка была выпущена поверх штанов, совсем бы было смешно, если б заметила дамочка, как отреагировал его организм на первую мысль о ней. Не для него теперь подобные развлечения...

Вся пунцовая от возмущения, Катя добежала до соседней калитки, влетела на террасу, едва не снеся ротанговое кресло, плюхнулась на диванчик:

— Ирка, дай сигарету!

— Ты же не куришь, Кать, что случилось? — кивнула девушка на пачку, лежащую на столике. — Ты чего такая взъерошенная, будто кто гонится за тобой.

— И зачем я только согласилась сходить туда! Дура безотказная... — заявила Катя, сделала затяжку, закашлялась с непривычки, ткнула сигарету в пепельницу. — Нет уж, из-за дурака здоровьем рисковать!

— Да что случилось? Решад опять в своем репертуаре?

— Причем здесь Решад? Этот их Назар, хамло редкостное!

— Назар? — удивилась приятельница, ставя на стол поднос с чашками. — Этот

медвежонок умеет хамить, да ты шутишь? Назарчик — золото, ты что?

— Золото самоварное... Заявил мне, представь, что женщине нельзя в брюках ходить, видите ли, ему не нравится! — бросила в чашечку две ложки сахара, потянулась за заварочным чайником. — Спрашивать я буду всякое хамло, что надевать!

— Никогда б не подумала, что Назар способен на хамство. Может, он что одним глазом не разглядел? — Ира постаралась свести ситуацию в шутку, успокаивая возмущенную библиотечаршу. Подвинула ближе к женщине вазочку с конфетами в качестве утешения. — Назарчик просто прелесть, Кать, умный, интересный с ним часами можно болтать. Прости парня, может, он от неожиданности нагрубил.

— Слушай, Ирка, а я и не заметила, что у него проблема с глазом. Вообще не обратила внимания, надо же... А ты верно подметила — медвежонок! — расхохоталась гостья, успокаиваясь. — Ир, в Зареченском с двух домов предложили вывезти книги, бесплатно, можно тебя попросить съездить завтра?

— Конечно, о чем речь. Славика с собой возьму. Ой, Кать, он в прошлый раз выпросил себе книгу, ты не поверишь, какую!

— По математике что нашел?

— Нет, Кать. Сонеты Шекспира! Как я сдержалась, чтоб не заржать, с каким видом ее листал, потом оглянулся, попытался в брюки спрятать.

— Хороший мальчишка, с родителями не повезло...

— Катюш, я поговорила с отцом, он согласился оплачивать учебу нашего гения. Нельзя такому таланту железки всю жизнь перебирать.

— Ого, отлично! Ладно, Ирусь, я побежала, Наиля Ильдусовна документы ждет, я и таг задержалась. Сегодня похороны Катерины Петровны были, все на нервах, зареванные ходят в школе.

— Да, жаль.

— Завтра во сколько поедешь за книгами?

— Часам к десяти вырулю, хорошо? Адреса скинь.

— Договорились.

(4 июля, среда, +28)

Уставшие, но довольные проделанной работой, Ира со Славиком выехали со школьного двора, решив съездить в дальний лес, отточить у паренька навыки вождения.

— Только в магазин заскочим, минералки возьмем, хорошо? — остановила Ирина машину на дороге.

— Я б и пожрать не прочь, колбасы куплю, — обрадовался пацан, освобождаясь от ремня безопасности.

— Идем, голодное Поволжье, сделаем выручку Натке.

У прилавка, облокотившись на витрину, дед Агутья разливался соловьем перед почтальоншей и Натой, вгоняя в краску шутками на грани пояса. Увидев внука, смешался, засуетился, весь вытянулся в струнку, показывая парню, что не за водкой пришел в магазин, за продуктами:

— Славка, я тут рису взял, с курой щаз, со свеженькой, плов сделаю, а, ты как, дома появишься? Печенюшки твои любимые тоже взял, колбаски.

— Да мы ненадолго с Ирой на поле съездим, и я домой, дедуль, ты отдыхай, — Славка гордо протянул деду мятую тысячу, предлагая оплатить покупки. — Держи, у меня еще есть.

— С таким внуком и пенсия не нужна, да, девки? — подмигнул Агутья дамам, с теплотой глядя на пацана.

— Давай сбегаяю, отнесу сумки домой, тяжело же, набрал, как на зимовку, — подхватив сумки, Славка крикнул от тяжести, но, заглянув внутрь, и не увидев горлышки бутылок, рванул к выходу. — Ир, подождешь меня, я мигом!

— А сбегай, я еще постою с барышнями, уж больно хороши они у нас, — дед разогнул грудь, раздуваясь от гордости за внука.

— Подожду, не переживай, тем более, Резеда-апа еще впереди нас.

Резеда открыла было рот продолжить список покупок, но вдруг съежилась, отступила от прилавка, увидев нового покупателя. На порог магазина, с кривой ухмылкой шагнул Санька, покачнулся, выровнял траекторию движения, походя, демонстративно толкнул Иру в плечо, протискиваясь к витринам:

— Дай пару пузырей, чего вылупилась? — Сашка без зазрения совести протянул руку, схватил из пакета, стоящего на весах, арахис в шоколаде, закинул горстью в пасть. — Шевелись, дура.

— Саш, у меня нет денег на твою пьянку, без денег не дам, — спокойно ответила Натка. Убрала пакет с весов под стол, принялась взвешивать заново, понимая, что Резеда может возмутиться подобным грабежом из ее кулька. — Приехал, так проспись сперва. Иди домой, пожалуйста.

— Иди домой, пожалуйста, — писклявым голосочком передразнил алкаш жену, оборачиваясь к холодильнику с пивом и газировкой. — Командирша нашлась. У Коляна днюха, я пустой пойду поздравлять? Пива еще возьму.

— У вас каждый день, то днюха, то именины, моя зарплата не резиновая, всю вашу шоблу поить! — от стыда за поведение мужа у Натки задрожали руки, арахис ссыпался на пол из совка, хрустнул под ногой. — Не трогай холодильник!

Раздраженный отказом, алкаш рванул вбок стеклянную дверку, но та выдержала.

Разозлившись на упрямую створку, отделяющую его от вкусного напитка, Санька саданул по стеклу ногой, так, что присутствующие ахнули, оглушенные звоном рассыпавшегося стекла.

— Ты что творишь, алкашина проклятая! — взвыла Резеда, обретя дар речи. — Совсем ополоумел, скотина!

— Ты давай, старая, чеши отсюда, пока я добрый, — огрызнулась пьянь, скручивая пробку с полторашки пива. Отхлебнул шумно, рыгнул. — Хорошо!

— Я вызываю полицию, — Ира ткнула пальцем в номер Алексея, но пропойца махнул рукой, выбив из рук девушки телефон.

— С тобой отдельный разговор будет, рыжая, только замариную тебя, — задумав месть за пинок главврача, Сашка схватил за руку завизжавшую девушку, занес над ней полторашку, намереваясь облить пивом, но вдруг моргнул, в недоумении попытался оглянуться, свел глаза к переносице и рухнул на пол, рожей в битое стекло.

За его спиной медленно сползал по витрине Леонид Матвеевич, сливаясь цветом лица с белой панелью. Схватившись за левую сторону груди, он так и не выпустил из руки бутылку шампанского, которой ударил Саньку по голове...

— Ирка, что происходит, ты где? — раздалось из динамика телефона, валяющегося на полу.

— Лешка, бегом в магазин! Звони Решаду! Инфаркт, Леша! — рыдая навзрыд, заорала Ира в трубку, опустилась на колени перед дедом, сквозь пелену слез, будто в замедленной съемке наблюдая, как Резеда подхватила свою сумку, вытащив матерчатую косметичку, рванула замочек, выхватила блистер таблеток, суматошно надавила пальцем выемку. Красная прозрачная горошина нитроглицерина упрыгала под стол, вывернувшись из трясущихся пальцев, но вторая капля благополучно скатилась в старческую ладонь, и точным движением Резеда сунула таблетку под язык старику.

Не слыша собственного голоса, Ира еще что-то орала деду, упрашивая не умирать, потом в телефон, пока Алексей не забрал у нее трубку из рук. Время откатилось назад, ускорило, звон в ушах прекратился, когда она увидела Решада в белом халате, шагнувшего к ним по осколкам стекла. С отчаянной надеждой пыталась поймать его взгляд, но строгий врач только тихо спросил что-то Резеду, посмотрел на упаковку таблеток, кивнул, легко поднял на руки сухонькое тело старика, вынес из магазина. Ирина рванула следом, лишь услышала, как сосед бросил подбежавшему Славке: «Жить будет, вечером приходи».

Опустилась без сил на ступени крыльца, успокаиваясь после этого обещания, безоговорочно поверив обнадеживающим словам.

— Ир, это что? Что это? — бестолково повторял Славка прыгающими губами, сдерживая слезы. Сел рядом, понимая, что сейчас бесполезен в больнице. — Вот же только все нормально было...

— Сашка, пьянь скандальная... — сил не было на подробные объяснения, все равно сейчас давать показания свидетеля, Слава все услышит сам.

Парень вскочил, метнулся в магазин, подлетел к валяющемуся на полу мужику, замолотил по туше кулаками, из-за застилающих глаза слез не особо причиняя вреда алкашу:

— Это тебе за деда, сука, тварь, ненавижу!

Алексей молча сгреб подростка в охапку, прижал к себе, успокаивая, приглаживал отросшие вихры.

Приехал наряд из райцентра, началась обычная рутина снятия показаний, опроса

свидетелей. Матерящегося на все лады Саньку полицейские еле упаковали вдвоем, практически запиная в узик вырывающуюся из рук тварь.

— Когда ж эта пакость упокоится, надоел хуже горькой редьки, — старший по званию устало закурил у машины. — Руки вымыть хочется. Мать его завтра прискачет, умолять будет закрыть дело по административке. Инвалид он у нее, как же.

— Такие как раз долго небо копят, — откликнулась Резеда, выйдя на крылечко. — Леша, если понадобится, заходи, хоть на работу, хоть домой, все подпишу, может, пару годиков вздохнем спокойно от этого дерьма. Вырастила Людка апельсинку от осинки, все в жопу дула сыночке, оправдывала его выкрутасы, вот и выросла дрянина, каких поискать. Наташку с дочкой только жалко, Людка отыграется на них. Пойду я.

— Спасибо, Резеда-апа, вы вовремя сообразили, что делать, — Ира вышла следом, закончив давать показания. — Я растерялась совершенно.

— Так опыт, девочка, опыт. Муж мой три года назад так же от инфаркта помер, да и я, нет-нет, да таблеточку под язык кину, — вздохнула бабуля. — Худеть надо, да все не соберусь, внуки то пирожки, то блинцы просят, и я с ними, за компанию, мучное в рот таскаю.

— Живите долго, Резеда-апа, — Лешка расплылся в улыбке в ответ на бесхитростные объяснения почтальонши. — Без вас никуда.

— А смотри-ка, Лешенька, сегодня, как назло, и лавочка пуста, наши «камеры наблюдения» другие занятия наши, вот им обидно будет, а? — как девчонка, Резеда хихикнула в ладошку, представив вытянутые лица сплетниц. Терпеть их не могла с юности, трех заклятых подружек.

— И то верно! Я не обратил внимания, — кивнул на прощание, и, обернувшись к Ире, попросил, уходя. — Зайди ко мне через пару часов.

— Лешик, я пришла, — впервые попав в домик полиции, Ира оглядывалась с любопытством. Правда, смотреть особо было нечего. Небольшая прихожая, широкая комната на два стола и маленький топчанчик. За одним столом сидел Алексей, второй же стол был завален папками, белые тесемки, как в старых фильмах про милицию, выглядывали из картона.

— Присаживайся, душа моя, разберемся с тобой, — Алексей устало потер лоб, начиная неприятный разговор. — Ир, слишком часто ты стала попадать в истории с этим... туловищем. Как бы он не задумал чего.

— Леш, так его ж увезли!

— Вернется, падла... — вздохнул участковый. — Поскакала Людмила Георгиевна по инстанциям, махать справками и умолять отпустить сыночка. Уже пишут встречную заявку на Леонида Матвеевича, суки...

— И что делать, Леш? В чем я-то виновата?

После, как уехала полицейская машина, Ира еще долго успокаивала Славку, говорила какие-то избитые фразы, что все будет хорошо, но с ужасом понимала — не выживет дед, и этот, по сути, еще ребенок, останется один на всем белом свете, совсем один в свои неполные шестнадцать...

Потом позвонила Светик, обрадовав добрыми новостями из больницы, и Славка убежал к деду. Вдвоем с Натом прибрались в магазине, молча курили на крыльце...

— Ты б уехала в Казань на пару-тройку дней, а? — с надеждой на согласие предложил

друг.

— А потом? Из-за этого козла совсем исчезнуть из поселка?

— Не оставит оно тебя в покое, Ирка, проблемы будут.

Стукнула входная дверь.

— Леший, давай по-быстрому пиши, и я обратно, — на пороге появился Решад, хотел пройти к столу, но, увидев соседку, развернулся. — Позже зайду.

Неожиданно для себя Ира вскочила, рванула следом:

— Решад! Поговори со мной!

Он вздрогнул, запнулся, язычок пламени в руках погас. Не оборачиваясь, мужчина принялся яростно чиркать пальцем по колесу за зажигалки, пытаясь вновь добыть огонь, но безвозвратно доломал кресало. С размаху выбросил в урну и зажигалку, и мятую сигарету, ускорил шаг и растворился в спасительной вечерней темноте.

Только одно объяснение его поведения приходило в голову, как ни раскидывала Ира варианты в тяжелых думах. Испугался. Он просто испугался продолжения той ночи, того, что меж ними протянулась особая связь, тоненькая ниточка, более интимная, чем просто желание запрыгнуть в постель. И предпочел обкатанный годами вариант — развлечение без обязательств.

Теперь нужно всего ничего — уничтожить растущий с бешеной скоростью интерес к соседу, вырвать из сердца, как сорняк, с корнем, без сожаления, пока не станет поздно. Может, действительно, уехать, продать дом к чертовой матери, и забыть этот поселок...

— Вы чего опять не поделили с Ярканатом? — Алексей вышел на крылечко, сел на лавочку рядом. — Он так на тебя посмотрел, я думал, шаровую молнию ловить придется.

— Все нормально, Лешик, плевать на него. Просто сосед по улице.

— Предлагал я тебе сразу, давай поженимся. То-то будет шорох по деревне! — Лешка обнял подругу, пригладил непослушные кудряшки. — Ирка ты, Ирка, голова бедовая...

— Меня ж Натуся загрызет, — хихикнула девушка, доверчиво прислонившись к мужскому плечу.

— Наташа замужем. И, по ходу пьесы, ее все устраивает, — с горечью в голосе ответил Алексей. — Нет, я серьезно, выходи за меня, всю жизнь ржать будем. Станем жить-поживать, всем назло.

— Ага, хороша семья будет, ты на Подгорную улицу с тоской смотришь, я — на соседний дом... — вырвалось у Иры. — Веселья будет полные штаны.

— Все-таки — соседний дом?

— Пойду домой, Лешик, устала. Спать хочется, сил нет.

— Иди, звездочка... Ирка, я прошу, съезди на пару дней в Казань. Шлимана кормить, огород поливать не забуду. Людмила сейчас баннным листом ко всем прилипнет, да и брат ее в райцентре не последний человек... Выплывет Санька опять.

— Не переживай, я справлюсь, Лешик.

— Ну-ну. Спокойной ночи.

(5 июля, четверг, +27)

— Доброго здоровьичка, Ирочка, какая у тебя красота растет, все хожу и любуюсь, ручки золотые у тебя, — Людмила бесцеремонно зашла на чужой участок.

Мало вчера проблем доставили две дуры, Наташка с этой рыжей, дали показания, так

еще и Резеда написала, всю жизнь зуб точила на их семью, вот и выпал шанс подгадить. И Денис наорал, когда прочел составленный протокол, брат, называется. Как в начальники полиции райцентра вылез, так стал нос воротить, через раз помогал единственному племяннику.

Все самой придется, и девок умасливать, и старика просить, чтоб он сдох, проклятый!

Еще Веснин старается каждый раз до конца довести дело, Сашеньку посадить ни за что, все хочет Наташку к себе забрать, семью сына разбить. Ничего, найдется и на него управа.

Раздраженная отказом упрямого полицейского закрыть по-тихому дело, Людмила выскочила из домика полиции. А хорошо устроилась рыжая! Под боком — Яруллины, напротив — Веснины, Решетов- младший в поселке крутится последнее время, и все у этого забора. А городская вертит перед парнями жопой, только успевает. Зачем участок перед домом поливает, когда слюнями этих дураков земля удобрена!

— Доброе утро, — Ира сняла наушники, увидев женщину. Как и предсказывал Леша, явилась с утра. Ира незаметно вытащила из кармана приготовленный заранее диктофон, нажала кнопку записи. — Я вас слушаю, Людмила Георгиевна, что вы хотели?

— Да ничего, Ирочка, шла мимо, дай, думаю, попрошу розочек веточку, хочу у себя перед домом розарий разбить, да не приживаются у меня кусты, вот с твоей легкой руки, может, и укоренятся, — улыбку Люды можно было на хлеб мазать вместо меда. — Бабы в поселке хвастаются, что ни одна твоя роза не погибла, даже после июньских холодов.

— Сейчас только осенью буду кусты делить, приходите, Людмила Георгиевна, дам, каких пожелаете, — не уступая в вежливости, ответила хозяйка.

Обе понимали, что не желание обладать чудесными цветами привело сюда гостью, только одна не знала, как изложить свою просьбу, а другая посмеивалась про себя, ожидая главный вопрос.

— Ну и жара сегодня, да, Ирочка? Я бы с удовольствием чаю попила.

— Жаль, с утра чайник сломался, я б с удовольствием вас напоила, Людмила Георгиевна! И чай закончился. И кофе. И какао. И квас. И даже отвар шиповника. Да и вода осталась только в бочке, огород поливать, — еле сдерживаясь от зашкаливающей любезности, посетовала Ира. — В Зареченское сейчас поеду, по магазинам.

— Ой, так, может, я с тобой съезжу? — ухватилась за возможность нежданная гостья.

— Так у меня и бензин закончился, попрошу кого-нибудь подбросить, — не оставила шанса рыжая язва.

Женщина помялась, собираясь с духом, не выдержала, выпалила:

— Ты б забрала свои показания, я уж в долгу не останусь, заплачу, сколько скажешь!

— Миллион, — озвучила сумму Ира, и добавила, увидев, что не удивилась женщина сумме. — Долларов.

— Ты сдурела, что ли? — теперь у просительницы полезли на лоб глаза. — С ума сошла, идиотка?

— Вам хватило ума просить за преступника, я оцениваю подобный поступок в такую сумму. У каждого своя цена, — спокойно объяснила Ирина свои требования.

— Что ты о себе возомнила, поблядушка городская, цена твоя — три копейки! — сорвалась женщина, резко перейдя к оскорблениям. — Весь поселок уже обслужила, а гонору, как у приличной! Королева нашлась!

— Два миллиона.

— Тварь ты, каких мало, чтоб ты сдохла в мучениях, чтоб ты сгнила, проблядь! — Люду

было уже не остановить.

— Три миллиона. И я постараюсь, чтоб ваш сыночек сел. Найму лучшего адвоката для Леонида Матвеевича, хотя, откровенно, лучший адвокат по уголовным делам — мой отчим.

— Все равно ничего не добьетесь, у меня брат в начальниках полиции, и без вас с Наташкой дело закроет!

— Людмила Георгиевна, наш разговор записывается, сейчас вы подтвердили то, что Голубев, Денис Георгиевич, пользуясь служебным положением, заставляет потерпевших от действий вашего сына забирать заявления, и делает это не в первый раз. Эта запись будет направлена в прокуратуру Казани с соответствующими пояснениями, благодарю, — чуть отступив, Ира показала сжатый в руке диктофон, вовремя вспомнив упомянутую вчера фамилию родственника этой семейки. — Попрошу покинуть мой участок, это частная собственность.

— Ах ты, сука, отдай! — женщина рванулась к хозяйке дома с намерением отнять черный аппаратик с компроматом, но Ирка успела поднять с земли шланг с хлещущей из него водой, и направила на разъяренную фурию.

Вода попала точно в разъяренный рот дамочки, заткнув фонтан оскорблений. На нее было жалко смотреть: богатая хала на голове съехала на бок, тушь растеклась по лицу, мокрое платье облепило тучные телеса.

— Вот и попили чайку, — с усмешкой констатировала Ира. — Вон с моего участка!

— Ну, погоди, рыжая, не удивляйся, если однажды полыхнет твоя усадьба... — с ненавистью прошипела Люда, но так, чтоб не услышала рыжая стерва. Хлопнула калиткой, как с петель не снесла, бегом припустила по тропинке, что идущая навстречу Катерина едва успела сделать шаг в траву, пропуская разогнавшийся бронепоезд.

— Ириша, привет, чего это с Людмилой?

— Душ принимала, не рассчитала напор, — рассмеялась приятельница, поворачивая вентиль крана.

— Ты в Казань когда собираешься? Хотела попроситься в попутчики.

— Да хоть сегодня, Катюш, поедем, развеемся.

— Правда? Тогда я позвоню, как с делами закончу. Ир, и еще, — замялась Катя. — Можно тебя попросить со мной по магазинам одежды пройтись?

— Конечно, только рада буду!

— Тогда до встречи.

Странно, Катя не повернула обратно, а пошла к соседнему дому. Ира вспомнила недавний разговор, быстро соединила в уме просьбу приятельницы и претензию Назара к ее брюкам, скрестила пальцы, чтоб у этой пары все получилось.

Для приличия Катя стукнула по двери, потянула за ручку. Открыто.

— Есть кто дома?

Звон разбившейся чашки был ответом на ее вопрос. Назар с раздражением потянулся за веником, но Катя успела схватить его первой:

— Простите, Назар, я сейчас подмету! Я не хотела вас напугать.

— А получилось. Я гостей не ждал.

— Пожалуйста, простите меня, — быстро сметя в совок осколки, Катерина поискала глазами мусорное ведро.

— Откройте шкафчик под раковиной.

— Да, спасибо, — следуя указаниям, Катя ссыпала осколки, поставила веник на место. — А чашку я куплю, мы с Ирой сегодня в город едем, обязательно куплю.

— Благодарю, я оплачу расходы.

— Наиля Ильдусовна сказала, что вы уже перечитали всю домашнюю библиотеку, и вам нравятся романы Валентина Пикуля, а у нее только один. Я принесла вам на выбор, вот, — кивнула она брошенные в суматохе книги.

— Если можно, обе оставьте, я быстро читаю, — сменил гнев на милость Назар, прикидывая в уме, как бы подольше задержать гостью. — А хотите чаю?

— А знаете, хочу! — Катя улыбнулась робко. И ничего страшного в его лице нет, прикрыто веко с тонкой полосой шрама, так с лица воду не пить, как говаривала бабушка.

— Если не трудно, похозяйничайте сами, пожалуйста.

Вечером, после первой встречи, осторожно спросил Наилю-апу о неожиданной гостье, теперь знал о ней практически все. Обрадовался, что разведена, что из местных никто не смеет подступиться к дочке худрука, всех отшивает сразу, гордячка. Знал теперь, что есть сын, и не испугался.

И вот, опять пришла, теперь уже по собственной воле, не из-за просьбы начальницы. Сама пришла. Может, у него есть малюсенький шанс?

«Девочки, мы с Катей в Казань едем через пару часов, кто с нами?» — написала Ира в чат, созданный на четверых, без мужских глаз, когда Катя скрылась из виду.

«Ой, я б с радостью, но Ренатик обвешался соплями, мы пока из дома никуда», — тут же пришел ответ от Азалии.

«Я работаю», — Наташа присоединила к сообщению грустный смайлик со слезой.

«И я. Начальство мое уехало с утра по округе болячки собирать, потом в лесничество, мы с девчонками чай гоняем. Как-нибудь надо собраться всем, и устроить веселье», — отозвалась Светик.

«Обязательно! Как Леонид Матвеевич себя чувствует?» — написала Ирка. Уехал с утра сосед, и, слава Богу. Меньше его видеть.

«Хорошо, уже пытается шутить» — россыпь смайликов Светика вызвала улыбку.

Странно, прошло два часа, а от Кати ни слуху, ни духу. Ира успела полить весь свой большой огород, теплицы, собрать созревшие ягоды клубники. В одиннадцатом часу сделала себе салат из вареной говядины, яйца, огурцов, мангольда и базилика в сметане, наелась до отвала. Наконец позвонила Катя, что готова ехать.

Болтая в дороге о пустяках, приятельницы находили все больше точек соприкосновения, не только любовь к чтению теперь объединяла их. Катя счастливо жмурилась навстречу солнцу, порой отвечая невпопад, все возвращаясь к разговору с Назаром, нанизывая на ниточку памяти каждое его слово.

Время вдвоем пролетело, и Катя ахнула, посмотрев на часы, с сожалением попрощалась с мужчиной, дав слово, что придет через пару дней с новыми книгами. И сейчас понимала, что ждать два дня — это слишком долго, хотелось видеть этого человека еще и еще, слушать его плавную речь с мягким южным акцентом. Хорошо, что обменялись номерами телефонов, попросил звонить без стеснения, и сказал, что будет звонить сам.

— Ты уже не злишься на Назара?

— Бесполезно на него злиться, Иришка, он чудной, — вздохнула приятельница. — Болтает, как наш Леша, только трибуну дай.

— Накопилось, видимо, — Ира почувствовала, что тема выбрана правильно. — Он очень хороший, Кать, главное — не жалеть.

— Не собираюсь. Отец всю жизнь на костылях, мы от мамы ни разу не слышали с братьями ни словечка, что папу надо пожалеть. Я родителям завидую, до сих пор такая нежность между ними... У меня не получилось, правда, я благодарна мужу за Васяту.

— В наше время редко называют таким именем детей, все стараются выпендриться, не думая, что ребенку с именем всю жизнь маяться.

— Свекровь Васю назвала, в честь Ланового, любимого ее актера. Единственное, что сделала хорошее.

— Что, досталось? — сочувственно спросила Ира, вспомнив Светлану Юрьевну.

— Мы с Андреем жили у его родителей, пытались квартиру снимать, через год вернулись обратно. Он все дело свое пытался открыть, но прогорал регулярно, обвешался кредитами, хорошо еще, мне хватило ума на себя ни одного не взять. Но приставы до сих пор мне звонят. Как ребенок, загорался новой идеей, то магазин дорогой одежды откроет, то бар с кислородными коктейлями, я считать устала его прожекты. В один прекрасный момент я поняла, что не вытяну двух детей на одну свою зарплату, развелась. Как поддон с кирпичами с плеч скинула.

— Вася скучает по отцу?

— Он его и не видел, Андрей то с утра до вечера по городу бегал, то в танчики за компом резался. На Васю внимания не обращал. Когда обнаружилось, что у Васятки зрение плохое, сказал, чтоб я разруливала сама. Ночью к ребенку подойти — сама, он устал. Зубки режутся, плачет — сама, Андрюша в игре. С детского сада забрать — давай сама. Я даже на алименты не подала, смысла не вижу.

— А вот это зря, Катюш.

— Нет уж. Когда мы уезжали с Васятой, свекровь все купленное ею забрала, даже пеленки и мою куртку. Все орала, что разбогатеет Андрюша, а я локти кусать буду, в ногах валяться, чтоб вернуться. До сих пор богатеет.

— Кать, нескромный вопрос, а сколько тебе лет?

— Тридцать будет в октябре, а что? Выгляжу плохо?

— Нет-нет, что ты, просто, обычно ты какая-то уставшая сразу, как проснулась.

— Точное определение! — рассмеялась попутчица. — Знаешь, иногда просыпалась, и понимала, что не хочу ни завтракать, ни мыться, просто лежать и не двигаться. Родители извелись, придумывая мне развлечения. Сейчас сказала, что с тобой в город еду по магазинам, так дали столько денег, я ж не потрачу столько! Васятку мама с собой за ягодами забрала, и, по-моему, в спину мне перекрестилась.

— Катюша, я предлагаю перед магазинами зарулить в спа, только потом шопинг устроим. Будем красивыми и неотразимыми!

(10 июля вторник, +24)

Выезжая с райцентра, Решад заметил на повороте Хаммер. Знакомые номера лезли в глаза, мешая сосредоточиться на дороге, что не выдержал, сбросил скорость, увеличил расстояние, чтоб не гуськом заехать в поселок, еще подумает соседка, что преследует ее.

Плохо без нее... Он физически ощущал эту боль в сердце, каждый раз натыкаясь на мерс Кашея у соседнего забора, только вчера опять видел их вместе на террасе, смеялись беспечно, что он не выдержал, уехал из дома.

На автомате ел, спал, даже подшучивал над своими девочками в больнице, ничем не выдавая свою боль. Иногда уезжал к Верочке, уже тяготясь ее требованиями, но лучше ночевать с Верой, чем всю ночь смотреть на соседний дом, вырубаясь под утро в безрадостных снах.

Тяжелая машина впереди вдруг завилыла, будто потеряла управление, бестолково ткнулась в обочину, дверь открылась, и, сжимая ладошкой рот, девушка успела обогнуть автомобиль, скрылась в кустах.

Решад проехал чуть вперед, заглушил мотор, выскочил на дорогу. Судя по звукам в зарослях, соседку тошнило так, что выворачивало позвоночник наизнанку, не меньше. С заднего сидения схватил бутылку минералки без газа, кинулся в кусты, на бегу отвинчивая пробку. Осторожно придержал дрожащее тело, отвел волосы, заправил за уши. Набрал ладонь воды, умыл ее лицо, заставил выпить остатки.

— Спасибо, — голос ее стал хриплым. — Я сейчас, я в порядке.

Девушка сделала пару шагов, и вновь со стоном согнулась в надсадных спазмах рвоты. Резкий запах опять поплыл в воздухе, смешиваясь с запахами разнотравья и асфальта, но разве этим испугать врача. Терпеливо ждал, пока закончатся спазмы, убирая назад рыжие кудри, поглаживал по спине. Подхватил на руки, вынес к машинам, усадил в свою, на переднее пассажирское, пристегнул ремнем безопасности. У Иры не осталось сил сопротивляться, ее била крупная дрожь, сердце стучало, кружилась голова, живот крутило от острой боли.

Решад закрыл машину соседки, щелкнул сигнализацией, сел в свою, и, наплевав на скорость, рванул по дороге. У ее дома заглушил мотор, выскочил из машины, вынес на руках, отпустил только у двери туалета, принес воды.

— Тебе лучше? — впервые после последних дней упрямого игнорирования подал голос.

— Да. Ой! — Ира шагнула в туалет, склонилась над унитазом, сползая на пол.

— Потерпи. Воду пей пока, немного соли добавил, противно, но надо. Будет совсем плохо — отвезу в больницу.

— Мне легче, Решад. Полежу в ванной, пройдет. Спасибо тебе.

— Не за что. Токсикоз первого триместра многими тяжело переносится, терпи, — жестко ответил сосед. — Рановато, конечно, тебя полощет, недели через две-три должно быть по норме. Завтра пойдешь к Марии Николаевне на прием, она с утра будет в больнице, сдашь анализы. Кащя когда обрадуешь?

— Кащя? Ты головой где опять ударился? — говорить ободренным желчью горлом было больно, от возмущения Ирка попыталась встать, но осталась сидеть на полу, только посмотрела в глаза мужчине.

— А что, не он счастливый папаша? Еще с кем-то развлекаешься? Или избавишься потихому от ...плода? — намеренно озвучил худший вариант, причиняя боль, прежде всего, себе, вымещая обиду. — Лучше выбери достойного отца из своих любовников, и обрадуй. Не переживай, в мире больше половины мужиков воспитывают не своих детей.

— Ты вообще о чем? Какой на хер токсикоз? Какой плод? Какие чужие дети?

— Тебе еще не понятно, что происходит? — горько, с болью в голосе, не удержался, съязвил. — Это залет, рыжая, на презервативах экономить — памперсы покупать.

— Не нужно свои шлюшьи привычки проецировать на меня, не я дешевой блохой скачу по постелям! И, если бы это была беременность, то с последнего «развлечения» пятый месяц было бы уже видно! — как всегда предельно честно ответила страдальца.

Пусть знает, ей уже стесняться за последний час нечего, хорошо еще, до диареи не дошло, но юбку обмочила в особо сильных спазмах, а он ее на руках нес, касался сырой ткани.

- Обедала с отчимом в ресторане, договорилась на счет его услуг, как адвоката для Леонида Матвеевича, если случится суд. Заказала теплый салат с лисичками, карпаччо и утиную грудку, и что из них было испорчено, разбираться не буду, просто не пойду туда больше.

— Ты просто траванулась? О, Боги... — теперь и у него затряслись руки, но от радости. — Регидрон и полифепан у меня есть, сейчас принесу. Энтеросгель должен быть. Я сейчас, Ириш! Может, в больницу?

— А смысл? Я легко отделалась, полежу и пройдет.

Сбежал домой, потом распотрошил аптечку в машине, хорошо еще, знал, где что найти на ее кухне, развел порошок в стакане. В голове бились птицей ее слова: «Пятый месяц было бы видно!» Это почти полгода, как не было у нее секса? Еще до того, как приехала в поселок? Как же так, а Кашей? Ведь видел сам!

Постучал в двери ванной комнаты, услышав шум воды. Наплевав на приличия, зашел. Ногой придвинул небольшую табуретку, сел возле ванны, наполненной душистой пеной, подождал, пока она выпьет лекарство.

— Решад, не наглей! — сдула с ладони ему на нос облачко пенки. Спустилась ниже под воду, видя, что сосед не собирается прислушиваться к ее возмущенным воплям, наоборот, сложил руки на край ванны, на них опустил голову, уперся подбородком.

— Я был самым счастливым человеком в мире тем утром, когда проснулся здесь, в твоём доме, — тихо сказал он, и больной зверь внутри заворчал, переступая израненными лапами, сверкнул в темноте глазами.

— И отправился охмурять ту девицу. Странные у тебя понятия счастья.

— Следующим утром увидел на твоей террасе Кашея. В полотенце на голую задницу. Что я мог думать?

— А меня? Рядом с Костей, видел ли ты меня? Мою машину под навесом?

— Нет, — потрясенно ответил он на оба вопроса, больше себе, понимая, что натворил, бездумно проглотив приманку соперника. Неужели этот лис хитрый один ночевал? Тогда? Ой, дурак...

— Я уехала днем, Костя вечером появился, позвонил, попросила его переночевать, потому что забыла закрыть двери. И доставку мебели перепутала по времени, думала, во вторник, и я успею, оказалось, в понедельник утром. Он просто помог, — на объяснение ситуации ушли последние силы, нижняя губа дернулась от несправедливой обиды. — Уходи, Решад. Мне нужно одеться, потом полежать немного. Благодарю тебя за помощь, мне лучше, но сейчас, пожалуйста, уходи.

— Один вопрос. Ты с Кашеем?

— Другой вопрос: с кем ты?

— Чем он лучше меня...

— Может, тем, что доверяет, а не бежит утешать свое эго в чужие простыни, не разобравшись, не поговорив. И предлагает то, что я хочу.

— Прости меня... Прости, пожалуйста...

— Пустое, сосед. Теоретически, ты мне не изменил, требовать от тебя верности смешно

после пары поцелуев, а, значит, ты волен делать все, что угодно, и с кем угодно. Но ты обвинил меня в измене, не имея на это никакого права. Ошибка в обвинительное заключение закралась еще на стадии сбора улик, Решад — у тебя нет никаких прав на меня. У меня тоже, поэтому я не в обиде на тебя, и просить прощения тебе не за что. Сами себе веселые клоуны, каждый сам себе жизнь испортит. Только не делай так же больно той девушке, не наказывай ни за что молчанием... — и отвернула голову, давая понять, что разговор закончен.

Зверь внутри собрался с силами, попытался прыгнуть, но рухнул камнем на излете, истекая кровью...

У входа на террасу заметил ее домашние туфельки с пушистыми помпонами, подцепил двумя пальцами, понес обратно, чтоб не босыми ногами добралась она до кровати. «Таскай за ней тапочки, на большее не рассчитывай!» — вспомнил слова соперника, и горько усмехнулся. Да он готов, и счастлив будет, если она позволит. Но, не простит же дурака. Сам, своими руками оборвал все нити, что потихоньку стали связывать их в единое целое... Реально, клоун.

Уже подходя к двери ванной комнаты, услышал глухой стук упавшего тела, рванул дверь:

— Да что ж ты, мать твою!

Девушка лежала на полу без сознания, видимо, когда выкарабкалась из ванной, не рассчитала силы. Схватил халат, приготовленный заботливой рукой, поднял бесчувственное тело, кое-как замотал в пушистую ткань, отнес на кровать, укрыл одеялом, подождал, пока пришла в себя, проверил, не случилось ли последствий падения. Бегом слетал до магазина, купил ванильных сухариков, крекеров без соли, сухофруктов.

Пока Ира дремала полчаса, сделал отвар, свежий чай, и, когда она, слабенькая, босиком вышла на кухню, удивленно принюхиваясь к запахам, проконтролировал прием лекарств, накормил нежным омлетом.

И молча тапочки к ногам принес...

— Сейчас возьму Леху с собой, пригоню твою коробчонку. Зайду только ключи отдать, — ровным безжизненным голосом произнес, уходя, вспомнив незавершенное дело.

— Отдай Лешке, он собирался вечером зайти. Спасибо, — Ира спрятала глаза, сосредоточенно гоня вилкой по тарелке последний кусочек омлета, лишь бы не встретиться с соседом взглядом.

Оба натворили, наговорили друг другу, безжалостно выломав крылья и свернув голову крохотной искорке-птичке надежде, согревшей сердца.

Не так начинается «долго и счастливо»...

С террасы шагнул в сторону своего дома прямо, к забору между участками, но вспомнил, что заколотил проход, и теперь придется обходить через улицу. Закрывая за собой калитку чужого сада, погруженный в невеселые мысли, чуть не сшиб с ног женщину, идущую от его дома:

— Решад, под ноги не смотришь, привет, — смущенно, будто поймали за неприличным делом, отступила Катерина.

— Кать, прости, не подумал. Ты ко мне приходила или к матушке? С папой что?

— Нет, не к тебе. С папой все в порядке. Наиля Ильдусовна в школе ремонтом

командует. Я... к Назару заходила... книги принесла, он просил.

— А, хорошо. Спасибо тебе.

— Да я просто, — дама смутилась окончательно, повторила. — Книги, да. Я пойду?

— Заходи почаще, Кать. Назар рад будет.

— Постараюсь, — ответила она, и, едва ли не бегом, припустила по тропинке.

Решад посмотрел вслед уходящей даме. Что-то не так. И вдруг он понял — на женщине, вместо привычных брюк, было надето платье. Катька в платье! Со школьной скамьи ее в платье никто не видал. И ведь ей идет, ножки стройные, босоножки на каблукке, походка стала другой, не дергается в разные стороны, плавно так идет. Красиво. Надо же, какие перемены...

Еще пару раз оглянувшись на Катерину, достал телефон, нашел номер:

— Леший, ты где?

— На работе, заходи. Все равно делать нечего.

— Выйди, ты мне нужен на полчаса.

— Иду.

Безотказный друг появился у машины через пару минут, на ходу дожевывая бутерброд с колбасой:

— Здорово, брат, как халляр?

— Лучше всех, да никто не завидует...

— Видок, конечно, у тебя. Будто одиннадцать друзей в ряд похоронил, и Клуни туда же прикопал попозже.

— На трассе машина соседки осталась, забрать надо, поехали.

Алексей молча залез в машину, не спрашивая ничего. Только когда Хаммер занял свое место под навесом, Решад открыл рот:

— Я на пару-тройку дней к Бабаю в лесничество, со Светой присмотрите за рыжей. поела дерьма в каком-то ресторане, траванулась. Сам зайди к ней, отдай ключи от машины. Да, попроси, чтоб пила больше жидкости, и, желательно, каждый час. У нее на столе, на кухне лекарство, разведи в теплой воде по инструкции. Отзвонись потом.

— А чего тебе мешает за ней присмотреть?

— То, что я редкий мудака, Леха, — честно и зло дал себе определение. Надел черные солнцезащитные очки, пряча больные глаза. — Закрыли тему.

— Ну-ну, хоть признал... — внимательно посмотрев на друга, Алексей засвистел ему вслед мотивчик: «В лесу родилась елочка».

Не обращая внимания на намек, Решад ушел к себе на участок, достал из машины папку с документами друга, за которыми и ездил с утра в райцентр. Машинально погладил верную волчицу, что поднялась с прохладного места под рябиной встретить хозяина. Назар сидел на лавочке у веранды, жмурясь на солнце, впервые после злопамятной ночи в операционной выйдя из дома самостоятельно. Решад сел рядом с другом на лавку, отодвинув его костыли, сунул в руки папку. Молча закурили, не глядя друг на друга. И вдруг, не сговариваясь, рассмеялись оба.

— Закончил выеживаться, хохол? Ожил окончательно?

— Да подумал, хватит уже. И тебе, морда монгольская, проблем доставил, — с мягким южным акцентом протянул тот.

— Э-э, я из болгар, на минуточку! — лениво возразил друг.

— А разница? Одно иго-го, — прицокнул языком Назар, изображая наездника, продолжив любимую тему для пикировки, которая длилась с незапамятных времен.

— Не скажи. Протез будем ставить?

— Придется. На свидание как с костылями пойду?

— Массаж пока делай, я приеду дня через два, чешем в пятницу в Казань, глаз твой показывать. Потом в Москву, есть грамотный спец, протезист, Яшка рекомендовал. Говорил я тебе сразу делать, но, нет, мы же пострадать хотели. Пока протез тебе стряпают, будешь заниматься, чтобы мышцы не атрофировались. Я теперь с тебя не слезу.

— Да я понял уже.

— Справишься без меня?

— Тебя и так дома не найдешь. Что с работой?

— Запом своим пойдешь, будет на кого писанину свалить. Можешь хоть завтра к восьми чапать в больницу, кабинет рядом занимать. Ключи возьмешь у Светика, она в курсе. Медицинскую книжку осталось сделать, халаты на тебя есть, мои подойдут в плечах. Дом тебе скоро оформим, заживешь куркулем, а то надоел со своим салом копченым хуже горькой редьки.

— Отвали, конь халальный, — Назар шутливо толкнул друга в плечо, получил тычок в ответ. — Ты куда намылился, а?

— В лесничество, отвезу Бабаю лекарства его, да и так. Проведать.

— Понятно. А я еще посижу, — отвернулся навстречу солнцу Назар, вспомнил что-то, расплылся в улыбке. — Катенька вечером обещала прийти, помочь борщ сварить, значит, тебе не достанется.

— Наелся я уже борща однажды. По самое... — хорошее настроение от разговора с другом вмиг улетучилось.

Проворачивая на пальце ключи, Алексей прошел к террасе, зашел на кухню. В полной тишине Ира все так же сидела за столом перед тарелкой с остывшим кусочком омлета. Только с ресниц срывались капли горьких слез, разбиваясь об стол. Шлеп. Шлеп-шлеп. На звук шагов подняла глаза, в надежде, что плюнул сосед на ее просьбу уйти и не возвращаться.

— Что, подруга, совсем плохинько? Как ты так умудрилась травануться-то? — не понял Леша причину ее слез. Повесил ключи на место, присел на корточки перед девушкой. — Давай-ка я тебя на диван перенесу, Ярканат сказал, тебе пить надо больше, порошки тебе велел развести, сейчас все сделаю. Посижу с тобой немного, потом Светик прибежит, хорошо?

— Я сама, Лешик, спасибо, — попыталась сопротивляться девушка сильным рукам друга.

— Чтоб потом мне Ярканат по лбу треснул? Нет уж, подруга, выполняем предписание врача, дышим ровно через нос, — положил ее на диван, под голову сунул подушку, укрыл пледом.

— Леш... А Решад придет? Что он сказал?

— Уехал он в лесничество на два дня, может, дольше, да, как получится. Странно, я сейчас вспомнил, недавно же ездил, вдруг сорвался. И сказал, что он редкий мудака, — вдруг до него дошло. — Ты из-за него реवेशь, что ли?

— Вот еще! Просто живот еще болит.

— Не умеешь ты врать, Иришка, не начинай, вон, покраснела вся, аж уши полыхают. А раз живот болит, это мы поправим, сейчас почитаю инструкцию, поколдую, потом чаю поьем, — Алексей походя стянул со стола ванильный сухарик, хрупнул его крепкими зубами, вымыл руки. — Знакомые полотенца, все же, выучил Ярканат твои вкусы, со всеми подарками тебе угадал.

— Что, Леш? Это не Костя купил все в городе?

— Причем тут Кащей? Ты же сама сказала, что догадалась, кто покупал. Ярканат ездил в Казань, подарки выбрал, шарики эти привез, все жалел, что мало влезло в машину. Мы только потом деньгами сбросились, да и то, оказалось, где-то на один подарок. Я позже увидел, сколько стоят одни твои масла, долго глаза ловил по полу.

— Зачем он так делает, Лешик? Почему ничего не говорит? Нет слов...

И не струсил, не испугался чувств, нет, тут Костя подсуропил, попадись он сейчас под горячую руку! Пора сказать ему, чтоб оставил надежды, не приезжал больше. И с подарками получилось неловко, не того благодарила, не тому достались все восторги.

— Так, подруга, потом пережужешь свои обиды. А пока, чуфырь-чуфырь, будет у нас Ирка здоровенькая, ей еще по огороду бегать, да? Кабачки созрели, огурчики, ехать пора за луговой клубникой, черникой, опять же, смотри, сколько дел!

— Лешка, не смеши!

— А я чо, я ничо! — вернулся к дивану со стаканом аккуратно и точно разведенного лекарства. — Не будешь всякую дрянь в рот тянуть, как маленькая, честное слово.

— Не буду, обещаю. Лешик, ты иди, я посплю до вечера, хорошо?

— А я маму попрошу бульончика сварить тебе куриного, вечером принесу тогда. Спи, подруга, голова бедовая.

Отмахивая километры, он старался пока не думать, что натворил, следил за дорогой. Верная Тень лежала сзади, с комфортом занимая все сиденье.

На работе оставил распоряжения, предупредил Светлану и Марию Николаевну, если что, Назар теперь есть, можно спокойно уезжать. И не только в лесничество. Телефон завибрировал звонком, Решад остановил машину на обочине, принял вызов из Питера:

— Внимательно, Яков Вениаминович.

— Ну что, как поживает наша проблема?

— Хорошо поживает, сегодня выполз на свет, и, думаю, окончательно. Документы восстановили. Работу попросил. Протез возжелал. Свисти своему кудеснику, на следующей неделе приплывем в нерезиновую.

— Смею предположить, что у чубатого появилась женщина?

— Таки да, Яша, ви зрите прямо в корень! — расхохотались старые друзья. — Закатим хохлу свадьбу по высшему разряду.

— А я говорил! Ты не слушал старого еврея. Когда в жизни мужчины появляется та самая, единственная женщина, хочется летать. Или утопиться, — философски отметил друг. — Ты на семена будешь уже сдаваться?

— Не дождетесь. И в данный момент еду к болоту, топиться.

— Все едино выплывешь, непотопляемый, только ноги промочишь, простудишься, две недели будешь инфлюэнцию соплями разматывать, оно тебе надо? — флегматично отвечивал Яша.

— Как дома?

— Все по стандарту. Дети шалят, мамы на кухне, папа на работе, Майя беременна. Вчера узнали.

Беспокойное и многочисленное семейство Левинзонов обитало в двух бывших коммунальных квартирах, отремонтированных и соединенных вместе, занимая этаж старинного особняка на Васильевском острове. Попадая в эту квартиру, можно было потеряться с непривычки от количества комнат, книг, детей, криков взрослых, запахов от вечно кипящих кастрюлек и сковородок на огромной кухне.

Но к вечеру любой гость, накормленный до отвала, разомлевший, уже легко ориентировался, кто есть кто в этом бедламе. Яша с молодой женой сперва жили отдельно, но через полгода переехали к его родителям, через пару месяцев туда же перебралась мама Майи, влившись в эту семью, будто жила с ними всю жизнь. Младшая сестра Яши после замужества не пожелала отделиться от родителей, поставив перед этим фактом молодого мужа еще перед свадьбой. Он и не возражал.

А когда в страшной автокатастрофе погибли старший брат Майи с женой, Яша без колебаний усыновил двух племянников, и никогда не делал различий между ними и собственными двумя детьми.

— Поздравляю, отец-героин! — искренне порадовался за друга Решад. — Майечку поцелуй от меня, счастливчик.

— Увидимся в Москве, спишемся, некогда сейчас, кто-то в кабинет ломится. Отбой, татарва. Держим круг, пока ветер без камней.

— Отбой, маца. Держим.

Старая присказка на троих, ставшая их девизом еще на первом курсе, улыбнула, успокоила нервы. У него есть друзья, прошедшие с ним сквозь время, не потерялась связь. А любовь... Такая любовь ему не подходит, заберите обратно, вот чек.

Почему же так отчаянно хочется завывать, полететь обратно, в дом, ставший сосредоточением его мира? Чужой дом, из которого выгнали поганой метлой. Чужая женщина. Его душа...

А напротив того места, где он случайно остановился, поворот на земляничные поляны. Туда, где недавно были с рыжей мавкой, лежали рядом под палящим солнцем, вдвоем, только руку протяни... Внезапно вспомнил, что только сегодня держал ее в руках, обнаженную, бережно укутывая в халат, как самое дорогое сокровище в его жизни.

И тут он заорал. Заорал, с размаху ударив кулаками по рулю, еще, еще и еще, что Тень на заднем сиденье подпрыгнула, забеспокоилась, лизнула в ухо своего человека, положила морду на плечо, будто желая принять на себя часть его боли.

— Прости, моя хорошая, напугал, да? Прости, не буду больше. Сейчас к Бабаю приедем, в лесу побегаешь, может, уже пару себе найдешь, — глядя лобастую голову волчицы, приговаривал, успокаивая, отвлекаясь от горьких мыслей. — Ну что, вперед? Убери лапы с бороды.

Через час свернул на проселочную дорогу, сбросил скорость. Вдохнул смолистый воздух, моментально заполнивший салон. Его место силы, убежище, как в детстве, в зарослях ежевики. Тень спокойно поднялась, высунула голову в открытое окно, заворчала.

— Подожди, доедем скоро, не торопись, — Решад оглянулся на верную спутницу, понимая ее нетерпение.

Наконец впереди показался дом, широкие ворота были распахнуты, будто ожидая

дорогого гостя. Уютный двухэтажный дом, в детстве, когда приезжали сюда с дедом, он казался таким огромным, как корабль в бушующем зеленом море сосен и берез. Старые яблони всплеснули рукавами, завидев машину своего выросшего любимца, закачались, приветствуя. И ветер тут не виноват.

С крыльца поднялся крепкий мужик, отложил заготовку для будущей корзины, неспешно вытянул из кармана широченный клетчатый платок, вытер им руки и блестящую в закатных лучах солнца лысину. Подождал, пока машина припаркуется под навесом, пока гость выпустит свою волчицу, только хвост взметнулся среди деревьев.

— Зачастил ты ко мне, да, — вместо приветствия хмыкнул хозяин леса.

Мужчины пожали руки, крепко обнялись:

— Да оказия случилась, заехал. Примешь на постой?

— Куда тебя девать, онык[1]. Живи, пока не надоест. Я уху сварил, айда ужинать.

Два алабая подбежали поздороваться с гостем, виновато лапаясь, жара, брат, лень было вставать, сам понимаешь. Ткнулись мордами в багажник, получили угощение, убрались обратно под крыльцо, порыкивая друг на друга.

Решад достал из багажника сумки с продуктами, свой рюкзак, шагнул по сосновому опадку следом за хозяином в дом.

— Есть кто дома? — хлопнула калиткой пожилая почтальонша. — Ирка, ау!

— Чего орешь, Резеда-апа? — Лешка выглянул с террасы, приложил палец к губам. — Я за Иру, чего хотела?

— Посылку она забирать собирается? Совсем в ящик не смотрит, два раза уже извещение клала, и Наташке говорила, две бестолковки, ветер в голове у обеих, — заворчала женщина. — На, расписывайся за подругу свою, да в следующий раз пусть сама отслеживает свои посылки!

— Спасибо, Резеда-апа, скажу.

— А ты чего тут прописался, Лешка? — любопытная бабуля не раз замечала участкового на чужом участке, благо, почта была рядом с домиком полиции, а делать порой было нечего, как в окно смотреть, да подмечать. — И Николая Решетова сынок тут ошивается вечерами.

— Резеда-апа, ты сплетни-то не собирай, где их нет, мы с Ирой дружим просто, сейчас приболела немного, зашел проведать.

— Э-э, Леш, в выходные нам на празднике петь, выздоровеет, надеюсь? Завтра в клубе репетиция в двенадцать, чтоб была твоя подружка!

— Будет, не переживай.

— Хорошо тогда. Что слышно о Сашке?

— Пока не выпустили.

— Хорошо, воздух чище без этой псины. Пошла я домой.

— Бывай, Резеда-апа.

Леша вернулся в дом, поставил коробку на стол.

— Что там, Лешик? — Ира приподнялась на локте, удивленная. Никакой посылки, тем более, на этот адрес, она не ждала.

— Архангельск, отправитель — Минина Марина. Знаешь такую?

— Нет, вроде. Ой. Знаю! Только не понимаю, с какого перепугу вдруг она что-то прислала. Леша, можно уже встать? Я в туалет хочу, можно? — жалобно попросила

страдалица.

— В туалет можно. И бегом обратно, — милостиво разрешил друг. — Репетиция завтра в двенадцать, слышала?

— Да, слышала, — крикнула Ира из туалета.

— Носки хотя бы надень, босиком не шлепай, не хватало еще с простудой тебе свалиться для полного счастья.

— Открывай уже! — от нетерпения Ира и забыла про постельный режим, послушно натянула носочки, достала из упаковки тапочки из овчины, как у дяди Пети, надела их. — Ножницы в ящике.

— Да я ножом. Две коробочки какие-то.

Ирина раскрыла одну коробку, в немом восхищении вынула из нее... куклу! Сняла защитный слой синтепона, развернула маленькое одеялко. Нежный фарфор личика был обрамлен кружевами и белым платком, изящные босые ножки, анатомически точные, даже тонкая косточка чуть выпирала на подъеме стопы, выглядывали из-под зеленого платья. Мягкое тельце позволяло кукле принимать непринужденные позы, создавая эффект живого существа. Лицо куколки было расписано микроскопическими тончайшими взмахами кисти, глаза под длинными ресницами озарялись внутренним светом.

Лихорадочно Ира сама распаковала вторую коробочку, и на свет появилась вторая кукленка, в красном сарафане и белой батистовой кофточке. Каждая деталь костюмов была выверена с исторической точностью, крохотные бусики на шейках под платками, и косы заплетены аккуратно, лишь непослушный локон выбивался из-под платочка.

— Куклы? Слушай, как живые, в руки страшно брать, вдруг сломаю, — Алексей даже убрал ладони за спину, борясь с искушением провести грубыми пальцами по шедевр. — Ирка, ты в куклы играешь?

— Ох, Лешка, ты не представляешь, что это! Мечта моя, Любавушка! Две сразу! — от избытка чувств девушка кинулась на шею другу, пару раз подпрыгнув, смахнула слезы счастья. — Они прекрасны! Удивительны! Ими не играют, ими любят! Это коллекционные куклы, редкие, такую красоту только одна Марина создает.

— Что, даже забыла болеть?

— Забыла, — рассмеялась Ира, прижимая к груди кукол. — Пока посажу их в буфет, чтоб Шлиман не добрался, закажу потом в спальню специальную горку. Ой, какой шикарный подарок! Ну, это точно кто-то из родных, наверное, мама. Нет, она адреса не знает. Да и подарила уже подарок. Братья разговелись?

— Тут послание тебе: «С днем рождения, моя принцесса»

— Так меня никто не зовет...

— Так напиши этой Марине, чего паришься?

— И то верно, не подумала, — просто написать, чего гадать на кофейной гуще.

— Только на диване, и под одеялом, — приказал Лешка, притворно нахмутив брови.

— Деспот. Сатрап, — вздохнув, Ира аккуратно посадила кукулят на полку буфета, закрыла дверцу. Покорно побрела к дивану, зарылась в подушки, под уютный плед. — Тиран. Телефон принеси, а?

— Да, я такой! Держи свой телефон. И чтоб с дивана только в постель!

— Никакого сочувствия. Чаю хочу!

За неспешной беседой, поглощая нехитрый ужин, мужчины помянули тетю Катю, по

пятьдесят граммов горькой водки за упокой светлой души. После вышли на крыльцо покурить.

— Я возьму Орбита, проедемся немного.

— Возьми, я как раз их еще не кормил. Осторожно, к Руте не подходи близко, кусается последнее время, беспокойная стала.

— Не страшно, — Решад поднялся с крыльца, вернулся на кухню. Располовинил буханку черного хлеба, рассовал по карманам яблоки, груши, привезенные специально для лошадей.

В небольшой конюшне вдохнул терпкий запах. Другому человеку он показался бы противным, но только не ему. Ира бы пошутила про гены. Черный красавец Орбит заволновался, переступил ногами, унюхав вкусное угощение, боднул мордой в плечо, мол, куда понес, мне тоже надо!

— Э, друг, сперва дамам, — Решад прошел дальше, к яслям двух кобыл. — Девочки, любимые, здравствуйте, как вы?

Кроткая Мята осторожно, губами, взяла яблоко, обдав руки мужчины теплым воздухом ноздрей. Рута вместе с фруктами попыталась прикусить пальцы, но, получив легкий щелчок по носу, присмирела, шумно хряпая свежий хлеб и грушу, даже позволила погладить себя.

— Вот теперь твоя очередь, Орбит. Привет, парень, я соскучился, а ты? — приговаривая, Решад скормил коню румяное яблоко, открыл двери загона. — Покатаемся, родной?

Конь в нетерпении фыркнул в ухо человеку, подождал, пока тот привычно справился с упряжкой, легко затянув подпруги седла.

— Ну, куда поедем? — спросил мужчина, выводя мощного красавца, и сам же ответил. — Давай, куда глаза глядят, сегодня тебе карт-бланш даю.

Легко вскочил в седло, подобрал поводья, чуть толкнул в бок сапогом. Привезти бы сюда рыжую, на день-два, когда простит.

Должна простить.

Наверное.

Орбит постепенно перешел на галоп, Решад прижался к шее любимца, наслаждаясь полетом. Параллельно, между деревьями, замелькала серая тень, верная волчица обозначилась, что она рядом, и исчезла в чаще, когда деревья начали редеть. Лес закончился, конь вылетел на поле, у Камы сбавил шаг, остановился на самой высокой точке берега.

— Знаешь, куда привезти...

Здесь соединялись две могучие реки, Кама и Волга, Волга торопилась встретиться, извивалась меж берегов, неспешная Кама же, будто посмеиваясь над суетливой сестрой, лениво и величаво несла свои воды к точке слияния.

Ветер, понимая важность момента для одинокого человека, не стал мешать, лишь иногда нетерпеливо трепал гриву и хвост коня. Решад стоял, закрыв глаза, слушая рокот рек с чуть слышным шумом деревьев поодаль вторым голосом.

Сколько лет он уничтожал с корнем любой росток нежности в своей душе, строил плотины и дамбы на пути любых эмоций, привязанностей к женщине, выгрызая трудолюбивым бобром толстые бревна сарказма и насмешки над теми, кто попался.

Но, сколько не сдерживай реку нерастраченных эмоций плотинами, дамбами, все заканчивается плохо.

Для плотин и дамб.

И для того, кто их строил, не жалея сил, бревен и цемента.

Попался, да так глупо, что самому смешно.

Есть же нормальные женщины. А эта своевольная, взбалмошная, упрямая, избалованная — можно бесконечно добавлять эпитетов к описанию ее характера, и все вместе — совершенный антипод идеального образа его женщины, так долго лелеемого в глубине души, взрослеющего вместе с ним. Ни одного совпадения.

Но идеальный глиняный божок рассыпался на тысячи осколков от щелчка тонких пальчиков в разноцветных смешных резиновых перчатках, свергнут с пьедестала, и трон забралась принцесса. Закинула длинные ноги на подлокотник, обложилась подушками. Стащила с головы тяжелую корону, забросила ее куда-то за королевское кресло, вздохнула, потом сдернула плотно задернутые портьеры, смахнула паутину, зажгла свет, натащила горшков с рыжими цветами, включила старую французскую песню и закружилась в танце.

И другой в его сердце не будет никогда, в нем просто не осталось места.

[1]Внук (тат.)

(14 июля, суббота, +26)

Вчера, когда ждал Назара у кабинета в клинике протезирования глаза, набрался смелости и отправил сообщение: «Как ты себя чувствуешь?» Ответ пришел тут же, будто не выпускала из рук телефон: «А ты зайди, проверь. Манкируете, доктор, своими обязанностями». И смеющийся смайлик.

Сорвался с места, уже на лестнице опомнился, вернулся. С сожалением написал: «Я в Казани с Назаром, но я бы хотел сейчас быть рядом с тобой».

Не ответила.

Вечером собрался зайти, но увидел на участке Сабину с Танюшкой, с визгом гоняющихся за котом. Потом на террасу вышла Ната, позвала девочек ужинать. Он уже перестал ждать, когда выскочила в огород рыжая мавка, сорвала какую-то зелень, растерла листочек меж пальцев, понюхала, кивнула сама себе, сорвала что-то еще рядом, унеслась в дом так быстро, что он не успел подойти, позвать ее.

Нестерпимо захотелось чаю, чтоб с травками, в белом чайничке, укрытым разноцветным полотенцем, до полуночи сидеть за столом, под теплым светом зеленого абажура, рассказывая любимой женщине события прошедшего дня. И трогать ее кончиками пальцев, чувствовать, как прикасается она, будто случайно.

— Официально представляю вам моего заместителя, Бойко, Назара Васильевича, — Решад обвел взглядом свой коллектив. Специально попросил всех на час зайти на работу перед гуляниями, никто не подумал отказаться. Отсутствовал один дед завхоз, но по уважительной причине, у внука любимого день рождения, да и с Назаром они успели познакомиться. — Прошу любить и жаловать.

— Мы уже в курсе, Решад Маратович, — подала голос разбитная повариха, прищурилась хитро. — Один вопрос у нас, а Назар Васильевич женат?

— Нет, но собираюсь, — просиявший улыбкой, ответил Назар.

— А невесту уже выбрали, или как, есть у нас, красивых, незамужних, шанс? — не успокаивалась повариха.

— Выбрал, тут уж сердцу не прикажешь, девоньки, — развел руками потенциальный жених. — У вас в значке Решад Маратович остался, на него ставку делайте.

— Дождешься с него, как же, — под дружный хохот подбоченилась Рушания, и пропела строчку хита советских лет, безбожно перевирая слова. — Я к нему и так и этак, со словами, и без слов!

— Сдаюсь, Руша, завтра женимся! Только своему Талгату не забудь рассказать, а то пристрелит на подлете, — Решад игриво приобнял сдобную, как пирожок, румяную девушку, наклонился, и смачно поцеловал в щеку. — А теперь, девочки, на сегодня свободны, можете бежать на праздник. Только не забудьте в обед и ужин наших загипсованных накормить. Вечером постараюсь быть тут. Назар остается за старшего.

— Ой, неужели и ты на гуляния идешь? — удивилась Света, переглянулась с остальными. — Что будет!

— А что я, не человек? — захолопал в ладоши перед собой, будто прогоняя кур на участке, подмигнул Артуру. — Все-все, побежали по местам!

Коллектив быстро рассосался заканчивать дела, да какие дела в праздничной суматохе. Вечером какой-то певец будет рот открывать, звезда в пределах республики, девчонки старательно наводили макияж, переодевались в лучшие наряды, хвалясь перед друг другом обновами.

Решад походя шуганул от окон двух дурных подростков в гипсе, проведал Леонида Матвеевича, через силу заглянул к «шантальскому пазлу».

Чуть не бегом вылетел на поле, где уже вовсю шумел разгуляй. Разговаривая со знакомыми, невольно он искал среди толпы односельчан и гостей праздника ее фигурку, но нигде не было видно рыжих кудрей, не слышно заливистого смеха. Странно, вон бабуси нарядной компанией, значит, будут выступать, а куда теперь без нее.

Раз ее здесь нет, то и ему делать нечего, лучше в больнице пересидеть чужое веселье, как в прошлом году.

Обернулся на сцену еще раз, уже не надеясь увидеть соседку, и вон же она... Смотрит прямо на него, смутилась, будто поймал ее за неприличным, отвела взгляд, но вновь подняла глаза.

Улыбнулись робко, одновременно. Разговор глаз, понятный двоим, чуть приподнята бровь в немом вопросе, и все шире улыбка. В эту минуту Решад перестал понимать, о чем он только что разговаривал, с кем, кто так настойчиво дергает его за рукав, требуя ответа. Плевать.

Он развернулся, не видя никого вокруг, пошел ледоколом сквозь толпу. И Ира шагнула навстречу, ускорив шаг, обогнула длинный ряд скамеек.

— Здравствуй, — он осторожно взял ее руку, поцеловал тонкие пальцы, не выдержал, прижал ее ладонь к своей щеке. — Здравствуй.

— Здравствуй, — эхом отозвалась она, не отнимая руку.

— Я хотел, — невольно запнулся, дернул кадыком. — Ты завтра не занята?

— Нет, Решад, не занята.

— Может, начнем все заново? По-другому. Пойдешь на свидание со мной?

— Свидание?

— Да, по всем правилам. Поедем в Казань. Роллердром, ресторан, кино, прогулка по набережной с мороженым и сахарной ватой, — и улыбнулся, представив.

— Роллердром? Ты умеешь кататься? — простые вопросы отвлекали от желания сделать маленький шаг и прижаться к мужчине.

— Нет, но ты же любишь. Я буду смотреть.

— Это для меня?

— Да, Ириш, — он понял вопрос, повторил, — я буду смотреть. Ты же будешь счастлива, да?

— Да, Решад, — она уже не удивлялась его осведомленности. — Благодарю за подарки, угадал с каждым, удивительно.

— Знаешь?

— Лешка проболтался, сам не понял, как. Отдельно — за Любавушек, ты не представляешь, какой ты сделал подарок!

— Женька сдала?

— Нет, я списалась с Мининой. Женька, вот кто, да?

— Только не бей! Я ее спросил сам. Тебя зовут... Завтра вместе?

- Завтра. Да.

Мир обрушился на них вновь красками, звуками, запахами веселого праздника. Ира с сожалением вытащила свою руку из ладоней соседа, услышав с четвертого раза свое имя нестройными голосами от сцены. Еще пару секунд они, улыбаясь счастливо, не отрывали друг от друга взгляда, но круговорот людей уже вовлек, растаскивая в стороны.

— Решад Маратович, так вы не ответили, — пожилой толстячок добрался до нагло исчезнувшего собеседника, вытер пот со лба.

После ее выступления быстро сбегал до больницы, проверил порядок. Как она пела, будто искрилась вся, только ему, не отводя глаз, что в толпе односельчан пошши осторожные шепотки. Пусть болтают, он не собирался скрывать свое обретенное счастье.

В ординаторской только Назар прихлебывал чай:

— Чего приперся, шеф? Я девчонок отпустил, если что — стукнусь в ватсап, не переживай, иди, гуляй.

— Пойду. Ты совсем не хочешь?

— Совсем-совсем, иди уже.

— Ушел.

Только за Решадом закрылась дверь, из-за нее, чуть не свернув стойку с халатами, выскользнула Катя, нервно хихикнула, плюхнулась на диван рядом с мужчиной:

— Чуть не спалились, Назар!

— А зачем ты прячешься, Катюш? Мы — взрослые люди, да и ничего крамольного не делаем. Подумаешь, забежала ко мне на пару минут, поздравить с новой должностью.

— Не знаю, Назарушка, как школьница себя веду...

— Что со мной увидят, стесняешься? — мужчина помрачнел. — Лапы моей оттяпанной?

— Даже не подумала, ты что? — взяла из его рук пустую кружку, поставила на стол. — Стеснялась бы — не пришла б к тебе. Людей боюсь, скажут, бабе под тридцать, а она на свиданки бегает...

— Кто скажет? У меня бинт есть, такой кляп сверну, приходи, кума, любоваться. И мы же вообще ничего плохого не делаем, — повторил он своим непередаваемым мягким южным говором. Обнял за талию свою ненаглядную. — Правда, и хорошего тоже. Просто рядом сидим.

— А зря не делаем... — еле слышно прошептала Катерина, потянувшись к мужчине.

— Катюшка, я сейчас тебе кое-что скажу, ты подумай, я не тороплю с ответом, — между поцелуями Назар улучил момент сказать главное. — Скоро у меня будет свой дом. Слева от Ирки, как раз, подружки твоей. Пойдешь ко мне хозяйкой? А то я гостюю пока, ты с родителями живешь, не здесь же начинать семейную жизнь, не по-людски это.

— Семейную жизнь? — переспросила она, водя пальчиком по мужской шее. — Ты серьезно?

— Серьезней некуда, Катюш. Попрошу разрешения у твоих родителей и у Васяты жениться на тебе. Я смотрел дом, там три комнаты, Васе будет отдельная, да завтра сама посмотришь, ключи мне уже отдали, правда, мебели там с гулькин клюв, стол, стул и кровать железная с матрасом. С первой зарплаты поедем, купим что-нибудь, что ты выберешь. Первым делом, наверное, ребенку обставим комнату, да?

— А как же любовь? — ухватила Катя за последний разумный довод, млея от ощущения, что в ее жизни теперь есть мужчина, за которого можно спрятаться маленькой

девочкой, и он сам решит все проблемы, не перекладывая на ее плечи. И постарается, чтоб у нее не было в жизни проблем, кроме выбора цвета обоев и что приготовить на ужин.

— Я, когда тебя рядом нет, сам не свой... Это ли не любовь, Катюша? — наконец исполнив свою маленькую мечту, Назар вытянул две длинные шпильки из пучка, распустил ее волосы, теперь пропускал блестящие волны сквозь пальцы. — А ты, разве ничего не чувствуешь ко мне?

— Ох, Назар... Но мы знакомы всего ничего, и сразу вместе жить...

— Я все сказал, с ответом не тороплю. Мне не нужна другая, думай, сколько прилично по времени. Да, так да. Скажешь «нет» — буду один куковать, — Назар с сожалением разомкнул объятия, подал шпильки, потянулся за костылями, встал. — А теперь беги на праздник, душа моя, а то я не выдержу больше. Пойдем, провожу тебя.

Издали увидел свою компанию, что расположилась особняком, и Лешка, как всегда, рассказывал что-то, размахивая руками. Стоявшие тесным кругом друзья покатывались со смеху. Ира уже переделалась после выступления, короткое платье цвета бирюзы с белой вышивкой по подолу чуть выше колена выделялось даже среди пестрой толпы. Завтра будет целый день на двоих, и больше он ее не отпустит, никогда... А, может, сегодня вечером, не станут оба ждать. Да, прямо сейчас скажет ей, что без нее не получается быть счастливым.

Поднимаясь по дороге на поле, впереди, на отведенном месте под парковку, увидел, как из черного мерса вылез Кащей, галантно открыл заднюю дверь. Две девушки выпорхнули из машины, отряхнули помявшиеся наряды.

Беда... Будто сзади повеяло холодом, спина замерзла от надвигающейся катастрофы. Верунчик. Как он мог забыть про нее, сказать заранее, что все, finita, закончить горизонтальное общение, больше его с ней ничего не связывало. Откупиться, наконец, какой-нибудь побрякушкой...

Тем временем, трио новоприбывших направилось напрямиком к его кругу. Не успеет увести Ирку, даже если бегом, слишком неравное расстояние, не успеет оттянуть катастрофу хотя бы на пару дней... То, что сейчас будет полный швах, он был уверен, всегда прислушиваясь к внутреннему голосу. Осталась последняя надежда. Решад вытащил телефон, ткнул в заветный номер.

«Возьми трубку, пожалуйста, ну, ответь» — будто молитву, повторял он про себя, наблюдая, как Ира не среагировала на звонок, в шуме праздника не услышав мелодию.

Время вышло.

Кащей с девушками под ручку подошел к друзьям.

До точки осталось с десяток метров, и Решад уже видел, как вытянулись лица друзей после того, как Вера сказала что-то радостно. Марсель увидел его, помахал рукой, и все обернулись навстречу, и только Ирина осталась стоять спиной, не двигаясь. Решад замедлил шаг, понимая, что все, спешить некуда, случилось непоправимое.

— Поздравляю, Ярканат, — Кащей протянул руку, здороваясь.

— С чем? — он искал взглядом глаза любимой, но та упорно не смотрела в его сторону.

— Я беременна, Решад! Две недели! — Вера повисла на его шее, поцеловала. — Ты рад? Правда, здорово? У нас будет ребенок!

На лице Ирины не отобразилось ни тени эмоций, видимо, именно эту новость Верунчик озвучила сразу, как подошла с Кащеем в круг его друзей. Лишь что-то шепнула Нате и Светику, кивнула Азале.

Ахренеть...

Нет, не так. АХУЕТЬ! И этим ничего не сказать, доигрался хер на скрипке... Нет, он знал, что презервативы порой не дают стопроцентной гарантии, но чтоб вот так, с первого раза в яблочко? Две недели, ровно с первой ночи... Вроде, все было стандартно, никаких проблем с презиками, никогда на этой статье расходов не экономил, и вот. Беременность, ребенок, чего? Какой нахрен ребенок, зачем ему ребенок?

Давно, сразу после академии, попав служить на границу, он наслушался рассказов старших товарищей, особенно старался командир, рассказывая то ли о племяннице, то ли о дочери приемной, Решад не вдавался в такие подробности. Вставали волосы дыбом во всех местах на теле от рассказов о выходках этой неуправляемой малолетки, и тогда он решил, что в его жизни подобного «счастья» не случится. Даже подумывал сделать вазэктомию, чтоб избавиться от проблем.

— Ты рад, да? — тормошила его Вера, заглядывая в лицо. — Может, в понедельник подадим заявление?

— Куда? — ошарашенный, он еще не понимал, что от него добивается Вера. Схватил ее за локоть, практически поволок подальше от всех. — Пойдем, отойдем. Такие вопросы не решаются... прилюдно. Зачем ты при всех сказала? Нельзя было сперва поговорить со мной?

— Я так обрадовалась, Решад, что не удержалась! Вот, — она вытащила из сумочки несколько тестов. На всех двумя красными полосами была перечеркнута его жизнь...

— Верочка, ты хочешь этого ребенка? — чтоб хоть как-то прийти в себя, Решад закурил, стараясь не дышать в сторону будущей матери.

— Ты что, предлагаешь сделать аборт? Ты, врач, ты подумал о моем здоровье? Моя подруга сказала, — она кивнула в сторону второй девушки, что приехала с ней. — Что необходимо рожать, аборт противопоказан, потом детей может и не быть.

Решад едва не взвыл, узнав девицу — гинеколог в больнице райцентра, недавно поступила на работу, еще имя странное, Витамина, Виталина. Виталия — вспомнил он зачем-то. Метила к ним в больницу, скандалила, но Мария Николаевна еще не собиралась освобождать место, да и он отстоял опытного врача.

— И что теперь?

— Мои родители в курсе, кто отец ребенка. Так неловко получилось, папа в туалете сидел, а дверь не запер, и меня вывернуло прямо ему на колени. Родители требуют, чтоб ты приехал. Просить моей руки, — немного пафосно, особенно в такой ситуации, произнесла девушка. — Я согласна, Решад!

Где-то недалеко прогремели раскаты грома, будто природа тоже решила поучаствовать в этом фарсе. На сцену поднялась Мария Альбертовна, пригласила всех в клуб, продолжить праздник под крышей. Постепенно толпа схлынула вниз, в поселок, только музыканты лихорадочно грузили аппаратуру со сцены, с тревогой поглядывая на резко потемневшее небо, мечтая успеть до дождя перевезти в клуб драгоценные инструменты, да сворачивался обжорный ряд.

— Пойдем в клуб? — по-хозяйски Вера просунула руку ему под локоть, положила ладонь на запястье. — А то сейчас ливанет!

— Идем, — подчинился он неизбежному. Доигрался...

И не будет завтра ни роллердрома, ни прогулки по набережной с мороженым, ничего не будет... Как она сдержалась, сама удивилась, когда эта милая девушка объявила новость. Ира

узнала красавицу сразу, тогда, в «Трюме», навсегда запомнив ее, и перед тем, как девушка озвучила имя счастливого отца ребенка, Ирина уже поняла, кто он. И не было смысла гадать, зная, как быстро он добивается постельных утех у таких восторженных девиц.

А завтра и она могла попасть в список дурочек, побед главврача. Даже сегодня, уже плюнула на приличия, мечтая оказаться с ним в одной постели.

Об одном только жалела, что выпили с девочками вина по стаканчику, и за руль нельзя, а хотелось одного — уехать подальше от этого поселка, какой черт подсунул ей то объявление о продаже дома? В каких облаках в тот момент прохлаждался ее ангел-хранитель?

Перспектива жить через двадцать лет с сорока кошками не казалась уже такой унылой. Звери не предают, а если и залезают лапами в чужую постель, так не жаль, кошек хватит на всех.

— Девочки, я, наверное, домой пойду, — улыбнулась она подругам, когда все засобирались с поля в клуб. Расхотелось веселиться, только сесть в углу, обхватив колени руками, и завить под вечно молодого Мортена Харкета. Хорошо бы, разразилась гроза, станет легче дышать.

— I'll never let you see

The way my broken heart is hurting me

I've got my pride and I know how to hide

All my sorrow and pain

I'll do my crying in the rain...[1]

— Ты что, Иришка, как можно, мы так ждали этот праздник! — возмутилась Ната, но вдруг поняла состояние подруги, тихонько спросила. — Из-за Решада, да?

— Вот еще, глупости! А идем, Нат, только еще вина откроем, поднимемся к тебе в мастерскую, выпьем еще немного, — сквозь силу улыбнулась Ира.

— Я не против, — не смотря на заверения приятельницы, что все хорошо, Ната представила, что творится сейчас с Ирой, сама была в шоке от новостей.

— Девочки, вы куда, я с вами! — Костя отделился от компании парней, рванул следом за девушками.

— Мы в клуб подойдем попозже, и, знаешь что, Кость, — вдруг остановилась Ирина, повернулась к назойливому кавалеру. — Ты не приезжай больше ко мне, не трать свое драгоценное время.

И ушла, гордо вскинув голову, догонять Натку. А Кашей остался стоять с открытым ртом. Именно сегодня он надеялся остаться на ночь, надеясь, что Ирина после таких новостей захочет «отомстить», пока не включился разум. Но вышло ровно наоборот... Ничего, остынет, подумает, сделает правильные выводы.

[1] Crying in the Rain (в переводе с англ. — «Плачу под дождем») — сингл группы The Everly Brothers, выпущенный в 1962 году. Авторы песни — Говард Гринфилд и Кэрол Кинг. Наиболее известный кавер в исполнении группы A-ha.

На входе в клуб стояла Мария Альбертовна, и лично проверяла в сумках наличие бутылок, безжалостно конфискуя алкоголь.

— Что делать будем? — девушки спрятались в кустах, по дороге прихватив с собой Катерину, и теперь соображали, отпивая прямо из бутылки, как пронести выпивку, захваченную из дома, как в юности, на местной дискотеке. Пусть слабенькое красное вино, но много ли надо не часто употребляющим дамам.

— Так у меня в примерке не закрыто окно! Лезем? — хихикнула Ира, вспомнив. Маленькая комнатка за сценой, куда никто не заглядывал, склад нарядов к выступлениям и старой аппаратуры, была удачно занавешена тяжелой бархатной шторой, и мало кто знал о ее существовании, кроме бабулек и Сергея Ивановича.

Подталкивая друг друга, притащили кирпичей, доску, и залезли в узкое окно, уже не сдерживая истерического хохота. Осторожно поднялись по лестнице на второй этаж, предупредив Светика и Азалью, где их искать.

Когда вся теплая девичья компания была в сборе, уселись прямо на столах, лишь сдвинув выкройки и куски ткани, лежащие везде в огромном количестве. Ира усмехнулась, увидев свое свадебное платье на плечиках. Так и не поднялась рука к подружки раскромсать это великолепие, висит, пялится на нее стразами... Хоть самой бери в руки ножницы, и уничтожай.

Открыли бутылки, хорошо еще, догадались с Наткой прихватить штопор, сыр, шоколад, пару хрустящих зеленых перцев и упаковку одноразовых разноцветных стаканов.

— Ну-с, девочки, за счастливую семейную жизнь соседа! — тряхнула Ирка кудрями, символически подняла руку с тарой, выпила залпом. — Не чокаясь!

— Ир, все так плохо, да? — внимательная Света переглянулась с Азелей. Только-только приватно они обсудили шокирующую новость, с грустью понимая, что Решад со своими принципами женится, не сумеет поступить иначе. Не на той, что ждали друзья. И, так, как Ирка вписалась в их компанию, у Веры не получится никогда.

— Почему? Все хорошо. Я рада за соседа, давно пора ему остепениться, — со странным спокойствием ответила Ира.

— Девочки, я хотела вам рассказать новость, но сейчас понимаю, не тот момент, — потупилась Катя, разглядывая дно своего стакана. — А новость у меня... Закачаетесь.

— А расскажи, Катюш, у нас закончились поводы выпить.

— Ну, в общем, — замялась Катя, и вдруг выпалила, не в силах больше держать в себе. — Мы с Назаром будем вместе жить! Он предложил сегодня...

— Вы когда успели? Нет, поздравляю, вот это — хорошие вести! — Ира кинулась обнимать приятельницу.

— Как-то получилось, девочки, — принимала поздравления смущенная Катя. — Назару дом оформляют слева от тебя, Ириш, и, я думаю, что соглашусь. И сомневаться нечего! Он такой... такой, я о нем постоянно думаю.

— Ух ты, хоть с одними соседями повезло! — обрадовалась Ира.

— А ты, Ирка, теперь с Костей будешь встречаться?

Неожиданно Ира длинно и сочно выматерилась, мешая ругательства на всех языках, которые знала, поразив вариациями маршрутов для Кости.

— Да за тобой записывать надо, и в гараже у Марселя повторить! Мужики сразу уважать станут, — расхохоталась Азалья.

Девушки, увлеченные беседой, не заметили, как по коридору кто-то прошелся,

прислушиваясь у дверей, и именно громкий смех Азалии выдал их с головой. В дверь осторожно постучали, и на пороге появилась Верочка.

— Я дико извиняюсь, — начала она, не заметив, как посмурнела дружная компания, лихорадочно пряча стакашки.

Не удержалась, поморщилась Ира на ее слова, сейчас в этой девушке раздражало все, но понимала разумом, что не тот объект должен вызывать подобные эмоции. Не она, так другая...

Только один человек должен получить сполна, что сам недавно обвинял ее в неразборчивости в связях и последствиях. Бумеранг соседу прилетел отличный, увесистый, Ирка даже улыбнулась своим мыслям.

Приняв улыбку на свой счет, Вера продолжила, обратившись к Ирине:

— Мне сказали, что ты, Наташа, хорошо шьешь, я хочу платье заказать, с моей фигурой не найдешь приличного.

— Фигурка у вас, девушка, действительно, хороша, только я — не Наташа, шить не умею. Сама покупала платье в салоне, — то, что девушка с разбегу стала обращаться на «ты», не добавило ей обаяния.

— Наташа — это я, но я ни разу не шила свадебных платьев, — слукавила Натка. Светик едва не подавилась шоколадкой, но решила промолчать. В округе сложилась примета — если Ната сошьет хотя бы фату, брак будет долгим и счастливым. Как у нее с Артуром, ведь это она сама пустила такой слух в свое время, щеголяя в эксклюзиве от Наты на собственной свадьбе.

— Жаль... Так а вон висит, какое красивое! Это же чудо! — в восхищении уставилась Вера на груды шелка и кружева.

— Я его не шила. Это не мое, — отрубил Ната, отвернулась от девицы, показывая, что разговор закончен. Да и остальные дамы не горели желанием поддерживать разговор.

— Жаль. Хорошо, я в Казань съезжу.

— Удачи.

Когда за Верой закрылась дверь, девушки еще долго прислушивались к тишине коридора, и только позже, первой подала голос Света:

— М-да, хлебнет наш Ярканат...

— Да что Ярканат. Притрется, перетрется, — скривила носик Катя. — Мне ребенка жаль, девочки. Еще не родился, а уже стал проблемой.

— А мне — Наилю-апу, — тихо ответила Ира. — Ей жить с ними.

— Да, твоя правда, вот кому не повезло, — пригорюнилась Катерина.

Совсем недавно, в душевном разговоре, когда про Назара выпросила у начальницы все, что можно, та вдруг помечтала вслух, что, вот бы сыну в пару неугомонную рыжую соседку, да все ругаются, никак не поймут, что лучше быть вместе.

— О, девчонки, опять эта бежит, — услышав шаги в коридоре, Натка быстро спрятала оставшуюся бутылку в груды ткани.

— А кто тут у нас нарушает приказ? — распахнув дверь, в мастерскую ворвалась Мария Альбертовна. — Ну что, девицы-красавицы, пьем? Для кого я три объявления вешала? И как вы мимо меня пробрались, а? Не стыдно, мамыши молодые?

— Стыдно, но у нас повод есть! — быстро нашлась Натуся. — И вам, Мария Альбертовна, за такое пригубить не грех! Наша Катя замуж выходит!

— Святые чебурашки... А закусить есть? — хитро прищурилась глава поселка. — Поздравляю, Катюшка, уж не новый заместитель Решада Маратовича — счастливый жених?

— Он, Мария Альбертовна! А как вы?

— Я в своей епархии знаю все! — перебила Катю хозяйка деревни.

— Кать, так ты у нас теперь еще и супругой начальства станешь, — резво, пока Альбертовна не передумала, Ната открыла последнюю бутылку, разлила, рассовала в руки стаканы. — Все, да не все, могу поспорить, что одну новость не знаете, вот!

— Ну, Катюшка, живите с Назаром дружно, рада за вас. Мы, если что, поможем, обращайся, — Мария прикоснулась краем стаканчика к остальным, подставленным, выпила. — Вкусное вино. И чего это я не знаю, а?

— Так наш Решад женится тоже! — выпалила Азяля. — Да еще и отцом станет в марте.

— Ого! Иришка, поздравляю! Вот эту новость пока не слышала! — только сегодня на поле Мария видела счастливую пару. — Ну что ж, я рада вдвойне за вас, девочки! Не пей много, Ирочка, раз беременна.

— Я тут ни при чем. У него другая невеста.

— Наташ, там вино еще осталось? — удивлению Марии не было конца.

— Но ведь нельзя? — улыбнулась Ната.

— Тихо. Нам уже можно, только не буяннить внизу, договорились?

— А кто нас сдал, Мария Альбертовна? Вы так целенаправленно пришли, будто знали, что мы здесь пьем, — Ната распахнула окно, залезла на подоконник с сигаретой. Чего уже стесняться. Ира подошла тоже, слушая дождь, подкурила сигарету, хотя в последнее время курила мало, да и осталась одна в пачке. Но, не сегодня... Во второй комнатке за сценой лежала пачка, точно знала.

— Так девушка такая, ладненькая, симпатичная, по-моему, я ее в ювелирном отделе в райцентре видела. В красном костюме.

Девушки переглянулись.

— Так вот это и есть невеста главврача, — резюмировала Азяля.

— Ох, епт! — вырвалось у Марии.

— А мы о чем.

Когда дружной стайкой девушки спустились со второго этажа, прибрав столы, будто и не было маленького фуршета, разбежались, кто куда по залу среди танцующих пар, Ира прошла за сцену, намереваясь забрать сигареты и постоять на крыльце в одиночестве.

Вдруг из-за портьеры, закрывающей склад, молнией выметнулась мужская рука, схватила ее за запястье, дернула к себе. Ира не удержалась на ногах, с размаху впечатавшись в мужчину, не успев даже пискнуть. Удержал, прижал к стене, закрыл собой. От поцелуя свело скулы, но оба не замечали, что делают друг другу больно, подчиняя разум химии тел.

— Давай сбежим, на одну ночь, к черту все, только одну ночь, прошу...

Челлендж с тазиком воды — ерунда по сравнению с таким предложением. Даже не любовницей. Шлюхой на одну ночь.

В ведро с ледяной водой щедро накидал грязи и ухнул ей на голову.

Без пяти минут чужой муж.

Так сама только что целовала его взахлеб, прижимаясь отчаянно, какого отношения к ней ожидала? Шлюшка на одну ночь и есть, последнее развлечение перед счастливой семейной жизнью.

— Побежали, — шагнула она по стене в сторону выхода.

— Иди к моей машине, я сейчас, — обрадованный ее согласием, не заметил подвоха. —

Вот, ключи возьми. Черт, калитка заколочена...

Ира взяла ключи, выскользнула из комнатки. Ну что ж, Решад Маратович, пешком походить тоже полезно.

Гордо подняв голову, прошла через зал к выходу.

— Ирочка, любовь моя, ты куда? — Костя перехватил ее у двери, обеспокоенно заглянул в лицо.

— Каблук шатается, сбегаяю, обувь переодену, я быстро.

— С тобой, может, сходить?

— Нет, Кость, я мигом, — вымученно улыбнулась ухажеру. Не понял, что она дала отставку, или не захотел, решив, что пошутила. — Пожалуйста, не ходи за мной.

Через полчаса максимум оба будут бегать по поселку в поисках, где-то нужно отсидеться до утра. Нелепая ситуация...

Она толкнула дверь, вылетела на улицу, чуть не сбив с ног Лешу:

— Иришка, ты уже уходишь?

— Лешик, сейчас ничего не спрашивай, дай ключи от твоей полиции, пожалуйста! — выпалила она.

Глаза ее лихорадочно блестели в темноте так, что друг, не задавая вопросов, сунул руку в карман, вытащил связку ключей:

— Вот этим откроешь дверь, свет я оставил на всякий случай, выключи, чуть позже постучусь три-два-три. Я тебя не видел?

— Ты меня не видел.

Осторожно выскользнул из-за портьеры, оглянулся — никого. С какого перепугу он стал прятаться? От пуль не прятался, а тут — от чужих глаз... Позорище. Ребенка обеспечит, тот ни в чем не будет нуждаться, мать его — тоже, но как жить с ней... Только бы сейчас увидеть рыжую, сказать, наконец, что хотел, и пусть осуждают люди, не прилипнет.

Вышел на улицу, вдохнул воздух, напоенный прошедшим ливнем, быстрым шагом ушел по тропинке к своему дому, стараясь ступать по мокрой траве, а не в расхлябанную дождем тропку. Ее дом стоял темным, ни пятнышка света, закрыта калитка. Решад ускорил шаг, зашел на свой участок. В комнате матери приглушенно горит ночник, с Танюшкой, наверняка, читают перед сном. Машина, как оставил, не в гараже, а под навесом. Вот только никого рядом нет.

В надежде обошел несколько раз автомобиль, гараж, заглянул в дом. Нет никого, даже трава не примята. Вернулся к ее калитке, просунул руку к щеколде, откинул, но дверь не поддавалась, заперта на ключ. Перемахнул через забор, какой там забор, одно название, заглянул на террасу, подергал двери. Закрыто, и Шлимана не слышно. Для успокоения потянул и зимнюю дверь, нет, не поддавалась. Набрал номер. «Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны доступа сети»...

— Натусь, привет, Ира с тобой? Нет? Спасибо, нет, все в порядке, не переживай.

— Светик, около тебя там рыжей не видно? Нет? Ладно.

— Леший, Ирку не видел? Да так, интересуюсь. Нет? Бывай.

— Мам, не разбудил? Слушай, а соседка к нам сейчас не заходила? Нет? Поговорить со мной хочешь? Давай завтра, хорошо? Спокойной ночи.

— Альбертовна, поищи там рыжую, не видно? Да я ей ключи от машины дал, забрать бы. Нет? Не слышу, музыка у тебя орет. Нет ее? Ладно.

Осталось позвонить одному человеку, кто мог бы ее видеть. Или сейчас быть рядом. Кашей...

Только он подумал про друга, как у калитки показался лис хитрый, проделал те же манипуляции со щеколдой. Решад прижался к стене, слившись в темноте с цветом дома. Костя перемахнул через заборчик, повторил его маршрут с тем же успехом. Достал телефон. «Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны доступа сети».

Подошел к Хаммеру, подергал дверь, заглянул в окно. Шиш тебе, Кашей, брат кровный...

Ушел. Побродил еще у его дома, но внутрь заходить не стал. После прошел мимо, обратно к клубу.

Ищи-ищи, родной.

Но где она может быть? Где появлялась чаще всего в последнее время?

Вдруг, как жаром обдало. Так в больнице же, у Леонида Матвеевича! Ну и что, что поздно, пересидеть могла именно там, где вряд ли кто подумает искать.

Быстро, стараясь держаться в тени, пошел следом за соперником, но свернул в кусты у больничного забора, пролез, согнувшись в три погибели, через дыру в сетке-рабице. На днях просил завхоза затянуть лаз, а сейчас поблагодарил старика за медлительность. Прошел через приемный покой, заглянул в ординаторскую — пусто.

Поднялся на второй этаж. В палате у Агути на стульях чинно сидели подростки, бережно отставив загипсованные, разрисованные уже, конечности, жевали бутерброды, шумно прихлебывая чай. Славик хозяйничал у стола, чистил деду и детям бананы. Назар, удобно устроившись на открытом подоконнике, резко затушил сигарету, увидев начальство.

— Доброго вечера, Маратыч, ты чего такой серьезный? — дед обрадовался еще одному посетителю. — А мы тут чаек соорудили, Славик вот бутерброды приволок, хочешь? Хош — с рыбкой красной и укропом, хош — с колбаской и огурцом, а, ты как?

— Спасибо, приятного аппетита, Леонид Матвеевич, — улыбнулся Решад бесхитроственному приглашению на ужин. — Я не голоден.

— Ну, как знаешь, в большой семье клювом не щелкают.

— Парни, через час — к себе в палату, носами в подушки, а то завтра родители по тыквам настучат, и, в первую очередь, мне, — пытаюсь быть грозным начальником, погладил по беспокойным головам подростков.

Пройдет совсем немного времени, и его ребенок станет таким же, будет лазать по деревьям, прыгать с пирса, носиться по лужам. Его ребенок... А вдруг, девочка? Накрасит ему ногти разноцветным лаком, прицепит заколки на волосы, пока он спит, как однажды нацепляла Танюшка, а он в таком виде сорвался в больницу. Вот было хохоту. Да согласен он на детей, но чтоб были рыжими, пусть бы и через одного. Его дочери пойдут рыжие кудряшки...

— Назар Васильевич, тебя б на десять минут, можно?

— Идем, все равно собирался вниз спускаться, — Назар слез с подоконника, следом за другом вышел в коридор. — За курение в палате разнос устроишь?

— Нет, не думал даже. А надо?

— Если тебя это развлечет.

— Слушай, хохол, айда ко мне, выпьем? — Решад резко повернулся к заместителю,

умоляюще посмотрел ему в глаза. — Не умею я в одно рыло употреблять.

— Ну, идем.

В кабинете, пока Назар усаживался поудобнее, Решад пересмотрел подарочные коробки с выпивкой, что равнодушно складировал в шкафу, выбрал виски, проверил акцизы и упаковку, достал бутылку, взболтал. Маслянистая, мягкая жидкость встрепенулась видимыми глазу пузырьками воздуха. Взболтал еще раз, перевернул резко, и крупные пузырьки устремились вверх, а следом, лениво, поднялись и мелкие. Вроде, не контрафакт. Разломал черный шоколад, что так любили оба в студенчестве. Сунулся в маленький холодильник, ого, лимон есть, правда, уже подсох. Пойдет.

— Да ты гурман, однако, — Назар внимательно следил за манипуляциями друга.

— Подожди, сейчас удивлю. У меня и рюмки под разную алкашку имеются. Правда, я не знаю, какие для чего, — показал Решад богатую коллекцию рюмок различной конфигурации.

— Вот эти вытаскивай, — уверенно ткнул пальцем Назар в два восьмигранных, скошенных по дну стаканов, чуть сужающихся к краю.

— Эксперт!

— А то.

Хозяин кабинета плеснул в бокалы виски, сел в свое кресло, по круговой чуть прогнал по стакану алкоголь.

— Ну, за твою новую жизнь, чубатый.

Старые друзья чуть сдвинули стаканы, выпили по глотку.

— Подожди еще, женюсь тут.

— Ты тоже?

— Что значит, тоже? Я сегодня Кате сделал предложение.

— Кате? Хорошая она. Будь счастлив, брат. И мне сегодня сделали предложение. И отказаться, скорее всего, не получится, — ухмыльнулся друг.

— Что, конь, влетел с разбегу в горящую избу?

— По самые яйца, — кивнул Решад.

— А что не весел? Если это соседка, так до потолка должен прыгать, — внимательно посмотрев на собеседника, Назар уточнил. — Но, особой радости не наблюдаю, значит, не она.

— Нет, не она. Назар, ну, как так-то? — Решад потер переносицу, скривился, зажмурился на секунду. — Вроде все стандартно было...

— Доигрался хер на скрипке?

— Эта же мысль вертится весь день, — не удивляясь совпадению определения ситуевины, Решад плеснул еще по глотку.

— Ну, так Яшки присказка.

— Звонил ему?

— Вчера. Ну что, за дам? Как хоть твою зовут, а?

— Вера, — сквозь зубы вытолкнул Решад имя. — Верунчик.

— Салют, Вера, — вспомнив старую песню, усмехнулся Назар, пригубил совсем чуть, памятуя, что ему сейчас спускаться с лестницы на костылях, а там трезвому — целый квест, куда пьяному. — Что, совсем беда?

— Вроде, нет, в конце марта стану отцом, — покрутив по столу стакан, Решад тоже выпил совсем чуть.

— Мы с Яшкой еще удивлялись, как раньше не случилось, с твоей-то выносливостью и частотой смены мадемуазелек. Серега Жбан ставки все делал, несколько раз тебе презики прокалывал, да все мимо.

— Погиб Серега в пятнадцатом, только развернули ППГ, прилетело нам. Сам его двухсотым сопровождал...

Назар начал вставать неловко, на одну ногу, не помогая костылями, взял в руки стакан. Следом поднялся Решад. Молча, не чокаясь, по военной традиции, до дна выпили третий глоток.

Военные медики, элита среди гражданских докторов, способные работать в любых условиях, седые в свои тридцать пять, увенчанные шрамами и погонами на парадке, всегда висящей в дальнем углу шкафа. Каждый вспомнил поименно тех, кто отдал свою жизнь, чтобы сейчас можно было спокойно пройтись по улицам приграничных южных городов, не получить пулю или наступить на хитроспрятанную растяжку, выехав на природу в летний зной. Чтоб рождались дети, знающие, что произошло в Беслане первого сентября только по воспоминаниям очевидцев и фотографиям, навек застывшим в мраморе...

— Пойду в ординаторской покемарю, ты не против? — Назар потянулся за костылями. — Ты как, домой?

— Нет, если что, я тут буду, домой идти нет смысла.

— Договорились.

Решад остался сидеть за столом, обхватив голову руками. Открыл ее видео на странице в ВКонтakte, наугад ткнув в середину. С экрана счастливо рассмеялась длинноногая его мечта, потрянула двумя кудрявыми хвостиками над ушами, отъехала от камеры, выписывая затейливые дуги роликами. Набулькал себе полный стакан, чокнулся с телефоном, чуть расплескав. Выпил залпом, закурил, роняя пепел в пустое блюдо.

Скрипнула дверь, едва успел погасить экран. В проеме показалась Вера:

— Я думала, ты меня отвезешь домой.

— Сегодня я за руль не сяду, — подумал немного, посмотрев на бутылку. — И завтра.

— Но мы же в понедельник хотели заявление подать.

— День терпит? За день ничего не случится?

— Но...

— Вера, на днях я приеду, и все будет. И заявление, и все остальное. Сейчас, пожалуйста, поезжай домой, с кем ты приехала сюда.

— Нас Константин Николаевич подбросил, — едва ли не с подобострастием ответила девушка.

— Наш пострел везде...

— Может, мне лучше остаться с тобой?

— Я же попросил! — Решад встал из-за стола, с грохотом уронив кресло, в три шага оказался рядом, навис над невестой. — Через пару дней, что непонятного?

И тут Верочка испугалась, сжалась, инстинктивно вскинула руку, закрывая лицо, ожидая удара. Ни разу она не видела такого Решада, чужой человек сейчас стоял рядом, пьяный, злой, точно такой же, как отец. Неужели мама была права, что не будет счастья с этим человеком, что они совершенно не знают друг друга, постель не в счет...

— Ты что, Вера, ты что? Я никогда не позволю себе поднять руку на тебя, не думай! — растерянно отступил, удивленный ее реакцией. — Я буду тебе хорошим мужем, нашему

ребенку — отцом. Просто все это... неожиданно.

— Хорошо, Решад. Завтра вечером позвони, — Верочка выскользнула из кабинета, перевела дух.

Когда на лестнице затихли ее шаги, Решад взял бутылку со стола, сел прямо на пол, подперев спиной дверь кабинета, достал телефон.

Некому звонить.

Отхлебывая прямо из горла, не чувствовал, как алкоголь обволакивает внутренности, и, как ему казалось, не пьянел совершенно. В сотый раз открыл заветную страницу, и один за другим опять смотрел видео, где заливисто смеется его рыжее счастье, мечта, так и не ставшая реальностью.

Почему каждая встреча с ней сродни шагу с высоты, лететь, раскинув руки — восторг невесомости, вопреки земному притяжению, страх и торжество Икара, и — шлеп! — бесформенной кучей в асфальт, лежать и ждать, когда тебя соберут в совок, предварительно обведя мелом...

Через месяц он будет примерным семьянином с другой женщиной, которая никогда не станет близкой и родной. Некого винить, кроме себя. Черт, и виски заканчивается. Нужно перебраться на диван, и достать еще бутылку.

Мысли толпились в голове, тело, напоенное алкоголем, не слушалось. С пола встать получилось с третьего раза. Дошел до шкафа с бутылками, по пути вписался в стол, свернув его. Взял первую попавшуюся коробку, рухнул на диван. На экране высветился входящий вызов: «Кашей».

— Ответь честно, Ярканат, Ирина с тобой?

Значит, не нашел дружбан общую пропажу. Хоть это радует.

— Что, брат, проебал рыжую?

— Если она с тобой, я не знаю, что сделаю! — заорал Костя в бессильной злобе, срываясь на фальцет.

— Ну, как придумаешь, звони.

— Я же тебе ясно сказал, отстань от нее!

— Да пошел ты...

Снова звонит, настырный. Что, потерял свою зазнобу? Мучайся теперь, гадая, с кем она этой ночью.

Распечатал бутылку, свернул крышку, сделал глоток. Усмехнулся, увидев на бутылке стилизованную голову оленя. «Ты — олень, и я — олень, оба мы — олени...» Нашел в журнале вызовов номер, что выучил наизусть, в который раз за вечер нажал на зеленый значок.

«Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны доступа сети» — вновь равнодушно ответил механический голос, убив последнюю надежду.

Вздрагивая от каждого шороха за окном, в полной темноте, Ира сидела на маленьком диванчике в опорном пункте. Где-то вдалеке нестройными голосами женщины затянули песню, возвращаясь с клуба, постепенно разъезжались машины, увозя гостей праздника по домам. Не заметила, как уснула под редкие капли дождя, срывавшиеся с крыши, неловко приткнув голову на жесткий валик подлокотника.

Осторожный стук в дверь прервал тревожный сон, три-два-три, как договорились. Разламывалась голова, шея затекла от неудобного положения, прическа напоминала воронье

гнездо.

— Ну, ты и выглядишь, подруга! Без грима жертвой в ужастике можно снимать, — Лешка прошел к столу, достал из нижнего ящика пластмассовую однорядную расческу, вручил растрепке. — На, хоть причешишь, домовенок Кузя. Вон там туалет, раковина есть, умойся.

Пока Ира приводила себя в порядок, поймал себя на мысли, что с удовольствием бы смотрел на нее, спящую, утром, вот такую, растрепанную, припухшую, с красной полоской на щеке от складки на подушке... Иногда, в полудреме, вспоминал тот шуточный поцелуй в игре, и позволял себе придумать, чтоб было дальше. Не сбудется никогда эта история, и мечтать нечего, мимолетное наваждение.

— Ну-с, подруга, голова бедовая, один твой шоколадный заяц свалил из поселка полчаса назад, с таким потеряннным видом бегал по поселку, что жалко стало нашего Кащеюшку, — Алексей закрыл створки окна, взял со стола ключи. — Второй в стельку наакался, спит у себя в кабинете, я зашел к нему, подофигел малость, никогда Ярканат до такой степени не нажирался.

— Тогда, я пойду домой, Лешик?

— Пойдем, провожу.

— Спасибо, Леш, ты мое солнышко! — погладила по руке, улыбнулась тепло.

— Иришка, а ты совсем, кроме Ярканата, другие кандидатуры не рассматриваешь? — Леша вдруг развернулся к ней у самого порога.

— Я и Ярканата не рассматриваю, Леш, не на что смотреть.

— Понятно.

(15 июля, воскресенье, +26)

Нет, вариант отца ему никак не подходил, такую боль терпеть после каждой пьянки. Голова трещала, в черепе играли в догонялки три маленьких слоника, при этом носились по замкнутому кругу мотоциклисты-экстремалы. И шоу Риверданс толпой отплясывало ирландский танец.

С ненавистью глянул в зеркало. Ну и рожа. Слишком похож на отца, не дай Боги так же просрать жизнь... Глаза красные, нос распух, будто рыдал всю ночь. Спуститься вниз, в ординаторскую, растворить пару шипучек от похмелья, у девочек должны быть в запасе. Где телефон?

Осторожно, всем корпусом, оглянулся, пошарил глазами, получив новый приступ боли. Осколки телефона валялись у стены. Все равно пора было менять. С трудом наклоняясь, собрал все, что осталось от телефона, симку положил в карман. Минералка в холодильнике должна быть...

Поставил на место стол, поднял кресло, стыдливо убрал пустые бутылки в пакет, потом вынести тихонько. Распахнул окно, постоял немного, вдыхая утреннюю прохладу, стало немного легче.

В ординаторской Назар что-то мурлыкал в телефон, видимо, с Катей, таким счастливым друга Решад не видел никогда. А тот, увидев страдальца, быстро свернул разговор, положил трубку, сочувственно поздоровался:

— Что, головушка бо-бо?

— Есть немного, — открыл ящик бокового шкафа, второй, третий, нашел синюю заветную коробочку, кинул в стакан два шипучих кругляша, налил воды. — Думал, сдохну.

— Ночь прошла штатно, сломанный нос — одна штука, мужики после клуба что-то не поделили, пара синяков.

— Норм. Назар, ты поспал? Позавтракал?

— Да, Руша нас уже накормила, рисовой запеканкой, как в детском саду, вкусно. Леший приходил, пока ты спал. На рыбалку с ним пойду завтра с утра.

— Зайду сейчас к нему. Останешься еще на пару-тройку часов? Телефон я разбил, попрошу кого-нибудь скататься до райцентра, куплю, и сменю тебя, идет? Да, билеты я купил, во вторник по холодку чешем. Яшка подхватит в Москве, он уже завтра будет на точке.

— Топай.

— Ушел.

Стараясь не дышать, здороваясь с односельчанами, кое-как дошел до дома. У Иры негромко звучала музыка, значит, дома она, но в таком виде показываться — стыдно. Мышью прошмыгнул к себе на участок мимо нарядного соседнего палисадника.

— Улым, а Назар где? — обернувшись на звук двери, Наиля отвлеклась от плиты.

— Через пару часов сменю.

— Улым, ты что, пил? — мать повела носом в сторону сына.

— Было. Мам, давай отложим головной убор, а? Я в душ и по делам, потом в больницу на сутки, нет времени выслушивать нотации, — прошел мимо, мечтая поскорее встать под прохладную воду и почистить зубы.

— Ах, ты, дрянь такая! — Наиля схватила с плеча полотенце, точным движением хлопнула им по шее сына. — Нотации ему не читать? Мне как людям в глаза смотреть, сделал дите, допрыгался, а нотации, видите ли, ему не хочется выслушивать! Как не стыдно тебе, позорище! Весь поселок гудит новостью!

— Ну, ребенок, дело житейское, мам, — без тени раскаянья, Решад потер шею. Сегодня свадьба с Верой не казалась решением проблемы. — Обеспечу ребенка. Жениться на его матери — так себе перспектива.

Наиля обреченно присела на стул, поникла:

— Где я тебя упустила, сыночек...

— Мам, — неожиданно Решад опустил перед матерью на колени, поцеловал ее руки. — Я не смогу всю жизнь жить с той женщиной. Я ее не люблю.

— Раньше надо было думать, Решад, когда ложился с ней, — осторожно пригладила волосы на макушке сына, понимая его состояние, но жестко продолжила. — За свои поступки отвечать нужно, и не деньгами откупаться. Безотцовщину плодить не дам.

— Сопьюсь ведь...

— Это самый легкий вариант, улым, твой отец...

— Вы с отцом любили друг друга, не смотря на его выкрутасы! Не сравнивай!

— Почему — любили? Я и сейчас его люблю, — вдруг горько призналась мать. — Ты с темы не съезжай. Надеюсь, ты сделаешь все правильно.

— Ну да, флажки расставлены грамотно, сам виноват, что в капкан сунулся, и не отгрызть, не лапой попал, — попытался пошутить Решад, поднимаясь с колен. — Я в душ.

Если бы не ключи, не стал бы заходить к соседке, второй комплект где-то потерял еще по зиме, может, лежат где. Ключи — лишь повод, можно за ними и Леху отправить, но

желание увидеть ее перевесило разумные мысли.

Осторожно заглянул на кухню — никого. Вышел на террасу, беспомощно оглядев площадь участка — ищи ее тут до морковкиного заговенья. Прошел по дорожке в надежде, что поиск не затянется надолго.

Из-за теплицы чуть слышно донеслись слова французской песни хрустальным голосом, свернул туда, торопясь увидеть любимую. Ира сидела спиной к дому, на корточках, выпальывая нагло лезущие сорняки. Капли наушников не дали услышать чье-то присутствие, и минут десять Решад стоял, прислонившись к теплице, просто смотрел, как она работает, ощущая сердцем боль незатейливой рифмы:

— Et je te rends ton amour

Redeviens les contours

Je te rends ton amour

C'est mon dernier recours

Je te rends ton amour

Au moins pour toujours

Redeviens les contours

«La femme nue debout»...[1]

Наконец, Ира встала, потянулась, потрясла затекшими ногами. Поправила широкополую хлопковую панамку на голове, оберегая лицо от солнца. И повернулась.

— Ир, ключи вернешь? — попытался улыбнуться незваный гость.

— У меня их нет.

— Отдала кому?

— На рябине поищи, где Шлиман висел, — подхватила широкую корзину с маленькими огурцами, намереваясь уйти.

— Давай помогу. Как ты их туда закинуть умудрилась?

— Молча. Руками, — но корзину отдала, понимая, что не по силам наснимала урожай.

Прошла вперед к дому, на ходу снимая перчатки, легко взбежала на террасу, сполоснула руки на кухне, налила себе холодного морса, размеренными привычными действиями пытаюсь унять дико бьющееся сердце. Все утро глупо ждала хотя бы звонка, но не удосужился набрать ее номер, лишь сейчас зашел за ключами. А удачно она вчера закинула, со второго раза зацепив колечком за длинный сук. Пусть теперь лезет, физкультура полезна с похмелья.

— Ириш?

Не ушел, что еще ему надо? Чуть помедлив, собралась с духом, стянула с головы дурацкую панамку, шагнула на залитую солнцем террасу.

[1] И я возвращаю тебе твою любовь,

Снова обретаю очертания.

Я возвращаю тебе твою любовь,

Это моя последняя возможность.

Я возвращаю тебе твою любовь,

По крайней мере, навсегда,

Снова обретаю очертания...

«Je te rends ton amour». 1999. Автор музыки и исполнитель — Mylene Farmer, стихи — Laurent Boutonnat.

— Ну что еще, а? Чего ты тут забыл?

— Тебя. Скажи честно, ты бы была, — замолчал, собираясь с мыслями. — Со мной?

Если бы не этот казус.

— Казус? Ребенка ты называешь так? — от возмущения у Иры запылало лицо. — Хочешь всю жизнь жить, зная, что рядом растет твой сын, или дочь, без тебя? Нет, Решад, я не смогу тебя уважать. Будь счастлив.

Сбоку раздались громкие аплодисменты. На тропинке стоял Кашей, и с нескрываемым удовольствием хлопал в ладоши.

— Bravo, Ирочка!

— А ты чего здесь забыл? — удивилась хозяйка дома. — Я тебе русским языком сказала, чтоб ты больше не приезжал, на каком повторить? Уматывайте оба!

Понимая, что поступила некрасиво, наорав при соседке на Костю, разозлилась на себя, с размаху хлопнула дверью кухни, что стекло еле выдержало, дзинькнув жалобно.

— Слышал? Давай, чеши курить на улицу, — презрительно бросил Решад своему сопернику, еще надеясь остаться и продолжить разговор со своей обоже.

— Тебя тоже послали, если что. Верочка заждалась, заворачивай свои яйца в газетку и гребни ластами в сторону ЗАГСа, — не уступил Кашей. — Пока не протухли. Жених.

— Кашей, я ж врежу...

— Ну и дурак.

Рокот отъезжающей машины заставил обоих выглянуть за угол дома. Хаммер мигнул дважды на прощание фарами, развернулся на дороге, и только его видели. Ворота, повинувшись команде, плавно доехали вниз.

Не глядя друг на друга, соперники поспешили на улицу, молча разойдясь у калитки.

Выглядывая в листве рябины ключи от машины, Решад не раз вспомнил заковыристые идиомы, только в свой адрес. Не забыть бы еще за симкой зайти домой, что осталась лежать в грязных брюках.

— Что, Ярканат, примериваешься взлететь? — Лешка, кусая пирожок, слизнул вылезшее повидло. Как раз подошел от родительского дома, и теперь наблюдал за бестолково подпрыгивающим другом. Достал из пакета элеш[1]. — Тень, иди, поделюсь, на, ешь, моя ты девочка, не кормит тебя злой хозяин, совсем забыл, то понос у него, то золотуха, то симпозиум.

— Ключи там, — объяснять не хотелось даже Лешке. — От машины.

— Нифига ты вчера покуролесил! — восхищенно присвистнул друг.

— Помогли, — буркнул, полез по старому стволу, зашипел, неловко саданув рукой по иссохшему сучку. Наконец, увидел в листве блеснувший на солнце металлический ободок брелока. Ничего себе, глазомер и замах у рыжей...

— Леш, — попросил бедняга, когда спрыгнул на землю. — Я не в кондиции, есть час? Подбрось до магазина в райцентре, телефон разбил. Пожалуйста.

— Я тобой горжусь все больше. Ты сразу озвучь свои вчерашние подвиги, чтоб ни чему не удивляться, — откровенно потешался Лешка, но поймал брошенные ключи, выгнал Форд на дорогу, пока друг бегал за сим-картой.

— Решад, ты приехал! — к нему спешила Верочка, сияя от удовольствия.

Совсем забыл, она говорила же, пока шли в клуб, что работает в воскресенье. Надеюсь не пересечься, хоть и отделы ювелирки и телефонов рядом.

— Я за телефоном, Вер, — клюнул в щеку, обреченно отметив, как высунулись из отделов любопытные личики продавщиц.

Лешка, понимающе хмыкнув, ушел вперед, в салон продажи сотовых.

— Мне в подарок? Как ты угадал, я давно хочу новый, пойдем, покажу, какой! — победно оглядываясь на товарок, нарочито громко восхитилась девушка.

— Вообще-то, себе. Но, раз ты хочешь, — негромко ответил Решад.

— Зачем тебе? У тебя же есть телефон.

— Разбил. Случайно.

— А-а-а, так возьми мой, чего тратиться, мы же теперь вместе, правда? — примеряясь к росту собеседника, Верочка запрокинула голову, чтоб посмотреть тому в глаза под черными очками.

— Спасибо, Вер, но у меня хватит денег на два.

— А кольца когда? Я отложила нам, но на твой размер только три на выбор есть.

— Потом, — Решад завис у витрины с телефонами, медленно переходя по ряду.

Его всегда подбешивал выбор вещей, одежды, тем более, с его ростом и размахом в плечах. Джинсы купить — отдельная эпопея, в талии нормально, так коротки, если по длине отлично — на бедрах мешок висит, будто между ног полный памперс. А тут — телефон. За пять лет со своим сроднился, царапины были привычны глазу, удобные значки иконок. В таких передрягах бывал аппаратик, что впору ему памятник ставить, похоронив с почестями.

И вот — какой выбрать? Решад знал пять, от силы — шесть производителей телефонов, а тут...

Пока он растерянно читал характеристики новинок, Верочка хищно потрошила на прилавке белую коробочку с новым айфоном. Девушка-консультант, предвидя выручку, нахваливала выбранную модель, советуя к ней дополнительные гаджеты, выкладывая на прилавок новые соблазнительные коробки.

— Ты выбрал? — вспомнила Вера о будущем женихе.

— Нет, думаю еще.

К другу на выручку тихо подошел Лешка:

— Не парься, возьми, как у меня, поверь, я долго изучал, прежде чем потратиться, и стоит недорого. Только другого цвета возьми, а то путать будем.

— Покажи этим, на кассе. Только чтоб вставили симку, — с облегчением вздохнул Решад.

Выйдя из магазина на улицу, Решад закурил, вновь напялив на глаза черные очки. Верочка, щебеча над новым телефоном, примерила какие-то модные беспроводные наушники:

— Ты завтра приедешь с документами?

— Вера, я во вторник рано уеду, улетаю в Москву до пятницы, как приеду, поговорим, — хотелось поскорее добраться до работы, прилечь, пристроить голову, закрыть глаза. — Завтра с суток, собираться буду в поездку.

— Но, ты же сказал...

— Я забыл, — вспомнил он регулярную отмазку Ирки. Ткнулся губами в щеку, погладил девушку по спине, как плюшевую игрушку. — Я забыл. Все, уехал.

[1] Татарская национальная выпечка.

(17 июля, вторник, +28)

Катя растерянно стояла у крыльца. Как-то неожиданно, с огромной скоростью, стала меняться ее жизнь, будто в калейдоскопе кто поворачивал цветные стеклышки, все ярче и причудливее сплетая узор. Просыпаясь теперь раньше всех домашних, она ловила себя на том, что улыбается и, стоя под душем, мурлыкает под нос незатейливые мелодии, те, что любила слушать в беспечной юности.

Вчера, неожиданно нагрянув с Решадом в ее родительский дом, Назар совершенно очаровал ее родных. С отцом и братьями долго сидели на летней кухне, и, прощаясь, уже обнимались все, как с дорогим человеком. Но, больше всего Катю поразило то, с какой серьезностью ее мужчина попросил разрешения жениться у сына. И Вася, обычно настороженно относившийся к любому незнакомцу, вился возле Назара, рассказывая ему свои детские новости.

А поздно вечером, когда семейство большого дома разбежалось по своим комнатам, родители позвали ее на кухню, и выложили на стол заветную шкатулку с накоплениями.

— Мы тут решили, доча, вам с Назаром на хозяйство, немного дадим, на первое время хватит, оба с руками, справитесь. Раз с его стороны — покупка дома, а у Андреича в копеечку покупка влетит, то тебе, как хозяйке, обустроить надо будущее гнездо, — и выложил из резной деревянной шкатулки тонкую пачку. Подумал, добавил еще. — Ты держись его, Катерина, мужик он дельный.

В это время на кухню заглянул Димка, старший брат, умчался по коридору к себе, увидев деньги на столе.

Катя переглянулась с мамой, зная прижимистый характер старшей снохи. Наверняка, сейчас Дима ей обрисовывает ситуацию, будет возмущаться Фая, что родители кровные отдают непутевой дочери.

— Забери деньги, Кать, будто не видела, а? — попросила мать.

На кухню зашли братья с женами.

— Вот что, сеструха, такое дело, — помялся старший.

— Чего застыл, решили же! Ой, все самой надо делать! — Фая ткнула мужа в спину, выступила вперед. — Катерина, вот от нас, свадьба-мебель, вам с нуля надо начинать, а у твоего Назара пока за душой вошь повесилась на веревочке! Стены, главное, есть, а остальное потихоньку выправите.

И тут Катя разревелась. Сколько лет они с Фаей были в молчаливых контрах, то тарелкой грязной в раковине приткнет, то на очки Васяты сядет, будто случайно, то бархатцы ее выдернет с корнем, и на их место посадит рассаду своих любимых петуний. Все, что в родительском доме случалось, Фая во всем видела вину золовки. И вот, напротив родительской помощи, на столе появилась вторая пачка денег.

И через секунду, легла третья, накрыв собой две первые. Средний братец, по обыкновению, молча, положил свой «взнос», и ушел спать.

— Пока твой ездит, ногу свою делает, надо сходить, прибрать дом, проверить газ, свет, воду, купить что, — резюмировала Фая результаты семейного совета. — Ключи-то он тебе дал, рева?

Катерина кивнула молча, вытащила из кармашка два ключа на тонком колечке.

И теперь, тиская вспотевшей ладонью эти ключи, стояла, не смея взойти по ступеням. Ее будущий дом. Он ей нравился с детства, большой, старой постройки, потемневший от времени, но крепкий, теплый. Резные наличники грязных, заколоченных окон подслеповато шурились на новую хозяйку. Крапива вдоль веранды, хоть топором вырубай, выше Катиной головы, норовила обжечь руки при каждом порыве ветра, будто понимала, что дни ее сочтены, и вместо мрачной однообразной зелени этот сад скоро будет полыхать яркими красками цветов.

— Мам, а там малины столько! И никому не нужна, — Васята появился из кустов, беспечно прыгая по разбитой дорожке. — Вкусная!

— Вот и собирай, малой, — раздалось сзади.

Катя оглянулась. Смущенно улыбаясь, с дороги на тропку спустился Михаил Андреевич, оставив машину у домика полиции:

— Так ты, котенок, станешь у меня хозяйничать? Одобряю, — поприветствовал он. — А я Назару сегодня звоню-звоню, еле дозвонился, кому показывать владения, не знаю. Сказал он только, что жена подойдет, сам уехал.

— Здравствуйте, дядя Миша! — пискнула Катя. Показалось ей на миг, что вернулась в детство, и строгий отец ее одноклассника сейчас отчитает за ободранную без разрешения китайку. Интересно, если завернуть за дом, та яблоня, что в конце лета щедро засыпала землю и скамейку вокруг себя мелкими, прозрачными, янтарными яблоками, еще жива?

Пока ходила следом за Михаилом Андреевичем, кивая согласно на его рассуждения, вроде, успокоилась, но, когда тот управился с инструкциями, расцеловав на прощание, уехал, Катя вновь запаниковала.

— Я пришла, ведра-тряпки принесла! — заорала Ирка, когда обогнула дом, но увидев растерянное лицо новой соседки, присела рядом на лавку под старой яблоней, поставила рядом хозяйственную сумку и ведра. — И чего ты нос повесила? Отбой? Мы же договаривались.

— Я эту яблоню с детства помню... Вон, видишь, сук обломанный? — Катя подняла глаза навстречу воспоминаниям. — Ух, летела я с этой ветки! Ключицу сломала, ходила все лето в восьмерке, года два потом опасалась по деревьям с парнями лазить. А, потом забыла все, опять понеслось. Черемуху красную видишь, рядом с облепихами? Все трусы были порваны об нее, ноги в синяках. Улепетывали от дяди Миши с парнями его, и с моими братьями, только пятки сверкали! Там доска в заборе, на речку, до сих пор на одном гвозде. А как с компанией Решада постоянно враждовали, что ты, на Озерную сюда к ним не ходи, со своей Комсомольской! И вот...

Девушки помолчали немного, наблюдая, как колышется сочная картофельная ботва бескрайним морем, уходящими вдаль рядами.

— Дядя Миша осенью только картошку выкопает, приедет, а все остальное — оставил, забросили с тетей Таней участок. Там смородина даже не измельчала. Вася малину объедает, счастливый такой, впервые не надо делиться с двоюродными братьями и сестрами. От Назара в восторге. А я... я боюсь.

— Чего боишься?

— Две недели всего, как знакомы, и жить вместе, не зная привычек, сразу притираться, в режиме аврала, обживать дом... Иришка, — повернула Катя голову к подруге, шепнула

тихонько. — Мы еще не спали.

— А обязательно сразу? Катя, глупости же! И где вам? Сейчас наша бригада вся подойдет, отмоем, побелим, покрасим, в чистом доме, как по маслу пойдет жизнь семейная.

— Оптимистка.

— Катя, он тебе нравится?

— Да я от поцелуев на стенку лезу, от одного его запаха... — призналась Катя, потупив глаза. — Но, ты посмотри на его фигуру, красавец же, а мне куда? Растяжки по животу, грудь после кормления так себе, и так размером не избалована, вены вылезли. Помнишь, в спа, массажистка как укоризненно головой качала? Мне так стыдно еще не было, провалиться хотелось под стол в дырку для лица.

— Началось в колхозе утро, — вздохнула подруга. — Головой она качала, потому что мы в конец ее смены попали, думала убежать пораньше, я же знаю Лену. Будем ездить к ней, кстати, хорошо? То я твою фигуру не видела, и на пляже, и там, в салоне. Рядом лежала, если что. Все у тебя в порядке, не гневи природу.

— Хорошо. А тебе легко говорить, — улыбнувшись искреннему комплименту, ободренная, Катерина не осталась в долгу. — Твое декольте мужчины, как пчелы, взглядами унавоживают.

— Ну, тогда, скорее, мухи!

И обе засмеялись сравнению.

— Мама, тетя Ира, вот, угощайтесь! Я эту формочку нашел там, в кустах, помыл! — ребенок, сияя от радости, протянул желтое пластмассовое солнышко для песка, наполненное с верхом крупными спелыми ягодами.

(18 июля, среда, +25)

С тоской оглядев кафе, Лариса аккуратно сложила зонтик, стараясь не попасть брызгами на людей. Все столики в любимом «Трюме» были заняты, дождь загнал обедающих на веранде внутрь ресторанчика. Официантки сбились с ног, рассаживая гостей. Кто-то помахал ей с дальнего угла. Поздоровавшись с Фариком, Лара прошла к мужчине, расцеловалась.

— Здравствуй, Константин Николаевич, как дела?

— Присаживайся, Лариса Викторовна, как знал, местечко занял, — Костя привстал, поцеловал руку дамы, подождал, пока она усядется на диванчик напротив. — Советую бефстроганов, вторую порцию заказал, просто сказка, мясо тает во рту!

— Тебе, как никому доверяю, Костенька, особенно в выборе пожрать и выпить, — рассмеялась женщина, разом закончив с рабочим официозом. Сделала заказ подбежавшей официантке.

— Какие новости в нашем болоте? — Лара взяла салфетку, промакнула помаду, чтоб не испачкать посуду, сделала глоток сока.

Перед Костей она не стеснялась выглядеть обычной, во всех видах ее видел, лет пять встречались изредка, к обоюдному удовольствию, понимая, что семью не создать, слишком разные цели в жизни, не подходили друг другу, нигде, кроме постели.

— Меня в Казань переводят, все, теперь уже решено, — похвастался Кащей. — Новость, считай, из первых рук, утром узнал.

— Добился, значит. Поздравляю. Кто вместо тебя будет? — чуть приподняла бровку дама, впрочем, не удивившись, амбиции его знала, поддерживала.

— Пока не знаю, Ларчик, Дмитрий Иванович решает такие вопросы, — отмахнулся Костя, плотоядно примериваясь к дымящемуся ароматами специй мясу, что появилась перед ним. — М-м-м, сколько в Казани по ресторациям пробовал, все не то. Скучать буду по этой кухне. А, да, вторую новость слышала? Главврач наш женится.

— Решад? — ровным тоном переспросила Лариса, но на миг ей показалось, что сейчас тарелка перевернется ей в лицо...

— Представь? Допрыгался, болезный, по залету окольцовывают лапки. Больше никак.

— На этой шпале рыжей, да? — на Лару было жалко смотреть, как ни пыталась она справиться с чувствами. — Молодец, ушлая, сразу залетела, не стала ждать у моря погоды.

— Нет, Ирины ему не видать, не допрыгнет. Пыхтит, чешется, да, но не вариант. У него попроще невеста, ему под стать, знаешь же Верку из ювелирного? Вот она, — не замечая бури эмоций на лице собеседницы, Кащей похвалился. — А Ирину я в Казань увезу.

— М-да, новость... Увезешь, серьезно?

— Лар, вот увидишь. К зиме ее здесь не будет.

— Странно... Решад же недавно еще к нотариусу все ездил, к Регине, когда успел переметнуться?

— Я тебе даже точную дату скажу, надолго запомнил. С первого числа трахаются, Верунчик же рядом со мной живет, наблюдал картину Репина.

— Ты ничего не пугаешь? Может, еще раньше начали, просто не афишировали?

— Лара, побойся Бога! Да на следующий же день весь поселок знал, что Верка крупнук

рыбу поймала, — между сплетнями Костя не забывал поглощать обед. — Растрепала всем, до кого дотянулась, когда у нее в жопе мел держался. Да и в выходные сама сказала, что срок две недели. Ф-фу, пойду, покурю, и еще тирамису, пожалуй, кусок возьму.

— Иди, дорогой.

Значит, шпала рыжая не далась Ярканату, и, если Костя избавит от ее присутствия деревню, а Лара верила в него, он — может, то... Но Верка-то какова, а? Кто б мог от этой дурочки ждать такого. Попал Решадик, ой, попал!

На миг у женщины дернулась верхняя губа. Не поверит ей Решад, после пьяной выходки не звонил, сухо здороваясь при случайных встречах. Не поверит.

С утра, одеваясь за ширмой после планового осмотра, не особо прислушивалась к обрывкам телефонных фраз Виталии, но сейчас сопоставила слова той, резко брошенные неизвестной собеседнице, и новость от Кости. А Решадик — лопух, каких поискать, поверил девчонке, проверять не стал.

— Ну что, дорогая, по кофейку, и у меня есть пара часов, как ты смотришь, чтоб провести их с пользой? — напротив плюхнулся довольный Костя, взял ее руку, игриво стрельнув глазами.

— Почему нет? К тебе?

— Слушай, Кость, — довольная Лара выводила узоры по еще влажной мужской груди. Пока не хотелось вставать и топтать в душ, потянуло на разговоры. — А ведь у Верки срок гораздо больше, я сегодня утром случайно подслушала. Гинеколог мой по телефону болтала. Почти два месяца у Верунчика срок, вот я и удивилась, почему Решаду отдуваться.

— Точно? Серьезно? — мужчина рассмеялся вдруг, победно согнул кулак, дернул локтем. — Йес! Мало того, что всю жизнь рядом Верка будет, так еще чужого ребенка подсунули! Папаша хренов.

— За что ты его так ненавидишь? — вдруг удивилась Лара, будто впервые увидев любовника.

— Да надоел, правильный такой, в белом пальто. Совесть, честь, а сам своим членом, где только не отметился. Пусть наслаждается бумерангом.

— И не жалко?

— Нет, — резко ответил Кашей, сменил тему. — В душ пойдем вместе? Время у нас еще есть.

(20 июля, пятница, + 24)

Странно, пока опрыскивала помидоры, появилось пять пропущенных от Наты, а сейчас ее номер был отключен от сети. Может, на пляж позвать хотела, пока нет дождя, или Танюшку подкинуть до вечера.

Обедать не хотелось, так, поклевала крошки, быстро собралась. В магазине за прилавком Наты не оказалось, ее напарница в ожидании покупателей, лениво обмахивалась журналом. Пока болтали о погоде, Ира решила сбегать к Натке домой.

— Танюшка, а ты чего здесь? — удивилась гостя. Девочка сидела, сжавшись, в сенях, за старой этажеркой, только заплаканные глазенки сверкнули в темноте.

— Т-т-тетя Ира, т-т-там п-папа в-вернулся, п-п-пьяный...

— Танюш, ты иди к тете Азале, пожалуйста. Я ей сейчас напишу, чтобы она тебя

встретила. Мы с мамой скоро придем, хорошо?

— Х-х-хорошо.

Ира подошла к двери, и пока набирала сообщение, прислушалась в надежде, что семейная ссора подружки не выльется в безобразный скандал. Сперва за дверью был слышен мужской жалобный бубнеж: «Дай денег, ну дай, я знаю, у тебя есть, давай деньги!»

Ира попыталась отойти к выходу, но ремешком босоножки нечаянно зацепилась за рассохшуюся бочку, и теперь не знала, как выпутаться из ситуации. Или с грохотом обнаружить себя, или постараться спрятаться за дверью, когда та распахнется. В комнате послышался голос Наты:

— Нет у меня, ты все пропил, последнее забрал, стыдно сказать — у ребенка!

— Ты меня Танькой не стыди! Родила недотыкомку заику, сама виновата! Может, это не моя дочь, рощу ее, кормлю, мало ты задницей по мужикам виляла в кустах! У нас одни парни рождаются!

— Ты, сволочь, трех изничтожил! Господи, ну за что? Десять лет каторги беспросветной...

Ира поморщилась от неловкой ситуации. И уйти теперь стыдно, и остаться — страшно. Как его выпустили, скота?

Порылась в сумочке, насобираала по кармашкам хорошую сумму денег. Отдать ему, пусть подавится.

— Давай деньги, сука, ты вчера зарплату получила! — послышалось из-за двери угрожающим тоном. — Ты мне по гроб жизни должна, что я тебя пузатую взял, пожалел дуру! Твой отец, заставил, нашел крайнего! Где деньги?

— Ты меня и обрюхатил, забыл? Совсем память пропил? А зарплату я всю положила за тобой же разбитый холодильник и деньги из кассы, которые ты украл раньше, не помнишь уже? Есть в доме нечего... Все с Гульнаркой пропиваете... Давай разведемся по-хорошему, Саш, пожалуйста! Сколько лет прошу. Живи уже со своей Гулей, только меня отпусти! Сашенька, пожалуйста!

Ира вздрогнула, отчетливо услышав звук удара, зажмурилась. Как же страшно...

— Чтоб ты к своему менту сразу в постель прыгнула, меня опозорила? Не дам! Знаю, люди говорят, как ты с ним кувыркаешься, подстилка ментовская, а сынок учителькин вас покрывает! В ментовку меня упекли ни за что, а пока меня не было, у обоих пылесосила, отработывала? А у мужа законного? Давай, ползи сюда, тварь, на коленях, ну?

— Саш, не надо! Пожалуйста, миленький, САША, НЕ НАДО! — крик оборвался на высокой ноте...

— Убью, тварь! Что, сука, у твоих защитничков слаще за щеку брать? Ты у меня всю жизнь будешь раком стоять передо мной в благодарность! Ползи сюда! Чего разлеглась?

Не понимая, как хватило сил и смелости, Ира выдернула ногу из босоножки, распахнула дверь, ворвалась в комнату, кинула деньги в хозяина дома:

— Не смей! Оставь Натку в покое! Возьми денег, не трогай ее!

— Ого, какие гости! Две шлюхи сразу, ментовская и докторская! Колбаса! Деловая, — загоготал своей шутке хозяин дома, радостно засовывая подачку в карман. Страшный, пьяный, со спущенными штанами, он сидел на кровати, лениво пиная жену, без сознания лежащую на полу. — Встретились, змея, мало ты мне проблем подсуропила! Ну, иди сюда, рыжая, покажу, что у настоящего мужика должно быть, а? Видала?

— Сейчас, только лупу возьму! Еще раз Наташу обидишь, я тебя прокляну, иссохнет твой стручок, дети смеяться будут! Бойся меня, я — ведьма рода старинного, напущу на тебя все болезни по мужской части по щелчку пальцев! — Боже, что она несет? Как теперь выбираться из этого ада?

— Э, остынь, рыжая! — мужик погрозил Ире пальцем. — Я ж вижу, соседа к себе приворожила, мало тебе, ко мне пришла?

Санька вдруг резко подпрыгнул, схватил Иру в охапку, повалил на пол, суетливо заелозил ляжками по ногам, зажав ей рот грязной лапой:

— Попалась! Я давно подозревал, что ты со мной хочешь! Хочешь, вижу. Даже денег не пожалела, чтоб у подружайки мужика отбить? Я согласный, плати мне, буду и к тебе ходить! Расскажу докторишке при встрече, как сама прибежала, ноги раздвинула! Гладкая какая, сладкая ягодка! Буду к тебе ходить теперь, а потом Решадку твоего позовем, покажу ему, как с бабой надо обращаться!

От боли и страха Ира отчаянно молотила ногами по старым половицам, пыталась достать обидчика, задыхаясь под тяжелым телом от нехватки воздуха, вони давно не мытого тела и запаха перегара. Раз сто уже пожалела, что не надела штаны! Юбка перекрутилась на талии, бюстгальтер съехал с груди, сжимаемой до боли ручищей. Потихоньку силы оставляли ее, неловко завернутой за спину ладонью она уже ощущала его напряженный член меж ягодиц...

Сашка привстал, рванул изящные трусики, но тонкое кружево выдержало, треснуло, впиваясь в нежную кожу, не разорвалось. При мысли, что это дорогуций комплект, на границе обморока Ира вдруг разозлилась за свое бельешко, не этому мужику его рвать!

Откуда силы взялись, схватила за буйную растительность мужского паха, сжала в кулачок, вырвав клоч жестких черных волос. Алкаш заверещал от боли, ослабил хватку, и Ирка перекатилась на бок, села, отползая от обидчика, вскочила на ноги, удержалась, закричав сдавленным голосом, подражая киношным ведьмам:

— Заклинаю ветрами сильными, огнями могучими, водами текучими, нет у тебя больше силы мужской, всю забрала, по свету развеяла! Тьфу на тебя!

И резко выкинула с ладошки вонючую шерсть в сторону окна.

Санька с удивлением посмотрел себе между ног, где на глазах съезживалось то, чем он так гордился.

— Не мужик ты больше, и руки твои ослабнут, и ноги! Кто посмел обидеть высшую ведьму, тот сам свою силу ей отдал!

Испуганно икнув, Сашка неловко пополз в сторону спасительного выхода, путаясь в штанах, перевалился через порог, кое-как встал в сенях, споткнулся о злополучную босоножку, свалив на пол бочку.

Внезапно на многострадальную голову пропойцы с верхней полки с грохотом посыпалась старая посуда, будто прицельно метя в ненавистного хозяина. Каждая щербатая тарелочка норовила не пропасть даром, не разбиться без подвига, где ребром, где плашмя, избивая пропойцу. Санька, придерживая штаны, с диким воем выбежал на двор, треснул створой, вырезанной в железных воротах, и его крики: «Ведьма! Там ведьма, меня ведьма околдовала!» слышала вся округа. Встречные односельчане качали головами — допился мужик до белой горячки...

Ира кинулась к подруге, подняла ее на кровать, не обращая внимания на свой растрепанный вид. Обоих трясло в истерике. Ната тихонько причитала, осознав, что едва не

натворил ее муженек:

— Ты только мальчишкам нашим ничего не говори, Ириш, пожалуйста, сядут ведь за уroda, я ж за них больше боюсь, чем за себя. Не пожалеет Решад, если узнает, что этот выродок тебя пытался изнасиловать, убьет сразу, и сядет ведь...

— Не скажу, обещаю, самой стыдно. Давай-ка мы с тобой умоемся, успокоимся, и ко мне, хорошо? Я Таню к Азале отправила, она не видела всего... этого.

— Ох, Ир, она еще хуже видала. Десять лет я эту зверюгу обслуживаю, все бывало.

— Подожди, тебе же только двадцать шесть будет? Так же нельзя!

— Ирка... Пойдем на двор, а? Не могу я здесь, все козлом провоняло.

— Давай, осторожно пойдём, тихонько, держись за меня, — Ире самой было неприятно находиться в комнате, хотелось свежего воздуха и курить, хотя уже неделю держалась без сигарет. И в ванну, оттереться самой жесткой мочалкой от воспоминаний.

— Ой, твоя босоножка валяется? И сумочка.

— Ага. Я зашла когда, испугалась вашего скандала, оступилась, и ремешок за бочку эту зацепила. Наташ, я чуть не поседела! — трясущимися руками надела обратно обувь Ира, подобрала свою сумку. — Стою, и ни туда, ни сюда, и Сашку боюсь до одури, и тебя выручать надо. Думаю — сейчас дверь распахнет, а тут я стою, как бабка Фирюза, подслушиваю. Стыдно! Я ж трусиха еще та, а когда ситуация критическая, не соображаю, что творю.

— Ну, ты и устроила концерт, я, когда очухалась, испугалась, когда ты вскочила. Стоишь над ним, трясешься, не своим голосом завываешь, аж молнии из глаз летят! Любого проймет, не то, что моего, он «Битву экстрасенсов» смотрит с открытым ртом, как ребенок! — тихонько, сквозь боль, засмеялась Ната, перебираясь через груды битой посуды. — Все свекрухино богатство дрепнулось! Она ж ничего не выкидывает, сколько лет это хламье складывала! Еще с советских времен тарелочки. На счастье!

На свежем воздухе Ната в изнеможении опустилась прямо на ступени крыльца:

— Подожди, посижу. Сколько ты ему дала денег?

— Тысяч пять, и мелочи, сколько нашла, — ответила Ира, отвернув кран для полива грядок, смыла грязь с рук и коленей, присела рядом с подругой, открыла сумку в поисках платка, промокнуть царапины. — Черт, телефон разбился. Не включается.

— Сейчас он надолго к Гульке упылит. Я тебе отдам потом, ладно?

— Ты что! Даже не думай!

— Я не знаю, что дальше делать, Ирка... Леша просит уйти к нему, я б уже давно убежала, так Сашка грозит убить Лешеньку, не даст нам спокойной жизни, свекровь, чуть что, орет, что Танюшку отберет, лишит материнских прав. Кому жаловаться, у всех свои проблемы... Деньги собирать начала, чтоб уехать подальше, развестись и жить, пусть далеко, но чтоб твари нас с Танюшкой не нашли. Он же не только холодильник с пивом разбил, еще из кассы деньги раньше украл. Ай!

— Терпи, давай подую, — Ира осторожно промакивала ссадины на ногах и руках подруги влажными салфетками, найденными в сумке.

— Я те деньги, что собирала, вложила, и за холодильник. Опять теперь собирать. Два года по крохам откладывала. Дом этот не мой, свекрухин старый, в свой коттедж она нас с Танюшкой на порог не пускает. И этой развалюхой попрекает. Участок мой продали москвичам, как родителей не стало, Сашка заставил, Гульнарке своей крышу покрыл, стиралку купил, и бухали месяца два тогда. Я руками стираю, холодильник у меня, сама

видела, Бирюса. Свекруха отдала с барского плеча. Так и живу.

— У тебя же есть Леша, он тебя любит, я точно знаю.

— Да я Лешеньку хоть в окне магазина увижу, и то радости на целый день. А на посиделки когда попаду, когда зверье мое в Сабане — счастливая хожу, и Танюшка в такие вечера у Наили Ильдусовны отдыхает от выходок папочки. Я так испугалась сегодня, когда он про нас узнал, что я тогда после игры, когда Лешик мяукал, осталась. Кто ж меня видел, когда я от него огородами в четыре утра бежала... Да, у нас все на ладони. Зато я сейчас счастливая хожу, узнала, что такое — любимой быть... И помирать не страшно, Танюшка только держит, а теперь и ночь та.

— Натка, можно же развестись, двадцать первый век на дворе! — но подруга не слышала разумных доводов, продолжая выплескивать наболевшее, торопилась высказаться, срываясь местами на горячечный шепот.

— Я же Лешика люблю со школы, а он все смеялся, подрасти, говорил, малыш, из армии приду, замуж возьму. Я ждала! В отпуск когда пришел, мы с ним на скамейке и просидели, на которой курим, когда у него. На руках носил, когда уезжал, поцеловал первый раз. Я даже на танцы не бегала весь девятый класс. На выпускной сама платье сшила, белое, с кружевом, думала, оно и свадебное будет, — Наташа вздохнула, вспоминая редкие прекрасные моменты невеселой жизни. — Засиделись с девчонками на школьном дворе, а тут с Сабана парни приехали. Сашка еще красивый был, после армии, он за мной тоже бегал, я внимания не обращала. Подлил мне в тот вечер водку в сок. Понемногу лил, чтоб запаха не было.

Ира представила тот вечер, и поняла, почему замолчала подруга...

— Отец мой, как видно стало живот, избил, сказала ему, кто ответчик. Даже обрадовался, сама видишь, богатство у Царевых какое, — кивнула в сторону глухой стены двухэтажного коттеджа на границе старого забора. Это не Лешин семья, простых работяг. Пригрозил Саньку тюрьмой за соращение несовершеннолетней, осенью мы и поженились. Лешик вернулся, а у меня пузо вперед. Леша сразу уехал, в школу милиции. Санька сначала держался, руки не распускал, к Гульнаре своей ездил. Пробухается, придет, хмыкнет, деньги заберет, я тогда в магазине полы мыть устроилась, уедет. А потом, на седьмом месяце, как перемкнуло его, бил каждый день, насиловал, я мальчишку мертвого родила... Два раза была еще беременна, выбивал сапогом. Танюшку уберегла, потому что за матерью ухаживала, практически жила в старом своем доме, не здесь, вот и выносила.

Ира в ужасе слушала, не находя слов поддержки, понимая, что подруге нужно выговориться, слишком долго она носила в себе эту тяжесть.

— Таня заикаться стала в три годика, спасибо Наиле Ильдусовне, занимается с ней. К тебе Танюшка с удовольствием бегают, потом рассказывает, как вы песенки поете, и она, когда поет, не заикается!

— Я случайно подметила. Сейчас уже поем специально. У Танюшки есть слух! Слушай. Нат, а наши мальчишки не могут Саньку приструнить? Поговорить?

— Вот когда Лешка вернулся, присмирел зверь, Ярканат между командировками ему внушения делал, просил по-человечески жить. А я ж молчу, за мальчишек наших боюсь, парни углядят на мне синяки, вставят ему пистонов. Эта тварь глазами хлопает, божится, что не будет больше измываться, а сам мамочке своей жаловаться бежит. Та придет, Тане подзатыльник, мне руки щипает, больно, с вывертом. И нудит с постной рожей, что я ее сыночку плохо кормлю-пою, на его шее вишу. А ночью Сашка отрывается. Он уже года три не работает, как уволили за пьянку из бригады. Марсель его держал из жалости, бесполезно.

Потом сторожем работал в санатории — чуть по статье за кражу не сел. Лучше б сел. Азалька когда в первый декрет ушла, я за нее в магазине работать стала, без выходных пахала, сейчас легче, летом, напарницу попросила, а осенью опять буду безвылазно работать.

— Натусь, моя мама с отчимом адвокаты, правда, не по гражданским делам, но попрошу их, посоветуют грамотного специалиста, — наконец Ирина нашла, что сказать в этой ситуации. — Женька наша — риэлтор, подберет тебе жилье. Пока у меня поживете. Нат, у меня деньги есть! Я их не хочу касаться, это бывшего моего, вернее, его любовницы деньги, а тебе они пригодятся, и на дом, и на развод, и на первое время хватит. А потом Лешка все равно за тобой поедет, хоть на край света, хорошо все будет.

— Хорошая ты девка, Ириша. Как у вас, у богатых, все просто. Леше я зачем? Это он сейчас не понимает, а потом станет меня спрашивать про детей. А у меня не будет. А у Лешеньки должны быть дети, это преступление, такого мужчину лишать отцовства. Уедем с Танюшкой. Не надо ему меня всю жизнь жалеть, найдет себе жену без прошлого. Ир, вот я выговорилась, легче стало, сколько лет в себе носила.

— Причем тут богатство, Натусь? Это же ад, так жить невозможно! Десять лет! Ты же еще ребенком была, я так точно в шестнадцать в подарок кукол принимала, да и до сих пор! Все решается по закону! Разведут, Танюшка с тобой останется, и вот уже первый шаг! Так, решено, пока у меня живете, в понедельник едем в Казань, потом в райцентр, подашь заявление. Я маме и Женьке позвоню, как дойдем до меня, дома есть второй телефон. Документы твои где?

— На работе держу, давно уж.

— Ну что, пойдём за Таней, и ко мне? — поднялась со ступеней Ира, подавая руку товарке по несчастью. Ната улыбнулась, вставая. Секунда, и улыбку сдуло с лица, в глазах отразился страх.

Ира оглянулась за плечо, куда был направлен застывший в ужасе взгляд подруги — в распахнутой металлической двери, врезанной в ворота, покачивался Сашка с выдернутой тоненькой осинкой наперевес. Из карманов по бокам торчали горлышки бутылок, в штаны там и сям был заправлен свежий чеснок в земле, вместе со стеблями, видимо, защитой от «ведьмы».

— Убью! — коротко припечатал мужик, и закрыл за собой дверь в воротах.

Девчонки заверещали от ужаса, наперегонки кинулись в сени. Вдвоем, с усилием, задвинули огромный засов в скобу, не обращая внимания на хруст разбитой посуды под ногами, притихли, стараясь и дышать через раз.

— Рыжая, выходи! Выбирай, или я тебя к этой осине приколочу, или своей убожище ноги выдерну, чтоб к менту не бегала! Обе выйдете — пожалую!

— Тут переждем, в комнате — окна, разобьет, залезет, — перевела Ната дух, привычная к выкрутасам мужа, повернула механизм замка двери в комнату. — У них в семье бзик — замки везде врубать, как в сейф.

Снаружи бесновался пьяный зверь, давно потерявший человеческое обличие.

— Ведьма, выходи! Ниче не сделаю! Не бойся, пощекочу осинкой, не больно будет! Суки, вылезайте! — удары в дверь вдруг прекратились. Через пару минут на крыльцо с грохотом ссыпались как будто поленья. Минута — опять. Минута — еще охапка. Еще. — Ща сожгу вас, подстилки дешевые, мне терять нечего!

— Ирка, что делать будем? — помертвевшими от безысходности губами прошептала Ната, мешком оседая на пол. — Он ведь может...

— Решаду звонить! Катя говорила, что Назар в Москве остался, а Решад сегодня вернуться должен! Может, уже вернулся! Леше! Марии Альбертовне, в конце концов, по всем номерам! Не до реверансов! Где твой телефон?!

— Сашка утром забрал...

Ирка опять достала из сумки свой, но черный экран с разбитым стеклом был мертв безвозвратно.

— Давай, миленький, включись, пожалуйста, ну пожалуйста!

— Ирка, он окна заколачивает...

На улице, действительно, были слышны глухие методичные удары по стенам. Все чаще прикладываясь к бутылке, Сашка уже не соображал, что творит, стремясь к поставленной алкоголем цели.

— Рыжая! — угрожающий шепот донесся из-за двери. — Ярко гореть будешь, а потом и докторишку твоего в темном месте подкараулю, не встанет больше, сдохнет, наконец. Рядышком лежать будете. А со своей шалавой рядом мента положу, чтоб знал, как чужих баб уводить! Всю вашу компашку ненавижу! Не, мента первым грохну, схожу, пока вы тут догорать будете.

— Саша, сядешь же, и дядя не поможет! Не дури, будь человеком, опомнись!

— Заткнись, шалава ментовская! Давно тебя надо было придушить, чтоб не позорила! А все отец твой! — речь мучителя становилась все бессвязней, все чаще были слышны булькающие звуки вливаемой в глотку водки. — Всю жизнь мне своей семейкой испоганили! Всю погань сожгу, новую жизнь начну, красивую!

— Саша, тебя же живого закопают, ты даже не представляешь, во что ты вляпался! Моя семья не простит, если со мной что-то случится!

— Врешь, рыжая, кому ты нужна? Еще спасибо скажут люди, что ведьму спалил!

— Наташенька, миленькая, давай думать, как можно вылезти! Может, через крышу? — Ира протиснулась между шкафом и этажеркой, прикидывая пути спасения в темных сенях. — Там спрыгнем, убежим, уползем!

— Танюшку жалко...

— Ты что? Уже сдалась? Открывай дверь в комнату, я окно разобью, орать буду на весь поселок! Нельзя сдаваться!

— Заборы глухие, Иришка, да и все соседи на работе... И привыкли они, не придут на помощь, хоть заорись, никто с Сашкой связываться не хочет. Была б жива тетя Катя, она б услышала и пришла! Даже погреб у нас на дворе, сколько просила подпол сделать, пересидели бы сейчас.

Снаружи не прекращались удары поленьев об стены, Сашка уже просто кидал их по одному, безжалостно ломая цветы вокруг дома. Из сарая вытащил, пару раз уронив, канистру бензина, чертыхаясь, открыл, и принялся обливаться стены, правда, большую часть бензина пролил на землю.

— Должен быть выход, должен! — плача, теребила Ира осоловевшую от страха подружку. — Наташ, ну что ты сидишь!

Неужели так глупо, из-за прихоти пьяного мужика, умереть, исчезнуть... Она еще столько не сделала! Почему-то в голову лезли глупости, что поленилась сегодня полить теплицу с перчиками и баклажанами, засохнут же. Куча грязного белья, дня три в стиралку

не закидывала. И коту не поменяла воду. Женьку не включила в страховку на машину.

— Если через кладовку попробовать, там окошко небольшое, но пролезем! — в глазах Наташи загорелся огонек надежды на спасение. Подбежала к шкафу, на цыпочках потянулась, ладонью шаря по верху, в поисках заветного ключа от кладовки. — Нашла, Ирка, наша!

Вдруг за дверями воцарилась тишина. Девочки, не веря своим ушам, изо всей силы напрягали слух, стараясь понять, что творится снаружи, в надежде на благополучный исход. Минут через десять снаружи раздался богатырский храп.

— Уснул...

— Сколько он проспит?

— Часа три-четыре, не меньше. Ира, Ирочка, я вспомнила! Кнопочный есть телефон, старый, у Танюшки в столе! — трясущимися руками Наташа принялась открывать двери в комнату. Подбежала к старенькому столу, вытряхнула на пол содержимое ящиков. В кучке немудреных детских богатств лежала серая «моторола» с круглым экраном. Наташа включила аппаратик. Батарея мигала одной рисккой, но девочки были рады и этому чуду.

— Господи, да я ж ни один номер наших наизусть не помню...

— И я... У Решада же такая простая комбинация цифр, а забыла... — подруги бестолково смотрели на экран телефона, силясь вспомнить цифры номеров односельчан. Внезапно Ира забрала телефон в свои руки. — Я знаю наизусть один номер, и знаю, кто за это время приедет!

Разобравшись с меню допотопного телефона, дрожащими пальцами Ира отправила смску, два раза набрала номер, слушая длинные гудки, вздохнула, когда не дождалась соединения. Но через несколько секунд телефон ожил:

— Привет, доча, что за переполох в благородном семействе? Два раза позвонила за минуточку, это рекорд.

— Папа, Бахтияр далеко? Можно мне его в личное пользование на денек, в Зарницу поиграть, если он не против отдыха на свежем воздухе?

— Что-то серьезное в твоей деревне? Давай я сам приеду, как раз собирался. Разговор серьезный к тебе есть.

— Нет. Пап, не моя проблема. Но это важно, и для устранения нужен именно Бахтияр. Я в порядке, просто местный колорит. Потом поговорим, я приеду, пока записывай тезисы.

— Хорошо, Бахтияр перезвонит тебе через пять минут. На этот номер?

— Да, папуль. Я тебя обожаю!

— Я тебя тоже, дочь. На связи.

— Целую!

Подруги замолчали, прислушиваясь к пьяному храпу за дверью.

— Оперативно, — Ира вновь нажала зеленую кнопку ответа на входящий звонок.

Из глубин телефона раздался шалыпинский бас:

— Ириска, вспомнила старика! Уехала, не звонишь, не пишешь! Я весь твой, и соскучился! Приеду, обниматься будем?

— Обязательно, Бахтияр, любименький, и обниматься, и целоваться!

— Что ты со мной делаешь, прелестница!

— Только возьми Сережу на свежий воздух, ладно?

После этих слов собеседник перестал валять дурака:

— Шашлыки, или сухпай брать?

— Сухпай не нужен, здесь одно животное, кило на девяносто потянет, в красном, замаринован по уши. Проспит часа три на крыльце, но это не точно. Мы в порядке, но он нас заблокировал в доме без вариантов.

— Понял, душа моя, ускоряюсь.

— Координаты измени немного. Улица Подгорная, двадцать восемь. Отцу не докладывай, это не моя проблема напрямую. Ему расскажу позже.

— Час тридцать, и я весь твой, Ириска! Держись. Каждые десять минут точка.

— Бахтияр, купи мне телефон, хорошо? — Ира посмотрела на подругу, добавила — Два.

— Хоть десять! Выезжаю.

— Наташ, не пугайся только, когда увидишь этого человечку. Я все детство на нем провисела, бороду его в косичку заплетала, и кашей из песка кормила вместо кукол, и то иногда вздрагиваю. Это папина «правая рука». Ну что, потрясем местных кумушек?

— Давай! Какой странный разговор.

— Это наш секретный код. Бахтияр давно придумал, даже от отца, чтоб тот не волновался. Шашлык с весом — обидчик типа пьяного Сашки. Цвет зоны, как светофор, по степени опасности. Сухой паек — более серьезно.

— А точка?

— Контрольный немой звонок.

— Ира, а кто твой отец? — в изумлении от разговоров подруги, вдруг спросила Ната.

— Хороший, вежливый человек, Наташ. И друзья у него такие же.

Потянулись минуты томительного ожидания. Девочки попытались открыть окна, но доски были прибиты накрепко, да старая замазка между разошедшимся деревом не поддавалась, как не пытались пленницы расковырять ее. Наткин дом сзади и справа был окружен глухими заборами и стенами соседних домов, а с дороги домик закрывал особняк свекров.

Орать и звать на помощь, действительно, было бесполезно, да и страшно сейчас, вдруг Сашка проснется, и кошмар начнется снова. Через полчаса мигнул на прощание и погас экран телефона. Как ни старались подруги, зарядку найти не смогли.

Оставалось только ждать.

— Все, трындец Сашке. Бахтияр без контрольного звонка озверевает.

— Ирка, а почему мы не позвонили просто в полицию? Леше бы звонок передали, не все у нас такие, как дядя Денис, — у Наты вдруг началась истерика со смехом и слезами. — Вот две дурочки! Просто! В полицию! Плевать, закрыли бы гада окончательно!

— Лестничный ум, — вздохнула Ира. — Знаешь, когда выходишь из аудитории после экзамена, и весь свой ответ вспоминаешь на лестнице...

— Ты прости меня, Иришка, я поначалу тебя ненавидела, смеялась над тобой. Завидовала страшно. Машина дорогая, дом ты купила не в кредит, не в ипотеку. Сама — высокая, красивая, как с обложки. Подруги такие, яркие. Вы с Женей даже разговариваете по-другому. Я читать стала, у Ярканата книжки беру, у Кати, чтобы понимать ваши словечки, фильмы смотрю, у них спрашиваю совета, что нужно читать. Музыка у вас тоже другая, одежда, даже еда! Ты даже вилку держишь не так!

— Наташка! Ты чего? Я ничего не заработала сама из перечисленного тобой... Машина папы, он на ней давно не ездит, а с таким полным фаршем, как он в свое время ее

укомплектовал, продавать жаль. Вот и стояла на парковке, место занимала, пока я ее не забрала, сюда вещи перевезти. Дом тоже отец помог купить, у меня таких денег нет. У меня вообще их не было, своих заработанных, до недавнего времени, — покаялась она, вспомнив свою прошлую жизнь. — Даже за внешность спасибо родственникам, гены с двух сторон выдали результат. Мне и учиться было лень, если бы не Женька.

— А когда Женю увидела, я вообще растерялась! Она тоже из богатых, да?

— Ты будешь смеяться. Их со старшей сестрой мама одна воспитывала, на зарплату учителя. Отец ушел из семьи, когда Женьке пять лет было. Она все сама достигла, пашет, как лошадь, никогда помощи не принимала. Я всю жизнь за ней тянусь, стараюсь не лениться.

— Счастливые вы, девчонки, все равно. Ты только приехала, Ярканат с Костей наперегонки ухаживают, Женька счастлива, я вижу.

— Наташ, знаешь, как бывший жених меня называл? Бревно. Изменял открыто, не стеснясь, что свадьба на носу, и нашел с кем — с любовницей моего отца! Такая гнусь... Женя только сейчас в серьезных отношениях, скрывает мужчину даже от меня. Был у нее роман, сына родила, но, видимо, отец Даньки испугался обязательств, Женя ребенка одна воспитывает. Есть у нас еще подруга, Ландыш. Все ее романы заканчиваются, не успев начаться, сбегают кавалеры, как только узнают, что жениться надо, а не просто нашу татарочку пользоваться. Счастья у всех троих — полные штаны.

Подруги немного помолчали, устав от ожидания.

— Если выберемся, разведусь и хотя бы курсы закончу, шью хорошо, а знаний не хватает.

— Обязательно, Натусь, учиться никогда не поздно!

— Иришка, я почему-то очень хочу, чтоб у вас с Ярканатом все сложилось. Не хочу, чтоб Верка была с ним, жизнь ему портила, и так парень хлебнул. Он в последнее время другим стал, а уж я его знаю.

— Мне хватило одного раза узнать, что такое измена. Решад... Нет, не хочу повторения истории, но и легкой интрижки на раз, по его сценарию, мне уже мало. И поздно уже, от ребенка не отмахнешься. Сейчас главное — ситуацию разрулить, чтоб этот кошмар в твоей жизни закончился. Ну почему ты раньше мне не рассказала?

— А я знала, что можно вот так? Когда привыкаешь жить в темноте, она становится нормой...

Подруги вновь замолчали, каждая о своем.

Тишина ожидания начинала действовать на нервы. Через окно девочки видели, как во двор зашла Людмила, видимо, звала, но, увидев сына в невменяемом состоянии, поспешила убраться. Оставалось ждать, кто успеет раньше — Сашка проспаться, или Бахтияр доехать.

Вскоре послышались звуки могучих моторов тяжелых машин.

— Рыба-карась, игра началась! — от восторга заорала Ирка, и девочки бросились снова пытаться открыть окно, выходящее на двор.

Ворота повисли на соплях от удара бампера черного бронированного канадского красавца Инкаса, гордости владельца. Автомобиль, урча, заехал на двор. Сашка очухался, услышав незнакомые звуки, попытался встать, но свалился спиной обратно на ступени, неловко вывернув ногу.

Из Инкаса вышел суровый горец в элегантном черном костюме, отдал команду молодому парню, выпрыгнувшему из машины попроще. Подошел, чуть прихрамывая, к

алкоголику, поставил идеально вычищенную туфлю на волосатое пузо мужика, слегка наклонился из-за высокого роста.

— Добрый день, абориген, как бы мне Ирину Александровну найти в ваших райских куцах? — предельно вежливо, но от этого страшно прозвучали слова шалыпинским басом.

— Кого-о-о-о? — заблеял Сашка, и от страха испортил воздух, стараясь выскользнуть из-под тяжести чужой ноги, вдавливаемой все сильнее в его живот.

— Бахтияр, мы здесь! — Ире, наконец, удалось чуть приоткрыть створку окна.

— Услышал. Так я пройду? — так же улыбаясь, но пронзительно глядя в лицо алкаша, горец убрал ногу, брезгливо вытер обувь об траву. — Весьма неприятно было пообщаться.

Сашка перевел дух, сполз со ступеней, но был остановлен вторым мужчиной с такими же серьезными глазами. Вот только его широкая улыбка была еще страшней:

— И снова здравствуйте. Будьте любезны, разберите завал на вашем крыльце, нам необходимо пройти в дом, забрать Ирину Александровну. Даю минуту, время пошло.

Сашка, подвывая от страха, принялся резво растаскивать полешки, ползая на коленях, то и дело оглядываясь на молчащих гостей. И кто это такая — Ирина Александровна, неужели рыжая? Ожидание непонятного, но неотвратимого наказания пугало так, что мужик протрезвел. Лучше б били, это было в его жизни регулярно, и это было понятно.

Когда было отброшено последнее полено, Сергей аккуратно защелкнул наручники на запястьях алкаша.

Изнутри девочки открыли засов, выскочили на крыльцо.

— Бахтияр! — Ирка повисла на друге, чмокая в щеки, в горбатый нос, в лысую голову, в ухоженную небольшую черную бороду с прожилками серебра. Ната устало оперлась на стену дома, немного стесняясь своего вида перед гостями.

— Слушаю тебя, Ириска, — внимательно осмотрел воспитанницу, укоризненно покачал головой, заметив припухшие ссадины на левой скуле и на руке, выше локтя.

— Эта сволочь нас с Наткой хотела сжечь! — затараторила Ирка. — Бахтияр, это зверь, а не человек! У тебя есть лицензия на кабана?

— Есть, голубушка, у меня все есть. Твой дом далеко?

— Две улицы, родненький! Мы так перепугались!

— Ну что, красавицы, едем?

— А Сашку куда?

— С аборигеном развлечется Сережа.

— Только не убивайте, его, пожалуйста!

— Ну что вы, Наташенька, как можно живого кабанчика убить, мы ж не звери. Сдадим в контактный зоопарк. Сережа?

Молодой человек подошел, коротко поклонился девочкам в приветствии, встал так, чтобы приговоренный не узнал свою участь:

— Шеф, а припугнуть?

— Сергей, его всем поселком пугали. Это муж мой... Недавно устроил в магазине разгром, а сегодня уже выпустили. Я уже боялась жаловаться нашим с Ирой друзьям, сама виновата. За парней боялась, сели бы из-за этой мрази. А он, чуть что, грозился убить и меня, и дочь, и друзей наших, допился до ручки, вы уж простите меня.

— Понял. Тогда пойдем законным путем. Сейчас в полиции дадите показания, потом зафиксируем телесные, согласны? Ирина Александровна, медпункт в вашем раю есть?

— Целая больница!

Наташа долго смотрела на дом, на подвывающего от страха мужа, решительно мотнула головой в согласии.

Пинками Сергей поднял тоненько воющую тушу алкаша. Тот, сам понимая, что не отвертеться, медленно пошел на улицу, но, увидев собравшуюся поодаль на появление чужих машин небольшую кучку женщин, вдруг зарыдал, заистерил, разглядев среди презрительных взглядов единственное сочувствующее лицо:

— Мадина-апа, скажите маме, убьют меня, убивают! Номера, номера запоминайте люди! Увезут бандюки, убьют меня ни за что! Что творится, люди, спасите-е!

Людмила и сама уже бежала наперерез черному автомобилю, к задку которого сноровистыми движениями Сергей вязал стропу, перекинул ее через наручники, чтоб провести по поселку Саньку, как дурную скотину.

— За что? Отпустите моего сына, прав не имеете, куда его увозите, он ничего не сделал! — понимая, что это не районная полиция, где можно договориться, умолить, Люда отчаянно хватала за руки Сергея, не давая ему затянуть узел динамической веревки, бестолково повторяя один вопрос. — Кто вы? Кто?

Сергей молча достал удостоверение, профессиональным жестом раскрыл его перед носом истерички, что она булькнула, подавившись собственными словами, увидев грозные буквы и печать.

— Сыночек, ты что натворил, признайся, покайся, пока не поздно! Ой, сыночек... — увидев Нату с Ирой, выходящих с участка, и почти сорванные с петель ворота, вдруг взвыла коротко, вцепилась в сумку снохи. — Что потащила, воровка, у тебя тут ничего своего нет! К менту своему с голой задницей уйдешь! Пусть подружка тебе трусы купит, она богатая! В дом больше не зайдешь, поняла?

— Да я этот дом уже отработала за десять лет! — Ната не отпускала сумку, перетягивая чуть потертый ремешок на себя. Тонкий кожзам не выдержал, лопнул, и Людмила полетела задом, но с отвоеванной торбой в руках, в сочную траву обочины. — Сашка нас едва не убил, чуть дом не спалил, а вы его все защищаете!

— Жалко, что не спалил! — неловко поднимаясь на ноги, скользя разбитыми резиновыми шлепками по мокрой траве, дама продолжала выкрикивать угрозы. — Я б еще дровишек подкинула, если б знала, сама бы спичку поднесла, лишь бы вы, две суки, сдохли!

— По садовнику и яблоки... — укоризненно покачал головой Бахтияр. — А не проехать ли вам, уважаемая, с нами, я думаю, что свидетелей достаточно, как вы угрожали причинить вред здоровью этим двум милым девушкам, более того, грозили лишением жизни. И это уже не легкая административная шесть-один-один, голубушка, а увесистая сто девятнадцатая в полной мере. Ну что, едем, дорогуша?

Кучка женщин согласно закивали. Все слышали, все подпишут. Устали в поселке от Царевых, и, если выпал шанс поставить Людмилу на место, то многие ухватились за эту возможность.

— Куда это? Никуда я не поеду! Еще чего! — растерянно отступила скандалистка к уныло поскрипывающим на одной петле воротам, побелела от внезапно открывающихся перспектив. И за что? За слова? Про сына, привязанного к бамперу грозной черной машины, думать забыла, представив собственную участь. Сунула в руки снохе ее сумку, и ремешочек поправила.

— Раз не поедете, то советую вам, красавица, осторожнее высказывать свои пожелания.

А лучше не высказывать совсем. С этой минуты вы улыбаетесь при встрече с этими девушками и искренне радуетесь, что избежали наказания, — было во взгляде кавказца что-то такое, что Люда зареклась и на километр подходить к невестке и ее противной подружке. — Да, уважаемая, что на счет дома? Где прикажете жить Наталье Андреевне?

— Ее дом, чего уж тут, — Людка неловко махнула рукой. — Пусть живет.

— И предупреждаю один раз, голубушка, Наталья Андреевна вольна звонить мне в любое время суток, и я обязательно буду интересоваться, насколько широка ваша улыбка, — Бахтияр и не думал пугать местную звезду, но у него получилось.

Под нарастающие смешки толпы, Людка бегом припустила к своему забору, едва не проломив новый вход тяжелыми бедрами, только хлопнула дверь богатого коттеджа.

Еще на повороте улицы Решад заметил необычное оживление у соседнего дома. С незнакомым мужчиной, рядом с внушительными бронированными автомобилями, стояли Марсель и Леша, Сашка, скрючившись, валялся под ногами. Встал на обочину напротив своего забора, выскочил из машины, бегом вернулся к друзьям.

— Решад, тут такое дело, привет, — начал Лешка. — Саня напал на девочек, Ирка успела позвонить отцу. Сейчас все в порядке.

— Ира где? — волосы на затылке встали дыбом от одной мысли, что с ней могло случиться непоправимое, а его рядом не оказалось. Зря он заехал к Верунчику, измотанный ее звонками, битый час слушал ее нытье и угрозы будущего тестя.

— В доме. Это Сергей.

Мужчины протянули друг другу руки, знакомясь.

— Вот, Ярканат, почитай, — Леша вынул из папки несколько листочков, исписанных размашистым почерком.

Быстро пробежав глазами по тексту, Решад вернул бумаги, обернулся к новому знакомому:

— Сергей, просьба. Снимите с этого наручники. Ненадолго.

— Хорошо.

Решад рывком поднял образину с земли, за грудки отвел в сторону. Поискал глазами по траве, сорвал подорожник, вручил алкашу. Ничего не понимая в действиях ненавистного противника, Санька, однако, выпрямился, насторожился, ощерил гнилые зубы, весь подобрался, если что, отпрыгнуть и попытаться сбежать.

— Подержи, сейчас пригодится, приложишь. Я тебе, гнида, говорил — на километр не приближаться к Ирине?

— Она сама пришла, сама! Прибежала, денег дала, что б я ее тра...

Сашка не успел договорить, как правый кулак Решада влетел ему точно в переносицу. Кухонный боец упал, заверещав от боли, схватился за лицо, подвывая. Парни бросились было разнимать, но остановились, в конце концов, это было справедливо.

— Вставай, — со странным спокойствием потребовал Решад, хотя внутри все кипело. Поднял извивающееся тело, отпустил и тут же ударил опять. — Дерись, тварь, будь мужчиной!

Со всей дури размахнувшись, Санька попытался достать до лица обидчика, но Решад на рефлексиве увернулся от кулака, выпрямился пружиной, и прямым коротким ударом попал в скулу противника. Оберегая левую руку, Решад наносил точные удары правой, в холодной ярости ломая паскуде кости.

Наконец друзья опомнились, оттащили живую грушу. Сережа улыбнулся, кивнул Решаду, наклонился над лежащим мужиком, вновь щелкнув наручниками, поднял воющую тушу, утрамбовал аккуратным руликом в багажнике, закрыл дверь.

— Дальше я сам. Шеф получит отчет завтра, — и вдруг улыбнулся обаятельно. — А хорошо тут у вас! Домик, что ли, присмотреть? Удачи, парни.

— Приезжай, Сереж, в любое время, всегда рады. На рыбалку сходим, с ночевкой проблем нет, у меня дом большой! — Леша в любой ситуации находил плюсы, безошибочно маркируя людей на «своих» и «чужих».

— Не хотел бы я быть врагом этого Сережи... — задумчиво произнес Марс, глядя вслед удаляющемуся автомобилю. — От одного взгляда хочется покаяться и взять на себя все грехи. Я уже начал прикидывать, не я ли Кеннеди убил.

— А кто еще приехал? Это чья машина? — Решад, наконец, посмотрел на разбитые костяшки правой руки, поморщился.

— А этот катафалк у нас шефа Сережи. Вот думаю, может, обойдусь сегодня без потрясений, здесь подожду Азальку?

— Он мировой мужик, Марсель, айда, я уже познакомился. — Леша подтолкнул друга к калитке. — Ярканат, идешь? Тебе б сполоснуться, а то Наиля Ильдусовна расстроится.

Друзья прошли вперед, Решад задержался у бочки с дождевой водой, смывая с руки кровь.

На террасе царило веселье. Во главе стола, уставленного различной снедью, восседал Бахтияр, окруженный девушками, травил байки, которых знал множество, даже Танюшка хихикала, сидя на коленях у мамы, совершенно не боясь огромного гостя. Пока мужчины знакомились, рассаживались, Ира выскользнула с освещенной террасы в сад, подошла к бочке.

— Третья? — кивнула она на брызги крови на белой рубашке.

— Эта не в счет, — заметив ссадины на ее левой скуле, Решад опять ощутил свою беспомощность в случившейся истории. — Все в порядке?

— Да, Решад, мы просто испугались. Все хорошо. В понедельник едем к адвокату, Ната хочет развестись, — неужели должна была случиться эта безобразная история, чтоб они вновь стали разговаривать нормально? — Я тебе сейчас расскажу!

— Ир, почему не позвонила мне? Я бы ответил, ты не думай!

— Так получилось, сейчас не отмотать, правда? Телефон разбился, у Наты Сашка забрал телефон, мы, когда нашли старый кнопочный, обе поняли, что не помним наизусть номера. Да, я забыла твой номер! Вылетел из головы. Даже забыли от страха, что можно просто набрать полицию!

— Но другие номера ты вспомнила и набрала. Зачем был весь этот пафосный кортеж?

— Номер папы, Решад, это другое. Неужели тебе так важно всегда быть незаменимым? Обязательно впереди, на белом коне, с шашкой наголо? А когда кто-то другой решает проблему, твое непомерно раздутое эго не дает тебе просто принять помощь?

— Просто получается, что я совершенно бесполезен в твоей жизни, кроме... таскания тапочек в зубах.

— Ты не понимаешь! Там была другая ситуация, я пытаюсь тебе объяснить, а ты, как обычно, не слышишь. Я просто забыла цифры твоего номера!

— За последние три месяца я больше всего слышал: я забыла, забыла! Забыла! Как ты

вообще дожила до двадцати семи, не оставив свою башку кудрявую где-нибудь в туалете ночного клуба? Твои «забыла» вот у меня где! — мужчина выразительно постучал себе по кадыку.

— Решад, опять? Напоминаю, нет у тебя права голоса в моей жизни! Ты вообще кто мне, чтоб орать? Муж, жених, любовник? Ты никогда не станешь мне ни первым, ни вторым, ни третьим! Заявление уже подали с Верочкой? — будто с размаху в каменную стену впечатала Ира ответ на обидные слова. — Колокольчик бы тебе на шею повесить...

— Это еще зачем? — опешил Решад.

— Как соскучишься, позвонишь! Ты всего лишь сосед по улице, какие ко мне претензии?

Мужчина отступил, помолчал, собрал себя после удара и тихо ответил:

— Нет претензий, матурым.

Чуткое ухо почетного гостя уловило повышенный тон беседы на углу дома, и Бахтияр тихо спросил друзей своей воспитанницы:

— Мне кажется, или там назревает ссора?

— У них это норма, Бахтияр, не обращайтесь внимания, — улыбнулась Азалия, прислушавшись к разговору друзей. — Не могут определиться, у кого тараканы в голове дурнее по кругу маршируют. Такие, откормленные, с транспарантами и флагами. Мы все хотим нашей влюбленной парочке по упаковке «Машеньки» купить.

— Ага, это они так друг другу в любви признаются, — прыснул в кулак Алексей. — Нашла рыжая коса на наш камень.

Горец все-таки встал, подошел к краю террасы, чтобы держать ситуацию под контролем.

Посмотрел на молодого человека, стоявшего к нему в пол-оборота рядом с любимицей, вдруг побледнел сквозь загар, помотал головой, будто призрак увидел. Вгляделся внимательней, в изумлении размашисто перекрестился, утвердившись в правоте своей памяти, шагнул со ступеней и тихо позвал:

— Лейтенант! Живой... Живой, залупа ты конская..

Решад вздрогнул и медленно обернулся.

— Твою мать... Баха... Командир! — мужчины крепко обнялись после долгой разлуки. Долго похлопывали друг друга по плечам, отстраняясь рассмотреть изменения прожитых лет, и вновь обнимались. Друзья, сидящие на террасе, притихли, понимая, что на их глазах происходит что-то важное в жизни двух мужчин.

— Вы знакомы? — удивлению хозяйки дома не было предела. — Вот это номер...

— Ириска, это ж тот лейтенант, который мне ногу спас, собрал заново, я твоему отцу при тебе рассказывал, не помнишь? Если бы не он, не станцевать мне на твоей свадьбе! — объяснил свою радость растроганный горец, смахнул слезы, увлекая к столу старого товарища. — Идем, дорогой мой, идем, сынок! Ты сегодня мой гость! Я искал тебя, потом мне сказали, что ты двухсотым улетел в шестнадцатом году... Я горевал, Ярканат! Как я горевал, мальчик мой!

— Бахтияр, мне здесь не рады. Я всего лишь сосед по улице, — повторил он горькие слова. — Пойдем лучше ко мне, а?

— Как это не рады? Очень даже рады, что ты, что ты! — горец испуганно обернулся к

Ире. — Душа моя, Ириска, я у тебя в долгу за такую встречу! Будем пить, гулять, да? У меня сегодня такой праздник, девочка!

— Да я сама в шоке. Бахтияр, ты же сам говорил, что твой лейтенант погиб, а это ... вот он? Он?

— Ну, извини, что остался живой, соседка, — так вот где он видел эти странные глаза! На маленькой фотографии, тщательно охраняемой от посторонних глаз, в планшете Бахи. Вспомнил рассказы командира о маленькой проказнице, дочери его друга. — А ты выросла, Ириска.

— Ты опять меня не дослушал! — в сердцах воскликнула Ира, махнула рукой. — Ай, ладно. Сейчас принесу приборы, надеюсь, что Решад Маратович останется на правах твоего почетного гостя, Бахтияр.

— Лейтенант, а где дружок твой, Костя, кажется? Храбрый мальчик, но на желудок слаб. Раз такая оказия, тоже повидать хочу.

— Бахтияр, а Костю ты с какого места знаешь? — изумилась Ира во второй раз. — Вот с кем, но с ним вы точно нигде не встречались!

— Встречались. И даже вместе набухались, пока наш док в госпитале бока отлеживал.

— Все, сдаюсь. Сейчас окажется, что ты с нашей Фирюзой в ладushки играл на одной скамейке.

— Карьеру делает, — коротко ответил Решад.

— Ты передай ему привет, сынок, как увидишь. Хороший парень, твой друг.

— А вон, Ирина Александровна быстрее меня Кашею твои приветы передаст, — кивнул, не глядя на девушку, закурил.

— Бахтияр, а Вы давно знаете нашего Решада? — столько лет Натке не давал покоя один вопрос, а тут подвернулся удобный случай спросить, удовлетворить свое любопытство.

— Ко мне он попал еще зеленым летехой, сразу после академии, да, дорогой? Шесть лет бок о бок служили.

— Тогда, может, вы в курсе, почему один из лучших выпускников академии влетел с разбегу в ад, и не вылезал оттуда столько времени?

— Нат, нафига тебе-то знать? — Решад чуть заметно мотнул головой, моля своего командира не открывать тайну. Тот понял его просьбу.

— Ты молчишь, а я спать не могу, как хочется послушать!

— Не знаю, Наташенька, убей Бог, не знаю! Сам удивлялся!

— Да ну, Бахтияр? А кто меня учил, что врать нехорошо? — еле слышимым голосом протянула Ирка, еле сдерживая рвущийся наружу смех. — Да-а, Решад Маратович, опять неприглядная история вырисовывается! И ваше прозвище среди сослуживцев было весьма экстравагантным!

Решад, уже напоминая цветом лица крупного вареного рака, показал командиру сжатый кулак. Тот развел руками, мол, ничего не поделаешь, виноват, кто ж знал, что ребенок запомнит!

Ира, не в силах больше сдерживаться, вскочила, и убежала в комнату проржаться. Следом за Ирой в комнату ускакала Наталья, и оттуда послышались взрывы смеха.

— Азяля, ну хоть ты будь умнее! — попросил Решад последний оплот благоразумия, польхая, как кумач.

— Ну, уж нет, Решадик!

— Девочки, девочки-и-и! Ему же место теплое под Москвой светило! А он, только в части появился, устроил тройничок с дочками своего непосредственного начальника! Девочек так дрифтанул, что те забыли об осторожности, бегали к нему по очереди и вместе! Папаша узнал, вмиг варезкой прихлопнул это шапито! Наш Решадик еле успел трусы подхватить, как был выслан к чертовой матери на рога, в горы! Оскорбленный папаша постарался, напруг все связи, законопатил кролика глумливого глубоко и без права нос высовывать, а дальше Бахтияра и его залетчиков не нашлось норы.

— Ты такие подробности откуда знаешь?

— Мне было тринадцать, когда Баха опять уехал на границу. Отцу уже помогать не надо было, девяностые прошли, вот он и уезжал, там у него личные счета. Только и разговоров было, когда появлялся, что о талантливом молодом лейтенанте, и хирург от Бога, и башку сует везде горячую, и удачлив, как будто с дьяволом дружит. Я у отца частенько оставалась, школа была ближе к его квартире. Сидела рядом, обеспечивала закуску, делала вид, что в наушниках музыку слушаю, а не их ночные разговоры.

— А что за прозвище, Ирка, не томи!

— Залупа конская! — и очередная волна веселья накрыла дом. — Он и в горах умудрялся баб согласных находить! Бахтияр поседел, разруливая его похождения!

— И чего я не удивлена? — сквозь смех воскликнула Натка.

— Баха рассказывал, как вызовет на разговор, песочит-песочит, а этот конь стоит, длинными ресницами хлопает, руками разводит: «Командир, они сами, я не виноват!» — вспомнила девушка. — А через пару часов Бахтияр смотрит, опять медпункт трясется! Девочки, я ж теперь на Решада смотреть спокойно не смогу, я ж ржать буду!

— Мы тоже! Ой, Решад, ой, кошара!

— Зато через баб своих ценные сведения доставал, залеты свои с лихвой покрывал, поэтому Бахтияр его и берег.

Леша с Марселем тоже еле сдерживали смех, зная славу друга, правильно догадавшись о причине женской истерики. Танюшка вертела головой, не понимая взрослых, но, если мама смеется с подругами, значит, все хорошо. Главное — чтобы не плакала.

Когда дамы вернулись на террасу, расселись, стараясь не смотреть в сторону друга, чтобы снова не рассмеяться, Решад не остался в долгу:

— А Вы, Ирина, свет Александровна, та знаменитая Ириска, которая мальчику напялила на голову горшок со всем содержимым? И где Вы нашли ту дохлую крысу, которую в бак с киселем подкинули, а? А выгнали Вас из старшей группы и отправили к бабушке за то, что вся группа стала по-фински материться, да и на русском заворачивала, будь здоров!

— Это было в детском саду! — покраснела Ирка под дружный хохот друзей. — Бахтияр, тебе крышка!

— Что, и на Баху наденешь горшок?

— Угу, и сверху поварешкой постучу!

— Это не Вы ли организовали тотализатор на бегах тараканов в тринадцать? — продолжил Решад вспоминать. — А сын директора школы до сих пор, наверное, при упоминании вашего имени вздрагивает? Рассказать, почему?

— Бахтияр!

— Душа моя, Ириска, пожалей старика! Я в страшном сне не мог представить, что вы когда-нибудь пересечетесь!

— Бахтияр, а что с Сашкой будет? — Азяля поспешила сменить тему, придя на помощь

подруге. Но отметила про себя, что про сына директора им с Азалькой будет интересно послушать. Не подруга расскажет, так Решада к стенке припрут.

— А сейчас узнаем, — подмигнул гость, с облегчением уходя от скользкой темы. Достал телефон. — Сережа, ты на громкой связи. Что там?

— Шеф. Ирина Александровна. Инкриминируем сто пятнадцатую, пункт первый. С чистосердечным назначат обязательные работы на благо общества. Пока принудительные медицинские меры окажем.

— Сереженька, да в поселке все дадут показания! — Ира наклонилась к телефону, затараторила, перечисляя. — Да ему букет идеальной совокупности можно вручить, если постараться! Начать с первой части сто одиннадцатой, сто пятнадцатую, тоже по первой, сто шестнадцатую сто процентов, первую же часть сто семнадцатой, и закончить первой частью сто девятнадцатой. Хотя нет, дополнительной квалификации по сто шестнадцатой не требуется в таком букете. А давай паровозиком — восемнадцатую и двадцать первую главы посмотрим, там есть за что потянуть. Будем у вас в первой половине дня в понедельник. Спасибо, Сережа.

— Не слишком большой букет получается, Ирина Александровна?

— Да я б на лоб козлу еще сто семьдесят девятую воткнула, если постараться, первая часть точно светит, а по второй нужно посмотреть, вроде пункт б, «с применением насилия», силу не утратил, но за давностью лет... — вспомнила Ира как был продан ее участок москвичам.

— Хорошо, пока подлечим кабанчика, а то нос, пара ребер сломаны. Челюсть крепкая оказалась, а жаль. До связи.

У притихших друзей вытянулись лица, все смотрели на рыжую бестию, словно увидели впервые. Бахтияр вздохнул, погладил девушку по бедовой голове:

— Говорил я твоей матушке, что нельзя маленькой девочке на ночь читать Уголовный кодекс Российской Федерации...

— Ирка, айда ко мне работать! — в изумлении предложил Лешка. — Я сам до сих пор со шпаргалками бегаю, а ты без запинки статьи перечислила!

— Нет уж, я лучше розы высаживать буду, Лешик, дарить миру красоту.

Последней ушла в дом Ира, засыпая на ходу. Бахтияр налил в рюмки коньяк, заметил тоскливый взгляд, которым друг проводил его любимицу.

— Докладывай, лейтенант. Что у тебя с ней происходит?

— Я не знаю, Баха, — Решад провел ладонями по лицу, помолчал, потянулся за сигаретами. — Ничего у нас с ней нет, и быть не может. Ни-че-го. Мезальянс... Просто душу из меня вытряхнула, и тапочки из нее вяжет.

— Это она умеет. Отступишься?

— Не смогу, — помолчав немного, решительно ответил друг.

— Меньше всего я бы хотел видеть тебя рядом с Ирой, пойми меня правильно, сынок, причину знаешь сам. Но она смотрит на тебя... как Малика на меня смотрела...

— Ошибаешься, я просто сосед, ее слова.

— Говорить можно все, что угодно, слышать нужно сердце. Вроде, умница-разумница, но мужчин выбирать не умеет, одни и те же грабли.

— Что?

— Не рассказала, почему в вашем поселке появилась?

— Мне — нет. А сплетни я не слушаю.

— В апреле, за неделю до свадьбы, узнала о похождениях жениха. Мы думали — рехнется девка, сами виноваты, оберегали ее слишком, все-таки одна девочка у Сашки и Эли в родне получилась, остальные, куда ни плюнь — пацаны с той и с другой стороны. Ириска залп из всех калибров по тому скоту и его зазнобе дала, и умчалась в вашу деревню.

— О как... Теперь понятно свадебное платье в гардеробе.

— Свекровь ее несостоявшаяся выбирала, моя кнопка ни за что б такое не купила сама. Я Сашке сразу говорил, что не выйдет ничего хорошего из этого брака. Обрадовался, когда Ириска сюда уехала, мечтала кнопка моя с детства жить именно домом, а тут ты оказался, — Бахтияр развел руками. — Ну как так-то, а? Пути Господни неисповедимы... С тобой ее ждет та же самая проблема, рано или поздно тебя потянет на сторону.

— Я тебя услышал, командир.

— Я не буду больше спрашивать тебя, что будешь делать, но надеюсь на твоё благоразумие.

— Женюсь на одной тут... Ребенка ждет, — окончательно смирился с участью Решад. — И уеду. Давно собирался, с рукой еще проваландался, сейчас здоров. Если поспособствуешь по старой памяти подальше оказаться, буду рад. Пора и Кащею долг вернуть. Наша нора еще жива?

— Жива. М-да, дела... Костя тоже за Ириской ухаживает?

Молчаливый кивок собеседника был ответом.

— И тебя отпускать не хочу, но кнопка моя дороже, прости старика. Может, это будет правильно, расстояние успокоит. Сделаю, что в моих силах.

— Закрыли тему, командир.

Мужчины помолчали немного, отступая от неприятного разговора.

— Ты всех нашел?

— Да, последнего, который Малику и детей..., - голос дрогнул, но Бахтияр договорил, — расстрелял, в шестнадцатом году в Анкаре выловил. И твоих двух оставшихся нашел, Салих помог, он добро помнит.

Оба невольно посмотрели на часы Решада, вспоминая беспокойную ночь, и распластанного у медпункта безутешного отца, принесшего маленького сына на руках к врагам, к русским, как к единственному спасению.

Под утро, после ободряющих новостей, тот судорожно совал доктору толстые пачки денег с изображением президентов, небрежно перевязанные аптечной резинкой, а когда понял, что не возьмет награду гордый гяур, сорвал с запястья дорогие часы, с поклоном протянул молоденькому хирургу.

Часы доктор принял, поклонился в ответ. И на его шее, в вырезе расстегнутой не по уставу рубашке, чуть выше жетона, Салих с удивлением увидел на цепочке серебряный крохотный полумесяц со звездой вместо православного креста. Усмехнулся, вспомнив, что командир части — кавказец, горец, а православный.

Обнял единоверца, долго выпрашивал о жите-бытье, не зная, что этим подставил парня по удар, что свои же слышат их разговор. Забирая ребенка через две недели, о чем-то долго шептался с Бахтияром, незаметно передав деньги для доктора, и растворился со своими головорезами на одному ему известных горных тропах.

— Благодарю, — Решад склонил голову перед командиром.

- Давай, за мою семью, за мальчишек наших.

Мужчины встали, подняли рюмки, помолчали, отдавая дань ушедшим, выпили:

— Земля пухом...

(24 июля, вторник, +26)

— Кать, мы с Наткой так удачно съездили! — врываясь в библиотеку, обрадовала приятельницу Ира, но осеклась, увидев посетительницу. — Я попозже зайду.

— М-да, стучаться вас не научили, это я помню, — повернулась навстречу шумовой гранате дама.

— А, да, — Ира вернулась к двери, громко стукнула костяшками по дереву. — Сегодня вы, слава Богам, не в неглиже, как привыкли.

— А вы нахалка, девица, — поморщилась Лара, отметив про себя, как легко эта шпала рыжая употребила в речи выражение Решада. — Константину Николаевичу не так повезло, как он думает.

— Да хуже, чем вы можете себе представить, — холодно улыбнулась Ирина. — Кать, я подожду тебя на дворе. Всего наилучшего, мадам.

Вот ведь, носит черт эту дамочку в леопардовом принте там, где меньше всего можно ее ожидать. Ничего, время есть, пока сгрузить на крыльцо новые книги. Славик сегодня работает в гараже у Марса, расстроился, когда ему позвонила, что не сможет помочь.

Ира открыла багажник, принялась носить связки книг на крыльцо. Потянулась на заднем сиденье за последней, дальней стопкой, развернулась вместе с ней, и едва не столкнулась с настырной «леопердицей», как назвала про себя эту даму.

— Что еще? — было очень неуютно под изучающим взглядом леопердицы, но и пройти, не задев ее, было проблематично.

— Вас зовут Ирина.

— Зовут. И что? — дама с дивана раздражала все больше.

— Я — Лара. Вы в соседях Решада Маратовича, так?

— Так. Но какое отношение я имею к вашему Решаду Маратовичу?

— Я надеюсь, что никакого.

— Уверяю вас, меньше всего я б хотела видеть этого соседа, но приходится иногда. У вас все?

— Нет, — голос дамы стал вдруг тихим. — Ирина, я вас прошу передать пару слов Решаду... — запнулась Лара. — Маратовичу. Пожалуйста. У Веры ребенок не от него по срокам. Ее беременности два месяца. Третий пошел, я точно знаю. Поэтому жениться на ней не обязательно. По крайней мере — ему.

— А почему вы сами не скажете? Вон больница, он, наверняка, там, дорогу к кабинету знаете, там и огорчите несостоявшегося отца.

— Он меня не услышит. Не поверит. Вам — поверит.

— Как-то у вас все через... забор. Скандалы, интриги, расследования, — горько усмехнулась Ира, пожалала плечами. — Я сплетни не собираю.

— Как хотите. Я сказала, воля ваша его голову в петле оставить, — рассердившись на несговорчивую собеседницу, Лара пошла к своему автомобилю. Ей стало легче на душе, и пусть теперь у рыжей голова болит.

А Ира опустила на крыльцо школы, растерянно провожая взглядом машину леопердицы.

Одно слово, и ее лейтенант будет свободен от обязательств перед вертлявой Верочкой,

и, может быть, наяву случится и роллердром, и на двоих вечерняя набережная Казанки, рука в руке, и поцелуи в темном зале кинотеатра. А потом потекут плавно дни, наполненные счастьем, когда можно подойти, не стесняясь никого, потрогать, прикоснуться, нашептать на ухо глупость какую-нибудь, и обязательно прильнуть губами к коже тут же, чуть ниже мочки. И жаркие ночи без приличий, придуманных людьми...

«Угу, а через пару месяцев появится новый верунчик» — язвительно прошептал внутренний голос.

— Ир, ты себя хорошо чувствуешь? — Катя склонилась над приятельницей, с тревогой всматриваясь в ее лицо. — Бледная, как смерть! Тебя ж трясет всю...

— Сейчас пройдет, Катюш, воды бы мне, — с удивлением увидела сама свои дрожащие руки. — Посмотри, на заднем сидении термос валяется, там травки заварены.

— Ты почему себе ничего не подстелила, платье испачкала же! — спросила подруга, вылавливая термос с высокого кресла, и тут же задала другой вопрос. — Вы чего с Ларой не поделили?

— Нечего мне с ней делить. Садиться на одном поле не хочется, — огрызнулась Ирка. — Отпустило, вроде.

— Ларка хорошая, добрая. У нее дочь одного возраста с Васятой, общаемся. Я все доехать не могла до райцентра, так она Васе очки новые привезла, что я заказала, специально крюк сделала по дороге.

— Она разве замужем?

— В разводе. Толик ее на Север подался за длинным рублем, дочери еще два годика было. Приехал и объявил, что нашел другую. Все вынес из квартиры, даже детские игрушки и вещи прихватил при разводе. Квартиру ее пытался поделить, как любовь по мозгам мужику ударила. А через пару лет вернулся, на коленях за ней ползал, чтоб обратно приняла. Лариса как раз должность получила в администрации, заново квартиру обставила.

— Приняла?

— Что ты, Ир! Это себя не уважать.

— Да, беда, — Ира уже пожалела, что грубила даме. Чувствуя себя не в своей тарелке, поспешила сменить тему. — Назар скоро приедет?

— На следующей неделе, каждый день звонит не по разу. Говорит, что скучает, — как ни старалась Катя говорить спокойно, лицо все равно расплывалось в улыбке. — И я тоже. Вася каждое утро спрашивает — когда приедет дядя Назар? Когда в новом доме будем жить? Мебель в четверг привезут.

— Хорошо же. Ой, подожди, звонок, — Ира вытащила из кармана сотовый, посмотрела имя абонента, ответила. — Да, Натусь, слушаю. К тебе подойти? Домой? А, в мастерскую. Через полчаса, хорошо?

И, убрав телефончик, вздохнула:

— Катюш, быстро книги перенесем, срочное дело у Наты.

— Вот, Ир, хотят платье выкупить, — без предисловий указала Ната на девушку, что скучающе копалась в сумке, стоя у окна.

Подруги переглянулись. Верочка постаралась быть приветливой, не здороваясь, затараторила:

— Да-да, если это твое платье, я готова его купить. Ездил я в Казань, совершенно ничего нет приличного, простенькие модели какие-то. Я для этого платья уже присмотрела

диадему и колье!

— Все сразу? — удивилась Ира отсутствию вкуса у невесты главврача. — Хорошо, примерьте, если подойдет, уступлю за полцены. Ценник на нем болтается до сих пор.

— А почему ты замуж не вышла? — пыхтя под тяжелыми волнами ткани, Верочка не задумываясь, задавала бестактные вопросы. — Жених передумал? Или другую нашел?

— Все вместе, девушка, и еще пара версий. Вам интересна моя жизнь?

— Девочки, чего вы на меня злые такие, а? Я же подружиться хочу, вы же с моим мужем общаетесь, ты вообще нам соседка, да?

— Уже свадьба была?

— Ну, с будущим, какая разница! — Вера еле влезла в платье, подошла к напольному зеркалу, оглядела себя. — Тут еще бант сзади бы...

Ирка незаметно отфейспалмила, подошла к открытому окну, достала сигареты.

— Ой, не кури тут, мне дышать нечем! — приказала Верочка.

— Ярканат курит тоже, — вступилась за подругу Ната, демонстративно встала рядом с Ирой, взяла из ее пачки вишневую сигарету, подкурила.

— Так ему можно. Кстати, сейчас подойдет, я ему звонила, платье он оплатит, — невеста порылась в груди шелка, выудила из складок ценник. От цифры у нее полезли на лоб глаза. — Тут и полцены много, может, еще уступишь по дружбе?

— Кого с кем? — откровенно забавлялась Ирина.

— Ну, с Решадом, со мной.

— А мы уже дружим?

— Почему нет?

— Нет, — Ире совсем не хотелось встречаться с соседом, не сдержится же, сболтнет про ребенка, а в эпицентре скандала ей быть хотелось меньше всего. — Наташ, я пойду, вечером занесешь деньги, хорошо?

И только слезла с подоконника, как в проеме двери показался Решад.

Кусая губы, Вера переводила взгляд с жениха на девицу. Так, как он смотрит на эту рыжую, на нее никогда не посмотрит. Зачем она уступила отцу, послушалась Виту, ведь он всю жизнь будет ненавидеть, ложиться рядом и ненавидеть, растить ребенка и ненавидеть.

На миг Вере стало страшно, так же, когда в грозу молния попала в трансформаторную будку, а она пробежала рядом. Сильнее того страха от падающих на нее искр и рвущегося ввысь огня, она не испытывала никогда, даже когда отец бил за детские проступки. Не стерпится, не слюбится, права была мама...

Наконец эта опустила глаза, видимо поняла, что пялится на чужого мужа, бесстыжая.

— Решад, я хочу это платье. Лучше не видела, — переключила внимание на себя, чтоб он не рассматривал так откровенно эту рыжую. И на что там смотреть! — Правда, красивое?

Твою сандальку на ногу... Нет, он видел этот верх безвкусицы на плечиках, но чтоб вот так, вблизи, на живом человеке. Складывалось ощущение, что эта квашня, усыпанная блестяшками, идет к нему отдельно, а Верина голова просто прибита сверху.

— Решад, девушка уступает половину суммы, но ценник вот, — Верочка вновь вытащила бирки на свет. — Я прошу еще уступить, может, у тебя получится? Не желают девочки со мной общаться, — пожаловалась невеста.

— Ната, Ира, приветствую, без меня не могли решить? — глянул на ценник, пожал

плечами, не обращая внимания на жалобу Веры.

— Ты у нас теперь бумажник на ножках, без тебя никак, родной, — съязвила Натка. — Ну что, берете?

— Берем, конечно! — ответила Верочка, захлопав в ладоши. — Решад, я сейчас переоденусь, отвезешь меня домой?

— Отвезу, — стараясь не смотреть на невесту, Решад повернулся к выходу. — Ир, с собой нет суммы достаточной, вечером занесу, хорошо?

— Нате отдашь.

— Понял.

Сидя на окне, Ира наблюдала, как внизу, у входа в клуб, Верочка бесцеремонно тербит ее машину. Пытаясь заглянуть внутрь, капризно выговаривает жениху:

— Как я хочу такую, Решад, это чья? Кстати, ты свою будешь менять? А эту потом куда?

— Лешке отдам, — еле слышно ответил, что Ире пришлось напрячь слух.

— Еще чего! Отцу отдадим, он спрашивал!

Ира усмехнулась перспективам Решада. Разденут, как липочку, и спасибо не скажут. Нужно остановить этот аттракцион небывалой наглости. Но как ему сказать?

— А знаешь, Ирка, хорошо, что это платье я девочкам не переделала. Несчастливое оно.

— Хуже, чем ты можешь представить, Натусь, мне сегодня сказали...

— Ох, пойду я, спать завалюсь! Одна, и не вздрагивать от любого стука, — не обратив внимания на то, что подруга мнетя что-то рассказать, Ната принялась озвучивать свои планы, собираясь домой. — Азаля только завтра с детьми приедет с Сабана, решили еще у родителей остаться. Танюшка там помогает всюю, довольная, с утра звонила, верещит, что козочек и овечек гладила. Кролика маленького дали подержать.

— Много ли ребенку для счастья надо. Кролики... бр-р-р, как вспомню! Бабушка держала кролей, мне приходилось их кормить, когда меня к ней на лето сплавляли. С бабушкой клетки чистим-чистим, травы свежей напихаем, через пару часов опять можно заново убирать. Идем по домам?

— Ириш, я после развода к Леше перееду. Мы поговорили на счет детей, он посмеялся, что вся наша любовь Танюше достанется. Правда, он просит уже сейчас вещи перевезти, но это как-то... не по-людски. Мужа посадила, еще не развелась официально, а уже с другим жить собралась, — вздохнув, повинилась подруга уже на лестнице, спускаясь вниз. — Не по совести.

— Что не по совести? То, что ты десять лет из угла в угол летала? Сейчас счастлива будешь с Лешиком, это не по совести? Я б побежала, роняя тапки! Люди всегда будут обсуждать других и осуждать, что слушать чужие разговоры?

— Может, ты и права. Надо переспать с этой мыслью.

Переспать с этой мыслью, точно. А завтра она расскажет Решаду о вранье Верочки, и пусть сам думает, как дальше жить. И с кем.

Подруги вышли на улицу, попрощались, и, пока Ната возилась с замком, Ирка завернула за угол клуба, к машине.

Вот ведь, не увез еще свою погремушку Решад. Сидит в его автомобиле, развалилась, в телефончик уткнулась, двери распахнуты, песенка дурацкая липнет к зубам.

— Ой, так это твоя машина такая классная?

Ира поморщилась, открывая дверь. Не успела слинять тихонько, как ни старалась.

— Моя.

— А ты ее будешь продавать?

— Девушка, если соберусь ее выставить на продажу, непременно уведомя вас первой.

Пока откладываете деньги.

— Нет, я ждать не стану. Мне муж купит машину.

— Только вы поторопитесь сейчас его развести на покупку, а то скоро будет виден ваш мулех со сроками, откроются у него глаза на несостыковки, пролетите и с машинкой, и с мужем, — вдруг выпалила Ира, что сама себе удивилась. Быстро завела машину, и, отъезжая, заметила проплывшее в окне испуганное, будто опрокинутое, лицо счастливой невесты, красным пятном заалевшее на белом фоне стены клуба.

(25 июля, среда, +32)

Жара... Солнце, казалось, отыгрывалось за все дождливые дни, расплавляя асфальт, загоняя людей и животных в тени.

А на пустой трассе тени нет, хоть под машину лезь. И редкие машины, пролетающие мимо, лишь добавляли пыли и песка, оседая на капли пота, но помощь предложить одинокой женщине, голосующей возле заглохшей не вовремя Гранты, не спешили.

Юлия костерила себя на чем свет стоит. Поехала, называется, в гости к ученице, выбрав самый жаркий день для вояжа, и это еще утро, семь часов! В мечтах это было красиво — она, в легком сарафане, в летней шляпе с широкими полями, стоит у мольберта на берегу реки, отпивая из тонкого стакана прохладный морс. И легкие, точные мазки ложатся на холст, сохраняя для потомков меняющуюся каждую секунду красоту природы.

Угу. Вся в пыли, шляпа из белоснежной превратилась в серую, уныло свесив поля, песок скрипит на зубах, ноги уже, как у бомжа, грязные. Конечно, никто не остановится. Была б еще молоденькой девицей в коротких шортиках, а то матрона под полтос.

Наконец, вдали показалась машина. И вот, лучше бы она проехала, как все остальные, это же не машина, а катафалк бронированный! Наверняка, и водитель такой же... бронированный. И бежать некуда, только запереться в машине, но не успеть.

И, по закону подлости, остановился именно он...

— Доброе утро, вам помочь, прелестная барышня?

Все намного хуже. Кавказец, под два метра ростом, едва заметно прихрамывая, шел к ней, улыбаясь белоснежно. Поможет он, как же. С такой улыбкой только и поможет, что закончить брэнное существование, разделает порционно на шашлыки, и тут же замаринует под яростные звуки лезгинки.

Юля даже оглянулась в поисках мангала, представив, как ее бледную тушку станут переворачивать на углях. Вон, глазик, вон — пальчик машет игриво, источая ароматы жареного мяса, оп, пятка провернулась вокруг своей оси.

— Н-нет, благодарю, помощь не нужна, — пискнула она, отступая к обочине.

— Обсохли, или серьезнее поломка?

А на ее машинку любимую смотрит так, будто под микроскопом неизвестную ранее науке бактерию увидел. А, будь что будет! Еще пару минут на солнце она не выдержит, какая разница, как на шашлыки пойти, под палящими лучами в пыли, или под ножом этого горца.

— Аккумулятор сел, — вздохнула женщина.

— А я надеялся, что просто бензин закончился, и помогу вам без ущерба своей репутации, как мужчины, — вдруг рассмеялся сын гор. — Но до Лесного дотяну вашу игрушку, а там найдем местных умельцев, правда?

— Хорошо бы, мне как раз нужно в Лесной поселок.

— По какому адресу вас доставить, милая барышня? — только спросил спасатель, закрепляя трос.

— Озерная тридцать девять, если вам не трудно, от магазина и клуба напротив, поворот направо и по улице недалеко, — сверяясь с указаниями Иры в ватсапе, объяснила Юля. — Я первый раз еду туда.

— Это к кому вы в гости собрались? — улыбка горца стала еще шире.

— К ученице. Бывшей, — уточнила она зачем-то. На всякий случай.

— Бахтияр! Хоть бы позвонил, что приедешь! — Ирка расцеловала друга, кинулась обниматься с преподавательницей. — ЮльСергевна, я все жду, жду, все глаза проглядела, что случилось?

— Аккумулятор сел, я тебе звонила, спасибо твоему знакомому, не оставил на дороге, — с царственным видом Юлия слегка наклонила голову в сторону Бахтияра. — Ирочка, больше всего я сейчас мечтаю о кружке чего-нибудь холодного!

— Проходите в дом, там, на кухне, есть морс, молоко, сок, и море воды, — Ира распахнула перед гостьей калитку.

— Богиня... — восхищенно выдохнул мужчина вслед удаляющейся по дорожке даме.

— Мы ее так же зовем! Ты чего не заходишь?

— Я сейчас к Ярканату, да и Юлии Сергеевне нужно прийти в себя с дороги, не буду смущать. Ириска, по-моему, я ее напугал, — жалобно произнес Баха. — Какая женщина, какая женщина! Замужем, наверное...

— Нет, родной, не замужем! Дочке, Дашеньке, шестнадцать, вдвоем живут, — почему-то шепотом ответила Ирка.

— Ты мне потом все расскажешь, да? — у Бахи загорелись глаза. — Что любит, что ей нравится, ладно?

— Иди уже к своему лейтенанту, кстати, он уже на работе, час назад мимо прошел. Больницу ты знаешь, на втором этаже, направо.

— Не прощаюсь, кнопка, — Баха сел в свой катафалк, только его и видели.

Специально сегодня ушел на работу пораньше, вчера проваландался с Верой, отчет так и не закончил. Цифры помогали отвлечься от невеселых дум. Сегодня придется ехать в ЗАГС, подавать заявление. Единственная хорошая новость — звонил Назар, в понедельник вылетает из Москвы, нужно встретить его в Казани, привезти домой.

Украдкой он наблюдал, как копошатся девчонки на участке Андреича, нет, теперь на участке Назара, постепенно превращая угрюмое, заросшее крапивой, заброшенное жилище в яркий пряничный домик, совсем как у Иры. Единственное, чем он мог помочь — через Нату и Азалью передал деньги на мебель и ремонт.

Резкий стук в дверь прервал мысль. Кого там черти принесли?

Не дожидаясь разрешения, в кабинет ввалился взъерошенный, будто в курятнике ночевал, мятый костюмом и лицом, Кашей.

— Минералка есть? Ну и жара! — будто не было между ними размолвки, прошел похотейски к холодильнику, вытащил бутылку, и, игнорируя стаканы, шумно выхлебал половину. — Фу, думал, сдохну, пока ехал, забыл купить.

— Ты чего вдруг ко мне, Константин Николаевич? — удивленно наблюдая за действиями друга, Решад, наконец, обрел дар речи. — Видок у тебя, конечно...

— Не, я не пил! Вообще не пил. Я думал, Ярканат.

— А, это у тебя от напряжения волосы дыбом встали? — усмехнулся друг. — И что за дума такая, что впервые так напрячься пришлось?

— Думы окаянные, — Кащей, не расставаясь с минералкой, плюхнулся в кресло напротив хозяина кабинета. — Ну, ты как сам?

— Пока шевелюсь.

— Верунчик как жару переносит?

— Нормально, не жалуется пока, — Решад перестал что-либо понимать, но решил подождать, не просто так брат названный приехал, что-то важное за пазухой привез.

— Срок-то у нее какой, я запомнил, скоро чепчики дарить?

— Четвертая неделя пошла, сегодня, вроде, на осмотр собиралась.

— Умножай на три, — Костя опять припал к горлышку бутылки, но скосил хитро глаза на друга, посмотреть на реакцию.

— Что умножать? — недоуменно спросил Решад, хотя, разумом уже понял, что хотел донести до него хитрый лис. — Ты сейчас не шутишь?

— Срок беременности у своей невесты умножай, лошара! И думай, идиота кусок, думай! — заорал Кащей. — Терпилу из тебя делает семейство Березиных, а ты, мудака, даже не проверил! Главврач, тебя за ногу. Или как, по принципу, кто последний, тот и папа, согласился?

— Вот я лошара... — онемев от такой информации, Решад закрыл лицо руками, подавляя рвущийся истерический смех. — Инфа сотка?

— Сотка, брат. Гинеколог ее, как ее, Витамина, Виталина, придумают же имена, проболталась случайно. А услышал наш человек, скрывать не стал. Жалеют тебя бабы, любят, хотя, не понимаю, за что.

— Спасибо, брат, я тебе опять обязан. Что взамен хочешь?

— Ничего. Просьбу мою помнишь? Постарайся выполнить, — Костя вмиг стал серьезным.

Решад понял, о чем идет речь:

— Рапорт подаю, Кащей. Назара натаскаю еще, и на три месяца исчезну.

— Понял. Ну, удачи тебе, брат. Если что — звони.

Решад вдруг встал, догнал Кащея у выхода, и мужчины обнялись крепко, пожали друг другу руки.

— Это я удачно зашел! — раздалось от двери шалашинским басом. — Костенька, мальчик мой, здравствуй, родной!

— Бахтияр Каренович, какими судьбами? Рад видеть в добром здравии, — в эту минуту, обнимаясь с командиром друга, Костя был искренен, как никогда.

— Ты смотри, Ярканат, помнит! А я к Ириске заехал, и к другу твоему, дела порешать, вот радость, тебя повидал.

— Ириске?

— Моя воспитанница, я тебе рассказывал, здесь теперь живет.

— Да ты всем про нее рассказывал, Бахтияр, — засмеялся Решад. — Ирка, Кащей.

— Подожди, рыжий бесенок? — Костя показал ладонью уровень колена, отмеряя рост и возраст любимицы Бахтияра. — Надо же, как тесен мир. А я запомнил, хоть и пьяным был.

— Костенька, ты как сегодня вечером посидеть?

— Рад бы, Бахтияр Каренович, но сейчас в Казань еду, переводят меня, может, в городе пересечемся потом, хорошо? И так опаздываю, а начальство ждать не любит, сами понимаете, — жалобно протянул Кащей. — Людь я подневольный. Рад был увидеть! Ярканат, удачи!

Когда уехал Бахтияр, туманно бросив: «Я по делу, не прощаюсь», Решад посидел в тишине полчаса, а потом взял в руки телефон:

— Мария Николаевна, вы хотели на днях съездить в райцентр, состыковать отчеты? Если не заняты, заберу вас через двадцать минут. Отлично.

Ткнул в другой номер:

— Верочка, привет, у тебя сегодня какие планы? Да? Да, хорошо, тогда я тебя подхвачу на выходе из поликлиники, как раз через полтора часа буду в райцентре. Заявление подадим, и в Казань, до вечера обернемся. Мне кольца не понравились, у тебя должно быть все лучшее. И так посмотрим, что купить к свадьбе. Да, платье оплатил. Договорились.

Встал, рассовал по карманам телефон, сигареты, взял со стола ключи.

— Много ли человеку надо: чистая вода, стакан морса и тенек в жару, — прикрыв глаза, рассуждала Юля, сидя в кресле на террасе. — А этот, Бахтияр, уехал, надеюсь?

— Боюсь огорчить, но вернется. Он хороший, ЮльСергевна, я его с детства знаю, мухи не обидит, не смотрите, что он с виду грозен, — защищая друга, Ира еще подлила морса в стакан гостьи. — Баха военный, семью потерял в девяностых, меня воспитал, как дочь. Один-одинешенек на всем белом свете живет.

— Пусть живет, мне какое до него дело.

— Вечером вашу машину посмотрят наши парни, — вдруг, услышав, как хлопнула дверь соседнего дома, сорвалась с места. — Я сейчас!

— Как всегда, — Юля прикрыла глаза, наслаждаясь моментом.

Бегом преодолев расстояние между домами, Ира влетела в открытые ворота, и с размаху вцепилась в мужчину, едва не сбив его с ног.

— Решад, тебе необязательно жениться, я тебе про Веру скажу, только ты не думай, что я назло, — выпалила она.

— Мне кажется, я знаю, что ты скажешь, матурым. Надо же, даже ты в курсе. Костя успел?

— Лара. Причем здесь Костя?

Как все мелко и глупо сейчас, когда его руки не отпустили, сперва удержав от падения, а сейчас прижимали ее, уже чуть поглаживая по спине. Сумасшедшие руки... Сумасшедшие губы... И щеки небритые целовать до исступления, чувствовать остро и больно все поцелуи, прижимать ладонью его затылок, и не расставаться больше, даже если все его бывшие пассии объявят сейчас, что беременны двойнями, а Пингвинчик — тройней.

Не услышали рокота тяжелой машины, плевать, что их видел Бахтияр, и тихонечко ушел, таща в руках высоченную орхидею, не посмел разлучить пару грозным окриком, даже в шутку. Не тот случай, когда гонял веником от подъезда прыщавых и нескладных ухажеров

Ириски.

— Прости меня, но я должен тебе сказать. Ничего не изменилось, я всего лишь сосед по улице... — будто отдирая повязку с незажившей раны на груди, резко отступил назад. — Мне пора.

Лучше бы залепил пощечину, чем вот так, вернув ее же слова, ушел, не оглядываясь, к машине. Побитым щенком, едва не скуля тоненько, Ира медленно пошла в сторону своего забора, постепенно расправляя плечи. Она — Гербель, какой-то сосед по улице не имеет права видеть ее слезы.

А на террасе, сияя лысиной, Бахтияр торжественно преподнес Юле здоровую, усыпанную фиолетовыми цветами, орхидею. Вот только особой радости от одаряемой не увидел.

— Благодарю вас, Бахтияр, — дежурно поблагодарила она неожиданного воздыхателя.

— Вам не понравилось, — констатировал Баха.

— Понравилось. Как может не понравится такая... роскошь, — вздохнула Юля, и, увидев хозяйку дома, поспешила исчезнуть. — Ирочка, время обеда, корми своего гостя, я пока схожу на пляж.

— Не нравлюсь я ей, Ириска, — как ребенок, обиженно искривив губы, пожаловался Баха, провожая взглядом даму. Прошел на кухню, вымыл руки, уселся за стол. — А какие ножки...

Свежепобритый Шлиман, сперва обидевшийся на хозяйку за проделанную над ним экзекуцию, но, по достоинству оценивший сегодня отсутствие густой и длинной шерсти, запрыгнул гостью на колени, утешая мурчанием.

— Нет, что ты хотел? Сам попросил рассказать, что она любит, а приволок вот это!

— Все женщины любят орхидеи!

— Бахтиярчик, ты чудо! Не все, уверяю. Я — не люблю, ЮльСергевна терпеть не может, и в букетах цветы не любит, ей потом выкидывать жаль.

— Слушай, Ириска, а я, действительно, голодный. На свежем воздухе аппетит просыпается зверский. Кстати, наконец, повидался с Костиком, возмужал орел, я бы его и не узнал.

— Где ты его видел? — подозрительно прищурилась Ира.

— Так в кабинете твоего Решада. Костик просил Ярканата выполнить его просьбу. Я позвал его вечером посидеть, но умчался наш Костик на работу.

Просьбу выполнить. И про Веру сказал. Не сложно сложить два плюс два, чтоб понять, что за просьбы у Кащея...

Гребаная мужская дружба, гребаные принципы! А ее кто-нибудь спросил?

— Решад не мой, Бахтиярчик, — чтоб не расплакаться, Ира быстро доставала из холодильника кастрюльки с обедом, миску салата на крошку, местные сыры, зачем-то пачку масла. Повертела ее непонимающе, положила обратно. — А на счет просьбы... Это они меня, как в карты, разыгрывают между собой периодически, а потом бегают, трясут перед друг другом выполненными обязательствами. Они там, в кабинете, монетку не подкидывали?

— Нет, вроде, я не видел.

— Подожди минуту, — взяла телефон, быстро набрала сообщение. — А вот теперь будем обедать!

За два квартала от поликлиники высадил Марию Николаевну, загнал машину в кусты так, что прекрасно просматривался вход в больницу, вновь набрал номер несостоявшейся невесты:

— Верунь, я через час подъеду, ты успеешь? Выходишь уже? У меня еще дел полно, потом на дорогу полчаса. Постараюсь не опоздать.

Пиликнул звук сообщения в ватсапе. От Иры... Долго смотрел на гневный вопрос, и не знал, что ответить: «Когда вы с Костей делили мою неубитую шкурку, вы меня спросили, чего хочу я?»

На такие вопросы не отвечают по телефону. Только набрал: «Я скоро приеду».

О, а вот и Верунчик.

Спектакль начался, жаль, зрителей не будет.

Через двадцать минут завел машину, выдрался из кустов.

Аккуратно стукнув костяшками по двери, просунул голову:

— Можно? Тут моя будущая жена, вроде, быть должна, могу поприсутствовать? Здравствуйтесь, Виталия Аркадьевна, — усиленно притворяясь дурачком, Решад прошел в кабинет, заглянул в смотровую, где на кресле распласталась Вера, а меж ее ног завершала осмотр Мария Николаевна.

— Приветствую, Решад, а я решила тряхнуть стариной, проверить на твоей даме свою квалификацию, — развернулась к нему с самым серьезным видом пожилая женщина, только глазами моргнула, будто сказала: «Да, все так».

— И это в законный выходной, Мария Николаевна? Непорядок, придется вам премию выписать.

— Решад, ты зачем пришел? — Вера ерзала на кресле, пытаясь спуститься. — Ты же сказал, что через час будешь!

— Получилось раньше, Вер. Да и Виталии Аркадьевне нужно сведения об отце тоже записать, разве не так? Группу крови, хронические болезни, мои, родственников, я прав?

— Вы правы, Решад Маратович, присаживайтесь.

В отличие от Верочки, Вита все прекрасно поняла, что не случайно именно сегодня старая каракатица «заглянула» к ней на чай, и изъявила желание провести осмотр. И появившийся «вовремя» главврач не случаен. Уселся напротив, закинул ногу на ногу, буравит ее угрюмым взглядом. Он все знает. Сейчас даже не важно, что Мария объявит реальный срок, это даже ни к чему, потому что он — знает, и откровенно издевается над обеими врушками.

— Ну-с, мазок на флору я взяла, на всякий случай, Решад Маратович, все остальные анализы Верочка уже сдала, все в норме для девятой недельки. Хорошо, что у Верочки резус положительный, конфликта не возникнет, у тебя же, насколько я помню, отрицательный?

— Да, отрицательный. Интересно стало, — переводя взгляд с поплывшей красными пятнами Виты на Верочку, прислонившуюся к двери смотровой, хватаящую ртом воздух, не меняя тона, спросил Решад, поднимаясь со стула. — У отца этого ребенка, какой резус? И вообще, кто он, настоящий папаша? Хотя, уже не важно. Мария Николаевна, вы домой?

— Да, Решад, только заглянем к заведующей, — женщина подхватила со стула свою сумку. — Ну что, Виталия Аркадьевна, придется разбираться, как так получилось, что вы не смогли правильно определить срок беременности. Отсутствие должного уровня подготовки,

дорогая моя. Уволить вас не уволят, но переаттестация вам грозит, и не надейтесь, что отделаетесь легким испугом.

— Решад, подожди, ты все не так понял! — Верочка отлипла от двери, ринулась за несостоявшимся женихом в коридор.

— Что именно я понял не так? Что ты солгала? Не мне тебя осуждать, сам виноват. Настоящий отец ребенка в курсе?

— Э, я не понял, какой настоящий? Я — настоящий! — из-за открытой двери никто не заметил сидящего на скамейке ожидания перед кабинетом, парня, стыдливо прикрывающегося букетом роз. — Вер, я приехал, а твоя мама сказала, что ты к гинекологу пошла, ну я и вот, пришел. Так в чем проблема?

— Слава яйцам, разобрались. Удачи, братишка, только на выходе сделай тест ДНК, сейчас это недорого, — усмехнулся Решад, отсалютовал двумя пальцами к виску. — Я ушел.

— Но Решад, а как же платье? — растерянно всхлипнула Верочка, вспомнив невпопад. — Ты сказал, что оплатил!

— Оставь себе.

— Вер, ты мне как сказала, что беременна, я месяц пахал на стройке в Казани, приехал, чтоб заявление подать, деньги тебе привез, мать все отложенное нам на свадьбу дает, а ты? Ну, ахренеть теперь...

— А зачем ты мне нужен, нищеброд? Чтоб каждую зарплату кроить, и думать, на что хватить должно после оплаты квитанций? — на Веру было страшно смотреть. — Я задолбалась обносками за старшими сестрами таскать, куру жрать бесконечную с макаронами!

— Держи, курица, это тебе, — парень сунул в руки фурии букет, и, ускоряя шаг, крикнул. — Мужик, у тебя сигарета будет?

Решад обернулся, кивнул.

— Ирочка, там какие-то мужчины мою машину увозят! — изумлению Юли не было предела. Растерянная, она смотрела из-под ладони вдаль, где верхом на эвакуаторе, в легкой дымке пыли исчезала ее Гранта. — Это твои мальчики ее забрали?

— Нет, ЮльСергеевна, Марсель только вечером будет, — Ира не понимала, почему увезли машину, а, главное, кто?

— У вас в деревне работает эвакуатор? Что я нарушила? Курицу задавила? Может, какую редкую травку на колесо намотала? — версии появлялись, одна абсурднее другой, конечно, но больше ничего не приходило в голову.

Мимо проехал красный, с черным верхом, стильный Рендж Ровер Эвок, но сдал назад, и остановился точно у ног недоумевающих дам. Из автомобиля выскочил молодой человек:

— Добрый день, Озерная тридцать девять? Мне бы, — парень заглянул в бумаги. — Юлию Сергеевну Брежневу.

— Это я, — пискнула полузадушенной мышью Юлия. — Что происходит?

— Распишитесь, — парень ткнул ручкой в место для росписи, перевернул страницу, еще, подал ключи. — Прошу, машина ваша.

— Оперативно, благодарю, — от дома уже спешил, чуть помятый после дневного сна, Баха.

— Бахтияр Каренович, здравствуйте! — молодой человек едва ли не поклонился горцу. — В ГИБДД с Юлией Сергеевной сами заедете?

— Да, Мишенька, сами.

Парень запрыгнул в подъехавшую машину, только его и видели.

— Объясните, в конце концов, что происходит? — еще держа в вытянутой руке ключи, потребовала Юлия объяснений, едва не сорвавшись на крик. — Где моя машина?

— Вот, — кивнул на Ровер Бахтияр. — Вот ваша машинка, прелестница, на ней не заглохнете посреди дороги.

— У меня же там вещи, я вчера коробку приготовила в дом Рональда Макдоналда для мастер-классов. Куртку Ольга оставила, до сих пор забрать не может, с выставки материалы, ее и мои, — по нарастающей перечисляла женщина пропажи, и вдруг заорала не своим голосом. — Бахтияр Каренович, вы совсем охуели? Что вы себе позволяете?

— Бахтиярчик, прячься! — вдруг расхохоталась Ира, фейспалмом закрыв лицо. — Юлия Сергеевна, вы и матом умеете? Впервые слышу!

— Я все умею, — справившись с эмоциями, ответила Богиня. — Верните мою машину немедленно, Бахтияр!

— Но я хотел, как лучше, — растерянно отступил мужчина, будто став меньше ростом под напором разъяренной гарпии. — Это же подарок...

Поникнув плечами, даже лысина потускнела, Баха развернулся и исчез за калиткой.

— ЮльСергеевна, он же, действительно, хотел, как лучше. А, представьте, заглохнет машина где-нибудь в лесу!

— Я не езжу по лесам, — вдруг жалобно вздохнула дама, обошла подарок, осторожно прикасаясь к плавным изгибам металла. — Я только-только кредит закрыла, Ириш. А машина красивая... Красненькая.

— Вот и владейте! Поверьте мне, Баха от чистого сердца, просто размах его подарков впечатляет. Ой, однажды он мне подарил пони!

— Живого? — изумилась Юля.

— Живее не бывает. Перед подъездом эта скотина навалила такие кучи, нам с мамой пришлось убирать!

— Какая именно из двух? — усмехнулась Богиня, представив двухметрового кавказца, стыдливо присевшего за мусорными баками, и от страха перед горцем не осталось и следа. — Пусть, хотя бы, вещи вернут...

— Непременно, прелестница, непременно, — услышав последние слова, Баха вернулся на улицу. Лысина его опять засияла лампочкой. — Упакуют и доставят сегодня же, обещаю!

— Сюда? Но я вечером хотела уехать домой.

— По вашему адресу, Богиня! Домой и привезут, и на шестой этаж поднимут, вам утруждаться не придется.

— Вы и адрес мой знаете? — казалось, очки на носу женщины сами поехали вверх, на лоб. — Ну, знаете ли...

— Это было проще всего, — довольно улыбнулся Бахтияр. — Может, прокатитесь кружок на машинке, не сразу же на трассу выезжать?

Возвращаясь с работы, Решад с облегчением увидел, как разъезжались гости от соседского забора, помахал Бахе на прощание. Ускорил шаг, чтоб перехватить Иру, пока та не ушла в дом.

— Ириш, поговори со мной, — не смея даже взять ее руку, встал рядом.

— О чем? Вы с Кашеем все решили за меня. Как вы мне оба надоели...

— Хорошо. Только скажи, чего же хочешь ты?

— Я хочу, чтоб вы оба отправились на гору Кху Ям, и дальше. Пешком, и с рюкзаками на горбатых спинках! — но глупое сердце стучало, как отбойный молоток. Обнять бы, сомкнуть руки на его шее, повиснуть и больше никогда не отпускать, ни при каких обстоятельствах.

— Принял. Пойду рюкзачок собирать, — вдруг улыбнулся Решад. — Спокойной ночи, соседка.

И невозможно злиться на него, когда душа полетела вслед...

(26 июля, четверг, +32)

А под утро Оле Лукойе показывает хорошим девочкам самые сладкие сны...

Но странно, казалось, будто не одна в комнате, чей-то внимательный взгляд не давал погрузиться глубже в облако волшебной дремоты, где она была вдвоем со своим лейтенантом, и не было между ними ссор и взаимных упреков. Ира открыла глаза и взвизгнула, мгновенно подскочив на кровати, запулила подушку в сторону окна.

— Недолет. Вставай, принцесса, все на свете проспий, — на подоконнике, ухмыляясь, сидел Решад, одетый в камуфляжную форму. Лениво чистил фисташки и, подкидывая ядрышки, ловил ртом. — Час тебе на чистку перышек и завтрак. Надень штаны покрепче. И кеды или кроссовки. Огород твой я уже полил.

И исчез, будто приснился.

Решив не ерепениться, Ира быстро соскочила с кровати, босиком прошлепала в душ. Но, пять утра! Куда в такую рань? Не задаваясь пока мыслью, что он задумал, выполнила указания, и через час стояла на террасе, закрывая дверь.

Со своих участков вышли к машине, стоявшей на обочине, одновременно. Тень в прыжке лизнула Иру в щеку, потрусил к заднему сиденью с чувством выполненного долга, запрыгнула на свое место.

— Чуть я не упала, Тенюшка, ты будь аккуратней, — протянув сумку мужчине, чтоб закинул в багажник, Ира, наконец, поинтересовалась. — Куда едем?

— Увидишь. Обещаю, что буду себя вести прилично, прикасаться к тебе стану только в случае крайней необходимости. Хотя, очень хочется... — Решад надел черные очки. — Надеюсь, на сегодняшний день у тебя планов не было?

— Все по штатному расписанию, а мы что, на весь день уезжаем?

— Вечером вернемся, я завтра на сутки, — выезжая из поселка, Решад озвучил минимум. — Ты что взяла с собой?

— Обед, морс в двух бутылках, сменку одежды, купальник. Ты же не сказал, что нужно.

— Все так.

В пути Ира задремала, пристроив щеку на ремень безопасности. Решад плавно притормозил, остановил машину. Достал подушку для шеи, осторожно сунул девушке под голову. Посмотрел, улыбаясь своим мыслям, как она сопит, досматривая утренний сон, потом глянул на часы, спохватился, вновь сосредоточился на дороге, уводя машину все ближе к цели.

По лесной дороге старался вести, вроде, аккуратно, но все равно машина ухнула колесом в колдобину, и Ира проснулась.

— Мы в лесу? — удивленно спросила она спросонья.

— Да, матурым. Скоро приедем на место, — ответил водитель. — Открой окно, этот

воздух надо нюхать.

Ирина нажала на кнопку, стекло плавно поехало вниз, и девушка в восхищении высунула голову:

— О, Боже, как в детстве у бабушки! Сосны...

Машина въехала в открытые ворота, свернула влево, под навес. Хозяин леса вышел из дома, приставил ладонь козырьком, узнал машину, улыбнулся, увидев, что любимец его приехал не один.

— Еще б чуть, и не застал меня, онык, — потрепал по холке волчицу, отпустил ее в лес.

— Мы спешили, Бабай, здравствуй, — мужчины пожали друг другу руки, обнялись. — Как халляр?

— Бер килещ[1], онык, — ответил старик, с любопытством разглядывая гостью. От него не укрылось, с какой нежностью смотрел его мальчик на эту рыжую. — Ну, знакомь с подругой.

— Ира, моя... — Решад запнулся, но крепко взяв девушку за руку, продолжил. — Соседка по улице. Ириш, а это — хозяин лесничества, Гиниятулла Хаматович, близкий друг моей семьи.

— Зови Бабаем, девочка, а то язык сломаешь, — улыбнулся в ответ на ее робкое: «Здравствуйте!» — Ну, дети, хозяйничайте тут, Решад, что делать, знаешь.

Два алабая, в зеленой ряске по уши, вдруг появились из леса, учуяв гостей. Шумно встряхнувшись, подбежали обнюхать незнакомку. Ира без тени брезгливости погладила два мокрых широких лба, рассмеялась счастливо, когда псы, исполнив танец перед Решадом, принялись валяться в сосновом опаде, постепенно превращаясь из зеленых леших в коричневых.

— Дуралеи, опять в болоте лягух ловили? — шикнул на них хозяин. — Марш на место! Это, девочка, Чук и Гек, правда, я порой путаю, кто из них кто. Отзываются на: «Где вы, падлы?» и «Ужин!» Все, уехал, буду после обеда.

Старик сел в свою выдавшую виды Ниву, кивнул на прощание.

— Идем, разгрузим машину и в путь.

— Мы еще куда-то поедем?

— Да, только транспорт сменим, — загадочно произнес Решад. — Вот эту сумку бери, она легкая.

Разбирая припасы, болтали о новых соседях Иры, смущались, нечаянно задевая друг друга в тесной кухне старого дома.

— Вот, возьми с собой, — Решад протянул три яблока. — Пригодятся.

— Ничего не понятно, но очень интересно, — наблюдая, как он нарезал половину буханки, рассовал привычно по бесчисленным карманам штанов хлеб и фрукты, Ира перестала задавать вопросы. Сюрприз, так сюрприз. Может, в лесу кого кормить будут, есть же там лоси, зайцы, белочки, в конце концов.

От дома Решад направился к высокому бревенчатому зданию с узкими окнами, Ира еле поспевала за ним. Открыл створу ворот.

— Лошади... — выдохнула восхищенно девушка, прошла внутрь конюшни.

— Ты когда-нибудь ездила верхом? — наблюдая за ее реакцией, Решад открыл вторую половину ворот, выкинул подальше сухую сосновую ветку, что валялась возле входа.

— Давно, последние три года только мечтала!

— Это Мята и Рута. А это — мой Орбит, — с гордостью погладил черного коня, что

фыркал в нетерпении, переступая ногами. — Сейчас, родной, только Ирка наша выберет себе подружку.

Спокойная Мята с удовольствием приняла с девичьей ладони угощение, дала себя погладить и отвернулась равнодушно. А вот Рута... Вся подалась к незнакомке, прижала морду к ее щеке, закрыла глаза и шумно похрапывала в ответ на ласковые слова, нашептываемые девушкой. Осторожно раскусила яблоко, подобрала остатки, даже не пытаясь тяпнуть для острастки за руки.

— Нашли друг друга две капризули, да, Орбит? — тихо, чтоб не услышала Ирка, шепнул Решад в ухо коню. Тот фыркнул, мотнул головой.

— А Мята не обидится, что мы ее не берем? — спросила Ира, когда ее спутник вывел лошадей из конюшни, закончив с седловкой и закрыл ворота.

— Ее Бабай сам выведет, он без седла ездит. Так, помнишь, как садиться на лошадь? Куда пошла! — успел схватить девушку за руку, не дав обойти Руту сзади. — Только спереди обходи, иначе лягнет. Вот, возьми повод в левую руку, молодец.

Ира вставила ногу в стремя, Решад, подхватив девушку за талию, посадил ее в седло, и чуть задержал руки дольше положенного.

— Так, сосед, ты же обещал! — она игриво шлепнула его по запястью, подобрала поводья.

— Только по необходимости, был уговор. Я проверяю, удобно ли тебе, — его ладони скользнули по девичьим бедрам. — Поедем не спеша, вы с Рутой еще не притерлись.

До границы усадьбы он шел, ведя лошадей за поводья, закрыл тяжелые ворота, повесил замок, и только тогда легко вскочил в седло.

— Теперь слегка набери повод на себя, чтоб Рута затылок подняла.

Ира в точности выполняла его наставления, с восторгом чувствуя, как слушается ее своенравная кобыла.

— Пообещай мне, что будешь приезжать сюда, — попросил Решад внезапно. — Даже без меня. Я хочу, чтоб ты была счастлива, матурым.

— Странно, Решад, у меня такое ощущение, будто ты прощаешься со мной.

— Нет, но всякое может случиться. К горе Кху Ям путь неблизкий.

[1] Все так же, потихоньку (тат.)

Чтобы унять странную тревогу, Ира прижалась к шее лошади, прошептала:

— Ну что, девочка моя, покажем парням, на что ты способна?

Рута, будто ждала осторожного толчка в бок, перешла на рысь. Ира выпрямилась, сохраняя осанку, вспомнив уроки верховой езды. Орбит остался позади, но вскоре галопом промчался мимо. Рута всхрапнула обиженно, и, без предупреждения сорвалась в рабочий галоп, догоняя жеребца. Наездница только охнула, но, быстро сориентировалась, чуть подалась вперед, и, когда закончился лес, была на корпус впереди. Оглянулась, высунула язык, дразнясь.

Потихоньку Рута стала уставать, и у реки пошла шагом, а потом и вовсе остановилась.

Сзади спешил Решад, подошел помочь:

— Давно хотел показать тебе это место, матурым. Мы с Орбитом приезжали сюда только вдвоем.

С непривычки дрожали ноги, побаливала спина, но все это забылось, когда она подошла

к краю высокого берега. Слияние двух великих рек... Это место она видела только на картах в школе, мечтала побывать здесь, и вот, перед ней раскинулась водная гладь, чудо природы.

Вот только поселившаяся в сердце тревога не давала сполна насладиться моментом. Его молчаливость сегодня была другой, и эти долгие взгляды с тихой грустью, будто действительно, перед долгой разлукой.

Встав чуть позади, он хотел было дотронуться до ее волос, обнять, но передумал, спрятал руки за спину, лишь старался запомнить, сохранить в памяти каждый миг, проведенный рядом. Когда он уедет, прервется эта странная связь, перестанут вырастать за спиной крылья при ее появлении.

Он попытался любить, это оказалось страшно.

— Решад? Отвези меня домой, — Ира ушла к своей Руте, без помощи вскочила в седло.

В этом доме всегда пахло затхлостью, скисшими тряпками, как ни старалась невестка мыть пол и расхламлять углы. Тяжелые шторы не снимали лет десять, бесчисленные пустые пыльные банки и пластиковые упаковки отвоевывали любой свободный клочок на полках, в шкафчиках, на подоконниках. По залежам стаканчиков из-под йогуртов, круглых коробок для торта, с присохшими навек по краю остатками крема, и прочего хлама — «пригодится на рассаду, в огороде тоже пойдет», можно было проследить историю этой семьи.

За столом восседали две кумушки, важно, отдуваясь, пили чай.

— А твоя Наташка мне и заявляет, что, пока по тетрадке долг не внесу, не отпустит без денег даже спичек! Совсем обнаглела! — резюмировала свой рассказ хозяйка дома.

— Ох, Фирюза, я теперь и зайти к ней не могу, она сразу хватается за телефон и снимает видео. И телефон новый, откуда и взяла. Плюну, развернусь, да уйду. Сашенька в больнице лежит, весь избитый, а мы даже заявление подать не можем, все отказываются свидетелями идти, что Решадка его до полусмерти измахратил за свою подстилку рыжую! — Люда потянулась к сумке. — Что мы с тобой чай пьем, я ж наливочки своей взяла!

— И то верно, можно по чуть-чуть, — быстро достала увесистые рюмки Фирюза, протерла пальцем. — А городская сколько раз мимо едет, хоть бы посадила, так нет же, чешет мимо на своей гробине, нагло так!

— Об одном жалею, что Саша этих двух тварей не спалил, не довел дело до конца. Все надеюсь, что кто мимо идти будет, да чинарик рыжей кинет случайно за забор! — подружки чокнулись, выпили. — За здоровьечко!

— А что, можно устроить, хоть с реки беседку ее подпалить, дождя-то не обещают. Ты намекни Коляну, когда вдруг, пьяный пойдет, да и я скажу, за дружка своего Колян и кинет чего. С огоньком, — Фирюза разлила привычно наливку. — Давай, подружка, чтоб Сашенька твой быстрее домой приехал.

— Да у меня сердце кровью обливается, как он, бедный, мучается, вчера мне говорит: «Мамуля, грибочков соленых охота, сил нет!»

— Ты ж говорила, не дают ему телефон в больнице, а вчера ты тут была, в Казань не ездила, — прищурилась пьяненько заклятая подружка.

— Так у товарища в палате попросил, — заюлила Люда, понимая, что сболтнула лишнее. — Давай еще налей, что рюмкам пустым стоять.

— Ты ж плакалась, что один он в палате, не пускают к нему никого!

— Пустили значит, что он, убийца какой, под надзором его держать? Не убил же, так, жену проучил маленько, видано ли дело, чтоб за супружеские склоки в тюрьму садить! Не

было б этой рыжей ведьмы! — на глазах у Люды показались пьяные слезы. — Сейчас иду, Танюшка бежит. Я ей конфетку даю, а она руки спрятала, не берет, спасибо, говорит, у нас есть. От родной бабушки нос воротит!

— Все тебе сказать хотела, Людочка, а Сашкина ли Танюшка? Ведь белобрысая, как Веснины. Вон, насколько Артур черен, и то оба ребенка белые, порода Весниных вылезла.

— Да я все шесть лет смотрю на Таньку и думаю, моя ли внучка-то... Обниму, а молчит сердце, как чужую ращу, и на Сашу не похожа совсем, — пригорюнилась женщина, спохватилась, что держит рюмку в руках, выпила, поставила посудину на стол.

— Артурка-то встает потихоньку, видала? На днях у больницы только с палочкой гулял! Решадка дорогушие тренажеры ему купил, как и перед Альбертовной отчитался.

— Вроде, в больнице поговаривают, что и свои вложил денежки, — подалась к подруге Людмила, будто открывала великую тайну. — Богатей выискался. Конечно, сколько хочет, столько зарплату и выписывает себе.

— Как дом перестроил, так не позвала Наиля ни разу, не уважила, чтоб обе с рыжей погорели!

— Слушай, Фира, чуешь, кто-то шашлыки жарит, какой запах пошел. А я два дня спину ломала, лук убирала, да на веранде так и оставила, нет сил на второй этаж тащить. Ты уж убрала лук-то?

— Половину только, никто ж не помогает, а как за стол — все садятся.

Обратно ехали молча, каждый думал о своем. Уже недалеко от поселка Ира решила нарушить тишину:

— Решад, скажи мне, что происходит с тобой?

— Ничего, матурым, все в порядке, — отделиваясь дежурными фразами, он хотел сказать совсем другое. Что одно слово ее, и он поменяет все планы, останется, что без нее плохо, что любит ее, в конце концов... Только бы сказала, что нужен ей.

— Я же чувствую, что с тобой что-то не так! Я...

— Ир, — неестественно ровным голосом, только б не напугать спутницу, перебил ее страдания. Но прибавил скорость. — Поселок горит...

Пожары в таких селениях — явление обычное, редкий год обходится без того, чтоб гулко не ухал набат, разнося по поселку страшную весть. В каждом доме привычны были запасы ведер, чтоб, чуть что, бежать на подмогу погорельцам.

В прошлом году миловали Боги, лишь тушили сухую стерню однажды всем поселком на поле, когда кто-то выкинул непотушенную сигарету из проезжающих мимо машин. В этом году не обошлось... Сизый дым рваными клочьями стелился по земле, закрывая собой очаг беды, что невозможно было разглядеть, что за дом сейчас взывал о помощи.

— Подгорная! Решад, Натка там! Танюша! — воскликнула Ира, наконец разглядев что-то в тумане дыма.

Решад вздохнул обреченно. Самая поганая улица, от реки далеко, и с частыми перебоями воды в старых гнилых трубах. Дома старые, стоят близко друг к другу, как свечки, займутся от малейшей искры. И дождя не предвидится.

— Я тебя сейчас высажу, и чтоб дома сидела, носу не высовывала, поняла? — игнорируя знаки ограничения скорости, Решад сосредоточился на дороге, в уме прикидывая, кто есть в поселке. Практически никого из мужчин, на полях идет полным ходом уборка пшеницы,

порой и ночуют там мужики. На лесопилке работа сейчас тоже заканчивается за полночь. Дома старики, совсем немощные, бабы и дети. Пока с райцентра приедет пожарная бригада... Беда...

— Нет, я не стану сидеть дома! Каждые руки нужны!

— Хорошо, но близко не подходи. Пожалуйста. Прошу, — свернул в поселок, и сразу на дальнюю улицу, к Наткиному дому, распугивая отчаянным сигналом бежавших с ведрами в ту сторону женщин.

Выпрыгнули оба из машины, вздохнули. Наткин дом, хоть и рядом с горящим домом, но его пока не задело. А вот особняк ее свекрови...

Веранда уже полыхала так, что спасать было нечего, вкусный запах печеного лука сменила удушливая гарь, и уже занялась крыша.

Прибежавшие на помощь сгрудились перед высоким добротным забором, — и подлезть никак, и перемахнуть невозможно. Единственный в поселке глухой, толстыми досками уложенный без зазоров забор, сейчас был помехой к спасению хоть чего-нибудь из нажитого добра.

— Чего встали? Обливайте соседние крыши! — крикнул на притихших баб Решад, сам сел обратно за руль, сдал назад, насколько позволяла улица, разогнался, и на пределе машины въехал в забор, ломая бампером тяжелые доски, и молился, чтоб изнутри они не были укреплены арматурой, с Царевых станется. Повторил этот маневр еще раз, пока в заборе не образовался пролом. Плевать на брызнувшие стеклом фары.

— Подключайте шланги, с соседних участков тоже, обливайте крыши, заборы! Песок! Есть у кого поблизости песочница на дворе?

— У нас, мы уже таскаем! Вчера привезли! — отозвался пожилой мужик, тащивший тачку с песком через два дома от Царевых. — Бабы, помогай, хватай лопаты!

— Где хозяйева, кто-нибудь видел? — Мария Альбертовна споро отбрасывала от дома поленья, сложенные у стены.

— Б-б-бабушка к Ф-ф-ирюзе-апе п-п-пошла, — пискнуло где-то под боком.

— Танюшка, ты зачем здесь, марш ко мне домой! — грозно приказал Решад. Еще ребенка здесь не хватало! Поискал глазами кого постарше. — Олег, дуй до Фирюзы, Людмила там, вроде!

Увидев бегущую от магазина мать, Танюшка кинулась к ней, зашептала сбивчиво:

— М-мама, м-мама, а у б-б-бабушки пап-п-пка, я видела! Утром в-видела и к-к-когда б-бабушка ушла!

— Танюшка, а ты не придумываешь? Папа в больнице, в Казани! — тихонько спросила Ната, надеясь, чтоб слова дочери оказались неправдой. Но Таня никогда не врала. Сбежал, видимо, сволочь, спрятался у матери.

— Н-нет, м-м-мамуль, там п-п-папка, с д-д-дедом. П-п-пьяные, — девочка вдруг спряталась за юбку матери, когда увидела идущего к ним дядю Решада.

— Нат, ты в курсе, кто у них дома? И отправь, пожалуйста, Таню ко мне, нечего ей здесь делать. Ключи есть?

— Свекор дома должен быть. Таня говорит, что пьян, — провожая взглядом дочь, убегающую по тропинке, Ната вдруг промолчала про мужа. Вдруг показалось Танюшке... — Да, вот, от входной двери, два, свекровь еще не забрала.

— Быстро, как комнаты расположены? — и, зацепив взглядом бегущую с ведрами учительницу, крикнул. — Катька, облей меня!

— Как зайдешь, длинный коридор, слева две комнаты, туалет с ванной, прямо от них свернешь — кухня и большая комната! Свекор обычно в большой комнате на диване спит, — хотела было добавить, что Сашка там же, но в это время Катерина ухнула на склонившего голову мужчину ведро воды, сразу — второе, и тот бегом подлетел к двери особняка.

Из шлангов вода текла тоненькой струйкой, не в силах справиться с таким количеством подключений. Решили оставить два, чтоб хоть как-то стал больше напор. С соседних участков перекрикивались люди, спасая свои дома, сараи, курятники. Катя с Натой по приказу Марии Альбертовны, схватились за лопаты, забрасывая песком горящую веранду, но огонь уже сожрал крышу и второй этаж, добрался в комнаты первого, и бесполезно было что-то спасать.

Коридор был уже весь в дыму, Решад склонился как можно ниже, впервые пожалев, что природа и гены одарили высоким ростом. Пролетел узкий коридор, повернул — да, точно, дрыхнет старший Царев, храпит, пока его имущество исчезает в пожарище. Весь дом был увешан богатыми коврами, занавесками, картинами, всем тем, что так любит огонь, через несколько минут здесь будет нечего спасать.

— Вставай, Егорыч, горишь!

— Ты кто? — еле разлепив пьяные глаза, хозяин и не подумал спасаться. — Я тебя не знаю!

— Горишь, блядь, на выход! — воздуха уже не хватало, горели стены изнутри, обои вскипели пузырями. Решад схватил мужика за шкурку, сбросил с дивана, пнул для ускорения. — На карачки и бегом!

Что-то начиная понимать, мужичок резко рванул к входной двери, но вернулся, зачем-то напялил плащ, прикрыв тощий зад в широких семейниках.

— Жена где? Где жена твоя, спрашиваю? — под угрожающий треск потолка, крикнул спаситель.

— На хер пошла! — ответил погорелец, вывалившись на крыльцо.

А вон и Людмила, мечется бестолково по двору, причитая, то визгом возмущаясь из-за дыры в заборе, то воем умоляя людей спасти имущество.

Решад успел выбежать следом за хозяином, как ухнула крыша, только искры взметнулись в разные стороны.

— Решад, там еще... — возглас Наты перекрыла сирена Людмилы.

— Сыночек, сыночек мой! Люди, Сашенька, там же Сашенька, сыночек! — бестолково хватая за руки тех, кто и так помогал, Люда на коленях взывала к горящим окнам, откуда, со звоном лопааясь, вылетали стекла.

А этот тут откуда? Он же в Казани, под присмотром? Как так получилось? Черт, опять придется лезть в дом... Где же пожарные?

Визг тормозов на дороге, и на двор заскочил Леха, рванул к другу, выхватил у проходящей женщины ведро с водой.

— Давай, лей на меня, Сашка там еще, — не смотря на выпученные глаза Лешего от такой новости, подставил голову под водопад, махнул рукой. — Отгоняй баб, скоро все рухнет.

Черный дым уже не позволял сделать и половины вдоха, только бы успеть. Решад плечом толкнул дверь первой комнаты, благо поддалась. Накинул мокрую футболку на голову. Комната, выходящая на веранду, уже полыхала, железная кровать, на которой лежал на спине Сашка, раскалилась шарами, украшающими изголовье.

С первого взгляда стало понятно, что алкаш был мертв. Рот его, открытый в последнем вдохе, был заполнен какой-то кашцей, это же месиво припеклось к щеке и постельному белью.

Стащив тело с кровати прямо на тлеющем одеяле, Решад взвыл, неловко задев раскаленный металл предплечьем. Рывками волоча одеяло за собой, едва не потерял сознание в коридоре, но продолжал упорно тащить скорбную ношу здоровой рукой. Волосы и футболка дымились, быстро испаряя спасительную влагу.

Последняя пара метров до двери... Ползком, не вставая, иначе задохнется. Сквозь гул огня, слышались сирены пожарных машин, если сейчас упадет, успеют спасти. Наверное. Дверь горит. Воздух... Решад поднялся, шатаясь, закашлялся от горечи едкого дыма. Толпа женщин притихла, когда он вытащил мертвое тело на траву, коротко бросил:

— Прикройте чем-нибудь.

Оглянувшись, нашел взглядом любимую, и, тяжело ступая, пошел к ней, не видя перед собой никого больше, но за пару метров силы оставили его, рухнул на землю, потеряв сознание. Ирина бросила шланг, успела подбежать, упасть на колени, поддержать его в падении, обхватила руками, не чувствуя боли. Зашептала горячо, целуя, куда могла дотянуться, вперемежку со слезами:

— Миленький мой, родной мой, пожалуйста, приди в себя, ну куда я без тебя, Решад, не пугай меня, пожалуйста, счастье мое, мне никто не нужен, кроме тебя!

— Я все слышу, — глухо ответил мужчина, надсадно закашлявшись.

— Все-все?

— Самое главное, моя...

— Решад Маратович, пойдете, я вам руку обработаю, — подошел врач скорой помощи из райцентра. — У Вас на левой ожог.

— Да, сейчас. Подойду. Сашку увезли?

— Грузим. Там Ваши показания нужны, но это не к спеху.

— Это все ты-ы-ы! Ты! — скрючив пальцы в желании вцепиться, на Иру летела Людмила, но ее успел перехватить Алексей, удерживая вдвоем с медиком ополоумевшую от горя женщину. — Вы с Наташкой все подстроили, только и мечтали Сашеньку убить, подстилки дешевые! Будь проклят тот день, когда сыночек эту мразь пузатую в дом приволок! Ненавижу!

— Да прекрати ты, Людка, сама и виновата, что Санька бухал, — протрезвевший хозяин дома с горечью смотрел, как догорает, шипя под водой, хлещущей из пожарных рукавов, его жилище. — Взял тебя с пузом, сам дурак... От моих ты быстро избавлялась. Вот и выросло...

— Предварительно, пожар начался с веранды, не скажете, что там могло воспламениться? — к старшему Цареву подошел полицейский с райцентра.

— Сашка там курил. Вчера приехал ночью, сбег, падла с больнички. Ну, сходил я сегодня за беленькой, с устатку, наломался в огороде. А Сашка и вылакал полтора пузыря, — повинулся погорелец. — Курить ходил на веранду, да.

— Захлопнись, старый дурак! — визг Людмилы перешел в вой. — Сыночек, родненький, как же это, как ты мог...

А влюбленные все сидели на земле, пока под них не потекла вода, неся в белой пене черные угольки и обугленные ошметки бывшего богатства. Кое-как поднялись оба на ноги, поддерживая друг друга. Разнимать намертво сжатые кольца рук не хотелось никому

первым, но пришлось, внешний мир требовал их присутствия. А для двоих будет ночь...

— Иди домой, я скоро. Приду к тебе... — обожженным губам слова давались плохо.

— Нет, я с тобой буду!

— Я сказал — домой! Забери Нату, и чтоб через две минуты я вас не видел.

— Хорошо, — действительно, сейчас подруга нуждалась в ее участии, а все признания можно оставить на потом. — Наташ, пойдем, за Танюшкой, и ко мне.

В молчании подруги добрались до дома Ярулиных. Пока Ната зашла забрать дочь, Ира присела рядом с обеспокоенной незнакомыми запахами волчицей, обняла ее за шею:

— Все хорошо, Тень, твой хозяин скоро придет, не переживай, девочка. Он у тебя — герой! А знаешь, я его люблю... Очень люблю, Тенюшка, больше жизни и боюсь за него.

— Ирочка, ты чего не заходишь? — обеспокоенная мать вышла из дома. — Пойдем, я чай налила, пока Танюшка спит, пойдем в дом, кызым.

Вздыхнув, Ира поднялась на крыльцо.

— Наиля-апа, я девчонок к себе заберу, у меня комната свободна. Наташин дом тоже пострадал, — шепотом, чтобы не разбудить Танюшку, предложила Ирина.

— Хорошо, а что Люда?

— Вот пусть и живет в моей хибаре, Наиля Ильдусовна! — на глазах Наташи заблестели слезы. — Или у своей подружки! На улице буду жить, но туда больше ни ногой! Слышали бы Вы, что она говорила...

— Понимаю. Лучше у чужих людей, чем с такой свекровью.

— Я не чужая Нате, Наиля-апа! И в обиду девочек не дам.

— Прости, кызым, не так выразилась.

— Танюшка проснулась! — сорвалась Наташа, услышав в соседней комнате всхлипы плачущего ребенка.

Ира ринулась было за ней, но Наиля мягко ее остановила, взяв за руку:

— Дочка, я слышала, что ты там, на крыльце сказала. Ирочка, я была бы рада, если бы сын был с тобой, о такой невестке и мечтать не могла. Но, он ведь опять рапорт написал, кызым.

— Какой рапорт? — еще не поняла Ира.

— Если на комиссии его признают годным, он подпишет контракт и уедет, дочка.

— Надолго?

— Полгода, год, два. Последний раз чудом выкарабкался, мне говорили, чтобы... готовиться к худшему, даже в Питере, в госпитале при академии, где он учился, не давали шансов. Колонна их попала под обстрел, а Решад перед этим свой, как это называется, как жилет... да, кевлар, отдал санитару молоденькому, понадеялся, что обойдется. Не обошлось. Я так молилась, чтобы не ездил больше, но он решил иначе.

Ира встала из-за стола, не своим голосом произнесла:

— Я девочек на крыльце подожду.

Дома должны быть сигареты. Сейчас главное — не расстраивать Наташу своими проблемами, подумаешь, влюбилась, а он мечтает свалить подальше, как с шеи скинул ярмо ненавистной женитьбы. Трахнуть очередную дуру, и свалить.

Ира представила толпу дамочек со всего района, провожающих драгоценный член главврача, и тут она выплывает, в конец очереди, скромница в сарафанчике, глазки потуплены, ромашиска полубодранная в ручке. Любит — не любит, плюнет — поцелует.

Размечталась! Надо взять себя в руки, пережить это помрачение ума, все равно ничего

хорошего не светит. Потом пореветь, себя жалеть.

— Танюш, завтра купим тебе новые платья, туфельки, бантики, для занятий нужное, поедем в Казань, к Дане с тетей Женей в гости зайдем, да?

Девочка вдруг обняла Ирину за шею, прижалась хрупким тельцем:

— Т-т-етя Ира, а п-п-папа теперь н-на небе?

— Да, моя хорошая...

— Х-х-хоть бы он там П-п-пирата в-встретил!

— Встретит, непременно, Танюш, — Ира сглотнула подступивший ком.

— П-п-папа любил П-п-ирата, даже плакал, к-к-когда П-пиратик из будки не в-вылез.

Он и н-нас любил, т-только, когда выпивал, с м-мамой ругался.

Из ванной комнаты вышла Ната в новом банном халате, позвала дочь купаться.

— Нат, пока вы с Танюшкой плещетесь, я на пирс схожу?

— Чего это ты?

— Нужно подумать, я потом тебе расскажу, вечером. На кухне сама разберешься, знаешь, где что лежит. В морозилке котлеты есть, пельмени, в холодильнике йогурт, сметана, хозяйничай.

Ирина не помнила, как дошла до пирса, погруженная в свои мысли, подкурила сигарету, но так и не затянулась, оставив ее тлеть в тонких пальцах. Воспоминания накрыли со страшной силой — здесь столько счастливого времени было на двоих...

Ира горько улыбнулась, затушила сигарету, аккуратно вдавила в землю окурок, закинула песком. Хорошо еще, не переспали, мечты так и остались мечтами. Не будет похмелья от дикой страсти, не будет натянутых улыбок после, вымученных словес о погоде при случайных встречах.

— Наташа сказала, что ты здесь, — Решад, как обычно, подошел неслышно, обнял сзади за талию, прижал к себе, счастливо вздохнув. Он него все еще пахло дымом и гарью, этот запах, казалось, пропитал весь поселок. Голос, и без того с хрипотцой, осип совершенно. Как ни упрашивал его врач скорой помощи ехать с ними в райцентр, Решад только посмеялся. В его распоряжении целая больница, если что — все есть для лечения, и ингаляции, и полоскание, справится сам, вот только молчать две недели, по предписанию, он не собирался.

— И что? Каким местом это касается тебя? — всего на секунду помедлив, разомкнула его руки девушка, освобождаясь из объятий, отступила на пару шагов от недоумевающего мужчины.

— Ир, прости, если обидел, но мне показалось, что мы...

— Не выдумывай, никаких «мы», тебе показалось, — резко перебила, чтобы ненароком не услышать его признания, не дать слабинку. — Уходи. Уходи, исчезни из моей жизни, пожалуйста, сколько раз просила! Я тебе однажды уже предлагала оптимальный вариант общения, повторяю, для особо одаренных — строго через забор «здравствуйте — до свидания».

— И когда ты пришла к такому выводу?

— Когда ты написал рапорт.

— Вот оно что...

— А что ты хотел? Я не готова поседеть к тридцати, и каждый день вздрагивать от любого звонка и стука в дверь, ожидая худшее! Предложи это вакантное место любой из

своих подружек, может, какая дура согласится! — сама того не замечая, Ира перешла на крик. — Я ведь знаю, как у тебя на шее шрам появился!

Решад вздрогнул, мысленно обложив матом бывшего командира.

— И остальные! — Иру уже трясло от переживаний. — Да ты посмотри на свою мать! Ей всего пятьдесят шесть, а у нее два инфаркта и седые волосы, сам весь в шрамах, а все не наигрался в войнушку! Мальчишка! Убирайся! Видеть тебя не хочу...

— Хорошо. Раз ты так решила. Незаменимых людей нет, матурым, найдешь себе утешение.

— Да, незаменимых нет, но есть нужные! На своем месте, понимаешь? Ты нужен здесь, ты здесь — незаменим! Что бы было без тебя сегодня? Сгорела бы к пракаматерям половина улицы! Как ты посмотришь в глаза поселку, когда уезжать будешь? А как же память деда? Тут тоже идет война, пусть незаметная, с болезнями, травмами, тут тоже и горе и радость, тут такие же люди! Бросишь их? Ты им нужен!

— А тебе? Нужен ли я тебе?

— А я пойду собирать по округе сорок кошек...

Очумев от такой отповеди, Решад сел на траву, где стоял, обхватив голову руками, закашлялся надсадно. Ну и что напридумывал себе? Не пятнадцать лет, чтоб влюбиться. Не пятнадцать. Зачем ему в тридцать пять эти проблемы? Будут другие женщины, лучше этой истерички, хуже — не важно. Главное — ее не будет.

И только внутренний голос вкрадчиво намекнул: «А ведь она права во всем!» Уехать решил, гордый дурак, что ты, обиделся, женщина в постель не пускает! Смешно. Здесь и так квалифицированных врачей не хватает, осенью люди вспомнят свои болячки после огородного сезона, не продохнуть будет, а в больнице одни женщины работать останутся, и Артур с Назаром, пара инвалидов, завхоз не в счет. Закроют больницу, расформируют дело жизни деда, как ответишь ему, когда придет срок?

— Ириш, ты чего реवेशь? Ну что ты, в самом деле, придумала?

— Я его прогнала...

— За дело или сдуру?

— Нат, он собирается опять уехать, понимаешь? Я для него — очередное развлечение. А я жить без него не могу!

— И поэтому прогнала? Слушай, Ир, у тебя с логикой совсем дружбы нет?

— Видимо...

— Ладно, не маленькие оба, разберетесь. Сейчас все на нервах. Леша звонил, мы с Танюшкой завтра, как приедем, к нему переберемся, не обидишься? Он пока на работе будет ночевать.

— Натусь, не рано? Нет, я понимаю, что у вас с Лешиком давно роман, но ведь...

— После того, что сегодня орала свекровь, мне уже ничего не повредит. Надоело быть виноватой, на-до-е-ло! Пусть подавится своей злобой! Грешно говорить, Ир, но когда Решад снова в дом кинулся, я молилась, чтоб опоздал, а потом Сашка лежит, и жалко, и Людка причитает, а мне пнуть хотелось обоим с разбегу, да посильнее, что эту пьянь дохлую, что свекровь, прости, Господи. Чуть там не расхоталась от того, что освободилась, как из тюрьмы! Развод не дал бы такой свободы! Все равно был бы постоянный страх за всех нас, за Лешика, за тебя, за Решада! Сашка же не понимал, что в его бедах он виноват, глотка его луженая, а не мы, находил крайних! Я совсем свободна! Понимаешь? Свободна...

— Понимаю. Если что — я на твоей стороне. Подожди, отвечу, Марс написал в чате: «Девочки, не спите? Мы зайдём?»

Вся компания в полном составе ввалилась на террасу, расселись, кто куда, Алексей встал сзади Наты, притихший Костя обнял подругу детства, сел рядом с Ирой, ткнулся губами в шею, положил руку на ее плечи. Решад, увидев, что она не сбросила руку Костика, и даже демонстративно прижалась к счастливчику, с вызовом глядя на него, остался на ступенях.

— Наташ, мы собрали на похороны Санька. — Азяля выложила большую пачку денег. — Не спорь, пожалуйста. Хоронить его тебе придется.

— Хорошо. Ребят, спасибо вам.

— Ната, предварительно скажу: Сашка был уже... мертв, когда начался пожар. Лежал на спине, и, — Решад помолчал немного, не зная, как сказать правду. — Захлебнулся собственной рвотой. Прости, ты должна знать. Криминала нет, тело выдадут в субботу. На кладбище мы завтра договоримся. Поминки в клубе. Вроде, все. На созвоне. Я ушел.

— Как рука? — вдогонку спросила Ната.

— Нормально.

— Что это с ним? — удивился Костя.

— Он свекра моего вынес, потом Саньку выволок, Кость, пока пожарные не приехали, организовал всех, что ты хочешь, чтоб он радостно прыгал? — взвилась Наташа на гостя.

— Понял. Блин, ребят, я теперь и пить не буду, ну нафиг вот так...

— Мы тоже пойдем, хорошо? — поднялась с кресла Азяля, расцеловала подруг.

Засобирались и Костя, попрощавшись, спросил:

— Ир, проводишь до машины?

— Да, пойдем.

Ната проверила в комнате спящую дочь, снова вышла на террасу, подошла к любимому. Леша молча привлек ее к себе, обнял, и тут Натку прорвало. Размазывая слезы по форменной рубашке, Ната оплакивала нелепую смерть мужа и свои года, проведенные с ним.

— Ириш, я сегодня приехал без цветов, сама понимаешь, повод не тот.

— Ничего страшного, Костя, все в порядке.

— Я хочу тебя попросить, Ира. Я окончательно перебираюсь в Казань, на повышение. Поехали со мной, хватит тебе играть в землеройку.

— И в качестве кого ты меня зовешь?

— Жены. Ты — бриллиант, тебе нужно блистать на приемах, а не картошку окучивать, — мужчина торжественно встал на одно колено. — Я серьезно прошу, Ириша, выходи за меня замуж. Попозже официально и в торжественной обстановке, с кольцом и цветами еще раз попрошу.

— Нет, Костик, хреновая из меня выйдет жена. Мы же не любим друг друга.

— Это придет, если тебе так важно, каждый день говорить буду о любви, если тебе эти слова необходимы, но сама пойми, разве нужна в браке любовь? В браке нужно понимание, уважение, одна цель, хорошие связи со стороны родни. Ты идеально мне подходишь, через пару лет можно и Москву покорять.

— Хорошие связи со стороны родни?

— Ир, у тебя очень редкая фамилия, прости, но я навел справки о твоей семье. Я не тороплю с ответом, дорогая, подумай недели две.

— Понятно. Связи... Мой ответ не изменится. Я остаюсь здесь, — Ира вздрогнула от звука захлопнувшейся с размаху двери соседнего дома. — Играть в землеройку.

— Он, все-таки, обскакал? — перехватив ее тоскливый взгляд, Костя поднялся с коленей, презрительно кивнул в сторону дома Яруллиных.

— Не важно.

— Значит, он. Ира, я прощу, даже если он уже трахнул тебя.

— Что-о-о? То есть, настолько тебе похер на меня, лишь бы войти в нашу семью? Ну, ты и мудака, Костик...

— Со мной ты будешь счастлива, пойми уже! Я тебе обеспечу безбедную жизнь, что вы там, девочки, любите, магазины, салоны красоты, курорты! Вся эта деревенская эпопея — не для тебя, не может такая девушка променять город на кучу навоза в деревне! Сама скоро поймешь, что я — прав! Если из-за Ярканата удержишься, так и это ненадолго, он тебя выкинет через пару-тройку месяцев! Ты у него какая по счету? Сотая?

— Зато — юбилейная.

— М-да, не войдешь ты в историю... — Костя сел за руль, и, не щадя любимую машину, стартанул с места. Зря он выложил все карты сразу, ошибкой было упоминать ее родных.

— Решад, не доглядели мои, сбежал вчера ваш Сашка из больницы, как уговорил дежурную медсестру, ума не приложу. Ты присмотри за Ириской, скажи ей, чтоб закрыла на ночь двери и окна, сейчас дам команду, мои архаровцы приедут, носом поселок разроют, но найдут беглеца, — придерживая телефон плечом, Бахтияр сунул ключи в карман. Несмотря на поздний час, он еще был на работе.

— Отбой архаровцам, Баха, — стараясь не напрягать больное горло, просипел Решад в ответ. — Натворил уже дел Сашка. Мертв он.

— Что случилось, родной? Вы ...его?

— Сам. Родительский дом спалил к чертям собачьим, рвотой захлебнулся, пьяный.

— Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного новопреставленного раба Твоего Александра... — тихо произнес Бахтияр вечную молитву. — Больше никто не пострадал?

— Нет.

— Вторая линия, Ярканат, Ириска как раз, отбой.

— Отбой.

— Бахтияр, ты в курсе, что Решад рапорт собрался подать, — даже не вопросом, а утверждением начала разговор любимица.

— Да, Ириска, в курсе. Запрос я отправлял, — не стал отпираться горец.

— Знаешь, если с ним что-то случится... — с какой-то тихой обреченностью, без визга, угроз и скандала, тихо сказала Ира. — Наверное, я тебя возненавижу.

— Кнопочка моя! Но он меньше всего подходит тебе!

— Я давно не кнопка, Бахтияр. Свою жизнь я сама испорчу, это моя жизнь, — и, не дожидаясь ответа, закончила разговор.

(28 июля, суббота, +30)

Опять нет молока. Вчера поздно приехала с работы, все магазины по пути были закрыты, а тащиться на каблуках в дальний торговый центр, что работал до упора, неохота.

Нет, можно было съездить, но Юля пробежала мимо своего места парковки на дворе, закрыв глаза. Там стояла, сверкая красными боками машинка-игрушка, маня сесть за руль и ехать по ночному городу, куда глаза глядят, наслаждаясь плавностью хода и запахами кожаного салона. Но этот гребаный подарок отнимет все, что она отложила в зачанку, и даже больше. Страховка наверняка такая, что на год с Дашкой сядут на овсянку и макароны.

— Даш, сбегаеть за молоком? — крикнула она, надеясь, что дочь не в наушниках, как обычно. На призыв прицокала на кухню Шелли, услышав волшебное слово «молоко».

— Мне некогда! — раздалось в ответ из комнаты дочери.

— Тебя, конечно, Дашка не выгуляла... — глядя в преданные собачьи глазки, вздохнула Юлия. — Идем, как раз в магазин заглянем.

Второе волшебное слово для каждой собаки — «гулять» подняло бурю восторга в собачьей душе. Шелли завертелась от радости вокруг хозяйки, сама принесла поводок, припадая на передние лапки.

Через десять минут в квартире раздался настойчивый звонок. Дашка выглянула в коридор. Наверняка мать набрала полные торбы ерунды, и ключи найти не может.

Как была, в коротких шортах и домашней футболке с дурацким принтом, толкнула дверь, прошла по коридорчику к общей с соседями, железной, не спрашивая, кто за ней, открыла.

Три молодых человека в строгих костюмах вежливо поздоровались с обалдевшей девочкой, внесли в квартиру несколько корзин с цветами, сладостями и экзотическими фруктами, и отбыли восвояси. Четвертый неожиданный гость задержался в квартире.

— А вы у нас Дашенька, дочь Юлии Сергеевны? — громогласно спросил он.

— Да, а вы кто? — только и выдавила из себя Дашка, глядя снизу вверх на высоченного кавказца. Ох и попадет ей от матери за то, что пустила в квартиру незнакомого человека! Хотя, по имени называет, может, обойдется, может, отец студента какого с размахом отблагодарить приехал. Нет, в мамином институте максимум — сунут шоколадку или три розочки в целлофане.

— А я — Бахтияр. Мама ничего не говорила?

— Нет! — пискнула девочка, внезапно осознав, что она стоит перед этим мужчиной в домашнем непрезентабеле. И в прихожей раскидана обувь, вчера еще поленилась пол вымыть, не смотря на просьбу матери, вон, клочья шерсти валяются в углу. Что делать, если Шелли линяет, как не в себя, в любое время года.

— А матушка ваша когда будет дома?

— Вечером, — зачем-то соврала Даша. Не хватало еще, чтоб эта горилла сидела здесь, дожидаясь мать.

— Хорошо, вот мой номер телефона, и, пожалуйста, передайте Юлии Сергеевне эту безделицу, — вместе с черным прямоугольником визитки, Бахтияр протянул большую плоскую бархатную коробку. — Доброго дня.

Когда за странным гостем закрылись створки лифта, Дашка тут же, не заходя в квартиру, сунула нос в эту коробку. И захлопнула ее, в ужасе прикинув стоимость подарка.

Вот чего набрала в магазине, что пакет неподъемный, как не порвался? Зайдя в квартиру, запнулась о какой-то посторонний предмет за дверью, обернулась и задохнулась от одуряющего аромата роз. Корзины нежных цветов стояли повсюду, где хватало места. Шелли сразу сунула нос в бутоны, чихнула недовольно. В зале, поджав под себя ноги, на

диване сидела дочь, невозмутимо листая в телефоне инстаграм.

— Откуда веники? Твои поклонники ограбили цветочный магазин, признавайся! Димка взял кредит на все это богатство? Широкий жест в его семнадцать лет...

— А это все тебе, мамуля. На кухне еще, — дочь спрыгнула с дивана, оперлась плечом об косяк двери, сложила руки на груди. — Явление тут было. Гориллы народу. Что, мам, по пашшлычке на остановке ударила бампером, что такое посыпалось?

— Бахтияр... Но это уже ни в какие рамки! — воскликнула Юля, снимая уличную обувь. Шлепая разношенными тапками, прошла на кухню, неся пакет. — Это что еще за...

— Фрукты. Я таких и не видела никогда, половину только сфоткала, и в гугле опознала. Эти, маленькие, личи, вкусные, кстати.

— А шоколада столько зачем? Я не ем шоколад... — растерянно оглядывая подарки, Юля села на узкий диванчик.

— Я съем! — хихикнула Даша.

— Прыщами закидает.

— Это хорошо, что ты сидишь, мам, — дочь рысью слетала обратно в зал, принесла коробку синего бархата и визитку.

Юлия щелкнула замочком, открыла трясущимися руками крышку. На черном бархате, прижатые прозрачными зажимами, нежились драгоценные сапфиры в россыпи бриллиантов, обрамленные белым золотом. Почему-то Юля сразу поняла, что это не поддельные стразы в серебре, не будет этот человек размениваться на мелочь. Полная парюра...

Так, не закрывая, Юля поставила коробку на стол. Меж открытой баночкой йогурта и миленьким набором солонки и перечницы с китайской барахолки, камни смотрелись еще роскошнее, своим видом унижая пластик кухонного гарнитура и самый распространенный рисунок линолеума.

Взяла черную визитку в руки, осторожно, будто она могла вывернуться гадюкой и укусить, набрала выбитые серебром цифры номера.

— Бахтияр Каренович, это уже ни в какие рамки! — не здороваясь, повторила женщина, закипая. — Мало того, что последние дни мне приходится пользоваться общественным транспортом, прикидывая стоимость страховки, и сколько я заплачу за техобслуживание, так еще драгоценности стоимостью всей моей трешки, не меньше...

— Вам не понравилось, душенька, Юлия Сергеевна? Я выбирал камушки под цвет ваших прелестных глаз, — жалобно ответил даритель. — А насчет страховки и всего прочего, я недалеко, предлагаю съездить вместе по всем присутственным местам и быстренько закончить с оформлением.

— Значит, мою машину не вернете? — не обращая внимания на удивление в глазах дочери, продолжила Юля.

— Могу. Но не буду. Жду вас у подъезда через полчаса, голубушка, — посчитав разговор законченным, Бахтияр ткнул кнопку отбоя, включил правый поворотник.

— Мам, а что с нашей машиной?

— А ты не видела? — все так же держа телефон и визитку в руках, Юля прошла на балкон. Дочь поспешила за ней. — Вон, это теперь наша машина.

— А я еще хотела тебе сказать, что какой-то идиот свою колымагу на твоём месте припарковал! — воскликнула Дашка. — Ахренеть, подарочки!

— Вот именно, ахренеть, — вдруг расплакалась Юля. — И почему я именно в среду к Иришке поехала? Ну почему не в четверг, не во вторник? Вон, кстати, видишь, что во двор

заезжает? Явился, поклонничек...

— Ахренеть два раза! Это ж маршрутка на синтоле!

— Дашутка, мне даже надеть нечего, — всхлипнула последний раз мать, успокаиваясь.

— Ты же недавно платье купила, то, зеленое.

— Угу, за тысячу триста. Представь, дама в такой машине, и в платье по цене одного коврика для ног. Нет уж, не жили богато, начинать не стоит.

— Тогда иди в чем есть, мам, не хватало еще для этого Каа наряжаться. Взгляд у него, конечно...

У подъезда, на лавочке возле круглого ларечка с чистой водой было непривычно пусто, лишь восседал Бахтияр, расшугав своим грозным видом местных бабок, а, казалось, только вежливо поздоровался. Увидев Юлию, выходящую из подъезда, вскочил, зачем-то смахнул с рукава черной рубашки несуществующую пылинку. Как она мило щурится из-под очков, этот королевский взгляд, а эти линии женственной, чуть полноватой фигуры, совсем чуть-чуть, как надо. Богиня...

— Душенька, Юлия Сергеевна, как я счастлив вновь увидеть вас! — в два шага очутился рядом, взял ее руку, поднес к губам, склонившись. И про хромоту забыл.

— Бахтияр Каренович, давайте проясним ситуацию. Ваши подарки не лезут ни в какие ворота. Как я, например, объясню на работе появление у меня такой машины? Ох, если еще налоговая заинтересуется таким внезапным приобретением... — вспомнила Юля, и волосы на затылке опять стали подниматься. Опять расходы! — И украшения. Где мне их выгуливать? На педсовете? В магазине за углом? И хранить в моей квартире такое... Дверь выносится с одного пинка. Подобные драгоценности необходимо держать в банковской ячейке! Мой бюджет не вынесет столько «счастья»!

— Так скажите, голубушка, какой подарок вас порадует? — растерянно произнес воздыхатель.

— Если вы не намерены останавливаться... А подарите электролобзик! — вдруг жалобно попросила Юлия. — Я свой соседу отдала, а он сломать умудрился.

— Что? Лобзик? Юленька, душенька, вы неподражаемы! — расхохотался громогласно Бахтияр, еще раз поцеловал ее руку. — Будет у вас самый лучший лобзик, сейчас заедем, купим, только не отказывайтесь на сей раз!

— Не откажусь, — улыбаясь, женщина села за руль подарка. — Вы на своем автомобиле поедете, или со мной?

— Если вы не против, с вами, прелестница! Свою малышку я поставил удачно, не помешает до вечера никому. А насчет налоговой и прочая, — Баха наклонился ближе. — Все решается сменой фамилии.

— Что? Да я в браке не меняла свою девичью! — возмутилась Юлия такому предложению.

— Не спорю, Брежнева — прекрасная фамилия. Но Атари звучит лучше.

Все валилось из рук. Ната с Танюшкой еще спали, когда она уже бестолково шлепалась по кухне, роняя все, до чего дотрагивалась. После каждого звона разбившейся посуды, треска рассыпавшейся крупы или звона упавшей ложки, Ира прислушивалась, не разбудила ли девочек. Плюнув на завтрак, есть же бутерброды, вышла в огород. Но и тут не задалось. Набрала молоденьких перчиков, задумавшись, столько, что теперь только морозить.

— Доброе утро, кызымочка моя, — через забор стояла соседка с секатором в руках. — Тоже не спится?

— Да, Наиля-апа, плохо спала, доброе утро.

— Решад всю ночь кашлял, думала, вывернет его, глаз не сомкнула. Ушел сейчас на работу.

— Мы сегодня в Казань, вам что-нибудь купить?

— Да все есть, кызым, — женщина замялась. — Ирочка, вы с Решадам поговорили? Может, отговоришь его уезжать?

— Я попыталась, — тихо ответила она. — Он же упрямее осла! Мы опять поссорились.

— Ох, дети... — у матери опустились руки. — Ты не в курсе, погорельцы где? Вещи Люде собрала на первое время, правда, немного, размер у нас разный. Резеда вечером звонила, тоже собрала.

— Вчера Лешик сказал, что Людмилу увез к себе брат, а Евгения Егорыча в больницу определили. Ой, он же там совершенно один, никто к нему не придет. Может, что-то приготовить, — придумала Ира.

— Я вчера бульон сварила Решаду, давай и Егорычу термос налью. Если он, как Решад, дыму наглотался, твердое пока нельзя есть.

— А я сливочный кисель сделаю и бананы с медом перетру, — воскликнула девушка, и унеслась в дом, забыв попрощаться.

— ДжзакиЛлаху Хайран[1], девочка моя, — шепнула вслед Наиля.

— Доброе утро, Ириш, ты уже в кастрюльках носом? — на кухню вышла заспанная Ната. — Я попросить хотела, если тебе не трудно, что-нибудь для дяди Жени приготовить, раз он в больнице. Сходим, отнесем.

— Так этим и занимаюсь, Натусь! Мы с Наилей-апой уже договорились, — непрерывно помешивая булькающий кисель, Ира потянулась за специями. — Ванильки добавлю и готово.

— Спасибо огромное! Ой, а кто это босиком шлепает? — Ната подхватила дочь на руки, поцеловала в нос. — Сейчас к бабушке ходим в больницу, хорошо?

— Х-хорошо, мамуля! — Танюшка обняла мать за шею. — Д-д-доброе утро!

— Только сперва бежим умываться!

Улыбнувшись вслед гостям, Ира решительно разлила бархатный десерт в две банки. И бананы, что перетерла с медом, тоже.

— Что это? — Решад удивленно поднял глаза от бумаг на появившиеся перед ним в прозрачном пакете две банки и термос, снял наушники, из-за которых и не услышал стука в дверь.

В белом коротком сарафанчике, покачивая двумя кудрявыми хвостиками, у стола стояла лесная мавка, его проклятие, счастье его...

— Еда. Термос мама твоя передала, а это, — Ира замялась. — Тоже вкусно. Мы Наткиному свекру принесли домашних вкусняшек, я подумала, что вы с одинаковой проблемой, и тебе тоже не помешает.

— Мы так миримся? — попытался улыбнуться он, вставая с кресла.

— Еще чего! Ты сделал свой выбор, я сделала свой, — и, ответив на вовремя появившийся входящий вызов, мурлыкнула в телефон. — Да, Костик, да, любимый!

— Не понял, Ирка, — Лешка недоуменно ответил в трубку.

— Встретимся, конечно, дорогой! — продолжала Ирина жечь.

— Понял, опять над Ярканатом эксперименты ставишь, — вздохнул друг. — Доиграешься, голова бедовая. Натуся рядом с тобой?

— Нет, но скоро будет, — не посмотрев на хозяина кабинета, Ира прикрыла дверь со стороны коридора, и уже стала разговаривать нормально. — Мы сейчас Сабину заберем, в Казань с девочками уедем до вечера.

И вздрогнула от звука разбившейся с размаху об дверь ее баночки с десертом...

— А с самообладанием у твоего друга, Лешик, беда, — оглянулась она на дверь главврача, идя по коридору к палатам. — Пустырничка б ему попить.

— Да с тобой с корнями пустырник надо жрать, не заморачиваясь на помывку и нарезку! — заржал в ответ Леший. — Вечером увидимся.

[1] Да воздаст тебе Аллах благом! (араб. جزاك الله خيرًا)

(30 июля, понедельник, +23)

Паркуясь у здания аэропорта, глянул на часы. Надо же, в последнее время стал таким невнимательным, до прилета Назара еще полчаса.

Вчера, проходя мимо его дома, помахал Кате и Ире, что копались у дома, облагораживая сад. Катюха в ответ махнула, улыбаясь, а мавка лесная отвернулась, не желая видеть его.

Усмехнувшись, вспомнил, как утром зашла новенькая медсестра в кабинет, еще имени не запомнил. Что-то хотела спросить, совершенно несущественное, но, при этом и пуговики халата расстегнуты до ямочки меж грудей, и так и сяк наклонялась через стол, показывая прелести. Оценил, отправил выполнять непосредственные обязанности, поржал потом втихомолку. Ну, нафиг. Вечером в душе лучше представить ноги рыжей колдуньи на своих плечах, чем опять вляпываться в историю.

Наконец, зашевелились встречающие, плавно поползли к входу в аэропорт. Тоже пора. Назара увидел сразу, тот шел позади основной толпы, помогая себе тросточкой. Ну, чуть прихрамывает, еще не привыкнув к протезу, но это не бросается в глаза. Встретились, обнялись. И первый вопрос от Назара прозвучал ожидаемо:

— Как там моя Катерина, осваивается, или решила меня подождать, ты не в курсе? Что-то отмалчивается по телефону.

— Сам увидишь.

— Соскучился, не представляешь, как. Васяте купил две энциклопедии, я еще спросил, что привезти, может, робота какого, или лего, чем сейчас играют современные дети, ума не приложу. А он, знаешь, очочки так поправил и говорит: «Дядя Назар, мне бы энциклопедию изобретений и открытий», прикинь?

— Серьезный пацан.

— Что с голосом, татарва?

— Идем, по дороге расскажу.

После краткого пересказа недавних событий, всколыхнувших поселок, Решад попросил друга:

— Ты не против, если заедем в Леруа, как раз посмотрим, что тебе для ремонта необходимо. В комиссариат я не попадаю сегодня, послезавтра съезжу, в приемный день.

— Все-таки собрался уехать? — с тревогой в голосе спросил друг. — Я ж только работать начал.

— Успеем. Справишься.

— А Ирка?

— А что с ней? Она с Кашеем, — и резко дернул машину так, что пристегнутый ремнем безопасности пассажир едва не «поцеловался» с бардачком.

— Э, не дрова везешь! У меня еще дела на сегодня запланированы, возмутился друг. — Слушай, я хотел спросить...

— Вываливай.

— Ты, когда, ну, после госпиталя, с женщиной, шрамов своих не стеснялся?

— Так я в госпитале уже, чего там стесняться? — заржал друг. — Как шевелиться начал, так и пополз до ближайшего тела в юбке. А что?

— Как-то не знаю. Вдруг испугается, откажется от меня моя Катюха. Мысли в голову

лезут. Забавные и не очень.

— Тут я тебе не помощник, не знаю, как она отреагирует. Сам, хохол, свои шишки набивай.

— Цветы надо купить, конфеты вкусные, кольцо, мерку я снял, — резюмировал Назар, помялся немного и добавил. — И презервативы, наверное. Слушай, Ярканат, мне тут суммы аховые на карту упали, ты не в курсе, ху из Бахтияр Каренович А.? Я в банк звонил, сказали, что не ошибка. Фио знакомое.

— В курсе. Это руководитель небольшого фонда для поддержания штанов таких, как мы, мой командир, от меня и слышал, контуженный, — услышав дорогое имя, улыбнулся Решад. Деньги Салиха пригодились на добрые дела, он тут ни при чем. Даже не прикасался к тем толстым пачкам долларов, и командир распорядился ими по-своему.

— Каких?

— Косых, хромых, увечных, — уже в голос заржал друг. — Не парься, отчета не потребует, я его знаю.

— А Александр Хрен-пойми-что-за-отчество Г.?

— Ну, какое-то Г. Тут я не в курсе. Хотя, Александровна и Г. - соседка между нами, спроси на досуге, — вспомнив свою рыжую занозу, Решад нахмурился. — Они с Бахой, как оказалось, практически, родня. Мир тесен, на углу с кем-нибудь да столкнешься.

— Дела...

(1 августа, среда, +28)

— Алло, Ярканат, тут такое дело, — Лешка замялся, дыша в трубку.

— Вываливай. Я уже спать лег, правда, завтра в комиссариат назначено, сегодня съездил зря.

— Дай машину, — попросил тот. — Надо очень.

— Что случилось, не тяни коту яйца.

— Девчонки наши в «Трюме». Ужратые до состояния некондиции, местные уже начали приставать. Давай я съезжу, привезу дур.

— Одеваюсь. Вместе поедем. Если что — ты один от шпаны не отмашешься. Выходи на дорогу.

— Принял.

Быстро оделся, прикинул, вместо летней обуви надел тяжелые ботинки. Когда вышел из дома, Леший уже стоял у крыльца.

— Ты как узнал?

— Костян позвонил. Фарик Иру знает, там часто бывали с Кашеем. А этот поц в Казани, не успеет, хорошо еще, догадался мне позвонить. У меня столько бумаг по пожару навалилось, разгребал до упора. Домой пришел с работы, Танюшка спит, моя мама с ней, а Наты нет. Я еще и нагоняй от матери получил, что бедные девочки одни, вот мать и отпустила Натку развлечься. Твоя Ирка Натусю подбила на приключения.

— Понятно. И да, Ирина не моя.

— Ой, Ярканат, передо мной устань выебываться, а? — переживая за свою Натусю, Леша не выбирал выражений, рикошетом вымещая злость на друге за поведение его зазнобы. — Задолбали уже оба. Совет тебе, брат: запишись с ней в четырех стенах, ключ выкинь, и, пока не поговорите, не выпускай! Орите друг на друга, деритесь, трахнитесь уже, но поговорите!

— Ты в сланцах или ботинки надел? Если толпу месить, в сланцах неудобно, — перевел разговор друг.

— Берцы.

— Ок.

— У-у-у, девочки, да вы совсем угашенные! — Лешка подошел к столику, пока Решад рассчитывался с хозяином «Трюма». — Так, ребята, поднимаем задницы, валим подальше, а девочки едут домой.

— Ты чо, мент, не на своей земле, чтоб барагозить! — самый наглый из местных встал вровень с Лешкой. — Мы тебя уважаем, но тут другая тема, кто девах ужинает, тот их и танцует!

Решад подошел к столику, шпана притихла, узнав давнего оппонента. И что с ним спорить — выйдет дороже. Сам вежливо руки-ноги сломает, сам в гипс закатает с участливой улыбкой.

— Леший, я за девочек расплатился. Парни, без обид, но эти дамы с нами.

У молодых людей резко нашлись неотложные дела — утюг выключить дома, заплатить за водоснабжение, пожарить картошечки с салом, позвонить маме.

— Леша, я не думала, что ты умеешь вызывать дьявола! Долго пента... ик...грамму чертил? — демонстративно подняв бокал, Ирка посмотрела сквозь стекло на соседа, выпила до дна, налила еще.

— Вставай, поехали домой, алкашонок!

— Я. С тобой. Никуда. Не. Поеду. Лучше пешком, и заблужусь, чтоб тебя больше не видеть!

— Завтра расскажешь. В машину — марш!

— А ты чего раскомандовался? Указывай своим Регинам-Альбинам в леопердовых трусах. Жене своей несостоявшейся... Даже та от тебя сбежала! О, у тебя еще Лара есть! Крофт, блядь. Ненавижу тебя! Вот уедешь, кого они дружно облизывать будут? Как провожают парохо-о-оды, совсем не так, как член врача! Лети, Мышь, могу пнуть для ускорения! — решив не откладывать обещание в долгий ящик, попыталась пнуть из-под стола, бестолково замахиваясь ногой. — Уезжай!

— Ревность — плохой советчик, зайка.

— Никогда не называй меня так! Не смей! Оставь это гребаное животноводство для своих куриц! — попыталась встать девушка, пылая праведным гневом.

— Хорошо, матурым. Нифига тебя мотает! Тихо, не падать! — Решад легко поднял пьяненькую тушку, перебросил на плечо, засунул себе в карман ее телефон, и, не обращая внимания на удары кулачками по спине, понес к выходу.

— Фарик, доброй ночи.

— Сумочки, Решад Маратович!

— Вижу, забрал. Спасибо.

— О, ты тут по имени-отчеству? Много баб выгулял?

— Много. Полегчало? — у машины поставил на ноги страданицу, придерживая, чтоб не упала, встряхнул хорошенько за плечи. Как же иногда хочется стукнуть по кудрявой голове, чтоб мозги в ней на место встали! И одновременно прижать к себе, и никогда не отпускать...

— Вот они пусть тебя и ждут всем комсоставом! А я — не буду!

— Не верю. Ты как раз и будешь ждать.

Компания парней, стоящих поодаль зашевелилась, но Решад так зыркнул в их сторону, что самый отчаянный отступил назад, осознав угрозу, и зарекся даже приближаться к этой девушке на расстояние меньшее, чем три метра.

— Хрен тебе! И не трогай меня! Ненавижу-у-у... — Ирка пьяно икнула, вцепилась в дверь машины. — Меня вон, друг твой замуж позвал, пойду, и не оглянусь! Ты мне не нужен! Вообще, понятно? Ни в каком виде!

— Иди. Твое право, — наконец удалось запихнуть сопротивляющуюся тушку в салон, захлопнуть дверь.

— И пойду! Наташ, поехали танцевать! Надо было сразу в Казань, я тебе говорила. Подальше от... от него!

— Ната уже тебя не слышит, Ир, не ори, — одной рукой придерживая задремавшую Натку, другой рукой Леша терпеливо убирал пальцы Иры с замка двери. — Утомонись уже, подруга, в самом деле!

По дороге девушка притихла, следом за Натой задремала, откинув голову, и когда Форд подъехал к дому, даже посапывала. Леша выгрузил свою Наталью, попрощался.

Осторожно, чтобы не разбудить спутницу, Решад плавно съехал с дороги к ее дому, заглушил мотор. Посидел так немного, смотря на нее, слушая дыхание. И жизни не хватит разгадать эту загадку, имя которой на личном небе высветили звезды. Ира, Ирина, Ириска, над рассказами о детских проделках которой он смеялся и жалел ее родителей. Вот только его теперь некому жалеть.

Хоть головой об стену бейся — не выбить ее из памяти, не забыть... Хоть куда уезжай и прячься, от себя не уедешь никуда. Ничего не нужно без нее в этой жизни, и это страшно...

А он не нужен ей.

Вынес из машины на руках драгоценную ношу, а она вдруг обняла его за шею, прильнула, тихо вздыхая в плечо. Хорошо еще, двери не закрыла, когда уехали с Натой запивать свои горести, не пришлось искать ключи в ее сумке.

Пинком открыл дверь спальни, положил на середину кровати поверх покрывала, попытался разнять ее руки, но не получилось, намертво вцепилась, не отпустила. Тогда осторожно лег рядом на правую руку, согнув на весу ноги, чтоб не замарать постель. Вспомнил, выложил из кармана ее телефон рядом с подушкой, обнял, глядя по спине:

— Счастье мое...

— Ты вкусно пахнешь... — девушка заворочалась, устраиваясь в его руках.

— Что ж ты так накидалась, Ирка, родная?

— Перезагрузка! — воскликнула девушка, открыла пьяные глазки, и горько рассмеялась, заплакав одновременно.

— Горе мое, зачем мы мучаем друг друга?

— Я боюсь за тебя... Я так боюсь за тебя! — всхлипнула Ира, оставляя мокрые серые следы на его рубашке, отчаянно прижавшись к сильному мужскому телу. — Ты мне очень нужен! Ты мне снишься каждую ночь. И в первую ночь приснился ты. И сейчас.

— Нет, сейчас я — есть. Я — рядом. Я всегда рядом с тобой.

— Не уходи, пожалуйста, не уходи больше. Я такая пьяная!

— Не уйду. Хочешь, буду всю ночь читать тебе стихи и петь колыбельные?

— Мне никто не читал стихов...

— Я тоже еще никому не читал, кроме тебя тогда. Слушай. Спи.

— Я строю мысленно мосты,

Их измерения просты,

Я строю их из пустоты,

Чтобы идти туда, где ты.

Мостоми землю перекрыв,

Я так тебя и не нашел,

Открыл глаза, а там... обрыв,

Мой путь закончен, я — пришел[1].

Когда чуть разомкнулись ее руки, Решад потянулся, аккуратно снял с девушки туфли, скинул свои ботинки. Накинул на обоих пушистый плед, шикнул на кота. Слушая прерывистые вздохи после слез, гладил ее волосы, шептал слова любимых песен, запоминая счастливый момент, и не заметил, как сам задремал.

Часов в пять утра мужчина проснулся, прижал к себе спящую красавицу, поцеловал в висок, намереваясь продолжить, и нечаянно задел локтем ее телефон. На экране высветились несколько новых сообщений от абонента: «Мой любимый Костик».

Три гвоздя с размаху вместо старого дерева заколоченной калитки — «Мой любимый Костик».

Кувалдой в лоб — «МОЙ ЛЮБИМЫЙ КОСТИК»...

Решад тихо встал с кровати, размял затекшую правую руку, и, взяв свою обувь, выскользнул из чужого дома.

Телефон разрывался от натуги. Зачем вчера звук включила? И почему она дома? Хорошо еще — в одежде. А как невинно начиналось — заглянула к Нате чаю попить, погреться у чужого счастья... Телефончик обиженно примолк. Что там? От Кости три сообщения, надо же, беспокоится. Не забыть уже переименовать обратно.

Три звонка от Лешки ночью, это понятно. Два звонка от Наты сейчас — перезвонить можно попозже, посмеяться. Сообщения в ватсапе из чата родни, от мамы, от Женьки. И от ...Решада, утреннее: «Просыпайся, алкашенок. Если вспомнишь, что говорила мне этой ночью, позвони. Жду».

А что говорила? Последнее, что помнилось — какие-то парни подсели в баре, потом, вроде, Лешка появился, а потом, да... Решад! Откуда? И, все-таки, что она наговорила? Остались какие-то обрывки воспоминаний, ощущение счастья, щемящей нежности от его прикосновений и голоса.

Но, раз не помнит, значит — не было. Быстро набрала в ответ: «И ты сразу решил, что эти слова предназначались тебе? С — Самомнение!».

В реальной жизни чудовища не превращаются в прекрасных принцев, держа в лапах цветочек аленький, не обещают деве юной любви вечной на земле. Он решил развлечься напоследок, и уехать, впрочем, как и обещал — без обязательств.

Скатертью дорога.

Вот только ей что теперь делать с цветочком аленьким, со своей любовью? Каждый день с тоской смотреть на его дом, и если вернется — вежливо раскланиваться на улице, пряча глаза? Потом он женится на приличной татарочке, будут бегать дети, похожие на него. А она и уехать не сможет, воздуха без него не хватит ни в одном, даже самом райском местечке планеты, так и останется заполошной соседкой с сорока кошками...

Нужно время, и страсти успокоятся, теперь главное — воспоминания загнать в самый дальний угол, изредка, правда, можно вытаскивать на свет, любоваться, отряхнув от пыли. Некстати появившуюся любовь запинать еще глубже — пусть спит себе на самом дне души.

А противозачаточные таблетки, что купила недавно, выкинуть, закопать в кучу мусора под тыквой.

Теперь в душ, поработать в саду, переживая похмелье, вечером собраться, сложить в пакеты заказы и учесать от соседа подальше в Казань, пусть ненадолго, благо повод — мамин день рождения на носу. Сейчас первоочередное дело — позвонить Натке, договориться на счет Шлимана.

Ира включила плейлист, ткнув на команду «Перемешать все», и застыла, услышав "Би-2". Эти слова она слышала ночью сквозь сон тихим шепотом:

— Научи меня быть счастливым

В веренице долгих ночей,

Раствориться в твоей паутине,

И любить еще сильнее...[2]

На дисплее телефона высветился входящий вызов: «Решад». Через пару трелей Ирина все-таки коснулась дисплея.

«Отклонить».

А следом нажала команду — «заблокировать»...

Учись быть счастливым самостоятельно, когда вернешься, но в других постелях, Мышь летучая...

До квартиры отца Ира добралась поздним вечером, звонить не стала, ключи есть, ее комната свободна, чего напрягать по пустякам, даже если у отца очередная пассия.

Вот только лодочки на шпильках, валяющиеся в прихожей, и сумочка к ним были очень похожи на тот разноцветный комплект, что с Женькой ей выбрали вместе в последнем забеге по торговым центрам. Ира даже подняла правую туфлю, да, царапина на коже, из-за которой подруга поскандалила на кассе, получив скидку, на месте.

[1] «Мосты» — автор Валентин Иосифович Гафт.

[2] «Научи меня быть счастливым». - 2007, группа «Би-2», альбом «Молоко». Автор текста — Лева Би-2, композиторы — Лева Би-2 и Шура Би-2.

— Ирка! Ты чего здесь делаешь? — легка на помине, запахивая на ходу игривый халатик, испуганная подруга детства выскочила из отцовской спальни.

— Тот же вопрос, дорогая, — так, с чужой туфелькой в руке, в изумлении Ира сделала пару шагов, опомнилась, кинула обувь на место. — И давно вы так... развлекаетесь?

— С того дня, как ты уехала в свою деревню, — покаялась Женя.

— Что-то я уже не удивлена, — гостья устало опустилась на диван, скинула кеды. — А в лесу все чудесатее и чудесатее...

— Мы хотели тебе сказать, но не нашлось подходящего случая, — отец вышел из спальни следом, решительно прижал любимую к себе. Отвечать за поступки, так вместе. — Привет, дочь. Мы с Женей теперь вместе.

— Привет, папуль. Надеюсь, это все новости на сегодня?

— Вроде, да.

Ирина вспомнила все оговорки подружки, странности в поведении, и вдруг заливисто расхохоталась, глядя на взъерошенную парочку, ожидающую ее вердикта:

— Женька, ты теперь мне — мачеха, да?

— Получается! Ты не будешь визжать на ультразвуке и гонять меня ссаными тряпками?

— Ой, вспомнила! — Ира вытерла слезы, набежавшие от смеха. Так вот кто расправил подружке крылья! А что, красивая пара, и притираться, как с предыдущими пассиями отца, не надо.

— Девочки, ссоры с визгами не будет? Я зря за попкорном собрался?

— Пап, ты как всегда, в своем репертуаре. Слушайте, а я рада за вас! Только давайте все остальные новости завтра, если еще что интересное вспомните, я устала, как собачка, пока доехала, пока заказы развезла. Пойду в душ и спать. Мою ванную комнату завтра с утра не занимать, сексом в неподходящих местах, типа кухни, не заниматься. Пап, ты не забыл четвертое число?

— Забыть день рождения твоей матери? Я ж не самоубийца.

— Ладушки. Женюль, ты можешь на завтра взять отгул?

— Я в отпуске с понедельника, пока загружена по самые уши.

— Жаль.

— Но потом могу с тобой съездить в деревню, Даню как раз выгуляем на свежем воздухе, посплетничаем, в четверг отправляю их с мамой на юга.

— О, договорились! Все, спокойной ночи! Я очень вас люблю обоих, но действительно, устала...

(3 августа, пятница, +29)

В прошлый понедельник, когда друг подъехал к дому, Назар сперва подумал, что Решад ошибся адресом. Или улицей. Или привез не в тот поселок. Мрачный старый дом сиял до блеска отмытыми окнами, аккуратным новым забором с аркой над входом, чистыми дорожками и ярким, ухоженным палисадником.

Нет, вроде, на табличке его адрес.

— Чего застыл? — Решад осторожно подтолкнул обомлевшего друга к калитке. — Обживайся. С новосельем, брат!

Осторожно открыл дверь своим ключом, прошелся по комнатам. Никого. Внезапно услышал странный звук в коридоре у туалета, будто кто скребется. Дом старый, мыши оккупировали территорию давно, беззастенчиво подъедая все, что можно сожрать, и, скорее всего, какая-нибудь наглая крыса копошится сейчас в поисках съестного. Ступая аккуратно, Назар вышел на звук.

Деловито раскопав в лотке наполнитель, маленький серый котенок с важностью уселся сверху, не обращая внимания на человека. Мышь была, но лежала рядом, в качестве трофея храброго охотника.

— Васята его назвал Халком, — сзади неслышно подошла Катерина. — Правда, пока не отзывается. Это Славик принес такое чудо.

Не зная, как скрыть неловкость после разлуки, она говорила какую-то чушь, про котенка, новую мебель, как Фая, моя окно, шлепнулась вчера в тазик, вот хохоту было, и что у Наты нужно вечером забрать подшитые занавески.

А он стоял, опершись на трость, и не мог наглядеться на свою женщину. Волосы заплетены в косу, простой сарафанчик, но красивее ее, смущенной такой и мило

краснеющей, нет, и не будет.

И все бы было хорошо, но каждый вечер она исчезала из дома, выдумывая глупые предлоги. То маме нужно помочь с заготовками на зиму, то Васята не хочет засыпать без нее, а здесь детская еще не доделана, краской надышится ребенок. Она уходила, целуя на прощание, а он оставался один.

Маялся, выходил курить, засыпал на диване на кухне, не желая обновлять кровать в спальне. Утром уходил на работу, с тоской ждал вечера, когда раздастся осторожный стук в его кабинет, и войдет она. А потом вместе шли домой, ужинали, дурачась и целуясь, потихоньку доводили до ума старые стены, напевая негромко старые песни, будто в его любимом кино с Василем Лановым «Анна и Командор»...

Но дальше поцелуев не случалось моментов, и ночь опять была полна страхов и липких кошмаров.

Вот и сейчас, замочив грязные тряпки после уборки в кладовке, Катя потихоньку собралась к родителям:

— Вроде, все на сегодня, Назарушка, я пойду? Мои уехали в гости, надо Фая помочь ужин приготовить, — схватила сумку, отступила к двери. — Халка не забудь покормить.

— Кать. Что происходит? — Назар подошел к ней, перекрывая отступы к выходу. — Я не понимаю, зачем ты уходишь?

— Фая просила, ужин там, — бестолково начала оправдываться Катя.

— Серьезно? Что, луковицу без тебя не порежет? Морковку подержать некому? — потихоньку закипая, он не знал, как удержать ее.

Катя опустила глаза вместо ответа.

— Понятно. Иди, — горько усмехнулся мужчина, отвернулся. — Спасибо, что хотя бы отвращение скрываешь, когда видишь меня.

За спиной тихо шлепнула дверь, но через пару минут вновь потянуло сквозняком.

— Я телефон оставила, Назар, — пробираясь бочком к столу на кухне, сумкой нечаянно ударила его трость.

Поворачиваясь, неловко поставив протез так, что набалдашником треснул себе по здоровой ноге, прямо по сухожилию, от неожиданности потерял баланс, поехав на новом скользком ковре пяткой протеза, и упал, собирая спиной злополучный ковер складками.

— Миленький, Назарушка, прости, я нечаянно! — Катя шлепнулась на колени, пытаясь поднять мужчину за плечи. Слезы брызнули из ее глаз, пока она общипывала его со всех сторон. — Где болит, Назар, Тут? Тут, да?

И больно, и смешно, и вставать не хочется. Прижал ее к себе, перекатился так, что оказалась под ним, целуя, одним движением руки распустил ее волосы. Не обращая внимания на слабые возмущенные писк, призывающие к благоразумию, расстегнул пуговицы ее платья, рывком стянул с себя футболку. А ремень его джинсов она расстегнула сама.

— Катюшка моя, там презервативы... — на грани вспомнил он, чуть приподнимаясь, чтоб стянуть с любимой тоненькие трусики, последний оплот ее нерешимости.

— Да я таблетки уже пью! — простонала она, своим признанием разрешая все...

Кое-как разлепились, буквально плавая в поту, и оба одновременно прыснули смехом. Половую жизнь начали на полу! Хорошо еще, котенок не прибежал помогать, забился куда-то в угол от такого безобразия. Собрали в четыре руки одежду, шпильки из ее волос, поправили ковер. Быстро сполоснулись под тоненькой струйкой прохладной воды в еще

неисправном душе, улеглись на кровать.

— Спать хочешь, любимая? — Назар безумно хотел подремать, но боялся, вдруг опять убежит его сказка, когда разомкнутся руки.

— Очень! Назар... А я боялась так.

— Чего? Меня? — глаза слипались, но он понимал, что женщине после секса надо выговориться. — Я не кусаюсь, родная. Хотя...

— Ай! — взвизгнула Катя притворно, когда мужчина внезапно прикусил ее за большой палец, пока она гладила ладонью его щеку. — Тебя не боялась, как себя показать, честно. Ты у меня такой красивый, девчонки в школе уже прихорашивают, когда ты заходишь.

— Ну и дуры. — Назар усмехнулся. Надо же, он для нее красив. Ни разу его красивым не называли, когда здоровым был. А тут — красивый. — Я тебя одну вижу, в этом плане никогда не сомневайся, Катюшка, никогда.

— Хорошо, — вздохнула она, наполненная простым женским счастьем, засыпая.

(5 августа, воскресенье, +25)

Четыре дня соседский дом стоял темным, тихим, только днем приходила Наташа покормить кота и полить теплицы. Каждый вечер, возвращаясь с работы, Решад надеялся увидеть свет на террасе, услышать хрустальный смех, пусть даже адресованный другому, не зря же идут шепотки, что Костя все-таки соблазнил городскую выгодной партией, поэтому она и умчалась в Казань, готовится к свадьбе.

Вон, уже и Назар с Катюхой завтра собрались заявление подавать, счастливые ходят, обнимаются при каждом удобном случае. Лешка от своей Наты не отлипает, вчера зашел к ним без звонка, даже неловко получилось. Все кругом счастливы...

И соседка счастлива, наверняка.

Стоило представить их вдвоем с Кащеем, наедине, а теперь они точно вместе, как темная волна ревности поднималась изнутри, напрочь отключала разум, невыносимой пыткой разрывала душу, тревожа раны окровавленного зверя, навек поселившегося в темных глубинах. Он и не знал, что способен на такие эмоции, но с рыжей мавкой испытал, кажется, всю палитру чувств. И не перестанут раскачиваться и скрипеть эти эмоциональные качели, пока не признается, что любит эту сумасшедшую...

Сам видел в тот вечер, после пожара, как парочка ворковала около машины Костяна, и этот позер стоял перед ней на колене, плюс ее слова, что Кащей замуж позвал. А то, что она заблокировала его номер, ограничила доступ к страницам в сети, лишь подтверждало окончательную победу друга. И это многообещающее и игривое: «Мой любимый Костик».

Хотя бы в здравом смысле выбора ей не откажешь. У Кащея все впереди — карьера, в Казани он долго не задержится, Москва в перспективе, ее семья с радостью примет такого зятя. Равного.

Лишь бы счастлива была...

А что она говорила до этого возле горящего дома — лишь из жалости и на адреналине от пережитого страха, точно так же уговаривала Леонида Матвеича не умирать в магазине. Да и в спальне, даже в нетрезвом виде ни разу не назвала его имя, что это именно ему предназначены все признания, хорошо еще, аккуратно уточнил.

В ее жизни он — никто. Сосед по улице. Почему не сдох в шестнадцатом году...

(7 августа, вторник. +25)

Во вторник утром, перед поминками, мать попросила полить участок, начало августа выдалось жарким, и неизвестно еще, когда пойдет дождь. Уже подходя к кустам жимолости в углу сада, Решад задумался, и случайно направил поток воды из шланга в чужой огород.

— С-сука! — взвизгнули знакомым голосом соседские заросли ежевики. — Нахрена так делать, а?

Решад бросил шланг на землю, перемахнул через хлипкий забор, не веря своим ушам. Приехала! Хотя бы на пару минут увидеть, обнять, поцеловать, и пусть бьет, кусает, смеется над ним, он стерпит все...

А после можно заползти под крыльцо, тихо подвывая обессиленному зверю от ревности и боли чужого счастья. Отпустить. Он станет немым свидетелем этого счастья, что непременно будет разворачиваться на его глазах. Будут же с Кащеем приезжать на лето с красивыми рыжими детьми, вежливо здороваться через забор.

Его же жизнь, никому не нужная, исчезнет без следа...

На тропинке стояла мокрая с головы до ног Ира, и пыталась привести себя в порядок, но получалось плохо. Тонкий сарафанчик облепил фигурку, в резиновых калошках радостно хлюпало. Спелые ежевичины усыпали землю под ногами девушки, показывая траекторию полета ведра, брошенного от неожиданности в грядку с цветной капустой.

— Я случайно, честно, Ирка, извини, а?

— Да чтоб ты провалился, ей-Богу! Ты же хотел уехать, какого хрена лысого ты еще здесь?

— Никуда я не еду. Ты была права.

— Вот только не надо делать одолжений! Собрался — вали на все четыре стороны!

— А знаешь, погуляю на вашей с Кащеем свадьбе, и свалю, не сомневайся! Грех упускать такой повод нажраться.

— Чего-о-о? Ты совсем рехнулся? Какая свадьба?

— Ты не выходишь за Костяна замуж? Ты же сама говорила, нет?

— Да я за Леонида Матвеевича лучше пойду! — подобрал ведерко, Ира развернулась в сторону дома. — Одни идиоты кругом...

Решад так и остался стоять на тропинке, глупо улыбаясь счастливым новостям. Потом вспомнил о брошенном под кусты шланге, чертыхнулся под нос. И как он пробрался сюда через эти колючки?

— Хлеба-а-ать воды из-под копытца, это какой верблюд в тебя так плюнул? — удивилась Женька виду подруги.

— Есть тут один. Все тот же.

— Божечки-кошечки, однажды вы прибьете друг друга. Или залезете в одну постель, и там прибьете. Между вами, как ближе метра, воздух сгущается, шаровые молнии летают с убойным радиусом действия, подходить страшно. Бахтияр смеялся, что спички можно зажигать. Когда разговеешься, монашка?

— Ай, — махнула рукой Ирина, ушла к себе переодеться, вернулась на кухню. — Поржать хочешь? Меня уже замуж выдали за Костика, съездила, называется, на мамин день рождения. Интересно, что за рояль в кусты закатился, когда мы разговаривали после пожара? Кстати, все забываю переименовать Кащея в телефоне.

— А что, Костя тебе предложение делал? Да у вас в деревне Санта-Барбара какая-то.

— Делал. Вот только мои родственники его заинтересовали больше, чем я сама. Знаешь,

Жень, он же неплохой парень. О, нужно его познакомить с Ландышкой!

— Кстати, неплохой получится тандем. Она быстро сожмет в кулачке его яйца и кредитку. Он сейчас в Казани обретается?

— Да. Поеду в следующий раз, устроим встречу.

— Санта-Барбара...

— И кто бы говорил на счет Санта-Барбары, мачеха моя любимая.

— Долго будешь подкалывать?

— Всю жизнь!

— Я тебя тоже обожаю, падчерица. За подснежниками теперь можно тебя посылать.

Так что у вас с соседом?

— Я его люблю, Жень, больше жизни, только очередной в его списке «трахнуть и забыть» быть не хочу. Увидела сейчас, чуть на шею не бросилась, а ему фиолетово, опять начал орать на меня. Правда, я первая заорала, но это от неожиданности, честно. А он стоит и ржет в лицо. Ненавижу!

— Ты определись, любишь или ненавидишь. А три месяца назад, как только не крыла его, помню-помню эпитеты. И дятел со свистящей флягой, и животное похотливое, да?

— А что изменилось? Ничего!

— Ты влюблена, вот что изменилось.

— Вот только он — нет.

— Слушай, а где Даня с Танюшкой? — не дав подруге разреветься, спохватилась Женька. — Если дети притихли — не к добру!

— Вспомнила. Вон, братец мой младшенький в гостевой комнате третью обоику разрисовывает. А Танюшка Шлимана дрессирует лапу подавать, и с ее упорством к вечеру котяра поймет, что от него хотят, и таки даст. Не лапу, так лапой. А сейчас еще двух бесенят приведут.

— А ничего так получается, авангардненько, — заглянула Женя к детям. — У Данечки задатки художника, весь в мать!

— Ага. Все остальное от отца. Причем, моего. Когда ему расскажешь?

— Ирка, я боюсь, — Женя и не удивилась, услышав от подруги, что ее тайна раскрыта. — У нас и было один раз, помнишь, тогда, в твой день рождения, еще на старой вашей квартире, мы с тобой из клуба приехали, и Саша на голодный желудок коньяку хряпнул с нами за компанию. Тащили его до кровати, ржали, как две лошади на поле конопли. Ты к себе уползла, а я прилегла рядом с ним, ну и...

— Так, Жень, без подробностей, это, все-таки, мой отец! А я все удивлялась, почему Данька так на меня в детстве похож? Я ж грешила на твоего однокурсника, не помню, как его, белобрысого такого, за тобой бегал.

— Руслана? Боже упаси, Ира, да он целуется, как удав мыша заглатывает! Фу-фу-фу три раза!

— Женька! Ты не исправима! О, Марсель свой детский сад тащит, нашему юному Кандинскому на подмогу. Сейчас втрое быстрее комнату утряпают.

— Девчонки, привет! — Марс поставил на дорожку младшего сына, для профилактики погрозил пальцем старшему, который сразу убежал к другу Даньке. Ренатик с проворством обезьянки забрался на колени к тете Ире, хвастаться новой машинкой.

— Кстати, Ирк, а ты заметила, что Танюшка заикается меньше? — тихонько спросила

Женя, когда подружки вышли на террасу, уложив детей на послеобеденный отдых. — А ведь прошло еще всего ничего, как все случилось. Неделю как они к Лешке переехали?

— Да, уверенней стала девочка. Ната даже не собирается год ждать для приличия, к декабрю распишутся.

— О, свадьба! Обожаю свадьбы! Букетик поймать...

— А что, с папой не будете государство ставить в известность, что живете вместе?

— Ир, я боюсь сглазить даже это счастье, ты что...

— Я его давно таким счастливым не видела, Жень. С каким энтузиазмом мне показал как Дане комнату обустраивает, я даже удивилась. Они с мамулей порой забывали, что я вообще существую...

— Молодые были, сами еще дети. Не злись на них.

— Да не злюсь. Даже недавно посмеялась, рассказывала Решаду, как мамуля в поликлинике сказала, что у нее двое детей, а потом на меня посмотрела, поправилась: «А, да, трое!» Тогда, правда, было не смешно.

— Я два раза Даньку забывала в магазине, из садика забрать тоже, — покаялась подруга. — Я еще поборюсь с Элей за звание «Мать-ехидна».

— Кстати, она в курсе вашего с отцом романа. Сама сказала, похвалила вас, что решились. Я была удивлена.

— О как. Я так боялась ее реакции!

— Женьк, в следующем году они с дядей Витей двадцать пять лет отметят, о чем ты! Мама с отцом давно, кроме уважения, ничего не испытывают друг к другу.

(8 августа, среда, +19)

— Я тебе собрал ежевики, вместо той, рассыпанной, — привычно перешагнув ступени террасы, сопровождаемый Тенью, Решад нос к носу столкнулся со своей обоже. Потянулся к столику за ее спиной, поставил корзинку. — Не так много, правда.

Девушка сделала шаг в левую сторону, желая пройти мимо, но, незванный гость, не угадав ее маневр, шагнул в правую, преградив путь. Не смея взглянуть в глаза от неловкости момента, пытаюсь пропустить друг друга, опять сделали шаг, каждый со своей стороны, и снова очутились рядом.

Соскользнув пяткой с каблучка, Ира чуть пошатнулась не вовремя, рефлекторно уцепилась за рубашку соседа. Опомнилась, разжала ладонь, чуть погладила, расправляя заломы на ткани:

— Спасибо, не стоило. Это все?

— Нет, — мужчина справился с волнением от нечаянного прикосновения, неожиданно для себя произнес, понизив голос. — Я пришел сказать, что проиграл, Ириш. Я хочу заявить на тебя права, и дать тебе такое право. Взять на себя все обязательства перед тобой. Ты победила.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — посмотрела Ира прямо в глаза гостю. — Я на твою войну не приходила, и свою не начинала. Все это время ты воевал сам с собой.

— Ир, я же могу и без тебя жить. И с кем-то, наверное. Могу. Но не хочу. Это будет не жизнь. Но я хочу, чтобы ты была счастлива, пусть даже не со мной. Я... люблю тебя, — тихо произнес мужчина, впервые в жизни сказав женщине эти три слова, и твердо повторил: — Я тебя люблю, жаным.

Неловкая тишина повисла в воздухе, только капли дождя застучали по крыше.

Не так он представлял себе объяснение, в страшном сне не снилось ее молчание в ответ, опущенные в пол глаза. Да и зачем ей его любовь, солить или мариновать? Подобных признаний в ее жизни было столько, что чувства деревенского идиота в коллекцию не войдут, а сразу отправятся в мусорную корзину. Растерянный, он еще что-то ждал, с каждой секундой понимая, что чуда не случилось.

Наконец Ира вновь посмотрела на него:

— И что ты теперь будешь делать, Решад?

— Не знаю. Сейчас должен пожелать тебе счастья, развернуться и уйти, ты же не сказала в ответ: «Я — тоже»... Справлюсь как-нибудь. Должен, — голос вдруг сел окончательно. — Ты что творишь?

— Пуговицу на твоей рубашке расстегиваю, — Ира зацепила ногтем еще одну пуговку.

Боясь спугнуть момент, мужчина застыл истуканом, и только бешеный пульс зашумел в голове. От нее можно ждать что угодно, спрогнозировать ее действия невозможно, никакой логики и понятного объяснения ее решений нет!

Девушка справилась с упрямыми застежками, осторожно, чтобы не повредить повязку на его руке, потянула вниз рукава, положила ставшую ненужной рубашку на кресло.

Вздоха не хватило, будто вместе с рубашкой она и кожу с него сняла одним движением. Втянул в себя горячий воздух, сжал до боли кулаки, запоминая причудливые узоры, нарисованные девичьими ладонями, еще не смея наклонить голову навстречу ее губам.

Вдохнула, кончиками пальцев заскользив по плечам любимого, погладила рубец под левым соском, не спеша обвела ноготком татуировку на плече. Пробежалась губами по шраму на шее, и, привстав на цыпочки, поцеловала ямочку на щеке. Чуть повернув голову, замерла поцелуем в уголке его твердых губ.

— Ир... Не издевайся... — собрав остатки разума, осторожно ответил на легкие поцелуи, но все еще не верил в происходящее. — Я уже не остановлюсь.

— Я тоже...

Еще секунду Решад помедлил, боясь, что это очередная шутка, что расхохочется рыжая мавка в лицо и растает туманом в руках. Но нет, вот она, реальная, горячая, запрокинула голову, требуя поцелуя, тонкими пальцами неловко пытается расстегнуть пряжку ремня на его джинсах.

Сколько раз в мечтах он срывал нетерпеливой рукой ненужные одежды, и — вот, наяву, и до постели донести на руках, и грубо сжимать, и восторженно гладить желанную женщину, и дрожат пальцы, и губы заняты, не сказать главного, что было приготовлено для этой ночи.

Потом он будет нежен...

После...

Если выживет.

Ира только ахнула, проследив за полетом шелковой тряпки, бывшей минуту назад изысканным домашним платьем. И забыла о нем, когда мужчина потянул вниз полоску трусиков, целуя каждый сантиметр кожи, следуя за кружевами.

Не осталось сил сопротивляться очевидному: рассыпались все разумные доводы «против», «нет» перестало существовать. А приличия придуманы теми, кто никогда не любил...

Голова кружилась от запаха, угадывающегося в ложбинке ее груди — прогретые

солнцем ежевичные заросли — неповторимый, необычный запах удивительной красавицы, теперь принадлежащей ему. Еще будет время насладиться нежными, изысканными ласками, а сейчас только одна мысль билась в унисон бушующей крови — подмять под себя, войти, завладеть сладким телом, и не отпускать, насколько хватит сил.

И, вроде, целовал множество женщин, рано стал мужчиной, имел успех во многих постелях, как врач, знал химию тел, но, оказалось, что с любимой женщиной все иначе. Не нужно было подстраиваться, ждать, малейшее прикосновение отзывалось жаром под кожей, по позвоночнику, неожиданно бешеный ритм совпал, и дыхание стало единым.

И хриплые судорожные вздохи припухших от жадных поцелуев губ.

И резкий взлет немим криком сводящего с ума оргазма, и бесконечная невесомость после...

- Зачем ты бегала от меня так долго? — прямо в изящную раковину уха, в мокрые водоросли спутанных кудрей, оказавшихся близко к пересохшим губам, когда успокоилось дыхание. Приподнялся на локтях, чтобы видеть ее лицо.

— А кроссовки изнашивала, — и оба рассмеялись счастливо, посмотрев друг другу в глаза.

— Я выкину в речку твои кроссовки! — торжественно пообещал мужчина, чмокнув любимую в нос.

— Ага. А я — твои трусы! — блаженно зажмурившись, Ира подставляла лицо нежным поцелуям. Шевелиться было лень, думать — лень. Сладкая истома заставляла лишь глупо улыбаться после пережитых страстей. И не бревно она, не бревно! Просто мужчина «ее» вот этот, ошалевший, счастливый, о нем она грезилась с тринадцати лет. Ее настоящая любовь, ее любовник теперь, ее пазлик. — Если ты с меня слезешь, я найду что-нибудь попить. Умираю, пить хочу!

- Не перестаешь удивлять, жаным.

— А что я сказала?

— Девушки начинают в таких случаях молотить ерунду о великих чувствах. А ты — пить хочешь. И все.

— Подожди, я разминаюсь. Скоро тоже скажешь: «Закрой рот, пустота в черепушке отсвечивает».

— Нет. Ты — совершенство, Ирка. Ты лучше, чем в мечтах... Моя женщина.

— Еще увидишь это совершенство с утра, убежишь, не оглядываясь!

— Так я могу надеяться на продолжение этой ночи?

— Еще вечер не закончился, Решад!

— Но и я никуда не собираюсь. А гнать будешь — лягу, как собака, у крыльца, перешагивать устанешь.

— Пойдем на кухню? Я уже не только пить, но и есть захотела! Только в душ сбегает? — без стеснения Ира встала, потянулась, ойкнула, инстинктивно сжав ноги:

- Нам нужно держать у кровати бумажные полотенца. Упаковку, а лучше парочку.

— Нет слов, — рассмеялся беспечно, следом за любимой вставая с развороченной постели. — В душ?

— Так, есть драмики со сметаной, — вспоминая, чем богат холодильник, Ира остановилась через пару шагов к двери. — Женька с Даней не осилили перед отъездом. Будем на друг друга дышать белорусским духом. И эклеры остались!

— Ты для меня теперь — лучший десерт, любимая. В душ, бегом марш! — Решад провел указательным пальцем по ее позвоночнику, еще влажной коже, вызвав мурашки, что Ирка взвизгнула. Прижался сзади, положил ладони ей на живот, ткнулся губами в нежную шею. — Спинку потру...

— Но от эклера с шоколадом не откажешься же потом?

— Нет. С шоколадом? Я даже знаю, как его буду есть.

— Извращенец!

— Э, заметь, я ничего такого не сказал, ты сама додумала!

— Почему ты не уехал? — положив ноги ему на колени, Ира подцепила драмик, обмакнула в сметану, хотела было откусить, но Решад наклонился, и ухватил ртом с ее вилки весь румяный картофельный блинчик. — Так нечестно! Перед тобой целая тарелка!

— У тебя фкуснее, — с набитым ртом оправдался взрослый мальчишка.

— Хитрый какой. Так что?

— Сам не понял. Вроде, документы были в порядке, и отказ, — вот только Решад не стал говорить, как наорал на него грозный полковник, обозвал дезертиром и слюнтяем, и что, по мнению старого служаки, побег — не выход. Ровно эти слова кричала ему в лицо рыжая мавка на пирсе, и это было последнее, о чем он умолчал в жизни. Она была права, а самое страшное оружие в руках женщины — оказаться правой. Нет уж, пусть лучше драники ест.

Опустели тарелки, бокалы, и снова слов не стало в мире. Желание заниматься любовью с этой девочкой не пропадало, а лишь усиливалось, разом от раза становясь острее, и на диване в гостиной, и под утро, опять в постели. Единственный способ не умереть от счастья — бегство. Но некуда бежать из плена сбывшихся желаний, да и зачем? Эту женщину он будет любить всю жизнь, днем заботясь, как о маленькой девочке, а ночью — по-взрослому, до дрожащих ног и сладких стонов.

Остаток ночи выпил силы, и едва забрезживший рассвет не принес облегчения. Решад боялся заснуть, выпустить ее из своих рук. Только тогда, когда Ира, совершенно обессиленная, задремала, уютно устроившись на его плече, подтянул под голову вторую подушку и позволил себе закрыть глаза. И вырубился, заснул, не видя снов из прошлого.

Двадцать шесть сообщений за два часа! Где-то мусоропровод прорвало, не иначе. Утром, в полудреме, она слышала, как собирался тихонько, но не было сил открыть глаза, встать с развороченной постели, проводить его на работу. В том, что он не сбегал по-тихому, а именно уходил на работу, она не сомневалась.

Повернулась лениво на бок, читая его признания:

«О, ты разблокировала мой номер!»

«Доброе утро, любимая!»

«Я счастлив, очень».

«Скорее бы вечер, и к тебе, Ир. Трогать тебя, лапать невозбранно, смотреть на тебя, ты не согласишься, я уже скучаю. Что ты со мной сотворила... Мавка моя лесная».

И все остальное, в таком же духе.

Пока перелистывала сообщения, пришло еще несколько. Ого, а на часах начало двенадцатого часа дня! Действительно — засоня, хотя, не мудрено, после такой бурной ночи.

Ира повернулась опять на спину, вытянула вверх ноги, покрутила ступнями. Бросило в жар, когда вспомнила, что он вытворял с ее телом, да и она не отставала, потеряв способность трезво мыслить. Внутри немного ныли мышцы, но эта боль была сладкой, требовала повторения. Теперь она понимала, почему люди так любят секс...

А сообщений становилось все больше, тон их постепенно менялся, становясь тревожным.

«Ты еще спишь, счастье мое?»

«Ир, я с утра в район должен был ехать, поэтому ушел рано».

«Ира-а-а!»

«Сколько можно спать?»

«Или ты не хочешь со мной разговаривать?»

«Что-то не так?»

«Ирка, ответь, а?»

«Сижу на совещании, а мысли о тебе. Втык получил».

«Ответь, пожалуйста!»

«Я тебя обидел?»

Наконец, написала, пожалев нервы страдальца: «Доброе утро!» ответ пришел тут же: «Ничего себе, ты только проснулась?»

«Сосед не давал до утра уснуть».

«Почему не выгнала?» И смайлик-дразнилка, с высунутым языком.

«А надо было?»

«Нет! Никогда больше не выгонишь!»

И даже дурацкая переписка возбуждала так, что тело выгнулось в истоме. Ира представила, как сидит здоровый мужчина за массивным столом, пытается сделать серьезное выражение лица, внимая разглагольствованию начальства, а под папкой с отчетами давит буквы телефона, набирая сообщения. Вот дуралей!

«Ир, я вечером к тебе».

«Приходи. Не придешь — сама к тебе пойду».

«Скажи хоть здесь. Напиши».

«Что?»

«Знаешь».

«Так, Решад Маратович, у меня огурцы не политы, сорок розовых кустов не посажено, горох с чечевицей не перебраны, селедка с молоком не сожрана, и не познано самое себя, а ты мне еще загадки загадываешь. Работай, негра, солнце еще высоко!»

«Не дождусь ответа?»

«Решад! Сделай умное выражение лица и сиди на своем совещании!» — отправила последнее, потянулась, и встала на теплый пол, в квадрат светлого пятна августовского солнца. В душ, позавтракать, сбегать в магазин. И нагрузить себя делами, чтоб не сойти с ума до вечера.

— Алло, Ир, Леший спрашивает про «посидеть» вечером завтра тесной компанией, у нас с тобой какие планы? — только выйдя из кабинета начальства, позвонил, придерживая телефон щекой к плечу, на ходу пытаясь застегнуть заевшую молнию на папке с документами.

— У нас с тобой есть планы? — раздался смешливый голос любимой.

— Ну-у, Ирка, у меня на тебя теперь исключительно один план.

— Дорвался?

— Да, жаным.

— Вот и разбавим. Ты когда домой?

— Скоро уже. Что привезти?

— Ой, заедь, пожалуйста, к дяде Ренату, он тебе пакет с мясом отдаст, я уже оплатила, — вовремя вспомнила Ира.

— Хорошо, жаным. Сам к нему собирался. Я по мелочи, шоколад твой любимый, того вина, которое вы любите с девчонками лакать, возьму сейчас.

— О, спасибо, а то у нас одна бутылка осталась.

— Алкашки!

— А чего стесняться? Решад, сразу быт начался, да?

— С тобой на любой быт согласен, честно. Все по-взрослому, теперь вместе, Ирк?

— В каком?

— Женщина моя, не зли меня!

— Ты сам просил — без обязательств, я выполняю твои требования.

— Ошибался, любимая. Я же сказал — все принимаю, и права, и обязанности, и обязательства.

— Посмотри направо.

— Что?

— Там мамонт сдох. И разлагается!

— Приехали шуточки за сто. Я ведь посмотрел!

— Я не сомневалась!

— Дошутишься, жаным. Все, в магазин, потом вырulingваю на дорогу, время подлета — тридцать минут. Заеду на работу, постараюсь не задерживаться, и к тебе, родная. Целую, — и все эти милые благоглупости, которыми обмениваются влюбленные, оказывается, так приятно говорить, закрывая телефон от лишних ушей. — Люблю тебя. Я уже соскучился.

— До встречи, — а «люблю» Ира прошептала, когда нажала кнопку отбоя, стоя на крыльце магазина.

Решад улыбнулся, и вновь ощутил тот щенячий восторг, который захлестнул его с утра, когда, одеваясь, смотрел на растерзанную постель и гибкое тело сонной мавки, снизошедшей до земных страстей.

И даже от воспоминания недовольной новыми запахами морды Шлимана, что утапывал одеяло под рукой спящей хозяйки, захотел рассмеяться в голос от счастья. И как заботливо укрыл любимую одеялом, поцеловал в теплые, мягкие губы, когда она повернулась к нему, потянулась, улыбаясь во сне.

Не приснилось, как обычно, а сбылось в реальности. Было. И будет еще.

Оглянулся, заметил Лару, внимательно слушающую его разговор. Женщина усмехнулась, понимая, с кем сейчас мурлыкал в телефон бывший любовник, отвернулась, намереваясь уйти.

— Лар, стой!

— Привет. Извини, мне некогда, Решад Маратович, — сохраняя остатки самообладания, Лариса улыбнулась вежливо.

— Спасибо тебе, Лар, — искренне поблагодарил он.

— За что?

— Сама знаешь.

— Ерунда, не стоит, — чуть коснулась закатанного по привычке рукава его рубашки, поправляя. Помедлила, но спросила. — Ты счастлив?

— Да. Очень, — врать не было смысла.

— Значит, Костик обломался? — вдруг хихикнула Лариса, как школьница. — А гонору было!

— Получается. Лара, прости меня, если что.

— Ого, ты становишься человеком! — и, уже развернувшись, добавила, подпустив шпильку. — Надолго ли?

— Ой, привет, Ирка! — Наташа выскочила на крыльцо навстречу подруге. — Слушай, у вас что, все было?

— Так видно? — счастливая улыбка и зардевшиеся щеки были красноречивее ответа.

— Да вы с Решадам, как два кота, стащившие ведро сметаны! Он утром за сигаретами залетал с такой же блаженной рожей — обнять и плакать. Никогда его таким не видела.

— Завтра у кого будем посиделки устраивать? — сменила тему Ира. Можно у нас.

— Ого, уже у «вас»? Все настолько серьезно?

— Наташ, я оговорилась.

— У тебя мангала нет. А у нас — есть.

— У «нас»? — рассмеялась Ира, заставив покраснеть подругу. — Сейчас Решад мясо привезет. Сколько нас собирается?

— Леша раков обещал, но и шашлыки в твоём фирменном маринаде лишними не будут. Десять человек, если Светик с Артуром придут, и Назар от Катюшки отлипнет ненадолго.

— Хорошо, побольше замариную.

— Ой, вон твой едет, легок на помине, — Ната кивнула в сторону дороги в окне, где только что в сторону больницы промчался чёрный Форд.

— Натусь, батон, пожалуйста, дай, и я побегу, хорошо?

— Беги уже, а то глазами мне окно подождёшь, — отправила подругу на выход Натка, чтоб побыстрее схватить телефон, обсудить с Азелей новость дня.

Припарковав машину между больничным забором и зданием администрации, чтоб не разворачиваться, а занести документы на работу и сбежать домой, Решад заметил, как из магазина выскочила Ирка. Не обращая внимания на бабулек на лавке, на прохожих, рванул к ней, оставив дверь открытой. Если раньше, с другими, ограничивал «телячьи нежности» прилюдно, то теперь не стеснялся никого.

— Привет, давай я пакеты заберу сразу, как раз из магазина иду, — предложила Ира, не доходя до него пару шагов.

— Во-первых, иди сюда, поцелую.

— Решад, люди же смотрят.

— И что тебя смущает? — мужчина не дал ответить, прижал к себе, жадно поцеловал любимую.

— Уже ничего... Ещё разик меня поцелуй?

— Дорвалась?

— Ах ты! — шутливо стукнула кулачком в грудь, но сама потянулась снова к его губам.

— Так, — оторвавшись от лучшего занятия на планете, со вздохом влюбленный

вспомнил про земные дела. — Сейчас довезу тебя и покупки, и маме взял у Рената мяса, Тени целый мешок обрезки. К тебе заходить не стану. Боюсь, сорвусь.

— У-у-у, как у тебя крышу разметало.

— Давно. Как к тебе в машину сел.

— Ну, тогда поезжай один, там с террасы открыто. Я пока к Марии Альбертовне зайду.

Оставшись без любимой подружки, Фирюза, казалось, побледнела, поскучнела, но, свято место пусто не бывает, и вот уже Змей Горыныч поселка, обновленным составом следил за нравственностью и порядком:

— Ты смотри, городская уже вокруг главврача хвостом метет!

— Так она ж за Костика замуж пошла, — удивилась Мадина, разглядывая откровенно целующуюся парочку.

— Какого Костика? Это Николая Степаныча сынка? — изредка присаживающаяся на лавочку мать Коляна все чаще выходила отдохнуть от домашних дел и посплетничать. С тех пор, как нелепо погиб дружок сына, Колька все реже и реже выпивал, стал помогать старикам в огороде, обещал устроиться на работу.

— Его, его, ты ж смотри, как присосалась!

— Это когда они женились?

— Так Костик в тот день, когда Санька сгорел, приезжал за ней, я слышала, как он сам говорил, что замуж позвал эту вертихвостку, — Фирюза понизила голос, вдруг главврач услышит.

— Так не женились еще, времени-то мало прошло. Или сейчас сразу женят?

— А Решадка наш тоже хорош, другу рога наставляет, и не стесняется! — охнула Мадина, но осеклась, увидев, что рыжая оторвалась от своего кавалера и направилась к ним.

— Здра-а-авствуй, Ирочка, деточка, ты все хорошеешь!

— Добрый день, а Мария Альбертовна у себя, не видели?

— У себя, у себя, проходи, красавица! — спрятав жала, закивали кумушки.

Но, как только за девушкой закрылась дверь, выпустили яд:

— Пошла жопой вилять, ни стыда, ни совести!

Часам к шести вечера Ира повалилась в горячей ванне, дважды переоделась, выбирая наряд, переставила тарелки, протерла вилки. В семь села на ступени террасы с бокалом вина, но нервно вертела его за ножку, так и не выпив. Наконец, от калитки послышались торопливые шаги, раньше хозяина из кустов выпрыгнула Тень, привычно ткнулась мордой в приветствии и улеглась на теплые доски рядом с котом.

— Ужинать будем?

— Потом, все потом. — Решад подал девушке руку, рывком поднял, припал к губам. — Чуть не сдох без тебя... Как мальчишка.

— Остынет же! — а сама уже обвила лозой рук его шею, пальцами поглаживая затылок, прижалась крепко.

Как же странно уменьшается расстояние до постели, когда вдвоем, обнимаясь и целуясь на ходу, моментально сброшена одежда, которую так тщательно выбирали оба, и свет ночника причудливо оттеняет древний танец тел под музыку нежных бессвязных признаний и стонов восторга, поделенных на двоих.

И впервые не хочется покидать постель сразу после страстей, выпускать из объятий

свою женщину. Только лениво лежать, обнимать, гладить ее, трогать, где лягут ладони, счастливо улыбаться, с удовольствием отвечая на ее спонтанные вопросы.

— Решад, а когда у тебя день рождения?

— Двадцатого ноября.

— Хорошо...

— Я давно не отмечаю.

— В этом году будем праздновать.

— Что, с подарками и свечками на торте?

— И шариками под потолок! Тебе утром во сколько на работу?

— До понедельника я весь твой, взял отгул, жаным. Накопилось, и еще много осталось, пусть Назар поработает, ему полезно. Чуть позже, может, на следующей неделе, на дня три уедем к Бабаю. И свидание, все в силе.

— А эти выходные что делать будем?

— Есть, спать, заниматься любовью. Завтра у Лехи с Натой посидим. А так из твоей постели вылезать не собирался.

— Будем изображать пассатижи, как говорит наша Богиня.

— Это как?

— Перекусим, и снова валяемся.

— Понял. Именно.

— Счастье...

— Я тебя сейчас спрошу, только давай серьезно, Ириш?

— Спрашивай.

— Мы не использовали презервативы, вчера я не был готов к... такой бурной ночи, а сегодня взял с собой, но забыл, как тебя увидел, моя вина. Если мы дальше будем их игнорировать, то появится ребенок. Без «да» или «нет». Забеременеешь — рожаем.

— Ты тоже? — невинно поинтересовалась она.

— Ирка, отшлепаю! — рассмеялся мужчина, лег на бок, к ней лицом, продолжил свою мысль. — Знаешь, я вчера сам удивился, насколько спокойно подумал об этом, видимо, прости, но недавняя история сказала. Самое смешное, когда Баха рассказывал нам о твоих детских проделках, парни ржали, а я с ужасом представлял, как краснеют родители «чуда», тогда и определился, что меньше всего хочу в своей жизни быть отцом, не допускал ни малейшей возможности. Будто ты меня для себя придержала. Сейчас согласен на появление своего ребенка именно с тобой. Только с тобой, Ир. Рыжий бесенок Ириска... Вселенная иногда любит смеяться над нашими планами, да?

— Дети? Ну, нет, я еще так молода, какие дети? Это уже серьезные обязательства, не хочу.

— Ты сейчас, надеюсь, шутишь.

— Нет, Решад. Семья, дети — не наш с тобой вариант. Пока нам хорошо вдвоем, давай не будем забегать вперед.

Именно эти слова он говорил не раз в своей жизни другим женщинам, погашая огонек в глазах, и не задумывался, как эти женщины потом, после него, возвращали тот нежный свет...

— Зачем тогда ты со мной? — отстранился, убрал руки, потрясенный ее ответом. — Зачем вчера разрешила?

— Осень на носу, сосед, а кровать такая огромная! Подумала, что вдвоем будет теплей спать холодными ночами. Не прогадала, ты, как печка, горячий, а у меня пятки мерзлявые. И нос.

— И это единственная причина?

— Других пока нет.

И что теперь делать? Встать и уйти, потерять ее, так не получится быть с другой, зачем ему другие женщины после рыжего счастья. Остаться и доказать, что он достоин ее — это трудно, практически невозможно, если она думает так. Остается маленький шанс, что это — женская хитрость, правда, не понятно, что именно кроется за ней.

Но не играет она в женские игры, вот в чем загвоздка, всегда говорит, что думает. Или нет?

Запутавшись в собственных умозаключениях, встал с постели, натянул трусы, джинсы, и, не глядя на девушку, ушел на террасу, надеясь, что она выйдет за ним. Верная Тень вскочила, но поняв, что хозяин домой не собирается, легла обратно.

Выкурил сигарету, но в доме было тихо, не подошла, не обняла, не сказала, что пошутила. Что и семья в планах, и дети, и что там еще идет общим пакетом. И почему он решил, что его план на будущее рядом с этой женщиной совпадает с ее планами на дальнейшую жизнь сразу после секса?

Посмеиваясь в подушку, Ира решила посчитать до пяти, и, если не вернется ее Ярканат обратно под одеяло, нужно посчитать до десяти. А потом — до двадцати. Он все равно вернется.

На цифре «девять» в проеме двери появился мужчина.

— Если ты так решила, то давай определимся, как предохраняемся.

— Таблетки, доктор, раз ты такой забывчивый, — хитро подмигнув, Ира встала с кровати. — Купила пару недель назад, с Катей ездили в город, пока на два месяца, до конца сентября. Потом решу, продолжить это сумасшествие, или оставить шикарным воспоминанием.

Не стесняясь наготы, оказавшись рядом с любимым, повела пальчиком по молнии на его джинсах. Не отказала себе в удовольствии лишний раз поцеловать, куда пришлось, по кошачьи лизнула кожу у ключицы, на миг прижавшись. Подхватила с пола халатик и добавила, уходя в душ:

— С понедельника начала упаковку, как прошли критические дни. Так что мы можем и дальше кровать доламывать, не беспокоясь о памперсах.

Что-то не состыковывается. Таблетки купила. Начала пить?

— Решад, я такая голодная! Мы будем ужинать? — завязывая пояс халата, Ира продефилировала мимо на кухню.

— Стоять, жаным. Ты купила таблетки две недели назад? Сегодня четверг, а ты начала упаковку... в понедельник??

— Пф-ф, мужчины! Не вы решаете, когда у вас будет секс!

— Ачешуеть... Вот что с тобой делать? — рассмеялся он, усаживаясь за стол.

— Любить, — объявила между делом, поцеловала мужчину в щеку, вновь отвернулась к плите, улыбаясь.

— Ты даже не представляешь, как я тебя люблю. Уже тогда, в машине, как увидел тебя, по уши втрескался. И чушь понес, как малолетка, — оба рассмеялись воспоминаниям. — Сам не понимал, что со мной творилось.

— О, да! Я так обрадовалась твоему предложению, что перцовых баллончиков купила сразу несколько штук, и вспомнила, где лежит охотничий билет!

— Ирка, ты, все-таки, иногда жалеешь меня, а? — жалобно попросил влюбленный. — Я с тобой многое впервые ощущаю и делаю. Нагибай потихоньку, женщина.

— Зачем?

— На шею залезть и пятками пришпоривать.

— Я лучше рядом пойду. Так удобней держаться за твою руку.

— Эх, а я уже хотел шею предоставить. С радостью и добровольно.

— На руках меня таскать надоело?

— Никогда не надоест.

(13 августа, понедельник, +27)

Август — время сбора урожая, когда любой перекус плавно превращается в роскошное застолье, время дней, напоенных светом и теплом уходящего щедрого лета, грозовых черных ночей и самых сумасшедших романов.

В августе особенно хочется проснуться под неспешный шум дождя где-нибудь далеко от светлого города, в старом доме, напоенным утренним запахом кабачковых оладий, отдувающихся под полотенцем после жаркой сковороды, яблок, рассыпанных на столе веранды, меж пучков мяты и собранными вчера в первую попавшуюся посудину поздними ягодами. И, вроде, зимой можно купить в магазинах все, что угодно душе, но в августе неудержимо тянет рассовать по разнокалиберным банкам перчики-помидорки, уварить крепкий маринад, и, обжигаясь, закатать горячие крышки, притереть крепко, укутать стареньким полотенцем стройные ряды разноцветных солений и компотов.

В августе зов предков не дает разнежиться в теплой кровати в единственный выходной, гонит достать с верхней полки кладовки крепкие резиновые сапоги, завернуть с собой пару мятых бутербродов, и побродить на тихой охоте в ближайшем лесу с корзиной или ведром, наполняя легкие прозрачным, особенным воздухом.

И мысли перестают бежать, отбрасывая ненужное, мелкое, как шелуху, и понимаешь, что жизнь твоя идет здесь и сейчас, а не «потом», только чуть нужно потерпеть, ужаться, и потом придет счастье. Нет, счастье — вот оно, сейчас, в маленьких мелочах каждого дня. Душа сонная вдруг встрепыхнется, вспомнит детские мечты, что были отложены, а после забыты...

Весь маленький поселок, казалось, был напоен умиротворением, старшее поколение, замечая новые ниточки, накрепко увязывающие пары, не хмурились, по обычаю, если вдруг замечали явные знаки внимания, целующихся влюбленных, только вздыхали, вспоминая свою молодость.

И «камеры слежения» дружно вынесли вердикт — главврач сошел с ума, заместитель новый не отстал в дурости любви от своего начальства, а про участкового и говорить нечего, скоро опорный пункт в магазин перенесет.

Было прекрасно все, если б раз сказала заветное: «люблю», но нет. За прошедшие выходные сам сказал, наверное, тысячу раз, а в ответ получал улыбку и поцелуй, и все на этом. В пятницу, когда зашли на участок к Лешке, крепко держась за руки, получили бурю аплодисментов, но на вопрос: «Вы теперь вместе?», он твердо ответил: «Да», а она прибавила — «Ну, пока — да».

Решад терялся, не понимал, что происходит. Нет, в постели было все идеально, с восторгом и удивлением неопита она принимала любую его ласку, отдаваясь без притворства, он это чувствовал, и каждый раз ему было мало.

В субботу, после ужина, расположился с ноутбуком на коленях, закинув ноги на пуфик, но не взглянул в рабочие файлы, любясь ее плавными движениями, пока Ира перемывала посуду. Попытался помочь, но был с позором выгнан из ее епархии — кухни, на диван, отдыхать. И не было человека счастливее его, когда она ткнула ему в бок подушку, прилегла с книгой, вытянув бесконечно длинные ноги. Казалось, что вот так просто они провели уже

целую жизнь вместе, насколько легко было вдвоем, без всякой притирки, разбросанных вещей и раздражения из-за незакрытого тюбика зубной пасты. Шлиман с Тенью валялись на полу, довершая картину вечера.

Но, только завел осторожный разговор о чувствах, идиллия разрушилась, у Иры тут же нашлись дела в ванной комнате, оказалось, что перебрать полотенца и расставить флакончики по ранжиру важнее, чем признания в любви. А, с другой стороны — вот его зубная щетка, и футболка его, в которой помогал Назару красить веранду, небрежно брошена ее рукой в корзину с грязным бельем.

Вчера вечером сказал ей, что не придет этой ночью, имея в виду, что впереди сутки дежурства, Ира улыбнулась легко и кивнула, не дав объяснить. В обед улучил минутку, сбегал к ней, а дом закрыт. Позвонил — не стала долго разговаривать, чтоб не отвлекаться на дороге, предложила забрать второй комплект ключей у Леша, но предупредить, что уехала в город, не удосужилась заранее. Обещала, что наберет, как придет, уже вечер, а звонка до сих пор нет.

Но, он же может теперь звонить ей в любое время? Хотя бы для того, чтоб узнать, как доехала, когда планирует вернуться обратно.

Сидел, как на иголках в кабинете терапевта, с тоской поглядывая на часы, вертел телефон в руках, рассеянно слушая жалобы Фирюзы-апы на одышку и опухшие ноги у младшего внука, кивал невпопад. Вдруг экран высветился новым сообщением, фотографией, от которой свело скулы и бросило в жар. Пока открывал ватсап, фотография исчезла, стертая торопливой рукой, и появилось: «Ой, не тебе!»

— Решад, так что посоветуешь, а? — монотонный бубнеж пожилой женщины отвлек, мешал. Внук ее сидел на кушетке с безучастным видом, уставившись в телефон, мечтая поскорее оказаться дома.

— Мучного и сладкого в него пичкать меньше, Фирюза-апа! — гаркнул он на опешившую бабушку так, что вздрогнули оба. — Парню двенадцать, а он к центнеру приближается с космической скоростью! Спортом заниматься, а не за компьютером сидеть, чипсы жрать и колой захлебываться!

Выскочил из кабинета, ткнул в вызов заветного номера.

— Орать будешь? — без приветствия спросила Ирка, рассмеявшись беспечно.

— Буду! Что происходит? И что за: «Ой, не тебе?» Кому ты такие фотографии отправляешь? Что за... — Решад задохнулся от возмущения. — Я думал, что имею право знать, что происходит в твоей жизни! Это... Это ни в какие ворота не лезет!

— Что именно тебя возмутило, а? Фотка или то, что она не для твоих глаз?

— Все вместе! Я требую объяснений!

— Это просто фотосессия для странички в инсте. Знакомая девочка попросила показать ее товар, эм-м-м, лицом.

— Это безобразие еще и не в одном экземпляре?

— Решад, ты давно стал пуританином? После того, что ты вытворял со мной... — Ира понизила голос, подпустив стальные нотки. — Я думала, тебя ничем не удивить. И, мы же выяснили, что, кроме постели, нас ничего не должно волновать. У тебя проблемы?

— Да. У меня есть одна проблема. Рыжая, кудрявая проблема, — он вдруг сменил тон, жалобно протянув. — Я до утра на работе, а ты присылаешь такое... И как я теперь усну?

— А ты не спи на рабочем месте!

— Ир... Пришли, пожалуйста, фотографии. Все.

— О как. Как закончим снимать, отправлю.

— Когда приедешь, любимая? — смиряясь с участью, вспомнил об оставленной в кабинете бабусе и ее любимом внуке, устыдился своей горячности. — Я соскучился...

— Решад, мы только утром расстались! — улыбаясь его нетерпению, тихо ответила Ира. — Ты все равно на работе, приеду завтра. Наверное.

— Пожалуйста, приезжай скорее, родная моя, я без тебя на людей ору, меня не жалеешь, их пожалей.

— Персен тебе в помощь. И бочка брома! — хихикнула рыжая язва.

— Спорим, мне названивать станет? — Женька лениво потянулась, выпутываясь из кожаной портупей. — Бедный Решадик, зачем ты с ним так жестоко. Пожалуй, вот эту куплю у Полинки, как корсет, хорошо спину держит.

— Понимаешь, Жень, он ни слова не сказал про верность. А без этого все его рулады о великой любви не стоят ни гроша. И чего взбеленился, это просто прикольные аксессуары, не более, — пожала плечами Ира, расстегивая на талии бесконечный ряд ремешков. — Не понимаю я прелесть этих игрищ, пока разберешься, что во что надеть, все влечение упадет.

— Некоторым нравится, — за ширму заглянула Полина, обеспокоенная слишком долгой возней девушек с одной портупеей. Сегодня удачно поймала бывшую однокурсницу в городе, упростила побыть моделью для ее необычного хобби. С фигурой Ирки Гербель страница в инсте взлетит по просмотрам и продажам, в этом Полина не сомневалась. Обидно, что ее подружка твердо отказалась от фотосессии, нашла тоже причину для отказа, что почти замужем. Почти не считается.

— Сколько еще осталось, Полин? — Ира покорно вертелась в опытных руках приятельницы, надевая следующую сбрую, вдруг рассмеялась, вспомнив, как Решад готовил к поездке лошадей. Хотелось все бросить и рвануть в сонный поселок, в свой дом, к нему, единственному мужчине. Хвастался, что диван у него теперь новый в кабинете, муха не сидела... А если и сидела, то не запачкала.

— Еще парочку и отпущу тебя, не переживай. Иришка, ты же замуж собиралась весной, а кольца нет, — обратила внимание Полина.

— Передумала, — Ира пожала плечами в ответ, не вдаваясь в подробности. Не перед тем человеком отчет держать.

— Ой, может, соберемся, посидим где-нибудь? — еще в универе Полине хотелось поближе сойтись с Ландыш и Ириной, но, девушки, вроде и не отталкивали никого, но и особо не общались, предпочитая свою компанию, уезжая после лекций веселиться строго втроем, с этой стервой Женей. Надо же, все девчонки с курса замуж выскочили, а самая завидная невеста до сих пор одна. Полина посмотрела на бывшую однокурсницу с жалостью и превосходством. — Ириша, у моего мужа есть друг, работает в Иннополисе, давай мы тебя с ним познакомим?

— Зачем? — переглянувшись с Женькой, Ира поняла, конечно, к чему клонит университетская приятельница.

— Вдруг, понравится друг другу. Все, не одна будешь куковать.

— Полин, я уже нравлюсь одному мужчине, — мечтательная улыбка озарила лицо девушки. — И другим нравиться не хочу. Идем, закончим съемку, нам с Женей сегодня еще нужно успеть по делам.

— Я на тебя бумагу напишу, Решад, за оскорбление! — раздувая ноздри, возопила Фирюза, как только главврач вернулся в кабинет. — Видано ли дело, грубит, посеред приему убежал куда-то! Побегает у меня!

— А пишите, Фирюза Исламовна, хоть в ООН, — неожиданно развеселился Решад. — Отдохну от вас, дворником пойду работать, на свежем воздухе.

— Нужен будешь своей рыжей дворником, как собаке пятая нога, — пробурчала старуха, прикинув проблемы, которые принесет ее жалоба. Самой же с болячками придется ездить в райцентр, если снимут наглого врача с должности. А к его заместителю она побаивалась соваться, как зыркнул вчера одним глазом, едва в обморок не грохнулась.

— Нужен, Фирюза-апа. В любом виде, не сомневайся, — Решад уселся обратно в неудобное кресло, взял в руки ручку, повертел, положил обратно на стол.

— Разогнался! Девки современные, они такие, денежку любят, — не успокаивалась старая язва. — На штаны твои рыжая долго смотреть не станет.

— Опустим мою личную жизнь, — отмахнулся Решад, и обратил свое внимание на подростка. — Ну-с, Фанис, худеть будем, или, как в прошлом году, забьем болт на это дело неблагодарное?

— Мне пофиг, — не отрываясь от игры в телефоне, бросил ребенок. Потянулся к бабкиной сумке, достал пластиковую бутылку колы. — Пить хочу.

— Тебе решать, Фанис. Как надумаешь, приходи, диету распишем, занятия физкультурой. В этом году справку освобождения в школе не получишь, не надейся, — мстительно добавил врач. — У вас все на сегодня, Фирюза Исламовна?

— Мне давление померяй, да пойдём мы, — приказала бабка.

Пока возился с тонометром, пристраивая манжету на дряблом предплечье, пока выпроваживал липучую пациентку, не увидел, что на ватсап пришли сообщения с фотографиями. Только открыл посмотреть, как в дверь осторожно постучали. В приоткрывшуюся щель просунулась голова Марсея:

— Решад, ты занят? Привет. Я к тебе со своими оболтусами.

— Заходи, чего жмешься, — отложил телефон опять.

— Смотри, как обоих разбарабанило, аллергия, вроде, у мелкого, а обсыпало двоих. Если шоколад ели, ладно, дадим по таблетке, главное, не признаются, черти, где урвали сладкое, — подталкивая почесывающихся детей, друг зашел в кабинет, плюхнулся на стул. — Пришел с работы, называется, пораньше. Азалька банки крутит, отправила меня.

— Не аллергия, брат, краснуха, — Решаду достаточно было беглого осмотра подопечных.

— Я — Джек Воробей, дядя Решад! — с восторгом заявил Алмаз, расчесывая сгиб локтя. — Мы с ребятами на пляже играли, у меня больше всех было перьев и бусинок в волосах, и шляпа капитана!

— Нет, я — Джек Волобей! — не отстал от брата младший.

— Капитан Джек Воробей, — на автомате поправил Решад мальчишек. — Ну, что, капитаны, дома посидите пока. Откуда и притащили заразу.

— Так Наймушины в Турцию катались всей семьей, неделю назад приехали, вот и привезли, наверное. Младший бегал такой же, розовенький, в крапинку, — вспомнил Марсель про своих соседей.

— Домой гони свой детский сад, завтра зайду. И с участка — ни ногой!

— Ого, какая фотка! Мне б такую Азаля прислала, — ухмыляясь, друг чуть повернул к

себе телефон, лежащий на столе. — Если что, я не видел!

— По мне, так лучше б не присылала... Нервы мотает.

— Чего не хватает? Сошлись, практически, живете вместе.

— Не знаю. Уехала сегодня, даже в известность не поставила, вон, как в городе куролесит. И сказать ничего не могу, чуть что, заявляет, — Решад оглянулся на детей, понизил голос. — Что мы только вместе спим.

— Женись. Будет возможность бумажкой перед носом помахать, если что, — еще раз скосив глаза на телефон, ухмыльнулся Марс. — Женись, брат, и побыстрее. Потом разберешься, как оно работает. Может, счастлив будешь всю жизнь, а, может, лет через пять сам себя в свидетельство о браке натыкаешь, как котенка: «Кто это сделал? Какой идиот?»

— Еще б пошла за меня...

— Спроси. За спрос не побьет. Все, — оттащив младшего от стеклянного шкафчика с инструментами, Марсель засобирался к выходу. — Пойдем мы, а то сейчас кабинет твой разнесут.

— Идите, давай, до завтра.

Легко сказать — женись. Одно дело — к женщине приходиться на ночь, а другое — примачком идти к ней в дом. Марс Азальку в дом родителей привел, Лешка свою Наталью к себе перевез, Артур домик купил здесь, только потом женился. Назар свою ненаглядную у родителей забрал. Засмеют по поселку, в глаза, конечно, никто не скажет, но на спину на всю жизнь подвешат обидное определение. Хотя, там уже столько висит разных эпитетов, места не хватит.

Решад медленно рассматривал присланные снимки, лежа на новом диване в своем кабинете. Вроде, ничего такого, действительно. Бокал шампанского в руке, вечернее платье, наглухо закрытое сверху, но в разрезе до талии, на отставленной чуть ноге, разбежались тонкие кожаные ремни, стремящиеся вверх, в одну точку, и нижнего белья нет, чтоб эту точку защитить от грубых ремней, впивающихся в стройное тело. И на второй фотографии тоже все сокровенное закрыто ремнями в ряд, только намек, что она обнажена полностью перед фотографом, сидит у кровати на полу, руки сведены назад, голова опущена, каскад кудрей закрывает лицо, оголяя незащитную шею. И красное яблоко пристроено внизу живота, на сжатых в отчаянном порыве ногах... Грех Евы, назвали же.

Никто, кроме него, не должен видеть подобные снимки. Самому невозможно на это смотреть, не имея возможности прикоснуться, провести рукой, сравнивая на ощупь шершавость перевязи и нежность теплой девичьей кожи... Свернул папку с экрана, кое-как успокоился, набрал номер.

— Ты еще не спишь? — прошептал, услышав ее голос.

— Собиралась, уже лежу, — тоже шепотом ответила Ира. — Фотографий насмотрелся?

— Насмотрелся. Ты прекрасна, любимая. Я скучаю, Ир. Впереди целая ночь без тебя, жаным.

— Если никто не бегаёт с криками: «Помогите!», спать ложись. Солдат спит, служба — идет, — прикрыв ладошкой рот в зевке, Ира взмолилась. — Решад, я так устала сегодня, первый час ночи, может, завтра продолжим разговор?

— Ты приедешь?

— Еще не знаю, а надо?

— Необходимо. Ты нужна мне рядом, всегда.

— Иногда все равно будем расставаться, у нас у каждого своя жизнь, заботы, дела. И как-то ты жил без меня тридцать пять лет, — напомнила вредина. — И тебя все устраивало.

— Я не был счастлив, Ирка. Совершенно.

— Странно. Как же ты тогда жил?

— Плохо, — признался Решад. — Приезжай поскорей, пожалуйста. Кстати, вот этот весь, эм-м, товар, который ты сегодня рекламировала, в одном экземпляре, или на потоке?

— Вроде, в одном.

— И твои фотографии будут бесполезны, если эти ремешки будут куплены?

— Получается, да.

— Спокойной ночи, любимая, — оставив девушку в недоумении, закончил разговор, улыбаясь своим мыслям.

(14 августа, вторник, +22)

Самое тяжелое ощущение, когда ты по уши влюблен — ожидание встречи. Сон становится чутким, малейший шум, стук — и уже на ногах, на низком старте. И, будто сговорились все, столько проехало мимо машин, за год столько в поселке не найдешь, один Леха пролетел на новой служебной раз двадцать, наматывая хвастливые круги. К вечеру, покормив Шлимана, переделав все по дому, что просила мать, сорвался на работу, чтоб было чем занять голову. Но и в больнице было все идеально, придраться не к чему, как ни старался. В девять вечера вновь набрал номер, но в ответ полетели длинные гудки вызова, после включился автоответчик.

Через час забронировал номер в гостинице и вырулил на трассу в сторону Казани.

Решад любил момент, когда с небольшой горки, как на ладони, был виден раскинувшийся внизу город, переливался огнями вывесок и окнами новостроек. Но сейчас было не до красот Казани, долгожданный звонок оборвал музыку.

— Ты в дороге? — удивленно спросила Ирина, услышав фоном шум автомобилей.

— Да, почти в городе. Здравствуй, любимая.

— А я собралась домой. К тебе.

— Завтра поедем вместе. А сейчас встречаемся в гостинице, адрес скину, я буду на месте через полчаса.

— Уи, мон женераль! — Ира развеселилась, вспомнив старый фильм с Джулией Робертс. — Форма одежды: чулки в крупную сеточку, ботфорты со скрепкой и красная помада? Жаль, паричка блондинистого нет.

— Жаным, прекрати дурачиться! Я буду ждать.

— Бегу за париком!

(16 августа, четверг, +25)

Тюк. Тюк. Треск дерева, снова удары молотком. Сашка окна заколачивает! Где Ната, где выход? Летит очередное полено в костер, с глухим стуком ломая цветы у стены дома, уже пылает терраса, мебель скручивается, теряя привычные очертания ротанга, и нет спасенья...

С трудом выдираясь из липкого плена кошмарного сна, Ира повернулась налево, в надежде уткнуться в плечо любимого, но рука встретила пустоту на соседней подушке.

Удары по дереву не прекращались, на дворе кто-то разламывал доски. Быстро заскочив в туалет и почистив зубы, Ирина вышла из дома.

У заколоченной калитки Решад играючи расправлялся с ненавистным забором между

участками, ловко орудуя топором. Пару минут Ира любовалась фигурой мужчины, потом подошла ближе.

— Доброе утро. У Лешки на мангал дрова закончились, забор разбираешь?

— Доброе, жаным. Надоело бегать через улицу. Я тебя разбудил? — Решад повернулся, смущенно улыбаясь.

— Ага. Мне без тебя кошмары снятся, — призналась Ирка. Подошла ближе, прижалась, наплевав на то, что ее мужчина весь мокрый от пота, и ее футболка в момент впитала влагу. — Ты скоро закончишь?

— Почти все сломал, осталось сложить аккуратно, чтоб не мешалось под ногами.

— Доброе утро, дети, я вам как раз яиц собрала. Что Ирочка, тебя тоже разбудил, неугомонный? Зато теперь удобно и нам с тобой, через улицу каждый раз не бегать, — к влюбленным подошла Наиля, протянула соседке корзинку. Как же счастлив ее сын, хвала Аллаху!

— Доброе утро, Наиля-апа, спасибо огромное, — от смущения Ира шагнула за спину любовника, а потом, подумав, что нет смысла прятаться, предложила. — Вы с нами позавтракаете?

— Так я уже успела, по привычке даже в отпуске рано встаю. Завтра на свадьбу Рушании идете вместе?

— Да, мам, сходим, поздравим, когда с регистрации приедут.

— Ну и слава Аллаху.

(21 августа, вторник, +26)

В шесть утра Решад привычно перешагнул две ступени, поставил тяжелые пакеты с будущими кустами роз на пол, поудобней перехватил в руку небольшой букет нежнейших ранункулюсов, прошел по коридору к спальне, сияя ярче бляхи на ремне курсанта.

Сколько раз порывался подарить ей цветы, но какие букеты дарить девушке, у которой соток пять у дома утопает в цветах, он и половины не знает, что растет, цветет и пахнет. Вспомнил странное название, однажды зацепившее слух, что любит их, ранункулюсы эти, погуглил. Цветы как цветы. Половину Казани объездил, пока нашел.

На днях получил уведомление явиться в военную комендатуру, и сердце оборвалось. Неужели, все-таки, дали ход его рапорту? Обошлось, только получил документы на новое звание, благополучно несколько лет пролежавшие «под сукном», потолок карьеры, когда находишься в запасе.

Не стал звонить, что приедет с утра, а не вечером, как планировал, летел на грани разрешенной скорости, предвкушая, как откроет личную дверь в лето, поцелует, сонную. И спросит, а не хочет ли она, Ирина, свет Александровна, выйти за него замуж? И как она ответит: «Да», иначе и быть не может.

Жена...

Муж.

Несколько дней после разговора с Марсом, Решад примеривался к этим словам, катал, как камешки, во рту, привыкая к звучанию, усмехаясь собственному решению. И не под прицелом появления ребенка. И коробочка с кольцом, выбранным под чутким руководством Женьки, уже лежала в кармане джинсов.

Взялся за ручку двери, ведущей в спальню, открыл. Кровать заправлена. А где сама? Чуткое ухо вдруг уловило вздохи и стоны из соседней комнаты, как будто там... сексом

занимаются? Что? Что это?

Мужчина осторожно отступил два шага, нащупал дрожащей рукой в кармане пачку сигарет, прислушался снова. Нет, не показалось. Хотел было распахнуть дверь, но развернулся и быстрым шагом вышел из дома. На террасе остановился, долго чиркая зажигалкой, закурил.

Вдохнул едкий дым.

Выдохнул.

Приехал пораньше, да... Как в дешевом бульварном романе, дерьмо какое. Как странно, в голове стало отвратительно гулко, будто в тыкве на Хеллоуин, только маленькая глупая обезьянка в углу со всего размаху била в литавры: «Бамс! Приперся, любовничек! Ба-амс! А тебе нашли замену! Бамс-бамс! Влюбленный осел!»

Поэтому и не говорила: «люблю», оставляя себе лазейку для второго варианта, для сравнения. Может, и третьего. А можно всех посмотреть?

И это не та нелепая ситуация с ночевкой и устроенным утром показательным номером от Кащея, тут явно слышны стоны обоих участников. И машина ее под навесом, и рядом незнакомый автомобиль. В комнату ушли другую, чтоб не ... пачкать.

И на этом спасибо.

Даже не хочется знать, кто тот счастливчик в ее постели. Убьет ведь.

Аккуратно затушил сигарету в пустой пепельнице, обозначив свое присутствие, будто поставил точку, с удивлением посмотрел на цветы, забытые в руке. Брезгливо дернулась верхняя губа.

Как ядовитого паука, положил осторожно злополучный букет на край столика, в последний раз перешагнул ступени и медленно пошел к пролому между участками. Залить бетоном стену на высоту трех метров, выкопать ров, завести в нем крокодилов.

Как же больно, оказывается, как больно...

— Па-а-арус над тобой, поднятый судьбой, это флаг разлуки странствий, знамя вечное! — раздалось где-то в малиннике родным голосом.

Не веря своим ушам, Решад обернулся, и бегом пролетел через огород, перепрыгивая грядки, будто от этой стометровки зависела вся его жизнь. Чуть пританцовывая в такт песни, звучащей в наушниках, Ира собирала ягоды в небольшое ведерко, подпевая руладам знаменитой когда-то «Иверии». Казалось бы, простая привычка любимой напевать за работой, почему он над ней смеялся?...

А кто тогда там, в комнате? Да плевать, хоть Папа Римский, если она — здесь! Мужчина поймал подругу в объятья, зажмурил глаза, пряча предательские слезы, уткнулся в медовые волосы, зацепив при этом бусинки наушников.

— Решад! Ты чего не позвонил, что пораньше получится приехать? Подожди ты, опять ягоды рассыплешь! — девушка исхитрилась повернуться в крепких объятиях лицом к любимому, едва не уронив ведерко. — Чего тебя всего колотит?

— Здравствуй, родная моя. Я так соскучился.

— Здравствуй. Как съездил?

— Ерунда. Главное — ты здесь. Все остальное — не важно.

— Загадочный какой.

— У тебя гости? Может, ко мне пойдём? Ненадолго...

— Да, отец с Женей выходные себе устроили, приехали вчера вечером, сегодня

собирались домой. Потерпим немного, ладно? Я тоже соскучилась.

— Отец? — вздрогнул Решад, ослабив объятия.

— А что тебя смущает? Не хочешь знакомиться — сиди до вечера в окопе.

— Да я как-то не думал... Мне Женьки хватает за глаза, остальные родственники были какие-то... — Решад провел пальцами в воздухе, подбирая слово. — Абстрактные. А тут — в живую. Подожди, твой отец и наша Женя приехали вдвоем? Так это они там, э-э-м, спят? Вместе?

— Они. Вместе. И, когда я проснулась, по-моему, они уже не спали. Я тесто на оладушки поставила, и в огород ушла, чтобы не мешать.

— Чем дальше в лес... Не объясняй ничего, боюсь, пойму.

— Идем завтракать? Или ты в окопчик? — хитро прищурилась девушка.

— Идем. Рано или поздно все равно придется обозначиться. Ты будешь смеяться, ноги еще подрагивают. Утро выдалось занимательным, я ж подумал, что там, — кивнул Решад в сторону дома. — Ты... стонешь от счастья. А тут еще знакомство.

— Как тебя раскорячило, — не смогла удержаться от хохота Ира, но через мгновение стала серьезной. — Если я когда-нибудь начну стонать от счастья с другим, ты узнаешь об этом заранее.

— Нет.

— Что — нет?

— Не будешь с другим, Ир, — остановился на половине пути к дому мужчина, развернул любимую к себе. — Я сделаю все, я буду стараться, чтобы даже в принципе у тебя не возникло мысли о других вариантах. Я надолго запомню те ощущения, это страшно — испытать такое. И тебе не дам повода их узнать из-за меня. Обещаю.

— Спасибо, Решад. Я верю тебе, — тихо ответила Ира. — Как же я тебя люблю!

— Повтори, — осторожно попросил мужчина, не веря ушам.

— Люблю, даже боюсь иногда, насколько. Неужели ты до сих пор не понял?

— Эй, молодежь, вы там долго еще целоваться будете? — с террасы выглянула Женька. — Мы голодные!

— Доброе утро, подруга, что, хорошо спится на свежем воздухе?

— Ох, хорошо-о-о! — потянулась довольная Женя.

Из-за стола поднялся мужчина, не уступающий ростом вошедшему, протянул руку, внимательно изучая спутника дочери:

— Александр Рэймович.

— Решад Маратович.

— Давай, Решад Маратович, пока дамы суетятся на кухне, покурим в теньке, — кивнул на выход отец.

- Все, повел бойца на допрос с пристрастием, — рассмеялась Женя, когда мужчины вышли в сад.

— Женьк, а вдруг Решад папе не понравится? — Ира поставила в вазу букет, провела по бутонам пальчиками. — Надо же, запомнил. Я боюсь, Жень.

— И что? Вы же не прекратите бегать на два дома? Тем более, вон, уже шорты висят на стуле, явно не твой размерчик. Вчера еще заметила, — кивнула подруга в сторону гостиной, и хихикнула на алые щеки Ирины, кинувшейся прятать в шкаф злополучную деталь мужского гардероба. — Не дрейфь, мы с Бахтияром почву подготовили, если Саша Пингвиненка терпел до поры, а та срань в подметки Ярканату не годится. Надеюсь только,

что наш Решадик свой характер сразу не покажет. Все-таки, как быстро ты его переделала, подруга.

— Нет, Жень, его не нужно было переделывать. Только разглядеть, показать, что он нужен. Это он внешне такой грозный и угрюмый, а в душе — нежный марципанчик! Он даже плакать умеет...

— Ты и Торквемаду доведешь до слез, я в тебя верю. Сидим, ждем, что еще делать.

— Ну, как на духу, выкладывай сам краткую биографию, кто ты, что ты, какие планы в дальнейшем. А то мне уже напели в уши дифирамбы, хочу услышать тебя.

— План один — ваша дочь, Александр Рэймович, на всю жизнь, — Решад закурил, подбирая слова. — Биография проста. Тридцать пять лет, на данный момент заведую местной больницей. За плечами Военно-медицинская академия, десять лет службы военврачом.

— То и смотрю, шрамов на тебе — коллекция.

— Три легких ранения, два тяжелых.

— Родители?

— Мать работает здесь директором школы, отец давно умер.

— Семью обеспечишь? Доча моя, конечно, не из притязательных, но иногда суммы немалые требует. Помогать не стану.

— Потяну. Пусть занимается тем, что ей нравится.

— Да, я смотрю, размахнулась Ирка моя, никогда бы не подумал, что дочь будет... морковку с помидорами выращивать. Внуки будут?

— Мы не торопимся. Ее еще до ЗАГСа нужно довести.

— Не хочет?

— На намеки делает вид, что не понимает. В лоб не спрашивал. Сегодня хотел предложить. Знаю, чем закончилась ее первая попытка дойти до этого заведения, даже благодарен тому... щеглу. Если бы не его поступок, мы бы не встретились с Ирой.

— Стремительно все случилось... Сколько вы знаете друг друга, месяца три?

— Четырнадцать лет, как оказалось.

— А, да, Бахтияр рассказал. Вот ты какой, лейтенант...

— Майор запаса.

— Добро. Вопросов больше нет. Пойдем, а то вон, моя Женька уже три раза делала «страшные глаза».

— Есть! — с облегчением выдохнул будущий родственник.

После завтрака Женя прилегла в гамаке, Решад ушел в больницу. Ирина домыла посуду, и вышла на террасу к отцу.

— Дочь, он мне нравится, — без предисловий Александр начал разговор, которого боялась девушка. — Рано еще что-то говорить, но по первому впечатлению — толковый мужик. В ЗАГС пойдете, или ...так?

— Пока так. Он не предлагал, пап.

— А ты как хочешь?

— Если спросит — побегу, в чем есть.

— Дочь, ты счастлива? Вот этим всем? — отец обвел рукой участок. — Огород, розы твои, кусты, деревня, Решад этот? Не хочешь вернуться?

— Пап, не вижу смысла возвращаться. Ты говоришь — розы, огород, кусты, а я знаю, что где растёт, каждую травинку, как за каким растением ухаживать, не поверишь, но взрослые женщины у меня спрашивают совета! У меня, представляешь? — гордо заявила дочь. — Кстати, ты нахваливал чай, а там чая нет, одни травки, сама ферментировала и сушила. На прошлой неделе я на свои деньги купила дегидратор и ещё одну теплицу, правда, с осенней скидкой, под помидоры черри на следующий год. Не у тебя выпросила, а сама заработала, и текущие траты уже из моего кармана, и мне это нравится! Я здесь на своём месте, пап, я теперь — фермерша!

Ира покраснелась, как всегда, когда волновалась, потянулась было к отцовской пачке сигарет, но махнула рукой.

— Канал на ютубе за три месяца перевалил за пятьдесят тысяч подписчиков, а я просто показываю огород, посёлок, рассказываю, как приготовить вкусные блюда практически из ничего. Уже три ресторана пользуют мои рецепты! — продолжила Ира, чуть переведя дух. — В Москве пока один.

— Но в городе у тебя перспективы! Все, что пожелаешь! Хочешь — ресторан свой будет, а не в чужие руки свои идеи продавать.

— Пап, я здесь живу, привыкай. Не оправдала доченька надежд, не хочет быть крутой папиной наследницей, кривая получилась, да, неправильная? Стыдно людям говорить, что в деревне дочь живёт, и довольна этим?

— Ира, ты что выдумала? Что бы ты ни делала, я горжусь тобой, в любом варианте. Ты — лучшее, что у меня есть. Мы были хреновыми родителями, вину с себя не снимаю, но мы с мамой твоей старались. Прости меня, но, когда ты была под боком, даже с тем, — Александр вспомнил меткое определение Виталику, данное нынешним мужчиной дочери, — щеглом, ты все равно была рядом. А тут... Моя ухоженная красавица дочь в земле копается...

— И в земле, и в навозе, и с бензопилой! — рассмеялась Ира, крепче обняв отца. — Полтора часа, пап. Всего полтора часа, и я у тебя, по первому звонку. Сам-то! Сюда три месяца ехал, собирался!

— Уговорила. Но повторюсь, что не так, перестанет нравиться это счастье, сворачивай хозяйство, и в Казань.

— И что я буду делать в городе? Опять висеть на вашей с мамой шее, и по клубам бегать до старости, потихоньку спиваясь? Что я там не видела? А у нас грибной сезон начался, завтра в дальний лес едем с подружкой и мамой Решада, пока он на работе. Да, здесь все по-другому, другие ценности, другое мировоззрение, но я очень счастлива, пап, это все — мой мир.

— Смотрю, ты курить бросила, фермерша моя?

— Как-то само получилось, не хочу. Да и Решад уже курит мало, потихоньку тоже бросит, я постараюсь. Вот нарожаю ему выводок маленьких Решадиков, некогда будет вздохнуть и выдохнуть, не то, что за сигарету хвататься.

— Ты не ответила про татарина.

— Я ему верю. Он — лучший, пап, нет, конечно, после тебя, дяди Вити, дедушки и Бахтияра! — Ирина чмокнула отца в щеку. — Знаешь, у нас обязательно будут и ссоры, куда без этого, и тарелки летать, но мы оба признаемся, если кто не прав был. После того, как бросили выяснять, у кого характер хуже, по умолчанию поняли, что дальше — вместе. Сейчас мы оба учимся любить.

— Добро. Дочь, я хочу Жене сделать предложение. Я же не дурак, кое-что помню, вернее, вспомнил. Даню усыновлю. Ты не в обиде на нас?

— Ой, я так за вас рада, я ж сразу сказала, какие обиды, а?

— Я ведь еще не старый у тебя, а, доча? Может, еще одного брата тебе забабахаем.

— А забабахайте лучше сестру, братьев и так три штуки, — рассмеялась девушка. — Женька играть в белорусского партизана перестала? Рассказала, что Данька твой?

— Что? — побледнел Александр. — Даня... мой?

— Упс... Ты же сейчас сам сказал «еще одного» и что ты кое-что вспомнил.

— Вообще-то, я говорил про твоих братьев по матери...

— Не веришь, сделай экспертизу. Но хватит посмотреть на мои детские фотографии.

Отец помолчал, видимо, вспоминая и сопоставляя события, после тихо произнес:

— Верю. Но Женя должна сама мне сказать. И ты молчи. Нет, все-таки, женюсь! Жена, умеющая хранить секреты — на вес золота!

Проезжая мимо больницы, Александр вдруг сдал назад, припарковался на обочине, заглушил мотор.

— Жень, подожди немного, хорошо?

— Слушаюсь!

Александр прошел по ухоженному двору больницы, зашел в здание. В коридоре было чисто и пусто, только старенькая санитарка домывала пол.

— Здравствуйте, Бог в помощь. Почему у вас такая пустота?

— Здравствуй, милоч, спасибо. До конца сентября у нас тишина, все на огородах, болячки на зиму откладывают.

— А как мне главврача найти?

— Ноги вытри и подымайся на второй этаж, третья дверь направо.

— Спасибо, мать, — последовал указаниям посетитель. Уже поднимаясь по лестнице, услышал:

— Только Решада Маратовича в кабинете нет, он в подвале лампы меняет, если тебе срочно. Сюда иди, спускайся по лестнице осторожно, и прямо, увидишь.

Александр спустился в подвал, прошел несколько метров, завернул за угол и наткнулся на нового знакомого, стоящего на стремянке. Забрал у него из рук старую лампу, аккуратно вытащил из прислоненной к стене упаковки новую, подал вверх.

— Благодарю.

— Все самому приходится?

— Завхоз в отпуске, из-за пары светильников старика дергать? — Решад аккуратно вставил трубку лампы на место, закрепил, протер, спустился со стремянки, щелкнул выключателем, проверяя свою работу.

— Добро. Я что заехал, Решад, — отец помолчал немного, окончательно смиряясь с выбором дочери. — Спроси ее в лоб.

— Принял. Спасибо, Александр Рэймович.

— Учти, с нашей стороны родни много, ваш поселок по швам треснет такую толпу принимать, поэтому, расписывайтесь, где хотите, но банкет в Казани. Тебе же проще. В выходные, на моем дне рождения, жду вас с Иркочкой. Официально представлю тебя семье. Номер телефона продиктуй.

Мужчины обменялись контактами, пожали друг другу руки.

— Все, я уехал. До встречи.

— До встречи.

Усаживаясь за руль, Александр ответил на немой вопрос спутницы:

— Посмотрел еще раз.

— И как?

— Похоже, дочь взялась за ум. Я, конечно, не прыгаю до потолка от ее выбора, не о такой жизни я мечтал для дочери, думал, пройдет блажь деревенская. Но с этим татаринном они на одной волне. Сейчас поймал себя на мысли, что ревную, представь?

— Понимаю. К Пингвиненку ты всегда относился, как к пустому месту, а с Решадом придется считаться. Саш, не переживай, он похож на тебя, понятия в его голове вдавлены намертво — честь, совесть, достоинство. Ирка будет счастлива с ним, их уже не отодрать друг от друга, только с мясом и кровью, — и неожиданно рассмеялась новой мыслью. — Вот наделают тебе внуков, буду я спать с бабушкой!

— Жень? — вдруг вновь заглушил мотор, потянулся к подруге, поцеловал крепко. — Меня тоже от тебя отдирать нельзя. Тебе как предложение сделать? С размахом, или просто спросить?

— А спроси с размахом, Сашенька, — улыбнулась женщина, не веря своему счастью. — Но учти, я отвечу «да» в любом варианте.

— Добро, — ответил Александр, уже поворачивая на дорогу в город. — Я «нет» и не рассматривал.

Как только скрылась за поворотом машина будущего тестя, Решад быстро прошел в ординаторскую, сказался Назару, что до утра не придет, звонить только в экстренных случаях, и едва ли не бегом припустил к дому любимой женщины. По пути только молил всех Богов и божонков, чтоб не случилось чего экстренного, и так слишком много сегодня потрясений, хватит для одного дня.

Он любим... Сейчас сделает предложение, раз решился, должна же она ответить согласием, раз призналась в ответном чувстве. Все верно сказал Марсель — в их случае нужно торопиться, потом разберутся, как это все работает в семейной жизни.

— Ириш, какое необычное отчество у твоего отца, — после ужина, по складывающейся традиции, валялись на диване, наслаждаясь уютным вечером. Столько всего еще нужно узнать, рассказать друг другу, что оба, не сговариваясь, на пару часов перед сном забирались в подушки, убирая подальше телефоны.

— Так бабушка Рэймо — финн. Прадед мой молодым загорелся идеями коммунизма, всю жизнь служил на закрытом аэродроме Сааремаа, потом, когда СССР развалился, уехал в Финляндию. Так и не смог принять перемены, умер в девяносто пятом, мне всего четыре годика было. Бабушка Рэймо с бабушкой Наташей поехали на похороны, там остались. Мама периодически оставляла меня в Финке, но долго родня не выдерживала такого счастья, сдавали в деревню второй бабушке. Хорошо, рядом Бахтияр был.

— А я все думал, какой у тебя второй родной язык. Не угадал даже близко. Цвет волос с этой родни взяла?

— Да, глаза и волосы прадед «подарил». Это ты еще не видел моего дядю Артура, папиного младшего брата! И парни у него, все четверо, здоровые, кровь с молоком, ростом,

как ты, все под метр девяносто, и рыжие, как огонь! Они недалеко живут от деда с бабушкой, через два дома, увидишь их в полном составе — не ржать! Мы их зовем «семейство Клири». Женька каждый раз не может удержаться от смеха, называет это семейство «Артур и минипуты». Кстати, а бабушка Наташа родом из Белоруссии.

— Любовь к драникам? А мама?

— Мамина родня — вятские кузнецы, видимо, от них мне такая тяга к земле и досталась. Одна из прабабушек — абхазка, легенда ее появления в семье звучит на каждом сборище нашего клана. Не буду рассказывать, чтоб не портить впечатление. Мама собирает родовое Древо, очень интересно выглядит, и, между прочим, я знаю своих предков до девятого колена, вот!

— И мне, болгарскому татарину, досталась эта дружба народов, — засмеялся Решад. — Ирк, я реально хочу посмотреть, что у нас получится с такими генами.

— Застрелимся оба. Решад?

— Да, любимая.

— Переезжай ко мне уже совсем, а? Если твое эго сопротивляется, так ты ему скажи, что второй этаж надо достраивать и обустраивать, да и на первом работы еще уйма. А то на два дома, правда, бегаем, скоро тропинку асфальтировать придется. Мама твоя уже спрашивала вчера, когда мы с ней утром заготовки на зиму делали.

— Завтра в Зареченское съездим утром, перееду.

— Зачем поедем?

— Иди ко мне, расскажу, — мужчина снял очки в тонкой оправе, закрыл ноутбук, отложил на оттоманку.

Ира перебралась к нему на колени, лицом к лицу, поерзала, устраиваясь, обняла за шею:

— Рассказывай, что придумал, что за авантюра?

— Мы с тобой завтра возьмем паспорта, посетим одну серьезную организацию, напишем заявление, и через месяц ты меняешь фамилию. Согласна на такую авантюру? — задержал дыхание, испугавшись услышать в ответ, что в ее планы не входит свадьба с ним, рано, она подумает, прикинет варианты. Достал из кармана коробочку, открыл.

— Ой. И у меня нет выбора? — в этот момент совершенно расхотелось шутить, девушка даже растерялась.

Без помпезности, фотографов и пафоса стояния на одном колене с метровым букетом. Только приглушенная любимая музыка, в диванных подушках, в обнимку, и в сетях не появятся снимки, и знать будут только близкие, и то — завтра, а от нежности и торжественности момента перехватило дыхание у обоих.

— Есть. Выбор платья, букета, выбор колец, что там у вас еще важно в этот день. Смысла не вижу затягивать на годы, лучше сразу обрубить концы. В сентябре станешь моей женой. На всю жизнь, — тихо ответил мужчина. — Так ты выйдешь за меня замуж?

— Ярулина Ирина Александровна, — восторженно произнесла девушка, будто пробуя на вкус новое звучание. — Красиво. Я согласна, Решад!

Выдохнуть. Легче разгрузить вагон угля, серьезно! Одно дело — самому решиться на такой шаг с обрыва, другое дело — услышать отказ, а она согласна. Быть рядом, навсегда, на расстоянии вытянутой руки, в повороте головы. И не пришло ни одному в голову, что всего две недели вместе, и это не срок, чтоб официально связывать жизни, наоборот, у каждого промелькнула мысль, что в их случае это — единственный правильный шаг.

Вытащил кольцо из атласного плена, надел на подставленный безымянный пальчик

правой руки:

— Давай вместе станем старенькими и противными, и внуки будут приезжать на выходные, вытаптывать твои посадки.

— Будем ковылять по поселку за руку, и палками гонять молодежь!

— Может, ты в Казани хочешь регистрацию?

— Не-е-ет, только в Зареченском, только хардкор! Ты будешь смеяться, но однажды я поссорилась с Бахтияром, когда он не отпустил меня на школьную дискотеку в девятом классе, и пригрозила ему, что вырасту и выйду замуж за «его лейтенанта», и тогда Баха полысеет окончательно от двух проблем в одном флаконе!

— Ирка, ты невыносима! Я же тебе предложение делаю, не смеши меня!

— Сейчас ему уже некуда лысеть, если только с ног волосы отпадут от такой новости.

— Ира! Я ж представил!

— Я же говорила — будешь смеяться! О, как я мечтала, что ты приедешь в гости к Бахтияру, а тут я зайду случайно, красивая, и ты непременно влюбишься в меня, не может быть, чтоб ты в меня не влюбился, и поведешь под венец.

— Видишь, пусть с небольшими неточностями, но все сбылось. Я постараюсь быть достойным тебя, — став серьезным, тихо произнес, как клятву. Потихоньку начал целовать любимую, развязывая пояс домашнего платья. — Скажи еще раз, как утром?

— Люблю. Я очень люблю тебя, Решад. Ты даже не представляешь, как давно, даже страшно!

— Я тоже.

(22 августа, среда, +20)

— Доброе утро, любимая. Встаем? — только забрезжил рассвет за окном, притянул к себе сонную девушку, зарылся носом в спутанные кудри. Вчера еще долго разговаривали, и после, когда Ира засопела сладко, смотрел на нее, все больше убеждаясь в правильности нелегкого решения. Плевать, сколько будут молоть языками, если она хочет жить в своем доме, он будет рядом, жить там, где она, служить своей принцессе...

Переломила стальной хребет легкой пушинкой, и нет ни обиды, ни унижения, да и не должно быть в любви такой боли.

И впервые приснился отец, таким, если б не пил, и дожил до сегодняшних дней. Будто встали зеркалом оба, вглядываясь друг в друга, как в отражение, вдруг обнялись, и только успел прошептать: «Папа, прости...» как руки ощутили пустоту.

Одобрил, простил.

Ушел...

— Куда в такую рань? Немного еще поспим, — пробормотала соня, поворачиваясь. — Может, не поедем, а?

— Все, передумала? — нахмурился Решад.

— Просто спать охота, сил нет.

— Ничего не знаю, быстренько в душ, завтракать и вперед, потрясать местное общество, — потянул любимую за руку за собой с кровати. — Вставай, мавка моя лесная. Приедем обратно, поспим.

— Всю жизнь командовать будешь?

— Местами.

— Мам, доброе утро. Тебе в райцентре надо что-нибудь купить? Мы едем заявление подавать, — между делом объявил Решад, крепко держа за руку свою невесту. Не сговариваясь, зашли к матери, сказать главную новость.

— Ты не шутишь, улым? Ирочка, он не шутит? — охнула Наиля. Разогнулась от грядки, внимательно посмотрела на пару, стоящую перед ней. — Дети, вы серьезно?

— Вот и я ему говорю, Наиля-апа, куда торопиться, нет, поднял в такую рань, не разбудил, тащит в ЗАГС, кофе допить не дал, — хитро улыбаясь, Ирина с нежностью потерлась щекой о плечо любимого. — Все по-взрослому, Наиля-апа, вот, — и показала правую руку с колечком на безымянном пальце.

— Вы пока болтаете, я паспорт возьму, машину выгоню, — новоявленный жених пошел к дому, решив дать женщинам несколько минут.

— Ирочка, кызымочка, а переехать обещал, или опять за трусами бегать домой будет по утрам?

— Обещал, что после, как вернемся, соберет вещи. Я шкафы давно освободила.

— Ох, дети, только б без ругани жили...

— Пока ни разу не поссорились, с восьмого числа, — и Ира густо покраснела, вспомнив ту ночь.

— Да, для вас — большой срок, — рассмеялась будущая свекровь. Вдруг посмурнела, погладив осторожно девушку выше локтя материнским крылом. — Ирочка, может, ты

беременна, поэтому спешите?

— Нет, Наиля-апа, Решад добровольно сдается, без угрозы ребенком. Сам, и с песней, просто нужно было знать, какие места ему горчицей намазать.

— С тобой не соскучишься! Пойдем, уже сигналит, нетерпеливый.

Когда машина стартанула в сторону трассы, Наиля еще долго стояла у калитки, глядя вслеп, молясь тихонько за детей, не заметила, как к ней подошла от дома напротив ее приятельница, мать Алексея.

— Это куда твои молодые в такую рань умчались, нарядные такие? Все смотрю, у Иры платья красивые, все хочу спросить, где покупает.

— Ох, Оленька, собрались заявление подавать, представляешь?

— Молодец, Решад, правильно делает, — качнула соседка в ответ головой, не удивившись совершенно. — Ирка — девочка хорошая, тоже повезло парню.

— Твои когда?

— Решили к декабрю, сама знаешь, у Наты хоть какой-то срок должен пройти, хотя, я б не стала ждать в ее случае, — Ольга доверительно склонилась к подруге. Речь ее плавно текла, как и у сына, ручейком, только успевай кивать в нужных местах. — Знаешь, мне полегче стало. Натуся по огороду бегаёт быстрее меня, только слышно: «Тетя Оля, что сделать? Тетя Оля, отдыхайте!» У Лехи теперь чистота такая в доме, мне прибираться не надо, готовит девочка просто отлично. На днях попросила ее не звать тетей, мамой уж, с сыном живет, так расплакалась, чудачка, ну и я вместе с ней поревела, обняла девочку, куда теперь деваться, и так хорошо стало, как камень какой сбросила. Леша счастлив, это — главное. Сабинка с Танюшкой довольные бегают, все вместе играют.

— Да, девочки и так дружили, а сейчас — не разлей вода, — подтвердила Наиля.

— Может, ты в курсе, Наилюша, все мне кажется, что Танечка наша, от Лехи, ничего же от Царевых нет, — тихонько, будто кто подслушает, поделилась наболевшим приятельница. — Может, фантазирую себе...

— Вот этого не знаю, никогда не спрашивала у Наты, да и она не говорила. Даже если и так — хорошо же, Оль.

— Хорошо бы. Прикипела я к девочке, к внучечке, раньше боялась и приветить, чтоб Людка Нату не сгрызла окончательно, и так натерпелись мы от этого семейства, — женщина вдруг вспомнила, зачем пошла, да за разговорами забыла. — За молоком идешь к Ксене?

— Да, подожди меня, сумку возьму. Детям тоже принесу, лишним не будет.

У банка припарковался, вспомнив, что нужно заплатить пошлину.

— Подожди, я быстро. Не сбегай.

— А что, можно было? — хихикнула девушка.

— Ирка, сейчас запру в машине. Надо было у Лехи наручники попросить.

Пока Решад ходил за квитанцией, написала в чат родни: «Вы будете смеяться, но меня замуж позвали. Едем подавать заявление». Мать немедленно откликнулась смеющимся смайлом, зная эту чудесную новость еще со вчерашнего вечера.

«Когда предъявишь миру беднягу?» — брат не удержался от подкола.

«Систер, поздравляю! Челу соболезную» — не отстал второй.

«Делаем ставки, господа! Я ж в прошлый раз не ошибся. Ставлю пять щелбанов, что свадьбе быть, кто поднимает?» — дед, как всегда, был в своем репертуаре: «Кстати, Сашка, ты мне три щелбана продул! На юбилее своем не забудь напомнить».

«Поднимаю ставку, дядя Реймо! Свадьбе быть» — это уже включился в семейное развлечение Бахтияр.

«Так не честно, Бахтиярчик, ты жениха знаешь!» — ответила Ира.

«Ну, если Баха в курсе, тут без вариантов, я сразу — пас! Мне мой лоб дорог, с апреля еще болит. Ирка, мои поздравления» — отчим рассыпал горсть смайликов с сердечками.

«Я уже пригласил будущего родственника на свой юбилей, там и рассмотрите эту тушку. Только учтите, он ростом с меня, микроскопы наши может в кулаке смять».

«Toinen hyvä uutinen, veljentytär!»[1] — дядя Артур порой забывал, что не все в чате владеют финским, но тут же исправился: «Я написал, что это тоже отличная новость. Надоело на родню сверху смотреть. Одни маковки вижу. Макушки?». И смайлик с высунутым языком-дразнилкой.

«Макушки, дядя, правильно, да» — ответила Ира.

— Все, можем ехать, жаным, — Решад сел в машину. — Ты чего ржешь?

— Родню оповестила о нашем приключении, потом считаешь, тоже повеселишься, — Сейчас обсудят. Кстати, а когда отец успел тебя на день рождения позвать?

— Он заезжал ко мне на работу, поговорили еще. Обменялись контактами.

— Вау. Никому из моих эм-м-м, — под внимательным взглядом жениха Ира попыталась подобрать слово приличней. — Серьезных ухажеров папа свой телефон не давал. Даже последнему.

— Я в курсе, Ир, можешь не мяться, — Решад перевел взгляд на дорогу. — Но, уже говорил Александру Рэймовичу, и тебе повторю — я благодарен тому щеглу.

— Знаешь, недавно снилось, что ты спускаешься по этим ступеням с другой, и такой счастливый, — Ира кивнула на белое здание, что показалось вдалеке. — Это было страшно.

— А мне сегодня отец снился... Впервые за всю жизнь. Хороший был сон, — Решаду вдруг захотелось поделиться этим с любимой. Она поймет. Уже загнал машину на стоянку, заглушил мотор. — Ну, что, счастье мое, паспорта, квитанцию, мозги — все взяли?

— Вроде, — кивнула в ответ невеста. Дождалась, пока мужчина обойдет автомобиль, откроет ей дверь, крепко ухватилась за протянутую ладонь. — Правда, на счет мозгов не уверена.

(25 августа, суббота, +20)

— Жень, давай заедем в салон на Чистопольской, а? Вдруг у них появилось что приличное, — попросилась Ирина перед приемом у отца. — Тянет меня.

Вчера весь день девушки мотались с мамой Иры и Наилей по свадебным салонам, успевая втиснуться в «окна» между примерками других невест, но ничего не радовало глаз. Сезон свадеб, нормальные пары озаботились поиском нарядов в свой главный день заранее. Решад сразу закрыл вопрос с костюмом, сказав, что у него один на все торжества — парадка, только перчатки и погоны обновить. Ира возражать не стала, зная, что дед и Бахтияр тоже наденут форму.

— Едем, капризуля, чую носом, не зря ты туда рвешься. Без записи согласятся на примерку, надеюсь. Жаль, сегодня Эля сошла с дистанции, она уже вчера к вечеру со всеми соглашалась, — подавив смешок, Женя аккуратно припарковалась недалеко от дверей заветного салона.

Девушки выгрузились из машины, и, придерживав двери перед Наилей, веселой стайкой впорхнули в магазин.

— Ирина Александровна, мы рады видеть Вас вновь в нашем салоне! — навстречу уже спешила Лида, вспомнив девушку, и ее эпопею с платьями. — На какую дату назначено торжество?

— Двадцать второе сентября, Лидочка! — с удовольствием сообщила Ирина. — Мы без записи, к сожалению.

— Никаких проблем, у нас как раз «окно» до четырех. Но, что-то мне подсказывает, что Вам не нужно будет столько времени для выбора. Располагайтесь, я сейчас, — и девушка рванула в кабинет начальницы, на ходу распоряжаясь. — Лена, приготовь чай, кофе, Алсу, минералку и пирожные!

— Валерия Владимировна! Валерия Владимировна! Пожалуйста, выйдите в зал!

— Что происходит? Жаба или крокодилица на сей раз? — дама посмотрела на свою, не к месту взволнованную сотрудницу поверх очков, вздохнула. — Лидусь, мне некогда, можно решить проблему без меня?

— Пожалуйста, Валерия Владимировна! — Лида умоляюще сложила руки ладошками вместе.

— Хорошо, иду.

Девушка развернулась на каблуках, от избытка чувств шлепнула дверью, убежала в зал.

Женщина вздохнула еще раз. Издержки молодости, что делать, любая мелочь воспринимается Лидой, как трагедия века, но раз просит...

Привычно пристроила на груди бейджик, сбросила под столом тапочки, сунула ноги в лодочки на высоком каблуке. Встала, направилась в магазин, нацепив по дороге на лицо дежурную улыбку.

И расплылась в искренней, теплой, увидев знакомую фигурку и рыжие кудри посетительницы:

— Ирочка, золотко, я знала, Лидочка не даст соврать, я говорила, что ты вернешься!

— Валерия Владимировна, да Вы умеете предсказывать будущее? — рассмеялась в ответ красавица, с удовольствием расцеловывая даму в предложенных объятиях. — Здравствуйте! Разрешите представить, моя подруга, Женя, ей тоже скоро понадобится Ваша помощь. И, моя будущая свекровь, Наиля Ильдусовна!

— Очень приятно, действительно приятно, девочки! — глядя на пожилую статную женщину, Валерия удовлетворенно кивнула. Распорядилась стоящей за спиной сотруднице. — Лидусь, рысью обратно в кабинет, и в примерочную.

— Лечу!

— Ну-с, дамы, мы с Ирой пока вас оставим, посмотрите каталоги, хорошо? Наиля Ильдусовна, для Вас есть великолепные вечерние наряды, если Вы еще не выбрали в других магазинах.

Пропустив девушку вперед Валерия увидела, как кивнула Лидочка, сделав сюрприз в примерочной.

— Валерия Владимировна, это же оно! То самое! — Ира чуть не заплакала от счастья, увидев на кронштейне свою кружевную мечту. — Но, как? Я позже заехала, мне сказали, что продано...

— Когда вы уехали, я убрала его в кабинет. Моя вина, не описала тебя, как единственную покупательницу, уехала, и девочки обмишулились немного. А когда вернулась, позвонила тебе, а номер недоступен, — из сотен невест, деливших своими

историями любви, почему-то Валерия переживала именно за эту девочку. — Надеваем? Прощу, перчатки.

— Да! Другие платья и смотреть не стану.

— Девочка моя, ты сияешь, — отметила дама, пока застегивала жемчужинки по изящной спине. Недавно уже решила выставить платье в зал, но каждый день откладывала на завтра, «забывая» о своем решении.

— Той свадьбы не случилось, Валерия Владимировна. Ее и не должно было случиться. Не мой мужчина, это я потом быстро поняла.

— А сейчас? Твой?

— Мой. С гадским характером, сложный, упрямый, любит пробивать головой стены, не замечая открытой рядом двери. И все это — мое счастье. Лучший мужчина.

— Я рада за тебя, Ирочка. Ну-с, смотрим на реакцию будущей свекрови?

Ира вышла на подиум, выпрямилась, высоко подняв голову. Валерия Владимировна накинула сзади на кудри девушки длинную тончайшую фату, расправила складочки, спустилась вниз, оценить свою работу.

— Кызым... Больше не меряй ничего, пожалуйста! Для тебя шили! — Наиля украдкой вытерла слезу, любуясь невестой сына. — Валерия Владимировна, где оплачивать?

— Подождите, сейчас ваша очередь, Наиля-апа! — захлопала в ладоши Женька. — Ирка, я, конечно, видела вас с этим платьем вместе, но только на фотке, вживую не сравнится. Чавой-то я за Решада переживать начала! Ты ему и так крышу снесла напрочь, увидит тебя на свадьбе, до фундамента кирпичики растеряет, будет челюсть по асфальту ловить.

— Жень... — Ира скосила глаза на свою будущую свекровь, показала, чтоб подруга прикусила язык.

— Ой, кызым, чего меня стесняешься, если Женя правду говорит? — засмеялась женщина. — А то я не знаю, какими глазами сын на тебя смотрит!

[1] Еще одна хорошая новость, племянница! (фин.)

— Ты что такая загадочная? — спросил Решад невесту, когда вечером уселись в такси.

— Я купила платье! Самое-самое красивое! — выпалила Ира, забыв, что оплачивали покупки с Наилей его картой.

— Я в курсе, — рассмеялся жених. — Как у вас, женщин, все просто — новое платье, и вы счастливы.

— Ой, точно! — Ира до сих пор умилялась, как будущая свекровь важничала на кассе, объясняя, что карта сына, и им можно с ней делать все, что угодно. По правилам, конечно, сейчас нельзя оплачивать чужой картой, но на этот случай в салоне закрыли глаза. — В эту сумму вошли еще три, кроме свадебного, и маме твоей два купили, на сегодня и на свадьбу, и вот это, — она чуть расправила невесомую ткань юбки цвета кофе с молоком.

— От потраченного на вас я не рву волосы на голове. Красивая упаковка. Но мне интересней содержание, — шепнул на ушко, поцеловал в шею ниже. — Я сегодня и прикасаться к твоему лицу боюсь, вдруг размажу что в твоём макияже. Мне нравится. Правда, в домашнем варианте ты мне вкусней.

— Ты сегодня тоже выглядишь иначе. Редко когда мужчинам идет смокинг. Я не знала, что в твоём гардеробе можно и такое встретить, — с восторгом и обожанием Ира

любовалась своим избранником. И прибавила тихонько. — Но, когда мы, в одном нижнем белье, танцевали на кухне ночью под Билла Медли, ты был мне тоже вкусней! Now I've had the time of my life...,[1] — напела она в ухо любимому, и слегка покраснела, вспомнив, что было после.

— На свадьбу Яшки еще пошил в ателье, в Питере, мне сложно что-то купить готовое. Может, из этого фильма что-нибудь из песен и подберем? Мне нравится «Hungry eyes». Наш вариант.

— Я хотела тебе предложить именно ее, долго выбирала. Только перед гостями раздеваться с нашей скоростью не будем. Тетки мои в обморок кучкой сложатся.

Заржали оба, представив, и так, что от неожиданности вздрогнул старый водитель такси, улыбнулся красивой паре в зеркало. Вспомнил, что давненько не целовал свою жену просто так, не дарил цветов. И твердо решил после работы заскочить в цветочный ларек.

У ресторана было шумно, подъезжали машины с гостями, тут же, выходя из автомобилей, все расцеловывались, делились последними новостями. И, конечно, все ждали главное блюдо — новоиспеченного жениха любимицы семьи. Внимательные родственники тут же поставили парню «плюсик», когда он первым вышел из машины, открыл дверь перед спутницей, непринужденно подав руку.

Среди тетушек пронесся вздох восхищения его фигурой в черном идеальном костюме, а, когда Решад одарил их своей улыбкой, дамы растаяли совершенно. Ира только посмеивалась про себя, как легко ее избранник завоевал сердца женской половины ее родни, осторожно поцеловав каждую протянутую руку. Что-то, а очаровывать получалось у него лучше всего и искренне. Даже желчную, одинокую тетку Лену, кою недолюбливали в семье за долгие рассказы о своих горячо любимых надуманных болячках, расположил к себе совершенно, сопроводив ее курить на задний двор.

Немного было жаль, что Наиля не поехала с ними на праздник, осталась в гостинице отдыхать, сказав, что устала после двухдневного забега по магазинам. Может, еще стеснялась такого количества внезапно обретенной родни.

— О, Бахтияр приехал. Решад! С ним моя ЮльСергеевна! Я же тебе рассказывала, как Баха орхидею ей приволок, и чуть по лицу не получил этой роскошью! — изумлению Иры не было края. Пара выглядела сногсшибательно, особенно Юлия, в вечернем строгом сером платье, но в бриллиантах и сапфирах россыпью по белому золоту украшений, на высоких каблуках. Ира едва подавила смешок, прикинув, почему они оба слегка похудели, та же ситуация, что и у них с Решадам — как ни ешь вкусно и много, все калории напрочь сгорают в жаркой топке постели. И вдруг, посчитав возраст старого горца, с удивлением наткнулась на цифру в пятьдесят один. Так любимый дядька еще не старый, а по меркам его народа — совсем еще молод.

— Пойдем, поздороваемся? — предложил жених, но пара целенаправленно уже спешила к ним, оказалось, что по рассадке гостей, они за столом соседи. Пока обнимались мужчины, дамы уселись рядом.

— Ирочка, дорогая, как хорошо, что мы вместе. Я же никого не знаю, голова идет кругом от имен и лиц, — Юлия немного расслабилась, пригубив шампанское. — Бахтияр попросил его сопровождать сегодня к другу на юбилей, но, я и не думала, что будет так много народу.

— Не беспокойтесь, ЮльСергеевна, здесь все свои. У моего папы день рождения. Моя

родня в почти полном составе, плюс — близкие друзья. Через пару часов никакого официоза не будет, уверяю.

— У тебя симпатичный кавалер, Ирочка.

— У вас тоже, — хихикнула девушка. — Я так рада за вас с Бахой!

— Сложно пока все. Даша против, — немного помолчав, дама попросила, подбирая слова. — Мы потом с ней приедем к тебе, Ирочка, может, ты расскажешь о нем.

— Я постараюсь, ЮльСергевна. Все-все, папа взял микрофон, сейчас начнется веселье. Папу всегда тянуло выступать.

Александр поднялся с места с бокалом шампанского, обвел взглядом собравшихся в зале, вышел на небольшую сцену.

— Сегодня мне сорок пять, ребята!

И дружные аплодисменты ненадолго прервали тост.

— Я рад видеть самых близких и родных людей в этот день рядом. Вы были со мной в разных ситуациях, поддерживали и помогали, словом и делом. Недавно я решился на еще один, очень важный для меня проект, надеюсь, что и в этом вы поддержите меня. Женя, подойди, пожалуйста.

Многие с удивлением проводили взглядом подругу Иры, а Александр помог ей подняться на возвышение, поцеловал ее руку, достал откуда-то сбоку заранее припасенный букет.

— Жень, я тебя люблю и хочу, что бы ты стала моей женой. Ты мне нужна. Что ответишь?

— Да, Сашенька, — и, хотя предложение было ожидаемо, на глазах счастливой девушки выступили слезы. — Я согласна.

В честь такого события гости встали, салютуя бокалами. С соседнего столика раздался тяжкий вздох Виктора:

— Я опять продул!

И подставил жене многострадальный лоб под щелбаны, вызвав громкий смех собравшихся.

Решад удивленно вертел головой, увидев, что пострадал от этой новости не один отчим его невесты:

— Ирка, что это?

— Семейная традиция — спорить на события в семье. На ставку «окольцовывание» папы каждый год лбы краснеют. Кстати! Мы с Бахой еще ни разу не продули! А проигрыши дяди Вити — тоже семейная традиция.

— Смотри, сынок, я на тебя десять щелбанчиков поставил, — громогласно захохотал басом Бахтияр, привлекая внимание юбиляра к своему столику.

— Кстати, ты чего там такой веселый, а, Баха? Твоя очередь удивлять и лоб подставить!

— Бахтияр, родной, ты папке проиграл? Серьезно? На что спорили?

— А вот на это! — Бахтияр увлек за собой Юлию, взял предложенный микрофон из рук юбиляра.

— Друзья мои! Нет, семья моя... С гордостью и обожанием представляю вам мою любовь, мою будущую жену, Юлию! — под искренние восторженные поздравления и аплодисменты, Баха продолжил. — И я впервые продул спор!

Хохот от этой новости был слышен на кухне ресторана и на улице.

— Кто заявил, что никогда не женится? Кто мне доказывал, что ни одна женщина не

растопит твоё сердце? — спрашивал Саша, отвешивая увесистые щелбаны в склоненную лысую голову. — Юленька, добро пожаловать в семью!

— Мальчишки! — шепнула Юля своей ученице.

— Всю жизнь! — подтвердила Женя.

[1] «The Time of My Life». 1987. Музыка — Джон Деникола и Дональд Марковиц, текст — Фрэнк Превитт. Исполнители — Билл Медли, Дженнифер Уорнс. К/ф. «Грязные танцы».

— Как тебе мое семейство? — засыпая, вдруг Ира вспомнила, о чем хотела спросить любимого.

— Большое. Я не привык к такому количеству здоровых людей в одном помещении. Устал, если честно, Ир, — и, неожиданно пожаловался. — Елена вымотала особенно. Сегодня уже звонила, консультировалась по поводу: «Голова болит и жопа мерзнет». Надеюсь, она тебе не ближайшая родственница?

— Двоюродная сестра отчима. Знаешь, когда у папы были проблемы в начале нулевых, тетя Лена продала свою квартиру на Булаке[1] и отдала ему деньги. И все сбережения. Многие тогда папе помогли в семье, но никто вот так, до нитки последней. Она верила в него, — Ира встала на защиту своей экстравагантной родни. — Мы случайно узнали про продажу квартиры через год, не сказала же, откуда столько денег. Отец, как опять дела выправил, первым делом ей купил квартиру и обеспечил полный пансион.

— Понял. За такое можно и потерпеть ее жалобы. Обещаю, буду терпелив и нежен. Я привыкну.

— Не переборщи, на голову сядет.

— Ир, родня, чаще всего оказывается хуже врагов, таких, как твоя, по пальцам пересчитать. Из наших — только у Марса и Лешки подобные семьи. Но, чтоб бывшая жена с нынешним супругом сидели за одним столом с предыдущим мужем, и искренне обнимались с будущей... — не переставал удивляться он. Всю обратную дорогу голову ломал, как такое возможно, вспоминая отношения между родителями избранницы. — Высший пилотаж, только в кино видел.

— А что им делить? Мама счастлива с дядей Витей, в следующем году серебряную свадьбу отметят. Решад, у меня уже аллергия на слово «свадьба», — неожиданно засмеялась девушка. — Вздрагиваю уже.

— Э-э-э, я свою отменять не собираюсь! Хоть в крапинку, хоть в пятнышки, но пойдешь за меня. Напичкаю антигистаминными, и на плече поволоку расписываться.

— Вот и думаю, может, сейчас сбежать, пока не поздно? — задумчиво протянула девушка и засмеялась от щекотки. — Решад, ну ты что делаешь?

— Пристаю... Завтра у Лехи наручники попрошу до двадцать второго числа в аренду.

(2 сентября, воскресенье, +20)

— Не вертись. Кать, не вертись, кому сказала! — Ната возмущенно замахала руками на стоящую перед ней в свадебном платье подругу, быстро распуская по бокам атласную ткань персикового цвета. — Не надо тортики уминать, посмотри, на три сантиметра талия расплзлась за неделю! Хорошо еще, по швам ткани достаточно, и верхний чехол не такой приталенный. Продержись пять дней, а, не жри на ночь.

В ателье Натки каждый день кипела работа, вчера только отвлеклись девушки, проводив детей в школу на торжественную линейку первого звонка.

— А я что могу сделать, если Ирка их печет, будто сдурела. Вкусные!

— Нервничаю, вот и отвлекаюсь, как могу, — буркнула Ира, расчерчивая план посадки гостей. — Голова кругом, и это основную часть работы сдали в руки организаторам. Хорошо Решаду с Назаром, на работу сваливают с утра, и проблем нет.

— Назар съездил, парадку новую взамен сгоревшей там, ... у родителей... купил, и все, ржет — «я готов!», — посетовала невеста. — Нат, отпусти на минут десять, а? Что-то мне хреновенько. Еще поурочные планы на две недели вперед писать сегодня. Как же не хочется завтра на работу!

— Вылезай из платья. На манекене закончу, — милостиво разрешила мастерица. Воткнула оставшиеся иголки в удобную игольницу на запястье, поднялась с колен. — Я завтра тоже на работу, но, вечером постараюсь закончить.

— Вроде, все, — подала голос Ирка из своего угла. — Под вопросом только Костя, как из чата нашего вышел, так ни слуху, ни духу.

— Ты его тоже собираешься звать? — удивлению Наты не было конца. — Сразу драку на свадьбу заказываешь?

— Это друг Решада, девочки, как бы то ни было. С Ландышкой посажу, так ему будет не до выяснения отношений.

— Если придет.

— Тут я пас, на аркане тащить не буду.

— Девочки, а где у нас водичка? — вдруг Катя осела на стул, покрылась испариной, побледнела. — Что-то я совсем расклеилась.

— Может, критические? — Ира быстро налила в стакан минералки, подала. — Мой на днях заявил, что следующий ПМС будет пережить в лесничестве. А я, вроде, ничего такого не творила.

— Лешка тоже собирается копать землянку, — рассмеялась Ната.

Катя принялась считать, шепча под нос и загибая пальцы. Потом побледнела еще больше, хотя куда еще:

— Неделю как начаться должны.

— Кать, ты же таблетки пьешь, да? — с тревогой в голосе Ирка села на корточки перед подругой, заглянула в глаза. — Каждый день?

— Девочки...

— Так, не будем раньше времени гнать волну, Ир, можешь до аптеки слетать? Тест купить надо, — Ната подошла тоже, села рядом, взяла за руку Катерину. — Все нормально, даже если и залетела, ничего страшного, через пять дней замуж. Кать, все будет хорошо!

— Я мигом, девочки! — подорвалась Ирка, схватила сумку, бегом припустила вниз, к выходу, благо, аптека была с торца больницы отдельным входом, недалеко.

— Решад Маратович, тебя поздравить можно? — пожилая провизорша уже закрывала дверь аптеки, когда увидела выходящего из приемного покоя главврача. Кряхтя, поправила ограждение у пышных кустов георгинов, что склонились под тяжестью цветов у крыльца, выдернула походя пару сорняков, видимых только ей одной.

— С чем, Светлана Ивановна? — удивленно спросил он, закуривая.

— Рыжик твой сегодня тесты купила, штуки четыре разных, ты разве не в курсе?

— Зачем? — от такой новости вдруг задрожали руки, сигарета заплясала в пальцах. Ну, нет, недавно же у нее месячные прошли, вдруг вспомнил, буквально на днях. Быть не может. Вдохнул, выдохнул.

— За спросом, видимо, — рассмеялась пожилая женщина. — Влетела, будто кто гонится за ней, быстро оплатила и умчалась, даже болтать, как обычно, про огород не стала.

— Домой приду, узнаю. До завтра, Светлана Ивановна, — озадаченный такой новостью,

поспешил свернуть на дорожку к дому.

— Давай, до завтра, папаша!

Опять все двери нараспашку, но Иры нет нигде. Раза два обошел участок, позвал свою ненаглядную, только Шлиман вылез из кустов с жирнющей мышью в зубах. Позвонил, но не ответила на звонки.

— Что, твоей тоже не наблюдается дома? — от забора Назар окликнул, встревоженный, увидев, как друг наматывает круги по грядкам. — И трубку не берет. Мы с Васятой и поужинали, и посуду вымыли.

— Вон, Лешка бежит, сейчас узнаем.

— Парни, привет, — подошел третий недоумевающий. — У кого из вас моя, пусть домой уже идет.

— Нет у нас Натки. И наших тоже дома нет, — протянув руку через забор, пояснил Назар. — Ничего не понимаю.

Все трое принялись звонить ненаглядным, но в ответ понеслись долгие гудки.

— Слушайте, моя сегодня тесты купила. Но, вроде, не должно быть ничего по срокам.

— Точно? — прищурился Лешка.

— Уверен. Может, вашим кому покупала? — вдруг прозрел Решад.

Теперь занервничали друзья. Назар закурил, сопоставляя события последних дней.

— Да не-е-ет, — протянул Лешка, облегченно вздыхая. — Мне Тани хватает. Сто вопросов в минуту, и это пока она без Сабинки. В клуб айда, сто процентов, там сборище.

— Сейчас Васе скажусь, подождите меня, — попросил Назар, все больше нервничая. — Нам с тобой надо калитку сделать, что ли.

— Тоже думал. Сделаем.

— Нашлись, пропажи, отсюда слышать, — ускорил шаг Лешка, услышав чутким ухом в клубе взрывы смеха со второго этажа. В окне показалась Натка, пытаясь подкурить. Лешка погрозил пальцем, и та, пискнув, исчезла. Веселье наверху стихло, девчонки мышками заматались, убирая следы неожиданного фуршета.

— Девки нашли бутылку, по ходу пьесы, что-то празднуют, — резюмировал Решад. — И кто-то из нас троих — виновник торжества.

Раскрасневшиеся мадамки, пытаясь за серьезными минами скрыть истерические смешки, рвущиеся наружу, чинно стояли у стола, вроде как обсуждая план рассадки гостей, нарисованный Ирой. Только держали листы вверх ногами.

— Да не притворяйтесь уже, — усмехнулись мужчины. — Повод?

— Кать, — тихо позвал Назар свою невесту, усиленно прячущуюся за спины подруг. — Для тебя Ирка тесты купила?

— Ого, скорость новостная!

— А вы думали. Завтра тебя поздравлять будут всей деревней, меня уже начали, — заржал Решад, целуя свою суженую.

— Назар, я всего пару раз забыла про таблетки... — Катя неожиданно разревелась, размазывая слезы по лицу. — Тесты все положительные...

— И чего ревешь? — робко улыбнувшись, Назар подошел к невесте, обнял, укачивая, как маленькую в объятьях. — Кать, ну чего ты? Новость же хорошая, отличная просто.

Не стесняясь друзей, Назар сцеловывал с лица любимой слезки, что-то шептал тихонько, чтоб она успокоилась.

— Доставайте свое винище, алкашки! — Лешка выудил из-под горы ткани спрятанные стаканчики, безошибочно определив место заначки. — Повод ахрененный! Папаша, выпьешь?

— Мы чуть-чуть пригубили, Катюха вообще — пару капель, потом сок пила, — оправдываясь, Натка метнулась к шкафчику, достала едва початую бутылку вина, показала мужчинам. — Вот, мы не врем!

— Да вам пробку понюхать — неделю отплясывать, — вспомнил Решад предыдущие девчачьи загулы. — Назар, Катюшка, поздравляем! Мы догоним, да, Ир?

— Ну, не знаю, я планировала отдать тебе таблетки где-нибудь к декабрю, — уютно устроившись рядом с любимым, ответила девушка. — Пока на соседском младенце потренируюсь, — вдруг вспомнила, о чем болтали перед появлением грозных своих половин. — Решад, калитку надо сделать, широкую, чтоб коляска не застревала!

— Да сделаем, не вопрос.

Поздно ночью вдруг на экране телефона высветилось сообщение в ватсапе от Кости: «Ярканат, выйди, поговорить надо». Осторожно, чтобы не разбудить Иру, Решад встал с кровати, натянул джинсы, взял со столика террасы сигареты, вышел на улицу. Припаркованный поперек дороги у его дома мерс ослепил фарами, мигнул два раза.

— Ты уже у нее ночуешь? И как, надолго?

— Привет, Кость. Навсегда. Заявление подали. Ты зачем приехал?

— Не знаю. Увидеть ситуацию целиком.

— Увидел?

— Увидел. И все? Конец дружбе?

— Нет, ты мой брат, Кашей. Но Иру я люблю, прости.

— Любишь? Ты? — друг внимательно посмотрел в глаза счастливому сопернику. Тот не стал отводить взгляд.

— Да.

— Черт, верю...

— Костя, привет, ты чего так поздно? — перенимая привычки любимого человека, Ирина неслышно подошла к мужчинам, встала так, чтобы рука Решада уютно расположилась у нее на талии. И, как верная подруга, при опасности, неосознанно головой прикрыла шею своего любимого.

— Привет, Ириша. Приехал извиниться за последний разговор. Примешь извинения?

— А приму!

— И не сердишься?

— Я тебя понимаю, Кость. Кстати, хотела позвонить на днях. У меня есть подруга, Ландыш, я тут подумала тебя с ней познакомить. Твои запросы совпадают с ее запросами идеально, — и подмигнула заговорщицки. — И ее семьи. Тебе понравится.

— Ну, ты даешь! — у Кости не нашлось слов.

— Нет, а почему бы и? Решад, мы на днях поедем в Казань кольца покупать? Посидим в ресторанчике на четверых, на нашей свадьбе двадцать второго еще встретитесь, и не удивлюсь, если на вашей погуляем.

— Буду рад. Спасибо тебе, Ирка, не дала разрушить дружбу. Созвонимся, ребята.

— Кашей, мы всегда тебе рады! Приглашение уже отправили.

Мужчины обнялись, Костя поцеловал на прощание Иру в щеку и укатил, довольный.

— Ты в курсе, что я тебя люблю, ненормальная?

— В курсе. Я — тоже. Решад, уй, как я замерзла. Пойдем в постель, будешь греть мои пятки!

— Аллергия, говоришь, на свадьбы? А сама, по ходу пьесы, только что еще одну состряпала, — заржал мужчина, закрывая калитку.

— Я нечаянно! Мы с Женькой давно об этом варианте думали.

[1] Булак — канал в Вахитовском районе Казани, бывшая протока от озера Нижний Кабан к Казанке.

(3 сентября, понедельник, + 19)

В предрассветном тумане, зевая еще, Решад вышел на террасу, взялся за гантели. Сделав пару упражнений, вдруг заметил дымок у соседней веранды. Назар тоже уже не спал. Махнул рукой другу, тот внезапно пошел к забору. Решад отложил физкультуру, подошел со своей стороны.

— Ты чего в такую рань, хохол, тебе на работу к двум.

— Не спится. Все думаю, как я управлюсь. Васятка уже есть, усыновить хочу, а тут еще одно дите на подлете организовалось, — друг вывалил тяжкие думы, мешающие спокойному сну. — Галка как аборт сделала, так и не было у нас случая, и, после аборта стали отдаляться. Кате даже думать не дам, мне тридцать пять, пора.

— Так чего маешься?

— Боюсь. А вдруг не справлюсь. Сам — инвалид, за детьми глаз да глаз нужен, а у меня один. И, вдруг упаду с ребенком на руках... Накручиваю, да?

— Это ты можешь. Назар, не гони лошадей. Родится ребенок, и будешь от этого танцевать. Все решаемо, — наверное, после истории с Верой, у Решада при мысли о детях не поднимались волосы на затылке, и, немного обидно было вчера, что друг успел раньше. — Я тебе совета не дам, у Марса надо спрашивать, каково это — быть отцом. И у Арта. У тестя спроси, четверых поднял, сам на костылях.

— Одно дело — совета спрашивать, другое — на своей шкуре испытать.

— Сказали родне?

— Мы пока решили не говорить, на свадьбе объявим.

— Яшка прилетает в четверг с Майечкой, кстати, у них тоже спроси. Пятый на подходе, как-никак.

— До твоей даты тут будет, или удерет?

— Уедут в Самару, родню повидать, потом вернутся, он же все озвучивал, — удивился Решад забывчивости друга.

— Вылетело из башки, после вчерашнего. Понимаешь, стою вчера, Катюню успокаиваю, а сам пересрался так, как в Нальчике, в пятом, страшно не было.

— Все решаемо, брат, — повторил Решад. — Держим круг.

— Пока ветер без камней, — Назар помолчал еще, и, наконец, высказал главную боль. — Жаль, отец с мамой не увидят внука...

— Или внучку.

— Тоже ничего.

(9 сентября, воскресенье, +18)

— Все, я устала! — только под утро добрались до дома с веселой свадьбы, и Ира скинула, наконец, туфли на шпильках, ленту свидетельницы, через голову стянула платье, не тратя времени на расстегивание молнии сзади. — Может, на днях возьмешь выходной, к Бабаю съездим?

— В среду могу, родная, — Решад тоже не стал заморачиваться приличиями, снял рубашку, расстегнул брюки. Китель парадки и ленту свидетеля он уже принес домой в руках. — Ирка, в душ и спать, сегодня никаких больше излишеств.

— Полностью поддерживаю предыдущего оратора, — зевая, девушка пошлепала в ванную комнату, на ходу расстегивая бюстгальтер.

Решад догнал свою ненаглядную, быстро избавился от остатков одежды, с удовольствием снял кружева трусиков с невесты.

— М-дя, без излишеств не обойдемся, — хихикнула девушка, утягивая мужчину под струи воды. — Тебе сладкого на столах было мало?

— У меня есть свой десерт... Успеем, пока Яшка с Майей не пришли.

(14 сентября, пятница, +20)

Верочка еле отпросилась у напарницы сбегать вниз, за булочкой и бутылкой минералки. Утром не успела позавтракать, проспала. Новая жизнь в Казани встретила абортom, удачным местом работы в красивом торговом центре, денег от продажи платья хватило еще оплатить полгода в комнате в двушке, напополам с такой же искательницей счастья в большом городе. Хорошо еще, повезло с хозяйкой, которая лето жила на даче, приезжая только оплатить коммунальные платежи.

Быстро пообедав в кафетерии, Вера пулей понеслась к медлительному стеклянному лифту. В кабине нажала на кнопку второго этажа, от нечего делать принялась разглядывать людей, едущих на эскалаторе. Два симпатичных парня, в модных штанах с подворотами. Взъерошенная потная тетка сумками перегородила проход, над такими Верочка любила посмеяться, если случайно забредали в дорогой ювелирный, снисходительно объясняла, из каких камней составлены серьги или кольцо, и чем отличается белое золото от привычного им, советского, желтого. Рядом с теткой мужик, наверняка мечтает о бутылке холодного пива и прибить свою «половину». Верочка не удержалась, прыснула в ладошку. С Мишкой ее ждала такая же участь. Она ни разу не пожалела о том, что уехала из поселка сразу, не дожидаясь скандала от отца. Позвонила матери уже из Казани. Один вопрос оставался открытым — откуда рыжая узнала? То, что это она разболтала Решаду маленький секрет, Вера не сомневалась.

Как же ему идут приталенные рубашки, как тому мужчине, в черных джинсах, что уверенно поднимался сейчас на эскалаторе. Такой же высокий, мускулы натянули хлопок черной рубашки, рукава закатаны до локтей. Мужчина поднял голову, и тут Верунчик охнула, забыв, что лифт давно остановился на ее этаже.

Это же Решад...

На скамеечке его поджидала рыжеволосая гадючка с бесчисленными пакетами из бутиков дорогой мужской одежды. Конечно, кто еще. Поймала все-таки мужика. Сука. Ничего, сбежит скоро, даже от такой.

Лифт поехал дальше, Верунчик спохватилась, оторвала взгляд от счастливой пары, когда двери раскрылись на третьем этаже. Дернула клавишу обратно, благо, людей, желающих воспользоваться лифтом, не было.

Быстрым шагом дошла до своего магазина, пригладила волосы, и у витрины с обручальными кольцами опять увидела их. Скользнула в подсобку, незамеченная, изо всех сил вслушиваясь в разговор неожиданных покупателей.

— И как я буду потом отмывать все это, Решад? Я хочу простое, гладкое, без наворотов, с бриллиантами достаточно помолвочного. Сам выбрал гладкое, хитренький! — рыжая лениво примеряла кольца, пока не остановилась на парных из белого золота. — Как тебе?

— Размер подходит. Мне нравится. Берем?

— Берем. Сейчас по первому этажу пробежимся, и домой.

— Какую коробочку желаете из представленных? — напарница, Ленка, из кожи вон лезла перед покупателями.

Рыжая ткнула пальчиком в белую бархатную, и Лена тут же проворно запаковала покупку в фирменный пакет, пробила чек, костеря про себя заблудившуюся напарницу. Не с кем будет обсудить такую красивую пару!

Как только покупатели скрылись из вида, Вера вышла из подсобки.

— Ты здесь была, я тебя не заметила. Видела сейчас мужика? Я аж взмокла, какой шикарный мачо!

— Угу, это мой бывший, Ленусь.

— Да ладно! — напарница и рот открыла от удивления. — Это тот, который аборт заставил сделать? Вот сволочь! Правильно ты его бросила! А эта, к которой он ушел? Вот тварь!

Версия предыдущей жизни в исполнении Веры немного отличалась от реальной, но так было проще оправдать себя. Девушка важно кивнула. Теперь Ленка и ругать за долгую отлучку не станет, жалея товарку.

(22 сентября, суббота, +22)

Три дня он засыпал один в пустом доме, три бесконечных дня перед главным событием. Да и сном те обрывки дремы с трудом можно было называть. Первые сутки еще держался, в больницу пополз ручеек гипертонии, сломанных конечностей, натруженных поясниц, грыж и ослабленной за лето печени. Некогда было. Вторые сутки отдежурил спокойно, выехал только в Сабан на срочный вызов, пьяная компания в бане угорела, перед этим основательно попортив друг другу шкуры в алкогольной разборке. Хорошо еще, женщины этой компании, пусть весьма нетрезвые, догадались вызвать врача, иначе веселое застолье закончилось бы горем нескольких семей.

А последний день перед свадьбой весь извелся. Несколько раз почистил от шерсти Шлимана парадку, туфли, сбегал к Марселю, проверить, положил ли тот коробочку с кольцами в карман пиджака. Звонил Ире каждые полчаса, просто услышать ее голос, был счастлив, даже когда она в трубку просто молчала, наслаждаясь спа-процедурами с подругами.

Яшка и тот не выдержал щенячьего поскуливания друга, ушел ночевать к Назару, оставив страдальца одного. Майя с Натой и Катей тоже уехали в Казань еще в четверг, а вчера и Азаля со Светиком.

Больше всего он боялся в эти три дня, что сейчас раздастся звонок, и его невеста скажет: «А, знаешь, я тут передумала...»

Самое муторное — ждать. Решад маялся у здания ЗАГСа, окончательно задолбав друзей. И так выехали за три часа до регистрации, Яша согласился только с условием, что ждать станут в знаменитом «Трюме», где и расположилась мужская компания, с открытой веранды посматривая на жениха.

За ночь команда организаторов превратила слегка обшарпанный образчик сталинского ампира в цветущий сад, колонны были увиты белыми розами, ступени укрывал зеленый материал, площадь перед зданием и так была чистой, но сейчас просто сверкала, отмытая специальными средствами.

Две пары, что приехали на регистрацию раньше, были в приятном шоке, принимая изменения на свой счет. К двенадцати подъехал фургон, сноровистые официанты принялись расставлять столы для легкого фуршета, благо погода позволила, ни дождя, ни ветра, теплое солнце ранней осени щедро одаривало последним теплом.

Когда на жениха стало жалко смотреть, показались первые машины гостей. Наконец, из-за поворота показался белый лимузин, украшенный цветами, и тут Решада затрясло. Не сбежала, не отменила свадьбу.

Из машины выскочил Александр, пожал руку будущему зятю, его друзьям, вздохнул, похохатывая:

— Все, парни, разбирайте этот зоосад, сил моих нет больше, в Казань поедем, сяду в другую машину, хоть в багажнике поеду! За последние два часа столько узнал про бюстгальтеры, колготки и беременность, что экспертом могу выступать.

Из лимузина высыпали нарядные девушки, в воздухе запахло разнообразием духов, цветов, и, немножко — успокоительных капель. Парни быстро разобрали своих дамочек, отошли от автомобиля, освобождая место для главного — появления виновницы торжества.

На ковровую дорожку ступила изящная туфелька, усыпанная жемчужинами, потом вторая. Сбылось предсказание Женьки — Решад долго отлавливал по полу челюсть, ослепленный красотой своей избранницы, да что там, притихли и гости, и случайные прохожие останавливались, восторженно рассматривая невесту.

Только и смог выговорить ошалевший жених:

— Я постараюсь быть достойным тебя...

Когда погасли последние вспышки официальной фотосессии, Решад отвел в сторону невесту.

— Ир, у нас до регистрации есть еще... — он посмотрел на часы. — Час и девятнадцать минут.

— Ты предлагаешь свалить из цирка, не дожидаясь представления?

— Ага. Ненадолго, — мальчишечья хитрая улыбка осветила серьезное лицо. — Знаю одну уютную гостиницу неподалеку, поехали?

— Я даже не буду спрашивать, откуда такие познания, но через пару часов я стану приличной замужней дамой, надо же напоследок оторваться с первым донжуаном района. Потом один муж в постели всю оставшуюся жизнь — скуотища! — Ира коснулась фаты, прикрепленной к прическе мелкими жемчужинами. — Только занавеску эту на меня обратно сам будешь натягивать.

— Ты слишком много говоришь.

— Это нервное. Впервые замуж выхожу.

— Садись в машину, я поведу.

Проезжая мимо толпы друзей и родственников, Решад коротко бросил Леше:

— Мы скоро будем, не расходитесь.

— Добрый день, Решад, как обычно?

— Да, Нурия. Здравствуй, — в прохладном фойе маленькой гостиницы мужчина ориентировался прекрасно, сразу подойдя к стойке администратора.

— Ты женился? Вот это новость! Поздравляю!

— Да нет, мимо свадьбы ехал, невесту украл. Через часик верну на место, — в серых

глазах не было ни тени лукавства.

Пока женщина оформляла номер, бросала на Иру осуждающие взгляды. Наконец, не выдержала, и, поджав губки, процедила:

— Что ж Вы, девушка, так неосмотрительны?

— Ой, а вы бы отказались вот от этого всего, даже на час? — с серьезным видом провела Ира рукой по жениху, на секунду задержав пальчики чуть ниже ремня.

— Честно? — женщина подалась вперед, к уху девушки. — Будь я на тридцать кило помоложе, не отказалась бы.

— Ну, а о чем речь. Вот и я не устояла! — объявила Ира, потянув жениха за руку к лестнице, ведущей на второй этаж, к номерам, и уже там, на лестнице, оба рассмеялись, не в силах сдерживать веселье.

Нурия поняла, что ее разыграли, улыбнулась, погрозив вслед пальцем, как нашкодившим детям. Решад в ответ послал воздушный поцелуй, скрываясь в пролете лестницы.

В номере жених первым делом выключил телефоны, отложил их подальше, подхватил любимую на руки и унес во вторую комнату, на кровать. Мужчина бешено наверстывал упущенное за последние дни время, как первобытный человек утверждал свое безраздельное право на тело и душу выбранной навек женщины. С ней он войдет в пещеру, разведет огонь, для нее убьет мамонта и покорит соседние племена. У нее будут рождаться только его дети...

— Я не понял, куда они уехали? — удивленным взглядом Александр проводил машину молодых. — Эль, ты что-нибудь понимаешь?

— А что здесь понимать? Ближайшие два дня вряд ли они наедине останутся, а мальчик и так трое суток был один, у мальчика член по лбу колотит. Себя вспомни, мы с тобой в туалете перед самой росписью задержались. Наши к регистрации, надеюсь, успеют, — невозмутимая мать невесты протянула бывшему мужу пустой фужер. — Подай мне лучше шампанское, чем задавать глупые вопросы. Кстати, у вас с Женечкой когда торжество, ты так и не сказал на юбилее.

— Она хочет зимой, чтоб все в снегу было, — Александр жестом подозвал снующего между гостями расторопного официанта, обновил бокал. — Ты не сердись на нас?

— Пф-ф, Женька с детства в тебя влюблена, а ты лет десять последних матрешек под нее выбирал. Глядя на вас, только слепой не увидит, что вы с недавнего времени друг другу уснуть не даете. Одобряю, Саш, оптимальный для тебя вариант, ты помолодел даже, хоть я и ревную немного по старой памяти. Чуть-чуть. Все-таки, она всего на три года старше твоей дочери! Даню будешь усыновлять?

— Да, сразу после свадьбы.

— Это правильно, у ребенка должен быть отец, тут Женька поступила глупо, не сказав тебе сразу.

— Все кругом знали, один я был не в курсе! — обиженно пожал плечами Александр.

— А что тут знать? Даня еще младенцем был вылитый Гербель, породу видно сразу. Вы, мужчины, все время смотрите не туда.

— Никогда не пойму женщин, хоть убей. Тебе еще налить?

— Налей. А нас не надо понимать. Нас надо любить, баловать, слушать нашу болтовню хотя бы минут двадцать в день, и отпускать на шопинг.

— Элька, ты — мудрая женщина. Глупо было разводиться с тобой.

— Ты такое при Викторе не ляпни! Все случается вовремя, мой дорогой. Зато у нас получилась отличная дочь, и с этим мальчиком будут изумительные внуки. Он чем-то похож на тебя, Саш. Все забываю, как его зовут?

— Решад.

— Я привыкну. Запомнила же я в свое время твое отчество, и имена твоей родни, хотя первое время по бумажке читала, — усмехнулась женщина своим воспоминаниям. — Пойду, посижу со сватьей, что-то она приуныла.

— Можно присесть, Наиля? Мы с тобой и не поговорили толком в городе.

— Да, конечно. Как много у Ирочки родственников! Я уже запуталась, кто кому приходится.

— Ничего страшного, сватья, я в них тоже путаюсь иногда. Мы на «ты», я надеюсь? И то, через пару часов дети поженятся, а мы официозом страдаем.

— Конечно, на «ты», Эля. Если подскажешь, кто есть кто, благодарна буду.

— Вон тот мужчина — Александр, ее отец. Мы продержались два года в браке, когда нам и двадцати не было. Во-он тот, в очках, мой второй муж, Виктор. В сером платье — будущая жена Саши.

— Ой, а Женю я знаю, подружка Ирочки! Надо же, как необычно.

— Я раньше удивлялась, чего они тянут, Наиля. Да, девочка выросла на наших глазах, но лет десять бы уже вместе были с Сашей, если бы не страдали ерундой.

— Вон женщина ко мне подходила, что-то спросила, а я ничего не поняла из-за акцента, так неудобно.

— В машине сидят?

— Да, с тем пожилым военным женщина приехала.

— Рэймо с Наташей, дед с бабушкой Иры по отцу, но их можно не запоминать, через три дня они уедут к себе, в Финляндию. Те два обалдуя — Ире братья, наши с Виктором сыновья, мелкий носится с теми беленькими девочками — Ире брат по отцу. Это ближайшие родственники. На банкете будет родни в три раза больше, но в них я путаюсь сама. Привыкай, сватья, теперь ты — часть этого дурдома.

— А та пара, это кто?

— Вон тот огромный мужчина с бородой? Ближайший друг семьи, Ира ему как дочь. И, насколько я поняла — он и с вашей стороны тоже, друг жениха по службе. С ним под руку невозмутимая женщина — любимая преподавательница Ирочки, мы сами в шоке, но намечается еще одна свадьба.

— Мне сказал Решад, но я не думала, что его командир так выглядит. Внушительно.

На площадь заехала и припарковалась еще одна черная машина. Из нее вышел Костя, открыл дверь пассажирского места, и оттуда выпорхнула сияющая Ландыш, подхватила букет, поцеловала Кащя, побежала обниматься с Женькой, по пути здороваясь в толпе. Костя присоединился к ожидающим церемонию друзьям.

— Ой, наш Костя, друг Решада, мы и не думали, что он приедет! Девочка с ним, какая красивая!

— Это подруга Иры, они вместе в институте учились. Вы не в курсе? Они тоже женятся.

— Это еще четыре свадьбы после нашей?

— Почему — четыре?

— А вон пара, друзья Решада, теперь и Иры, в декабре расписаться хотят. Беленькая девочка, Танюшка, их ребенок.

— Наиля, меня трудно назвать хорошей матерью, дети выросли сами по себе, не успела я оглянуться. За Иру я теперь спокойна, ты рядом с моей девочкой, да и Решад мне очень нравится, как он ее оберегает.

— Если бы ты слышала, Элечка, какими эпитетами они наградили друг друга при знакомстве! — улыбнулась женщина, вспомнив. — Изопрямились оба в словесности.

— Моя может, не сомневаюсь. На всех языках, которые знает.

— Кстати, а как переводится «Сукси виттуун»?

Эля прошептала на ухо перевод, и обе женщины внезапно и громко расхохотались, вызвав удивление гостей.

— И после таких посылов они вместе? — мать невесты, отсмеявшись, достала из сумки зеркальце посмотреть, не размазался ли макияж от выступивших слез.

— Еще хуже было. Как кошка с собакой, цапались при каждой встрече. Кумушки местные все лето языки мозолили, обсуждая наших детей. Ира же с Костей встречалась. Решад едва на другой не женился, уехать хотел опять служить. А в начале августа где-то, утром, я Ире яйца свежие понесла, смотрю, наша Тень на ее террасе. Все двери нараспашку, по дому, будто ураган пронесся, все разбросано, а они спят вместе, друг в друга вжались, переплелись, даже во сне. И все, с того дня везде за руки, ни разу не поссорились, как отрезало. Через пару недель пришли ко мне и объявили, что едут заявление подавать.

— Весело. Но я и не ожидала другой истории, зная свою дочь. О, приехали, наконец! Ну что, сватья, идем детей женить.

(23 апреля, понедельник. +0)

Ира, как обычно, проснулась в одиннадцать, вздохнула, вспомнив, что сегодня предстоит поход по свадебным салонам с будущей свекровью. Неделя до свадьбы, а она так и не выбрала платье. То, что больше всего понравилось, с кружевом по плечам и декольте, длинное, прямое, с изящным шлейфом, не одобрила Светлана Юрьевна, брезгливо поджав губы. Еще и цветы искусственные предлагает в волосы, фату в четыре слоя. Местечково и пошло. Такое ощущение, что Юрьевна замуж выходит.

После душа девушка на автомате прошла по квартире, закрыла дверцы шкафа, нараспашку оставленных женихом, подняла с пола и кинула в корзину с грязным бельем пару комочков мужских носков, поменяла Шлиману лоток.

Между домашними делами поставила любимый плейлист в разбивку. Тревожная и гордая музыка Дэмиена Эскобара наполнила квартиру, пробуждая странные чувства, будто снилось сегодня, что она за рулем папиного старого Хаммера, хлещет дождь, и звучит именно «Awaken». Пробуждение...

На миг Ире показалось, что ее упорядоченная и предсказуемая жизнь вот-вот полетит в пропасть, а на смену ей уже надвигается новое, изменяя пространство и время. И сны стали сниться странные, реальные, с ощущением бесконечного счастья, а на утро ни следа, будто ветер развеивает разноцветный дым от дымовой шашки на модных фотосессиях.

«Я постараюсь быть достойным тебя»...

Никогда Виталик такого не говорил.

На последних нотах Ира помотала головой, зажмурившись, стряхивая наведенный музыкой морок. Но случайный выбор не оставил в покое душу, следом выкинул «Би-2»:

— Научи меня быть счастливым

В веренице долгих ночей,

Раствориться в твоей паутине,

И любить еще сильнее...

И что-то было во сне, как эффект дежавю, будто эти слова значат самое важное в ее жизни. Странно. Никогда особо не любила Шуру и Леву, как эта песня оказалась в плейлисте?

Ира пожала плечами. Виталик, наверное, включал музыку, когда собирался на работу, вот и приснилось. Не разговаривает с ней второй день из-за дома в деревне, может, правда, не нужен им этот дом? Да, пожалуй, лучше отказаться от покупки.

На дисплее мобильного высветился входящий вызов отца:

— Дочь, привет, не хочешь со своим стариком поужинать?

— Папуль, ну какой ты старик, не прибедняйся! Привет. Кстати, да, можно. Я сейчас с организатором свадьбы встречаюсь, а потом мы с Виталей подьем, сейчас ему позвоню. Где ты столик заказал?

— А без Виталика можешь? Хочу по-семейному посидеть, поболтать.

— Пап, Виталя, вообще-то, через неделю станет членом нашей семьи.

— Вот тогда зеленый свет. Ну, так что, «Утка в котелке»? В семь, не опаздывай.

— Ладушки, пап, целую!

Продолжение... следует?

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net